УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

На правах рукописи

Гордова Юлиана Юрьевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЯЗАНСКОЙ ТОПОНИМИИ И АНТРОПОНИМИИ)

Специальность 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ТОМ 1

Научный консультант –
доктор филологических наук, профессор
А. В. Суперанская

Москва
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..... 6

ЧАСТЬ I Актуальные способы обработки и представления ономастических данных……..… 34

ГЛАВА 1. Региональный корпус имён собственных: проблема структурирования, картографирования и создания электронной базы данных ……. 34

1.1. Источники материала региональных ономастических исследований…….. 34
1.2. Структурирование ономастического материала и создание регионального каталога имен собственных..... 42
1.2.1. Известные каталоги и картотеки имен собственных... 42
1.2.2. Основные критерии топонимического каталога……. 45
1.2.3. Опыт создания каталога топонимов отдельного региона... 47
1.2.3.1. Состав каталога……..... 47
1.2.3.2. Источники материала…….. 48
1.2.3.3. Принцип подачи материала……..... 49
1.2.3.4. Условные обозначения……..... 53
1.2.3.5. Научный потенциал каталога……. 54
1.3. Картографирование ономастического материала и создание топонимического атласа региона…….. 55
1.3.1. Ономастическая картография как направление лингвистической географии. Планы создания Топонимического атласа России……..... 55
1.3.2. Лингвистические принципы составления ономастической карты. Объекты картографирования и темы карт…… 58
1.3.3. Технические принципы составления ономастической карты……. 63
1.3.4. Опыт создания топонимического атласа региона..... 68
1.4. Единая информационная система «Топонимия России»… 70
1.4.1. Создание электронных баз данных по топонимике.… 71
1.4.2. Единая информационная система «Топонимия России»: содержание, структура, составные элементы..... 74
1.4.3. «Карточка» топонима…….. 75
1.4.4. Научная значимость и потенциал Единой информационной системы……. 87
Выводы Главы 1……. 90

ЧАСТЬ II Древнейшая ономастика региона: приемы и методы реконструкции…… 94
Понятие ономастической реконструкции……... 94

ГЛАВА 2. Данные древнерусских памятников письменности как основа ономастической реконструкции…….. 99
2.1. Список летописных топонимов и его предварительный анализ…….. 99
2.1.1. Названия городов, сел, деревень, рек и небольших природных объектов……..... 100
2.1.2. Названия области и ее жителей……. 106
2.1.3. Детерминативы……..... 111
2.1.4. Вариативность записи топонимов……. 114
2.1.5. Языковая принадлежность топонимов……. 116
2.1.6. Ситуация номинации и толкование имен в текстах древних документов…… 117
2.1.7. Тенденции древнерусской топонимии……. 118
2.1.8. История наиболее значимых топонимов региона: Рязань и Переяславль……. 125
2.1.9. Этапы развития ономастики региона в древнерусский период…….. 128
2.1.10. Структура летописных топонимов, принципы номинации…… 129
2.2. Список летописных антропонимов и его предварительный анализ…….. 143
2.2.1. Антропонимические формулы……... 144
2.2.1.1. Типы формул князей…… 144
2.2.1.2. Особенности употребления формул князей…….. 150
2.2.1.3. Антропонимические формулы женщин и представителей разных сословий…… 153
2.2.2. Личные имена…….. 155
2.2.3. Именования по отцу, деду и более далёкому предку... 164
2.2.4. Семейные и родовые именования…….. 166
Выводы Главы 2……. 167

ГЛАВА 3. Данные ономастики и лингвистики в реконструкции……. 171
3.1. Пополнение списка архаичных топонимов…….. 173
3.1.1. Топонимы, имеющие аналоги в районах раннего славянского расселения…… 173
3.1.2. Топонимы, соотносимые с одним из типов архаичных моделей……. 177
3.1.3. Топонимы, содержащие в составе отдельные архаичные элементы…….. 196
3.1.4. Топонимы, указанные в средневековых документах

как названия городищ, селищ и пустошей…..... 209
3.1.5. Топонимы, локализующиеся в зоне концентрации ранних названий…….. 214
3.2. Иная информация, важная для реконструкции…… 217
3.2.1. Корректировка этимологических версий…….. 217
3.2.2. Установление локализации утраченных топонимов... 225
3.3. Антропонимы, восстановленные из состава топонимов… 229
3.4. Лингвистические данные в реконструкции……. 234
Выводы Главы 3……. 240

ГЛАВА 4. Привлечение внелингвистических данных……... 243
4.1. Роль внелингвистических данных в изучении древнейшей ономастики региона……. 243
4.2. Географическая характеристика Среднего (рязанского) Поочья. История и этнография региона…… 251
4.2.1. Сведения по географии……... 251
4.2.2. Сведения по истории и этнографии…….. 254
4.3. Сопоставление ономастических и археологических данных… 265
4.3.1. Установление этапов формирования ономастического пространства региона и степени его освоенности в разные исторические периоды…….. 267
4.3.2. Выявление тенденций региональной ономастики…… 276
4.3.3. Корректировка времени возникновения топонима….. 280
4.3.4. Корректировка этимологических версий…….. 292
4.3.5. Новые материалы для антропонимики: антропонимы в надписях на исторических предметах…….. 296
Выводы Главы 4……. 302

ГЛАВА 5. Топонимические ареалы. Совмещение ареалов языковых и неязыковых явлений…… 305
5.1. Ареальный метод, метод совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений в ономастической реконструкции. 305
5.2. Типы и ареалы неславянской топонимии Среднего Поочья……... 312
5.3. Ареальная характеристика районов Среднего Поочья…….. 385
5.4. Взаимовлияние ареалов……. 388
5.5. Топонимическая стратиграфия (результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур)…….. 390
Выводы Главы 5……. 400

ГЛАВА 6. Реконструкция ономастического процесса и ономастических состояний древнейших периодов в Среднем (рязанском) Поочье……. 403

6.1. Ономастика самых ранних периодов…… 404
6.2. Финно-угорская топонимия I тысячелетия н.э……. 409
6.3. Балтийская топонимия I тысячелетия н.э…… 412
6.4. Славянская (русская) ономастика IX-XV вв……... 421
6.4.1. Этапы формирования славянского ономастического пространства…… 421
6.4.2. Древнерусский топонимический фонд региона…….. 432
6.4.3. Топонимические модели…… 433
6.4.4. Модели групповых наименований славянского населения…….. 445
6.4.5. Структурные элементы топонимов, апеллятивы, детерминативы……. 447
6.4.6. Основные ареалы древнерусской топонимии……... 452
6.4.7. Взаимодействие славянской топонимической системы с топонимическими системами других народов Поочья……... 454
6.4.8. Антропонимия…….. 460
6.5. Некоторые тенденции развития региональной ономастической системы…… 465
Выводы Главы 6……. 467

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……. 473

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ……. 484

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ…… 485

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА (с указанием источников топонимических и археологических карт)……. 507

Том 2. ПРИЛОЖЕНИЯ…… 509
Приложение А. Указатель топонимов (к Главе 5)…… 511
Приложение Б. Топонимические карты…… 517
Приложение В. Хронология основных археологических культур Среднего Поочья…… 562
Приложение Г. Таблицы (к Главе 6)…….. 563

ВВЕДЕНИЕ

Региональная ономастика является одним из направлений ономастики, которое изучает имена собственные отдельных территорий, то есть территориально организованные ономастические комплексы. «Региональные исследования подобны глубинному бурению. Они преследуют изучение всех онимов определенного класса, употреблявшихся на данной замкнутой территории со времени их первичной фиксации до наших дней… Для такой области ономастики, как топонимика, региональные исследования и обследования ономастических состояний представляются основой основ» [Суперанская и др., 2009, с. 217].

В настоящее время ономастические центры и лаборатории действуют во многих регионах России. Они сложились благодаря деятельности первых ученых, занимавшихся изучением ономастики своего региона и воспитавших впоследствии плеяду учеников и последователей. Крупнейшие ономастические центры созданы, в частности, в Карелии, на Урале, в Смоленске, Воронеже, Бурятии.

Основателем Екатеринбургской ономастической школы (на базе Уральского университета) является А.К. Матвеев. Ныне здесь плодотворно трудятся М.Э. Рут, Е.Л. Березович, Л.А. Феоктистова, А.А. Макарова и другие известные ученые.

Крупный ономастический центр находится в Карелии, в Институте языка, литературы и истории РАН. Уже с 1995 г. под руководством Г.М. Керта здесь велась работа по созданию региональной топонимической базы. Более 35 лет в Институте работает видный специалист по региональной ономастике И.И. Муллонен, автор многих монографий, словарей, картотеки, информационной системы по топонимии Карелии.

С 1967 г. собственная исследовательская школа действует в Бурятии (А.Г. Митрошкина, Л.М. Любимова, Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова, И.А. Дамбуев, Г.С. Доржиева и др.); в 1990-е гг. на базе Забайкальского ГПУ им. Н.Г. Чернышевского создана лаборатория «Лингвистическое краеведение Забайкалья», занимающаяся изучением ономастики края [Жамсаранова, Шулунова, 2003, с. 9].

Крупнейший ономастический центр в Смоленске появился благодаря научной деятельности И.А. Королёвой. Ежегодно в Смоленском госуниверситете к защите представляются диссертационные исследования по региональной топонимии и антропонимии, регулярно издаются словари и монографии.

Далеко за пределами своих регионов известны работы волгоградских ученых-ономастов В.И. Супруна, И.В. Крюковой, исследователя нижегородской микротопонимии Л.А. Климковой, специалиста по тамбовской ономастике А.С. Щербак и многих других региональных ученых.

Огромную роль в развитии региональной ономастики сыграли и продолжают играть ономастические сборники («Вопросы географии», изд. Географическим обществом СССР (ныне Русское географическое общество) с 1946 по 1988 г., возобн. с 2009 г.; «Ономастика Поволжья», изд. с 1969 г.; «Ономастика Бурятии», изд. с 1976 г. и др.), конференции, журнал «Вопросы ономастики».

Одним из первых мероприятий, объединяющих российских ономастов, стала научная конференция «Ономастика Поволжья», организованная по инициативе В.А. Никонова. Первое собрание поволжских ученых состоялось в Ульяновске в 1967 г. С тех пор проведено уже 16 научных встреч, конференция приобрела статус международной (председ. оргкомитета В.И. Супрун). В 2017 г. конференция «Ономастика Поволжья» отметила свой 50-летний юбилей.

С 1998 г. и по настоящее время на базе лаборатории «Региональная ономастика» при филологическом факультете Адыгейского госуниверситета и «Координационного центра по изучению региональной ономастики Северного Кавказа» (основатель Р.Ю. Намитокова), открытого в 2001 г. при поддержке Института языкознания РАН, проводятся всероссийские научные конференции «Проблемы региональной ономастики», на которых обсуждается широкий круг вопросов, волнующих именно региональных ученых. Материалы научных встреч публикуются.

С 2006 г. в Улан-Удэ на базе Бурятского госуниверситета проводится Байкальская международная ономастическая конференция, с изданием научных материалов.

В апреле 2007 г. в г. Петрозаводске состоялся симпозиум «Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте». Его организаторами были Институт языка, ли-

тературы и истории Карельского научного центра РАН и Санкт-Петербургский госуниверситет, участниками – финно-угроведы из России и Финляндии.

Важной площадкой для обмена научными достижениями и обсуждения проблемных вопросов является журнал «Вопросы ономастики» (гл. ред. Е.Л. Березович, до 2010 г. А.К. Матвеев), издаваемый Уральским федеральным университетом совместно с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Журнал создан с целью поддержки и развития ономастической науки в России, укрепления связей с зарубежными исследователями. В нем публикуются статьи по наиболее актуальным проблемам ономастики, а также освещается информация об ономастических конференциях, монографиях, диссертациях.

Необходимо признать, что за последние 50 лет российская региональная ономастика достигла значительных результатов. Изучены многие проблемные вопросы, выявлена типичная для того или иного региона ономастическая и апеллятивная лексика, типовые ономастические морфемы и форманты, в ряде областей проведены комплексные исследования региональной онимии и описаны местные ономастические системы. Безусловным образцом для многих регионов являются исследования топонимии Карелии (И.И. Муллонен), Русского Севера (А.К. Матвеев, А.Л. Шилов, Е.Л. Березович и др.), Забайкальского края (Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова и др.), Воронежской области (Г.Ф. Ковалёв, С.А. Попов и др.), Волгоградской области (В.И. Супрун и др.), Архангельской области (Н.В. Кабинина), антропонимии Смоленской области (И.А. Королёва), Тверской области (И.М. Ганжина), Карелии (И.А. Кюршунова). При этом ономастическая изученность отдельных областей остается очень низкой и не соответствующей современному состоянию российской ономастики. Кроме того, с развитием цифровых технологий перед региональной ономастикой встает ряд новых вопросов, в том числе связанных с переходом общемировой ономастики на новый – цифровой – этап развития, о чем говорилось в докладе Педера Гаммельтофта (P. Gammeltoft, Университет Копенгагена) на XXV Международном ономастическом конгрессе «Имена и их окружение» (2014 г.) [Соколова, Махиянова, 2015, с. 204].

Современный уровень развития региональной ономастики требует поиска новых способов обработки и представления ономастических данных, новых источников и приемов изучения имен собственных, новых путей решения традиционных проблем, в частности, связанных с исследованием древнейшей ономастики региона.

Основой любого регионального исследования является ономастикон. Специализированные списки, в которых собраны и особым образом систематизированы географические названия, личные имена, прозвища или фамилии отдельного региона, признаются наиболее удобным источником региональной ономастики. Такие каталоги позволяют отбирать представленный в них материал в соответствии с целями и задачами исследователя. Однако малочисленность подобных каталогов, а по некоторых областям полное отсутствие таковых делает вопрос их создания, напрямую связанный с вопросом структурирования ономастического материала и принципов его подачи в списке, одной из актуальных задач современной науки.

Не менее значимой и актуальной задачей является картографирование ономастического материала, создание серии ономастических карт и на их основе – регионального ономастического (топонимического) атласа. Ономастическая карта позволяет осуществлять пространственный анализ ономастических фактов и явлений, получать сведения о зонах их распространения и связях, как внутри региона, так и между регионами, и в целом предоставляет значительный объем новой и важной информации. Однако картографирование в ономастических исследованиях используется крайне редко, главным образом ввиду сложностей, связанных с технической реализацией этой задачи.

Наличие каталога имен собственных и серии топонимических карт по отдельному региону, безусловно, способствует повышению эффективности и результативности исследовательского процесса, но не решает другую проблему современной ономастики – интеграции научных знаний. Эту проблему могло бы решить создание единой, взаимосвязанной и общедоступной базы данных, которая бы представляла результаты научных исследований в области топонимики,

связывая воедино данные всех российских регионов и одновременно способствуя распространению гуманитарных знаний в обществе.

Перечисленные материалы служат хорошей основой для проведения разноаспектных исследований в области региональной ономастики. Одним из наиболее сложных направлений этой работы остается изучение древнейшей ономастики региона с реконструкцией состояний именной системы в прошлом. В современной науке не существует единой методики ономастической реконструкции, хотя исследователи используют разнообразные приемы и методы при решении этой проблемы. При помощи структурного, формантного, этимологического, ареального, описательного и других методов выявляются типовые для той или иной территории ономастические морфемы и форманты, ономастическая и апеллятивная лексика, принципы номинации, восстанавливается топонимическая стратиграфия региона, описывается характер взаимодействий именных систем разных народов одной территории, история отдельных названий. Однако представить ономастическую картину древности целостно и объемно не всегда удается. Причинами этого является скудость (или отсутствие) письменных свидетельств, слабое привлечение иных типов источников, в том числе внелингвистических (например, результатов археологии), сложность интерпретации материала, ограниченный набор используемых приемов и методов. Зачастую эта задача даже не ставится в ономастических работах ввиду ее трудновыполнимого характера. Настоящее исследование направлено на решение обозначенных проблем.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки структурированного списка топонимов, включающего названия разных разрядов и разных временных пластов одной территории, новых методов ономастического картографирования, соответствующих современным техническим возможностям, потребностью региональной ономастики в специализированном каталоге имен собственных и топонимическом атласе отдельного региона, необходимостью создания единой электронной топонимической базы данных, предполагающей включение научной информации о топонимах разных регионов России и размещение в открытом информационном пространстве, необходимостью разработки

особой методики реконструкции ономастических состояний древности локальной территории с использованием разных типов источников (не только письменных) и с учетом накопленного в ономастике опыта, необходимостью обобщения результатов исследований по древней ономастике Среднего Поочья и построения на основе этого возможной модели ее развития.

Объектом исследования является топонимия и антропонимия отдельного региона – Рязанской области.

Предметом исследования являются способы обработки и представления ономастических данных, ономастический процесс и ономастические состояния древности на локальной территории (Среднее Поочье), приемы и методы ономастической реконструкции.

Работа написана в рамках специальности «Математическая и прикладная лингвистика» и затрагивает такие области исследований, как ареальная лингвистика, лингвистические карты, реконструкция языковых состояний древности, использование в лингвистических исследованиях компьютерных технологий, информационные системы, применение вычислительной техники для хранения и обработки баз данных, связь лингвистики с гуманитарными науками и др.

Территориальные и хронологические рамки исследования. Исследование осуществляется на материале рязанской топонимии и антропонимии с привлечением данных по другим российским регионам. Рязанская область является одной из областей Центральной России, она расположена в центре Восточно-Европейской равнины и занимает площадь ок. 40 000 км^2. По отношению к бассейнам рек это территория Среднего Поочья. Главная река региона Ока (п.п. Волги) течёт с северо-запада на северо-восток через центр области и условно делит её на левобережную и правобережную части. В левобережной части находится Мещёрская низменность (зона смешанных лесов), в правобережной – Среднерусская возвышенность и Окско-Донская равнина (зона лесостепи). Рязанская область граничит с областями: Московской (на северо-западе), Владимирской (на севере), Нижегородской (на северо-востоке), Пензенской (на юго-востоке), Тамбовской и Липецкой (на юге), Тульской (на юго-западе) и республикой Мордовия

(на востоке). Пограничные районы этих регионов также рассматриваются в исследовании, так как в древнерусское время они являлись землями самостоятельного Рязанского княжества и назывались рязанскими.

Хронологические рамки исследования охватывают период со времен палеолита до XV века (включительно). В разные времена указанная территория являлась зоной распространения или соприкосновения разных языков: финно-угорских, балтийских, славянских, тюркских, иранских. В период славянского расселения здесь сошлись представители нескольких славянских групп, в том числе вятичей, кривичей, донских славян. Позднее Поочье стало центральной территорией формирования русского этноса и русского языка, а Среднее Поочье еще и зоной перехода от южного наречия к среднерусским говорам. Богатая языковая история региона, мозаичный характер местной топонимии, сохранность в ней напластований разных эпох указывают на несомненный научный интерес рязанской ономастики как объекта лингвистического изучения, на материале которой можно проследить развитие в исторической перспективе ономастических систем разных народов на локальной территории.

Степень разработанности темы. Настоящая работа базируется на исследованиях нескольких поколений лингвистов и ономастов: О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Ю.В. Откупщикова, А.В. Суперанской и др. В ней получают развитие идеи и методики И.И. Срезневского, П.Л. Маштакова, Р.И. Аванесова, Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, Г.П. Смолицкой, М.В. Горбаневского, И.И. Муллонен, в разные годы занимавшихся проблемами ономастики отдельного региона, лингвистического и топонимического картографирования, создания каталогов имен собственных, топонимических словарей, методологии ономастических исследований.

Рязанской топонимии посвящены работы Г.П. Смолицкой, Ю.П. Чумаковой, А.А. Никольского, И.Н. Хрусталева. Благодаря их исследованиям, изучены отдельные ареалы субстратной и славянской топонимии региона [Смолицкая 1972, 1974, 1981 и др., Чумакова, 1992], группа древнерусской топонимии в аспекте происхождения и генетической связи с топонимией предполагаемой праро-

дины славян [Чумакова, 1992], история отдельных топонимических разрядов и топонимов [ТСРО, 2004; Хрусталев, 2009]. Ценным трудом по истории и этнографии региона является монография сотрудников Института этнологии и антропологии РАН «Русские Рязанского края» (отв. ред. С.А. Иникова) [Русские Рязанского края, 2009]. Несмотря на очевидные результаты, в рязанской истории и ономастике остается много проблемных вопросов. В частности, не изучены многие типы субстратной топонимии, не установлены их связи с древнейшими языками или материальными культурами, слабо изучена рязанская антропонимия древнерусского периода, нет обобщающих работ по древнейшей ономастике рязанского Поочья.

Круг работ, посвященных теме ономастической реконструкции древнейших состояний отдельных территорий России, довольно широк. Исследованиями в этом направлении в разные годы занимались А.И. Попов, А.К. Матвеев, А.А. Бурыкин, И.М. Железняк, Р.А. Агеева, М.В. Горбаневский, А.Л. Шилов, Я. Саарикиви (Финляндия), С.А. Мызников, И.И. Муллонен, Е.Л. Березович, В.Л. Васильев и многие другие.

Среди работ по этой теме необходимо выделить исследование В.Н. Топорова о балтийской топонимии Поочья [Топоров, 1982, 1988, 1989, 1997 (1)]. В цикле статей представлено целостное описание именной системы балтов в период, предшествовавший появлению в районе Москвы-реки первых славян, и в период славянского расселения.

Разноаспектное описание исторической топонимии Карелии представлено в многолетних исследованиях И.И. Муллонен (в частности: [Муллонен, 2008; Муллонен, Кузьмин, 2008]). Проблема реконструкции языкового и историко-географического ландшафта территории решается автором через представление топонимической системы региона, выявление происхождения и эволюции топонимов и топонимических моделей, изучение их ареалов.

Важной работой в рассматриваемом аспекте является монография Р.Г. Жамсараповой и Л.В. Шулуновой «Топонимия Восточного Забайкалья», в которой описаны основные пласты топонимической стратиграфии изучаемого региона (палео-

азиатский, тюркоязычный, угро-самодийский, тунгусоязычный, монголоязычный, славяноязычный) [Жамсаранова, Шулунова, 2003].

Значительным вкладом в изучение древнейшей ономастики отдельного региона стали многотомный труд А.К. Матвеева «Субстратная топонимия Русского Севера» [Матвеев, 2001-2007], монография В.Л. Васильева «Славянские топонимические древности Новгородской земли» [Васильев, 2012].

Особый тип реконструкции представлен в работе Е.Л. Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» [Березович, 2000] (исправленные и дополненные части монографии переиздавались в 2009 и 2010 гг.). В исследовании разрабатывается методика извлечения этнокультурной информации из топонимических данных (анализируется топонимия Русского Севера: Архангельская, Вологодская и частично Костромская области, в частности, модели, содержащие компоненты: *ближний – дальний, правый – левый, кошка, курица, петух, бабий* и др.). На основе полученной информации реконструируется система народных представлений об окружающем человека пространстве: его протяженности, степени обжитости, точках и зонах, связанных с действиями человека, процессуально-событийный мир. Таким образом, автор осуществляет раскодировку информации, заложенной в топониме в момент его возникновения.

Работу в том же ключе продолжает исследование И.А. Кюршуновой по исторической антропонимии Карелии, выступающей основой семантико-мотивационной реконструкции (воссоздания номинативной и культурно-прагматической ситуации в момент появления имени) [Кюршунова, 2017, с. 37].

Анализ работ по исторической ономастике показывает, что все они преследуют разные цели в изучении ономастических состояний прошлого, при этом каждый исследователь применяет собственный (авторский) инструментарий. Опыт и интуиция ученого, «в сочетании с его научным мировоззрением, позволяют смотреть на материал своим, лишь ему присущим образом. Другой исследователь на том же материале может сделать совершенно иную работу, в силу иной творческой направленности и иного видения материала. И оба исследования могут быть достаточно объективными, хотя и освещающими предмет с разных сто-

рон» [Суперанская и др., 2009, с. 192]. В связи с этим можно говорить о том, что единой методики ономастической реконструкции не существует. Общность подходов, концепций, исследовательских приемов и методов заметна, как правило, лишь у представителей одной ономастической школы.

Разработанность материалов, представляющих региональную топонимию и антропонимию в составе специальных списков, карт или баз данных, по отдельным регионам неравномерная. Образцом структурированного списка гидронимов является каталог Г.П. Смолицкой «Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)», вышедший в 1976 г. и включающий свыше 30 000 названий [Смолицкая ГБО, 1976]. Каталог был разработан по примеру гидронимических списков П.Л. Маштакова по бассейнам Днепра, Днестра, Южного Буга, Дона [Маштаков, 1913, 1917, 1934]. Каталоги, в которых была бы представлена топонимия разных разрядов (а не только гидронимы) или топонимия отдельных областей России, крайне малочисленны, и, как правило, они находятся в обращении внутри своего региона. В ряде областей в течение нескольких десятилетий ведутся специализированные топонимические картотеки, однако отсутствие печатных изданий сведений этих картотек не позволяет им стать достоянием широкой научной общественности и сужает их ценность для межрегиональных исследований.

В последние десятилетия в ряде регионов на базе картотек разработаны электронные базы данных (далее – ЭБД, или БД), из которых известными являются: «Топонимия Карелии», «Топонимия Заонежья» (как часть геоинформационной системы «Топонимия Карелии», 2003-2004 гг.) (И.И. Муллонен, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН совместно с Петрозаводским университетом), база данных по топонимии Русского Севера, ЭБД «Русская народная топонимия» (Архангельская, Вологодская и Костромская области) (Е.Л. Березович, Уральский университет, Институт русского языка РАН), «Топонимия Костромской области» (О.В. Мищенко, Уральский университет, с 2011 г.), словарь и электронная база данных озерной гидронимии Белозерья (А.А. Макарова, 2009 г.), БД «Электронный топонимический словарь “Улицы города Улан-Удэ”» (рук. Г.С. Доржиева, 2012 г.), БД «Электронный Региональный оно-

мастический словарь “Карелия в XV-XVII вв.”» (И.А. Кюршунова, О.В. Черняков, 2015 г.), «Историческая антропонимия Карелии по документам XVI-XVII вв.» (И.А. Кюршунова, О.В. Черняков, 2016 г.) и др. С 1990-х гг. разрабатывался компьютерный банк топонимии Европейского Севера России, на его основе позднее был создан тематический web-сайт по топонимии Европейского Севера России (Мурманская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская области, Республика Карелия, Республика Коми) «TORIS» (http://toris.krc.karelia.ru) (Г.М. Керт, В.Т. Вдовицын, А. Веретин, Н.Б. Луговая).

Электронные информационные ресурсы по ономастике активно создаются в Европе. Известны базы данных по топонимии Чехии, Словакии, Германии, в частности, электронный словарь микротопонимов Моравии и Силезии (Брно, отделение диалектологии АН Чешской Республики) [Чижмарова, 2010]. Одной из крупнейших информационных систем является база фамилий Великобритании, разрабатываемая в Университете Западной Англии (подробнее об ЭБД см.: Глава 1, раздел 1.4).

В настоящем исследовании не ставится задача анализа созданных информационных систем. Все они, как и любой труд ученого, являются авторскими и представляют авторский вариант решения проблемы, основанный на опыте, знаниях, эстетических представлениях конкретного ученого. Тем не менее, есть ряд проблемных вопросов, связанных с электронными ресурсами по ономастике, из которых мы выделим три. Первый из них связан с быстрым устареванием программного обеспечения разработанных баз данных ввиду бурного развития информационных технологий и появления новых, более совершенных технических продуктов. Уже по истечению пяти лет в созданных системах становится устаревшей, излишне усложненной система управления, система ввода данных и его анализа, внешний вид (дизайн), например, сегодня таковыми признаются БД, созданные в Microsoft Access, Paradox, dBase, FoxPro, Visual FoxPro [Система управления базами данных].

Ряд БД разработан непосредственно учеными-лингвистами, не являющимися профессионалами в области информационных технологий, что также сказыва-

ется на качестве созданного продукта. Существует проблема с обслуживанием и обновлением содержания ресурсов. Для локальных БД, созданных для размещения на автономных компьютерах, серверах, CD или DVD, как и для региональных «бумажных» картотек, по-прежнему существенным недостатком остается их труднодоступность / недоступность для широкого круга пользователей (прежде всего, ученых).

Вторая проблема состоит в том, что электронных информационных ресурсов еще не создано по топонимии очень многих российских областей. В связи с этим наблюдается сильное отставание этих регионов от общего уровня развития российской региональной ономастики.

Третья проблема заключается в том, что, несмотря на имеющиеся достижения в области создания электронных продуктов по ономастике регионов, всё же отсутствует единая информационная площадка, которая бы, с одной стороны, интегрировала результаты региональных исследований, а с другой – представляла результаты научных изысканий широкому кругу людей, обществу, то есть единая база данных по топонимии или антропонимии России. Нельзя не отметить в этой связи значимость и полезность функционирования ресурсов «Ономастика России» (С.А. Попов, г. Воронеж, http://onomastika.ru), «История фамилии» (М.В. Горбаневский, В.О. Максимов, Москва, http://familii.ru), которые, хотя и не являются базами данных, но в посильной мере способствуют объединению и распространению научной информации по ономастике в открытом информационном пространстве.

Достаточно остро стоит перед региональной ономастикой и проблема ономастических карт как источника информации и наглядного представления результатов исследований. Проблема создания топонимических атласов активно обсуждалась в 1960-1970-х гг. Планировалось создание Гидронимического атласа Украины и Топонимического атласа Центра (по Европейской части России), однако проекты не были осуществлены. Практически не движется работа по созданию региональных топонимических атласов. А.К. Матвеевым был подготовлен рабочий вариант «Атласа субстратной топонимии Русского Севера», однако он так и

не был издан [Матвеев, 2001, с. 11]. В этой связи примером для многих региональных исследований могут служить работы И.И. Муллонен, всегда сопровождающиеся картами или посвященные созданию топонимических карт: «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» [Муллонен, 2008], ЭБД по топонимии Карелии, Электронная карта топонимов Карелии (Грант РГНФ, № 05-04-12420в, 2005-2006 гг.), геоинформационный ресурс «Топонимическая карта Олонецкой Карелии» (в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», 2012-2014 гг.) [Электронные базы данных и мультимедийные технологии в филологических исследованиях].

Обозначенный выше круг нерешенных проблем и нереализованных идей региональной ономастики, а также новые потребности, обусловленные современным уровнем технологий и запросами общества, определили цель и задачи настоящего исследования.

Цель исследования – разработать методики обработки и представления ономастических данных, а также методику реконструкции ономастического процесса и ономастических состояний отдельного региона и на основе этой методики с использованием полученных материалов реконструировать ономастическую ситуацию древнейших периодов в Среднем (рязанском) Поочье.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) разработать методику создания структурированного списка топонимов отдельного региона и создать каталог топонимов Рязанской области;

2) разработать методику создания топонимических карт и представить серию карт по субстратной топонимии Рязанской области;

3) разработать модель единой базы данных по топонимии России для хранения, систематизации, обмена и распространения научной информации;

4) разработать методику реконструкции ономастического процесса и ономастических состояний отдельного региона с использованием материалов памятников письменности, лингвистических и внелингвистических данных, топонимических карт;

5) по созданной методике с использованием материалов каталога, атласа и базы данных провести реконструкцию ономастической ситуации древнейших периодов в Среднем (рязанском) Поочье и представить модель возможного развития ономастики региона до XV в.

Используемые методы. Исследование базируется на методологии ономастических исследований, основные положения которой изложены А.В. Суперанской, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольской, А.Х. Султановым в монографии «Теория и методика ономастических исследований» [Суперанская и др., 2009].

В ходе решения научных задач используются методы: текстологического анализа, стратиграфический, синхронного среза (исследование ономастики одного временного периода), структурный, формантный, этимологический, картографический, ареальный, описательный и др. Тематика исследования обуславливает необходимость использования общенаучных методов (в частности, индуктивно-дедуктивного, статистического), а также методов межнаучной интеграции: сопоставления лингвистических и археологических данных, совмещения ареалов лингвистических и нелингвистических явлений. Применение последних связано с тем, что в период 1990-2017 гг. отдельными науками получены важные результаты, представляющие интерес и для ономастики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней предложен новый вид структурированного списка топонимов, включающий названия разных разрядов и разных временных пластов одного региона, предложена новая для ономатологов, простая в освоении технология создания ономастических карт методом послойного картографирования на основе существующих программ графических редакторов, впервые разработана модель единой и общедоступной базы по топонимии России (с возможностью включения сведений по топонимии разных регионов) для размещения в открытом информационном пространстве, представлена авторская методика ономастической реконструкции древнейших состояний на отдельной территории и модель возможного развития ономастики древнейших периодов региона Среднего (рязанского) Поочья.

В исследовании, с одной стороны, обобщены результаты многолетних ономастических, лингвистических, археологических и иных исследований, с другой стороны, получена новая научная информация: выявлены новые типы рязанской субстратной топонимии, новые топонимические ареалы, на основании новейших этимологических и археологических исследований впервые представлена топонимическая стратиграфия изучаемого региона, впервые системно описана древнерусская топонимия и антропонимия Рязанской земли, в том числе основные топонимические модели и антропонимические формулы.

Показаны пути получения новой, важной для ономастики информации из разных источников, не только письменных. Впервые проведено масштабное сопоставление ареалов основных типов субстратной топонимии Среднего Поочья с ареалами важнейших археологических культур той же территории.

Разработаны два редких, но актуальных для российской ономастики типа топонимических работ: топонимический атлас и единая информационная система по топонимии России. Обе работы демонстрируют возможности использования в лингвистических исследованиях современных (по состоянию на 2017 г.) компьютерных, в том числе и on-line технологий.

Теоретическая значимость работы. В исследовании поднимаются и получают теоретическое осмысление проблемы, связанные с изучением региональной онимии в историческом, синхронном, диахронном, ономасиологическом, структурно-семантическом, методологическом, прикладном аспектах; предлагаются различные методики решения поставленных задач, в том числе и новые.

Прежде всего, результаты исследования вносят вклад в разработку проблемы структурирования ономастического текста (списка), новые положения касаются как общих принципов расположения топонимического материала, при учете вовлечения названий разных разрядов (движение списка «от устья к истоку», отказ от деления на районы левых и правых притоков в бассейнах небольших рек, приведение исторических форм названий в хронологической последовательности), так и усовершенствований частного характера (более четкой привязки элементов списка к соответствующему гидрониму, нумерации, районирования).

Во-вторых, вносится вклад в развитие ономастического картографирования путем обобщения имеющегося опыта, определения основных принципов создания ономастических карт, разработки методики создания карт на основе современных технических программ. Разработана и подробно описана структура регионального топонимического атласа.

В-третьих, подтверждается значимость для современного этапа развития региональной ономастики работы по созданию электронных ономастических баз данных, определяются критерии создания единой базы данных, которая могла бы вмещать информацию об ономастических единицах разных разрядов, разных регионов, при этом отвечать требованиям доступности (для широкой аудитории), понятности (в том числе терминологической), информационной достаточности (полноты без перегруженности).

В-четвертых, настоящее исследование способствует дальнейшей разработке методики изучения древнейшей ономастики региона тех периодов, по которым отсутствует достаточное количество письменных источников. В связи с этим раскрываются возможности междисциплинарного подхода, а именно: использования в ономастической реконструкции сведений по языкознанию, истории, археологии, географии региона, на конкретном ономастическом материале показывается степень информативности привлекаемых для исследования лингвистических и внелингвистических знаний. Ономастическая выборка из тексов древнерусских памятников дала возможность сформировать небольшой по численности список ранних онимов региона, который затем был пополнен топонимами, имеющими аналоги в районах раннего славянского расселения или соотносимыми с одним из типов архаичных моделей, топонимами, указанными в более поздних документах как названия городищ, селищ и пустошей, антропонимами, зафиксированными на археологических находках изучаемой территории и другими ономастическими единицами, которые удалось установить в ходе применения совокупности приемов и методов.

В ходе реконструкции раскрывается потенциал использования метода совмещения языковых и неязыковых явлений, в частности совмещения топонимических и археологических ареалов, при этом уточняются, совершенствуются прие-

мы такого сопоставления, выявляются слабые места метода, корректируются результаты, полученные в ходе применения этого метода ранее по отношению к топонимии Среднего Поочья.

В-пятых, благодаря использованию при апробации различных приемов и методов реконструкции материалов рязанской топонимии и антропонимии и затем обобщению полученных сведений внесен существенный вклад в изучение исторической ономастики Среднего (рязанского) Поочья, описаны ономастический процесс и ономастические состояния этой территории в ранние периоды. Предложенная модель развития ономастики региона может быть интегрирована в одну из разрабатываемых лингвистических или историко-культурных моделей.

Результаты исследования как новое научное знание способствуют развитию русской и славянской ономастики, диалектологии, лингвистической географии, прикладной лингвистики. В частности, они могут быть использованы для усовершенствования теории и методологии ономастических исследований, для выявления закономерностей развития региональных ономастических систем, для фиксирования имеющихся в данный момент технических средств (программ, технологий, платформ), используемых в лингвистических исследованиях.

Практическая значимость работы. Материалы топонимического каталога, атласа, единой базы данных используются в разноаспектных ономастических исследованиях, в том числе межрегиональных. С практической точки зрения важно, что разработанные методики составления каталога и атласа применимы для создания подобных работ по другим территориям. Топонимический атлас и каталог топонимов Рязанской области должны послужить основой для создания топонимического атласа Центральной России, единого общероссийского каталога имен собственных и войти в их состав как часть большой обобщающей работы.

Единая база данных по топонимике, внедренная в информационное пространство сети Интернет в 2014 г., используется для хранения, обработки, обмена научной информации между регионами, а также для распространения научных знаний в обществе. В нее могут быть интегрированы уже созданные «несетевые» областные топонимические базы данных (разработанные без возможности разме-

щения в сети Интернет), а также сведения о топонимах тех областей, по которым региональные базы данных пока не созданы.

Предложенная методика ономастической реконструкции, отдельные приемы и методы, апробированные в исследовании, допускают не менее результативное использование и при изучении древнейшей ономастики других регионов России, особенно находящихся в схожих природно-климатических и культурно-исторических условиях.

Результаты исследования представляют интерес не только для лингвистики, но и для других наук: археологии, истории, регионоведения, географии, этнографии и могут быть использованы для изучения древнейших состояний (общественных формаций, этнических общностей, материальных культур, региональных ландшафтных комплексов и т.д.) уже в рамках этих наук. Прикладные работы диссертации (в частности, Топонимический атлас Рязанской области) используются при преподавании в вузе дисциплин языковедческого, естественно-географического, исторического (в том числе краеведческого) циклов, а также в практической работе Центра сохранения объектов культурного наследия (ГУК г. Рязани, до 2016 г.), отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль», Научно-исследовательской лаборатории теории, практики и методики краеведения в образовательных учреждениях Рязанского института развития образования. Положения и результаты исследования внедрены в научную и проектную деятельность Научно-внедренческого центра Международного исследовательского института (Москва, Акт о внедрении от 30.08.2016, №15/08-39).

Научные положения, выносимые на защиту

1. Современный уровень развития ономастики требует наличия в каждом регионе: каталога имен собственных, топонимического атласа (серии топонимических карт) и электронной базы данных как основы для проведения разноаспектных ономастических исследований.

Специальный ономастический список (ономастикон) представляет собой результат сбора, обработки, систематизации имен собственных, извлеченных из различных источников и собранных в ходе полевых исследований (экспедиций).

Предложен каталог топонимов отдельного региона, включающий географические названия разных разрядов и разных временных периодов. Названия в нем подаются в виде структурированного списка, в географической последовательности («от устья к истоку»), с размещением ойконимов и микротопонимов относительно гидронимов и с индексом соответствующего гидронима, с выделением внутри бассейнов рек отдельных районов с четко сформированным корпусом названий. Методика применима к топонимии любого региона России, имеющего развитую речную сеть.

2. Современные ономастические карты могут быть разработаны самостоятельно исследователем-ономатологом на базе специальных ГИС-программ или программ графических редакторов методом послойного картографирования: с использованием карты-основы, опорного слоя (речная сеть региона) и тематических слоев (карт). Каждый тематический слой содержит только один тип данных, количество создаваемых слоев неограниченно, слои совмещаются друг с другом в различных комбинациях. Технология позволяет создавать ономастические карты, разнообразные по форме и содержанию (при минимальных затратах времени), в качестве наглядной демонстрации результатов исследования либо в качестве источника материала для пространственного анализа изучаемых ономастических явлений. Предложена разработанная структура топонимического атласа региона (Рязанская область) для составления атласов других областей России.

3. Региональные электронные базы данных, которые приходят на смену традиционным ономастическим картотекам, позволяют модернизировать процесс обработки, хранения и обновления научной информации. Единая база данных по топонимии России может обобщить результаты многолетних научных исследований в области топонимики, сделать их общедоступными, объединить усилия региональных ученых, способствовать популяризации научных знаний. Предложена информационная система, разработанная для размещения в сети Интернет и включающая две базы данных: базу географических названий и базу «Топонимисты России». База названий имеет унифицированную систему представления топонимов различной видовой, языковой и территориальной принадлежности и содержит комплекс лингвистической, внелингвистической, иллюстрационной ин-

формации, позволяющий получать научно обработанные сведения о географических названиях России и истории их изучения большому кругу пользователей. Для ученых-ономатологов разработана функция добавления топонимов (в режиме онлайн).

4. Предложенная методика реконструкции ономастического процесса и ономастических состояний отдельной территории в древнейшие периоды включает этапы: изучение памятников письменности с целью выборки наиболее ранних онимов региона, их разноаспектный анализ; привлечение лингвистических и внелингвистических данных в целях пополнения списка архаичных онимов, проверки этимологических версий, выявления этапов и тенденций региональной ономастики; изучение топонимических карт с целью установления типов и ареалов субстратной топонимии; лингвистическая интерпретация типов; совмещение топонимических и археологических ареалов с целью этнической и хронологической атрибуции материала; обобщение полученных материалов с целью представления модели развития ономастики региона в древнейшие периоды.

5. Используемые в ономастической реконструкции приемы и методы (стратиграфический, этимологический, формантный, картографический, ареальный, метод текстологического анализа и др.) обладают разной степенью эффективности и информативности, но их применение в совокупности позволяет получить объем знаний, достаточный для описания состояний ономастических систем в доисторические периоды в границах локальной зоны. Уникальную информацию для реконструкции дают методы межнаучной интеграции: совмещения топонимических и археологических ареалов, сопоставления лингвистических и внелингвистических данных (результаты исследований керамических комплексов региона, данные археологии о времени основания городов, сведения о географических особенностях местности и др.).

6. Методика применена по отношению к ономастике Среднего (рязанского) Поочья. Согласно реконструкции, основы ономастического ландшафта региона были заложены во II тысячелетии до н.э. в эпоху господства здесь племен культур *шнуровой керамики и боевых топоров* (*шагарской, фатьяновской*); в I тысячелетии до н.э. топонимическую сеть региона дополнили представители *городецкой*

культуры, входивших в общность культур *текстильной керамики*. В I тысячелетии н.э. складываются топонимические системы финно-угорских народов Поочья (генетически связанные с городецкой культурой) и балтов (входивших в культуру *рязано-окских могильников* или принадлежавших неустановленной культуре Среднего Поочья).

7. С началом славянской колонизации в IX-X вв. в региональной топонимии появились первые славянские элементы. В XII-XV вв. славянское (древнерусское) ономастическое пространство распространилось по всей территории региона, в отдельных районах полностью стерев или переместив на соседние участки топонимию местных народов, а на севере, северо-востоке, юго-западе области (в районах с высокой плотностью неславянского населения) вклиниваясь в сложившуюся топонимическую сеть, постепенно осваивая местные названия и перенимая почти в неизменном виде дославянскую гидронимию.

8. Описание финно-угорского, балтийского и древнерусского пластов топонимии региона включает: 1) корпус топонимов; 2) банк топонимических элементов (топооснов, топоформантов); 3) важнейшие объекты именования; 4) разряды топонимов; 5) степень топонимической освоенности районов; 6) особенности расположения топонимов и ареалов на топонимической карте; 7) примеры межязыковых контактов и адаптаций в топонимии; иную значимую информацию (в частности, описание природных реалий на основании топонимических данных). Ономастика самых ранних этапов (каменного, бронзового и раннего железного веков) описана гипотетически, на основании этимологии отдельных названий, данных археологии о заселении Поочья.

9. В описании древнерусского ономастического пространства региона представлены этапы его формирования до XVI в. (5 этапов), периоды активизации и торможения ономастических процессов, особенности каждого этапа; корпус топонимов, принципы номинации, используемые лексические (ономастические) и формальные средства; история топонима ***Рязань*** и других названий; основные модели древнерусских топонимов региона; модели групповых наименований населения; особенности развития рязанской ономастики в сравнении с другими

русскими регионами; фонд имен жителей княжества, структура антропонимов, особенности бытования имен в древнерусский период, антропонимические формулы, используемые при записи рязанцев.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертации отражены в 110 публикациях, из них 15 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, 63 – в единой информационной системе «Топонимия России». По теме диссертации изданы: топонимический атлас, топонимический каталог, словарь фамилий Рязанской области, районный топонимический словарь, монография (2015, 2010, 2009, 2007, 2009), создан один информационный ресурс (2014, в составе научной группы, по гранту РГНФ, размещен в сети Интернет в режиме доступа: http://ономастика.рф).

Результаты проведенного исследования докладывались или были представлены в виде тезисов и стендовых докладов на заседаниях сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН, на заседаниях Топонимической комиссии Московского городского отделения Русского географического общества (2011, 2014), на Международных научно-практических конференциях, посвященных 195-летию, 200-летию со дня рождения академика И.И. Срезневского (Рязань, 2007, 2012), Межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь» (Рязань, 2008), XII научной конференции «Рязанский край: история, люди, события» (Рязань, 2010), VIII Международной научной конференции «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп, 2012), II Международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012), I Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире» (Санкт-Петербург, 2015), Международной научно-практической конференции «Новая наука: от идеи к результату» (Сургут, 2016), Международной научной конференции «Гуманитарные науки и современность» (Москва, 2016), Международной научно-практической конференции «Совершенствование методологии познания в целях развития науки» (Уфа, 2017), ежегодных краеведческих чтениях памяти В.И. Гаретовского (Ряжск, 2006-2008),

ежегодных конференциях по рязанскому краеведению (Рязань, 2002-2017), IV (XX) Всероссийском археологическом съезде (Казань, 2014).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух частей, шести глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы, списка иллюстративного материала (с указанием источников топонимических и археологических карт) (том 1), приложений (том 2). В приложениях размещены: указатель топонимов, топонимические карты, схема «Хронология основных археологических культур Среднего Поочья», таблицы топонимических элементов региона.

В исследовании представлен большой блок иллюстрационного материала. Помимо 58 авторских карт, в него входят археологические карты, топонимические карты по другим регионам России (разных авторов), а также 7 диаграмм, 2 схемы, 14 таблиц.

Терминология исследования. Важнейшие понятия настоящего исследования: *региональная ономастика, ономастическая стратиграфия, ономастический процесс, ономастическое состояние, ономастическое пространство, топонимическая модель*. Определим их содержание в контексте данной работы. Прежде всего, требует уточнения значение терминов *регион, региональный* в ономастике. В разных научных сферах лексема *регион* имеет разное семантическое наполнение. Так, в географическом толковании «регион – самое большое территориальное образование в хозяйстве мира», его образуют несколько стран, имеющих общую территорию и другие схожие характеристики (например, Северная Америка, Латинская Америка, Африка, Зарубежная Европа, Азия) [Большая географическая энциклопедия, 2007, с. 438]. В военном толковании *регион* – часть стратегического района, в котором располагаются военные силы страны или ведутся военные действия; границы региона определяются исходя из относительно однородных физико-географических, экономических и военно-политических условий [Военный энциклопедический словарь, 2007, с. 797]. В журналистике *регион* – любое территориальное образование; в частности, допустимы словосочетания: «московский регион», «рязанский регион», «Центрально-Европейский регион». В «Толковом словаре русского языка» значение слова *регион* определяется как «большая

область, группа соседствующих стран или территории, районы, объединенные по каким-нибудь общим признакам» [ТСРЯ, 2007, с. 824]. Таким образом, критериями, по которым та или иная территория может называться регионом, являются: 1) значительный размер и территориальная близость либо 2) наличие у территориальных образований объединяющего признака. В ономастике лексемы *регион, региональный* используются преимущественно во втором значении, за основу общего признака берется современное административно-территориальное деление или общность культурно-исторического развития (например, вхождение земель в прошлом в состав одного княжества). В связи с этим понятие *регион* в ономастике приобретает специфичное значение, так как территория, которая интересует то или иное исследование, может охватывать как уже давно сложившуюся природную, историческую или административную зону (Центральная Россия, Урал, Забайкалье), так и небольшой район.

Региональная ономастика понимается 1) как одно из направлений ономастики, которое изучает имена собственные отдельных территорий; 2) как совокупность имен собственных одной территории. Региональное в ономастике – это то особенное, что присуще конкретному региону, в противопоставлении другому региону (регионам) либо общерусскому ономастическому пространству в целом. На специфику региональной онимии влияет не только языковая среда, но и экстралингвистические факторы, прежде всего природные, социально-экономические, политические: история заселения и развития края, этническая однородность или неоднородность, удаленность от центра, темпы развития и т.д. В итоге ономастика региона предстает единой и целостной системой, характеризующейся взаимосвязью онимов всех уровней (разных классов, разных временных пластов, системой детерминативов и т.д.).

Под *ономастической стратиграфией* понимается относительная хронология ономастических систем, процессов и явлений. Ономастика одного хронологического периода при изучении ономастической стратиграфии региона считается *синхронным срезом*. Термины *синхронный срез* и *стратиграфия* заимствованы у археологии и геологии, однако сегодня и *метод синхронного среза*, и *стратиграфический анализ* входят в традиционный набор исследовательских приемов оно-

мастики [Суперанская и др., 2009, с. 203]. Первый позволяет изучить *ономастическое состояние*, то есть состояние именной системы территории в определенный исторический период [Суперанская и др., 2009, с. 215], второй – *ономастический процесс* – закономерную смену ономастических состояний этой территории в хронологической последовательности.

Ономастическое пространство. В работе «Общая теория имени собственного» А. В. Суперанской и в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской *ономастическое пространство* определяется как комплекс собственных имен всех разрядов и уровней, употребляемых определённым народом в определённый период [Суперанская, 1973, с. 141, 147-148; Подольская, 1978, с. 104]. Для научного исследования *ономастическое пространство* является очень удобным инструментом, позволяющим расположить (мысленно или при помощи карты) имена не в виде системы, а «на поверхности земного шара» [Суперанская и др., 2009, с. 9]. При таком подходе учитывается территориальный фактор. Пространственное размещение имен позволяет увидеть ономастическое окружение, определить связи и влияния одних групп названий на другие. В ономастическом пространстве постоянно идёт процесс зарождения, развития и смены ономастических поколений. В каждом хронологическом срезе неизменно будут присутствовать архаичные модели, модели традиционные и модели «новаторские», отражающие только наметившиеся номинативные тенденции. Употребляемый в ономастике термин *ономастический континуум* обозначает именно такую именную непрерывность. Ономастическое пространство отдельного региона всегда является частью более крупного объединения, в нашем случае русского ономастического пространства, а следовательно, обнаруживает зависимость от происходящих в нем процессов.

В диссертации широко используется понятие *топонимическая модель* – образец топонима, представляющий собой единство планов намерения (интенции), содержания и выражения. Каждое название, создаваемое по известной модели, отражает вполне определенные и осознаваемые номинатором мотивы и принципы

номинации, которые реализуются через выбор необходимых лексических и онимообразующих средств.

Раскрывая содержания понятия, И.И. Муллонен пишет: «Топонимы рождаются не произвольно, но по определенным моделям, которые продуктивны на данной территории в данное время. Мода на модель обусловлена целым рядом обстоятельств, в том числе уровнем общественного развития, ландшафтно-географическими особенностями территории, языковыми факторами т.д. Оказываясь перед необходимостью имятворчества, автор или создатель топонима руководствуется определенными моделями называния, которые он усваивает вместе с языком. У него с детства формируется определенное представление о том, каким должно быть географическое название по форме и по содержанию» [Муллонен, 2008, с. 187].

Говоря об особенностях складывания и функционирования ономастических систем отдельных территорий, А.В. Суперанская отмечает: средства, формирующие данные системы (модели, морфемы, форманты), представляют собой обозримые множества, что, в конечном счете, связано с возможностями оперативной памяти человека, способной удерживать лишь определенный объем информации. Только от 5 до 10% названий территории являются нетипичными, редкими – «внесистемными» [Суперанская и др., 2009, с. 53]. Каждая эпоха обладает собственным набором продуктивных моделей. В этой связи установление количественного и качественного состава фонда топонимических моделей в разные исторические периоды представляется чрезвычайно важным. Очевидно, что выявление актуальных моделей XVI-XX вв. является реалистичной задачей, выявление же моделей ранних периодов (до появления массовых памятников письменности) проблематично и требует привлечения приемов и методов реконструкции.

Научное описание топонимической модели должно включать в себя описание топоосновы, топоформанта, пути онимизации, принципа номинации, а также периода продуктивности данной модели. Сделать это можно путем изучения всего корпуса названий одного хронологического пласта.

Важнейшим критерием при описании модели является *общность принципа номинации*, на основании которой к одной модели могут быть отнесены названия

разных формантных типов, при этом семантическая составляющая топонимообразующих средств разных названий позволяет говорить об их синонимичности (Ростислав*ль*, Иван*ь*, Микит*ин*). В то же время названия, обладающие внешних сходством и относящиеся, казалось бы, к одному формантному типу, но представляющие разные принципы и пути номинации (например, Вол*ынь*, Берез*ынь* – от географических апеллятивов, Храп*ынь,* Грус*тынь* – от антропонимов *Храпыня, Грустыня*), безусловно, представляют и разные модели.

Целесообразно выделение моделей, характерных для отдельных разрядов онимов: модели ойконимов, модели гидронимов, модели микротопонимов, а также универсальных моделей, характерных для топонимов разных разрядов.

Важным представляется и установление периода продуктивности той или иной модели в общерусском ономастическом пространстве и в ономастическом пространстве каждого отдельного региона, что также является выполнимой задачей для средневековых и современных топонимических систем. По отношению к древнерусской ономастической системе этот период может быть установлен ориентировочно – по времени первой письменной фиксации названий данного типа на территориях более раннего и более позднего славянского освоения. В этом случае под временем активного функционирования модели подразумевается время фиксации ее в памятниках письменности, что, очевидно, не равнозначно и требует, с одной стороны, использования корректной формулировки «не позднее такого-то времени» (которая означает, что только в это время топоним, построенный по данной модели, зафиксирован письменно, и не означает, что он возник в это время), с другой стороны, корреляции иными материалами.

Помимо описания продуктивных моделей, которым соответствуют сразу несколько топонимов одного временного периода, необходимо фиксировать и модели редкие, непродуктивные, которым соответствует, возможно, только один известный топоним. Информация о редких моделях может оказаться весьма существенной в решении вопросов ареальных связей разных регионов или развития данных типов в исторической перспективе.

Знание фонда и стратиграфии региональных моделей может сыграть важную роль в этимологизации и датировке названий. Например, зная, что модель ойконимов отантропонимического происхождения с формантом *-jь* была продуктивна до XII в., возможно опре-

делить, что топоним ***Ростиславль*** (не упоминаемый в ранних памятниках письменности) возник до этого времени. Установление основных моделей древнерусского периода входит в задачу нашего исследования.

«Модели топонимов» как инструмент исследования широко использует в своих работах исследователь карельской топонимии И. И. Муллонен. В работе, посвященной заонежской топонимии, она рассматривает большой круг моделей данного региона, в том числе модели с терминами *остров, река, ручей* (*Кокостров, Лейрека, Сараручей*), апеллятивами *большой, великий* и др., модели «дорожной», «ландшафтной» топонимии, а также проводит их ареальную, хронологическую и этноязыковую интерпретацию [Муллонен, 2008, с. 177-178].

Итак, тема «Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе» подразумевает решение ряда проблем региональной ономастики, актуальных для современного этапа ее развития, путем изучения комплекса собственных имен отдельного региона в ономасиологическом, структурно-семантическом, историческом (синхронном и диахронном), методологическом, прикладном аспектах. С одной стороны, работа призвана зафиксировать результаты, имеющиеся на данный момент, с другой стороны, представить авторское решение традиционных проблем региональной ономастики и открыть новые возможности для региональных исследований в таких областях, как топонимическое (ономастическое) картографирование, структурирование ономастического текста, ономастическая реконструкция, интеграция и популяризация научных знаний по региональной ономастике.

ЧАСТЬ I
АКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Глава 1
Региональный корпус имён собственных: Проблема структурирования, картографирования и создания электронной базы данных

1.1. Источники материала региональных ономастических исследований

Для изучения региональной ономастики, как современной, так и исторической, необходим круг надежных источников. От имеющихся источников в значительной степени зависит реальное наполнение исследуемого ономастического пространства и возможности его изучения, а также степень достоверности полученных результатов.

Основными источниками региональной исторической ономастики являются различные по времени составления письменные документы. Как правило, все они создавались для разных целей: исторических, топографических, административных, хозяйственных, и не преследовали цели фиксации имен собственных как объектов научного (лингвистического) изучения. Онимы разных разрядов представлены в этих документах неравномерно.

Наиболее ранними источниками являются *древнерусские памятники письменности.* Круг этих источников обозрим. К ним, прежде всего, относятся древнейшие летописные своды: Повесть временных лет (предположительно 1113 г.), Лаврентьевская летопись (1377 г.), Ипатьевская летопись (древнейший список датируется ок. 1425 г.), а также более поздние летописи – Никоновская и Воскресенская (XVI в.).

Ценность этих источников для ономастических исследований заключается в том, что в них содержатся названия русских земель, городов (центров кня-

жеств), рек, церквей, монастырей, а также наименования жителей по месту жительства, имена князей, княгинь, личные имена и прозвища людей других сословий. Многие русские города и географические объекты упоминаются в этих летописях впервые, а следовательно, формы, в которых зафиксированы топонимы, могут рассматриваться как наиболее ранние, что важно для ономастики. Однако, несмотря на несомненную ценность названных источников, для региональной ономастики они оказываются малоинформативными, так как в них упоминаются лишь названия центральных городов и рек княжеств, а топонимы областного значения встречаются в летописях крайне редко, как правило, только в связи с каким-то важными историческими событиями, происходящими в той или иной местности. В итоге список названий отдельной территории (древнерусского княжества), составленный на основе выборки из летописных текстов, оказывается весьма немногочисленным и не отражает реальный состав корпуса топонимов древнерусского времени.

Более информативными для региональной ономастики оказываются *памятники местного (областного) летописания*. Оно велось в XII-XIII вв. в Новгороде, Суздале, Ростове, Переяславле [Русский язык, 2003, с. 218-219]. С кон. XIII в. записи велись в Твери, Пскове; с 20-х гг. XIV в. начинается летописание Москвы [Там же]. Однако многие областные летописи не сохранились, в том числе черниговские, переяславские, рязанские, полоцкие [Свод лет. Ряз., с. 6].

В этой связи особую значимость для региональной ономастики приобретают произведения светской литературы, в которых описываются события, произошедшие в землях Древней Руси. В частности, для рязанской ономастики таким источником оказывается воинская повесть XIII в. *«Повесть о разорении Рязани Батыем»*, повествующая о трагических событиях 1237 г. В повести упоминаются 5 рязанских топонимов (из них впервые название города ***Ижеславец,*** одного из разоренных в ходе нашествия Батыя городов), имена рязанских и пронских князей, княгинь, их детей, знатных рязанцев (в том числе имя рязанского вельможи *Евпатия Коловрата*). Несмотря на то, что повесть дошла до нас в списках XVI-XVII вв., написана она была, как полагают, вскоре после описываемых событий,

а следовательно, подразумевается высокая достоверность приводимых в ней ономастических сведений.

О битве 1378 г. в Рязанском вел. княжестве повествует другая повесть – «*О побоищи на реце Воже в Рязанской земли»* [ПЛДР, с. 92-94, Свод лет. Ряз., с. 202-203], в которой также упоминается ряд местных топонимов.

Еще один известный памятник древнерусской литературы – «Задонщина» («Слово Софония рязанца») – представляет интерес для исследователей ономастики Тульской и Рязанской земель. Произведение, созданное в 80-е гг. XIV в., вскоре после Куликовской битвы, содержит названия русских земель, городов, крупных и мелких рек (в частности, гидронимы ***Дон, Днепр, Мечa***), полей (в частности, хороним ***Половецкое Поле***), а также имена князей, бояр, монахов-воинов [Русский язык, 2003, с. 440]. В «Хождении Пимена в Царьград» 1389 г. зафиксировано еще несколько названий южной части Рязанского княжества [ПСРЛ, т. XI, 1862, с. 95-104].

Топонимы Муромской земли древнерусского времени можно найти в «Муромской топографии», приводимой в труде В.Н. Татищева «История Российская» [Свод лет. Ряз., с. 7].

Круг литературных произведений, представляющих интерес для региональной ономастики, индивидуален для каждого региона. В частности, исследователи топонимии Восточного Забайкалья используют в качестве источников древних онимов «Сокровенное сказание монголов», историко-литературный памятник XIII в., а также эпос бурятского народа «Гэсэриаде» [Жамсаранова, Шулунова, 2003, с. 6].

Особую ценность для ономастических исследований представляют исторические документы юридического характера: договоры, дарственные, купчие и проч., содержащие корпус топонимов и антропонимов определенной местности.

Говоря о наиболее ранних письменных источниках имен собственных, нельзя обойти вниманием особый тип источника – палеографические надписи на различных предметах, стенах древних сооружений, а также бересте – берестяные грамоты.

Берестяные грамоты как источники имен собственных используются уже давно, но этот вид источника доступен не для всех регионов. Наиболее многочисленны находки берестяных грамот в Новгороде. Древнейшая из найденных здесь грамот относится к перв. пол. XI в., позднейшая — к сер. XV в. По сообщению В.Л. Янина, только в грамотах XII в. одного Троицкого раскопа «фигурируют имена более двухсот новгородцев, не известных по другим источникам» [Янин, 2003, с. 16]. С 1982 г. систематическую работу по изучению языка новгородских грамот, в том числе системы собственных имен, ведет академик А.А. Зализняк [Янин, Зализняк, 1986; 1993]. В разные годы берестяные грамоты обнаружены в Старой Руссе, Пскове Смоленске, Торжке; по одной в Москве, Рязани, Витебске, Мстиславле [Янин, 2003, с. 15].

Чрезвычайный интерес для исследователя древней ономастики представляют отдельные археологические находки, а именно бытовые предметы: глиняные горшки, рыболовные снасти, инструменты, игрушки – с надписями, содержащими собственные имена. Как правило, такие находки носят единичный характер. При этом они поддаются более или менее точной датировке, а потому представляют особую ценность для ономастического исследования: древность найденного в земле бытового предмета говорит и о древности начертанного на нем имени, а если имя не зафиксировано в памятниках письменности, значение источника еще более возрастает. Интересными в этой связи представляются надписи на рыбацком грузиле, пряслице и корчаге для вина IX-XIII вв., обнаруженные при раскопках на территории исторического Рязанского вел. княжества. Надписи содержат имена людей, живших в данной местности несколько столетий назад (эти имена подробно рассматриваются в Главе 4, разд. 4.3.5, в составе корпуса древнерусской антропонимии региона).

Несмотря на очевидную научную ценность, имена на ископаемой домашней утвари, игрушках и прочих бытовых вещах пока остаются вне поля зрения ученых-ономатологов, а сама тема археологических находок этого типа как источников имен собственных еще не получила должного научного освещения.

Безусловно, поиск новых и надежных источников для региональных исследований требует кропотливой работы в архивах, музеях, библиотеках, центрах археологии. Эту работу существенно упростили бы сборники летописных упоминаний и каталоги археологических находок по отдельным областям, однако такие издания имеются лишь в некоторых регионах. Одним из примеров является книга А.И. Цепкова «И были полки Ольговы…»: Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х гг. XVI в.» [Свод Лет. Ряз., 1994], в которой собраны летописные упоминания, относящиеся к Рязанскому вел. княжеству. Информативной и полезной для исследователя является научно-справочная серия «Археологическая карта России», выпускаемая Институтом археологии РАН с 1992 г. и содержащая обобщенные сведения по археологии всех областей России [АКР].

В памятниках русской деловой письменности XVI-XVII вв. ономастика представлена уже достаточно полно. Особый интерес для региональных исследований представляют уездные документы, которые составлялись в Московском государстве непосредственно в каждом регионе. Часть этих документов издана. Богатейший корпус средневековой ономастики содержат «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси кон. XIV – нач. XVI в. В 3-х т.» [АСЭИ, 1952, 1958, 1964], включающие акты монастырей и их обителей, а также акты мелких землевладельцев.

Ценным источником имен собственных являются *писцовые книги* и *десятни*. Средневековые рукописные книги составлялись с целью регистрации используемых уездных земель и их владельцев, получивших данные земли в качестве платы за военную службу. Писцовые книги будучи статистическим документом дают современному исследователю богатый материал географических названий, хотя топонимия разных разрядов представлена в них неравномерно: наиболее полным является корпус ойконимов, корпус гидронимов не многочисленен (главной целью документа являлась опись земельных владений, а они концентрировались вокруг поселений). В качестве дополнительных географических ориентиров приводятся микротопонимы – названия небольших природных объектов: оврагов,

возвышенностей, логов, лосков, полей, лесков. Писцовые книги содержат и богатый антропонимический материал: в них зафиксированы личные календарные (крайне редко некалендарные) имена, средневековые отчества и фамилии, а также антропонимические формулы того времени. Такие же сведения по антропонимии содержат *десятни* – описи служилых людей, приписанных по службе к уездному городу.

Некоторые регионы имеют в своем распоряжении специфические письменные источники, так как в средние века они занимали особое географическое, социальное или военное положение. Так, например, в пограничных областях, входивших в XVI-XVII вв. в систему Большой Засечной черты Русского государства, ежегодно составлялись *дозорные книги*. Ценность этих книг заключается в обилии микротопонимического материала: в каждой дозорной росписи подробно перечислялись объекты засечной черты: овраги, насыпи, мелкие речки, ручьи, болота, рощи, лощины и под., благодаря чему современные исследователи имеют возможность изучать и систему средневековой микротопонимии, самой недолговечной группы топонимов, и лексический состав русского языка этого времени, в том числе диалектизмы.

Исследователи смоленской ономастики располагают такими специфическими источниками, как Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг., документы из Польского стана, Метрика Великого княжества Литовского; документы содержат имена жителей средневекового Смоленска и смоленскую топонимию [Соловьёв, 2005, с. 5].

Для таких земель, как Сибирь, Забайкалье, информативными оказываются путевые заметки путешественников и миссионеров. Богатым источником топонимии является «Корнильевский чертеж» («Чертежная книга Сибири»), автором которого считается Семен Ремезов. Чертеж составлен в 1673 г., на нем показаны территории разных народов Сибири, а также народов Поволжья и Приуралья [Русская ономастика, 1994, с. 76].

Массовость памятников деловой письменности по территории современной Центральной России, богатство представленного в них ономастического матери-

ала объясняют многочисленность работ по средневековой ономастике центральных русских областей.

Важное место в системе ономастических источников занимают издания XIX в., прежде всего различные статистические сборники и метрики. Среди них особо следует отметить «Списки населённых мест Российской империи» Центрального статистического комитета, образованного специально для этой цели в 1863 г. В списках зафиксированы населенные пункты всех российских губерний, показано административно-территориальное деление уездов и волостей, описано географическое положение каждого селения. Подача материала осуществляется относительно дорог и трактов, но с указанием водного объекта или урочища, при котором находится населенный пункт. Только в период с 1861 по 1885 год было издано 43 выпуска, каждый из которых посвящался отдельной губернии; издание продолжалось и в последующие периоды. Списки Центрального статистического комитета дают в руки современного исследователя подробнейшие сведения по топонимии и микротопонимии дореволюционной России.

В XIX веке во всех российских губерниях начинают составляться Дворянские родословные книги с указанием фамилий всех дворянских родов губернии. Сегодня эти книги являются не только хранилищем имен и фамилий, но и источником по изучению социально обусловленной группы антропонимов – антропонимии дворян. Такие же возможности, но в изучении антропонимии другой социальной группы, предоставляют списки рабочих местных заводов и фабрик, активно создаваемые в XIX в. для административных целей.

Безусловно, в архивах хранятся и ждут своего исследователя много новых, еще не открытых документов, которые могли бы стать важными источниками по исторической ономастике.

Спектр современных источников имен собственных (XX-XXI вв.) довольно широк, но как и прежде значительное место среди них занимают административно-хозяйственные, картографические, статистические документы, то есть документы, создаваемые не для лингвистических (ономастических) целей: географи-

ческие карты, атласы автомобильных дорог, адресные и телефонные книги, официальные перечни территориальных наименований и проч.

Изучение современной топонимии невозможно без топографических карт, районных (мелкомасштабных) планов земельных и охотничьих угодий. Важное место в работе ономатологов начинают занимать картографические Интернет-ресурсы ввиду их детальности, обновляемости, удобства в использовании.

Надежными помощниками региональных исследований являются официальные справочники территориальных наименований, издаваемые областными и городскими кадастровыми организациями. Например, в Рязани в 2007 г. было выпущен «Полный официальный перечень наименований улиц г. Рязани (справочник адресных территориальных наименований)» (Информационно-кадастровый центр по землеустройству и градостроительству, 2007).

Говоря о современных материалах, имеющихся в распоряжении ученых, нельзя обойти вниманием и такой тип источника, как краеведческая литература. На первых этапах становления ономастики как научного направления местные названия были объектом изучения краеведов. Эти люди не имели специального образования, но им была интересна история родного края. Позднее их труды, особенно те, в которых были собраны местные названия, прозвища, легенды, свидетельства старожилов, стали источниками для многих научных исследований. В Читинской области таким источником является рукопись забайкальского краеведа Н.С. Тяжелова «История населённых пунктов Читинской области» [Жамсаранова, Шулунова, 2003, с. 7].

Ни один ученый, занимающийся региональной ономастикой, не обходится без материалов собственных полевых сборов. В ходе лингвистических экспедиций собираются местные названия (микротопонимы), прозвища – семейные и уличные имена, а также легенды, объясняющие происхождение названий. Материалы, собранные учеными, помогают зафиксировать, сохранить и объяснить ономастическую лексику, имеющую, в большинстве своем, устную форму бытования, а также отметить явления и процессы, происходящие в современной ономастике.

Таким образом, традиционный круг источников имен собственных региональной ономастики включает: памятники письменности, палеографические надписи на бересте и бытовых предметах, историческую, географическую, краеведческую литературу, статистические сборники, материалы собственных полевых сборов.

На основе информации, полученной из этих источников, создаются собственно ономастические списки (каталоги) имен собственных. Специализированные списки являются наиболее удобным для современного исследователя источником изучения региональной ономастики. Однако основная проблема заключается в малочисленности подобных изданий, а по некоторых регионам – в полном отсутствии таковых, в связи с чем актуальным для данного этапа развития науки является вопрос создания специализированных ономастических списков, напрямую связанный с вопросом структурирования ономастического материала и принципов его расположения в списке.

1.2. Структурирование ономастического материала и создание регионального каталога имен собственных

1.2.1. Известные каталоги и картотеки имен собственных

Для разноаспектного изучения региональной ономастики необходим максимально полный каталог имен собственных (географических названий, личных имен, прозвищ, фамилий) данного региона, который бы позволял отбирать представленный в нем материал в соответствии с целями и задачами исследователя. Ономастикон является важнейшей составляющей, основой любого исследования, поэтому его формирование, наряду с накоплением материалов по этимологии названий, является обязательным этапом в изучении ономастики региона, в подготовке и создании региональных ономастических словарей и энциклопедий.

Несмотря на относительную малочисленность составленных специально для лингвистических целей каталогов имен собственных, их пребывание в научном обороте подтвердило востребованность и научную ценность работ подобного

типа. Наиболее известными ономастиконами являются каталоги Н.М. Тупикова, С.Б. Веселовского, П.Л. Маштакова, Г.П. Смолицкой.

Словарь-справочник Николая Михайловича Тупикова «Словарь древнерусских личных собственных имен», изданный в 1903 г., стал одним из первых каталогов по антропонимии [Тупиков, 1903]. Словарь включает корпус личных имен, находившихся в употреблении до XIX в.

С 1974 г. в активном научном обороте находится антропонимический список Степана Борисовича Веселовского «Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища, фамилии» [Ономастикон, 1974]. Ономастикон составлен на основании большого количества опубликованных и неопубликованных источников (летописей, актов, разрядов) и содержит несколько сотен собственных имен (фамилий, прозвищ, личных имен) людей разных социальных групп (князей, бояр, дворян, крестьян, ремесленников, воинов и т.д.). В каталоге представлены материалы, относящиеся к землям Северо-Восточной Руси XV – XVII вв. Антропонимы в списке располагаются в алфавитном порядке. В Предисловии к книге (автор В.И. Буганов) также поднимается проблема создания ономастических каталогов, в частности, отмечается, что бедность работ по русской исторической ономастике не в последнюю очередь связана с тем, что «до сих пор не собран и не систематизирован огромный антропонимический материал, разбросанный в большом количестве печатных и архивных источников» [Ономастикон, 1974, с. 2].

Важную роль в развитии русской топонимики сыграли работы лингвиста Петра Лазаревича Маштакова. В период с 1913 по 1934 год были изданы его каталоги по гидронимии бассейнов Днестра, Южного Буга и Дона: «Список рек Днепровского бассейна. С картой и алфавитным указателем» (1913 г.), «Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). С картой и алфавитным указателем» (1917 г.), «Материалы для областного водного словаря» (1931 г.), «Список рек Донского бассейна» (1934 г.) [Маштаков, 1913, 1917, 1931, 1934]. Каталоги не только стали важными источниками многих топонимических исследований, но и послужили основой для развития идеи структурированного списка, согласно которой геогра-

фические названия в топонимиконе должны располагаться не в алфавитном, а гидрографическом порядке.

В 1976 г. в издательстве «Наука» вышел каталог окских гидронимов «Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер)» [Смолицкая, 1976]. Он был составлен по примеру каталогов П.Л. Маштакова и учитывал опыт его работ. Список включает более 30 тысяч топонимов (преимущественно гидронимов), расположенных в гидрографическом порядке. Значение каталога трудно переоценить: он дал толчок новым полномасштабным исследованиям в области тоонимики и до сих пор служит основным источником материала для всех, кто занимается изучением гидронимов бассейна Оки. Более чем через 30 лет, уже после смерти автора, список был переиздан в рамках проекта «Рязанский этнографический вестник».

К сожалению, подобные каталоги, в которых была бы собрана и систематизирована топонимия по каждому региону России, пока не стали достоянием широкой научной общественности. Хотя во многих областях в течение десятилетий составляются специализированные топонимические картотеки. В картотеках фиксируются местные географические названия и основные сведения о них: тип денотата (референт имени), местоположение, произношение, написание, особенности употребления в речи местных жителей. Как правило, такие картотеки создаются в региональных научных центрах, лабораториях при высших учебных заведениях или же отдельными учёными. В частности, топонимическая картотека ведется в лаборатории «Лингвистическое краеведение Забайкалья» (создана на основе полевых и архивных материалов, включает более 4000 топонимов; более 1000 названий извлечены из архивных источников); известна Томская топонимическая картотека, включающая более 300 тысяч географических названий [Суперанская и др., 2009, с. 81]. Основой многих исследований по топонимии Европейского Севера России стала объединенная картотека полевых материалов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Санкт-Петербургского университета, материалы для которой собирались в 1970-1990-х гг. [Муллонен, 2008, с. 6].

Вплоть до недавнего времени топонимические картотеки были рукописными, топонимы в них располагались на отдельных бумажных карточках, которые, в свою очередь, размещались в специальных ящиках в алфавитном порядке. С аналогичной картотеки начиналась работа над «Гидронимией бассейна Оки». В настоящее время эта картотека хранится в библиотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва), где работала ее автор, д.ф.н. Г.П. Смолицкая. Однако если картотека окских гидронимов изначально создавалась как картотека для монографии, которая рано или поздно должна была увидеть свет, то большинство региональных картотек такой цели не преследовали, так как составлялись прежде всего как основа региональных топонимических исследований. «Региональность» картотек, заключающаяся не столько в региональном характере материала, сколько в местонахождении самих картотек, в их территориальной привязке к определённому вузу или квартире учёного-составителя, делает информацию, хранящуюся в них, труднодоступной для исследователей из других регионов, что в известной степени тормозит ход научной работы, в частности, не позволяет проводить сравнительный анализ топонимиконов разных областей России, устанавливать связи или различия между ними.

Эти проблемы были бы сняты, если бы сведения региональных картотек были изданы в виде отдельных списков / каталогов и введены в широкий научный оборот. Однако эта работа сопряжена с рядом трудностей, связанных в том числе и с поиском ответов на вопросы: каким образом должны быть представлены сведения картотек в печатном издании? в каком порядке и в соответствии с какими принципами структурирования должны располагаться топонимы? названия каких разрядов должны быть отобраны для списка?

1.2.2. Основные критерии топонимического каталога

Обзор существующих на сегодняшний день каталогов имен собственных показывает, что они имеют узкую специализацию и ограничены определенным разрядом (например, гидронимия, микротопонимия), группой (например, урбанонимы, названия озер и болот, названия улиц) или временным отрезком (например,

топонимия XVI-XVII вв., современная топонимия). Новый уровень региональных исследований заставляет изменить содержание создаваемых топонимиконов и принципы их формирования. Уже давно существует потребность в максимально полном каталоге географических названий каждого отдельного региона, который включал бы имена разных разрядов (названия поселений, водных объектов, небольших природных и рукотворных объектов) и разных временных периодов, как исторические, так и современные.

В каталоге должны быть приведены все известные формы названия, начиная с самой древней до современной, что требует обобщения сведений доступных архивных документов, официальных и неофициальных списков разных времен.

Топонимы в каталоге, в отличие от бумажных картотек, не должны располагаться в алфавитном порядке, так как это разрывает территориальные и ареальные связи, существующие между названиями.

Каталог должен иметь возможность обновляться и пополняться: с одной стороны, новыми названиями, с другой – новыми сведениями об уже размещенных в списке топонимах.

Безусловно, создание подобного каталога – длительный и трудоемкий процесс. Авторы всех опубликованных ономастиконов потратили на их создание годы и десятилетия своей жизни. В частности, С.Б. Веселовский собирал материал для списка древнерусских антропонимов на протяжении нескольких десятилетий, особенно интенсивно эта работа шла в 1930 – 1940-е годы, а книга увидела свет только в 1974 г. Автор «Гидронимии бассейна Оки» Г.П. Смолицкая посвятила сбору гидронимов и формированию картотеки более 13 лет: работа началась в начале 1960-х гг., а издан каталог был в 1976 году. Однако максимально полные ономастические (топонимические) каталоги по каждой области России объективно необходимы, их создание является насущной задачей современной региональной ономастики. Одним из первых опытов может служить обобщенный каталог по топонимии Рязанской области.

1.2.3. Опыт создания каталога топонимов отдельного региона

Каталог «Топонимия Рязанской области (список географических названий)» сформирован на основании авторской картотеки, содержащей информацию о 4000 местных топонимах. В нем предпринимается попытка совместить эти данные, включающие прежде всего ойконимы и микротопонимы, с материалами каталога гидронимов Г.П. Смолицкой [Смолицкая, 1976], относящихся к территории Рязанской области. Ввиду объемности материала и трудоемкости процесса выборки и систематизации названий, каталог предусматривает несколько выпусков, каждый из которых должен представлять топонимию отдельного района Среднего Поочья (бассейнов основных притоков Оки в ее рязанском течении: Вожи, Прони, Пары, Цны и Мокши, Пры, Гуся, Сынтулки). В 2010 г. издана первая часть Списка, охватывающая территорию бассейна реки Прони, одного из крупнейших правых притоков Оки (юго-западная часть области) [Гордова ТРО, 2010]. В Списке реализованы основные принципы современного каталога топонимов отдельного региона, разработанные автором на основе опыта ономастических каталогов XX в.

1.2.3.1. Состав каталога

Каталог включает в себя географические названия разных разрядов. В состав Списка включены наименования населенных пунктов: городов, сел, деревень, поселков; водных объектов: рек, озер, прудов, ручьев, протоков и проч.; названия лесов, урочищ, оврагов, верхов, других небольших объектов. Список содержит как современные, так и исторические названия, относящиеся к очерченной территории – всего около 1100 топонимов.

Основное внимание каталога 1976 г. «Гидронимия бассейна Оки» (далее – ГБО) сосредоточено на гидронимическом фонде. Однако практика региональных исследований показывает, что в ряде случаев гидронимия не полностью отражает состав регионального корпуса топооснов, формантов и моделей. В частности, в работе Ю.П. Чумаковой «Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным» при анализе названий с топоосновой

тереб-, на основании материалов ГБО, указывается, что основа представлена лишь в нескольких топонимах: два объекта расположены в районе правых притоках Оки от Осетра до Раки и два – в бассейне Осетра [Чумакова, 1992, с. 75]. Однако привлечение более широкого топонимического материала меняет эту картину, так как топооснова *тереб-* известна не только в гидронимии, но и в ойконимии и микротопонимии, в частности, в названиях: д. ***Теребуская, Теребонский*** *лес*, ***Теребунский / Теребункинский / Теребинский*** *липяг* [ПК, I, с. 115, 136, 141, 144, 147], урочище ***Трибуна*** (очевидно, видоизмененное из ***Теребуна***) [Гордова ТРО, 2010, с. 67]. Важно и то, что ареал приведенных названий не совпадает с ареалом гидронимов. Эта новая информация о географии топоосновы неизбежно ведет и к новым, более точным выводам, в данном случае касающимся зоны расселения славян, принесших в Поочье топонимы группы *тереб-*. Расширяет она и круг объектов, мотивированных данной топоосновой (это не только водные объекты, но и урочище, роща, небольшой лесок, населенный пункт), и спектр ее значений: «местность на месте сведенного леса», «река, протекающая по местности, где раньше был лес», «поселение на месте сведенного леса», «молодая роща, выросшая на месте сведенного леса».

Таким образом, ограничение списка одним разрядом топонимов ведет к тому, что названия оказываются «вырванными» из топонимического контекста (окружения), и вне поля зрения исследователя остается много важной и ценной в научном плане информации.

Особое внимание при составлении списка «Топонимия Рязанской области» уделено микротопонимии. По замечанию О. Винцелера, микротопонимический материал является «ценнейшим капиталом для истории той или иной местности», который надо собирать пока еще не поздно [Цит. по: Суперанская и др., 2009, с. 30]. Региональный каталог – лучший способ сохранения этой, быстро изменчивой группы топонимической лексики.

1.2.3.2. Источники материала

Источниками топонимов для Списка послужили исторические и современ-

ные документы, мелкомасштабные карты, материалы собственных полевых сборов. Из исторических источников использовались Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси к. XIV-XVI вв., Полное собрание русских летописей, Писцовые книги Рязанского края XVI в. [АСЭИ, т. 3, 1964; ПК, I, Вып. 1, 2, 1996; ПСРЛ, Т. I – XXXIX, 1841-1994]. Из современных источников использовались издания: «Археологическая карта России: Рязанская область», «Материалы и исследования по рязанскому краеведению», «Рязанская область. Административно-территориальное деление. Справочник» [АКР, I, 1993; III, 1996; Материалы и исследования, 2000-2017; Сп 1997].

Важными источниками явились топографические карты и планы: «Атлас Рязанской области», «Рязанская область. Топографическая карта», «Атлас автомобильных дорог: Россия, страны СНГ, Европа, Азия» [Атлас-2002; Карта 1995; Атлас АДР, 2002], Планы земельных угодий Ряжского района Земельного отдела Администрации Ряжского района Рязанской области 1988 г. На основании данных карт формировалась последовательность расположения топонимов списка.

1.2.3.3. Принцип подачи материала

Принцип расположения материала, представленный в Списке, учитывает опыт предшествующих каталогов. Однако в известной степени он является уникальным, так как в Списке представлены топонимы разных разрядов и разных временных пластов, что усложняет задачу структурирования элементов списка.

О невозможности использования при этом алфавитного порядка уже говорилось выше. Два других принципа предполагают подачу топонимов либо в границах административных зон либо относительно водной системы. Первый принцип допустим в ономастиконах, представляющих современную онимию (именно этот принцип используется в административно-хозяйственных списках XIX и XX вв., в которых названия сгруппированы вокруг центров волостей / районов). Однако ввиду непостоянства административных границ и наименований самих территориальных образований для универсального топонимического каталога ориентация на современное административное деление ненадежна.

В основу расположения материала в списке «Топонимия Рязанской области» (далее – ТРО) положен «гидрографический» принцип, так же, как и в каталогах П.Л. Маштакова и Г.П. Смолицкой: названия располагаются в географическом порядке, относительно речной системы как наиболее устойчивой природной системы, и в плане расположения, и в плане обозначения (именования). Однако введены некоторые изменения.

В отличие от каталога гидронимов 1976 г., названия приводятся в последовательности не от истока к устью реки, а от устья к истоку, что отражает преимущественное направление освоения новых территорий в древности.

В ГБО сначала приводятся левые, затем правые притоки рек. В общем каталоге топонимов такое разделение часто оказывается невозможным, так как многие населенные пункты располагаются по обе стороны реки, либо в устье реки, либо на значительном удалении от водного объекта. Поэтому названия приводятся в географической последовательности, независимо от того, на левобережье или правобережье они находятся; сначала объекты, расположенные ближе к реке, затем – удаленные от нее.

Пример столбца:

4.Р. ***Лубя́нка*** (п.п. р. Хупта)
(4) П. Кра́сное (л.б. р. Лубянка)
(4) П. Мары́ (п.б. р. Лубянка)
5.Р. /-----/ (л.п. р. Лубянка)
(5) О. Со́кол (л.б. реки) – урочище (2002)
(5) О. Весёлый (п.с. реки) – урочище (2002)
6.Р. /-----/ (л.п. реки)
(6) П. Бара́новка (у истока реки) – б.н.п. (2002)
(6) О. Красноарме́йка – урочище (2002)
(5) О. Чи́бизовка (л.б. реки) – урочище (2002)
(5) О. Согла́сие (л.с. реки) – урочище (2002)
6.Р. /-----/ (л.п. реки)
(6) О. Стре́льчево (у истока реки) – урочище (2002)
(5) П. Кобы́лино (у истока реки)
(4) О. Матве́евские Вы́селки (л.б. р. Лубянка) – урочище (2002)
(4) О. Кра́сные Пруды́ (п.с. р. Лубянка) – урочище (2002)
(4) П. Лубя́нки (у истока р. Лубянка)

Микротопонимы даются около поселений или рек, близ которых располагаются именуемые объекты.

Пример столбца:

Микротопонимия г. Ряжска
Драбода́н – местечко у реки.
Жары́ – район в черте города.
Золото́й – неофициальное название магазина.
Мали́новый овраг – овраг, по которому протекает ручей Малиновый.
Протопо́повский сад – местечко на берегу реки Хупты, бывшие владения помещиков Протопоповых.
Фо́фоновка (Фо́фонка) – неофициальное название одного из городских районов, бывшая Фофоновская слобода, ныне ул. Фофоновская.
Черёмушки – неофициальное название одного из городских районов.
Чёртов мост – дорога, идущая через Малиновый овраг.
Ямско́й луг – луг на берегу р. Хупты, рядом с бывшей Ямской слободой.

Нелокализованные топонимы приводятся общим списком рядом с ближайшим ориентиром.

Пример столбца:

Течение реки Малая Хупта
4.Р. ***Ма́лая Ху́пта*** (л.п. р. Хупта) – река: Мал. Хупотка (XIX, ГБО).
(4) П. Введе́новка (л.б. р. М. Хупта) – село
(4) О. Во́льный Труд (п.б. р. М. Хупта) – урочище (2002)
(4) П. Журави́нка (л., п.б. р. М. Хупта) – село
(4) П. Ку́ровщина (л.б. р. М. Хупта)
(4) О. Лемзяки́ (п.б. р. М. Хупта) – урочище (2002)
(4) П. Салтыки́ (л., п.б. р. М. Хупта) – село
(4) П. Кузьми́нка (л.б. р. М. Хупта)
(4) О. Роговóе (л.с. р. М. Хупта) – урочище (2002)
(4) О. Качи́хин (л.с. р. М. Хупта) – урочище (2002)
(4) П. Лебя́жье (л.б. р. М. Хупта) – нежилое (2002)
(4) П. Загря́дчина (л.б. р. М. Хупта) – нежилое (2002)
(4) П. Коре́ево (п.б. р. М. Хупта) – нежилое (2002)

Левобережье р. Малая Хупта (ГБО):
О. Сосенской ржа́вец – ржавец
О. Земляно́й Ржа́вец – овраг
О. Хупоцко́й ржа́вец – ржавец
О. Сухо́й – отвершек
О. Сухо́й – отвершек

Правобережье р. Малая Хупта (ГБО):
О. Моховó́й – отвершек
О. Топкой Ржа́вец – исток
О. Большо́й Ржа́вец – исток
О. Земляно́й Ржа́вец – овраг
Исток реки М. Хупта

Такое расположение позволяет не нарушать топонимические общности, сложившиеся в каждом отдельном районе, чего невозможно достичь при разделе-

нии материала по левым и правым притокам. При составлении Списка исключение сделано лишь для течения главной реки Оки, которая делит всю территорию Рязанской области на две части: левобережье и правобережье. Топонимия левобережного и правобережного Поочья дана отдельно.

Внутри бассейнов всех крупных притоков Оки (Прони, Мокши, Пры и т.д.) выделяются отдельные районы (например, течение Хупты, Алешни, Верды), если они имеют более или менее чётко сформированный фонд названий. На территории бассейна р. Прони выделено 36 таких участков.

Изменен ретроспективный принцип расположения форм при каждом названии (от современной до наиболее древней – в ГБО): сначала приводится современная форма названия, затем, после двоеточия, все известные его формы – от первой зафиксированной до современной, со ссылками на источники. Такая последовательность, на наш взгляд, не нарушает историю развития онима.

Пример абзаца:

П. Пронск (л., п.б. р. Проня) – пгт, адм. центр Пронского р-на: «в Пронске» (1146, Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 171), Проньскъ (1207, Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, с. 181-182), г. Пронск, с. Пронск (1926), р.п. Пронск (1958).

При составлении Списка были устранены неудобства, которые возникали при работе с каталогом гидронимов, а именно: сложная система отступов, не позволяющая в ряде случаев (без использования линейки) установить, притоком какой реки и какого порядка является тот или иной объект. В новом списке для удобства при каждом притоке указан порядковый номер; порядковый номер притока дублируется при каждом объекте, который относится к данному водному объекту (при этом номер заключается в скобки).

Пример столбца:

4.Р. ***Бурми́нка*** (п.п. р. Хупта)
(4) П. Кра́сная Степь (п.б. р. Бурминка)
5.Р. ***Лесовая Бурми́нка*** (п.п. р. Бурминки) – река (XIX, ГБО)
(5) О. Кра́сная Степь (л.б. р. Лесовая Бурминка) – урочище (2002)
(5) О. Казённая Да́ча (у истока р. Лесовая Бурминка) – урочище (2002)
(4) П. Бурми́нка (л.б. р. Бурминка) – село (XIX, ГБО)
(4) П. Борщево́е (у истока р. Бурминка)

Во время работы над Списком были устранены неточности, связанные с соотнесенностью рек. В частности, р. *Мостья*, значившаяся в ГБО как приток 5 порядка, в ТРО показана как река 3 порядка, так как она является притоком р. Рановы, реки 2 порядка относительно главной реки Оки. Р. *Летогоща*, представленная в ГБО как левый приток р. *Лютая* [ГБО, 1976, с. 184], по современным географическим картам является самостоятельным притоком реки *Мостья*, так же, как и река *Лютая*; эти изменения внесены в ТРО [Гордова ТРО, 2010, с. 9, 10].

Для удобства пользования каталог содержит и иной вид подачи топонимов, при котором весь материал располагается в алфавитном порядке. Алфавитный список открывает дополнительные возможности для установления продуктивных основ, формантов и моделей региональной топонимии.

Пример столбца:

Городецкие Выселки, н.п.
Городецкое, н.п.
Городецкое, н.п.
Городище, б.н.п.
Городок, урочище
Городок, н.п.
Городок, урочище
Горохово, н.п.
Горюнова, р.
Грачевка, урочище
Грачи, н.п.
Гремучий, н.п.
Гремячее, н.п.
Гремячее, н.п.
Гремячка, н.п.
Гремячка, н.п.
Гремячка, р.
Гремячка, урочище

1.2.3.4. Условные обозначения

Для Списка разработана система условных обозначений. Она позволяет упростить представление материала, сделать его максимально понятным и универсальным.

1. Цифрами (без скобок, от 2 до 6) обозначены реки, притоки Оки. Цифра показывает, притоком какого порядка является тот или иной водный объект относительно главной реки Оки: 3. ***Мостья*** – приток третьего порядка.

2. Цифрами в скобках обозначены поселения и небольшие объекты, расположенные вдоль течения реки (с той же цифрой): (3) Октябрь – н.п. Октябрь расположен вдоль течения реки Мостья.

В скобках после топонима указывается более точное месторасположение объекта: (3) П. Октябрь (л.б. Мостьи).

3. Заглавная буква перед топонимом указывает на тип объекта: Р. – водный объект, П. – поселение, О. – небольшой природный объект. Вид объекта – географический указатель (река, ручей, пруд, озеро, деревня, село, верх, овраг и т.д.) – указан после топонима: 2.Р. ***Коня́шкино*** (л.б. р. Проня) – озеро.

Названия водных объектов даны полужирным курсивным начертанием: ***Мостья***.

4. Л.п., п.п. (для водных объектов) – левый приток, правый приток. Л.б., п.б. (для поселений и микрообъектов) – левый берег, правый берег (если объект находится в непосредственной близости от реки); и л.с., п.с. – левая сторона, правая сторона (если объект удален от реки).

5. /-----/ – нет сведений о топониме, либо они нуждаются в уточнении.

1.2.3.5. Научный потенциал каталога

Безусловно, Список не является окончательным, он требует уточнений и дополнений, особенно в части названий мелких речек, не обозначаемых на современных географических картах. Нуждаются в постоянном дополнении и формы названий, зафиксированные в разных по времени составления источниках. Однако разработанный шаблон размещения названий разного типа позволяет вносить правку в имеющийся Список без нарушения его целостности**.**

Каталог открывает широкие возможности для изучения региональной топонимии. Он избавляет исследователя от длительного этапа изучения многочисленных источников и выборки ономастического материала. Список дает информацию о составе региональной топонимии, о представленных в ней топоосновах и топоформантах, структуре названий, местоположении денотатов. Географический принцип расположения топонимов позволяет увидеть общий топонимический ландшафт местности, в том числе топонимические гнезда (названия одного района, связанные общим корнем), а также служит основой для установления ареальных связей. Таким образом, представленный каталог позволяет проводить ономастические исследования по разным направлениям и в разных аспектах, а также даёт возможность сопоставления топонимического материала разных русских регионов.

Список предназначен в первую очередь для специалистов по ономастике, но его материалы могут быть интересны и представителям других лингвистических направлений (в частности, диалектологии, лингвистической географии) и областей знаний (этнографии, географии, истории).

Подробный список местных топонимов необходим и для плодотворной деятельности региональных топонимических комиссий, так как при выборе имени для новых объектов обязательно учитываются сложившиеся топонимические традиции и топонимические комплексы.

Помимо решения практических задач современной ономастики работа по сбору и систематизации топонимов отдельного региона способствует развитию местного краеведения, а также имеет огромное и, возможно, еще не до конца реализованное дидактическое, воспитательное и социальное значение. Топонимическая работа способна активизировать поисковую и исследовательскую деятельность в школе и вузе, она помогает выявлять и воспитывать будущие научные кадры, стимулируя и направляя в деятельное русло познавательные интересы и творческую активность молодого поколения.

Разработанная методика структурирования топонимического материала может быть использована по отношению к топонимии других российских регионов, имеющих развитую речную сеть.

1.3. Картографирование ономастического материала и создание топонимического атласа региона

1.3.1. Ономастическая картография как направление лингвистической географии. Планы создания Топонимического атласа России.

Не менее значимой и актуальной задачей региональной ономастики является картографирование собранного ономастического материала, создание серии ономастических карт и на их основе регионального ономастического (топонимического) атласа.

Ономастическая карта – это графическое представление ономастического

пространства территории. Каждое название на карте имеет своё географическое местоположение и показано в реальном природном и топонимическом окружении. Это позволяет осуществлять пространственный анализ ономастических фактов и явлений и получать сведения о зонах их распространения и связях, как внутри региона, так и между регионами.

Картографирование может быть использовано при изучении региональной ономастики в исторической перспективе. Серия карт, фиксирующих состояние ономастической системы на каждом временном этапе, в итоге, представляет хронологию развития ономастики, демонстрируя ее качественные и количественные изменения.

Ономастическая картография может быть признана одним из направлений лингвистической географии, которая изучает вопросы территориального размещения языков и языковых явлений [Кибрик, 2016]. Идея лингвистического картографирования принадлежит Измаилу Ивановичу Срезневскому. В 1915 г. был опубликован «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», авторами которого стали члены Московской диалектологической комиссии Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков.

Важный этап в истории лингвистической географии связан с именем Рубена Ивановича Аванесова, который разработал основы теории картографирования в связи с созданием «Диалектологического атласа русского языка». Базовые положения этой теории изложены им в монографии «Вопросы теории лингвистической географии» (1962 г.). Позднее они были учтены при создании «Общеславянского лингвистического атласа» (далее – ОЛА), исследующего различные языковые явления в группе славянских языков [Русский язык, 2003, с. 118-119, 220-221]. Этим опытом может воспользоваться и ономастика.

Уже давно озвучена идея создания общероссийского топонимического атласа, однако до сих пор она остается нереализованной. Основой этого проекта могли бы стать региональные топонимические атласы, по примеру диалектологического атласа русского языка, который создавался на базе пяти региональных атласов (один из них – Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы – был опубликован в 1957 г.) [Русский язык, 2003, с. 42].

Суть различий общенациональных и региональных языковых атласов один из авторов ОЛА П.Н. Лизанец раскрывает следующим образом: «Цель общенациональных атласов – отразить наиболее важные для данного языка явления, региональных – охватить сравнительно небольшую территорию с густой сеткой нас. пунктов и отразить на картах (узко)локальные языковые черты, представляющие специальный интерес для изучения истории языка…» [Лизанец, 1988, с. 125]. Таким образом, каждый тип атласа обладает своей ценностью: общенациональный атлас способен аккумулировать явления, отмеченные в разных районах одной страны, ценность регионального атласа – в его подробности, детализированности. Всё это в полной мере относится и к ономастической картографии. Однако активного создания региональных ономастических атласов в России пока не отмечено, а следовательно, нет основы для создания атласа общероссийского.

Ещё в 1972 году обсуждался проект Топонимического атласа Центра (далее – ТАЦ), который, судя по названию, должен был охватить территорию Европейской части России. Разработкой принципов его построения занимались, в частности, Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая. Свои идеи они излагали на заседаниях Географического общества СССР [Поспелов, 1972, с. 7-9; Смолицкая, 1972, с. 9-10]. Предполагалось, что содержание атласа составят три раздела, посвященные топонимии субстратной (иранского, тюркского, балтийского типа), славянской и современной нерусской (мордовской, карельской). Карты должны были отразить лексико-семантический состав и словообразовательную структуру топонимов, помимо этого, динамику развития топонимической системы и ее современное состояние; к картографированию планировалось привлечь разные разряды топонимов, а также местные географические термины [Поспелов, 1972, с. 7]. К сожалению, проект так и не был осуществлен.

Еще ранее, в 1966-1967 гг., на заседаниях Географического общества СССР обсуждался план создания Гидронимического атласа Украины (далее – ГАУ). Он должен был стать и частью общеславянского ономастического атласа, и частью атласа украинской ономастики. Всего ГАУ планировал объединить около 200 топонимических карт, представляющих картографируемый материал (гидронимы)

в структурно-семантическом и хронологическом аспектах [Рубцова, 1967, с. 31-33]. Этот проект также не был реализован, несмотря на единодушное признание исключительной важности создания ГАУ (ввиду особой роли территории Украины как исторического центра Древней Руси) и широкое обсуждение принципов построения атласа научной общественностью.

Главные причины того, что и ГАУ и ТАЦ остались лишь проектами в истории ономастики, по всей видимости, заключались в отсутствии сильного организационного и направляющего центра, способного объединить усилия многих ученых-ономастов, в том числе и региональных, а также слабое техническое обеспечение научных групп, без которого осуществление работ подобного рода невозможно. По всей видимости, те же причины тормозят и создание современных региональных топонимических атласов. В исследовании 2008 г. И.И. Муллонен и Д.В. Кузьмин отмечают: «В практике ономастического исследования картографирование отдельных топонимных моделей нередко, однако создание атласов, позволяющих продемонстрировать не только целый комплекс фактов, но и их взаимосвязи, ареальное наложение и оппозиции, устойчивость ареальных границ, центры инноваций и т. д., не получило распространения» [Муллонен, Кузьмин, 2008, с. 217]. В этой связи карельским ономастом И.И. Муллонен было осуществлено несколько проектов, в том числе проект «Топонимический атлас Карелии», в рамках которого подготовлено 50 карт, сопровождающихся лингвистическими и этноисторическими комментариями, и проект создания информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», в которой данные топонимической базы автоматически связываются с электронной картой, показывая расположения топонимов, топонимических элементов и их ареалов [Муллонен, Кузьмин, 2008, с. 220].

1.3.2. Лингвистические принципы составления ономастической карты.

Объекты картографирования и темы карт

Разные направления лингвистической географии имеют общие цели и задачи. Так же, как и для диалектологии, для ономастики представляет интерес вопрос

совпадения или несовпадения границ разных языковых фактов и явлений при выявлении областей языкового родства и их этническая атрибуция. Однако, несмотря на общность цели, составление топонимической карты имеет некоторые отличия от составления карты диалектологической, что требует формулировки основных принципов подобной работы, именно применительно к ономастическому материалу, и с учётом имеющего в ономастике опыта, к сожалению, весьма небольшого.

Объектом картографирования в ономастике являются как отдельные факты, так и типовые явления, причем они могут быть показаны как в синхронном, так и диахронном состоянии, в зависимости от целей и задач исследования.

При структурно-семантическом подходе к изучаемому материалу объектом картографирования являются:

- топоосновы (напр., *черн-, ржав-, пал-, ист-*),

- топоформанты (напр., *-ур, -ус, -ас, -лей, -ляй, -ищи, -ичи, -на*),

- тополексемы (напр., *Лоск, Ржавец, Гать, Липяг, Городище, Засека*),

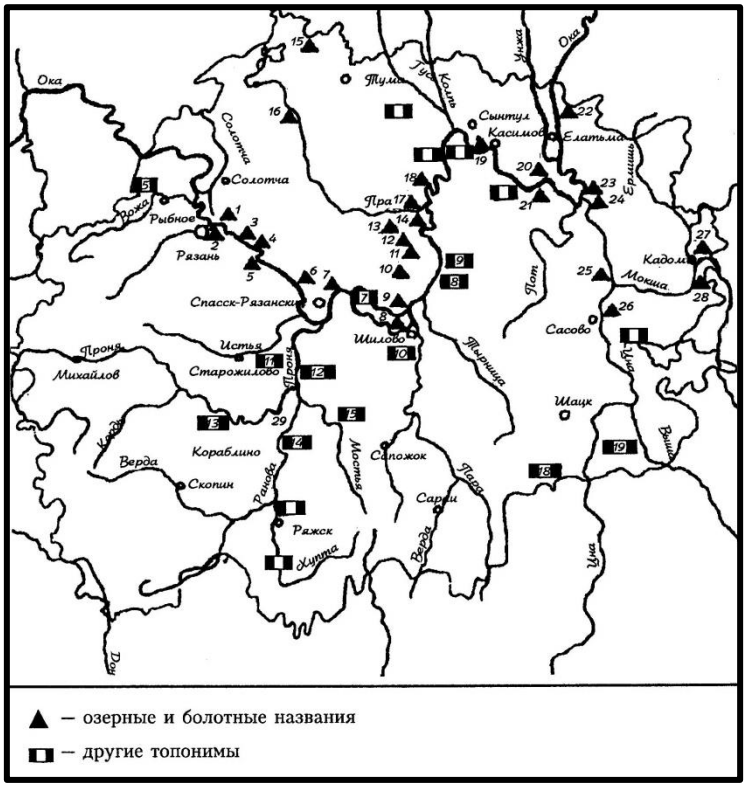
- топонимические модели (напр., посессивные образования на *-ja, -je* типа ***Летогоща, Летогоще***; аффиксальные образования, отражающие местоположение объекта, типа ***Заречье, Подлипки***).

Часто на картах отмечают распространение местных географических терминов (*лоск, ржавец, гать, липяг*) и других типов нарицательной лексики, так или иначе связанной с именами собственными (например, детерминативы).

При хронологическом подходе к материалу составляются карты по топонимии отдельных временных пластов, например древнерусской, среднерусской, современной. При изучении имён в исторической перспективе объектами картографирования могут стать явления и процессы, протекающие во времени и изменяющие топонимическую систему; такие карты показывают, в частности, исчезновение старых и появление новых формантов, замену продуктивных формантных типов, моделей, изменение доли топонимов изучаемой группы (например, связанных в христианской культурой) в общем топонимиконе региона.

Практика составления топонимических карт показывает, что наибольшей информативности удаётся достичь при привлечении к картографированию топонимов разных разрядов: ойконимов, гидронимов, микротопонимов. Ограничение в отборе топонимического материала по его видовой принадлежности, даже если это задано темой исследования, в итоге даёт искаженную или неполную картину изучаемого явления, особенно при выявлении его ареала.

Невозможность использования в картографировании названий одного разряда вытекает из того, что мы, в большинстве случаев, имеем дело с топонимической системой, уже претерпевшей некоторые изменения: многие первичные названия этой системы могли быть утрачены, при этом их древние элементы, представляющие интерес для исследования, могли сохраниться в названиях смежных объектов – объектов иного типа. Некоторые топонимические элементы изначально более активны в других разрядах.



Карта 1. Гидронимы балтийского типа. Сост. И.Н. Хрусталёв. 2009 г.

Понимая это, исследователи, изучающие только гидронимы или только ойконимы, как правило, оговаривают факт использования на поле карты более широкого материала. Так, в работе И.Н. Хрусталёва «Названия озёр и болот Рязанской области» [Хрусталёв, 2009, с. 134] на карте гидронимов балтийского типа помимо озёрных и болотных названий, являющихся основным объектом исследования, показаны и другие топонимы аналогичного происхождения (названия рек, поселений), что позволяет значительно расширить выявляемый ареал (Карта 1[1]).

[1] Карты, представленные в параграфе в качестве примеров, опубликованы в работах указанных авторов, выходные данные работ приведены в Списке иллюстративного материала в конце I тома диссертации.

Чем древнее картографируемый топонимический пласт, тем большую значимость приобретают названия рек. Карты ТАЦ по субстратной топонимии Центра планировать создавать именно по данным гидронимии.

В свою очередь, для древних топонимов наиболее надёжным признаком картографирования являются формантные показатели. Связано это с тем, что со временем количество названий, не соотносимых с апеллятивами, увеличивается, что приводит к усилению роли форманта при изучении таких топонимов [Суперанская и др., 2009, с. 65]. Вычленение форманта основано на повторяемости финальной части в нескольких названиях, приуроченных к одной территории. По формантам выявляются и ареалы древних топонимов.

Основным объектом картографирования названий более поздних топонимических пластов выступают топоосновы и тополексемы. Карты топооснов и тополексем показывают: 1) территорию их распространения, 2) активность (продуктивность) в том или ином районе, 3) направления движения носителей языка и историко-языковые связи регионов.

1) Территория распространения топоосновы (тополексемы) составляет её ареал. В основных чертах он может совпадать с ареалом соответствующего апеллятива. Однако, как установлено Г.П. Смолицкой, специально занимавшейся этим вопросом на материале гидронимии, «ареал апеллятива может расширяться по сравнению с ареалом гидронимии в случае вхождения апеллятива в повсеместное употребление (*дебрь, долъ*), ареал апеллятива может сужаться в связи с приобретением им узколокального диалектного характера (*плота, теребъ*), может передвигаться в связи с изменением ареала реалии (*рамень* и *раменье, юръ*)» [Смолицкая, 1981 (2), с. 21].

2) Вопрос активности (продуктивности) топоосновы посредством ономастической карты может быть решен лишь относительно, так как он напрямую связан с вопросом первичности / непервичности топонимов. Не всегда частотность топоосновы является показателем её продуктивности. Если мы имеем дело с топонимическим гнездом, то названия в нем имеют общую топооснову, но по происхождению являются производными образованиями, соотнесенными лишь с од-

ним топонимом, как правило, названием крупного поселения или реки, которое и является первичным. В этом случае можно говорить только о степени влияния данного названия, а не об активности топоосновы.

Примером такого гнезда может служить группа топонимов, локализующихся на левом и правом берегу Оки (в ее рязанском течении), в районе реки ***Черемушка***: дер. ***Большой Санчур***, ***Малый Санчур***, перекат ***Санчурский***, овраг ***Санчурский***. Все они объединены общей топоосновой, но по происхождению восходят к названию самой старой деревни (изначально – ***Санчур***).

С другой стороны, выявление всех топонимических гнезд и отношений внутри гнезда требует очень кропотливой и длительной работы, а подчас ввиду отсутствия нужных источников, исчезновения первичного топонима, масштабности территории, охваченной картографированием, сделать это просто невозможно. Поэтому целесообразно наносить на карту все известные названия (без учета фактора первичности / вторичности), оговаривая это в примечании, а если связь смежных топонимов установлена, обозначать топонимическое гнездо особым значком.

Возможность образования топонимов посредством транстопонимизации, при которой производные имена уже не мотивированы исходным апеллятивом, существенно отличает объекты ономастической карты от объектов карты диалектологической, например, лексем, бытующих в той или иной местности.

3) Ономастическая карта может показывать направление движения носителей языка и историко-языковые связи регионов, хотя информация, предоставляемая картой, может быть интерпретирована по-разному. Не всегда известность топоосновы (тополексемы) в разных регионах является показателем исторической связи этих регионов или указателем миграции топонимов. Во многих случаях она свидетельствует об общеупотребительности топонимической лексики и общности языковой среды русских регионов.

Более надежным критерием в решении данных вопросов являются фонетические или морфологические особенности топонимов, отражающие диалектные варианты их произношения или образования, а также редкие названия. Например,

в «Словаре народных географических терминов» Э.М. Мурзаева приводится около 20 апеллятивов с корнем *алес- / олеш-,* служащих для обозначения природных реалий, связанных с ольхой [Мурзаев, 1984, с. 412]. В каждом районе бытовала вполне определенная лексема (например, в Смоленске – *алес*, в Новгороде и Пскове – *олешье*), что и нашло отражение в местной топонимии. Именно такие факты представляют интерес для картографирования при поиске исторически связанных территорий.

Аналогичную роль играют редкие названия. Одним из них является гидроним окского бассейна ***Ранова***, сопоставимый с названием ручья в Черновицкой области ***Ранова Долина*** [Чумакова, 1992]. Такие любопытные соответствия могли бы составить содержание топонимической карты, а условные линии, соединяющие топонимы, наглядно продемонстрировать возможные связи двух отдаленных регионов.

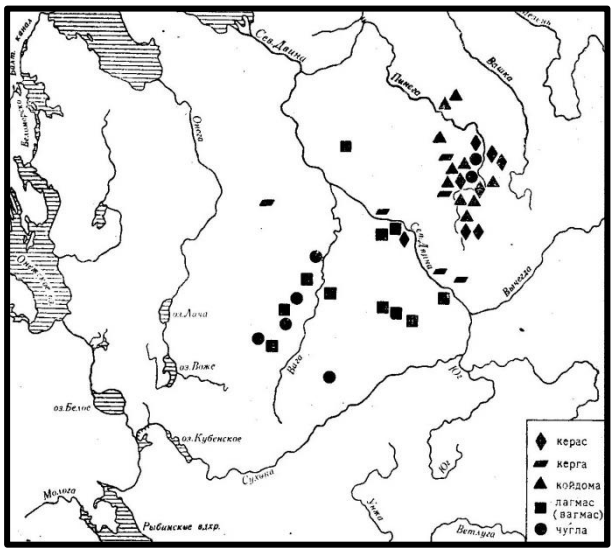
1.3.3. Технические принципы составления ономастической карты

Необходимость создания ономастической карты неизбежно ставит исследователя перед проблемой, каким образом осуществить задуманное, чтобы процесс картографирования был одновременно простым и результативным. Современные технические средства позволяют создавать многофункциональные и многоцелевые карты, разнообразные по форме и содержанию. Как правило, карты создаются при помощи компьютера на базе специально разработанных для этих целей ГИС–программ[2] (MapInfo Professional, ESRI ArcGIS и др.) или на базе графических редакторов (Adobe Photoshop, CorelDraw и др.).

Эти программы подходят и для ономастических карт. Наиболее эффективным методом их составления представляется метод послойного картографирования, с использованием *карты-основы*, *опорного (косметического) слоя* и *тематических слоев (карт)*. Подобная технология успешно применяется при создании карт фундаментальной энциклопедической серии «Языки мира», выпускаемой в Институте языкознания РАН с 1993 г. (автор-составитель карт Ю.Б. Коряков, см., в частности: [БЯ]); она может быть адаптирована и к нуждам ономастики. При

[2] ГИС - Географические Информационные Системы.

этом необходимо учитывать специфичность картографируемого материала: каждый оним является отражением совокупности ономастических явлений, то есть несёт в себе самую разнообразную информацию.



Карта 2. Распространение терминов *керас, керга, койдома, лагмас, чугла*. Сост. А.К. Матвеев. 1970 г.

Картой-основой может выступать любая географическая карта, содержащая максимально доступный объем информации, то есть карта, наиболее полно отражающая топонимию представляемого региона. Географическая основа необходима для того, чтобы отображаемые объекты ономастического пространства соответствовали своему действительному географическому положению.

Своеобразным каркасом ономастической карты, к которому в дальнейшем привязывается вся картографируемая информация, является так называемый *опорный (косметический) слой*. На нем отображается водная сеть региона, наиболее устойчивая природная система.

На этот слой накладываются отдельные *тематические слои*, которые создаются на базе карты-основы путем выбора и отображения на отдельном поле необходимой информации. Каждый слой содержит лишь один тип данных: например, топонимы в форме ***Березня***, или топонимы с формантом *-ынь,* или топонимы финно-угорского происхождения.

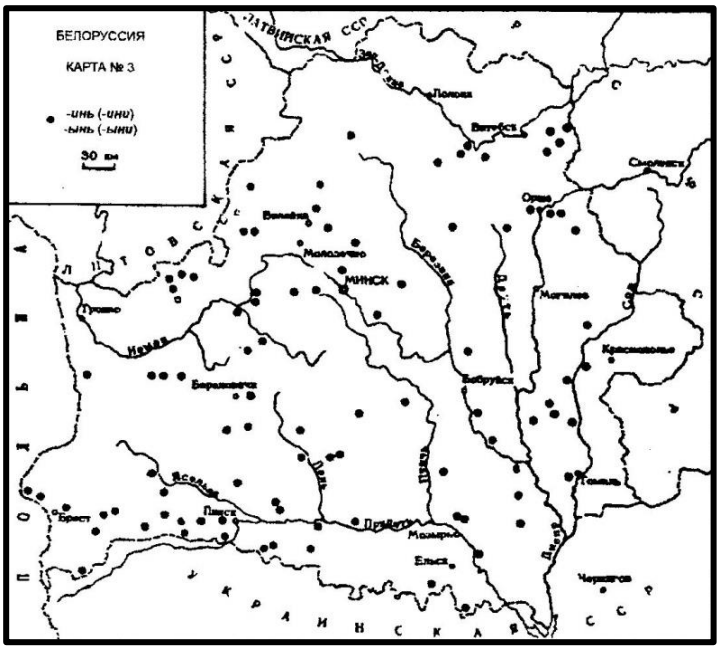
На базе одного слоя или совокупности слоев создаются *тематические карты*. Послойное расположение материала дает возможность совмещать слои друг с другом в разнообразных комбинациях, в зависимости от поставленных целей, и получать как частные, так и общие выводы.

Например, карта распространения топонимов ***Березня*** может быть совмещена, с одной стороны, с картами распространения топонимов типа ***Березовое, Березовка, Березынь*** и т.д. – для получения общей картины распространения топоосновы *берез-*, а с другой стороны, с картами распространения топонимов ана-

логичной структуры: ***Алешня, Черемошня*** и т.д. – для получения общей картины распространения топонимов на *-ня*.

Карта распространения субстратных топонимов с формантом *-ур* (типа ***Нинур, Дандур***) может быть совмещена и с картой распространения топонимов на *-ор* (типа ***Нинор***, ***Тикор***), и с картой распространения топонимов на *-чур* (типа ***Ванчур***) – для установления возможного родства данных типов.

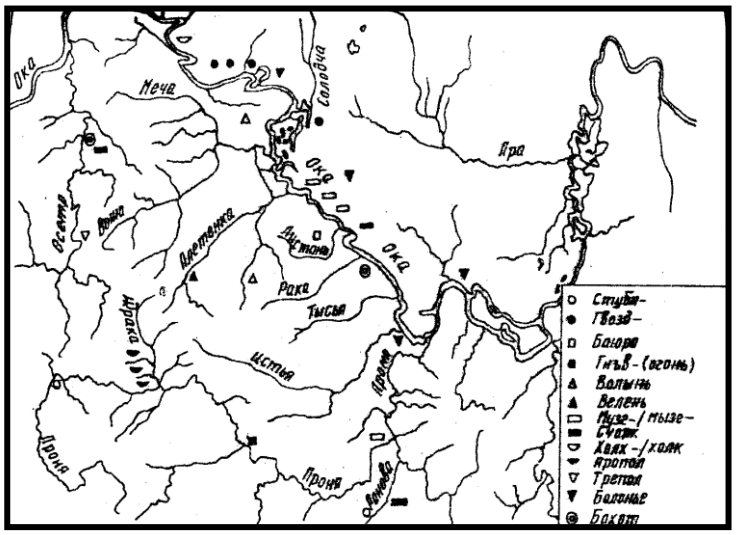
Наличие слоев избавляет исследователя от многократного составления карт с частично повторяющейся информацией и позволяет быстро формировать новую тематическую карту. По мере накопления материала данные каждого слоя карты могут пополняться – путем добавления новых объектов. При необходимости формируются новые слои и новые тематические карты. Таковы основные принципы построения ономастической карты.



Карта 3. Белорусский ареал топонимов с финалью *-ынь / -инь*. Сост. З.В. Рубцова. 1974 г.

Карта должна иметь четкую и понятную *систему условных знаков*. Для обозначения объектов на карте в зависимости от их типа применяются точки, значки, фигуры, линии. Точкой, как правило, обозначают явления, связанные с ойконимами и другими локальными объектами. Для узкотематических карт допустимо размещение наименований картографируемых объектов на поле карты. Если же карта отображает несколько типов объектов или охватывает значительную территорию, то на ней проставляются лишь условные знаки, а их содержание раскрывается в легенде (Карты 2, 3).

При нанесении на карту большого количества условных знаков карта становится трудночитаемой. При этом нарушается одно из главных требований, предъявляемых к карте, наглядности. Такие трудности возникают, в частности, при прочтении Карты 4 (см.), на которой показана география одновременно 13 типов древнерусских топонимов в районе Средней Оки, помимо них отмечено много рек, в том числе и таких, вдоль течения которых топонимы соответствующего типа не встречаются, что ещё более «утяжеляет» карту. При современном способе составления карт – методом послойного картографирования – эти трудности удалось бы избежать.



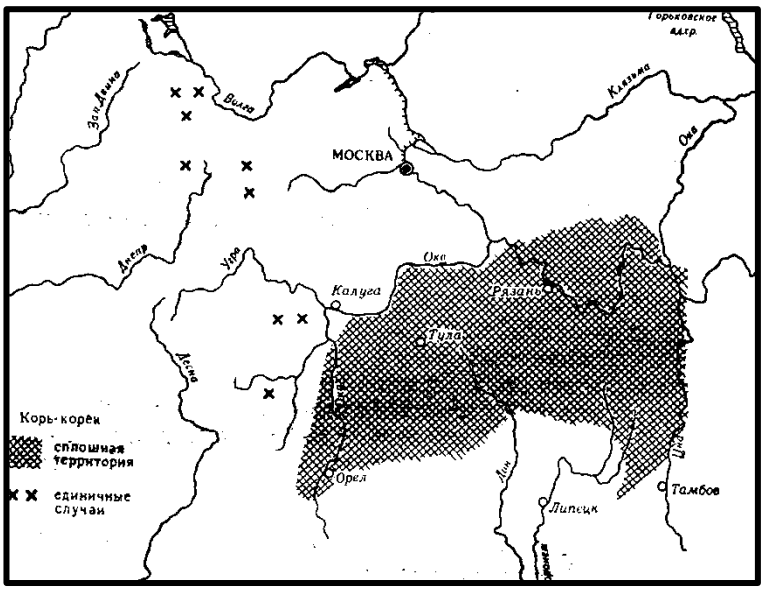
Карта 4. Древнерусская топонимия Среднего Поочья. Сост. Ю.П. Чумакова. 1992 г.

Говоря о системе условных знаков, необходимо отметить, что на ономастической карте отмечаются не только точечные, но и линейные объекты, что отличает ее от карты диалектной, на которой картографируются лексические, фонетические, морфологические, синтаксические особенности языка той или иной местности, всегда привязанные, в конечном итоге, к населённому пункту (точечному объекту).

На топонимической же карте часто отмечают названия рек, которые характеризуются протяженностью, иногда значительной (в частности, длина Оки – 1500 км, длина Ловати (впадает в оз. Ильмень) – 536 км., длина правого притока Днепра Роси – 346 км). При этом не всегда известен номинационный центр водного объекта, то есть то место, где река получила свое название, и откуда затем оно распространилось по всему течению. На картах гидронимы часто обозначают одним значком, что следует признать не совсем корректным: реки являются линейными объектами, при помощи линий их и следует отображать на топонимической карте.

Возможности технических программ позволяют очерчивать отдельные районы (ареалы), выделять их цветом или штриховкой (Карты 5, 6). Безусловно, благодаря новым технологиям удается достичь более совершенного исполнения этого.

Районирование, цвет и штриховка, наряду с геометрическими знаками и линиями, составляют систему условных знаков. Она раскрывается в *картографической легенде*, которая сопровождает карту и позволяет читать ее.



Карта 5. Распространение термина *корь - корёк*. Сост. Г.П. Смолицкая. 1970 г.

Карту (серию карт) может сопровождать и *текстовый комментарий,* который в общих чертах описывает то, что изображено на карте. В частности, к карте З.В. Рубцовой (Карта 3) прилагается следующий комментарий: «Карта… отражает распределение 89 топонимов с финалью *-ынь / -инь* типа ***Белынь, Рубрынь, Грини, Седыни***, плотно располагающихся в Припятском Полесье, затем на юго-востоке Белоруссии по линии Ельск – Краснополье; дугой охватывает юго-восточную окраину Витебской области и, наконец, рассредоточивается на западе Белоруссии по линии Вилейка – Барановичи к северу, на границе с Латвией и Псковской областью РСФСР, а также в центре, к югу и юго-западу от Минска они встречаются спорадически» [Рубцова, 2011, с. 136].

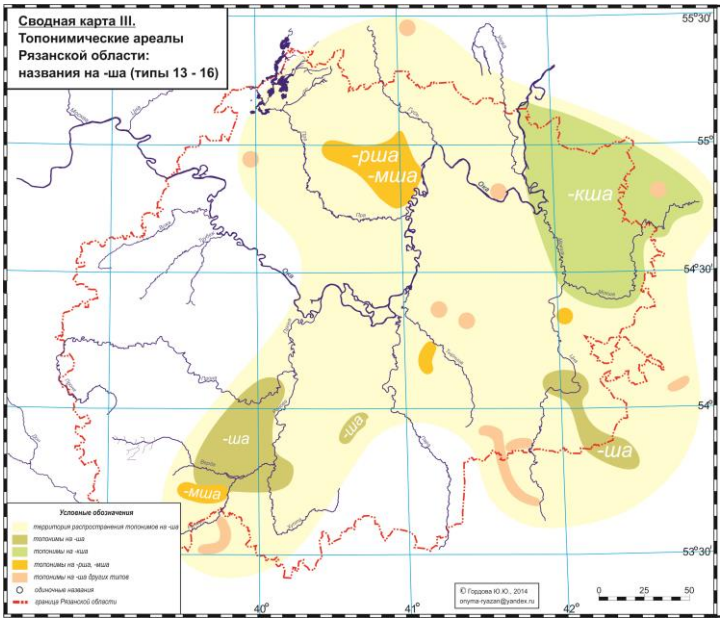
Независимо от наличия комментария, любая карта должна оставлять возможности для анализа и интерпретации изображенного на ней респондентами – то есть служить самостоятельным источником научной информации.

Ономастические карты могут не только составлять содержание ономастического атласа или включаться в текст научных сочинений, но и – как средство наглядной информации – сопровождать лекционные и семинарские занятия в ву-

зах, выступления на конференциях, презентации научных и научно-популярных книг по ономастике.

1.3.4. Опыт создания топонимического атласа региона

Изложенные лингвистические и технические принципы современного картографирования использованы нами при создании «Топонимического атласа Рязанской области», который издан отдельной монографией в 2015 году [Гордова, 2015]. Издание является первым печатным региональным топонимическим атласом России.



Карта 6. Карта ареалов названий на *-ша*. Сост. Ю.Ю. Гордова. 2014 г.

Атлас представляет собой серию тематических карт (с лингвистическим комментарием), демонстрирующих распространение основных типов субстратной топонимии Рязанской области: финно-угорской, балтийской, неясного происхождения. На картах показаны гидронимы, ойконимы и микротопонимы, имеющие отношение к картографируемым типам, и ареалы данных типов. Всего в Атласе представлено 58 карт, в том числе: сводных – 8, детализированных – 31, вспомогательных – 19. Карты созданы на базе графических редакторов Adobe Photoshop CS6 Extended, CorelDraw X8.

Сводные карты демонстрируют распространение одновременно нескольких топонимических типов (от 4 до 8). Такие карты позволяют увидеть, в какой части области локализуются ареалы картографируемых типов, и как они располагаются относительно друг друга.

Каждый топонимический тип представлен на отдельной – детализированной – карте. На ней отмечены все топонимы картографируемой группы с указанием разряда (гидронимы, ойконимы, микротопонимы). Детализированные карты позволяют оценить степень продуктивности каждого типа в топонимии Рязанской

области, их видовую соотнесённость (больше характерны для названий рек, озёр, болот или поселений), компактность и замкнутость ареала, количество названий, локализующихся вне основного ареала.

К некоторым типам составлены вспомогательные карты (они даются под теми же номерами, что и детализированные, но с литерами А и Б). Вспомогательные карты показывают топонимическое окружение названий одного типа (ареала) или его «взаимоотношения» с другим типом (ареалом, как правило, соседним), особенности расположения отдельных топонимов или группы топонимов.

Карты снабжены простой системой условных знаков, ареалы топонимических типов поддержаны цветом – всё это обеспечивает легкость прочтения картографического материала независимо от уровня специальной подготовки.

Каждая карта сопровождается комментарием. Статьи с комментариями располагаются отдельно от карт, в главе «Комментарии к картам». Номера статей соответствуют номерам детализированных карт.

Комментарий включает 3 раздела: «Характеристика ареала / типа», «Интерпретация данных», «Совмещение с ареалами археологических культур / ареалами неязыковых явлений».

Первый раздел содержит список топонимов рассматриваемого типа, подробное описание зоны его распространения, особенностей распределения названий по территории (локальное, одиночное, сплошное, прерывистое), а также характеристику географических объектов (денотатов имён) и ближайшего топонимического окружения.

Во втором и третьем разделах даётся интерпретация топонимического типа на основе этимологического и историко-лингвистического анализа и с учётом данных археологии. Во втором разделе приводятся наиболее вероятные этимологии названий, существующие на сегодняшний день в науке и не противоречащие выявленным в результате картографирования ономастическим фактам (ареал данного типа, смежные ареалы, особенности района локализации).

В третьем разделе топонимический ареал совмещается с археологическими ареалами или ареалами других нелингвистических явлений, на основе чего выска-

зываются предположения о времени формирования типа и его принадлежности той или иной материальной культуре древности. Отсутствие этих данных в некоторых статьях говорит о том, что в силу неполноты лингвистических или археологических сведений межнаучная корреляция пока невозможна.

В заключительных главах приводятся материалы обобщающего характера: даётся ареальная характеристика всех районов Рязанской области; выявляются родственные типы, области топонимических единств и топонимических оппозитов; освещается вопрос взаимовлияния ареалов; восстанавливается хронология развития типов в долинах отдельных рек, предлагается возможная топонимическая стратиграфия региона.

Для корреляции данных топонимики привлекаются археологические карты и топонимические карты других авторов.

Атлас адресован в первую очередь лингвистам-ономатологам, но он может быть интересен и специалистам других лингвистических направлений и областей знания, а также широкому кругу читателей, интересующихся топонимикой.

Выработанная методика может быть использована при составлении топонимических атласов других регионов России. Региональные атласы могли бы послужить основой создания топонимического атласа Центральной России (проект 1972 г.), а в дальнейшем и общероссийского топонимического атласа. Карты по топонимии Карелии, Рязанской области являются первыми шагами на пути к этой цели.

1.4. Единая информационная система «Топонимия России»

1.4.1. Создание электронных баз данных по топонимике

Создание специализированных каталогов имен собственных и областных топонимических атласов выводит региональные исследования на новый уровень. Однако оно не решают другую проблему современной ономастики – взаимосвязи и общедоступности научной информации.

С развитием компьютерных и сетевых технологий важными источниками информации становятся электронные информационные ресурсы, поэтому акту-

альной задачей региональной ономастики является создание электронных областных баз данных, а также создание единой, взаимосвязанной и общедоступной базы данных, которая бы представляла результаты научных исследований в области топонимики, связывая воедино данные всех российских регионов и одновременно способствуя распространению гуманитарных знаний в обществе.

Запрос на получение достоверной и современной информации по топонимике в обществе существует уже давно: происхождение географических названий вызывает стойкий интерес у всех людей, независимо от возраста, профессии и социального положения. До сих пор этот запрос в некоторой степени удовлетворяли печатные издания: топонимические словари и научно-популярные книги. Однако издавались и издаются они крайне редко и небольшими тиражами. Информационные же потребности современного общества требуют более доступных и мобильных источников информации.

Проблема применения современных технологий в ономастических исследованиях и популяризации результатов научных исследований поднималась на XXV Международном ономастическом конгрессе «Имена и их окружение» («Names and their Environment», 25–29 августа 2014 г., Глазго). В частности, доклад Педера Гаммельтофта (P. Gammeltoft, Университет Копенгагена) был посвящен проблемам перехода ономастики на новый – цифровой – этап развития; по мнению автора, чтобы ономастика стала более популярной наукой, ученым необходимо «транслировать результаты своих исследований через различные интернет-порталы и мобильные приложения» [Соколова, Махиянова, 2015, с. 204].

Доступным и современным источником информации по топонимии России могла бы стать электронная база данных по топонимии России, размещённая в сети Интернет и доступная любому жителю страны, в том числе региональным ученым. Обратившись к базе данных, пользователь мог бы найти в ней информацию о географических названиях, и получить ответ на вопросы: что «означает» тот или иной топоним, как и когда он появился, какие версии происхождения названия существуют сегодня в науке, кто занимался исследованием топонима, какие публикации по этой теме существуют?

Прообразами такой единой базы данных, с одной стороны, и её составными элементами – с другой, могли бы стать региональные электронные картотеки, созданные на базе традиционных «бумажных» картотек. Электронная картотека является более мобильной и ёмкой в плане доступности, наполнения и обновления по сравнению с картотекой рукописной. Первая позволяет вместить значительно больший объём информации: и общие сведения о топониме, и статью о происхождении топонима, и относительно полную библиографию.

Впервые проблема создания электронных справочно-информационных работ по топонимике России была поднята М.В. Горбаневским. Еще в 1996 г. в своей монографии «Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей» он говорил о возможности и необходимости перевода топонимических словарей с печатных форм в электронные и о важности внедрения в исследовательскую работу топонимистов компьютерных технологий, предвидя широкое использование этих технологий в будущем [Горбаневский, 1996].

Электронные базы данных (по состоянию на 2017 год) созданы или находятся в стадии разработки в нескольких регионах России. В частности, Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН совместно с отделом ГИС-технологий Петрозаводского университета разработана информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии». Электронная база данных по топонимии Русского Севера ведется в Уральском госуниверситете. С 2011 г. работает информационно-поисковая система «Топонимия Костромской области» (проект осуществлён при финансовой поддержке РГНФ в 2011 г. [Мищенко, 2011]); с 2005 г. – автоматизированная топонимическая база данных Ингерманландии (Ленинградская область), разработанная кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского госуниверситета.

В Петрозаводске разработан и тематический web-сайт по топонимии Европейского Севера России (http://toris.krc.karelia.ru) (Институт прикладных математических исследований, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН), который включает топонимическую и библиографическую

базы данных, форум, библиотеку электронных публикаций по топонимике [Вдовицын и др. Электронная коллекция информационных ресурсов по топонимии Европейского Севера России].

Ономастический тезаурус имеется в электронном ресурсе «Библиотека лексикографа», созданном в Институте лингвистических исследований РАН г. Санкт-Петербурга д.ф.н., д.ист.н. А.А. Бурыкиным. Данный ресурс предоставляет выборку примеров из текстов различного содержания, что позволяет изучать зафиксированные имена собственные (топонимы, этнонимы, антропонимы) в различных аспектах, например: осуществлять поиск редких форм личных имен, отчеств; анализировать фразеологизмы, содержащие собственные имена; изучать просторечные, устаревшие, региональные этнонимы и дериваты от них; проводить классификацию ономастических текстов [Бурыкин, 2015, с. 18].

Очевидно, что процесс создания электронных ономастических баз данных, в том числе сетевых, является общемировым. Цифровые информационные ресурсы созданы во многих странах мира. В частности, в Великобритании функционирует крупнейшая база данных фамилий этой страны, которая включает свыше 320 000 антропонимов (проект «Family Names of the United Kingdom», рук. Ричард Коутс (R. Coates), Университет Западной Англии) [Соколова, Махиянова, 2015, с. 203].

Однако подобных информационных ресурсов нет по топонимии многих областей Российской Федерации. До недавнего времени не существовало и единой базы данных, которая бы представляла результаты научных исследований по всем регионам России, хотя ее создание являлось давно назревшей задачей российской ономастики.

Единая информационная система «Топонимия «России» разработана автором совместно с группой ученых в 2014 году. Проект реализован по гранту Российского гуманитарного научного фонда в рамках проектов создания и приобретения программного обеспечения для информационных систем в области гуманитарных наук, способствующих распространению гуманитарных знаний в обществе, № 14-04-12020 (Рис. 1). Научным консультантом проекта является ведущий специалист в области ономастической терминологии д.ф.н. Н.В. Васильева (Ин-

ститут языкознания РАН). В работе над проектом принимала участие к.ф.н. Л.С. Плавинская (Рязанский филиал Высшей школы народных искусств). Программное обеспечение для информационной системы, по созданной архитектуре и представленному техническому заданию, разработано компанией Cleator на платформе *MODX Revolution*.

1.4.2. Единая информационная система «Топонимия России»: содержание, структура, составные элементы

Единая база данных – это информационное хранилище с унифицированной системой представления топонимов различной видовой, языковой и территориальной (региональной) принадлежности. База содержит комплекс лингвистической и внелингвистической информации, позволяющей получать научно обработанные и относительно полные сведения о географических названиях России и истории их изучения.

Информационная система является одновременно научной и технической разработкой. Она включает следующие элементы: 1) систему управления базой данных (СУБД): комплекс программного обеспечения, технической поддержки и координации ресурса; 2) две базы данных: базу географических названий и базу «Топонимисты России»; 3) методическое обеспечение формирования базы данных.

База географических названий содержит информацию об истории и происхождении наименований географических объектов России. Каждый топоним располагается на отдельной электронной «карточке». Информационный комплекс включает доступные для описания признаки (их содержание раскрывается в следующем параграфе) (Рис. 1.3, 1.4).

Вторая база в составе информационной системы содержит сведения об ученых-топонимистах, внесших вклад в изучение топонимии России. На странице, посвященной каждому ученому, приводятся основные биографические данные и наиболее значимые работы по топонимике (Рис. 1.5).

База данных снабжена удобной поисковой системой, предусматривающей поиск или сортировку названий по запрашиваемым параметрам: определенный

топоним, топонимы определенного разряда (гидронимы, ойконимы, микротопонимы), топонимы определенного региона, топонимы, относящиеся к одному типу объекта (реки, поселения, улицы, леса и т.д.), топонимы определенного формантного ряда (например, названия на *-славль* типа ***Переяславль***, *-ня* типа ***Песочня***) (Рис. 1.2). Поиск осуществляется тремя путями: 1) ввод искомого топонима в поисковую строку, 2) поиск по алфавиту, 3) отбор топонимов по запрашиваемым параметрам: региону, типу объекта, виду топонима, морфеме. Поиск сведений об ученых осуществляется путем ввода в поисковую строку искомой фамилии.

Система снабжена сервисом «добавления топонимов», позволяющим размещать в базе данных информацию о новых топонимах любому ученому, в каком бы регионе он ни находился, путем заполнения соответствующих полей электронной «карточки» (Рис. 1.5).

Система внедрена и функционирует в сети Интернет с 2014 г., она размещена на специализированном сайте «Ономастика»: http://ономастика.рф. В наполнении базы приняли участие учёные разных регионов России: Москвы, Смоленска, Уфы, Волгограда, Рязани. Как показывает статистика, наибольший интерес к ресурсу проявляют пользователи в возрасте от 25 до 34 лет (более 30%), на втором месте – пользователи в возрасте от 18 до 25 лет (24,5%), на третьем месте – пользователи от 45 лет и старше (21,8%); 12% составляют пользователи младше 18 лет[3].

1.4.3. «Карточка» топонима

Одной из главных задач при проектировании информационной системы стала разработка страницы топонима – ключевого структурного элемента внешней (графической) оболочки базы данных. По аналогии с носителями информации в традиционных картотеках она условно названа «карточкой». По замыслу, «карточка» должна включать максимально полную информацию о географическом названии: статьи о его происхождении, структуре, словообразовательной модели, первом упоминании в документах, а также истории изучения. При этом постав-

[3] По данным ресурса Яндекс-Метрика за 2016 год (https://metrika.yandex.ru/dashboard?group=week&period=2015-12-29%3A2016-12-28&id=27490013).

ленная при создании базы данных задача простоты и удобства в использовании не позволяла перегружать ресурс информацией, делать его громоздким, запутанным, многоуровневым и, в итоге, трудновоспринимаемым. Эти соображения продиктовывали такие принципы создания карточки, как достаточность информации при условии ее компактности.

В связи с этим представлялось важным выделить основные, наиболее существенные признаки топонима, причем такие признаки, которые были бы релевантными для топонимов разных разрядов: ойконимов, гидронимов и микротопонимов. В результате анализа традиционных словарных статей, посвященных названиям поселений, рек и микрообъектов, было выделено 14 доступных для описания признаков, относящихся к трем видам информации: лингвистической, внелингвистической и справочно-иллюстрационной. Расположенные в определенной последовательности, они составили своеобразный план описания топонима и вместе с тем поля рабочей таблицы базы, через которую осуществляется заполнение данных по каждому названию в системе менеджмента ресурса. После сохранения сведений система генерирует данные таблицы и визуализирует их в виде отдельной «карточки» топонима во внешней оболочке базы (Рис. 1.3, 1.4). В «карточке» сохранены наименования полей рабочей таблицы. Это сделано в целях чёткой рубрикации текста и лучшего восприятия и усвоения представленной информации.

Внелингвистическую информацию в таблице и на «карточке» представляют поля: *«Регион», «Тип объекта», «Общие сведения» «Историко-культурная информация»*. Их цель – дать краткую характеристику денотата имени.

Поле *«Регион»* показывает территориальную принадлежность топонима, а также является одним из параметров поиска базы данных, например, если нужно отобрать все названия одного региона (например, Владимирской области) или одно название определённого региона (например, село Берёзово Тульской области) при условии, что такие же названия есть в других областях.

В поле *«Тип объекта»* указывается тип объекта: город, село, деревня, река, озеро, болото, ручей, пруд, урочище, поле, дорога, гора и т.д. Поле также является параметром поиска базы данных, например, если нужно отобрать для просмотра только названия городов или только названия озёр.

Рис. 1.1. Единая информационная система «Топонимия России»: главная страница

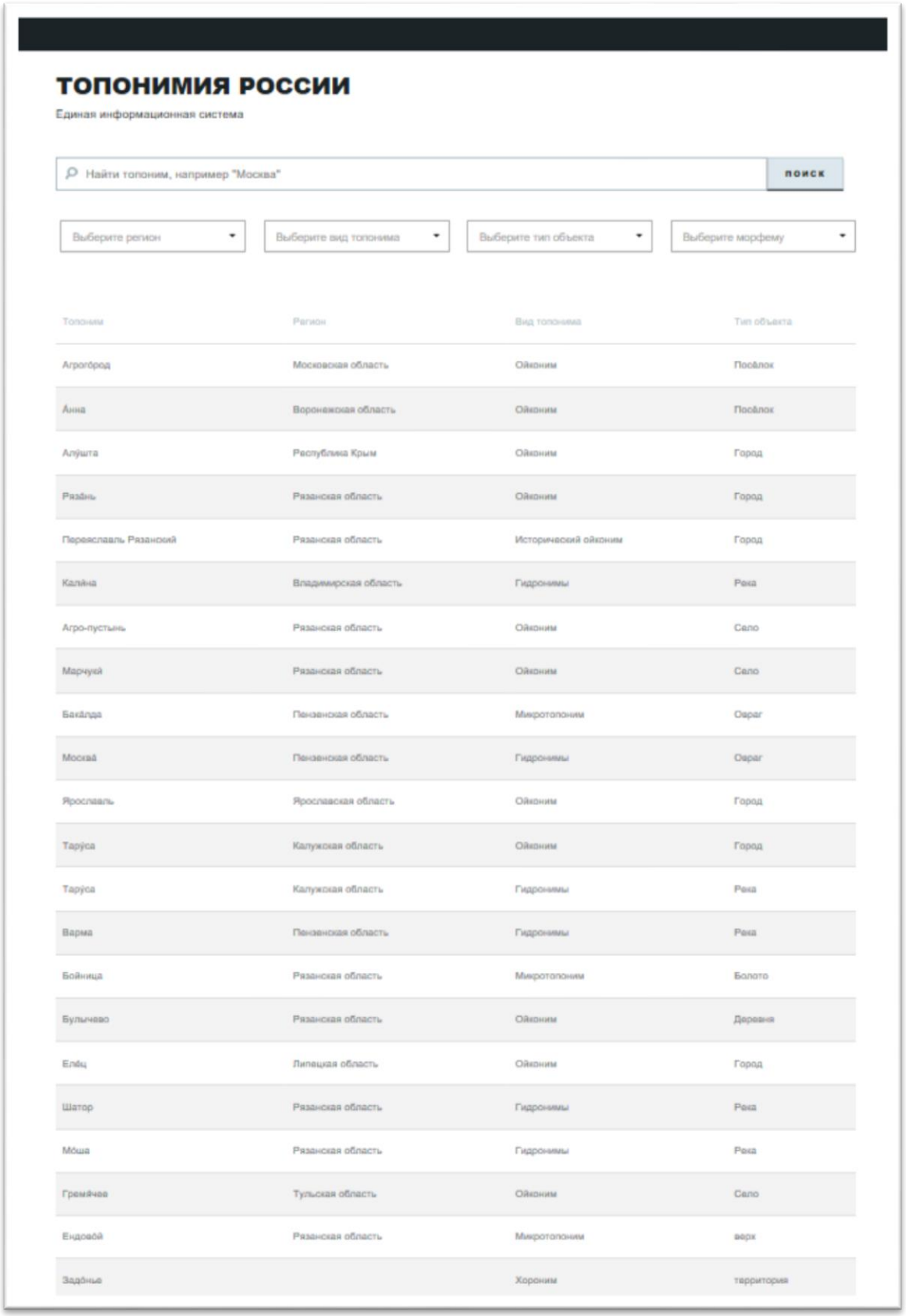
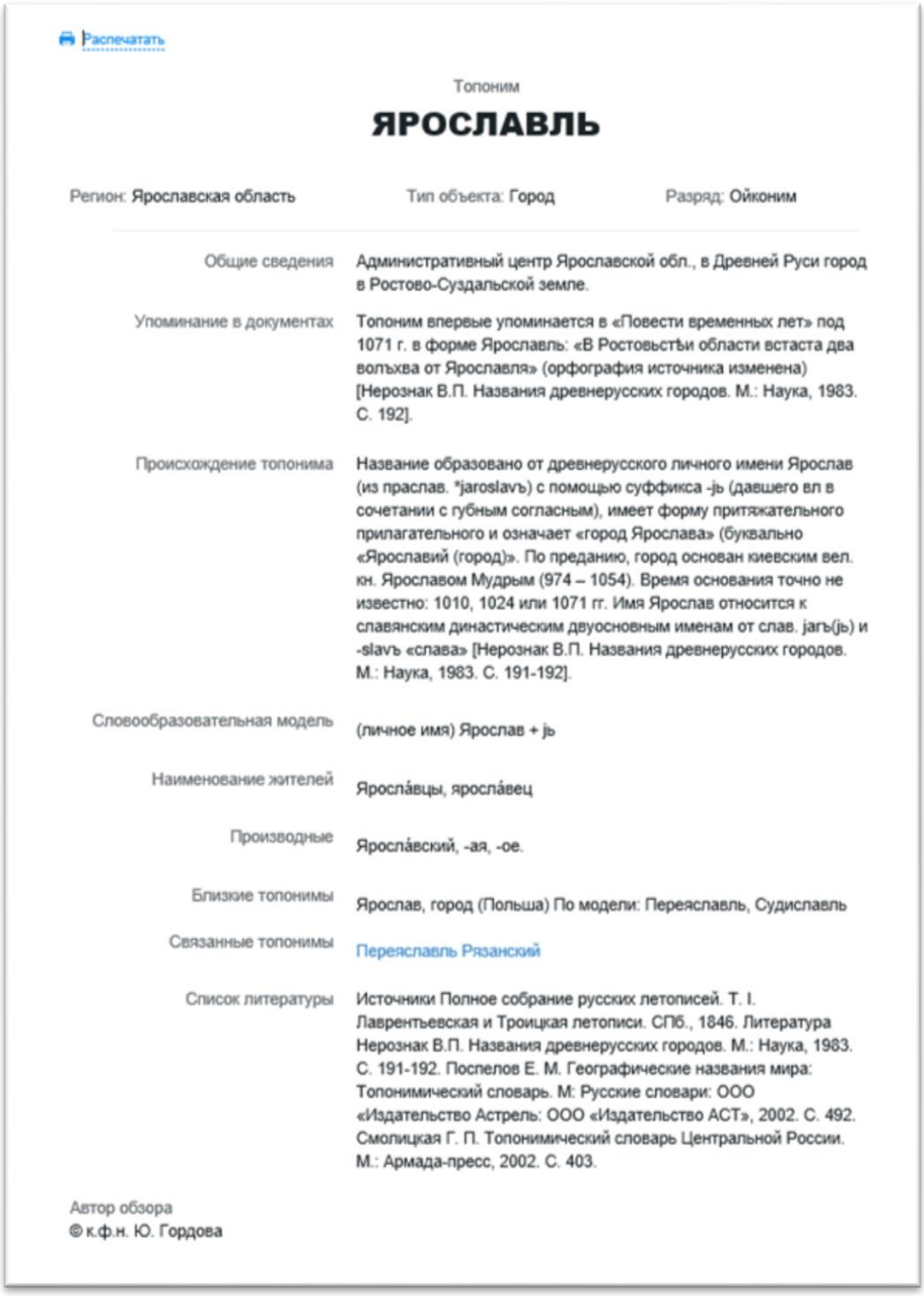


Рис. 1.2. База географических названий: поисковая страница



Распечатать

Топоним

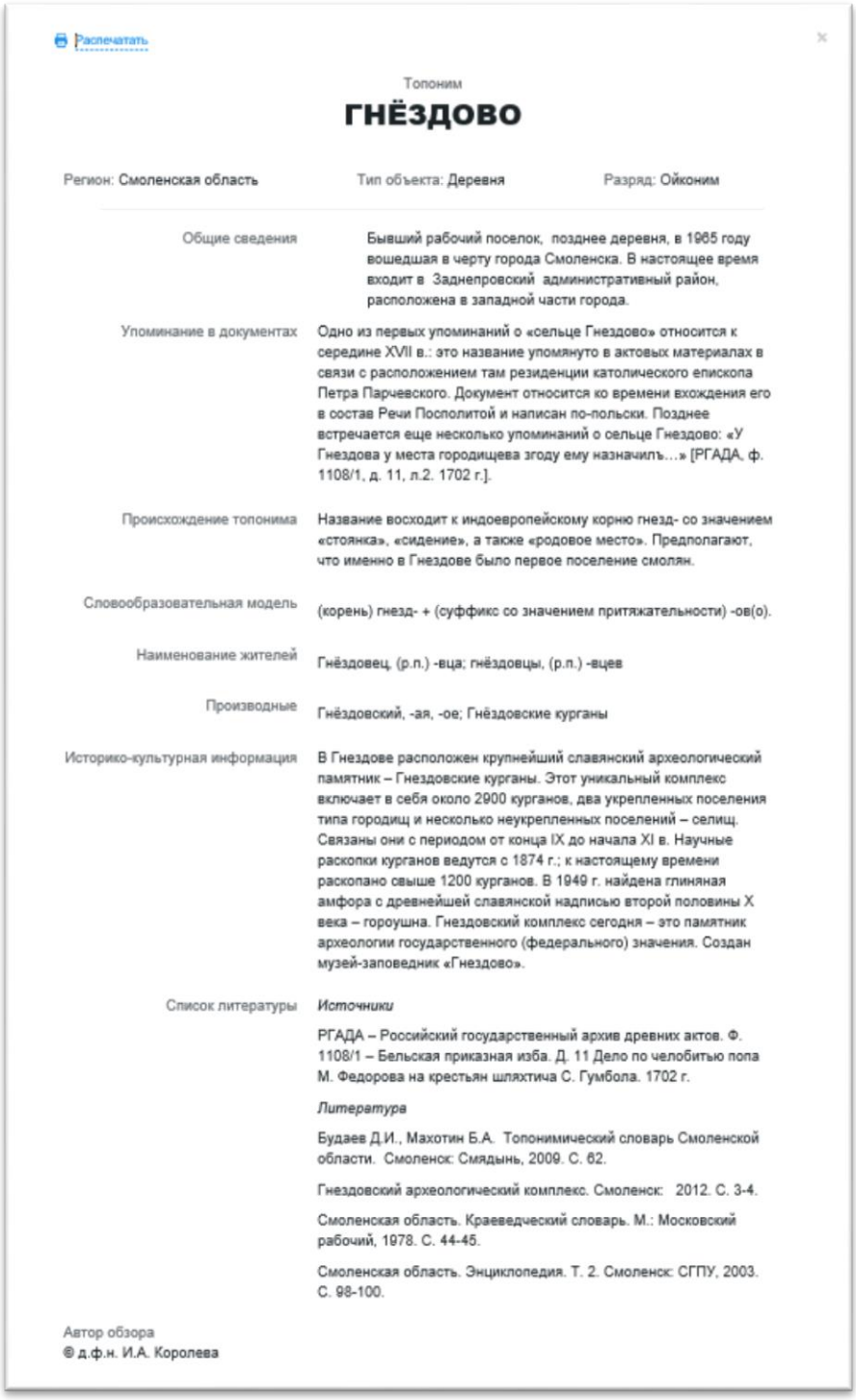
ЯРОСЛАВЛЬ

Регион: Ярославская область | Тип объекта: Город | Разряд: Ойконим

Общие сведения	Административный центр Ярославской обл., в Древней Руси город в Ростово-Суздальской земле.
Упоминание в документах	Топоним впервые упоминается в «Повести временных лет» под 1071 г. в форме Ярославль: «В Ростовьстѣи области встаста два волъхва от Ярославля» (орфография источника изменена) [Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 192].
Происхождение топонима	Название образовано от древнерусского личного имени Ярослав (из праслав. *jaroslavъ) с помощью суффикса -jь (давшего вл в сочетании с губным согласным), имеет форму притяжательного прилагательного и означает «город Ярослава» (буквально «Ярославий (город)». По преданию, город основан киевским вел. кн. Ярославом Мудрым (974 – 1054). Время основания точно не известно: 1010, 1024 или 1071 гг. Имя Ярослав относится к славянским династическим двуосновным именам от слав. jarъ(jь) и -slavъ «слава» [Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 191-192].
Словообразовательная модель	(личное имя) Ярослав + jь
Наименование жителей	Ярослáвцы, ярослáвец
Производные	Ярослáвский, -ая, -ое.
Близкие топонимы	Ярослав, город (Польша) По модели: Переяславль, Судиславль
Связанные топонимы	Переяславль Рязанский
Список литературы	Источники Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. Литература Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 191-192. Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. М: Русские словари: ООО «Издательство Астрель: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 492. Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 403.

Автор обзора
© к.ф.н. Ю. Гордова

Рис. 1.3. База географических названий: «карточка» топонима Ярославль



Распечатать

Топоним

ГНЁЗДОВО

Регион: **Смоленская область** Тип объекта: **Деревня** Разряд: **Ойконим**

Общие сведения	Бывший рабочий поселок, позднее деревня, в 1965 году вошедшая в черту города Смоленска. В настоящее время входит в Заднепровский административный район, расположена в западной части города.
Упоминание в документах	Одно из первых упоминаний о «сельце Гнездово» относится к середине XVII в.: это название упомянуто в актовых материалах в связи с расположением там резиденции католического епископа Петра Парчевского. Документ относится ко времени вхождения его в состав Речи Посполитой и написан по-польски. Позднее встречается еще несколько упоминаний о сельце Гнездово: «У Гнездова у места городищева згоду ему назначилъ…» [РГАДА, ф. 1108/1, д. 11, л.2. 1702 г.].
Происхождение топонима	Название восходит к индоевропейскому корню гнезд- со значением «стоянка», «сидение», а также «родовое место». Предполагают, что именно в Гнездове было первое поселение смолян.
Словообразовательная модель	(корень) гнезд- + (суффикс со значением притяжательности) -ов(о).
Наименование жителей	Гнёздовец, (р.п.) -вца; гнёздовцы, (р.п.) -вцев
Производные	Гнёздовский, -ая, -ое; Гнёздовские курганы
Историко-культурная информация	В Гнездове расположен крупнейший славянский археологический памятник – Гнездовские курганы. Этот уникальный комплекс включает в себя около 2900 курганов, два укрепленных поселения типа городищ и несколько неукрепленных поселений – селищ. Связаны они с периодом от конца IX до начала XI в. Научные раскопки курганов ведутся с 1874 г.; к настоящему времени раскопано свыше 1200 курганов. В 1949 г. найдена глиняная амфора с древнейшей славянской надписью второй половины X века – гороушна. Гнездовский комплекс сегодня – это памятник археологии государственного (федерального) значения. Создан музей-заповедник «Гнездово».
Список литературы	*Источники* РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 1108/1 – Бельская приказная изба. Д. 11 Дело по челобитью попа М. Федорова на крестьян шляхтича С. Гумбола. 1702 г. *Литература* Будаев Д.И., Махотин Б.А. Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: Смядынь, 2009. С. 62. Гнездовский археологический комплекс. Смоленск: 2012. С. 3-4. Смоленская область. Краеведческий словарь. М.: Московский рабочий, 1978. С. 44-45. Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 98-100.

Автор обзора
© д.ф.н. И.А. Королева

Рис. 1.4. База географических названий: «карточка» топонима Гнёздово (автор д.ф.н. И.А. Королёва)

Распечатать

НИКОНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ

(1904 – 1988) Выдающийся советский лингвист, учёный-самоучка, один из основателей российской ономастики.

Научная биография

У Никонова не было высшего образования, аттестата о среднем образовании и свидетельства об окончании начальной школы, тем не менее, он стал выдающимся ученым-филологом, крупнейшим топонимистом своего времени, великим организатором.

Родился 14 (27) июля 1904 г. в Симбирске. Во время Великой Отечественной войны с мая 1942 по июнь 1944 служил в 14-й Чебоксарской стрелковой дивизии Волжской военной флотилии. В июне 1944 года был незаконно репрессирован, провел в лагерях и ссылке 10 лет.

Первую статью по ономастике – «Об изучении местных географических названий» – Никонов опубликовал в 1935 году. Вернуться к научной деятельности он смог только во вт.пол. 1950-х гг. Основными сферами его интересов были топонимика, антропонимика, космонимика, зоонимика. Всего опубликовано свыше 300 его статей.

Роль В.А. Никонова в истории российской ономастики трудно переоценить: он сформулировал постулат о рядности географических названий, первым предложил различать понятия *топонимика* и *топонимия*, заложил основы новых научных направлений – ареальной и этнической ономастики, ввел в методику ономастических исследований статистический и картографический методы, ввёл в научный оборот новый круг источников.

Владимир Андреевич обладал выдающимися организаторскими способностями. Он создал Топонимическую комиссию Московского филиала Географического общества СССР, был организатором конференции «Ономастика Поволжья», которая проводится до сих пор. Более 20 лет руководил группой ономастики в Институте этнографии АН СССР.

В 1972 году на XI международном конгрессе по ономастике в Софии был избран почётным членом Международного комитета (центра) ономастических наук при ЮНЕСКО.

Основные публикации

Монографии, словари

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 180 с.

Никонов В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 512 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2010. 512 с.

Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука (ГРВЛ), 1974. 280 с.

Никонов В. А. Ищем имя. М.: Советская Россия, 1988. 128 с.

Никонов В. А. География фамилий. М.: Наука, 1988. 192 с.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.

Статьи

Никонов В. А. Об изучении местных географических названий // Советское краеведение. 1935. № 6.

Рис. 1.5. База «Топонимисты России»: страница ученого

Рис. 1.6. Страница добавления топонима в базу географических названий

Поле *«Общие сведения»* содержит краткие сведения административно-территориального и географического характера. Содержание поля будет различным для разных типов объектов. Например, для городов возможно такое описание: «Ярославль – административный центр Ярославской обл., ранее город в Ростово-Суздальской земле». Для рек значима иная информация: принадлежность к водному бассейну, протяженность и под., например: «Ока – крупнейший из правых притоков Волги, берёт начало в Орловской области, течет по территории Тульской, Московской, Рязанской, Владимирской областей, на территории Нижегородской области впадает в Волгу». Название поля («Общие сведения») обусловлено необходимостью унификации описания топонимов разных видов.

Введение поля *«Историко-культурная информация»* связано с тем, что любое географическое название – это явление истории и культуры: имя несёт на себе отпечаток времени, отражает события и мировоззрение живущих в данный момент людей. Сведения такого рода, несмотря на свой экстралингвистический характер, создают фоновые знания: помогают лучше понять топоним, время и обстоятельства, при которых он появился, а также связанный с ним ассоциативный ряд.

Историко-культурная информация традиционно включается в топонимические словари. Например, в «Топонимическом словаре Центральной России» Г. П. Смолицкой в статье, посвящённой топониму ***Гжель***, сообщается, что населённый пункт является центром по производству всемирно известного гжельского фарфора и фаянса [Смолицкая, 2002, с. 73]. В статье «***Агропустынь***» приводятся такие сведения: «Жители с. Агро-Пустынь считались лучшими пастухами в Мещёрских лесах, за что их прозвали Пустынскими пастухами. Известно и еще одно наименование местных жителей – пустынские богомазы: в селе издавна существовала артель иконописцев, расписывавших храмы в Рязанской, Московской и Владимирской губерниях» [Смолицкая, 2002, с. 19].

В словаре «Географические названия мира» Е. М. Поспелова в статье «***Севастополь***» говорится о том, что город основан в 1783 г. как военный морской порт в Ахтиарской бухте [Поспелов, 2002, с. 374], и хотя эти факты никак не объясняют происхождение топонима, всё же они представляются важными в рас-

сказе о городе морской славы, так как формируют своеобразный ореол и особое восприятие его имени.

Очевидно, что электронная база данных также не может обойтись без сведений историко-культурного характера, хотя и существуют опасения, что этот информационный блок будет превалировать над топонимическим. Чтобы этого не произошло, очевидно, в статье должны приводиться только самые важные и интересные факты о референте имени, и в краткой форме.

Лингвистическую и собственно ономастическую информацию представляют поля: *«Разряд», «Упоминание в документах», «Происхождение топонима», «Словообразовательная модель», «Наименование жителей», «Производные», «Близкие топонимы».*

В поле *«Разряд»* указывается вид топонима: гидроним, ойконим, микротопоним. Возможно добавление в этот список и других единиц, например: лимноним (наименование озера), хороним (наименование пространства), экклезионим (наименование объекта религиозного поклонения), однако целесообразность введения в тезаурус базы данных таких узкоспециальных терминов вызывает сомнения, так как они малоупотребительны и в научной и в научно-популярной литературе. Очевидно, что пользователю удобней вести отбор названий, указывая тип объекта (река, лес, деревня), а не разряд топонима.

Поле участвует в поисковой системе, то есть возможна сортировка представленных в базе данных названий по их видовой принадлежности: можно просмотреть только названия поселений, только названия водных объектов и т.д.

Поле *«Упоминание в документах»* содержит информацию о первой или наиболее ранней фиксации топонима в исторических документах. При этом ссылка на источник и комментарий к исторической записи должны помочь оценить степень её достоверности. Например, первым упоминанием топонима ***Переяславль*** (***Рязанский***) в документах считается 1095 год, однако первоисточник не сохранился, а сведения о дате основания города с таким именем берутся исследователями из памятника вт. пол. XV– нач. XVI в. «Следованной Псалтыри», которая

лишь предположительно (по версии историков) повторяет текст более раннего, утраченного документа [Гордова, 2013, с. 13].

Наиболее важную и востребованную самым широким кругом пользователей информацию содержит поле *«Происхождение топонима».* Здесь даётся обзор основных версий происхождения географического названия. Приводятся и взаимоисключающие гипотезы, если они убедительны с научной точки зрения. Указываются авторы новых оригинальных этимологий. В отдельных случаях приводятся и так называемые «народные этимологии», топонимические легенды, но обязательно с соответствующей пометой. Упоминание всех гипотез необходимо для достижения объективности и полноты приводимых в базе данных сведений. Также это показывает степень разработанности и открытый характер ряда научных проблем. Материалы раздела формируются на основе изданных трудов по топонимике.

Опрос, проведенный при проектировании базы данных, показал различие в ожиданиях разных групп её потенциальных пользователей. Школьникам, студентам и всем любителям топонимики не хотелось бы вникать в суть научных дискуссий об этимологии того или иного топонима и читать длинные рассуждения на эту тему. Они хотели бы получить краткий и чёткий ответ о происхождении топонима и о значении лежащего в его основе слова (апеллятива). Профессионалов же, наоборот, интересуют разные точки зрения, высказанные по данной проблеме, так как это необходимо для дальнейших научных исследований. Решением этой дилеммы могла бы стать возможность размещения двух вариантов обзора: краткого (для любителей топонимики) и развернутого, с подзаголовком «История изучения топонима» (для исследователей). Это сделало бы систему полезной как специалистам, так и неспециалистам, то есть в известной степени универсальной.

В поле *«Словообразовательная модель»* схематично показывается структура топонима – его возможное морфемное членение, отражающее путь образования, например: (пос.) ***Киреевский***: 1) ***Киреевский*** ← (фамилия) *Киреевский*; 2) ***Киреев*** + (формант) *-ский* ← (фамилия) *Киреев*.

Поле *«Наименование жителей»* содержит информацию о форме этникона, его произношении и написании, вариантах множественного и единственного числа, например: город ***Алушта*** – *алу́штинцы, алу́штинец.*

Поле *«Производные»* содержит ряд оттопонимных образований, например к ***Алушта***: *Алу́штинский, -ое, -ая, -ие*; *алушти́т* – минерал, названный в честь города Алушты.

Поле *«Близкие топонимы»* содержит список структурно близких топонимов других регионов России или других стран и ссылки на их «карточки», если названия есть в базе, например к гидрониму ***Шатор***: ***Шат, Шатец, Шатура*** (реки Окского бассейна); ***Шатура*** (город в Московской области).

Справочно-иллюстрационный блок представляют поля: *«Список литературы», «Карта», «Иллюстрации».*

Поле *«Список литературы»* содержит список статей, монографий, словарей и других научных и научно-популярных изданий, в которых рассматривался данный топоним. Существенно облегчает заполнение этого поля каталог «Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971 – 1975 гг. с приложением за 1918 – 1962 гг.» [Ономастика, 1978]. Безусловно, в системе заложена возможность постоянно обновлять библиографический список в случае выхода в свет нового издания.

Поле *«Карта»* показывает местонахождение топонима на географической карте (Рис. 1.7). Система автоматически формирует нужный картографический фрагмент при указании координат объекта в рабочей таблице базы.

«Карточка» топонима может быть дополнена лингвистическими картами, схемами, фотографиями (поле *«Иллюстрации»*). Например, иллюстрациями к «карточке» топонима ***Жостово*** служат фотографии так называемых *Жостовских подносов* – своеобразной визитной карточки поселения, являющегося центром жостовской росписи (Рис. 1.7).

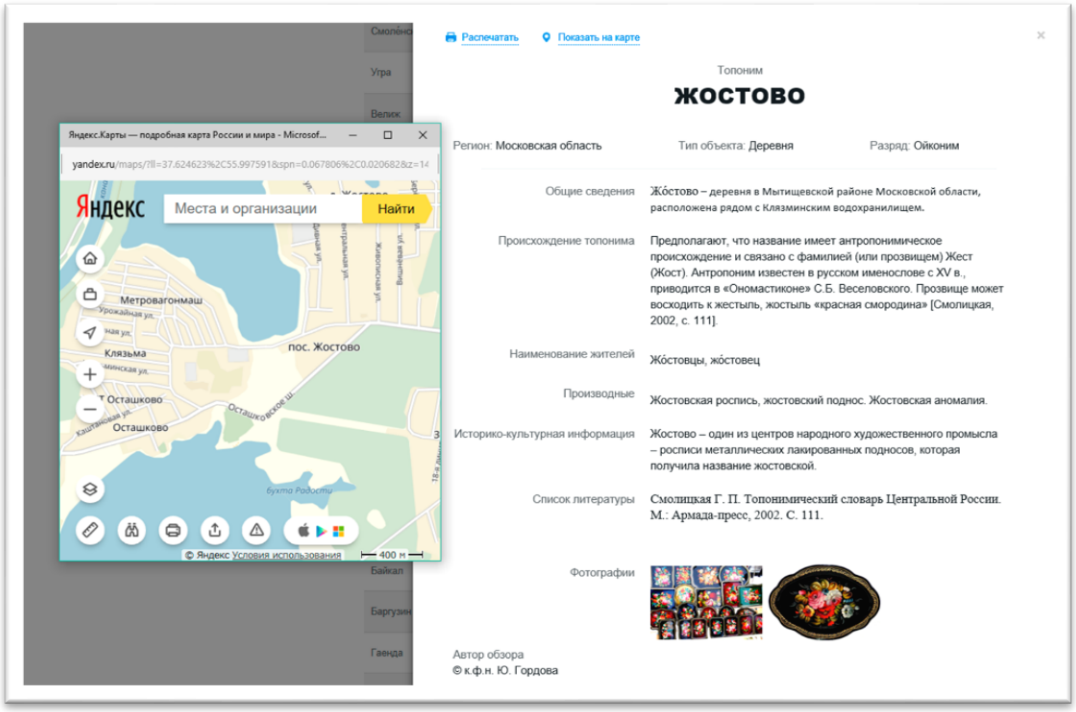


Рис. 1.7. «Карточка» топонима Жостово с географической картой и иллюстрациями

Выделенные пункты описания топонима располагаются в следующей последовательности: *регион, разряд, тип объекта, общие сведения, упоминание в документах, происхождение топонима, словообразовательная модель, наименование жителей, производные, близкие топонимы, историко-культурная информация, список литературы, карта, иллюстрации*. В таблице могут быть заполнены не все поля, а лишь те, по которым имеется информация. Обязательные поля: *регион, разряд, тип объекта, общие сведения, происхождение топонима, список литературы.*

Разработанная структура «карточки» единой базы данных позволяет унифицировать описание топонимов разных разрядов и сделать это описание максимально полным и всесторонним. Примеры страниц представлены выше (Рис. 1.3, 1.4, 1.7).

1.4.4. Научная значимость и потенциал Единой информационной системы

«Любое исследование собственных имен преследует цель: познать непознанное, обнаружить неизвестное. Поэтому каждая новая ономастическая работа опирается на предыдущий опыт и сама в свою очередь служит фундаментом для последующих работ» [Суперанская и др., 2009, с. 214]. Единая база данных по

топонимике как нельзя лучше способствует реализации идеи «научных опор», так как позволяет – в удобной и современной форме – представить огромный комплекс научной информации, накопленной в ходе многолетних исследований, открывая дополнительные возможности для проведения научных исследований в области топонимики и более эффективной организации рабочего процесса. Знакомство с имеющимся опытом (идеями, гипотезами, методами, результатами) позволяет, не отвлекаясь на изучение ранее исследованных проблем, то есть на «познание уже познанного», проводить более глубокие и актуальные научные изыскания.

Таким образом, создание Единой информационной системы позволяет решить ряд научных проблем, как лингвистического, так и методологического плана. Среди главных проблем: перевод накопленных знаний в электронную форму, систематизация топонимических данных, обобщение результатов научных исследований в области топонимики, доведение содержания этих исследований до специалистов по топонимике, что особенно актуально в условиях труднодоступности научной литературы, особенно изданной в регионах России; повышение эффективности (результативности и глубины) ономастических исследований; модернизация процесса обработки и хранения научной информации; возможность оперативного обновления информации.

Создание единой базы данных в известной степени предупреждает появление областных баз данных, несовместимых друг с другом, построенных на основе различных программ и с различным интерфейсом, а также непрофессиональных баз данных, содержащих сведения антинаучного содержания.

Помимо сугубо научных проблем, создание Единой информационной системы решает и проблему взаимодействия науки и общества, так как предъявляет конкретные результаты научных исследований широкому кругу людей, борется с антинаучной литературой, способствует распространению гуманитарных знаний в обществе. Наличие в открытом информационном пространстве научной базы данных повышает престиж научной деятельности вообще и организаций, занима-

ющихся научной деятельностью, в частности, доказывает необходимость и важность гуманитарных исследований.

Несмотря на то, что Единая информационная система «Топонимия России» создается прежде всего для нужд самой ономастики, она может быть полезна и другим наукам: географии, истории, этнографии, краеведению. Предполагается, что ресурс будет иметь широкий круг пользователей: ученых, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей, учащихся средних школ, краеведов. Сведения базы могут быть использованы и в работе региональных комиссий по наименованию территориальных единиц (топонимических комиссий).

Система имеет большой потенциал для дальнейшего развития. Это развитие обеспечивает возможность постоянного и оперативного обновления в случае появления новой научной информации: монографий, статей, диссертаций по топонимике. В Единую информационную систему могут быть интегрированы сведения региональных баз данных, что, с одной стороны, сделает эти сведения доступными более широкому кругу лиц, с другой – обогатит саму базу данных. Наличие единой научной платформы поможет объединить усилия научно-исследовательских центров разных регионов России и в конечном итоге представить более мощные, осязаемые и общественно значимые результаты изысканий в области ономастики и в целом лингвистики.

Проект является открытым (принять участие в нем может любой ученый), многолетним и многоэтапным. После реализации первого этапа, включавшего разработку архитектуры информационной системы, создание эффективного программного обеспечения, обработку и размещение информации по более чем 200 топонимам, задачей следующих этапов является планомерное заполнение базы данных, включение в нее кластеров по отдельным областям, совершенствование программного продукта, привлечение к участию в проекте ученых разных регионов России.

Выводы Главы 1

1. Среди важнейших проблем региональной ономастики второго десятилетия XXI в. нами выделены и рассмотрены в Главе I следующие: 1) проблема структурирования ономастического материала и создания регионального каталога имен собственных; 2) проблема картографирования ономастического материала и создания топонимического атласа региона; 3) проблема электронных областных баз данных по топонимии и единой базы данных по топонимии России.

Сбор, систематизация и картографирование ономастического материала являются обязательной частью региональных исследований. Современный уровень развития ономастики требует наличия в каждом регионе: каталога имен собственных (прежде всего топонимов), топонимического атласа и электронной базы данных, однако до сих пор задачи их создания остаются нереализованными, что тормозит развитие науки, не позволяя проводить сравнительно-исторические, генетические, типологические и ареальные исследования, затрагивающие топонимию и антропонимию нескольких регионов или всей страны.

2. Обзор источников материала региональной ономастики показал, что основное место среди них занимают письменные источники. В современных ономастических исследованиях используются письменные свидетельства разных периодов: от древнерусского до современного, при этом наиболее богатый материал по региональной ономастике содержат средневековые памятники деловой письменности и статистические документы XIX и XX вв. Традиционные же древнерусские источники – летописные своды – для региональной ономастики оказываются малоинформативными и неполными. Бóльшей ценностью из числа ранних памятников обладают областные летописи, при условии их сохранности, и произведения светской литературы, повествующие о событиях, произошедших к той или иной местности.

Источниками имен собственных могут служить и археологические находки с древними надписями. Однако если берестяные грамоты в этом качестве используются давно и плодотворно, то ископаемые предметы материальной культуры:

глиняные горшки, рыболовные снасти, украшения, игрушки с надписями, содержащими собственные имена, почти не попадают в поле зрения ономатологов.

Традиционным источником региональных исследований являются материалы собственных полевых сборов, на базе которых формируются региональные каталоги топонимов и антропонимов.

3. Собранные из различных источников имена собственные являются основой создания специальных ономастических списков (ономастиконов), которые могут считаться наиболее удобным источником изучения региональной ономастики. Однако подобные своды крайне малочисленны, их создание является актуальной задачей современной науки. Согласно предложенным критериям, региональный каталог топонимов должен включать географические названия разных разрядов и разных временных периодов, в нем должны быть приведены все известные формы названий. Список должен быть четко структурирован. Наиболее целесообразным представляется «гидрографический» принцип подачи материала: с размещением ойконимов и микротопонимов относительно гидронимов и в географической последовательности. Предлагается направление «движения» списка «от устья к истоку» и выделение внутри бассейнов рек отдельных районов с четко сформированным корпусом названий. Разработанная методика структурирования материала применима к топонимии разных российских регионов, обладающих в достаточной степени развитой речной сетью.

4. Второй актуальной задачей современной ономастики является развитие ономастической картографии и создание серии ономастических карт по каждому региону. Ономастическая карта способна наглядно представить самую разнообразную информацию и дать много новых и уникальных знаний, однако картографический метод применяется в региональных исследованиях крайне редко.

На основе анализа имеющихся немногочисленных работ по данной теме и собственного опыта картографирования нами сформулированы лингвистические и технические принципы создания ономастических карт и предложено использовать в этих целях технологию послойного картографирования: с использованием карты-основы, опорного (косметического) слоя и тематических слоев (карт) на ба-

зе программ графических редакторов. Данная методика позволяет создавать многоцелевые и информационно емкие ономастические карты, разнообразные по форме и содержанию.

5. Третьей актуальной задачей современной ономастики является разработка электронных областных баз данных (взамен традиционных картотек) и создание единой, взаимосвязанной и общедоступной базы данных по топонимии России.

Региональная электронная база данных позволяет модернизировать процесс обработки и хранения научной информации, дает возможность оперативно обновлять информацию. Единая база данных обобщает результаты многолетних научных исследований в области топонимики, делает их общедоступными, объединяет усилия региональных ученых, способствует популяризации научных знаний.

Предлагается модель такой информационной системы. Она разработана для размещения в открытом информационном пространстве и включает базу географических названий, базу «Топонимисты России», а также комплекс программного и методического обеспечения. Система описания топонима разработана на основе анализа содержания словарных статей традиционных топонимических словарей. Она включает 14 пунктов (полей рабочей таблицы), содержащих информацию лингвистического, внелингвистического и справочно-иллюстрационного характера. Предлагаемая методика направлена на унификацию описания топонимов разных разрядов и разных территорий, а также на то, чтобы представление географических названий было максимально полным и всесторонним.

Единая информационная система носит универсальный и открытый характер и призвана быть полезной широкому кругу лиц, в том числе специалистам в области топонимики.

6. Сформулированные в Главе 1 положения реализованы в авторских работах «Топонимия Рязанской области (список географических названий)» [Гордова ТРО, 2010, Ч. I, Вып. I], «Топонимический атлас Рязанской области» [Гордова, 2015] и проекте Единой информационной системы «Топонимия России» (http://ономастика.рф, функционирует с 2014 г.).

Указанные работы являются развитием научных идей лингвистов П.Л. Маштакова, Г.П. Смолицкой (идея структурированного списка топонимов), И.И. Срезневского, Р.И. Аванесова, Е.М. Поспелова (идея лингвистического и топонимического картографирования), М.В. Горбаневского (идея электронного топонимического словаря) и решением (в посильной мере) задач, поставленных в 2009 г. д.ф.н. профессором А.В. Суперанской: «К числу ближайших задач ономастики относятся: по возможности полный сбор онимического полевого и архивного материала, анализ письменных памятников, составление ономастических картотек, создание специальных ономастических словарей и атласов. Лишь накопление большого фактического, лингвистически интерпретированного материала по многим территориями по различным типам собственных имен позволит поднять ономастические и общеязыковедческие исследования на новый уровень» [Суперанская и др., 2009, с. 239].

Сверхзадачей российской ономастики является интеграция региональных ономастических знаний. Она может быть достигнута, в частности, путем реализации проектов Единой информационной системы «Топонимия России», топонимического атласа России, общероссийского каталога имен собственных.

ЧАСТЬ II
ДРЕВНЕЙШАЯ ОНОМАСТИКА РЕГИОНА: ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Понятие ономастической реконструкции

Наличие относительно полного и систематизированного корпуса имен собственных, серии топонимических карт, общероссийского топонимического банка данных позволяет приступить к разноаспектному изучению ономастики региона и ее сопоставлению с ономастикой других территорий.

При изучении ономастики в исторической перспективе важным представляется выделение и описание основных пластов, отражающих этапы формирования локальных ономастических систем. При этом наиболее трудной для изучения оказывается ономастика дописьменного и раннего письменного (до массового появления памятников письменности) периодов. Как показано в Главе 1, документы, относительно полно и равномерно отражающие онимию разных территорий Русского государств, носят достаточно поздний характер (для регионов Центральной России XVI-XVII вв.). Это заставляет искать новые источники, новые приемы и методы исследований.

Одним из приемов при изучении региональной ономастики в исторической перспективе может стать прием ономастической реконструкции, при котором объектом реконструкции становятся не отдельные онимы и их праформы, не отдельные группы онимов, характеризующиеся общим признаком (субстратная топонимия, древнерусская антропонимия и под.), а состояние именной системы локальной территории в древнейшие периоды.

Реконструкция ономастических состояний древнейших периодов – это восстановление картины прошлого по сохранившимся остаткам. Цель реконструкции – дать общую характеристику ономастической системы на ранних этапах ее развития путем описания основных явлений и процессов, происходивших внутри системы, на основании разрозненного фактического и апостериорного материала.

Очевидно, что необходимость в реконструкции возникает только по отношению к периодам, слабо представленным или не представленным вовсе в памятниках письменности. При этом восстанавливаемые периоды должны четко выделяться в общей истории региона и быть связаны с определенными народами, формировавшими вокруг себя собственное ономастическое пространство. Восстановленные периоды дают возможность реконструировать ономастический процесс – последовательную смену состояний ономастических систем на определенной территории.

В ходе исследования должно быть получено общее представление об ономастике определенного периода. Важным условием достоверной реконструкции является наличие значительного числа более или менее надежно установленных ономастических фактов и фактов других областей знания (климат, рельеф, водная система, материальная культура, особенности быта и проч.), относящихся к выбранному периоду и к выбранной территории. Это означает, что разные пласты ономастической стратиграфии обладают разными возможностями реконструкции, так как эти возможности во многом предопределяются степенью полноты имеющихся научных сведений и степенью сопоставимости их друг с другом. По отношению к недостаточно изученным или в значительной степени недоступным для изучения (ввиду древности) пластам возможна частичная, или фрагментарная, реконструкция. И в том и в другом случае реконструкция остается научным допущением, гипотетическим решением научной задачи, которое может быть подвергнуто корректировке в случае появления новых научных фактов. Ученый лишь выстраивает модель возможного состояния ономастической системы в определенный исторический период на основании тех знаний, которыми располагает наука в данный момент, обобщая их и подводя своеобразный итог состояния этого научного знания.

Отметим, что проблема реконструкции ономастического процесса и ономастических состояний привлекает внимание ученых на протяжении многих десятилетий. Различные аспекты восстановления и объемного описания ономастической картины прошлого поднимаются в работах В.Н. Топорова (Поочье), Г.П. Смолиц-

кой, Ю.П. Чумаковой (Среднее Поочье), Р.Г. Жамсарановой, Л.В. Шулуновой (Восточное Закамье), А.К. Матвеева (Русский Север), А.А. Бурыкина (Восточная Сибирь и Дальний Восток), И.И. Муллонен (Карелия), В.Л. Васильева (северо-восточные русские земли) и др. Приемы, которые используют авторы, во многом продиктованы целями работ и своеобразием того региона России, ономастика которого является объектом исследования.

Так, основываясь на данных этимологического метода, материалах древнерусских памятников письменности, фольклора, В.Н. Топоров реконструирует состояние топонимической системы балтов, живших в районе Москвы-реки в период, предшествовавший их знакомству со славянскими колонистами, пришедшими на Оку, а также в первые века славянского расселения в Поочье [Топоров, 1982].

В работе Ю.П. Чумаковой [Чумакова, 1992] изучение древнерусского пласта топонимов Среднего Поочья проводится с использованием этимологического метода и метода сопоставления полученных данных с данными истории и археологии с целью решения проблемы расселения славян в данном регионе и установления связей с их возможной прародиной.

Г.П. Смолицкая работала над восстановлением зон и границ распространения субстратной топонимии того же региона и раннеславянской топонимии Верхней Оки, при этом ею, наряду с этимологическим, активно использовались ареальный и картографический методы [Смолицкая, 1974, 1981 (1)].

В монографии «Топонимия Восточного Забайкалья» [Жамсаранова, Шулунова, 2003] авторы, восстанавливая картину прошлого, выделяют древнейшие топонимические пласты в соответствии с языковой стратиграфией региона (палеоазиатский, тюркоязычный, угро-самодийский, тунгусоязычный, монголоязычный, славяноязычный). В исследовании используются собственно лингвистические методы (в частности, этимологический, типологический, сравнительно-исторический, описательный) с целью представления топонимической системы региона как языкового отражения истории его заселения.

Настоящая работа преследует цель общей характеристики ономастических процессов и явлений, происходивших в ономастической системе региона в ранние

периоды, что является необходимым условием получения целостного представления об ономастической ситуации в прошлом. Без этих знаний изучение имен собственных, начинающееся с периода появления массовых памятников письменности (что характерно для значительной части региональных ономастических исследований), является изучением, начатым с середины, не позволяющим, в частности, интерпретировать ряд ономастических фактов как развитие традиций предыдущих этапов или как рождение принципиально нового в региональной ономастике.

Предлагаемая методика реконструкции ономастической ситуации древнейших периодов отдельной территории включает следующие этапы:

1) формирование списка архаичных онимов (топонимов и антропонимов) путем текстологического анализа древнерусских памятников письменности, предварительное изучение полученных материалов с выявлением структуры имен собственных, принципов номинации, тенденций в области именования, актуальных в древнерусский период;

2) пополнение списка новыми (гипотетическими) составляющими путем отбора из регионального ономастического фонда имен собственных, соответсвующих ономастике древнерусского типа по формальным, семантическим и иным признакам, и на основании ономастических и иных лингвистических знаний;

3) получение сведений о географии и истории региона с целью установления природных и исторических условий формирования ономастики региона и объяснения некоторых (региональных) особенностей ее развития;

4) сопоставление ономастических и археологических материалов с целью корректировки и дополнения результатов предварительного изучения, а именно: установления основных этапов формирования ономастики региона, его количественных показателей в разные исторические периоды, уточнения датировки и этимологии отдельных топонимов, получения новых имен собственных, зафиксированных на ископаемых предметах;

5) определение основных типов субстратной топонимии региона и зон их распространения путем составления серии карт и применения типологического, структурного, ареального методов;

6) этноязыковая и хронологическая атрибуция полученного материала путем сопоставления топонимических карт с картами распространения материальных культур древности (метод совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений) с опорой на результаты этимологического анализа;

7) обобщение полученных материалов, описание этапов формирования и развития ономастики региона, анализ состояния ономастических систем на разных этапах: определение архаичного фонда топонимической и апеллятивной лексики, топооснов, формантов, ономастических моделей, описание основных процессов и явлений ономастики каждого периода.

Как следует из вышеизложенного, в реконструкции используются четыре вида источников: 1) данные древнерусских памятников письменности, 2) данные ономастики и лингвистики, 3) топонимические карты, 4) внелингвистические данные.

Несмотря на то, что реконструируется одна из лингвистических систем – система собственных имен, исследование не может обойтись без привлечения данных других наук, касающихся раннего периода истории региона. Физико-географические, исторические (прежде всего археологические), этнографические материалы, наряду с материалами древнерусских памятников письменности и лингвистическими (ономастическими) данными становятся в нашем случае хоть и не основными, но самостоятельными источниками ономастической реконструкции. Ценный материал для реконструкции дает и сопоставление фактов разных наук.

В зависимости от типа источника, в реконструкции применяются различные методы исследования. Наиболее результативными представляются этимологический, типологический, структурный, картографический, ареальный методы, метод текстологического анализа. Особая роль отводится и общенаучным методам, в частности индуктивному и дедуктивному, методу аналогии, а также эвристическим методам, то есть использованию разных исследовательских методов в сово-

купности, повышающим степень достоверности полученных результатов. Уникальную информацию для реконструкции дает метод совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений, который можно отнести к методам межнаучной интеграции.

В последующих главах раскрывается содержание основных этапов реконструкции и осуществляется апробация предложенной методики на материале Среднего (рязанского) Поочья. Реконструкция ономастического процесса этой территории позволяет увидеть формирование и взаимодействие ономастических систем разных народов, и превращение элементов отдельных систем в субстрат системы доминирующего этноса – славянского (древнерусского) населения, пришедшего на Оку в VII-IX вв.

В ходе решения поставленной научной задачи получают дальнейшее развитие, с учетом данных, открытых в 2000-2018 гг., идеи и теории В.Н. Топорова, В.В. Седова, Ю.В. Откупщикова, Г.П. Смолицкой и региональных ученых, занимавшихся исследованием отдельных групп рязанской топонимии: З.П. Никулиной, Ю.П. Чумаковой, Н.И. Панина, А.А. Никольского, И.Н. Хрусталёва.

Глава 2

Данные древнерусских памятников письменности как основа ономастической реконструкции

2.1. Список летописных топонимов и его предварительный анализ

Сведения памятников письменности по топонимии и антропонимии большинства периферийных русских регионов вплоть до XVI века крайне скудны. Они могут дать в руки исследователя лишь отдельные, во многом фрагментарные ономастические факты, не позволяющие рассматривать ономастику раннего периода как систему. Вместе с тем, именно данные этих малочисленных источников являются ценнейшим материалом ономастической реконструкции.

Ценность их заключается прежде всего в том, что древнерусские памятники письменности содержат наиболее ранние упоминания региональных топонимов и антропонимов, на основе чего уже может быть составлен предварительный спи-

сок архаичных онимов. Имена данного списка точно датированы, а значит, датированы ономастические процессы и явления, отразившиеся в них. Помимо этого, для подавляющей массы ойконимов – это дата первого упоминания, которая, по сложившейся культурологической традиции, считается и датой возникновения населенного пункта.

Границы территорий древнерусских княжеств во многом определили территории современных русских регионов, это же касается и их названий: Смоленское княжество – совр. Смоленская область, Рязанское вел. княжество – совр. Рязанская область и т.д. Топонимия разных княжеств представлена в общерусских летописях неравномерно, как правило, в них упоминается не более 100 названий периферийных областей. Список рязанских топонимов, составленный в связи с их упоминанием в общерусских памятниках письменности раннего периода, выглядит следующим образом.

2.1.1. Названия городов, сел, деревень, рек и небольших природных объектов

Источники XI-XIII вв. называют около 20 топонимов, относящихся к территории Среднего Поочья, и 4 топонима южных, донских, районов, являвшихся в древнерусский период землями Рязанского вел. княжества. Среди них встречаются названия поселений (16), рек (5), областей, районов (4), поля (1). Всего в период с XI по XV век в летописях упоминаются 66 рязанских топонимов.

Самой ранней письменной фиксацией рязанских топонимов можно считать запись 1095 г. Лаврентьевской летописи, где упоминается название города ***Рязани***: «и иде к Рѧзаню» [Лавр. Лет.; ПСРЛ, т. I, стб. 231, 240].

Под тем же годом упоминается топоним ***Вятичи*** – так русские летописи называют землю вятичей: «…а въ Вѧтичи ходихом по двѣ зимѣ»; «…к Ростову идохъ сквозѣ Вѧтичѣ» [Лавр. Лет., 109(5) г.; ПСРЛ, т. I, стб. 248]. Форма имени собственного (употребленного с предлогами со значением места «въ», «сквозь») говорит о том, что оно в данном случае является не этнонимом, а географическим названием, контекст упоминания которого даёт все основания квалифицировать его как хороним. Подтверждают это и другие летописные записи, в частности за-

пись под 1097 г.: «…положили каждому своим отеческим владеть и не преступать, а именно: Святославлим сынам – пределе отца их Чернигов с Северою, Вятичи, Муром и Тмуторокань…» [Татищев, т. II, с. 109-110; Свод лет. Ряз., с. 38].

До нас не дошли памятники летописания Рязанского княжества. Как пишет А.В. Чернецов, «в этом плане эта крупнейшая древнерусская земля-княжение по обеспеченности своей истории источниками значительно уступает таким регионам, как Киевщина, земли Великого Новгорода, Псковщина, Владимиро-Суздальское, Галицко-Волынское княжества» [Чернецов, 2005, с. 12-13]. Поэтому основными письменными источниками остаются древнейшие русские летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская, и более поздние Никоновская и Воскресенская. Эти летописи, повествуя о событиях XII-XIII вв., фиксируют следующие названия Рязанского вел. княжества.

Под 1131 г. и 1146 г. – ***Пронск***[4], причем под 1131 г. упоминаются князья Пронские («Князии Рязанстии и Пронстии и Муромстии») [Лавр. Лет., ПСРЛ, т.1, л. 50 об.; Свод лет. Ряз., с. 48], что дает основание говорить о существовании в это время и самого Пронска, название же города упоминается чуть позже – под 1146 г. [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 171; Свод лет. Ряз., с. 57].

Под 1146 г. – ***Колтеск***: «Колтеск городок» [Ипатьевская Лет., Свод лет. Ряз., с. 57], «ити к Колотску» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 171; Свод лет. Ряз., с. 57].

Под 1147 г. – 4 топонима:

Тешилов [Никоновская Лет., Свод лет. Ряз., с. 58].

Нерилск: «и иде Святослав к Нерилску» [Никоновская Лет., Свод лет. Ряз., с. 58], в другом источнике ***Нериньск***: «…и оттуда иде к Нериньску, и перешед Оку и ста» [Ипатьевская Лет., ПСРЛ, т. 2, с. 29; Свод лет. Ряз., с. 59].

Воин[?]: «у града у Воина в Рязани» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 173; Свод лет. Ряз., с. 58]. Восстановление исходной формы затруднительно. В позд-

[4] Топонимы и антропонимы приводятся в современной орфографии, если это не влияет на объяснение имени, в необходимых случаях орфография источника сохранена.

нейших записях дается начальная форма ***Воино*** (см. ниже), которая может быть уже измененной.

Казарь: «…в Рязани во гради Казари…» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 176; Свод лет. Ряз., с. 58].

Под 1148 г.:

Черленый Яр, ***Великая Ворона*** (река): «…и быв во градех Черленаго Яру и на Велицей Вороне…» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 177; Свод лет. Ряз., с. 59].

Под 1153 г. – ***Ростиславль***: «Того же лета князь Ростислав Ярославичь рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 197; Свод лет. Ряз., с. 62]; далее упоминается под 1184 г. [Свод лет. Ряз., с. 88].

Под 1155 г. – ***Бельград***: «…в Белеграде» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 205; Свод лет. Ряз., с. 63; Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 183]. Позднее, в произведении XIII в., встречается вариант названия ***град Бел*** [Повесть о разорении Рязани Батыем; ДРЛ, с. 112].

Под 1156 г. – ***Быстрая Сосна*** (река): «Того же лета приходиша Половци на Рязань на Быструю Сосну…» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 207; Свод лет. Ряз., с. 63]; «в Рязанскую землю на реку Сосну…» [Татищев, т. III, с. 58; Свод лет. Ряз., с. 63].

Под 1180 г. – ***Борисов Глебов***: «Всеволод же идее за Оку и взя город Борисов Глебов» [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. 7, с. 95-96, Свод лет. Ряз., с. 84; Лавр. Лет., ПСРЛ, т. 1, стб. 164]. Под 1184 г. упоминается ***Борисов***: «…пришли все князи русские к Оке и, оставя войска в Коломне, Ростиславле и Борисове, велели насады готовить…» [Татищев, т. III, с. 129; Свод лет. Ряз., с. 88].

Под 1188 г. – ***Опаков***: «И пришед реку Оку, пошли к Опакову, где разоряли села многие, и зделав пусту область Резанскую, возвратились со множеством пленных, коней и скота» [Татищев, т. III, с. 144-145; Свод лет. Ряз., с. 94].

Под 1202 г.: ***Кадом*** [Никоновская Лет., АКР, т. 1, с. 33].

Под 1207 г.:

Ужеск, Олгов, Ока: «Тогда же посла великый князь полк свой к лодьям, по корм, на Оку, и пристави к ним Олга Володимерича; и бывшим им в Ужеска, бысть им весть, оже вышел из Рязани Роман Игоревичь с полком и бьеться с лодейникы у Олгова» [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. 1, с. 181-182; Свод лет. Ряз., с. 107]; другой источник описывает это событие под 1208 г. [Татищев, т. III, с.176-182; Свод лет. Ряз., с. 110].

Добрый Сот: «И бывшю ему у Добраго, въста и хотяше наутрия бродитися через Проню реку и поити к городу…», описывается осада Пронска в 1207 г. вел. князем Всеволодом Чермным [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. 1, с. 181-182; Свод лет. Ряз., с. 107]. В другом списке этот эпизод (под 1208 г.) описывается так: «Пришедши же к Доброму Соту, хотел заутро перейти реку Проню» [Татищев, т.III, с.176-182, Свод лет. Ряз., с. 110]. В первом отрывке текст при написании или редактировании ошибочно переосмыслен.

Половецкое поле: «…а сам князь великий ста за рекою с поля Половецькаго…» (осада города Пронска) [Лавр. Лет., ПСРЛ, т.1, с. 181-182; Свод лет. Ряз., с. 106].

Под 1208 г. – ***Пра*** (река): «посла воеводу своего Козму Родивоновича ратью в Резанскую землю и взяша Пру рязанскую вниз по Оке» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 10, с. 60; Свод лет. Ряз., с. 115].

Под 1217 г. – ***Исады***: «…и снидошася вси на Исады…» [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. 7, с. 124-125; Свод лет. Ряз., с. 126].

В текстах встречаются также названия, которые нельзя с уверенностью соотнести с определённой территорией по разным причинам: ввиду известности аналогичных топонимов в других областях славянского мира и отсутствия в тексте дополнительных ориентиров, ввиду возможной ошибки в записи в результате неверного переосмысления (как в случае с топонимом Добрый Сот): ***Зареческ***: «около Заречьска» (под 1106 г.) [Радз. Лет., Свод лет. Ряз., с. 39]; ***Мерскои***: «В то же лето идее Михалко на Глеба к Рязаню, и бывшю ему на Мерьскои усретоша и посли Глебови…» (под 1176 г.) [Троицкая Лет., Свод лет. Ряз., с. 79]; ***Петров*** (***Петрово***) «Резанцы, уведав, что суздальцы и новогородцы стоят на Петрове и у

Ольгова, … нарядили пехоту водою, а сами с князем хотели идти на конех» (под 1208 г.) [Татищев, т. III, с.176-182; Свод лет. Ряз., с. 110].

Летописные записи, договорные документы, памятники древнерусской литературы XIII-XV вв. фиксируют еще около 35 новых рязанских топонимов.

Под 1237 г. – ***Ижеславец*** [Повесть о разорении Рязани Батыем, ДРЛ, с. 112].

Под 1302 г. – ***Солодша*** (река): «Олег преставися в черньцех, и положен в монастыри на Солодши» [Начало о великых князех Рязанских; Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. 7, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 288].

Под 1340 г. – ***Остромеринское***: «владычне село Остромеринское» [АСЭИ, т. 3, с. 311]; в документах XVI в. топоним неоднократно фиксируется в форме ***Остромерь*** [ПК, I, с. 395, 398, 401, 402].

Под 1356-1360 гг. – ***Непложа*** (река), ***Ровец***, ***Жерновища***: «…от Рязани по Ровец по верх Непложи по Жерновища, по Проню реку» [АСЭИ, т. 3, с. 314].

Под 1365 г. – ***Война*** (река), ***Шишевский*** лес: «…и постиже его на месте, нарицаемем под Шишевским лесом, на Войне» (о преследовании вел. князем рязанским татар, сжегших Переяславль и рязанские села) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 11, с. 5-6; Свод лет. Ряз., с. 186].

Под 1378 г. – ***Вожа*** (река): «О побоищи на реце Воже в Рязанской земли» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 9, с. 42-43; Свод лет. Ряз., с. 202; Повесть о битве на реке Воже, ПЛДР, с. 92-94; Свод лет. Ряз., с. 202-203].

Под 1444 г. – ***Листань*** (река): «Того же лета царевица Мустафу убили на Рязани, на речке на Листани» [Повесть о Мустафе царевиче, Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 12, с. 61-62; Свод лет. Ряз., с. 265-266].

Под 1449 г. – ***Крим ханский***: «А князь великий даде царевичу Касиму место по Оке в земли Муромстей. Он же построи град себе, имянова Крим ханский» [О разгроме салтаном Кайсымом татар Седи-Охмата около реки Похры; Татищев, т. V, с. 268; Свод лет. Ряз., с. 267].

В записях XV в. фиксируется также гидроним ***Ранова***: «…на реце Проне от усть – Раново» [Грамота № 319, АСЭИ, т. 3, с. 348].

В Воскресенской летописи топонимы приводятся в отдельном, специально составленном списке русских городов – «А се имена всем градом русским далним и ближним» (предположительно датируется 1387-1392 гг.) [Свод. лет. Ряз., с. 220-221], который можно считать первым ономастическом списком древнерусского времени, то есть списком, цель которого – зафиксировать известные на тот момент названия городов. Ценность списка заключается также и в том, что приводимые в нем названия районированы (всего 8 групп): Болгарские и Волоские, Польские, Киевские, Волынские, Литовские, Смоленские, Рязанские, Залеские, что позволяет изучить их, в том числе, и в региональном аспекте. Важно и то, что местоположение отдельных городов уточняется (как правило, называется смежный гидроним), даются иные пометы («детинец камен», «камен о четырех стенах» и проч.).

Рязанская группа топонимов, по сравнению с Киевской, Литовской, Залеской, немногочисленна. Она включает в себя 36 имён (30 ойконимов и 6 гидронимов) и по численности сопоставима с Волынской группой.

В списке представлены три типа топонимов.

1. Названия, уже упомянутые памятниками письменности: города ***Пронеск***, ***Переяславль*** (в данном источнике «Переяславль на Трубеже»), ***Тешилов***, ***Ростиславль***, ***Воино***, ***Неринеск***, реки ***Дон***, ***Ока***, ***Проня***.

2. Названия, уже упомянутые памятниками письменности, но в иной форме: ***Рязань*** – ***Рязань старая*** («Рязань старая на Оце»), ***Борисов Глебов – Глебов***, ***Колтеск –*** (возможно) ***Кулатеск***, ***Ольгов – Старыи Львов*** (очевидно, ошибка в записи – Лгов).

3. Новые названия: ***Бобруеск***, ***Венев***, ***Вердерев***, ***Дубечин***, ***Дубок*** («в верх Дону Дубок»), ***Зареческ***, ***Корнике***, ***Крилатеск***, ***Ломихвост***, ***Михаилов***, ***Микитин*** («На Плаве Микитин»), ***Новгородок*** («Новгородок на Осетре»), ***Новыи городок Олгов*** («Новыи городок Олгов на усть Проне»), ***Осетр***, ***Перевитеск***, ***Плава***, ***Рослаль Польскыи***, ***Свинеск***, ***Торческ***, ***Трубеж***, ***Урюпеск***, ***Шилов***, ***Шипино***.

В общей сложности, список, составленный на основании древнерусских памятников письменности, включает 66 топонимов Рязанской земли. Важно отме-

тить, что в источниках называются преимущественно основные города русских земель – центры княжеств. Названия небольших селений, рек, иных объектов попадают на страницы летописей только в случае, если близ этих мест произошло важное событие. Например, семь рязанских топонимов упоминается в отрывке об осаде города Пронска в 1207 г.: ***Ока***, поле ***Половецкое***, ***Проньск***, ***Олгов***, ***Ужеск***, река ***Проня***, ***Добрый Сот***. Микротопонимы регистрируются лишь с нач. XIII в.

Чаще всего в памятниках упоминаются ойконимы ***Рязань, Пронск, Переяславль***, что является показателем их наибольшей значимости среди региональных топонимов.

На **Диаграмме 1** (см.) отражена представленность топонимов разных разрядов в древнерусских памятниках письменности: из 53 названий Рязанского вел. княжества ойконимов – 40 (предположительно 36 городского типа, 4 сельского типа), гидронимов – 11, микротопонимов – 2 .

Диаграмма 1. Разряды региональных топонимов, представленные в древнерусских памятниках письменности.

2.1.2. Названия области и ее жителей

Помимо названий поселений, рек и прочих природных объектов источники дают представление и о названиях отдельных областей древнерусского мира,

именовании жителей этих областей, а также о тенденциях в данных разрядах онимов.

В древнерусский период любая освоенная и административно обособленная территория имеет своё именование. Именно с ним соотносится каждое русское поселение, называясь киевским, московским, рязанским и т.д. С ним связано и общее именование местных жителей.

Территория Среднего Поочья называется в летописях и произведениях художественной литературы: *Вятичи, Рязанская волость* (*власть, область, земля* и варианты мн. числа: *власти, области, места*; подробный обзор дан ниже), *Рязань*. Жители территории именуются: *вятичи, рязанцы (резанцы), рязанские (резанские), резанские люди*.

Отношения между онимами *вятичи – рязанцы* сопоставимы с отношениями между топонимами, служащими для обозначения той же территории: ***Вятичи – Рязанская земля, Рязань***, – по сути: между названием, образованным от этнонима, и названием, образованным от имени главного города. Судя по летописным записям, они складываются следующим образом.

Этноним *вятичи* упоминается в летописях, в частности, под 859 г.: «А козаре имаху на полех, и на севере, и на вятичех…» [Радзивилловская Лет., Свод лет. Ряз., с. 15], но описываемые события, по мнению историков, относятся к вятичам еще до начала освоения ими Средней Оки. (Легенда, приводимая в летописях, связывает происхождение вятичей и радимичей с двумя братьями – Радимом и Вятко, сообщается, что они пришли с запада, из «ляшских» (польких) земель. Радим, согласно летописи, со своим родом обосновался на р. Сож, а Вятко – на Оке [ПСРЛ, т. II, с. 10]). Одна из последних летописных записей, в которой упоминается этноним, датируется 1146 г.: «но съзвавша Вятиче и реша им…» [Ипатьевская Лет., Свод лет. Ряз., с. 57].

Вятичи как наименование земли вятичей фиксируется в памятниках с конца XI в.: «…а въ Вѧтичи ходихом по двѣ зимѣ»; «…к Ростову идохъ сквозѣ Вѧтичѣ» (109(5) г.) [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 248].

Записи кон. XII в. всё ещё повествуют о *вятичских* городах и называют землю ***Вятичи*** (наименование встречается, в частности, в записи 1197 г. Воскресенской летописи) [ПСРЛ, т. 7, с. 106; Свод лет. Ряз., с. 99]. Последнее упоминание топонима относится к 1208 г.: «И пошли их наперед в Вятичи, область черниговских» [Татищев, т. III, с. 176-182, Свод лет. Ряз., с. 110].

Хотя, начиная уже с 1155 г. [Татищев, т. III, с. 55; Свод лет. Ряз., с. 63] регулярно фиксируются наименования региона с участием прилагательного *Рязанская (-ие)*, типа ***Рязанская область, Рязанская земля, Рязанские места*** (и аналогичные образования), иногда с этим значением в летописях используется топоним ***Рязань*** («Того же лета ходи князь великы Всеволод на Рязань…», далее: «…и поимаша все власти и села Рязанскаа и всю землю ту пусту створиша, пограбиша и пожгоша…» (1187 г.) [ПСРЛ, т. XXV, с. 94; Свод лет. Ряз., с. 92-93], создавая условия для трансонимизации ойконима, названия главного города Рязанской земли.

Окончательно ***Рязань*** переходит в данный разряд в перв. пол. XIII в.: «Того же лета приходиша Батыеви татарове в Рязань, и попленише ю всю» (1239 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 10, с. 115; Свод лет. Ряз., с. 153]. Описывая тот же исторический эпизод, другая летопись (Ипатьевская) сообщает, что татары пришли к Переяславлю, спалили его и окрестные города и села [Ипатьевская Лет., ПСРЛ, т. II, с. 338-339], таким образом, под Рязанью в сообщении Никоновской летописи подразумевался не город, а земля, область.

Следует отметить, что именно с указанного времени ***Рязань*** как наименование территории используется в летописях особенно активно. Это наводит на мысль, что закрепление онима в данном разряде было спровоцировано ликвидацией денотата важнейшего имени Рязанского княжества (город был полностью уничтожен в 1237 г.) и желанием сохранить это имя, пусть даже в ином качестве. Ведь в случае его утраты и топоним ***Рязанская земля*** становился немотивированным и бессмысленным.

Спустя 40 лет после сожжения города в Никоновской летописи: «Того же лета приходиша Татрове на Рязань, и много зла сътвориша, и отъидоша в свояси» (1278 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 156, Свод лет. Ряз., с. 161].

Спустя 50 лет: «Того же лета князь Елортай Ординский, Темирев сын, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву…» (1288 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 10, с. 167, Свод лет. Ряз., с. 165].

Спустя 80 лет: «Ходи князь Юрьи на Рязань на князя Ивана Рязанского и докончаша мир» (1320 г.) [Н1Л, с. 96; Свод лет. Ряз., с. 173].

Весьма показательна в этой отношении запись Никоновской летописи под 1365 г. об очередном походе ордынцев, где одновременно упоминаются и ***Рязанская земля*** и ***Рязань*** – как равноправные наименования территории, и главный город – ***Переяславль***: «…и поиде ратью многою на Рязаньскую землю; и прииде тайно и безвестно на Рязань, и взя град Переславль Рязаньский и сожже и около его плени вся власти и села… [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 5-6; Свод лет. Ряз., с. 186].

Приблизительно в одно время с первой фиксацией наименования ***Рязанская*** по отношению к конкретной территории Почья фиксируется и название жителей *рязанцы*: *«Того же лѣта князь Андрѣи Юрьевъ сынъ Долгорукаго посла сына своего князя Изяслава, и съ нимъ друзіи мнозіи князи, и воинство Ростовъское, и Суздалское, и Рязанцы, и Муромцы, и Пронстіи и друзіи къ симъ мнози совокупишася къ нимъ же въ помощь, и идоша на Половцы въ поле за Донъ далече…»* (1160 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 222]. Это название (и как название жителей города, и как название жителей всей Рязанской земли) регулярно используется в записях, относящихся к XII в., XIII в. и в последующие периоды. По структуре оно входит в один ряд с наименованиями жителей других княжеств: владимерцы, суздальцы и под. (упом. в XII в.)

Варианты в форме субстантивированного прилагательного – *резанские* и в форме словосочетания *рязанские люди* встречаются в записях нач. XIII в.: *«Мой совет если вам угоден, пусчай резанские учинят роту, что им зла никоего тебе не учинить»*, *«Князь великий, прослезяся сам, …сказал им, людем резанским…»* [1208 г., Татищев, т. III, с. 179-180].

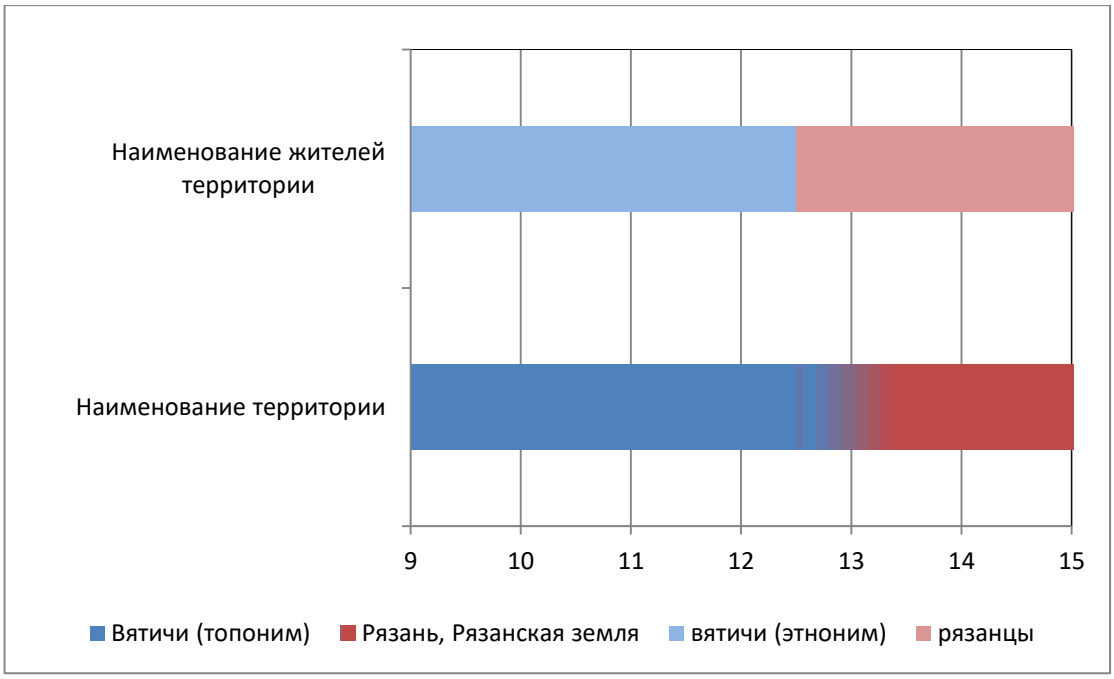
Как видно из записи под 1160 г., помимо наименования *рязанцы* в тот же период известно и наименование жителей другого значимого города рязанской

земли – Пронска, в формах: *пронстии* (*«Пронстіи»*), представляющего собой притяжательное прилагательное, т.е. *пронские* (1160 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 222], по более поздним записям *проняне*: *«Проняне же пояша къ собѣ Изяслава Володимерича и затворишася съ нимъ въ градѣ»* (1207 г.) [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 430], и регулярно в последующем.

Таким образом, традиция отождествлять территорию и проживающую на ней группу людей, проявлявшаяся в синкретизме онимов: *вятичи* (племя), ***Вятичи*** (регион), постепенно заменяется новой тенденцией – отождествлять территорию с главным городом данной территории: ***Рязань*** (город), под влиянием аналогии ***Рязань*** (регион), ***Рязанская земля*** (регион).

Процесс употребления и постепенной замены онимов разного типа представлен на **Схеме 1** (см.). Как видно из схемы, замена наименований одной территории проходила в течение пятидесяти лет – с сер. XII до нач. XIII в., в этот период ранний топоним ***Вятичи*** и новые топонимы ***Рязань***, ***Рязанская земля*** (и под.) использовались параллельно.

Схема 1. Употребление и замена онимов Вятичи и Рязань



Замена племенного наименования жителей наименованием по месту жительства происходит раньше: до вт. пол. XII в. В летописях отсутствуют записи, в которых жители Среднего Поочья именовались бы и вятичами и рязанцами одновременно, а пример одновременного упоминания топонима ***Вятичи*** и онима *рязанцы*, с одной стороны, и топонимов ***Вятичи*** и ***Рязанская область***, имеется: «И пошли их наперед в Вятичи, область черниговских», «…хочет Всеволод Резанскою областию овладеть…», «Резанцы же… отступили» (1208 г.) [Татищев, т. III, с. 176-182; Свод лет. Ряз., с. 110].

2.1.3. Детерминативы

Наряду с топонимами памятники регистрируют и детерминативы, что позволяет очертить круг бытовавших географических терминов, а вместе с ними и типов объектов, вовлекаемых в ономастические процессы.

Из детерминативов представлены термины поселений, водных объектов, небольших природных объектов, пространств. Время употребления этих терминов по отношению к периферийным русским регионам более позднее (по сравнению с территориями более раннего славянского освоения и центрами русской жизни). Поселищная терминология представлена терминами: *град, городок, село.*

Детерминатив *град* (*градъ*) по отношению к рязанским поселениям фиксируется под 1147, 1148 гг. [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 173, 177; Свод лет. Ряз., с. 58, 59], хотя первое упоминание рязанского поселения данного вида относится к 1095 г.: «и иде к Рѧзаню» [Лавр. Лет., ПСРЛ, I, стб. 231, 240].

Чуть ранее, под 1146 г., регистрируется указатель *городок*: «Колтеск городок» [Ипатьевская лет., Свод лет. Ряз., с. 57].

Детерминатив *село* фиксируется под 1157 г.: *«Княгиня же по своем животе 5 сел ..... отдала»* [Татищев, т. III, с. 61; Свод лет. Ряз., с. 64], под 1187 г.: *«все власти и села Рязанскаа»* [Московский летописный свод, Свод лет. Ряз., с. 93].

Из гидронимических детерминативов зафиксирован только термин *река* (*рѣка*). Одна из наиболее ранних его фиксаций (для рязанской территории) относится к 1153 г.: «у Оки реки» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 197; Свод лет.

Ряз., с. 62]. В Хронике Литовской и Жмойтской в ряду рек выделяется *река великая* (речь идет о главной реке территории – Оке): *«Резань ... место столичное, недалеко от Оки реки великой, а от Москвы места миль 36 лежит, прирожоное месце до обороны»* (1322 г.) [ПСРЛ, т. XXXII, с. 37-38; Свод лет. Ряз., с. 175].

В качестве терминов, служащих для обозначения обособленной территории (административной области), используются: *земля, область, волость (власть), места, украина*. Использование того или иного термина во многом предопределено источником и временем упоминания.

Так, в Ипатьевской летописи по отношению к территории Рязанского вел. княжества встречаются *земля* и *волость*: 1180 г. – Рязаньская волость; 1237 г. – земля Рязанская [Ипатьевская Лет., ПСРЛ, т. II, с. 122, 175; Свод лет. Ряз., с. 122, 147].

В «Повести о разорении Рязани Батыем» – земля Рязанская (с различными орфографическими вариантами).

В собрании В.Н. Татищева (утраченные летописи) преимущественно *область* (1155 г.: «Того ж году приходили болгары волские с войски на Муромские и Резанские области…» [Татищев, т. III, с. 55; Свод лет. Ряз., с. 63]; 1177 г.: «в область Резанскую» [Татищев, т. III, с. 119; Свод лет. Ряз., с. 83]).

Никоновская летопись наиболее вариативна в употреблении термина, здесь встречаются:

- *область* (1198 г.: «Ярослав, князь резанский, по согласию с братиями просили великого князя Рюрика и митрополита, дабы область Резанскую от епархии черниговские отделить и поставить в Резань особаго епископа» [Свод лет. Ряз., с. 99]);

- *волость (власть)* (1393 г.: «…приходиша изгоном на Рязанскиа власти» [Свод лет. Ряз., с. 231]);

- *земля* (1209 г., 1365 г., 1378 г.: Рязанская земля [Свод лет. Ряз., с. 186, 202]);

- *места* (1493 г.: «Того же лета приходили Татарове… изгоном на Рязанские места…» [Свод лет. Ряз., с. 281].

Приведенный ряд показывает, что из терминов, использовавшихся для обозначения отдельной территории, с XII до нач. XIII в. чаще всего употреблялись *область, волость*, с нач. XIII в., в течение XIV в. – *земля*, а *места* – только в XV

в., и это связано не только со стилистикой отдельной летописи или отдельного текста, но с юридическим статусом княжества, земли в тот или иной исторический период, порядком княжеского владения ею: временное владение, по старшинству, в старой Киевской Руси или с XIII в. в северной (Суздальской) Руси удельное, вотчинное, владение, передаваемое по наследству от отца сыну. Как следствие, соответствующее осмысление статуса территории.

Позднее, в XIV – XV вв., в летописных записях появляется новое обозначение – *украина*. Хотя и раньше рязанская территория занимала окраинное положение по отношению к русским регионам, теперь она занимала это положение по отношению к набирающему силу Московскому княжеству. Вместе с другими пограничными землями: Нижегородской, Ростовской, Ярославской, Смоленской, защищала его и обеспечивала относительно безопасную жизнь населению центра северной Руси, способствуя объединению русских земель вокруг Москвы. Для этого времени типичны записи: «приходиша Татарове на Рязанскую украину и возвратишяся с полоном в Поле» (1425 г., 1442 г.) [Никоновская Лет., Свод лет. Ряз., с. 261, 265].

Вариативность в употреблении терминов при назывании отдельных княжеств и всего Русского государства (*царство, держава, великая держава, великое княжество, страна, край*) сохранялась и в средневековых текстах [Барандеев, 1993, с. 127].

Из детерминатовов иных видов (в частности, относящихся к микротопонимам) встречаются: *поле* (1207 г.: «за рекою с поля Половецькаго…» [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, с. 181-182; Свод лет. Ряз., с. 106]), *лес* (1365 г.: «под Шишевским лесом» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 5-6, Свод лет. Ряз., с. 186]), но, как видно из примеров, они проникают в документы не ранее XIII в. и упоминаются очень редко.

На основании приведенных данных можно говорить о том, что объектами номинации в древнерусский период были отдельные области, поселения городского и сельского типа, реки, леса. Объекты иного вида на страницах летописей не отмечены, хотя очевидно, что их круг, ввиду хорошей освоенности территории,

был намного шире. Гораздо более информативными в этом плане оказываются документы регионального характера – документы, составленные в княжествах, для нужд княжеств (в частности, в духовных грамотах Ивана Калиты, датируемых перв. пол. XIV в. и касающихся территории Московского княжества, помимо указанных, встречается и термин *слобода* [Кучкин, 1976, с. 177]).

2.1.4. Вариативность записи топонимов

При сравнении разных отрывков одной летописи и отрывков разных летописей четко прослеживается вариативность записи топонимов.

Так, например, ойконим ***Белград*** имеет варианты: «***Белгород***» и «градъ ***Бѣлъ***» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 205; Свод лет. Ряз., с. 63; Лавр. Лет., ПСРЛ, I, стб. 183; Повесть о разорении Рязани Батыем, ДРЛ, с. 112]; ***Борисов Глебов*** – просто ***Борисов*** или просто ***Глебов*** [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. 7, с. 95-96; Свод. лет. Ряз., с. 220-221, с. 84; Татищев, т. III, с. 129; Свод лет. Ряз., с. 88]. Также встречаются варианты записей топонимов: ***Нерилск – Нериньск – Нериней***ск, ***Переяславль – Переславль***, ***Пронь – Пръньск – Пръне***скъ ***– Пронеск – Проньск***.

Фиксация одного топонима (чаще всего ойконима) в разных формах может говорить, во-первых, об официальной и орфографической незакрепленности имен собственных в древнерусский период, во-вторых, о равноправности употребляемых форм, в-третьих, о фонетических и иных изменениях, происходящих в имени в период его функционирования.

В связи с этим следует различать формы, которые являются орфографическими вариантами (***Переяславль*** – ***Переславль***), формы, которые являются вариантами, сложившимися и функционирующими независимо друг от друга (***Белград*** – град ***Бел***), и формы, которые являются результатом развития первоначальной формы в связи с естественными онимическими трансформациями (***Борисов Глебов*** – ***Борисов***).

Для последних представляется важным установить наиболее раннюю и этимологически более правильную форму.

Два варианта ойконима ***Нерильск*** и ***Нериньск*** фиксируются под 1147 г. одновременно в Никоновском и Ипатьевской летописях. «Список русских городов» кон. XIV в. подтверждает форму ***Неринеск*** (ссылка на источники дана выше), однако, вероятно, первый из приведенных вариантов названия является этимологически более правильным. Он дает возможность соотносить ойконим с гидронимом ***Нерль*** (реки с таким названием известны среди п.п. Волги и л.п. Клязьмы; гидронимы предположительно являются наследием балтской топонимической системы; предполагается их связь с *neris* «бобр» (с эпентетическим -*л*-), для сравнения – в литовской гидронимии: р. ***Neris,*** см.:[Откупщиков, 2004, с. 86]). Появление второго варианта может быть связано с местными фонетическими процессами, проявившимися в смешении звуков (прогрессивная ассимиляция, уподобление звуку *[н']*), дальнейшее изменение – с процессами падения редуцированных и переходом *ь* > *е* (***Нериньск*** > ***Неринеск***).

Наибольшее число вариантов зафиксировано у ойконима ***Пронск***. Из них ***Пръньск – Пръneскъ – Пронеск – Проньск*** можно рассматривать как орфографические варианты, обусловленные наличием в составе топонима редуцированных гласных и фонетическими процессами, происходящими с редуцированными в древнерусский период. Иной характер носят варианты ***Пронь*** и ***Пронск***.

Впервые ойконим фиксируется в летописях в форме ***Пронск*** [1146 г., Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 171; Свод лет. Ряз., с. 57], эта форма (с различными орфографическими вариантами) встречается на протяжении XIII в. в разных летописях и в Повести о разорении Рязани Батыем.

Повествование «Начало о великих князех Рязанских» Воскресенской летописи фиксирует оним в иной форме: «Глебовичи поделилися: Роман, Игорь да Володимер сели на Рязани, а Всеволод да Святослав на Проне» [1186 г., Воскресенская Лет., т. VII, с. 242; Свод лет. Ряз., с. 90]. Топонимы, упоминаемые в отрывке, сопоставимы с хорошо известными и сегодня городом Рязанью и рекой Проней, однако оба эти топонима в документе – названия городов. Далее, под 1207 г., они приводятся в начальной форме: «Князь великий Всеволод Юрьевич Долгорукого Володимерьской под князми Резаньскими Резань и Пронь взял…»

[Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 288]. Ойконим и в последующих записях имеет форму ***Пронь***: «…а сам седее князь Иван на княжениях на Рязани и на Проне» (1308 г.) [Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 289], «а седели мнозие князи с Прони на Резани», «1308: Взял князь Иван Резань, пришед с татары, под князем Феодором Олговичем; и помирил их князь великый Василей Дмитреевичь, и посади их опять по своим княженим: Феодора на Резани, а Ивана на Прони» [О начале пронских князей, Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 290].

Отметим, что записи с формами ***Пронь*** и ***Пронск*** по времени синхронны, но модель, по которой построен первый оним, более древняя, в связи с чем можно рассматривать ***Пронь*** как первоначальную форму ойконима.

Примечательно, что, по данным каталога «Топонимия Рязанской области», одним из мелких притоков реки Марковки современного бассейна Прони является одноименный ручей ***Проня*** (п.п. р. Марковка, л.п. р. Проня), а нас. пункты, расположенные вдоль его течения, носят названия ***Пронь*** [Гордова ТРО, 2010, с. 52].

2.1.5. Языковая принадлежность топонимов

К особенностям употребления топонимов в древнерусских памятниках письменности следует отнести и то, что в них преимущественно фиксируются названия славянского (древнерусского) происхождения.

Диаграмма 2. Языковая принадлежность топонимов, упоминаемых в памятниках письменности XI-XV вв.

Так, в списке топонимов Рязанского вел. княжества, сформированном на основе письменных данных (без включения в него наименований самой области), они составляют самую значительную часть – более 85 %. По меньшей мере 4 упоминаемых гидронима могут быть интерпретированы как элементы дославянских топонимических систем, среди них названия наиболее крупных и важных рек территории – ***Оки*** и ***Пры***, а также гидронимы ***Плава, Вожа***. Ряд гидронимов не находит надежного объяснения (***Осетр, Быстрая Сосна, Великая Ворона***). Название ***Крим ханский*** возникло в древнерусский период (это подтверждают тексты летописей), но относится к крымско-татарской топонимии. В общей сложности неславянские названия и названия неясного происхождения составляют менее 10 % списка. Среди ойконимов подавляющее число названий – славянские (древнерусские) (см.: Диаграмма 2).

Приведенные материалы показывают, что славяне, занимая территории, уже освоенные иными народами, то есть территории, имевшие сформированное ономастическое пространство, пользовались тем не менее элементами своей ономастической системы, формируя вокруг себя собственное ономастическое пространство и допуская в него лишь отдельные элементы иных языковых систем, главным образом, названия рек. Реки являлись нерукотворными (в отличие от поселений) и локальными (в отличие от территории в целом) объектами, освоенными задолго до появления в регионе славян. Наличие у объекта имени являлось показателем того, что земля, река или лес известны местным жителям и вовлечены в их жизнедеятельность.

Отдельные записи летописей подтверждают, что реки осваивались в первую очередь. В Сказании о Кожемяке (Повесть временных лет), повествующем о битве Владимира с печенегами в 992 г. на реке Трубеж, говорится: «… и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль» [ДРЛ, с. 20], из чего следует, что река получила свое название раньше, чем был заложен город.

2.1.6. Ситуация номинации и толкование имен в текстах древних документов

Сведения, описывающие ситуацию номинации и содержащие толкование

имен, в источниках немногочисленны, но они имеются. Большинство из них носит характер легенды, например, объяснение происхождения топонимов ***Киев, Щековица, Хоревица,*** от имен трёх братьев (*Кий, Щек, Хорив*) в Предании об основании Киева, и ойконима ***Переяславль*** (на Трубеже): «Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече Переяславль, зане перея славу отроко тъ» (отрок, победивший печенега) [ДРЛ, с. 9, 21-21].

Но есть и реалистичные описания. К ним относится летописная запись о ***Ростиславле,*** в которой не только называется точная дата основания города, но и объясняется мотив выбора имени: «Того же лета князь Ростислав Ярославичь рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 197; Свод лет. Ряз., с. 62], что дает основание говорить о существовании в рассматриваемый период принципа называния «во имя» основателя поселения.

Летописи дают представление не только о мотиве называния, но и мотиве выбора места для нового поселения. Так, в Предании об основании Киева сообщается, что Кий заложил город в месте, которое ему полюбилось: «…приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ» [ПВЛ, ДРЛ, с. 9].

2.1.7. Тенденции древнерусской топонимии

Список региональных топонимов, составленный на основании письменных данных, это яркое отражение основных тенденций древнерусского периода и иллюстрация положений, выведенных исследователями древнерусской ономастики.

А) Повторяемость названий (тезоименность) в разных областях славянского мира

Как известно, выбор имени для нового поселения или освоенного природного объекта в большинстве случаев осуществлялся из уже сформированного фонда имен (именных основ), а в ряде случаев имел место прямой перенос названий прежних областей проживания славянского населения. В связи с этим топонимия отдельных регионов может образовывать ряды соответствий. Из летописных названий поселений и рек Среднего Поочья обнаруживают буквальные или

близкие соответствия в иных регионах славянского расселения по меньшей мере 14 топонимов: ойконимы ***Переяславль, Ростиславль, Бельгород, Свинеск, Исады, Бобруеск, Воин[?], Дубечин, Новгородок, Торческ***, гидронимы ***Лыбедь, Трубеж, Проня, Венева***. Это составляет свыше 20 % от общего числа названий из списка летописных топонимов региона (Диаграмма 3).

Ойконим ***Переяславль*** в древнерусский период известен в киевской, рязанской и залесской областях, ***Торческ, Бельгород*** – в киевской и рязанской, ***Свинеск*** – в волынской и рязанской, ***Новгородок*** (или «***Новыи городок***») – в киевской, литовской, рязанской, залесской [Свод лет. Ряз., с. 220-221, 129], ***Воин*** – в Приднепровье и Рязани. Рязанский летописный ***Бобруеск*** сопоставим с ***Бобруйск*** (могил., сер. XIV в.) [Поспелов, 2002, с. 71], рязанские ***Исады*** – с аналогичным ойконимом в низовьях Оки, ***Дубечин*** – с волынским ойконимом ***Дубечно*** (в районе р. Припяти) [Атлас АДР, 2002, с. 220].

Диаграмма 3. Рязанские летописные топонимы, имеющие соответствия в топонимии других славянских областей

Безусловно, топонимы областей более позднего славянского освоения упоминаются в летописях позднее родственных топонимов древнейших славянских территорий. Так, например, ***Торческ*** Киевской области регистрируется в летописи уже в 1219 г.: «…а Коломана послал с довольною стражею в Торческ» [Татищев,

т. III, с. 210-212; Свод лет. Ряз., с. 129], а аналогичный рязанский ойконим – только в кон. XIV в.

Неоднократно фиксируется в летописях гидроним ***Трубеж.*** Наиболее раннее его упоминание встречается в Повести временных лет в уже приводимом Сказании о Кожемяке, описывающем события 992 г. [ДРЛ, с. 20], далее он упоминается под 1185 г. [Лавр. Лет, ПСРЛ, т. I, стб. 402], по отношению к рязанской территории – в кон. XIV в. [Свод лет. Ряз., с. 220]. Однако древность модели, известность названия в древнерусской топонимии дает основание относить возникновение рязанского гидронима к более раннему, нежели зафиксировано в памятниках письменности, времени. То же относится и к названию ***Лыбедь*** (приток рязанского Трубежа).

Лыбедь упоминается в Повести временных лет в Предании об основании Киева (*Лыбедь* – сестра *Кия, Щека* и *Хорива*). Как полагают, предание восходит к событиям VI в., оно было известно уже в VII в. Согласно легенде, имена героев легли в основу топонимов: ***Киев, Щековица, Хоревица, Лыбедь*** [ДРЛ, с. 9]. Непосредственно сам гидроним упоминается под 980 г.: «на Лыбеди» (О Владимире Святославиче) [Повесть временных лет, ДРЛ, с. 20] и под 1230 г.: «у реки Лыбети» (О землятрясении в Северской земле) [Татищев, т. III, с. 225-226, Свод лет. Ряз., с. 140]. Найти упоминание гидронима, имеющего отношение к древней Рязани, в летописях не удалось, однако, скорее всего, он уже был известен в Среднем Поочье.

Рязанский гидроним ***Проня*** (правый приток Оки) соотносится с аналогичным названием притока р. Сож в Белоруссии [Поспелов, 2002, с. 387]. Предположительная первичная форма реки ***Венёва***, близ устья которой находился летописный город ***Венёв***, находит соответствие в бассейне Вислы – *Wieniawa* [Смолицкая, 2002, с. 50]

Еще одна немаловажная деталь: топонимы могли дублироваться в разных областях славянского мира, но внутри области название использовалось только один раз. Повторение одного и того же известного названия в одном регионе не

допускалось. То есть в топонимии рязанской земли мог быть только один ***Переяславль***, только один ***Воин***.

Исследователями древнерусской топонимии подробно описано, что некоторые из повторяющихся названий являются перенесёнными. Добавим к этому, что даже при выборе названий из традиционного фонда древнерусских имен номинаторы часто и, по всей видимости, сознательно повторяли известные названия территории своего былого проживания в целях создания вокруг себя привычного топонимического ландшафта. Этим объясняется близость, однотипность топонимического наполнения областей раннего и позднего славянского освоения.

В ряде случаев имеет место простое совпадение имен, построенных по актуальным моделям своего времени. Так, например, топоним ***Ростиславль*** известен и в Смоленском княжестве, и в Рязанском. Смоленский город основал смоленский князь *Ростислав*, по имени которого он и стал называться, а рязанский город основал рязанский князь *Ростислав Ярославич*.

Повторяющиеся имена разных русских земель, зафиксированные в памятнике письменности без каких-либо географических ориентиров, не позволяют в ряде случаев их идентифицировать. То есть не всегда можно понять, о названии какого региона идёт речь в тексте, что, безусловно, рождает всевозможные ошибки и в установлении времени первого упоминания топонима, и в описании его дальнейшей истории.

Б) Наличие добавочного элемента при топониме, аналог которому уже известен, является хорошо известным фактом русской топонимики.

Характер добавочных элементов различен. Во многом он обусловлен региональным фактором и зависит от того, используется дополнительный элемент для идентификации названий *разных регионов* или названий *одного региона*.

Для однотипных названий *разных территорий* характерно дополнительное определение, отражающее название региона: *Рязанский, Суздальский, Залесский* и под. Необходимость в его использовании при топониме возникала не сразу.

Так, в рязанской топонимии определение *Рязанский* фиксируется памятниками при двух ойконимах: ***Переяславль*** и ***Ростиславль***. Определение у топонима

Переяславль появляется в летописных записях только с 1339 г.: «Тогда же князь Иван Иванович Коротопол Рязанский срете брата своего князя Александра Михайловича Пронскаго, во Орду идуща ко царю с выходом, и изыма его и ограби, и приведе его во град свой в Переславль Рязаньский» (1339 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 211; Свод лет. Ряз., с. 177], а также в запиях под 1342 г., 1365 г. [Никоновская Лет., Свод лет. Ряз., с. 178, 186] и в последующих записях, до этого времени город называется ***Переяславлем***.

Город ***Ростиславль***, основанный в 1153 г., фиксируется с региональным определением только под 1342 годом записи: «во граде Ростиславле Рязанском» [Никоновская Лет., Свод лет. Ряз., с. 178].

И Переяславль и Ростиславль известны на других территориях славянского мира, названия этих древнерусских городов часто упоминаются в летописях, причем сначала в однословной форме и лишь позднее – с дополнительным определением.

При этом новый элемент получают и первые поселения, и последующие. Самый ранний по времени возникновения город ***Переяславль*** (907 г.) именуется ***Переяславлем Русским*** в записи под 1199 г.: «Преставися князь Ярослав Мстиславич, внук Юриев, в Переяславле Руском» [Татищев, т. III, с. 166; Свод лет. Ряз., с. 99] (с 1943 г. – ***Переяслав-Хмельницкий***, город в Киевской обл.). Другой ***Переяславль*** называется ***Переславлем Суздальским*** («***Суждальским***») под 1214 г., хотя первое его упоминание, без дополнительного определения, относится к 1152 г. [Радзивилловская Лет., ПСРЛ, т. 38, с. 165; Свод лет. Ряз., с. 116; Поспелов, 2002, с. 326]. Определение *Великий* у топонима ***Новгород*** появляется в летописных записях начиная с 1169 г., хотя как ***Новгород*** город известен уже в 859 г. [Поспелов, 2002, с. 295]. Более или менее регулярно дополнительные указания у большинства названий разных русских княжеств употребляются лишь в записях 30-40-х гг. – вт. пол. XIV в. (хотя даже в это время новые летописные традиции выдерживаются не всегда, например, под 1364 г.: «Того же лета мор бысть в Переславли», о каком городе идет речь, не уточняется [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 3; Свод лет. Ряз., с. 186]).

Как видно из примеров, «территориальное» определение при топониме всегда указывает на то, что в других областях уже известно аналогичное название. В связи с этим допустимо предположить существование в прошлом на других территориях аналогов названий, которые упоминаются в летописях с определениями данного типа. Так, например, определение *рязанская* встречается у гидронима ***Пра*** в летописной записи под 1209 г.: «посла воеводу своего Козму Родивоновича ратью в Резанскую землю и взяша Пру рязанскую вниз по Оке» [Никоновская Лет, ПСРЛ, т. X, с. 60; Свод лет. Ряз., с. 115].

Отсутствие «территориальных» определений у других повторяющихся названий, например, у ряз. ***Свинеска, Торческа***, известных в то же время в Волынской и Киевской землях, наводит на мысль, что необходимость в них возникала только у названий относительно крупных и значимых поселений княжества. Это подтверждает и тот факт, что ойконимы, очевидно, местного значения ***Свинеск*** и ***Торческ*** упоминаются в древних летописях только один раз, в отличие, например, от топонима ***Переяславль***.

Наряду с «территориальным» определением, однотипные топонимы разных регионов могло разграничивать и обстоятельственное уточнение: «на Трубеже», «на Плаве», «на Осетре», «на усть Проне», «в верх Дону». Его назначение то же: идентифицировать географическое имя в ряду аналогичных, уже известных имен: ***Переяславль на Трубеже*** (он же ***Переяславль Рязанский***) – ***Переяславль Русский, Переяславль Залесский***; ***Новгородок на Осетре – Новгород Северский, Нижний Новгород, Новоград Волынский*** [Поспелов, 2002, с. 295] и т.д.

По записям памятников письменности четко просматриваются правила в употреблении добавочных определений и обстоятельств: необходимость в них возникала только при первом упоминании города в данном отрывке, далее он назывался однословно. Так, в записи Никоновской летописи от 1339 г.: «Тогда же князь Иван Иванович Коротопол Рязанский срете брата своего князя Александра Михайловича Пронскаго, во Орду идуща ко царю с выходом, и изыма его и ограби, и приведе его во град свой в Переславль Рязаньский», далее: «И тако ис Переславля поиде князь Иван Коротопол…» [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 211;

Свод лет. Ряз., с. 177], та же тенденция в записи от 1342 г., см.: [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 215; Свод лет. Ряз., с. 178].

Это заставляет рассматривать элементы не как часть названий, именно в таком виде часто представлены они в справочной литературе (в частности, в ТСРО: статья «Переяславль-Рязанский» [ТСРО, 2004, с. 189]), а как географический ориентир, необходимый для идентификации одноименных объектов. Подтверждает данное положение и список русских городов кон. XIV в.Воскресенской летописи, в котором приведённые нами названия регистрируются в формах: ***Переяславль на Трубеже*** (вместо Переяславль Рязанский)**,** ***Переяславль*** (вместо Переяславль Суздальский), ***Ростиславль*** (вместо Ростиславль Рязанский).

К другому типу относятся отношения между названиями исторически связанных одноименных городов *одного региона*. Их выражают, судя по записям летописей, пары *старый – новый*, *старый – новый городок (новый город)*: «Старый Львов» (Льгов) – «Новыи городок Олгов на усть Проне» (кон. XIV в.) [Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 221]. В рязанской топонимии пара известна с кон. XIV в.

Как отмечает Н.Д. Русинов, пары названий в пределах одной реки связывают определения *нижний – верхний* [цит. по: Поспелов, 2002, с. 290].

При этом во всех случаях возможно наличие пары только с одним определением, как правило, с отсутствием противопоставления в названии более древнего поселения, то есть Город – Новый город, Нижний город [Поспелов, 2002, с. 290].

Название ***Рязань старая***, приводимое в списке городов Воскресенской летописи, можно считать прецедентным, ввиду того, что иной Рязани – Новой Рязани – в том же списке нет, по всей видимости, под ней лишь подразумевается город ***Переяславль*** (подробнее о соотношении топонимов ***Рязань*** – ***Переяславль*** см. п. 2.1.8). Таким образом, в паре *старый – новый* отсутствует не только определение *новый*, но и топоним, повторяющий «старое» имя.

Во всех случаях название второго поселения является перенесенным, соотносимым с названием первого поселения, а потому никак не связано со значением лежащего в его основе апеллятива. То есть название Новгорода не означало «но-

вый город», а повторяло название города Новгород, что на реке Волхов (по другой версии, название города Город в верховьях Волги) [Поспелов, 2002, с. 290].

В ряде случаев трудно определить, связаны ли однотипные названия одной территории или они возникли независимо друг от друга. Так, на территории Рязанского вел. княжества были известны два близких топонима: ***Ростиславль*** и ***Рославль Польский***, второе название является видоизменной формой топонима, образованного от антропонима *Ростиславль* (отметим, что похожие изменения произошли и с аналогичным смоленским топонимом: первоначально ***Ростиславль*** – затем ***Рославль*** [Поспелов, 2002, с. 355]). Добавочное определение при топониме указывает на местоположение объекта: *польский* (расположенный в Поле (Диком Поле), так назывались окраинные, слабозаселенные рязанские земли), вероятно, различению поселений способствовала и видоизмененная форма ***Рославль***.

Как и у одноименных топонимов разных регионов, добавочное определение у топонимов одной территории появляется позднее. Так, основание города ***Новгорода*** относится к 1221 г., а определение *Нижний* регулярно употребляется при названии только с XIV в. [Поспелов, 2002, с. 290], рязанские топонимы ***Рославль Польский, Новый городок Ольгов*** и под. записываются в такой форме в относительно поздних документах (лишь в кон. XIV в.).

2.1.8. История наиболее значимых топонимов региона: Рязань и Переяславль

Повторяющие названия разных регионов и парные названия одной территории являются различным проявлением общей и стойкой традиции сохранения топонимов определенной культурно-языковой среды: и как узус, и как память. В связи с этим особое место занимает вопрос о наиболее значимых названиях региона: истории их бытования, возможности ликвидации или замены. Суть этих вопросов ярко иллюстрируют топонимы ***Переяславль*** (Рязанский) и ***Рязань***.

В пункте 1 отмечалось, что топоним ***Рязань*** является самым частотным среди рязанских топонимов по количеству упоминаний в летописях и самым важным для своего региона.

Как было указано выше, ликвидация главного города Рязанского вел. княжества в перв. пол. XIII в. привело к тому, что имя утраченного денотата стало наименованием всей Рязанской земли и некоторое время оно использовалось только в данном качестве. Однако постепенно наметилась тенденция переноса имени на другое поселение, выполнявшее функции главного города и имевшего собственное название – ***Переяславль***.

Из сведений только письменных источников нельзя установить точную дату его возникновения. Хотя ойконим ***Переяславль*** не раз упоминается в русских летописях, сопоставить его с конкретным объектом не позволяют причины, о которых уже говорилось выше: 1) на территории славянского мира существовало три города с таким названием (Русский (Южный), Новый (Суздальский), Рязанский (на Трубеже)); 2) источники (в записях до нач. XIV в.) не разделяют три Переяславля, а в большинстве случаев, о каком бы городе ни шла речь, называют его Переяславлем; 3) в тексте часто отсутствуют географические ориентиры, упоминаемая река Трубеж не может служить таковым ввиду однотипности топонимического ландашафта: каждый из трех городов стоял на реке с названием Трубеж.

И только записи 1301 г. позволяют с уверенностью говорить, что речь в летописи идет о рязанском Переяславле: *«Того же лета князь Данило Александровичь Московский приходил ратью на Рязань, и бишася у града у Переславля»* [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 173; Свод лет. Ряз., с. 171]; в Лаврентьевской Летописи, о том же событии: *«Того же лета, в осенине, Данило князь Московский приходил на Рязань ратью, и билися у Переяславля»* [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, с. 209; Свод лет. Ряз., с. 171].

Поскольку письменные источники не называют дату основания города, версия о происхождении его названия из сочетания «перенявший славу» (прежней столицы княжества) не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. Если поселение уже существовало до разорения Рязани в 1237 г., то такое объяснение топонима бессмысленно.

Перенос названия на новое поселение проходил в течение XIV в. Уже в записях первой половины века Переяславль олицетворяется с Рязанью, что доказы-

вают, в частности, описания одного и того же события в разных летописях. Так, в Воскресенской летописи под 1343 г. говорится: *«Князь Ярослав… прииде из орды, с собою приведе Татар, да Резань взяли, и князя Ивана Коротопола згониша…»* [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 243; Свод лет. Ряз., с. 179]. Никоновская летопись описывает эпизод более подробно, при этом сообщается, что Иван Коротопол был изгнан из Переславля: *«…и прииде с татары во граде Переславлю Рязанскому, и князь Иван Ивановичь Коротопол затворися во граде Переславли…»* [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 215, Свод лет. Ряз., с. 178]. И это означает, что под Рязанью подразумевался Переяславль, хотя город все еще носил свое первоначальное имя. Во всяком случае, в списке русских городов кон. XIV в. Воскресенской летописи ойконим ***Рязань*** не приводится, но называются города ***Переяславль*** («на Трубеже») и ***Рязань старая*** («на Оце») [Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 221]. Также и в Путешествии митрополита Пимена в Царьград 1389 г. называются: ***Переславль Рязанский*** – как главный город Рязанской земли – и ***Рязань*** – как отдельная область, земля *(«А во Святую неделю Пасхи поидохом к Рязани по реце по Оке и приспехом к Перевитску…»* [Татищев, т.V, с. 165-168; Свод лет. Ряз., с. 224].

Запись кон. XV в. *«…сгорел город Рязань весь»* (1494 г.) [Никоновская Лет., т. XII, с. 237; Свод лет. Ряз., с. 282] следует соотносить с Переяславлем (к этому времени старая Рязань уже сельское поселение). Официально Переяславль стал именоваться Рязанью лишь после 1778 г. [ТСРО, 2004, с. 190].

Имя ***Рязань*** с начала существования Рязанского вел. княжества было для его территории основным, главным. Именно по нему идентифицировалась вся область, с ним соотносились региональные города. Вследствие этого, главное имя региона не могло быть утрачено, даже в связи с утратой денотата имени. Поэтому, некоторое время сохраняясь в названии региона, оно вполне закономерно стало новым именем поселения, на которое перешли функции главного города. Таким образом, невозможность утраты главного и наиболее значимого для данного региона имени является главной причиной замены имени ***Переяславль*** именем ***Рязань***.

2.1.9. Этапы развития ономастики региона в древнерусский период

При реконструкции ономастического процесса ранних периодов в границах отдельного региона представляется важным и восстановление этапов его истории и состояний ономастической системы на каждом этапе. Отдельные сведения об этом дают древнерусские памятники письменности.

Так, в частности, вывод о затухании ономастической активности в регионах в кон. XIV в. можно сделать на основании того, что в это время многие районы и даже целые области подверглись почти полному разорению, о чем свидетельствуют летописные записи: *«Татарове же, пришедшее, взяша град Дубок и сожгоша, и Переславль сожгоша и, много прочая грады пожгоша, и власти и села повоеваша и пожгоша и, много полон собраше, возъвратишася во свояси, Рязаньскую землю пусту сотвориша. ...И мало что людей, от того же полону от татар избежавшее, начаша вселятися и жилища сотворяти в земли Рязаньской, понеже вся земля бысть пуста и огнем сожжена»* (поход Мамая на Рязанскую землю 1379 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 4; Свод лет. Ряз., с. 204].

В путешествии 1389 г. Митрополита Пимена в Царьград описывается территория Подонья (до рек Мечи и Сосны, далее р. Острая Лука, устье р. Вороны): *«И во вторый день приидохом до Чярь Михайловых, сице бо зовется, тамо и град бяше», «Бысть же сие путное шествие печальному и унылому приключению подвержено, быше бо пустыня всюду. Не бе видети тамо ничтоже: ни града, ни села. Аще бо и бываше древле грады красны и нарочита зело видением места, точию пусто ж все и не населено: нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверей множество…»* [Татищев, т.V, с. 165-168; Свод лет. Ряз., с. 225]. Запустевшими описывают летописи и Елецкие земли: *«Повоеваша татарове всю Елечьскую землю и оттоле запустела»* (1415 г.) [Летописи Белорусско-Литовские, Свод лет. Ряз., с. 258].

Важны также сведения о том, что в данный период отдельные региональные топонимы перешли в разряд исторических, вследствие утраты денотатов. Так, в частности, Повесть о разорении Рязани Батыем сообщает, что татары град Бел,

Ижеславец, Пронеск *«разори до основания и всѣ люди побиша безъ милости»* [ДРЛ, с. 112], после чего города уже не смогли восстановиться.

2.1.10. Структура летописных топонимов, принципы номинации

Подводя итог рассмотрению списка региональных топонимов, упоминаемых в ранних памятниках письменности, и возможностей, которые даёт данный вид источников для ономастической реконструкции, выделим топоосновы и топоформанты древнерусских летописных топонимов, а также отраженные в них принципы номинации.

Выявление этих характеристик позволит описать модели, актуальные для региональной ономастики в древнерусский период. Как уже отмечалось ранее, под топонимической моделью следует понимать образец имени, представляющий собой единство содержания (семантики) и средств выражения (структуры). Модель – это соединение различных характеристик имени: типа топоосновы и топоформанта, пути онимизации, мотива номинации, времени актуализации (функционирования).

Говоря о времени актуализации (функционирования) отдельных топонимических элементов в регионе, следует иметь в виду, что сейчас речь идет лишь о гипотетическом периоде, установленном по времени первой фиксации в памятниках письменности названий, содержащих эти элементы. Любая дата, указанная в этой связи, означает «не позднее такого-то времени»: только в это время топоним с данной основой или с данным формантом зафиксирован в памятнике письменности, что в большинстве случаев неравнозначно времени его возникновения.

Принципы номинации

Принципы номинации выявлены на основе анализа названий, получивших более или менее надежное объяснение.

А) Название отражает соотношение двух объектов:

поселение < река (знак «<» показывает путь перехода топоосновы);

поселение < поселение;

поселение < природный объект;

поселение < рукотворный (природно-рукотворный) объект;

природный объект < поселение (река);

природный объект < природный объект.

Из указанных типов отношений самым частотным в древнерусский период является тип, когда поселение получает своё имя по реке, на берегу которой оно основано. К названиям, отражающим данный принцип номинации, относятся: ***Пронь / Пронеск*** (р. ***Проня***), ***Венёв*** (р. ***Венева***), ***Нерильск*** (р. ***Нерль***). В регионе топонимы данного типа известны с сер. XII в.

Второй тип отношений (поселение < поселение) отражают названия: ***Ижеславец*** (***Ижеславль***), ***Новый городок Олгов*** (***Олгов***, затем ***Старый Льгов***).

Остальные типы отношений представлены (в рязанской топонимии) единичными примерами: ***Дубок***, по расположению около дубового леска (известен с кон. XIV в.); ***Исады***, по расположению близ места высадки, пристани (нач. XIII в.); ***Шишевский*** лес, по расположению вблизи поселения ***Шишево*** или реки ***Шиш*** (вт. пол. XIV в.); поле ***Половецкое***, по расположению на краю ***Половецкой*** степи, которая находилась под контролем половцев (нач. XIII в.); ***Червленый Яр***, очевидно, первоначально название мелкого природного объекта (апеллятив *яр* «обрыв»), известна и река ***Червленый Яр*** (сер. XII в.).

Указанные принципы номинации использовались при образовании топонимов разных разрядов: и ойконимов, и микротопонимов, и хоронимов. В хоронимии название поля, пространства могло соотноситься как с названием более мелкого (часть степи ***Червленый Яр*** < мелкий орографический объект, река), так и более крупного объекта (***Половецкое*** поле < ***Половецкая*** степь).

Б) Название дано по имени основателя поселения (*«…созда во имя свое град…»*), по принадлежности называемого объекта определенному лицу. Среди имеющихся примеров – все названия населенных пунктов (городских и сельских): ***Ростиславль, Олгов, Кир Михайлов, Микитин, Михаилов, Шилов, Шипино***. Эпонимы наиболее древних из них известны. Так, в частности, город ***Кир Михайлов*** получил свое название по имени *Кира Михаила*, пронского князя (ум. в 1217 г.); ***Олгов*** – по имени вел. кн. *Олега Рязанского*. Как уже отмечалось, относитель-

но эпонима и мотива присвоения названия городу ***Ростиславль*** в источнике есть прямое указание: *«Того же лета князь Ростислав Ярославичь рязанский созда во имя свое град Ростиславль у Оки реки»* (1153 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 197; Свод лет. Ряз., с. 62].

Названия, отражающие данный принцип номинации, известны в рязанской топонимии с сер. XII в. (***Ростиславль***), он остается актуальным до нач. XIII в.: в этот период появляются города ***Олгов, Кир Михайлов***. Памятники конца XIV в. фиксируют новые названия данного типа (***Микитин, Михайлов, Шилов*** и др.)

Названия водных или иных природных объектов (в Рязани), отражающих данный принцип номинации, в памятниках письменности не отмечены.

В) Название дано в память о ком-либо. Номинация данного типа представлена единичным примером в рязанской топонимии: ***Борисов Глебов*** (упом. в кон. XII в.), название города связывают с именами благоверных князей *Бориса* и *Глеба,* убитых в ходе княжеских междоусобиц. Аналогичные топонимы, известные в других русских регионах (***Борисоглебск***, яросл., кон. XV в.; ***Борисоглебск***, ворон., название известно с 1704 г.; ***Борисоглебская слобода***, ивановск., кон XIV в.) даны по церкви [Поспелов, 2002, с. 426, 77, 476], в связи с чем нельзя исключать посредства названия церкви и в образовании рассматриваемого топонима. Важным в этой связи представляется тот факт, что с именами святых *Бориса* и *Глеба* связана одна из самых ранних церквей на территории Рязанской земли – она располагалась в столице княжества Рязани, ее возведение относят к сер. XII в. Ойконим ***Борисов Глебов*** впервые упоминается в конце века, существовала ли на территории поселения церковь с тем же имяпосвящением, нам неизвестно. По некоторым материалам, именно в конце XII в. (в 1190-х годах) «наблюдается широкая волна строительства храмов и освящений престолов в честь братьев-мучеников по всей Руси», а в Муромо-Рязанском княжестве этих святых почитали особо, так как князь Глеб правил в Муроме и позднее считался местным святым [Беляев, 2005, с. 143].

Приведенные ойконимы других регионов, связь которых с культовым названием более или менее надёжно установлена, имеют иную структуру и более

позднее время возникновения, то есть они создавались в иных условиях: в условиях актуальности иных принципов номинации и иных моделей.

Г) Название отражает факт основания, постройки нового поселения. Один из наиболее ранних примеров названий данного типа в древнерусской топонимии – топоним ***Новый город***, упоминаемый с сер. IX в., но, возможно, известный уже в VI в. [Поспелов, 2002, с. 295). В рязанской топонимии название данного типа – ***Новгородок*** – фиксируется лишь в кон. XIV в.

Д) Название дано по роду занятий населения. Данный принцип представлен в рязанской топонимии названием ***Добрый Сот***, отражающим занятие местных жителей бортничеством. Поселение известно с нач. XIII в.

Принцип номинации, реализованный в других топонимах списка, точно не установлен: название допускает несколько толкований, либо его происхождение вообще не известно (***Град Белъ (Белъград), Вердерев, Дубечин, Колтеск (Кулатеск), Корнике, Крилатеск, Ласково, Ломихвост, Опаков, Перевитеск, Тешилов, Торческ, Урюпеск***).

В летописных гидронимах и гидронимах, восстановленных из состава названий поселений, упоминаемых в древнерусских памятниках, воплощены иные принципы номинации. Все они связаны с отражением природных особенностей объекта, среди которых наиболее заметными являются: конфигурация русла (***Трубеж***), характер водной поверхности или местности протекания (***Листань, Лыбедь***), прибрежная флора и фауна (***Бобруйа***).

Структура топонимов

В древнерусской топонимии региона представлены онимы простой (однословной), составной (двуосновной) и сложной (двух- или трёхсловной) структуры (Диаграммы 4-6).

Подавляющее большинство названий имеет простую (однословную) структуру. Она характерна и для названий поселений (***Бобруеск, Вердерев, Воино, Исады***), и для названий рек (***Листань, Лыбедь, Плава***), и для названий мелких и крупных природных объектов (лес ***Шишевский***, поле ***Половецкое***).

Составная (двуосновная) структура встречается у топонимов реже. Как правило, такую структуру имеют названия поселений (***Белъград, Новгородок***), причем в некоторых случаях двуосновные имена легко трансформируются в имена двухсловные, путем распада структуры на два самостоятельных слова с сохранением вида связи между ними: ***Белъград – град Белъ, Новгородок – Новыи городок.***

Примеры гидронимов и микротопонимов, имеющих данную структуру, отсутствуют.

Что касается топонима ***Ломихвост***, то его структуру следует рассматривать как простую, так как, скорее всего, топоним образован от прозвищного имени *Ломихвост*, которое в свою очередь возникло из словосочетания «ломи хвост», но непосредственно топоним связан только с именем простой структуры.

Названия сложной структуры, состоящие из двух или трех элементов, также не характерны для древнерусской топонимии региона, тем не менее они встречаются чаще названий двуосновных. Такую структуру могут иметь и ойконимы (***Борисов Глебов, Добрый Сот, Рослаль Польскыи***), и гидронимы (***Быстрая Сосна, Великая Ворона***), и хоронимы (***Червленый Яр***).

Диаграмма 4. Структура региональных топонимов, упоминаемых в древнерусских памятниках письменности

Диаграмма 5. Структура ойконимов

Диаграмма 6. Структура гидронимов

Преобладающий тип – топоним, представляющий собой словосочетание *прилагательное + существительное* с подчинительной связью (***Добрый Сот, Быстрая Сосна***). Единичны примеры названий, в которых оба элементы связаны между собой лишь семантически, при помощи союза *и* (***Борисов Глебов, Борисов и Глебов***), и топонимов трехсловной структуры (***Новый городок Олгов***).

Формы топонимов

Топонимы простой (однословной) структуры представлены формами прилагательного (краткого и полного) и существительного.

Наиболее типичной для региональной топонимии является форма имени прилагательного. В группе топонимов данного типа самое значительное место занимают онимы, являющиеся притяжательными прилагательными: ***Рязань, Казарь, Переяславль, Ростиславль, Рослаль (Польскыи), Пронь, Борисов Глебов, Олгов, Опаков, Венев, Вердерев, Кир Михайлов, Михаилов, Тешилов, Шилов*** и др.

Далее следуют топонимы, имеющие форму краткого относительного прилагательного: ***Бобруеск, Колтеск (Кулатеск), Крилатеск, Нерильск, Перевитеск, Пронеск, Торческ, Ужеск, Урюпеск.*** Полная форма встречается в названиях реже: (лес) ***Шишевский***, (поле) ***Половецкое***.

Онимы, имеющие форму краткого качественного прилагательного, единичны: (град) ***Бел.***

Менее употребительной является форма имени существительного. Она встречается и у ойконимов: ***Дубок, Ижеславец, Ломихвост, Исады***, и у гидронимов: ***Лыбедь, Плава***.

Топоосновы и топоформанты

Вопрос выделения топооснов и топоформантов региональных топонимов неразрывно связан с вопросом их происхождения. При этом наиболее важным представляется решение вопроса образования онима от апеллятива или от онима иного вида.

Среди названий, путь происхождения которых более или менее надежно установлен, наиболее многочисленную группу составляют топонимы, образованные на основе онимов иного вида. В связи с указанными в п. 2.1.1 особенностями употребления топонимов в ранних памятниках письменности, речь в данном случае идет о названиях поселений и единичных названиях природных объектов, которые восходят к основам антропонимов, гидронимов, ойконимов, хоронимов.

Названия древнерусских поселений преимущественно связаны с основами антропонимов: ***Ростиславль*** – *Ростислав,* ***Кир Михайлов*** – *Кир Михаил,* ***Борисов Глебов*** – *Борис* и *Глеб*, ***Олгов*** – *Олег*, ***Микитин*** – *Микита / Микитин,* ***Михаилов*** – *Михаил / Михаилов,* ***Шилов*** – *Шило / Шилов,* ***Шипино*** – *Шипа / Шипин*, или гидронимов: ***Венев*** – р. *Венева,* ***Нерильск*** – р. *Нерль,* ***Пронеск*** – р. *Проня.* Это самые распространенные типы производящих основ.

Производящей основой для ойконима могла служить основа другого ойконима, но данный тип в региональной топонимии (в частности, среди названий городов) встречается редко, в рязанском списке представлены только два примера:

Ижеславец – Ижеславль или ***Изяславль***, ***Олгов*** (новый городок) – ***Олгов***. Положение подкрепляется и данными других русских регионов.

Среди топонимов отыменного происхождения:

– название ***Шишевского*** леса, которое может быть связано как с основой гидронима, так и с основой ойконима, что более вероятно (в смежной топонимии известны и река ***Шиш*** и поселение ***Шишево***), но в любом случае основа микротопонима в словообразовательной цепи оказывается вторичной;

– название ***Половецкого*** поля, восходящее к основе одноименного названия степи.

– название местности ***Червленый Яр***, дублирующее название микротопонима или гидронима.

В гидронимии рассматриваемый тип основ, а в связи с этим и отыменной путь происхождения, оказывается непродуктивным.

Вторая группа – топонимы отапеллятивного происхождения (рассматриваются и некоторые первичные онимы, с которыми связаны имена первой группы). Данная группа представлена топоосновами: *бобруй-* от «бобёр», *жернов-* «приспособления для перемалывания зерна», *ров-* «длинное углубление в земле», *солодь-* «топь, болото», *труб-* от *труба* «протока, рукав реки», и топоосновами, сопоставимыми с исходными апеллятивами: *дубок* «дубовый лесок», *сот* «ячейка с медом», *лыбедь* «лебедь», *град (город)* «город», *городок* «небольшой город», *яр* «овраг, обрыв», *плав (плава)* «зыбун, болото с верхним растительным покровом» [ТСЦР, с. 261], *исад-* «место у реки, где высаживаются на берег; пристань».

Представленный фонд топооснов позволяет говорить о том, что при образовании региональных топонимов в древнерусский период активно использовалась географическая лексика различного содержания, а также поселищная терминология. Образная лексика (термины-метафоры) отмечена только среди гидронимических апеллятивов.

В роли определений при главном слове могли использоваться прилагательные: *червленый* «красный», *бел* «белый» (апеллятив многозначный: цветовое обозначение стороны света (север), цвет грунта (залежи мела), цвет крепостных стен

(из белого камня); определение, как было отмечено выше, могло выступать и в роли самостоятельного онима: град ***Бел***), *новый, добрый, польский* (от *поле*).

В ряде случаев выделение топоосновы и топоформанта в названии затруднительно. Так, например, в гидрониме ***Листань*** может быть обнаружена топооснова *лист-* + топонимообразующий формант *-ань* либо топооснова, равная исходному апеллятиву – прилагательному *листанъ,* при онимизации которого использовался суффикс *-jь,* «лиственная, покрытая опавшими листьями» (такое название могла получить река, протекающая по лиственному лесу).

Двоякое определение структуры допустимо и для ойконима *Тешилов*, так как финаль *-ов* может быть и частью производящей основы, например, антропонима *Тешилов*, от которого образовалось название города, и топонимообразующим формантом от основы *тешил-*.

В числе названий, допускающих различные пути происхождения и, как следствие, различные варианты членения топонимической основы и форманта, ойконимы: ***Рязань, Казарь, Переяславль***. Степень достоверности той или иной версии их происхождения и морфемный состав может быть установлена эвристическим путем – путем соотношения различных лингвистических (в том числе и собственно ономастических) и внелингвистических данных, что входит в задачу нашего дальнейшего рассмотрения (развитие данной темы в Главах 3 и 4).

Нетипичную структуру имеет ойконим ***Корнике***, приводимый в Списке русских городов Воскресенской летописи. В связи с тем, что ойконим в иных известных документах не встречается, а приведенная форма является для древнерусской топонимии нетипичной, нельзя исключать возможности неправильной записи топонима и, как следствие, всевозможных ошибок при его морфемном анализе.

Структура других топонимов прозрачна, но семантика топоосновы не установлена или допускает различное, подчас взаимоисключающее объяснение, в том числе и на базе неславянских языков. Среди таких топооснов: *вен-, колт- (?кулат-), крилат-, ласк-, опак-, ран-, свин-, урюп-, шиш-*.

Для отдельных названий, содержащих указанные топоосновы, возможен следующий комментарий.

Топоним ***Ласково*** мог быть образован:1) на базе местного географического термина, измененного *лоск* «овраг»; 2) на базе антропонима: в Никоновской летописи под 1184 годом записи упоминается воевода полка белозерцев Фома *Ласков* [ПСРЛ, т. X, с. 9; Свод лет. Ряз., с. 88].

Топоним ***Опаков*** может быть сопоставлен с ойконимом ***Опока*** (залесск., ныне пск.), который связывают с апеллятивом *опока* «меловой известняк» [Поспелов, 2002, с. 311].

Любопытным с точки зрения структуры является ойконим ***Ломихвост*** (кон. XIV в.). По версии, закрепившейся в краеведческой литературе, оним связан с диалектным названием сокола – *ломихвост,* отражающим резкое изменение положение хвоста птицы при охоте.

Действительно, некоторые народные названия образованы от словосочетаний подобного типа. В словаре В. Даля приводятся, в частности, *ломикамень* «разрыв-трава», *ломонос* «бородавник, жигунец, нищая трава», *перекати-поле* «растение кучерявка» [Даль, т. II, с. 225, т. III, с. 49]. К подобным словосочетаниям восходят также имена-прозвища людей: *Загнибеда, Варивода, Непийпиво, Паливода, Печиборщ, Убийвовк, Лупирыба* и под. Такие антропонимы особенно характерны для Украины. Представляет интерес в этой связи и народное название дня 18 января – *Афанасья-ломоноса*, или *Афанасья береги-нос* [Даль, т. II, с. 225]. Таким образом, со словосочетаниями, содержавшими, в том числе, и глагольные формы в повелительном наклонении, связана апеллятивная и ономастическая лексика разного вида: названия растений, народных дат, имена людей. Это делает возможным объяснение апеллятива *ломихвост* как народного названия птицы[5], хотя никакими источниками наличие данной лексемы в русских диалектах не подтверждено. Сомнительными в этом случае представляются заложенный в названии принцип номинации, и модель, по которой построен топоним. Более ве-

[5] В этом случае образное выражение *ломи хвост* относится, скорее, не к виду самой птицы, а к способу охоты: свою добычу сокол не берет с земли, не хватает, а «бьёт на лету», внезапно ударяя в нее стрелой – отлетным когтем, такой способ охоты сокола описан в словаре В. Даля, см.: [Даль, т. IV, с. 122].

роятным представляется образование топонима ***Ломихвост*** от имени человека – прозвища *Ломихвост*.

Для гидронима ***Венева,*** с которым связан ойконим ***Венев*** (город был заложен при впадении этой реки в Осётр), предлагаются две версии происхождения: 1) от географического апеллятива со значением «извилистая» (**venъ* от **viti*, **vьja*), что могло отражать характерную форму русла реки; 2) от антропонима с основой *Вен-* [Поспелов, 2002, с. 93; Смолицкая, 2002, с. 49-50].

С антропонимической основой связывают и гидроним ***Ранова***: от *Ранъ* или *Рано* (ср. ***Вадова***, ***Радова***, ***Дедова*** и другие аналогичные образования в гидронимии Правобережной Украины). Предлагаются и версии субстратного происхождения топонима (субстратная топонимия рассматривается в Главе 5).

Фонд топоформантов региональной топонимии древнерусского периода включал в себя, судя по имеющимся данным, форманты: *-ьск (-ьскъ)* / позднее *-еск*, *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ) -ский*, *-инское* (с вариантами для названий среднего и женского рода), *-jь*, *-ец (-ець)*, *-ище, -еж, -ша, -ня.*

Из них наиболее продуктивны форманты: *-ьск (-ьскъ)* / *-еск* и *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* (с вариантами для онимов среднего или женского рода).

Форманты *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* и варианты для среднего и женского рода представлены наибольшим количеством примеров в региональной топонимии: ***Тешилов, Вердерев, Микитин, Ласково, Шипино, Венев, Ранова*** и др. Наиболее типично оформление формантом *-ов* онимов отантропонимического происхождения: ***Борисов Глебов, Олгов, Михаилов*** и т.д. (названия этого ряда фиксируются в регионе с сер. XII в.).

В ряде случаев формы антропонима и топонима омонимичны или форма исходного антропонима затемнена (***Шипино*** – от *Шипин* или *Шип****, Шилов*** – от *Шилов* или *Шило*). По всей видимости, такое объяснение допустимо и для топонима ***Воин[?]*** – от *Воин*, но по аналогии исходным именем может быть и *Вои*.

Все зафиксированные топонимы данного ряда относятся к поселениям (преимущественно городам). Названия с данными формантами известны в тот же

период и в других регионах: ***Микулин*** (литовск.), ***Кошкин*** (залесск.) и под. [см.: Свод лет. Ряз., с. 221].

Формант *-ьск (-ьскъ) / -еск* представлен в названиях ***Пронеск, Бобруеск, Ужеск, Крилатеск, Нерильск (Нериньск, Неринеск), Перевитеск, Свинеск*** и др. Те онимы, происхождение которых установлено, дают основание говорить о том, что формант в большинстве случаев участвовал в образовании названий городов, соотносимых с названиями смежных рек: ***Пронеск*** – р. ***Проня***, ***Бобруеск*** – р. ***Бобруйя***, ***Нерильск*** – р. ***Нерль***. Формант фиксируется в составе топонимов с сер. XII в. Примеры его участия в образовании топонимов иных регионов также многочисленны. В списке русских городов Воскресенской летописи приводятся, в частности, ***Глинеск, Сновеск, Трубческ, Рылеск, Свинеск, Торческ*** – города разных русских областей.

Чётко прослеживающаяся связь форманта и пути образования в двух приведенных структурных рядах говорит о типичности этих вариантов трансонимизации, что помогает, в частности, уйти от двоякого объяснения происхождения отдельных названий, особенно составляющих пару со смежным ойконимом или гидронимом, как, например, г. ***Воин[?]*** – р. ***Воина***, опеделение «первичного» и «вторичного» названия в которой всегда вызывало затруднение у исследователей. Учет различий двух структурных рядов позволяет утверждать, что при первичности гидронима название поселения имело бы форму ***Воинеск*** (***Воиньск, Воинск***).

Формант *-jь* использовался при образовании топонимов в форме притяжательного прилагательного. Исходной основой служили основы антропонимов (***Ростиславль***, а также, возможно, ***Рослаль*** (***Польский***), допускающий и иной путь образования; примеры из других регионов: ***Ярославль, Мстиславль*** (залесск.) [Свод лет. Ряз., с. 221]).

В топониме формант *-jь* является выразителем принадлежности называемого объекта упоминаемому лицу. В ПВЛ имеется весьма показательный пример: *«Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ»* [Об убийстве Игоря и мести Ольги древлянам, ДРЛ, с. 12]. Четыре однотипных слово-

сочетания, встречающихся в данном отрывке, показывают, что притяжательные прилагательные от антропонимов различного типа образовывались при помощи различных суффиксов: от имени, оканчивающегося на гласную или мягкий согласный (*Гордята, Чудь*) – *-инъ*; на твердый согл. (*Никифор*) – *-овъ*, а на *-в* (*Воротислав*) – *-jь*, закономерно давший *-vl'* (*-вль*). Для региональной топонимии представляется важным, что топонимы, имеющие формы, аналогичные форме *Воротиславль* (например, ***Ростиславль, Мстиславль***), отражают те же отношения между эпонимом и референтом имени.

Древнерусская топонимия других регионов позволяет говорить о том, что формант *-jь* участвовал в топонимизации антропонимов, оканчивающих на *-н* (***Ивань, Степань, Хотень***), на *-р* (***Хороборь***) [Свод лет. Ряз., с. 220].

Нетипично использование форманта *-jь* при образовании ойконима от основы гидронима. Так мог быть образован ойконим ***Пронь*** – путём преобразования финали гидронима ***Проня***. Нетипичность такого пути трансонимизации подтверждает и параллельная форма ***Пронеск***, известная в тот же период и со временем сохранившаяся за объектом как единственное его название.

Возможно, тот же формант мы видим в топонимах ***Рязань, Казарь***, путь происхождения которых не может быть установлен без привлечения более широкого ономастического материала (происхождение этих названий подробно рассматривается в Главах 3, 4).

Таким образом, формант *-jь* мог обслуживать трансонимизацию: антропоним → ойконим и, возможно, гидроним → ойконим. Формант чрезвычайно активен в древнерусской ойконимии. В Среднем Поочье первый пример названия данного ряда фиксируется в кон. XI в. (***Рязань***), другие примеры – в сер. XII в. (***Казарь, Ростиславль***).

Формант *-ец* участвует в образовании названия города, соотносимого с другим, уже известным городом: ***Ростов – Ростовец, Ярославль – Ярославец***. Имеющиеся примеры говорят о том, что данный формант чаще всего оформлял названия, восходящие к антропонимам, что, возможно, неслучайно (оба города могли быть основаны одним человеком). Впрочем, известны и иные модели, в которых

формант оформлял основу гидронима: тверск. ***Торопец*** – от смежного гидронима ***Торопа***.

Участие данного форманта в образовании славянских топонимов известно уже в X в.: город ***Переяславець*** (имеется в виду ***Переяславец на Дунае***, болгарский город ***Преслав***) фиксируется в летописях под 971 г. в Повести о походе Святослава на Византию [ПВЛ, ДРЛ, с. 15].

Единичность примера топонима на *-ец* в рязанской топонимии затрудняет определения периода активности данного форманта в регионе, можно говорить лишь о том, что топоним ***Ижеславец*** возник до 1237 г., так как в этом году, как сообщают источники, город уже был уничтожен. Тверской топоним с тем же формантом фиксируется во вт. пол. XII в. [Поспелов, 2002, с. 420].

Среди летописных топонимов единичны примеры образований с формантом *-ский*. В рязанской топонимии он отмечен только у названия леса, зависимого в структурном плане от смежных онимов: р. ***Шиш*** – с. ***Шишево*** – лес ***Шишевский***. Очевидно, формант более характерен для раннесредневековой топонимии.

Другие форманты: *-еж, -ша, -ня, -ва*, *-ова*, несмотря на единичность зафиксированных в летописях примеров (***Трубеж, Солотша, Проня, Плава, Ранова***), представляют четко выделяемые в отдельных регионах гидронимические ряды. Так, в частности, по данным Г.П. Смолицкой, формант *-еж* (с вариантами *-иж, -яж*) «часто оформляет гидронимы в бассейне Днепра (***Любеж, Литяж, Нитяж***) и в междуречье Ока – Волга (***Иневеж, Кучебиж*** и др.)» [Смолицкая, 2002, с. 354]. Названия на *-ова* составляют многочисленную группу в гидронимии Правобережной Украины [Трубачёв, 1968, с. 16; Топоров, Трубачёв, 1962, с. 155]. Ареалы названий с перечисленными формантами на территории Среднего (рязанского) Поочья (и возможная этимология названий) подробно рассматриваются нами в Главе 5 «Топонимические ареалы».

Также уже известен способ образования топонимов в форме множественного числа. Первое название такого типа фиксируется в рязанской топонимии в нач. XIII в. (***Исады***).

Несколько обособленно в плане формантой характеристики стоит топоним ***Дубечин***, записанный в источнике, вероятно, по аналогии с топонимами ряда на *-ин* (***Микитин*** и под.), но более сопоставимый с названиями типа *Пересечен* (киевск.) [Свод лет. Ряз., с. 220], представляющих ряд на *-ьнъ* (*-ен*) (изначально суффикс кратких относительных прилагательных типа *чьстьнъ*).

При условии образования топонимов от апеллятивов *град, городок, дубок* и т.д. (см. выше) специальные топонимические форманты вряд ли возможно выделить у онимов ***Белъград, Новгородок, Дубок, Ломихвост, Лыбедь***.

2.2. Список летописных антропонимов и его предварительный анализ

Список региональных антропонимов, составленный на основе письменных источников, дает представление о характере древнерусского именослова, структуре антропонимов, традициях в записи именных данных представителей княжеских родов и иных сословий и тенденциях в антропонимии раннего периода.

Одним из первых антропонимов, имеющих отношение к рязанской земле, является имя князя *Ходоты,* упоминаемое в Лаврентьевской летописи под 1096 годом записи (там же говорится и о сыне князя, но имя его не называется [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 248]. Ходота являлся одним из вождей вятичей. Институт вождей и старейшин, управляющих родом, сохранялся у вятичей дольше других славянских племен, как предполагают, ввиду окраинного положения и обособленности территории их проживания.

Хорошо известной является легенда о происхождении вятичей и радимичей, участвовавших в освоении региона, от двух братьев – *Радима* и *Вятки*. Сообщается, что они пришли с запада, из «ляшских» (польких) земель. Радим, согласно летописи, со своим родом обосновался на р. Сож, а Вятко («лучший, сильнейший») – на Оке [ПСРЛ, т. II, с. 10]. С антропонимами *Вятко* и *Радим* (в ономастической литературе высказывается версия о вымышленном характере эпонимов; см.: [Агеева, 1990, с. 64]) связаны этнонимы *вятичи* и *радимичи,* которые относятся к одному типу славянских этнонимов на *-ичи* (как и *дреговичи, кривичи*).

В более поздних записях летописей называются имена рязанских князей. Они упоминаются более или менее регулярно, как правило, в повествованиях о неких событиях. В большинстве эпизодов рязанские князья – участники междоусобных войн. Также летописи сообщают о них в связи со значимыми фактами их биографии: рождением, женитьбой, переездом, болезнью или кончиной.

2.2.1. Антропонимические формулы

2.2.1.1. Типы формул князей

Именное представление князей вариативное. В источниках зафиксированы антропонимические формулы, содержащие от 1 до 12 компонентов. В состав формулы входят как антропонимы, так и термины родства или титулы, но употребление последних нерегулярно. Наиболее типичными для древнерусских памятников письменности являются варианты, имеющие в составе следующие (постоянные) компоненты.

Формула типа А

Состав формулы	1 (один) антропоним – личное имя.
Примеры	«*Мстислав* междо тем, пришед с полками, стал близ Юриева у села Липиц. А *Всеволод,* возложась на бога, пошел с войски к нему» (1177 г.); «Иде *Святослав* к Любчю и призва к собе братью свою, *Ярослава, Игоря, Всеволода*» (1180 г.) (антропонимическая формула в тексте летописи выделена курсовом нами. – Ю.Г.).
Источники	1177 г., Татищев, т. III, с. 116-117; 1180 г., Ипатьевская Лет., ПСРЛ, т. II, с. 122; Свод лет. Ряз., с. 80-81, 83.

Такая формула характерна для ранних записей, в частности, по отношению к князьям Рязанского княжества она датируется кон. XII – нач. XIII в. (1177 г., 1186 г., 1207 г.), то есть временем, когда впервые упоминается и само княжество.

Факультативные компоненты формулы:

- титул: *князь Глеб*;

- титул с указанием княжества: *рязанский князь Роман*;

- наименование степени родства: *зять Глеб*.

Формула данного типа часто использовалась по отношению к молодым князьям (1212 г.), к младшим братьям вел. князя. В более поздних записях – в XIV в., нач. XV в. – такой тип формулы встречается нерегулярно: *князь Иван* (1408 г.) [Воскресенская Лет., т. VII, с. 245; Свод лет. Ряз., с. 290], и в основном в произведениях художественной литературы. В частности, в «Повести о битве на реке Воже» (1378 г.): *князь великий Олег*; в «Повести о Петре и Февронии Муромских»: *Пётр, князь Пётр* [Свод лет. Ряз., с. 203, 327-328].

Формула типа Б

Состав формулы	2 (два) антропонима – личное имя, именование по отцу, факультативно – титул.
Примеры	*Роман Глебович* (1178 г.). *Всеволод Глебович* (1178 г.). *Володимер Глебович* (1178 г.). *Кюр Михаил Всеволодич* (1180 г.). *Рязанский князь Изяслав Володимерич* (1209 г.).
Источники	Татищев, т. III, с. 120; Никоновская Лет., Московский летописный свод; Свод лет. Ряз., с. 83, 84, 114.

Другим вариантом формулы является запись с заменой второго антропонима на конструкцию со словом *сын*: *Кир Михаил, сын Всеволодов* (1208 г.) [Татищев, т. III, с. 176-182; Свод, с. 110]; значение формулы сохраняется: важным для нее остается указание на отца. Зафиксированные примеры формулы типа Б относятся к кон. XII – нач. XIII в.

Формула типа В

Состав формулы	Титул (в более поздних вариантах), 1 (один) антропоним – личное имя, определение по названию княжества.
Примеры	*Глеб Рязанский* (1177 г.). *Владимир Муромский* (1184 г.). *Олег Рязанский* (1258 г.). *Князь Ярослав Пронский* (1299 г.). *Князь Данило (Данилей) Пронский* (1378 г.).
Источники	Татищев, т. III, с. 116-117; 1258 г., Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 475, 485, 486; Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 9, 215, т. XI, с. 42-43; Московский летописный свод; Воскресенская Лет., т. VIII, с. 69; Свод лет. Ряз., с. 80-81, 88, 169, 178, 202, 231.

Формула (по отношению к князьям разных русских княжеств) применяется с кон. XII в., активна на протяжении XIII в. и XIV в. К ней прибегают разные русские летописи, в частности Лаврентьевская, Никоновская, Воскресенская, Московский летописный свод.

Формула типа Г

Состав формулы	Титул (факультативно), 2 (два) антропонима – личное имя, именование по отцу, определение по названию княжества (может указываться и при титуле).
Примеры	*Князь Ростислав Ярославич рязанский* (1153 г., 1196 г.). *Князь Роман Глебович Рязанский* (1180 г.). *Мстислав Давидович смоленский* (1184 г.). *Князь Кир Михаил Всеволодич Рязанский* (1212 г.). *Князь великий Ярослав Романович Пронский* (1299 г.). *Князь Иван Ярославич Рязанский* (1327 г.). *Князь Констянтин Борисович Ростовский* (1339 г.). *Князь Дмитрий Иванович Московский* (1378 г.).
Источники	Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 84, 197, т. X, с. 172, 194, 211, т. XI, с. 42-43; Татищев, т. III, с. 129; Свод лет. Ряз., с. 62, 63, 88, 98, 169, 176, 177, 202.

Та же формула используется и в «Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 году»: *«великий князь Георгий Всеволодивичъ владимеръской, великий князь Юрьи Ингоревичъ рязанский…»*, далее приводятся имена других князей [ДРЛ, с. 110).

Таким образом, формула фиксируется в памятниках письменности с сер. XII в., встречается и в летописях, и в произведении художественной литературы. Особенно характерна для Никоновской летописи, где регулярно используется в записях, относящихся к XII, XIII, XIV вв., без изменения состава в разные периоды.

Формула типа Д

Состав формулы	Титул, 2 (два) антропонима – христианское имя, древнерусское имя.
Примеры	*Князь Иван Коротопол* (1343 г.). *Князь Иван Нелюб* (1408 г.). *Василей Нелюб* (1408 г.). *Князь Андрей Сухорукой* (1408 г.). *Шемяка князь Иван* (1408 г.).
Источники	Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 243, 245; Свод лет. Ряз., с. 179, 290.

Формула встречается преимущественно в Воскресенской летописи, примеры немногочисленны, все они носят относительно поздний характер: датируются сер. XIV в., нач. XV в. Христианское имя в формуле всегда стоит перед древнерусским, случаи инверсии единичны: *Шемяка князь Иван*.

Никоновская летопись, повествуя об *Иване Коротополе*, следует собственной традиции и выбирает традиционную для себя формулу с указанием титула, личного имени, патронима, определения по названию княжества, добавляя в конце второе имя князя: *князь Иван Иванович Рязанский Коротопол* (1339 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 211; Свод лет. Ряз., с. 177].

Формула типа E

Состав формулы	Титул с указанием названия княжества, 3 (три) антропонима – личное имя, именование по отцу (патроним), именование по деду.
Примеры	*Князь велики Рязанский Володимер Святославичь Ярославичя* (1160 г.).
Источники	Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 229; Свод лет. Ряз., с. 67.

В приведенном отрывке 1160 г. из Никоновской летописи сообщается о кончине князя. Ипатьевская летопись в связи с тем же событием именует князя как *«Володимер князь Рязани, сын Святославль, внук Ярославичь»* [ПСРЛ, т. II, с. 519; Свод лет. Ряз., с. 67]. Тот же образец записи именных данных князя избирает и Никоновская летопись в записи под 1194 г.: *«Того же лета преставися князь Рязанский Игорь, сын Глебов, внук Ростиславль»* [ПСРЛ, т. X, с. 22; Свод лет. Ряз., с. 96], хотя в более ранней записи мы видим иное именование.

По составу формулы примеры сопоставимы. Отличия касаются, во-первых, последовательности расположения компонентов *(«князь велики Рязанский Володимер…» – «Володимер князь Рязани…»*), во-вторых, формы образования именований по отцу / деду: в первом образце они образованы от имени отца и деда при помощи форманта *-ич* (*-ичь*), во втором и третьем – применяется конструкция со словами *сын, внук* и антропонимы образованы при помощи разных формантов: *-jь*, *-ич* (*-ичь*), *-ов,* причем возможность различного образования допускают имена, имеющие одинаковую структуру: *Святослав, Ярослав* и *Ростислав*, независимо

от характера образуемого антропонима: *сын Святославль, внук Ростиславль*, но *внук Ярославич*.

Весьма важными для понимания процесса складывания института отчеств представляются отдельные примеры, в которых именование по деду употреблено в форме род пад. (в цитатах именование выделено курсивом нами. – Ю.Г.): «князь велики Рязанский Володимер Святославичь *Ярославичя*» (1160 г.), князь великий Феодор Олговичь *Ивановича* (1408 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 229, т. XI, с. 202-203; Свод лет. Ряз., с. 67, 250].

Формула может быть отнесена к ранним, так как отмечена в летописных записях, относящихся ко вт. пол. XII в.

Как правило, летописи прибегают к полному именованию князя, с указанием личного имени и именных данных его отца и деда, в официальных записях, касающихся важнейших биографических событий в жизни данного лица. Часто в сообщениях о кончине. Однако, как и в предыдущих случаях, применение формулы непоследовательно. Так, например, в той же Воскресенской летописи в сообщении под 1194 г. о кончине рязанского князя называется только его личное имя и патроним: *«Преставися Игорь Глебовичь на Рязани»* [ПСРЛ, т. VII, с. 23; Свод лет. Ряз., с. 96].

С сер. XIV в. встречается такой вид записи, при котором именное представление князя осуществляется через представление отца – называются именные данные отца, к ним же в большинстве случаев относится определение по названию княжества: *«Князь Ярослав, сын княже Александров Михаиловича Проньского», «…княжь Иванов сын Коротополов Олег»* (то есть Олег, сын князя Ивана Коротопола) (1343 г.) [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 243; Свод лет. Ряз., с. 179], *«князь Родослав, сын Олга Ивановичя Рязаньскаго»* (1387 г.), князь Василий, сын Фёдора Олеговича Рязанского (1407 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 90-91, 197; Свод лет. Ряз., с. 223, 249].

Как видно из примеров, к такой формуле обращаются и Воскресенская и Никоновская летописи. В обеих летописях ее употребление приходится на вт. пол.

XIV – нач. XV в., в связи с чем подобный вид записи можно рассматривать как развитие архаичной формулы типа Е с участием слов *сын, внук*.

Формула типа Ж

Состав формулы	Титул, от 4 до 12 антропонимов – личное имя, именования по отцу, по деду, по прадеду и более далёким предкам, факультативно – определение по названию княжества (может относиться как к титулу, так и к именным данным князя).
Примеры	*Князь Олег Рязанский Ингварович, внук Игорев, правнук Глебов* (1252 г.). *Князь великий рязанский Роман Олгович, внук Ингваров, правнук Игорев, праправнук Глебов* (1270 г.). *Князь Роман, сын Мстиславль, внук Изяславль, правнук Мстиславль, праправнук Владимира Мономаха* (1171 г., новгородский князь). *Князь Василей Александрович брянский, внук Глебов, правнук Ростиславль* (1313 г.).
Источники	Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 139, 149; т. IX, с. 241-242; Татищев, т. V, с. 73; Свод лет. Ряз., с. 155, 158, 70, 173.

Самый длинный вариант формулы содержит 12 антропонимов, он приводится в Никоновской летописи под 1396 г. записи: *князь Глеб Святославич, внук Иванов, правнук Александров, праправнук Глебов, препраправнук Ростиславль, пращур Мстиславль, прапращур Давидов, препрапращур Ростиславль Мстиславич, Володимер сын Манамахов* [ПСРЛ, т. XI, с. 161-163; Свод лет. Ряз., с. 233].

Как видно из примеров, структура антропонимов в данной формуле различна: именование по отцу чаще представляет собой патроним – производное образование с формантом *-ович* или-*ич* (*Ингварович, Святославич*), а именования по более далёким предкам – конструкцию со словами *внук, правнук, праправнук* и т.д., при этом производное имя может быть оформлено формантами *-ов, -ев, -jь* (*внук Ингваров, пращур Мстиславль*).

Таковы основные формулы именования князей русских княжеств, которые используют древнерусские летописи. Отметим, что в летописных текстах встречаются и другие – нетипичные или вовсе единичные – варианты записи антропонимических данных (например, запись с двукратным повтором регионального определения при именах князя и его отца: *князь Родослав Рязанский, сын Олега*

Рязанского, внук Иванов (1407 г.); или запись с инверсией именных данных князя и его предка: *«княжь Иванов сын Ярославича князь Иван Коротопол»* (1327 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 197; Воскр. Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 249, 288].

2.2.1.2. Особенности употребления формул князей

Употребление формул в летописных текстах имеет ряд особенностей. В частности, в одном отрывке при упоминании нескольких князей могут использоваться разные формулы. Показательным в этом отношении является текст об убийстве рязанским князем Глебом своих сородичей 20 июля 1217 г., где называются имена сразу девяти местных князей. Сам Глеб именуется по формуле «Г»: *«князь Глеб Рязанский Володимеричь»*. По формуле «Б» – с указанием имени и патронима – именуются три князя: *Изяслав Володимерич, Кир Михаил Всеволодич, Ингварь Игоревич*; остальные называются только по имени (формула «А»): *Константин, Ростислав, Святослав* и др. (1217 г.) [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 124-125; Свод, с. 126].

Необходимость в полной формуле, как правило, возникает только при первом упоминании князя. При повторном упоминании в том же отрывке он может называться более кратко и менее официально: только по имени (*Роман*, такое именование характерно для ранних записей), по имени и названию княжества (*Глеб Рязанский*), по имени и патрониму (*Роман Мстиславич*), по имени и прозвищу (*Иван Коротопол*).

Если в тексте упоминаются сразу несколько человек, связанные общим именем (как правило, патронимом), то обычно оно называется только один раз. Патроним при этом принимает форму множественного числа и занимает место либо перед именами братьев, либо после них: *Глебовичи Всеволод и Володимер* (1180 г.), *«Роман, и Игорь, и Всеволод, и Володимер Глебовичи»* (1183 г.) [Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 83-84, 87].

Первым называется имя старшего брата. Его именное представление может отличаться от именного представления младших братьев, прежде всего тем, что

общий патроним может относиться не ко всем братьям, а только к нему: *Роман Глебович Рязанский и братья его Игорь и Всеволод*.

Уже в записях, повествующих о событиях вт. пол. XII в., патроним часто употребляется самостоятельно, без связи с именными данными князя или князей-братьев, выступая в роли общего имени колена: *«Глебовичи поделился: Роман, Игорь да Володимер сели на Рязани, а Всеволод да Святослав на Проне»* (1186 г.) [Воскресенская Лет., Свод лет. Ряз., с. 90], *«Рязаньстии князи Глебовичи»* (1187 г.) [Московский Летописный свод, Свод лет. Ряз., с. 92]. Традиция прослеживается и в записях XIV в.: *Рязанские князи Ярославичи* (1300 г.) [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 485].

Указание на титул *князь, великий князь* при упоминании представителей княжеских династий появляется уже в сер. XII в., но в формулах XII – перв. пол. XIII в. оно может и отсутствовать. Только со вт. пол. XIII в. намечается тенденция к присутствию в составе формулы титула в качестве постоянного и обязательного компонента. В записях XIV-XV вв. титул при имени употребляется уже регулярно.

Если в тексте речь идет о князьях-братьях, то, в отличие от патронима, титул указывается при каждом имени (в цитатах титул выделен курсивом нами. – Ю.Г.): «…Призва же себе на помощь и Рязанских князей и Муромских; *князя* Романа Глебовича Рязанского, и братью его *князя* Игоря и *князя* Всеволода, и *князя* Владимера Муромскаго…» (1184 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 9; Свод лет. Ряз., с. 88]. В ранних записях эта тенденция тоже поддерживается не всегда, но к XVI в. такой вид записи становится правилом.

Часто в летописях наблюдается смешение титулов *князь* и *великий князь* (по отношению к князьям самостоятельных русских княжеств). Так, в Московском летописном своде в сообщении о кончине Ярослава Пронского он называется *князем*, а в Никоновской летописи в связи с тем же печальным событием – *великим князем* (1299 г.) [Свод лет. Ряз., с. 169].

Как пишет В.О. Ключевский, при сыновьях и внуках Ярослава «отдельные князья считались только временными владельцами княжеств, доставшихся им по очереди старшинства… В дальнейших поколениях Ярославова рода… каждая

ветвь завела свою местную очередь владения в той части Русской земли, где она утвердилась» [Ключевский, 1992, с. 47-48]. С тех пор, как в разных русских областях основались разные линии княжеского рода, важнейшим знаком идентификации человека, помимо его антропонимических данных и титула, стало указание на принадлежность к определенной территории. В антропонимической формуле это осуществляется путем включения в ее состав главного топонима региона или образованного от него определения.

Данный структурный компонент может занимать различное место в формуле: соотноситься с титулом (варианты а, б), личным именем (варианты в, д), личным именем и патронимом (вариант г), а также указываться вместе с именными данными отца или более древнего предка, иногда повторно (вариант е). В памятниках письменности зафиксированы следующие варианты:

а) *Рязанский князь, князь Рязанский;*

б) *князь Рязани;*

в) *Владимир муромский, Ярослав Пронский;*

г) *Мстислав Давидович смоленский*, *Всеволод Юрьевич Черниговский;*

д) *Глеб Рязанский Володимерич, Олег Рязанский Ингварович;*

е) *Родослав Рязанский, сын Олега Рязанского, внук Иванов.*

Данный компонент известен уже в формулах вт. пол. XII в., в формулах XIII, XIV вв. используется более или менее регулярно.

Указание на княжество обязательно, если в одном отрывке сообщается о князьях, имеющих отношение к разным землям (в цитатах слово выделено курсивом нами. – Ю.Г.): «…призва же себе на помощь и *Рязанских* князей и *Муромских*; князя Романа Глебовича *Рязанского*, и братью его князя Игоря и князя Всеволода, и князя Владимера *Муромскаго*…» (1184 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. X, с. 9; Свод лет. Ряз., с. 88].

Важно отметить, что несмотря на обособленность княжеств и тесную связь князей со своими территориями, в летописном повествовании они остаются князьями русскими. Так, в частности, в описании похода 1184 г., в котором принимали участие князья разных княжеств (переяславский, смоленский, рязанские и му-

ромский), все вместе они называются «князи русские» [Татищев, т. III, с. 129; Свод лет. Ряз., с. 88].

Имеющиеся материалы свидетельствуют, таким образом, об отсутствии чётких правил в официальном именовании русских князей, проявляющемся в большой вариативности формул и разнообразии нюансов их применения в тексте. Однако повторяемость структуры некоторых вариантов (формулярность) позволяет говорить о постепенном складывании таких правил, а отдельные формы – о начале становления основных институтов русской антропонимической системы (отчеств, фамилий).

2.2.1.3. Антропонимические формулы женщин и представителей разных сословий

Существенно отличаются от формул князей формулы женщин-княгинь. Упоминания о них встречаются крайне редко и только в поздних записях летописей. Выделяются три варианта формул.

А) Титул, личное имя, определение по названию региона: *великая княгиня Анна Рязанская* (1485 г.) [Симеоновская Лет., ПСРЛ, т. XVIII, с. 270-271; Свод лет. Ряз., с. 278].

Б) Титул, личное имя, именные данные мужа: *великая княгиня «Еупраксея Олга Ивановичя Рязаньскаго»* (1406 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 193; Свод лет. Ряз., с. 249].

В) Титул, личное имя, титул и именные данные отца: *княжна Агрипена, князь Васильева Бабичева дщерь* (*«княжну Агрипену, князь Васильеву Бабичеву дщерь»*) (1485 г.) [Симеоновская Лет., ПСРЛ, т. XVIII, с. 270-271; Свод лет. Ряз., с. 278].

Таким образом, важным фактором в определении состава антропонимической формулы женщины являлось ее семейное положение: при записи незамужних женщин указывались именные данные отца, при записи замужних женщин – именные данные мужа. При записи княгинь, находящихся на великом княжении, значимым представлялось только ее имя, без связи с именами предков или мужа.

Помимо князей великокняжеского рода, в источниках называются и представители других привилегированных сословий русского общества: бояре, служилые князья, занимавшие различные должности в княжеской дружине и при княжеском дворе (военные управители стольных городов Рязани, затем Переяславля – тысяцкие, воеводы; управители второстепенных городов княжества – наместники, а также стольники, чашники, стольники, пестуны, казначеи и др.).

Их именование разнообразно и тоже пока строго не регламентировано. Обязательным является лишь называние сословной принадлежности или рода занятий, в большинстве случаев с указанием территориальной принадлежности: *рязанские бояре, рязанский воевода*.

Ранние летописи упоминают только представителей знати. Так, под 1135 годом записи в Никоновской летописи рассказывается о тысяцком, который был убит громом: *«Убиен бысть в Рязани тысяцкой Иван Андреевичь, нарицаемый Долгий»* [ПСРЛ, т. IX, с. 159; Свод лет. Ряз., с. 52]. В используемой формуле после наименования рода занятий человека приводятся его крестильное имя, патроним, далее следует второе неканоническое имя (прозвище). В той же последовательности приводятся эти компоненты в другом источнике: *«Тысяцкий Иван Андреевич Долгий»* [Макаров, 1846, Вып. I, с. 13; Свод лет. Ряз., с. 52], с той лишь разницей, что второе имя дается без пояснения. При повторном упоминания тысяцкого в отрывке он называется кратко – только по имени, причем имя приводится в народной форме: *«… а Ванюшка воровал с печенегами…»* [Макаров, 1846, Вып. I, с. 13; Свод лет. Ряз., с. 52], [Макаров, 1846, Вып. I, с. 13; Свод лет. Ряз., с. 52].

Другие формы записи, используемые в летописях, ограничиваются называнием (помимо сословной принадлежности или рода занятий) личного имени и патронима или только имени:

А) *тысяцкий Андрей Глебов* (1155 г.); *главный воевода Борис Жидославич* (1177 г.); *главный рязанский воевода Иварь Мирославич* (1181 г.); *резанские бояре Детилец и Борис Куневич* (далее в тексте они называются только по именам: *«Сие учинили они, послушав совета резанцов Детильца и Бориса»*) (1175 г.); *резанский*

тысецкий Матфей Андреевич (1209 г.) [Никоновская Лет, ПСРЛ, т. IX, с. 205; Татищев, т. III, с. 124, 106-107, 116-119, 182; Свод лет. Ряз., с. 63, 85, 74, 81, 114];

Б) *тысяцкий Констянтин* (1148 г.); *Олстен* (или *Олстень*) (1177 г.); *Дедилец* (1177 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 178; Свод лет. Ряз., с. 59].

Крайне редко при записи бояр и служилых князей в функции именования по отцу применяется конструкция со словом *сын*, традиционная для формул правящих князей. Имеющиеся единичные примеры можно расценивать, скорее, как исключение из правил: Воевода *Иван Рязанец Станиславов сын* (1379 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XI, с. 45; Свод лет. Ряз., с. 204].

В перв. пол. XIV в. в документах, относящихся к территории Рязанского княжества, фиксируется трехсоставная формула, содержащая личное имя, патроним и антропоним нового вида – прафамилию: *Владислав Дмитриевич Шиловский, Александр Владиславович Шиловский, Василий Яковлевич Поляновский* (ок. 1322 г.) [АСЭИ, т. 3, № 352].

Имена простолюдинов попадают на страницы летописей в исключительных случаях. Чаще они упоминаются в произведениях древнерусской литературы. Так, например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских» рассказывается о дочери древолаза из рязанского села Ласково, исцелившей муромского князя [Свод лет. Ряз., с. 326 – 334]. Главная героиня повести называется по личному имени – *Феврония*. После замужества к имени добавляется титул – *княгиня Феврония*, однако такая формула используется в ходе повествования редко, чаще рязанская целительница именуется *Февронией*, а в IV части повести, рассказывающей о жизни княгини после принятия монашества, вместе с ее мирским именем указывается и второе, иноческое имя: *«преподобная и блаженная Феврония, наречённая Ефросинией»* [Свод лет. Ряз., с. 332].

2.2.2. Личные имена

Личное имя – обязательный компонент антропонимических формул всех типов. Как было отмечено выше, в памятниках древнерусской письменности за-

фиксированы имена правящих князей, княгинь, бояр, служилых князей, а также имена простых людей.

В **таблице 1** представлены имена рязанских князей с нач. XII до кон. XV в., расположенные в хронологическом порядке (Таблица 1).

Как видно из таблицы, в XII в. именник княжеского рода включал в себя преимущественно древнерусские имена. Среди них встречаются и заимствованные имена, которые в процессе бытования подверглись сильной фонетической перестройке и настолько прочно вошли в русский именник, что уже в древнерусский период не воспринимались как заимствования. По своему составу имена рязанских князей в точности отражают традиции княжеского именования Руси того времени, подробно описанные в ономастической литературе.

Среди древнерусских заимствованных имен: *Володимер, Глеб, Игорь, Ингвор (Ингварь), Олег*. По классификации А.В. Суперанской, имена данного типа – «имена князей, потомков Рюрика, выходцев из Скандинавии» [Суперанская, 2007, с. 16]. Имена *Ярослав, Ростислав, Всеволод, Святослав, Изеслав, Мстислав* представляют традиционные древнерусские двуосновные имена, преимущественно на -*слав*.

В XIII в. прежняя тенденция сохраняется: у молодых князей по-прежнему преобладают имена древнерусские, однако в подавляющем большинстве случаев они повторяют имена предков по своей линии.

Уже в конце XII в. в именнике князей появляются первые христианские имена: *Роман, Костянтин, Кир Михаил*. В XIV в. их доля возрастает, князья впервые получают имена *Иван, Данилей, Феодор, Василий, Александр*. Однако в списке княжеских имен по-прежнему сохраняются древнерусские заимствованные (*Олег*, упом. в 1343 г.; *Володимер*, упом. в 1371 г.) и традиционные имена (*Ярослав*, упом. в 1343 г.; *Родослав*, упом. в 1387 г.).

В записях XV в. христианские имена уже преобладают над древнерусскими. Причем самыми популярными в княжеской среде становятся имена *Иван* и *Феодор*. Впервые в 1408 г. регистрируются имена *Дмитрей, Андрей*.

Таблица 1. Имена рязанских князей (XII – XV вв.)[6]

Имена князей	Год / период упоминания в летописях	Тип имени[7]	Примечания
Олег	1096, 1122	древнерусск. (заимств.)	Олег Святославич; черниговский князь, в 1096 г. бежал «в Рязань».
Ярослав	1127	древнерусск. (традиционное)	Ярослав Святославич; считается родоначальником рязанских и муромских князей, младший брат кн. Олега.
Ростислав	1127	древнерусск. (традиционное)	Ростислав Ярославич
Святослав	1127	древнерусск. (традиционное)	Святослав Ярославич
Юрьи	1127 – 1143 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Юрьи Ярославич (муромский)
Володимер	1146 – 1161 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Володимер Святославич
Глеб	1146 – 1178 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Глеб Ростиславович; первый правитель самостоятельного Рязанского княжества.
Всеволод	1178 – 1207 (ум.)	древнерусск. (традиционное)	Всеволод Глебович (пронский)
Игорь	1178 – 1195 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Игорь Глебович
Святослав	1178 – 1207	древнерусск. (традиционное)	Святослав Глебович (пронский)
Роман	1178 – 1216 (ум.)	христианское	Роман Глебович
Ярослав (второе имя кн. Романа)	1178 – 1216 (ум.)	древнерусск. (традиционное)	Роман Глебович
Володимер	1178 – 1186	древнерусск. (заимств.)	Володимер Глебович
Ингвор (Ингварь)	1194 – 1235 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Ингвор Игоревич
Юрьи	1194	древнерусск. (заимств.)	Юрьи Игоревич
Глеб	1194 – 1217 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Глеб Володимерович
Костянтин (Констянтин)	1194	христианское	Констянтин Володимерович
Олег	1194 – 1207 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Олег Володимерович
Изеслав	1194 – 1217 (ум.)	древнерусск. (традиционное)	Изеслав Володимерович

[6] Таблица составлена на основании сведений текста «Начало о великих князех Рязанских» [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245] и Выборочных генеалогических таблиц русских князей [Свод лет. Ряз., таблицы 1-13].
[7] Используется типология А.В. Суперанской [Суперанская, 2005, 2006, 2007].

Мстислав	1194	древнерусск. (традиционное)	Мстислав Святославич (пронский)
Ростислав	1194 – 1217 (ум.)	древнерусск. (традиционное)	Ростислав Святославич (пронский)
Кир (Кюр) Михаил	1194 – 1217 (ум.)	христианское	Кир Михаил Всеволодич (пронский)
Роман	1217 – 1237 (ум.)	христианское	Роман Ингварович
Юрьи	1217 – 1237 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Юрьи Ингварович
Олег (Ѡлегъ)	1217 – 1258 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Олег Ингварович
Роман	1237 – 1270 (ум.)	христианское	Роман Олегович (Олгович)
Костянтин	1270 – 1306 (ум.)	христианское	Костянтин Романович
Ярослав	1299 – 1302	древнерусск. (традиционное)	Ярослав Костянтинович
Иван	1302 – 1327 (ум.)	христианское	Иван Ярославич
Иван	1327 – 1343 (ум.)	христианское	Иван Иванович (Коротопол)
Александр	ум. 1340	христианское	Александр Михайлович (пронский)
Ярослав	1343	древнерусск. (традиционное)	Ярослав Александрович (пронский)
Олег	1343 – 1402 (ум.)	древнерусск. (заимств.)	Олег Иванович (Коротопола)
Володимер	1371	древнерусск. (заимств.)	(пронский)
Данилей (Данило)	1378, 1408	христианское	Данило Дмитриевич (пронский)
Феодор (Федор)	1387 – 1407	христианское	Феодор Олегович (Олгович)
Родослав	1387 – 1407 (ум.)	древнерусск. (традиционное)	Родослав Олегович (Олгович)
Василий	1407 (ум.)	христианское	Василий Федорович
Иван	1408	христианское	Иван Володимерович (пронский)
Иван	1408 – 1456 (ум.)	христианское	Иван Феодорович
Феодор	1408	христианское	Феодор Иванович (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Иванович (пронский) (Иван Нелюб)
Андрей	1408	христианское	Андрей Иванович (пронский) (Андрей Сухорукой)
Юрий	1408	древнерусск. (заимств.)	Юрий Феодорович (пронский)
Глеб	1408	древнерусск. (заимств.)	Глеб Юрьевич (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Иванович (Нелюба) (пронский)
Василей	1408	христианское	Василей Иванович (пронский) (Василей Нелюб)

Иван	1408	христианское	Иван Васильевич (пронский) (Иван Шемяка)
Дмитрей	1408	христианское	Дмитрей Андреевич (Сухорукого) (пронский)
Юрий	1408	древнерусск. (заимств.)	Юрий Дмитриевич (пронский)
Иван	1408	христианское	Иван Дмитриевич (пронский)
Феодор	1408	христианское	Феодор Дмитриевич (пронский)
Василей	1448 (род.) – 1483 (ум.)	христианское	Василей Иванович
Иван	1483	христианское	Иван Васильевич
Феодор	1483	христианское	Феодор Васильевич
Иван	1483	христианское	Иван Иванович

Из имен, которые носили рязанские князья, особый интерес представляют варианты скандинавского *Ингварр*. Впервые имя встречается в сильно русифицированной форме *Игорь* (1186 г.) и лишь позднее – в формах, приближенных к оригиналу: *Ингвор, Ингварь* (1194 г.), *Инъгваръ* (1207, 1217, 1219 гг.) [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 242; Свод лет. Ряз., с. 96; Лавр. Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 430, 440, 444]. Причем имя *Ингварь* (*Ингвор, Инъгвар*) носил сын *Игоря* (здесь и далее имена в цитатах выделены курсивом нами. – Ю.Г.): «…а *Игоревы* дети *Ингвор* да Юрьи» (1194 г.), *Ингварь Игоревич* (1217 г.) [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 242, с. 124-125; Свод лет. Ряз., с. 96, 126].

В составе патронима в отдельных летописных записях наблюдается мена согласных: «Кнѧзї же Резаньстии Юрьи *Инъвгоровичь* братъ єго Ѡлегъ и [Романъ] *Инъвгоровичь*» (1237 г.) [Суздальская Лет., ПСРЛ, т. I, стб. 514].

Имя *Георгий (Юрий)* употребляется в форме *Гюрги* (1165, 1172 гг. и другие записи), иногда *Юрги* (первое упоминание – 1207 г.) [Лавр. Лет., ПСРЛ, т. 1, стб. 352-353, 364; 181-182; Сузд. Лет., ПСРЛ, т. 1, стб. 514], *Юрьи* (1194, 1237 гг.) [цитаты см. выше].

Христианское имя *Иван* фиксируется у рязанских князей только в этой форме и относительно поздно – в 1302 г. («Начало о великых князех Рязанских», Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 288) (хотя, напри-

мер, в линии владимирских князей оно известно уже в 1210 г.: Иван, как сообщает летопись, крестильное имя князя Всеволода, внука Всеволода Большое Гнездо, см. ниже). К XV в. имя становится самым частотным, его носят восемь рязанских и пронских князей.

Другие христианские имена зафиксированы в формах: *Феодор, Федор; Костянтин, Констянтин; Данилей, Данило; Василей, Василий.*

Особое положение в княжеском именнике занимает имя *Кир Михаил*, которое носил сын рязанского князя Всеволода (упом. в 1194 г.). Имя образовано путем соединения нарицательного *кир* «господин» (др.-церк. *кур,* из греч. *кирос* «власть, право, сила – эпитет Зевса, Диониса» [Суперанская, 2006, с. 209]) и христианского имени *Михаил,* – возможно, по образцу славянских двуосновных имен, где каждая часть обладала собственным значением.

В летописях имя часто записывалось и как *Кюр Михаил* (в частности, в нач. XIII в. в Летописце Переяславля-Суздальского Московского летописного свода [Свод лет. Ряз., с. 113, 114]), которое более точно воспроизводит церковную форму. В то же время нетипичность имени способствовала появлению и ошибочных записей, в частности, в Ипатьевской летописи под 1237 годом князь записан как *Кир Михайлович* [ПСРЛ, т. II, с. 175; Свод лет. Ряз., с. 147].

Говоря о взаимоотношениях церковных и нецерковных имен, следует отметить, что вторые – крестильные – имена, судя по некоторым летописным свидетельствам, князья получали уже, по крайней мере, с третьей четв. XII в. Так, в частности, в записи под 1172 г. сообщается: «Того же году Игорю Святославичу родился сын октября 8, и нарекли его *Владимир*, а во святом кресчении *Петр*» [Татищев, т. III, с. 96; Свод лет. Ряз., с. 71], в «Похвале роду рязанских князей» (XIII в.): «Благоверный князь *Ингварь Ингваревич*, названный во святом крещении *Козьмой*…» [Свод лет. Ряз., с. 324], однако в летописях князья почти всегда записывались под своими традиционными именами. Примечательно, что и в приведенных цитатах эти имена считались главными именами людей, а имена крестильные – вторыми, данными «во святом крещении».

В свете вышеизложенного ценной представляется запись Никоновской летописи под 1210 годом, в которой наблюдается иное соотношение крестильного и мирского имени: крестильное имя выступает в качестве главного имени человека и записывается первым, перед именем традиционным, которым человека называют в обычной жизни: *«Того же лета родися князю Констянтину Всеволодичю сын Иван, глаголемый Всеволод»* [Никоновская Лет.; ПСРЛ, т. X, с. 62; Свод лет. Ряз., с. 115]. Речь в отрывке идет о сыне владимирского князя Всеволода Большое Гнездо и внуке Юрия Долгорукого.

Одной из важнейших антропонимических традиций в среде правящих князей являлась тезоименность – повторяемость имён в разных коленах и наличие сформированного (в основной своей массе в первые века существования княжества как отдельной административно-территориальной единицы Древней Руси) корпуса этих имён. Так, в пяти поколениях рязанских князей используется имя *Юрьи (Юрий, Юрги)*, в четырёх поколениях – имена *Олег, Ярослав*,в трёх поколениях – имена *Володимер, Глеб, Роман*, а с XIV в. группа пополняется именами *Иван* (10 носителей), *Феодор* (4 носителя), *Василий* (3 носителя). Такую замкнутость вариантов используемых имен, приверженность и даже консерватизм при выборе имени в разных поколениях рода, имеющего отношение к одному княжеству, можно считать особенностью древнерусской антропонимии.

В именовании князей хорошо заметны и семейные предпочтения в выборе имен. Так, рязанский князь *Игорь* называл своих детей преимущественно скандинавскими короткими именами (*Роман, Ингварь, Юрги, Глеб*), а *Святослав*, напротив, древнерусскими двуосновными (*Святослав*, *Ростислав*). Эта общерусская традиция именования подробно описана А.В. Суперанской (см., в частности: [Суперанская, 2007, с. 17-18]).

В антропонимических формулах имена князей использовались преимущественно в полной форме: *Роман, Володимер, Всеволод,* как полные, очевидно, воспринимались и формы *Иван, Федор* (вместо *Иоанн, Феодор*), так как именно в таком виде они присутствуют в строгих формулах типа Г, Е, Ж.

Случаи употребления сокращенных или народных форм имён редки. Они отмечены, в частности, для имён *Кир Михаил, Данилей*: Кюр *Михайло* (1208 г.), князь *Данило* Пронский (1378 г.) [Летописец Переяславля-Суздальского, Никоновская лет., Свод лет. Ряз., с. 113, 202].

Тенденции в личном именослове других сословий установить достаточно трудно из-за редкого упоминания их представителей в ранних памятниках письменности. Типы зафиксированных имен представлены в **Таблице 2**. Как видно из таблицы, антропонимикон рязанских бояр и служилых князей включал в себя христианские и традиционные древнерусские имена. В памятниках письменности они представлены и в формах, близких к полным и правильным, и в сильно измененных (производных) формах. В формулах XII-XIII вв. регулярность использования в качестве личного имени христианского или древнерусского имени сопоставима, то есть одни люди записывались в документах под крестильными именами, а другие под древнерусскими.

Среди древнерусских имен ранних формул в основном одноосновные имена: *Иварь* (измененная форма имени *И́вор* [Суперанская, 2006, с. 192]), *Детилец*, *Олстен (Олстень), Борис.* Однако в составе именований по отцу зафиксированы и двуосновные имена *Жидослав* и *Мирослав*. Среди христианских имен ранних формул: *Иван, Констянтин, Матфей, Андрей, Федор.*

С нач. XIV в. в зафиксированных формулах преобладают крестильные имена, в частности, *Василий, Владислав, Александр*, а древнерусские почти не отмечены.

Таблица 2. Типы личных имен привилегированных сословий (XII – XV вв.)[8]

Типы имён	**Имена (год упоминания в летописях)**
Христианские	*Иван* (1135) *Констянтин* (1148) *Андрей* (1156) *Матфей* (1209) *Федор* (ок. 1219) *Василий* (ок. 1322) *Александр* (ок. 1322)

[8] Использованы материалы таблицы «Рязанские бояре XII – пер. четв. XVI в.» (сост. А.И. Цепков [Свод лет. Ряз., с. 472 – 485]).

	Владислав (ок. 1322)
Древнерусские	*Детилец* (1175, 1177) *Борис* (1175) *Жидослав* (1177) *Олстен (Олстень)* (1177) *Иварь* (1181) *Мирослав* (1181)

Как уже отмечалось выше, в некоторых формулах употреблялось два личных имени – основное (на первом месте) и дополнительное (на втором месте), чаще всего христианское и древнерусское (внутрисемейное или прозвищное): *князь Иван Коротопол, князь Василей Нелюб*.

Имеющиеся примеры относятся преимущественно к представителям княжеской династии. Так, у рязанских князей в XIV-XV вв. известны имена: *Коротопол* (*Коротополый*), *Нелюб, Сухорукой*, *Шемяка* [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 243, 245; Свод лет. Ряз., с. 179, 290].

Второе имя рязанского князя Ивана Ивановича (упом. 1327 – 1343 гг.) зафиксировано в Никоновской летописи в двух вариантах: сначала он записан как *Коротопол*, затем как *Коротополый* [ПСРЛ, т. X, с. 211; Свод лет. Ряз., с. 177]. Имя упоминаетсяв составе двух формул: *князь Иван Коротопол*, *князь Иван Иванович Рязанский Коротопол (Коротополый).* Вместе с главным именем оно указывается и в качестве патронима у детей Ивана Коротопола: *«князь Иванов сын Коротополов Олег»* (1343 г.) [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 289].

Имя *Нелюб* пронского князя Ивана (упом. под 1408 г.) относится к традиционным внутрисемейным русским именам. Однако иной статус оно обретает в антропонимической формуле внука Ивана Нелюба: *«А у князя у Ивана у Нелюба сын Иван же, а у Ивана сын Василей Нелюб»* [Воскресенская Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 245; Свод лет. Ряз., с. 290].

Распространёнными русскими именами являются и имена других князей Рязанского княжества – *Сухорукой, Шемяка*. У бояр отмечено имя *Долгий,* его носил, судя по сообщениям летописи, тысяцкий Иван Андреевич, убитый громом в 1135 г. (см. выше). Несмотря на всю сложность вопроса трактовки древнерусских

имен с точки зрения их типа, есть все основания рассматривать имена *Коротопол, Сухорукой, Шемяка, Долгий* как имена характеризующие, как имена, отражающие личные особенности именуемых, то есть квалифицировать их как прозвища. Вместе с тем, второе имя могло выступать и в роли идентифицирующего имени отдельной семьи (или семейной ветви), что мы наблюдаем на примере потомков пронского князя Ивана Нелюба.

Женский княжеский антропонимикон Рязанского княжества представлен русскими именами: *Вера* (1208 г.), *Надежда* (1232 г.), *Еупраксея* (1406 г.), *Анна* (1485 г.), *Агрипена* (1485 г.) – имена княгинь, *Феврония* (ум. 1228 г.) – имя дочери древолаза [Татищев, т. III, с. 176-182; Никоновская Лет., ПСРЛ, т. 11, с. 193; Свод лет. Ряз., с. 110, 249; другие источники указаны выше].

2.2.3. Именования по отцу, деду и более далёкому предку

Именования по отцу, деду и более далёкому предку в формулах князей представлены двумя основными моделями.

1) Модели на *-ич (-ичь)*, *-ович, -евич*:

-ич: *Святославичь* (1160 г.), *Володимерич* (1209 г.), *Всеволодич* (1212 г.);

-ович, -евич: Глебович (1178 г.), *Игоревич* (1217), *Ингварович* (1252 г.), *Иванович* (1339 г., 1387 г.), *Михаилович* (1339 г.), *Олгович* (1387 г.).

Данная модель особо характерна для именований по отцу.

По отношению к сыновьям князя широко применяется форма мн. числа, с формантами *-овичи, -ичи*: *Глебовичи* (1180 г.), *Ярославичи* (1300 г.).

При образовании по данной модели именования по деду либо используется конструкция со словом *внук*: *внук Ярославичь* (1162 г.), либо антропоним принимает форму родительного падежа: *Володимер Святославичь Ярославичя* (1160 г.), *Феодор Олговичь Ивановича* (1408 г.) [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 229, т. XI, с. 202-203; Свод лет. Ряз., с. 67, 250] (ср. также: *«княжь Иванов сын Ярославича князь Иван Коротопол»* – сын князя Ивана Ярославича князь Иван Коротопол (1327 г.) [Воскр. Лет., ПСРЛ, т. VII, с. 241-245; Свод лет. Ряз., с. 288].

2 А, Б) Модели А) на *-ов, -ев,* Б) на *-jь (-в, -вль)*, – в зависимости от типа имени, с использованием слов-связок *сын, внук, правнук* и т.д.: А) *сын Всеволодов* (1208 г.), *внук Игорев, правнук Глебов* (1252 г.); Б) *сын Святославль* (1162 г.), *правнук Ростиславль* (1313 г.).

Для формулы типа Е характерно использование одной модели при образовании как именования по отцу, так и именования по деду: либо модели 1, либо модели 2.

Для формулы Ж характерно преобладание соотношения: именование по отцу – модель 1 (*Ингварович, Святославич*), именования по более далёким предкам – модель 2 (А, Б) (*внук Ингваров, пращур Мстиславль*).

Иногда необходимость в указании имени предка реализуется через представление именных данных самого отца: *«князь Родослав, сын Олга Ивановичя Рязаньскаго»* (1387 г.), *князь Василий, сын Федора Олеговича Рязанского* (1407 г.).

У представителей других сословий (в частности, у бояр) антропонимы данного класса образуются преимущественно при помощи формантов *-ич, -ович, -евич,* то есть по модели 1: *Куневич* (1175 г.), *Жидославич* (1177 г.), *Мирославич* (1181 г.), *Андреевич* (1209 г.). А формант *-ов* зафиксирован только в именных данных тысяцкого *Андрея Глебова* (1155 г.).

Нельзя объяснить причины выбора той или иной модели в конкретном тексте ее актуальностью, продуктивностью в данное время, так как обе модели использовались параллельно на протяжении XII-XV вв.

Вряд ли возможно выявить дифференцированное значение каждой модели в древнерусский период. Считается, что «формы на *-ович* исторически указывали на наследника владетельного лица или вотчины», а формы на *-ов* являлись патронимами, то есть «простыми свидетельствами о том, чьим сыном (или дочерью) являлось то или иное лицо», но при этом «патронимы на *-ов* и наследственные именования на *-ович* тесно переплетались в формулах русского именования XV-XVII вв.» (часто являясь следствием особенностей «канцелярского стиля») [Суперанская и др., 2009, с. 116-117]. В древнерусских формулах, как видно из пред-

ставленных примеров, это смешение (переплетение) имело еще более многочисленные варианты.

Не установлена чёткая обусловленность той или иной модели и типом источника.

2.2.4. Семейные и родовые именования

Как было отмечено выше, антропонимы, соотносимые по статусу с современными фамилиями, появляются в антропонимических формулах землевладельцев в перв. пол. XIV в. В составе формулы прафамилия занимала третье место, указываясь после личного имени и патронима: *Владислав Дмитриевич Шиловский.*

Судя по имеющимся примерам, одним из видов антропонимов, употреблявшихся в данном качестве, являлись антропонимы с формантами *-ский* или *-овский*, производные от местных ойконимов или гидронимов: *Шиловский* ← ***Шилово***, *Поляновский* ←***Поляны***, *Кирекрейский* ← р. ***Кирекрея***, *Вердеревский* ← г. ***Вердерев.***

Это позволяет говорить о формировании в указанный период новой тенденции – отражать в общем именовании семьи связь землевладельцев с принадлежавшими им землями. Полагаем, что эта новая антропонимическая тенденция является переносом традиции, сложившейся в среде правящих князей во времена формирования удельных княжеств, указывать в антропонимической формуле (наряду и наравне с личным именем, патронимом, титулом) название своей земли: рязанский, смоленский, тверской, – в среду представителей более низких ступеней сословной иерархии, с использованием в этом же качестве названий небольших земельных участков (их личных владений), находившихся на территории княжества, с сохранением общей структуры антропонима: топооснова + формант *-ский (-цкий), -овский (-евский)*.

В то же время, антропонимы данного типа обладают четкими ареальными характеристиками – они распространены на территории совр. Польши, Украины, Белоруссии, где в большинстве своем являются образованиями от названий земельных владений, реже от личных имен. Этот факт может указывать на исходные области миграции населения, осевшего в Среднем Поочье.

Выводы Главы 2

1. В ходе текстологического анализа древнерусских памятников письменности получены, с одной стороны, первичный ономастический материал, с другой – важная, точно датированная лингвистическая информация, необходимая для реконструкции ономастической ситуации в регионе в ранние периоды.

2. Путем выборки ономастического материала удалось сформировать список, включающий в общей сложности 66 летописных топонимов (36 названий городов, 4 названия сел, 11 названий рек, 2 микротопонима). Установлено, что в источниках называются преимущественно основные города княжества, чаще всего: ***Рязань, Пронск, Переяславль***. Названия небольших селений, рек упоминаются только в случае, если рядом с ними произошло важное событие: сражение, осада и под. Микротопонимы единичны, они регистрируются не ранее XIII в.

3. Территория Среднего Поочья называется в летописях ***Вятичи, Рязанская волость*** **(*власть, область, земля*), *Рязань***. Жители территории именуются: *вятичи, рязанцы (резанцы), рязанские (резанские), резанские люди.* Наименование ***Вятичи*** (как название области) используется с конца XI до нач. XIII в. (последнее летописное упоминание – 1208 г.). С сер. XII в. используются наименования ***Рязанская область (земля), Рязанские места, Рязань,*** до нач. XIII в., то есть в течение пятидесяти лет, параллельно с прежним наименованием. С перв. пол. XIII в. особенно активно в качестве названия области используется наименование ***Рязань***, хотя столица княжества, носящая это имя, была уже уничтожена. Замена *вятичи > рязанцы* происходит раньше, до вт. пол. XII в.

4. Анализ текстов древних летописей позволил выявить ряд тенденций в употреблении и записи рязанских топонимов и подтвердить региональными материалами наличие уже известных общерусских тенденций, среди них: вариативность форм топонимов (***Белград***, ***Белгород***, град ***Бѣл***; ***Борисов Глебов, Борисов, Глебов***), преимущественное употребление в письменной речи названий славянского (русского) происхождения (85% из всех упоминаемых названий княжества), повторяемость названий на территории славянского мира (20% списка летописных топонимов княжества: ***Переяславль, Ростиславль, Бельгород, Свинеск, Иса-***

ды, Бобруеск и др.), необходимость добавочного «регионального» элемента при топониме, аналог которому уже известен, но в других областях славянского мира (***Переяславль Русский, Переславль Суздальский, Переславль Рязанский***), и добавочного элемента иного типа у топонимов одного региона (***Старый Льгов – Новый городок Олгов на усть Проне, Ростиславль – Рослаль Польский***), невозможность утраты главного имени региона, по которому идентифицируется вся область, даже после ликвидации самого города (название столицы княжества ***Рязань*** после сожжения города в 1237 г. становится названием всей области (в течение XIII в.), а затем переносится на другой город, уже имевший свое имя – ***Переяславль*** (смешение названий наблюдается в записях на протяжении всего XIV в.)). Также письменные источники дают информацию о мотивах называния географических объектов, о ситуации номинации, об этапах в истории ономастики региона.

5. Структурный и этимологический анализ летописных названий позволил определить актуальные топоосновы и топоформанты древнерусского времени, а также реализованные в названиях принципы номинации. Наибольшую группу образуют названия, отражающие соотношение двух объектов (поселение < река: ***Нерильск*** (р. ***Нерль***); поселение < поселение: ***Ижеславец*** (***Ижеславль***); природный объект < поселение: ***Шишевский лес*** (пос. ***Шишево***) и др.), и названия по принадлежности называемого объекта определенному лицу (г. ***Кир Михаилов*** (по имени князя *Кира Михаила*). Также в региональной топонимии отмечены названия, данные в память о ком-либо (***Борисов Глебов***, в память о князьях *Борисе* и *Глебе*), названия, отражающие факт основания нового поселения (***Новый город***), названия, данные по роду занятий населения (***Добрый Сот***). Иные принципы номинации воплощены в гидронимии, которая преимущественно отражает физико-географические особенности водных объектов.

Преобладают топонимы простой (однословной) структуры, имеющие форму прилагательного (***Бобруеск, Вердерев, Листань***). Подавляющее число названий образовано от основ других онимов, чаще всего антропонимов и гидронимов: ***Ростиславль*** (*Ростислав*), ***Пронеск*** (р. *Проня*). Топоосновы многих названий отапеллятивного происхождения (как правило, связанных с географической лек-

сикой и поселищной терминологией) равны исходным апеллятивам: *дубок, сот, яр, град, городок* и др. Среди топоформантов наиболее продуктивны: *-ьск (-ьскъ)* / *-еск* и *-ов (-овъ), -ев (-евъ), -ин (-инъ)* (с вариантами для онимов среднего или женского рода).

6. Список летописных антропонимов региона включает личные имена, именования по отцу, деду и более далекому предку, семейные и родовые именования нескольких социальных групп населения Рязанского края: правящих князей, княгинь, бояр, служилых князей, простолюдинов. Анализ списка позволил получить информацию о составе и характере древнерусского именослова, структуре антропонимов, традициях в записи именных данных представителей княжеских родов и иных сословий, тенденциях в антропонимии раннего периода.

7. Полученные материалы свидетельствуют об отсутствии чётких правил в официальном именовании русских князей, что проявляется в большой вариативности формул (всего выявлено и описано 7 (семь) типов формул) и разнообразии нюансов их применения в тексте. Однако повторяемость структуры некоторых вариантов позволяет говорить о постепенном складывании таких правил, а отдельные формы – о начале становления основных институтов русской антропонимической системы (отчеств, фамилий).

8. Главными чертами корпуса личных имен рязанских князей являлись: наличие в нем имен древнерусских (традиционных и заимствованных) и христианских имен, постепенное движение от преобладания в письменных формулах древнерусских имен к преобладанию христианских имен, тезоименность колен княжеского рода.

Главными чертами корпуса личных имен представителей иных сословий являлись наличие в нем древнерусских (в том числе и двуосновных) и христианских имен, равноправность имен обоих типов в период XII-XIII вв., отсутствие так называемых «скандинавских» имен, преобладание в письменных формулах XIII-XV вв. христианских имен.

Семейные и родовые именования, соотносимые с современными фамилиями, появляются в антропонимических формулах рязанских землевладельцев

в перв. пол. XIV в., особую группу среди них занимают образования на *-ский (-цкий), -овский (-евский),* от основ региональных топонимов (*Шиловский, Полянновский, Кирекрейский*).

9. Анализ полученных фактов дает основание говорить об известном консерватизме древнерусской ономастики. Повторяющие названия разных регионов и парные названия одной территории, воссоздание привычного топонимического ландшафта на новых землях обитания, невозможность утраты главного имени региона даже в случае ликвидации денотата, тезоименность колен княжеского рода являются различным проявлением общей и стойкой традиции сохранения имени собственного определенной культурно-языковой среды: и как элемента языковой культуры, и как узуса, и как памяти.

Глава 3

Данные ономастики и лингвистики в реконструкции

Пополнить региональный список имен собственных, основу которого составили имена, раннее возникновение которых подтверждено древнерусскими памятниками письменности, позволяют известные ономастике факты, касающиеся формирования и развития ономастических систем разных культур и славянской (древнерусской) ономастической системы на иных территориях славянского мира и применение этих знаний по отношению к региональному корпусу топонимов и антропонимов.

К достижениям славянской ономастики следует отнести то, что круг типичных славянских основ и формантов определен, известны основные принципы номинации и пути онимизации. Состав, структура и стратиграфия древнерусских ономастических элементов представлены в работах О.Н. Трубачёва, В.Н. Топорова, Ст. Роспонда, Н.И. Толстого, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской. Эти знания как уже установленные факты ономастики могут быть успешно применены при восстановлении картины прошлого отдельного региона при обнаружении известных реликтов в региональном ономастиконе. Исследования подобного рода на региональном материале уже проводились.

В частности, сопоставление результатов структурно-генетического анализа рязанских топонимов с общеславянскими и древнерусскими ономастическими фактами дало возможность Ю.П. Чумаковой сформировать корпус раннеславянских названий Среднего (рязанского) Поочья, включающий более чем 120 топонимов [Чумакова, 1992]. Г.П. Смолицкой, с опорой на исследования О.И. Трубочёва, рассмотрена представленность в районе Оки топонимов с признанными архаичными славянскими элементами: приставкой *су-*, формантами *-ля (-ль), -еж /-ижа, -гощь / -гост,* а также топонимов, считающихся «вятичскими» [Смолицкая, 1974].

Частично восстановлен банк именных основ и формантов неславянской топонимии: финно-угорской, балтийской, иранской, тюркской. Отдельные ее типы, характерные для Поочья, описаны, в частности, в исследованиях В.А. Никонова,

Г.П. Смолицкой, И.Н. Хрусталёва. Однако специальных исследований, посвященных неславянским элементам в языке и топонимии Среднего Поочья, не проводилось, что, безусловно, затрудняет восстановление общей картины прошлого.

Общеславянский, древнерусский фонды архаичных моделей, морфем (топоосновы, форманты), ономастических традиций (принципы номинации, пути онимизации) и региональный фонд, восстановленный в той или иной степени в зависимости от полноты списка онимов, сформированного в ходе изучения письменных источников, являются важнейшими материалами реконструкции.

При работе с этими материалами особая роль отводится индуктивно-дедуктивному методу: «от частного к общему» и «от общего к частному», – поскольку в данном случае мы имеет дело не со всем массивом имен собственных, функционирующих на данной территории в данное время, как в случае изучения ономастики периода расцвета делопроизводства, а лишь с остатками, отдельными сохранившимися элементами древнейшей системы, что неизбежно заставляет исследователя сопоставлять каждое вызывающее интерес название как с «синхронными» названиями других территорий, так и с «диахронными» названиями своей территории, собственные выводы с выводами других исследователей (по другим территориям) и на основе этого пополнять список региональных онимов, хронологически связанных с ранними периодами, и фонд архаичных региональных моделей, который затем может быть использован для выборки названий (из исторического ономастикона), уже методом «от общего к частному». Полученные сведения могут быть использованы и для подтверждения или опровержения отдельных версий происхождения региональных названий.

Пополнить формируемый список позволяют и другие, в том числе собственно ономастические приемы (их содержание и возможности раскрываются далее). Новые названия списка могут существенно дополнить представление о региональной ономастике тех периодов, о которых нет или имеется недостаточно письменных свидетельств.

3.1. Пополнение списка архаичных топонимов

Список объектов реконструируемого ономастического пространства может быть пополнен за счет топонимов, отобранных из исторического ономастикона региона (в том числе представленного в топонимических каталогах «Гидронимия бассейна Оки…», «Топонимия Рязанской области» [Смолицкая ГБО, 1976; Гордова ТРО, 2010]) по следующим критериям:

- топонимы имеют аналоги в районах раннего славянского расселения;
- топонимы соотносятся с одним из типов установленных архаичных моделей;
- топонимы содержат в составе отдельные архаичные элементы (лексические, структурные);
- топонимы указаны в средневековых документах как названия городищ, селищ и пустошей;
- топонимы локализуются в зоне концентрации ранних названий.

Возможно выделение названий, для которых один из названных критериев является главным, а другие критерии выступают в качестве дополнительных.

Названия, выявленные эвристическим путем, в общем списке помечаются особым знаком «*» после топонима (например: ***Алешня****), как указание на то, что данный элемент является реконструированным: древность его предполагается, аргументируется, но не подтверждена письменными источниками соответствующего времени.

3.1.1. Топонимы, имеющие аналоги в районах раннего славянского расселения

В Главе 2 были рассмотрены названия, попавшие на страницы древнерусских памятников письменности, и указаны соответствия, которые имеют некоторые из них в других областях славянского мира. При этом в тех же памятниках письменности упоминаются названия иных территорий, которые можно обнаружить и в рязанской топонимии, хотя письменно они фиксируются в более позднее время, в отдельных случаях не ранее XIX-XX вв.

Предполагаемая древность моделей, по которым построены данные топонимы, и письменно подтвержденный факт существования в раннем славянском

мире аналогичных образований, при условии их редкости (или уникальности), дает основание относить их появление в топонимической системе региона к древнерусскому периоду.

На совпадения древних топонимов разных регионов обращали и обращают внимание многие исследователи. Однако обычно подобные факты используются в целях решения вопроса славянского этногенеза. Так, в частности, Ю.П. Чумакова, занимавшаяся поисками направлений славянских миграций в Среднее Поочье, отмечала, что особый интерес в свете данной проблемы представляют названия, совпадающие с архаическими славянскими топонимами, локализованными в Припятском Полесье, Погорынье, на Волыни: ***Волынь, Прость, Счерк, Лютики*** и мн. др. [Чумакова, 1992, с. 141]. Однако данные факты могут стать и ценнейшим материалом ономастической реконструкции. В этой связи И.И. Муллонен пишет: «…В ходе освоения новой территории присвоение названий географическим объектам происходило в рамках традиционной, принесенной с материнской территории системы называния. Использовались те же структурные модели, те же лексические и семантические типы, те же образы для рождения топонимов» [Муллонен, 2008, с. 188].

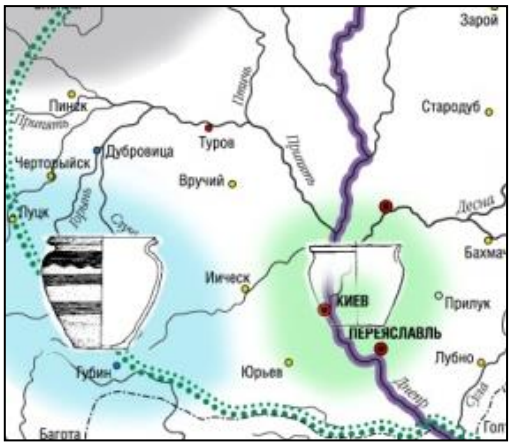


Рис. 3.1. Древнерусский город Туров на реке Ствига

Апробация приема осуществляется на примере рязанских топонимов ***Туров, Волынь, Дядьков, Треполье***.

Древнерусский ***Туров*** (на р. Ствига, совр. Гомельская область, Рис. 3.1) упоминается в Повести временных лет «О Владимире Святославиче» под 980 г. в качестве города, основанного легендарным *Туром*, родоначальником туровских князей: *«Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася»* [ДРЛ, с. 18].

Та же основа повторяется в рязанских названиях ***Туров*** (***Туровский***) лес, ***Туров*** липяг, пос. ***Турово***, фиксируемых документами XVI в. [ПК, I, с. 154, 115,

156, 124]. Все топонимы локализуется компактно – в районе реки Рановы (п.п. Прони, п.п. Оки), на других участках Среднего Поочья подобные названия не зафиксированы [Гордова ТРО, 2010, с. 67].

В писцовых книгах название леса (или липяга) используется в качестве ориентира местоположения селений и отдельных участков Дикого поля («под Туровым лесом»). Если нанести на карту упоминаемые источником топонимы, хорошо видно, что все они находятся на краю большого лесного массива, идущего вдоль течения реки Рановы от устья до впадения притока Полотебны (лес отмечен и на современных географических картах): д. Хмелевая – близ его крайней юго-западной точки; н.п. Деревска, Демьяново, Ключ – по внутреннему (ближе к Оке) краю леса; с-цо Щюрово, д. Турово – по внешнему краю, обращенному к степи, – что дает основание предполагать, что данный массив назывался в прошлом ***Туров лес***. Как установлено нами ранее [см.: Гордова, 2006, с. 80-82], до 80% названий лесов и липягов района р. Рановы связаны с названиями смежных поселений или рек (Корабьинский лес ← с. Корабьино, Истобный липяг ← с. Истобники и т.д.), то есть названия ***Турова*** леса и ***Турова*** липяга, скорее всего, восходят к названию поселения. В свою очередь, название деревни ***Туровo*** может быть рефлексом названия находившегося здесь ранее города ***Туров***, соотносимого с аналогичным топонимом, локализующимся в районе р. Ствига (приток Припяти). Реальность реконструкции данного топонима поддерживается: 1) многочисленным рядом соответствий рязанских топонимов и архаичных топонимов района рек Припяти, Горыни; 2) единичностью названия (судя по рефлексам в позднейшей топонимии) на территории исторического Рязанского вел. княжества, что, как было показано в Главе 2, характерно для названий регионально значимых городов; 3) малочисленностью примеров из топонимии других русских регионов: топоним ***Туровo*** известен в верхнем течении Оки (в районе р. Лопасня), а также в Псковской (1), Ярославской (2) и Ленинградской (2) областях [ЕИС «Топонимия России»].

Древнерусский топоним ***Волынь*** (***Велынь***) упоминается в Повести временных лет под 1018 годом, затем в Списке русских городов кон. XIV в. как название города на Западном Буге, позднее как название историко-географической области

[Нерознак, 1983, с. 47; Поспелов, 2002, с. 103]. Аналогичные топонимы обнаруживаются в Новгородской земле (н.п. ***Волынь***) и на рязанской территории: с-цо ***Волынь***, р. ***Волынка*** (п.п. р. Оки, под Рязанью) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 162]. Возможность участия онима в реконструкции поддерживается другими известными соответствиями в топонимии двух регионов (в частности, и на Волыни и в Рязани известен топоним ***Свинеск***) и признанной древностью модели на *-ынь* [см.: Топоров, Трубачев, 1962; Чумакова, 1992, с. 76-77].

Дядьков (***Дядьковъ***) – древнерусский город в Болоховской земле, упоминаемый в Ипатьевской летописи в 1241 г. [Нерознак, 1983, с. 71]. Топоним связан с нарицат. *дѧдько* «брат отца или матери» или с именем ***Дядька*** (носители имен *Дядка, Дядка, Дядко* и под. указаны в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н.М. Тупикова, например: *Лукьянин Дядка* (XV в.) [Нерознак, 1983, с. 71-72]. Ср. в Рязанской области – совр. д. ***Дядьково***, она же д. ***Дятковская*** Окологороднего стана, упоминаемая в писцовых книгах XVI в. в качестве пустоши на месте заброшенного поселения [ПК, I, с. 269].

Треполь (***Трьполь***) – древнерусский город на пр. б. Днепра в устье Стругны, упоминаемый под 1093 г. (совр. с. Триполье в Киевской обл.) [Нерознак, 1983, с. 175]. Топоним восходит к сочетанию *три поля*, таким образом ***Треполь*** – стык трех полей, поселение, возникшее на таком месте.

Топоним лег в основу названия *Трипольской* археологической культуры, известной на территории Правобережной Украины, Молдовы (4000-2350 до н.э.), название дано по месту первого открытого поселения (у с. Триполье под Киевом). Ряд ученых связывают данную культуру с предками славян [Матюшин, 1996, с. 251].

В современной рязанской топонимии ***Треполье*** – деревня на п.б. р. Кудесна (приток Осетра), смежные и «вторичные»: ***Малое Треполье, Трепольский*** [Атлас, 2002, с. 59], а также свх ***Трепольский***, у истока р. Репейник (п.п. Жраки) [Гордова ТРО, 2010, с. 48]. В XVI в. название деревни фиксируется в форме ***Треполь*** [ПК, II, Указатель], в точности повторяющей форму известного с 1093 г. киевского города. Другие аналоги на территории Древней Руси не известны.

Таким образом, использование данного приема позволило добавить в восстанавливаемый список архаичных топонимов региона еще четыре названия, аналоги которых известны на территориях более раннего славянского расселения, в том числе в центральных областях Древней Руси, на Верхней Оке, помимо 13 летописных топонимов Рязанского княжества (***Трубеж, Переяславль, Торческ*** и др.), рассмотренных в Главе 2.

3.1.2. Топонимы, соотносимые с одним из типов архаичных моделей

Модели, существование которых в древнерусский период, с одной стороны, подтверждено ранними памятниками письменности, с другой – доказано лингвистическими методами, дают возможность расширить формируемый список названиями (из регионального топонимического фонда), которые соответствуют данным моделям (все установленные архаичные модели рязанской топонимии представлены в Главе 6, раздел 6.4.3).

О возможности использования приема, в соответствии с которым принадлежность топонима определенной эпохе определяется путем соответствия его формы известным типовым моделям данной эпохи, А.В. Суперанская писала следующее: «Этот прием в ономастических исследованиях может оказаться очень результативным, однако он весьма трудоемок, поскольку точная хронологизации может быть найдена далеко не для каждой именной формы. Время первоначальной фиксации имени каким-либо письменным источником не равно времени его создания. Оно лишь означает «не позже» такого-то года…». Как долго существовало имя в устной практике до своего проникновения в текст, может быть установлено в тех случаях, «когда какая-либо грамматическая или лексическая форма была типична для определенной эпохи» [Суперанская и др., 2002, с. 203].

1) К архаичным и продуктивным моделям рязанского Поочья относится прежде всего модель, по которой построены топонимы ***Ростиславль, Степань,*** отражающие связь поселения с конкретным человеком и имеющие структуру: антропоним + формант *-jь* (*-je, -ja*).

Данной модели соответствуют названия исторического топонимикона (с учетом фонетических изменений перед *j*), восходящие к двуосновным славян-

ским именам: ***Остромерь (Остромирь)***[9]***, Котогощь (Котогоща), Перенеж****[…]* (***Перенѣж****[…]*) (форма им. пад. неизвестна), ***Негобуж*** (***Нѣгабуж***)***, Радобежь*** (***Радубежь***)***, Негомош*** [ПК, I, с. 395, 401, 189; Смолицкая ГБО, 1976, с. 20, 36, 169]. Большинство названий упоминается лишь в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. Не останавливаясь подробно на топонимах данной группы, поскольку они являлись предметом детального рассмотрения Г.П. Смолицкой и Ю.П. Чумаковой [Чумакова, 1992, с. 56-68], отметим следующее.

В соответствии с данной моделью топонимы могли образовываться не только от традиционных двуосновных имен, но и от имен (христианских и нехристианских) простой структуры (***Глебль, Ивань***), в том числе и от разнообразных народных форм (***Добрынь***). Это позволяет дополнить реконструируемый список и рязанскими топонимами ***Грустынь, Храпынь, Малынь*** (два из них зафиксированы уже во вторичной форме: ***Грустынка, Храпынка***) и возводить их, по аналогии: топоним ***Добрынь*** ← антропоним *Добрыня*, к антропонимам *Грустын(я), Храпын(я), Малын(я)*, связанным с антропологической лексикой (от *грусть-, храп-, мал-*), отделяя тем самым данные названия от группы названий на *-ынь*, к которой их часто относят вместе с топонимами типа ***Волынь.***

2) Топоним ***Волынь***, несмотря на формальное сходство с названиями, имеющими в составе антропонимический суффикс *-ын-*, представляет иную топонимическую модель. Названия, построенные по данной модели, отражают природные особенности местности. Основой для образования топонимов всегда выступала географическая лексика.

Роль морфемы *-ынь* нельзя установить точно, так как она могла быть уже в составе апеллятива. В русских говорах зафиксированы местные географические термины, по форме идентичные топонимам на *-ынь*, в частности, в ЭССЯ приводится диалектизм *белынь* «обширная прогалина» [ЭССЯ, 2, с. 83], ср. топоним ***Белынь***, т.е. возможный путь онимизации: *белынь* → ***Белынь***. В то же время морфема могла участвовать в образовании топонимов, то есть являться исключитель-

[9] В скобках приведены орфографические варианты топонимов.

но топонимическим формантом: *бел, белый* → ***Бел-ынь***. В связи с этим затруднительно описание структуры модели.

С моделью, известной по письменным источникам уже с нач. XI в., соотносятся рязанские топонимы ***Белынь*, Березынь***.

Первый топоним зафиксирован в поздних документах только в качестве названия реки и во вторичной форме ***Белынка*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 158], однако семантика апеллятива (см. выше) не заставляет сомневаться, что такое же имя носила и местность, по которой протекала река, и это был открытый, безлесный, хорошо просматриваемый участок. От топонима происходит архаичный ойконим ***Белыничи*** (*белыничи* – «живущие на реке Белынь или в местности Белынь»).

Предлагаемая трактовка других названий данной группы: ***Волынь*** – «мокрое, влажное место» (если от праслав. **vol- / *vel-* «мокрый, влажный»; Поспелов, 2002, с. 103-104) или «холмистая местность» (если от праслав. **vole* и польск. *wol* «птичий зоб», топоним-метафора; Нерознак, 1983, с. 47-48); ***Березынь*** – «место, поросшее берёзами».

3) Еще одна архаичная модель отражена в летописном топониме ***Белгород*** (***Бѣлгород***) (он же *град* ***Бел***), который, с одной стороны, фиксируется как имя рязанского города в сер. XII в., с другой стороны, перекликается с аналогичным киевским названием, упоминаемым в ПВЛ при описании событий 980 г.: *«…а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ»* [«О Владимире Святославиче», ПВЛ, ДРЛ, с. 20].

Данной модели, представляющей собой сочетание прилагательного и географического термина, в данном случае поселищного, соответствует рязанский топоним ***Вышгород***: *вышии* или *выше* (ср. степень к *высокыи*) + *город*), который может быть истолкован как «укрепленное поселение, крепость на возвышенности» либо как «город, заложенный вверх по реке от другого города» [СлДРЯз, II, с. 259], очевидно, имелась в виду Рязань (древняя).

Аналогичный топоним упоминается в приведенном отрывке из ПВЛ, а также в числе залесских городов [Н1Л, Свод лет. Ряз., с. 221], что подтверждает

древность онима и возможность его использования в реконструкции ономастической системы региона древнерусского периода.

Во второй части топонимического сочетания, по всей видимости, могли использоваться географические термины и других групп, не только поселищные. В частности, к ***Вышгород*** структурно близок топоним ***Выжелес***, который допускает толкование либо как «выжженный лес» (результат использования подсечно-огневого земледелия), либо как «лес на возвышенности», если ***Выжелес*** – фонетически измененная форма названия ***Вышелес*** [ТСРО, с. 48; Смолицкая, 2002, с. 63]. Первая версия подкрепляется известностью деревни ***Погори***, расположенной в том же районе, в нескольких километрах от села ***Выжелес***.

4) Модель топонимов с формантами *-ань* или *-янь*, которой соответствует гидроним ***Листань***, засвидетельствованный в перв. пол. XV в., отражает физико-географические особенности самого объекта. Названия, построенные по данной модели, образовывались двумя способами: от кратких относительных прилагательных с суффиксом *-анъ (-янъ)* (*лубянъ*); от кратких отглагольных прилагательных – страдательных причастий с суффиксами *-н-, -єн-* (*выкопанъ, плетенъ*). И в том и в другом случае в топонимизации участвовал суффикс *-j-*, который вместе с суффиксами апеллятивов давал форманты *-ань, -янь, -ень*.

Модели соответствуют топонимы: ***Лубянь, Серебрянь***, ***Перекопань, Выкопань, Плетень, Сегдень*, Дербень.***

Лубянь – название села в районе р. Хупты (бассейн Прони), засвидетельствованное в документах XIX в. [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183]. Очевидно, так же именовалась и река, на берегу которой располагается населенный пункт. Река известна под именем ***Лубянка***, форма которого, судя по всему, вторична [Гордова ТРО, 2010, с. 26].

Серебрянь – название поселения на л.б. Прони [Гордова ТРО, 2010, с. 49-50], очевидно, первоначально относилось к водному объекту (озеру, реке), так как топоним представляет собой метафору, характеризующую водную поверхность: блестяще-белая, переливающаяся, цвета серебра. Ручей ***Серебрянка*** известен среди правых притоков Оки, он течет по дну оврага, огибающего городище Старой

Рязани, и раньше являлся частью его фортификаций. Это обстоятельство дает основание рассматривать гидроним в ряду наиболее древних для Рязанской земли славянских географических названий с первичной формой ***Серебрянь***, которую сохранил пронский ойконим.

Аналогичное название обнаруживается в верхнем течении Оки – тульск. с. ***Серебрянь*** при р. ***Серебрянке***, форма гидронима, очевидно, вторична. Там же, среди притоков р. Воронки известна река ***Серебровка***, поддерживающая ареал гидронимов с корнем *серебр-*.

Выкопань – названия реки и деревни Окологороднего стана, упоминаемые в писцовых книгах XVI в. [ПК, I, с. 311]. Так же, как и топоним ***Перекопань*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 361], восходит к группе апеллятивов с корнем *коп-* (*выкопанъ, перекопанъ*), которые характеризуют рельеф местности.

Дербень – название населенного пункта на правом берегу ныне безымянной реки, л.п. р. Плетёнка [Атлас-2002, с. 44 А4], восходит к апеллятиву с корнем *дерб-* (дериват от *дербить* «скрести, драть») «некогда паханая земля, заросшая кустарником», ср. *дербовать* «расчищать под пашню мелкую заросль, с выкорчевкой» [Даль, т. I, с. 398].

Среди названий с неустановленной этимологией, но формально соответствующих описываемой модели: ***Негань, Кривая Негань*** (оз.) [Атлас-2002, с. 68], ***Сегдень****** (восстановлен из названия озера ***Сегденское***).

5) Среди гидронимических моделей выделяются модели с формантами *-на, -ня, -ва*.

Модели с формантами *-на, -ня* соответствуют гидронимы: ***Брусна, Брусена, Нахабна, Кудесна, Гвоздна, Плетёна, Алешня, Алёшня, Черемошня***, ***Лубня.*** Изначально данные гидронимы также являлись краткими прилагательными с суффиксами *-ьн-, -ѣн- (-ан-)*, приспособленными под форму детерминатива (ж. род термина *река*): *брусьна*. В этой форме *ь* в суффиксе *-ьн-* оказывался в слабой позиции, что привело к постепенной его утрате. Сама форма подверглась субстантивации, после чего финаль превратилась в гидронимический формант, что

сделало возможным параллельное употребление форм с *-на* и *-ня*: ***Алешна – Алешня, Дубна – Лубня***.

Анализ топооснов позволяет получить некоторые выводы об апеллятивной базе и принципах номинации топонимов данной группы.

Брусна, Брусена – названия нескольких рек Среднего Поочья (***Брусна*** – 3, ***Брусена*** – 1) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 301; Гордова ТРО, 2010, с. 58]. Одно из наиболее ранних упоминаний гидронимов в письменных источниках относится лишь к 1697 г. [Отказная грамота, ИСО, II, с. 188]. Гидронимы восходят к апеллятивам группы **brus*-, которые известны во многих славянских странах со значением «камень», «точильный камень», «брусок», «обтесанное дерево, бревно» [ЭССЯ, 3, с. 50-51]. В местной географической терминологии дериваты от **brusъ*- имели общее значение «река с каменистым дном или скалистыми берегами» с рядом частных значений. Подтверждают значение апеллятивов семантические дублеты из ближайшего топонимического окружения, в частности, рядом с Брусной (приток Верды) находятся: овраг ***Каменный,*** ржавец ***Каменица***, отвершек ***Каменищевский*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 180].

Помимо рассматриваемой модели та же топооснова участвует в образовании топонимов (в большинстве случаев гидронимов) других моделей, формантное оформление которых (*-ка, -ок* и под.) носит более поздний и вторичный характер: ***Брусенка*** (9), ***Брусянка*** (2), ***Брусенок***, ***Брусенское*** и т. д. [Смолицкая ГБО, 1976, с. 301], что дает основание восстановить более раннюю форму части приведенных гидронимов как ***Брусна, Брусена***, а имена типа ***Брусенское*** считать производными образованиями – названиями объектов, территориально связанных с реками, носящими имена ***Брусна, Брусена***.

Ойконимы, по форме идентичные гидронимам (в частности, ***Брусна*** – р. и д. в верховьях Оки [Смолицкая ГБО, 1976, с. 298]), также следует считать вторичными образованиями, исходя из семантики имени.

Окские топонимы сопоставимы с многочисленной группой гидронимов с основой *brus*- Верхнего Поднепровья (***Брусавец, Брусенка, Брусец***) [Топоров, Трубачев, 1962, с. 216]. На Среднюю Оку данная основа проникла, очевидно,

именно в функции топонима, в составе топонима, а не как нарицательное слово. Говорить об этом заставляет тот факт, что ни в говорах Рязанского края, ни в говорах других русских территорий апеллятивы с *брус-* с географической нагрузкой не отмечены [СРНГ, вып. 3, с. 203-204; КРОС].

Интересным с точки зрения истории топонимов представляется и наличие двух форм ***Брусна*** и ***Брусена***, в которых в первой форме мы наблюдаем утрату редуцированного *ь* суффикса *-ьн-* в слабой позиции, а во второй форме наличие гласного полного образования, что может говорить об исконном звуке -ѣ- (произносилось как широкое, очень открытое *е*) в финали данного топонима, а значит, о фонетических различиях двух близких онимов. Особенности произношения – один из признаков того или иного диалекта – заставляет думать о том, что названия ***Брусна*** и ***Брусена*** могли принадлежать разным славянским группам.

В Тульской обл. известен топоним ***Брусяновка*** (в районе р. Шат, приток Дона) [Атлас АДР, 2002, с. 91].

Алешня (Олешня), Алёшня – названия нескольких рек среди притоков Прони, Вожи, Пары и Цны: п.п. Прони, п.п. Хупты (бассейн Прони), п.п. Вожи, л.п. Пары, л.п. Цны [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183; Гордова ТРО, 2010, с. 21, 23]. Гидронимы восходят к апеллятивам группы *олес- / олеш-* (в акающих говорах с начальным «а»), которые известны со значениями «влажное, заболоченное место», «ольховый лес», «место около ольхового леса».

Таким образом, река с названием ***Алешня*** – это река, протекающая по топкой местности, река с заболоченной поймой, поросшей ольхой (ольха растет на влажной почве, вблизи рек и болот). Один из вариантов рязанского гидронима XIX в. – ***Альховка*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183], связь которого с апеллятивом *ольха* очевидна, можно считать позднейшим образованием и, по сути, «переводом» архаичного названия.

Топооснова относится к типичным ранним славянским основам. Чередование начального гласного в ряде форм является продолжением чередования на апеллятивном уровне праслав. **jelьха / *olьха* (др.-русск. *ольха, ельха, вольха*, болг. *елха*, польск. *olcha*, серб.-цслав. *јельха* [ЭССЯ, Вып. 32, с. 81]).

Несмотря на праславянский характер, лексема фиксируется в древнерусских памятниках письменности только в нач. XVI в. [Сл.РЯз XI-XVII вв.], а топоним, образованный от апеллятива данной группы и по рассматриваемой модели, уже в кон. XIII в.: в Лаврентьевской летописи под 1285 годом записи упоминается волость ***Олешня*** [ПСРЛ, т. I, с. 207].

Рязанские топонимы данной группы на страницы документов попадают лишь в кон. XVI в. в типичной для стиля писцовых книг Московского государства орфографии (с нач. *о*) – ***Олешна, Олешн[я]***, река в Пехлецком стане, с-цо в Окологороднем стане [ПК, I, с. 47, 130]. Однако в том же документе один из гидронимов (п.п. Прони) приводится в форме ***Олошня***: *«…на речке на Олошне дикого поля»* [ПК, I, с. 116]. Словосочетание в тексте повторяется дважды, что делает маловероятным механическую ошибку. Очевидно, что подобное написание отражает различие в произношении гидронимов, которое сохраняется до сих пор: приток Хупты – ***Алешня***, притоки Цны, Прони, Вожи – ***Алёшня.*** Формы, соответствующие формам гидронимов, имеют и находящиеся вдоль их берегов поселения (***Большая*** и ***Малая Алешня*** совр. Ряжского р-на, ***Алёшино*** совр. Сасовского р-на, ***Алёшня*** совр. Рыбновского р-на).

Само же наличие в Среднем Поочье двух форм представляет интерес с точки зрения истории региона и региональной топонимии. Два фонетических варианта отражают процесс третьей лабиализации звука *е*, проходящей в древнерусском языке в XII-XIV вв., в период разделения его на отдельные диалекты. Как известно, переход *е* > *о* под ударением наблюдался только перед твёрдыми согласными. Поскольку шипящие звуки отвердели в XIV в., к этому времени можно отнести и появление в рязанской топонимии гидронима ***Алёшня***, в котором мы наблюдаем лабиализацию *е* перед *ш*. Поскольку специального буквенного знака для передачи ударного *о* после мягкого согласного до XVIII в. (то есть до появления буквы *ё*) не существовало, в писцовых книгах XVI в. эта новая форма записана как ***Олошня***.

Переход *е* > *о* вообще отсутствовал или проявлялся частично в некоторых южных говорах (данное явление известно и некоторых рязанских говорам, очевидно, генетически связанными с южными), что и отражает фонетический вари-

ант ***Алешня*** («***Олешна***», «на ***Олешне***», в средневековых писцовых книгах). Важно и то, что топонимы ***Алешня*** и ***Алёшня*** локализуются в разных географических и топонимических зонах (***Алешня*** – в юго-западной части области, ***Алёшня*** – в северо-западной и юго-восточной; подробная характеристика топонимических зон Среднего Поочья дается в Главе 5 «Топонимические ареалы», раздел 5.3). Всё это говорит о том, что названия, несмотря на общность модели и апеллятивной основы, принадлежали разным группам славянских насельников Поочья и, скорее всего, появились в регионе в разное время.

Аналогичные названия известны в соседней Тульской области: р. Алёшня (п.п. р. Тулицы), с. Алешня и овр. Алешенка (при ручье Песочня) [Приходы и церкви Тульской области, 2010, с. 32].

Черемошня – название небольшой речки (п.п. р. Пожва, л.п. Пара) и озера (п.п. Рановы) [Атлас-2002, с. 102; Гордова ТРО, 2010, с. 17]. Топоним связан с названием дерева черёмухи (диалектные варианты – *черемхá, черéмуха, черéмушина*, от *черемный* «червленый, багровый, темно-красный», по характерному цвету ягод) и обозначает реку с зарослями черемухи по берегам. Другие модели, в которых используется тот же мотивирующий признак, можно отнести к поздним (***Черемухово, Черемушка, Черемушки***).

Гидроним ***Нахабна***, по всей видимости, связан с местным географическим термином с неустановленным значением, дериватом от **habiti* «портить, губить», первичное значение географических терминов с корнем *хаб-* «старое русло реки», ряд префиксальных образований связан с обозначением болота [Чумакова, 1992, с. 108].

Речка ***Нахабинка*** известна в совр. Московской области, на ее берегу находится раб. пос. ***Нахабино***, для названия которого предлагается антропонимическая версия (от *Нахабин*, продолжающим *нахаба* «нахал», «незваный гость», «беда»; версия С.Б. Веселовского), которая с учетом местоположения населённого пункта и всего вышеизложенного не может быть принята. Происхождение названия от антропонима ставится под сомнение и в ТСЦР [ТСЦР, 2002, с. 226].

Гидроним ***Плетёна*** (приток Трубежа) также может быть отнесен к данному ряду, несмотря на прозрачность основы и отсутствие временных границ ее активного употребления, не позволяющее датировать топоним. Возможность внесения данного имени в список древнерусских топонимов подкрепляется не только его формой, соответствующей рассматриваемой модели, но и районом локализации, который характеризуется концентрацией архаичных названий: ***Трубеж, Лыбедь, Переяславль*** и проч. При высокой степени ономастической освоенности района в древнерусский период отсутствие названия у одной из главных местных рек кажется маловероятным.

В ГБО приводятся несколько форм гидронима [Смолицкая ГБО, 1976, с. 165], среди которых ***Плетёнка, Плетёная*** можно считать позднейшими образованиями, а наиболее ранней формой – ***Плетёна*** (или ***Плетена***, до перехода *є* > *о* под ударением (третья лабиализация звука *е*), проходящего в древнерусском языке в XII-XIV вв.). Название отражает особенности русла реки и в известной степени является метафоричным: извилистая – плетёная.

С большой долей вероятности к рассматриваемой группе в древнерусское время относились некоторые названия, представленные в современной гидронимии Поочья в формах ***Лубянка, Дубянка, Дубенской, Каменка, Берестянка***, появившихся в результате дооформления топонимов, имевших форму краткого прилагательного, формантами *-ка, -ской,* давшими в исходе *-янка, -енка, -енской*. Более ранние формы гидронимов могут быть восстановлены как ***Лубена*** («лубяная, лыковая»)***, Дубена*** («древесная, дубовая»)***, Берестѣна*** («берестяная»), ***Камѣна*** («каменная»). В древнерусских летописях зафиксированы подобные названия в форме мужского рода (как названия поселений на территории Украины): ***Дубенъ***, 1100 г., ***Лубьнъ***, 1096 г. [Нерознак, 1983, с. 70; Поспелов, 2002, с. 146, 247].

В форме женского рода те же апеллятивные основы сохранились в гидронимах: моск. ***Дубна́***, ряз. ***Лубня***, п.п. ***Лубянки*** (бассейн Прони) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 182].

Названия ***Лубна*** (***Лубяна***)***, Дубна*** (***Дубяна***)***, Берестяна*** указывают на то, что по берегам рек росли деревья, имевшие значение именно в связи с заготовкой ко-

ры (луба, дуба (дубня), бересты). Названия ***Каменка*** (***Камѣна***) отражает каменистое ложе реки, чем сближается с гидронимом ***Брусна.***

Таким образом, названия рассматриваемой модели мотивированы природными особенностями именуемого объекта, а именно: окружающей растительностью, часто представляющей для человека практическую ценность, типом или формой русла реки, характером дна и берегов. Апеллятивной базой для топонимов данной группы служила географическая терминология, включающая и термины-метафоры.

Рассматриваемой модели соответствуют также следующие гидронимы.

Гвоздна, «река, протекающая рядом с хвойным лесом», от **gvozdъ* «хвойный лес», очевидно, метафора по сходству сосны с гвоздем, стержнем.

Песочня, «песчаная», «река, озеро с песчаными берегами»; имя сохранилось в названиях поселений: в районе р. Пары и в черте совр. Рязани. В гидронимии известно как название озера у с. Устрань, близ Старой Рязани. Первичную архаичную форму можно предполагать у названий двух рек, притоков Истьи (правобережье Оки), известных в настоящее время под именами ***Песочная***. Все приведенные названия локализуются в зонах концентрации древнерусской топонимии.

Стужня, «студёная», «озеро с холодной (родниковой по происхождению) водой»; озеро близ с. Дубровичи, под совр. Рязанью [Атлас-2002, с. 46].

Не совсем отвечает описанным характеристикам название ***Кудесна***, формально соответствующее рассмотренным выше топонимам, но отличающееся по характеру аппелятивной основы и предполагаемому мотиву присвоения.

Кудесна – название правого притока Осетра [Атлас-2002, с. 59]. Апеллятив *кудесьна* «чудесная, волшебная» – дериват от *кудеса́, куде́сы*, в народных говорах «чудеса посредством нечистой силы, чернокнижество, чары, волхованье» (ср. также *кудесить*, «волховать, колдовать, заниматься ворожбой, заговорами, чернокнижием») [Даль, т. II, с. 176]. В словаре В. Даля отмечено и еще одно значение для *кудеса́* – «святки, когда переряжаются» [Даль, т. II, с. 176]. Таким образом, название ***Кудесна*** могло быть связано с древними религиозными представлениями, на берегу реки могли совершаться культовые действия, обряды, возможно

языческие (например, ряженье в дни зимних святок). В связи с чем возможно сопоставление гидронима с названием горы ***Гневны***, имеющим аналогичную структуру (по форме краткое прилагательное с суффиксом *-ен-*) и отражающим сакральное назначение объекта, используемого для совершения обряда, связанного с огнём, а также с киевским гидронимом ***Почайна***.

Рассматривая этимологию гидронима, И.М. Железняк обращает внимание на связь истории реки с древним славянским богом Волосом, покровителем скота, и высказывает предположение о том, что река являлась частью культа и потому считалась священной. «На берегах Почайны происходили какие-то ритуалы, очевидно, жертвоприношения, эта река (возможно, лишь её средняя часть) была доступна только скоту» [Железняк, 1988, с. 158]. В язычестве, по мнению исследователя, следует искать истоки древнего народного поверья, согласно которому человеку нельзя купаться в месте, предназначенному для водопоя скота. В совокупности эти данные согласуются с предлагаемой трактовкой гидронима **počajna* как «водопойная», само же название рассматривается исследователем как возможный элемент праславянского гидронимического фонда, наряду с названиями соседних киевских рек ***Лыбедь, Сетомля*** [Железняк, 1988, с. 156-158].

У истока рязанской ***Кудесны*** находится поселение ***Треполье***, название которого также отнесено нами к древнерусскому пласту топонимической стратиграфии Среднего Поочья, оба названия говорят об однородности и одновременности формирования топонимического ландшафта данного района.

Приведенные примеры показывают, что модель гидронимов с формантами *-на, -ня*, отражающая природные особенности именуемого объекта, была продуктивной моделью древнерусского времени. Всё же необходимо отметить, что форманты *-на, -ня* также известны и иным топонимическим системам, что затрудняет интерпретацию некоторых названий и без рассмотрения характера топоосновы не может служить единственным доказательством принадлежности названия, формально соотвествующего представленной модели, именно древнерусской топонимии. В частности, до сих пор не существует надежного объяснения гидронима ***Проня***, для которого предлагаются славянская, балтийская, финно-угорская вер-

сии происхождения (обзор известных точек зрения приводится в топонимических словарях, см.: [ТСРО, с. 209-210; Поспелов, 2002, с. 342; Смолицкая, 2002, с. 272-273]). Существенно замечание Ю.П. Чумаковой о том, что топоним локализуется в той части Среднего Поочья, где пласт финно-угорских названий минимален, а основной корпус составляют славянские названия, в том числе и ранние [Чумакова, 1992, с. 133]. Объяснение гидронима на славянском материале связывает его с чешск. *prony* «быстрый, неукротимый» (этимология М. Фасмера).

Ряд исследователей сближает окскую Проню с Проней бассейна Днепра (приток р. Сож), что при наличие многочисленных топонимических параллелей обосновано. Нельзя обойти вниманием тот факт, что при впадении днепровской Прони в реку Сож образуется мощный водоворот, который в местных говорах называется *пропой* – апеллятив лежит в основе названия древнерусского города ***Прупой*** (***Прупошеск, Пропошеск, Пропойск***), заложенного в этом месте и известного по памятникам письменности с 1150 г. (совр. Славгород Могилевской обл.) [Поспелов, 2002, с. 387]. По семантике приведенный апеллятив сопоставим с чешским апеллятивом, предлагаемым для гидронима ***Проня*** («быстрый, неукротимый»).

По формальным признакам гидроним соответствует описанной выше модели, корень же может иметь субстратное происхождение, так же, как у топонима ***Коломна.*** Подробно разбирая историю данного гидронима, И.Г. Добродомов приходит к следующему заключению: «В названии ***Коломны*** финно-угорским является лишь корень (который сейчас уже плотно сросся с суффиксом), да и то сильно русифицированный, а все название целиком является смешанным: к обрусевшему финно-угорскому корню присоединен русский суффикс [суффикс прилагательного *-ьн*. – Ю.Г.]. Следовательно, слово *Коломна* уже целиком русское, но созданное на базе финно-угорского заимствования» [Добродомов, 1993, с. 68]. Балтийская версия происхождения топонима ***Проня***, а также другие балтийские топонимы с формантами *-ня, -ня* подробно рассматриваются нами в Главе 5 «Топонимические ареалы».

6) Модели топонимов с регулярным финальным элементом *-ва* соответствуют рязанские гидронимы: ***Молва, Плава, Пониква, Паникова, Смедва, Ранова***.

Сложность формирования данного ряда связана с тем, что формант является атрибутивным и для топонимических систем других культур. В частности, *-ва* традиционно считается гидронимическим формантом балтийского типа. Летописный гидроним ***Плава*** (упоминается в XIV в. в Списке русских городов Воскресенской летописи [Свод. лет. Ряз., с. 220-221]) находит объяснение и на базе славянского (от русск. диал. *плав* «зыбун, болото с растительным покровом на поверхности»), и на базе балтийского материала (литов. *plava* «моховое болото», «плавучий остров», латыш. *plava* «луг») [Смолицкая, 2002, с. 261].

Таким образом, к славянским могут быть отнесены лишь названия, имеющие надёжные соответствия в славянской (древнерусской) нарицательной и именной лексике.

Такие соответствия известны, в частности, для топонимов ***Пониква, Паникова.*** В Окской гидронимии известны: ***Паника*** (14), ***Паники*** (1), ***Паникова*** (1), ***Паниковец*** (2), ***Паниковка*** (9), ***Паниковское*** (9) и т.д. [Смолицкая ГБО, 1976, с. 360], что говорит о продуктивности здесь основы *паник-*. Апеллятивы данной группы имеют значения «ручей или река, местами теряющие своё течение и переходящие в заболоченный участок», «потоки талой воды, весенних ручьёв, бегущих к реке» [СРНГ, 25, с. 195].

В древнерусских памятниках письменности гидронимы не зафиксированы, хотя уже в текстах XII-XIII вв. встречается глагол *поникать* «исчезать, скрываться», «уходить под землю (о водном источнике)», к которому восходят апеллятивы группы *паник-*: *«Суть же и ины многы и великы рѣкы, яже ...въ земли поничуть», «А рѣчка Кадаршъ противъ мордовские пустоши поникла въ землю»* [СлРЯ XI - XVII вв., т. 17, с. 53].

О праславянском характере топоосновы *поник-* позволяет говорить ряд славянских гидронимов: ***Паник*** (3), р. ***Паниква, Паниковка, Пониковка*** в Поднепровье; ***Ponikwa*** в Польше; ***Пониква*** и ***Пониковица*** в Югославии; а также н.п. ***Пониковица***, р. ***Пониква*** в Львовской обл.; названия встречаются в Ульяновской,

Калужской обл., на Дону [СНГТ, с. 453]. Как видно из приведенных примеров, точные структурные соответствия окской ***Поникве*** известны в Поднепровье, Польше, Югославии.

Гидронимы ***Молва***, ***Ранова,*** имеющие и славянскую, и балтийскую версии происхождения, подробно рассматриваются в Главе 5 «Топонимические ареалы».

7) Модели, которую представляет ойконим ***Ломихвост***, упоминаемый в документах кон. XIV в., соответствует название ***Перехвост,*** известное в современной рязанской топонимии как название озера [Хрусталёв, 2009, с. 83, 143]. При условии связи летописного ***Ломихвост*** с диалектизмом *ломихвост* (название сокола) или антропонимом *Ломихвост* (прозвище украинского типа), аналогичный источник следует искать и для имени ***Перехвост***: диалектизм или прозвище человека → ойконим ***Перехвост*** (топонимизация безформантным способом).

8) Модели, которую представляет топоним ***Жерновища***, упоминаемый в документах сер. XIV в., соответствует название ***Шатрище***, известное как название поселения на п.б. Оки, под Старой Рязанью. Местонахождение топонима – в административном центре Рязанского вел. княжества – служит дополнительным аргументом в пользу его древнего характера. Топонимы объединяют суффиксы *-ище, -ища*, которые в древнерусском языке участвовали в образовании названий мест нахождения или действий, а также мест, где раньше что-то находилось (*городище, селище*) или произошло, что, с учетом семантики корней, позволяет трактовать топонимы следующим образом: ***Жерновища*** «место, где перемалывают (или раньше перемалывали) зерно в муку», ***Шатрище*** «место остановки для гостей, место, где стоят (или раньше стояли) шатры».

9) Наблюдения над архаичными моделями и исторической топонимией региона позволяют описать еще одну немногочисленную, но четко выделяемую группу топонимов: ***Болонь, Бохоть, Перекопь, Перекаль, Поречь*** и под.

Все они связаны с архаичной географической лексикой, характеризующей природные особенности местности или местоположение называемого объекта, и при этом имеют очень простую структуру.

Нельзя не заметить, что многие топонимы данной группы объединяет финальный мягкий согласный, а значит, данные формы могли быть образованы при помощи суффикса кратких притяжательных прилагательных *-jь,* который, как видно из предыдущих примеров, выполнял особую функцию в древнерусской топонимии, участвуя в образовании названий по разным моделям, в том числе и от географических апеллятивов (***Ивань, Листань*** и т.д). Это положение могут иллюстрировать ряды онимов с общей топоосновой (корнем), в которых названию с финальным *-ь* соответствует название с парным твердым согласным либо название, оформленное иным формантом: ***Бохоть – Бохот***; ***Перекопь – Перекоп[ань], Перекоп[на]***.

С другой стороны, финальный мягкий согласный мог быть атрибутом нарицательной лексики, от которой рассматриваемые названия образовывались безформантным способом, то есть по форме *топоним = апеллятив*. Предполагать это позволяет тот факт, что в апеллятивной лексике (местная географическая терминология, диалектная лексика, лексика древнерусского языка, представленная в словарях различного типа) зафиксированы полные эквиваленты рассматриваемых топонимов: *болонь* – н.п. ***Болонь***; *бохот, бохоть* – р. ***Бохот***, р. ***Бохоть***.

Отметим также, что среди топонимов данной группы много приставочных образований: ***Поречь, Перекаль, Перекопь, Усторонь***, а среди них имеются примеры, в которых апеллятив присутствует в деминутивной форме: ***Поречь*** (дериват от *река*); ***Усторонь*** (дериват от *сторона*); как и в топониме ***Треполь*** (дериват от *поле*), впрочем, отмеченные особенности также могли относиться к апеллятивной лексике.

Поскольку установить или разграничить пути образования в большинстве случаев не представляется возможным, подобные названия рассматриваются нами в рамках одной модели, на основании общности мотива номинации и отсутствия четко выделяемого форманта. Судя по дате фиксации днепровского топонима ***Треполь***, модель уже была известна в кон. XI в., хотя ни одно из рязанских названий не фиксируется раньше средневековья.

Перекаль – название деревни на левом берегу р. Быстрицы (п.п. Вожи), под Рязанью. В качестве сельца упоминается в писцовых книгах XVI в. [ПК, I, с. 46]. Засвидетельствованный в том же документе вариант ***Переколь*** («половина сц. Переколи» [ПК, I, с. 50]) дает основание предполагать произношение ***Пере́каль***, с ударением на приставку и записью редуцированного заударного слога по севернорусской орфографической традиции. Полные структурные соответствия обнаруживаются в районе р. Осетр [Атлас-2002, с. 42 А4] и в Белоруссии, близкие (***Перекалья***) – на Украине [Чумакова, 1992, с. 43, 99]. Апеллятивы группы *перекал-*, продолжающие праслав. **kalъ* «грязь, тина, слякоть», имеют значения «ограниченное пространство между двумя болотами, озерами, другими водными объектами», «относительно сухая территория между двумя заболоченными объектами, топями» [Гордова, 2008]. Семантика лексем позволяет квалифицировать их как апеллятивы, атрибутивные для микротопонимов и ойконимов.

Поречь – зафиксировано в качестве названия урочища на левой стороне р. Аксень (бассейн Прони) в нач. XXI в. [Гордова ТРО, 2010, с. 16]. Название указывает на местоположение объекта – вдоль реки.

Усторонь – название села, совр. ***Устрань*** (Спасск. р-н). Фиксируется в писцовых книгах XVI в. [ПК, I, с. 244]. Известные апеллятивы – *усторонéнье, устраненье, усторо́нье* – обозначают место, удаленное от города, от большой дороги, глушь. [Даль, IV, с. 323]. Таким образом, топоним ***Усторонь*** мог относиться к поселению, расположенному в стороне, на расстоянии от чего-либо. Судя по топографии местности, оно соотносилось с древней Рязанью, центром Рязанского княжества. Район локализации (рядом находится и летописное поселение ***Исады***) является дополнительным аргументом, подтверждающим как древность топонима ***Усторонь***, так и древность модели, по которой он построен.

Форма названия ***Устрань***, которое носит современный населенный пункт, приводится уже в списках XIX в. наряду с формой ***Усторонь*** [Сп. 1862, с. 138]. Подобное изменение произошло, по всей видимости, под воздействием тенденции к сокращению слов и топонимического ряда на *-ань,* в результате чего часть топонимического корня стала восприниматься как формант.

Названия, восходящие к апеллятивам той же группы, но представляющие другие модели, известны в Новгородской (д. ***Усторонье***) и Вятской (д. ***Устранец***) областях [ЕИС «Топонимия России»].

Итак, в ходе поиска названий из регионального топонимического фонда, соответствующих древним топонимическим моделям, был выявлен значительный корпус таких названий, что дало возможность существенно расширить реконструируемый список онимов древнерусского периода. Результаты применения описанного приема представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Рязанские топонимы, соотносимые с одним из типов архаичных моделей

Тип архаичной модели	**Топонимы, соотносимые с данной моделью**
Модель типа ***Ростиславль***	Остромерь (Остромирь) Котогощь Летогоще Летогоща (Легоща) Перенеж[?] (Перенѣж[?]) Негобуж (Нѣгабуж) Радобежь (Радубежь) Негомош *Грустынь (совр. Грустынка) *Храпынь (совр. Храпынка) Малынь[10]
Добрынь	
Модель типа ***Волынь***	*Белынь (совр. Белынка) Березынь
Модель типа ***Листань***	Выкопань Лубянь Перекопань Серебрянь *Серебрянь (совр. Серебрянка) Дербень Плетень
Модель типа ***Белгород***	Вышгород Выжелес
Модель типа ***Перекопь***	Болонь Бохоть Перекаль Поречь Усторонь
Модель типа ***Ломихвост***	Перехвост
Модель типа ***Пониква***	Пониква Поникова

[10] Ряд сформирован по материалам исследования Ю.П. Чумаковой [Чумакова, 1992, с. 56-68].

	Смедва ? Молва ? Плава ? Ранова
Модель типа ***Брусна***	Алешна (Алешня) Алёшня *Берестяна (совр. Берестянка) Брусена Гвоздна *Дубна (совр. Дубянка) *Камена (совр. Каменка) *Костена (совр. Костенка) Кудесна Лубня *Лубня (совр. Лубянка) Нахабна Песочня Плетёна Полосня Стужня Теребня Черемошня
Модель типа ***Дубровичи***	Белыничи Дубовичи Жилконичи Княжичи Костеничи Костичи Лаговичи Любичи Лучконичи Луконичи Лучкиничи Микуличи Пахомичи Первичи Переславичи Петровичи Поповичи Скушевичи Филиповичи Ярославичи[11]
Модель типа ***Жерновища***	Шатрище

Отметим, что описанный нами прием может быть применен и по отношению к топонимам неславянского происхождения, в том числе и в спорных случаях, при определении языковой принадлежности названий, содержащих морфемы,

[11] Ряд сформирован по материалам исследования Ю.П. Чумаковой [Чумакова, 1992, с. 138].

которые могут быть объяснены на материале разных языков. В этой связи исследователь финно-угорских названий И.Д. Ардеев отмечает: «Топонимы и топоэлементы, оказавшись включенными в ряды типовых структур, уже гораздо менее воспринимаются как тёмные и загадочные и реже подают повод для неожиданных интерпретаций». Рассматривая имеющиеся трактовки отдельных названий, относимых исследователями, в частности, к балтийским или иранским, он приходит к выводу, что эти топонимы «либо не образуют топонимических рядов, либо входят в такие ряды, которые трудно признать иранскими или балтийскими» [Ардеев, 2002, с. 59-60]. Действительно, рассмотрение названий в ряду названий, имеющих такую же структуру, построенных по той же модели, предоставляет больше шансов для правильного их объяснения. Существенно подкрепляет трактовку выявленных топонимических групп характеристика зон их распространения (ареалов). Эффективность индуктивно-дедуктивного, структурного и ареального методов в отношении субстратной топонимии Среднего Поочья демонстрируется в отдельной главе (Глава 5 «Топонимические ареалы»).

3.1.3. Топонимы, содержащие в составе отдельные архаичные элементы

К древнерусскому пласту также могут быть отнесены названия, содержащие в своем составе отдельные архаичные элементы, лексического или морфемного плана. Именно по этим отдельным сохранившимся фрагментам возможно установление древности названий, если модель, которую они представляют, не позволяет сделать это. В группе таких топонимов могут быть имена двух типов: 1) названия, претерпевшие в ходе бытования существенные изменения, чаще всего формантные, под воздействием новых моделей, ставших актуальными в более позднее время; 2) названия, построенные по модели, не имеющей ярких примет времени и, как следствие, четкой хронологической привязки.

Примером названия первого типа может служить топоним, восходящий к древним терминам подсечно-огневого земледелия, но предстающий в современной топонимии в форме, совершенно соответствующей топонимии нового времени: ***Лядинка*** (дер. в Псковской области, в основе названия лежит термин *лядо*

«место вырубки и выжига леса»), ср. ***Ленинка, Елютинка*** (деревни в Рязанской области). Очевидно, что первоначальная (или более ранняя) форма названия в данном случае не может быть установлена, в связи с чем при использовании данного названия в реконструкции картины прошлого (при его упоминании в тексте, нанесении на карту и т.д.) целесообразно введение дополнительных условных обозначений, которые должны разграничить архаичную часть онима и вторичные морфемы, малозначимые для реконструкции: **Бохот[ка]*, где *[ка]* – более поздний элемент имени.

Среди названий второго типа много топонимов с формантами *-ово, -ево*, *-ино*, а также *-ое, -еск*. Модель типа ***Мерьское***, ***Проньск*** фиксируется уже в XII в., типа ***Микитин*** – в XIV в. Но соответствующим им названия возникали и в XVI, и в XIX веке, что, безусловно, оставляет мало шансов даже для приблизительной хронологизации названия исторического топонимикона, поздно зафиксированного документально. И именно в таких случаях возрастает значимость структурных элементов онима.

Древнерусские топоосновы

К значимым структурным элементам топонима, по которым может быть установлена его архаичность или архаичность его ранней формы, в первую очередь относится топооснова.

Топоосновы могут быть признаны древнерусскими на основании ряда критериев. Одним из них является соотнесенность топонимов с апеллятивной лексикой, имеющей ограниченный период бытования (и уже, по крайней мере, к XVI в. ставшей архаичной). Именно в связи с этим фактором невозможно привлечь к анализу значительную часть апеллятивной лексики (с которой связана региональная топонимия), имеющей праславянские истоки, но не обладающей более или менее четко обозначенными временными границами функционирования: *лоск, провал, верх, вершина, круча, озеро* и под. Однако некоторые лексемы все же могут быть использованы в реконструкции, если известны архаичные модели с их участием. Примерами могут служить апеллятивы *луб*, *берёза,* засвидетельствованные в составе архаичных моделей: ***Лубянь, Лубна***, ***Березынь,*** хотя они же

обнаруживаются и в более поздних моделях: ***Лубянка***, ***Лубяное, Берёзовка, Берёзовое***, остающихся актуальными и в новейшей ономастике.

В числе древнерусских топооснов, присутствующих в составе рязанских топонимов: *тереб-, жар-, паль-*.

Тереб- (из праслав.**terb*). В Среднем Поочье топооснова представлена названиями: (ре́ки) ***Теребенка, Теребетенка, Теребиловка, Теребинка, Теребленка, Теребовская, Теребня, Теребовка, Теребуш, Требушка*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 386], д. ***Теребуская, Теребонский*** *лес*, ***Теребунский / Теребункинский / Теребинский*** *липяг* [ПК, I, с. 115, 136, 141, 144, 147], урочище ***Трибуна*** (очевидно, видоизмененное из ***Теребуна***) [Гордова ТРО, 2010, с. 67].

Апеллятивы *тереб, тереба* и под. известны в славянской терминологии как термины подсечно-огневого земледелия: «участок под пашню, очищенный от леса, кустарника, путем их сжигания», от *теребить* «чистить», «корчевать». Топонимия от **terb* носит общеславянский характер: ***Тереба, Теребна, Теребок, Тербуны, Притереб*** – в разных странах, в том числе укр. ***Тере́бля*** (п.п. р. Тиса), ***Теребо́вля*** (г. Тернопольск. обл.) [СГН, с. 244-245], что отражает историческую общность земледельческой культуры славян. После того как подсечно-огневое земледелие уступило место новым способам обработки земли, апеллятивы перешли в разряд пассивной лексики, но сохранились в диалектах и топонимии [Смолицкая, 2002, с. 346].

Поскольку основа активна в гидронимии, целесообразно выделение отдельного значения у апеллятивов с *тереб-* «река, протекающая по очищенной от леса местности», наряду со значениями, относящимися к урочищу или селению на месте сведенного леса.

Для подтверждения раннего характера топонимов с *тереб-* важно, что основа не только имеет хронологически ограниченную историю, но и встречается в составе названий ***Требеж, Теребня***, сопоставимых с древними моделями гидронимов на *-еж, -ня* типа ***Трубеж, Алешня***.

Названия от *тереб-* встречаются и в других регионах России, в частности, ***Тербуны́*** (липецк.) [СГН, с. 244].

В Среднем Поочье известны и другие топонимы, восходящие к древним земледельческим терминам, обозначавшим участки выжженного леса, кустарника, подготовленные под пашню, в частности, с корнем *жар-*.

Жар- (из праслав. **gerъ*): реки ***Жаринка, Жаркин, Жаров, Жаровка, Жаровна, Жаровня*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 320], д. ***Жаркое*** [ПК, I, с. 121]. В Нижегородской обл.: ***Жары***, местность в междуречье Волги и Оки.

Перекоп-. Топооснова неоднократно встречается в гидронимии Поочья: ***Перекопь*** и др. примеры, зафиксированные в ГБО [Смолицкая ГБО, 1976, с. 361], в том числе в названиях, соответствующих описанным выше архаичным моделям: ***Перекопань*** (модель типа ***Листань***), ***Перекопна*** (модель типа ***Брусна***)[12].

Значительная часть обнаруженных топооснов ввиду своей семантики может быть признана атрибутивной для определенного разряда топонимов, в частности, такие основы как *Бучал-, Поник-, Алеш-, Струм-, Прость-* – гидронимическими, *Перекал-, Перекоп-, Жар-* – ойконимическими. Топоосновы *Песок-, Тереб-, Висл-* и под. могли использоваться и в гидронимии, и в ойконимии, и в микротопонимии: имя ***Песочня*** («песчаная») могла получить и река с песчаными берегами и дном, и деревня, возникшая на песчаном месте; ***Теребной*** могли назвать и поле на месте сведенного леса, и возникшее здесь поселение, и протекавшую по данной местности реку. Это часто подтверждает круг объектов, объединенных общей основой, в частности, названия от *висл-* в рязанском Поочье относятся к лесу, оврагу, поселению: ***Вислый*** лес, с. ***Подвислово***, отвершек ***Малые Подвислые*** (3) [Гордова, 2006, с. 35-36].

Четкая тематическая дифференциация отдельных топооснов позволяет восстанавливать утраченные топонимы при несовпадении характера топоосновы и типа денотата: гидронимы, если гидронимическая основа сохранилась в ойкони-

[12] Группа ранних славянских топооснов и связанные с ними топонимы рассмотрены нами в исследовании 2006 г., посвященном ономастике юго-восточной части рязанской территории, см.: [Гордова, 2006]. Значительная группа славянских топооснов в гидронимии бассейна Оки выявлена Г.П. Смолицкой, которая использовала ее для реконструкции словарного состава русского языка ранних веков [Смолицкая, 1981]. В задачу исследования входило выявление нарицательной и ономастической лексики до XVIII в., без выделения собственно древнерусского пласта, в связи с чем результаты проведенных изысканий при восстановлении ономастической картины региона древнейших периодов могут быть использованы лишь выборочно. Разные группы топооснов выявлены и описаны и другими учёными, занимавшимися поисками древнерусских элементов в топонимии Рязанского Поочья. Результаты исследований обобщаются нами в Главе 6 «Реконструкция…».

ме, ойконимы, если ойконимическая основа сохранилась в гидрониме, и тем самым дополнять формируемый список элементов реконструируемой системы. Так, например, в рязанской топонимии известны ойконимы ***Прость***, ***Струмань***, топоосновы которых имеют ярко выраженную «гидронимическую» семантику: *прость* «прямой водный путь», *струм-* «ручей, поток», что даёт основание предполагать, что аналогичные имена были в прошлом и у смежных рек.

Исторические этнонимы в составе топонимов

В составе топонимов могут быть обнаружены также исторические этнонимы, что также является основанием для включения таких названий в реконструируемый список архаичных онимов региона. По замечанию А.В. Суперанской, любое топонимическое исследование соответствующей территории при обнаружении топонимов, омонимичных родовым названиям, не может обойтись без анализа названий родо-племенных подразделений [Суперанская и др., 2009, с. 49].

Курша (др.-р. *Кърсь, Корсь*). ***Курша*** – река, п.п. р. Нарма, п.п. р. Гусь; село у истока реки. Река протекает по сырым заболоченным землям Мещёры. В лесу, в стороне от других населенных пунктов, располагается село. Топонимы могут быть связаны с названием древнего балтийского племени *курша*. Сохранились этнографические сведения о том, что жителей окрестных сел издавна называли куршаками, куршанами, «литвой головастой», «литвой некрещеной» [Топоров, 2006, с. 27; ТСРО, с. 133]. Возможность появления представителей этой племенной группы за пределами своей исторической территории (пространство от Немана до побережья Балтийского моря) В.Н. Топоров объясняет «лихолетьями», сопровождавшими жизнь куршей, в результате которых они либо попадали в плен, либо были вынуждены мигрировать в другие районы [Топоров, 2006, с. 27].

Древние источники отмечают воинственный характер куршей и их жестокое сопротивление христианизации, чем и могло быть вызвано появление у них местного названия – «литва некрещеная». Второе название – «литва головастая» – могло отражать анатомические особенности представителей этого племени: сам этноним возводят к **kurs-*, «обозначавшему нечто искривленное, изогнутое, низ-

корослое, дефектное» [Топоров, 2006, с. 26]. Есть и другая точка зрения. В частности, Б.В. Горбунов связывает появление прозвищных названий с пленными литовскими воинами периода противоборства рязанских князей с Литвой в XIV – XV вв. [ТСРО, с. 133].

Куршский язык угас к XVII в. [Топоров, 2006, с. 27]; в прибалтийских землях он был ассимилирован латышским и литовским языками, а в рязанской земле должен был смешаться с местными диалектами, в частности с языком мещеры, а позднее русских. Тем не менее, волость ***Курша*** упоминается в рязанских деловых документах еще в начале XVII в.

Половцы. ***Половеск,*** упоминается в качестве названия села стана Старая Рязань в писцовых книгах XVI в. [ПК, I, с. 244], ныне это с. ***Поло́вское***. Однако форма, традиционная для названий рязанских городов древнерусского времени (***Перевитеск, Пронеск, Торческ*** и т.д.), подсказывает, что ***Половеск*** раньше также являлся городом. Основа имени может быть сближена в этнонимом *половцы* (др.-рус. *половьци*) «группа племён тюркского происхождения, кочевавших на юго-востоке Европы в XI – нач. XIII в.» [ТСРЯ, 2007, с. 688]. Несмотря на устоявшиеся представления о тюркоязычных народах, половцы относились к европеоидному типу: источники описывают их как народ светловолосый и голубоглазый. Именно с цветом волос связывают этимологию русского наименования этого народа: от *половъ* «светло-желтый, цвета соломы», рус. *половый* [ТСРЯ, 2007, с. 688].

Для подтверждения раннего характера ойконима важно, что этноним, лежащий в его основе, связан с определенным периодом истории древнерусского языка. По данным Словаря русского языка XI-XVII вв., лексема встречается в составе названия ***Половецкое поле*** в «Слове о полку Игореве» в кон. XII в. [Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 16, с. 205]. Одним из последних упоминаний половцев в древнерусских источниках является запись 1377 г. в Московском летописном своде: *«…приидоша в места Половечская»* [ПСРЛ, т. XXV, с. 193-199; Свод Лет. Ряз., с. 200].

Существенно и то, что другой рязанский топоним, связанный с тем же этнонимом, ***Половецкое*** *поле,* квалифицированный нами как окраинный по отноше-

нию к ***Половецкой*** *степи,* фиксируется уже в летописях в нач. XIII в. Таким образом, период, в который мог появиться ойконим, ограничивается XII-XIV вв.

Для фактического обоснования возможности сближения рязанских топонимов с названием кочевого народа необходимо привлечение внелингвистических (исторических) данных (см.: Глава 4 «Привлечение внелингвистических данных»). При наличии таких сведений фонд моделей древнерусских топонимов региона может быть пополнен весьма интересной моделью ойконима с типичным формантом *-ьск* (позднее *-ск, -еск*), отражающей этническую принадлежность жителей поселения, находящегося на территории другого народа. В данном случае ***Половеск*** – «город половцев в русской земле». Поскольку и этноним, и модель ойконима являются по происхождению русскими, важным представляется замечание о том, что название поселению было присвоено русскими, а не половцами.

Мурома. С данным этнонимом, летописным названием одного из финноязычных народов, связывают ойконим ***Муромино*** (совр. ***Мурмино***) и ряд гидронимов Поочья: ***Муромка, Муромец, Муромское*** [Смолицкая, 2002, с. 219; Смолицкая ГБО, 1976, с. 353]. Сомнения по поводу связи с этнонимом названия поселения высказываются в ТСРО. Среди аргументов – возникновение поселения в позднем средневековье (утверждение основано на времени первой фиксации в документах), когда летописная мурома была уже ассимилирована славянами и утратила (по данным археологии) отличительные черты в материальной культуре [ТСРО, с. 163]. Однако этнографические и ономастические материалы говорят о том, что народ, утративший яркие особенности материальной культуры, может еще долго сохранять свою самобытность и свое название. Подтверждает это и долгое бытование этнических прозвищ. В частности, в рязанских селах, в которых уже несколько веков преобладает русское население, до сих пор фиксируются прозвища типа *Мокшан, Мордвин* [Гордова, 2004]. Люди, носящие эти имена, на бытовом уровне ничем не отличаются от окружающих, тем не менее, прозвища выделяют их именно на основании принадлежности к иной национальности. Что касается прозвища *Мокшан,* то опрос, проведенный в рамках лингвистической экспедиции, показал, что современные жители села даже не знают значения ле-

жащего в его основе слова: прозвище закреплено за родом и несколько поколений передается от отца к сыну [Гордова, 2004].

Возможно, то же самое происходило и с представителями *муромы*, даже когда они уже проживали совместно с русскими и имели с ними много общего.

Мещёра. Хороним ***Мещёра*** – название природной зоны в центральной части Восточно-Европейской равнины, характеризующейся обилием болот и лесов [Смолицкая, 2002, с. 204-205; Поспелов, 2002, с. 268]. Названия финноязычного народа и места его исторического проживания омонимичны, что является отражением традиционного синкретизма древних имён. Этноним упоминается в русских письменных источниках до XVI в., а в живой речи, по сведениям этнографа П. Семёнова, вплоть до сер. XIX в.: здесь проживало население, считающее себя мещерой [Смолицкая, 2002, с. 204-205]. Это, безусловно, затрудняет датировку топонимов, обнаруживающих данную основу. К тому же общеизвестность – с исторических времен и до современности – топонима ***Мещёра*** стала причиной устойчивой продуктивности данной топоосновы: в источниках XVI в. часто упоминается *Мещёрская сторона* [ПК, I, с. 44, 51, 254, 270, 383]; при формировании географической номенклатуры России эта природная зона была названа ***Мещёрской низменностью***, в поэтической и современной разговорной речи до сих пор и часто употребляется топонимическое сочетание *Мещёрский край*; по сведениям ТСРО, один из поселков, расположенных в данной части Рязанской области, был назван ***Мещёрским*** в 1966 г. [ТСРО, с. 153]. Активное возведение новых поселков, начавшееся в XXI в., привело к очередному всплеску продуктивности топоосновы *мещер-* (коттеджные поселки ***Мещера, Мещерская сказка***, жилые комплексы ***Мещера, Мещерский***, ул. ***Мещерская*** и т.д.).

Из приведенных фактов следует, что названия, содержащие древнюю основу, могут быть использованы в реконструкции очень осторожно. С большой долей вероятности как архаичные следует рассматривать названия водных объектов: р. ***Мещерка***, оз. ***Мещерское*** – на левобережье Оки (участок от р. Гусь до р. Унжи), р. ***Мещорка*** – на правобережье Оки (п.п. р. Колец, район р. Рановы) [Смо-

лицкая ГБО, 1976, с. 195, 180], – и, возможно, деревни ***Мещёрской*** Понинского стана, упоминаемой ещё в XVI в. [ПК, I, с. 232].

Меря. С названием одного из финноязычных народов Поочья, по всей видимости, связан упоминаемый в летописях топоним ***Мерьская*** в записях под 1176 г.: *«В то же лето идее Михалко на Глеба к Рязаню, и бывшю ему на Мерьскои усретоша и посли Глебови…»*[Троицкая Лет., Свод лет. Ряз., с. 79]. В Никоновской летописи описывается то же событие и называется тот же топоним: *«…и бывшу ему на Мерской, и тамо сретоша его послы князя Глеба Рязаньскаго…»* [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. IX, с. 256; Свод лет Ряз., с. 79].

Название по структуре (имеет форму прилагательного с суффиксом *-ск-*) и по именной основе может быть сопоставлено с суздальским топонимом ***Весьское***, который, по одной из версии, восходит к этнониму *весь,* названию финноязычной народности, что, в свою очередь, может служить подтверждением реальности модели, которую представляют данные топонимы.

Ср. также топоним ***Весьегонская*** (дер. в Тверской земле), который возводят (по одной из версии) к сочетанию *весь егонская* (живующая на оз. Егно или р. Иогница) как противопоставление *веси моложской* (живущей по р. Мологе) [Смолицкая, 2002, с. 52].

Чудь. ***Чудино*** – озеро на правой стороне Оки, восточнее Старой Рязани. *Чудь* – русское позднее название *мери,* упоминается в летописях начиная с XI в., там же встречается топоним ***Чудская земля***, как древнерусское название Эстонии [Поспелов, 2002, с. 466]. С тем же этнонимом связано название ***Чудского озера***, при этом важным представляются данные о том, что в самой Эстонии озеро именуется ***Пейпси*** [Поспелов, 2002, с. 466]; это означает, что ***Чудским*** его именовало русское население. Существует мнение, что этноним *чудь* в позднее время использовался как собирательное имя для потомков мери [Финно-угры и балты, 1987, с. 67].

Нельзя исключать того, что связь рязанского топонима с этнонимом опосредована личным именем отэтнонимического происхождения *Чудь* (ср. имена того же ряда: *Казар, Мокшан*). Антропоним также носит архаичный характер, он

упоминается уже в Повести временных лет (нач. XII в.): *«…а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ»* [ДРЛ, с. 12].

Мокша. Название одной из двух групп древней мордвы. Мордовский язык, относящийся к уральской языковой семье, сохранял своё единство до V-VI вв., после чего распался на мокшанский и эрзянский [ЭРС, с. 10]. Несмотря на это, и мокша и эрзя оставались близкородственными группами. Во всяком случае, составленная в нач. XII в. «Повесть временных лет» при описании племён, занимавших течение Оки, не разделяет две этнические группы, а именует их общим этнонимом *мордва*. Мордва упоминается в числе иноязычных, неславянских, народов, *«иже дань дают Руси»* [ПСРЛ, т. II, с. 8].

Ряд исследователей связывает с этнонимом название одного из крупных притоков Оки – ***Мокши***, протекающей в восточной части рязанской территории. Другие отрицают эту связь, выдвигая иные версии происхождения названия, в числе которых как балтийская, так и финно-угорская (обзор существующих версий см.: [Поспелов, 2002, с. 272; Смолицкая, 2002, с. 208-209; ТСРО, с. 156-157]). Одно из положений, заставляющих исследователей сомневаться в связи этнонима и гидронима, иное имя реки у самой мордвы. По информации И.Д. Ардеева, ***Йов*** («река») – древнее название ***Мокши***, унаследованное мордвой из предыдущих периодов, от своих предков с уже утраченным апеллятивным значением [Ардеев, 2002, с. 33]. Гидроним ***Мокша*** подробно рассматривается нами в группе топонимов с формантом *-ша* в Главе 5 «Топонимичсекие ареалы».

По данным ТСРЯ, этноним *мокша* происходит от морд. *mokša* [ТСРЯ, 2007, с. 455], то есть это было самоназвание мокшан, которое переняло позднее славянское население. Современное распределение мокши и эрзи в пределах Мордовии, очевидно, отражает сложившиеся исторически районы проживания представителей этих двух мордовских групп: «…Мокша расселена преимущественно в западных и южных районах, в бассейне реки Мокши, а эрзя – в восточных районах, в бассейне реки Суры» [ЭРС, с. 10].

Результаты проведенного сопоставления исторических этнонимов и рязанских топонимов представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Древнерусские этнонимы и их отражение в рязанской топонимии

Этноним	Топонимы	Местоположение	Источник	Топонимы других регионов
Вятичи	Примеры в рязанской топонимии отсутствуют			
Чудь	Чудино (оз.)	п.с. Оки, между реками Пара и Тырница.	Атлас-2002, с. 68	Чудское озеро (пск. и Эстония)
Мурома	Муромка (р.)	п.п. р. Унжа (л.п. Оки), близ Елатьмы.	Атлас-2002, с. 38; Смолицкая ГБО, 1976, с. 353	г. Муром (владим.), 862 г. р. Муромка (л.п. Вольги, влад.)
	Муромской (овр.)	в р-не р. Сиверки (левобережье Оки)	Смолицкая ГБО, 1976, с. 191	оз. Муромское, р. Муромец (в районе р. Клязьмы, нижнее Поочье)
	Муромино (совр. Мурмино)	под Рязанью	ТСРО, с. 163	
Меря	Мерьская	бывший Егорьевский уезд	ПСРЛ, т. IX, с. 256	
Мещёра	Мещёра (терр.)	левобережье Оки		
	Мещёрская сторона	левобережье Оки	ПК, I, с. 44, 51, 254, 270, 383.	
	Мещёрская (д.)	левобережье Оки	ПК, I, с. 232.	
Мокша	Мокша (р.)	п.п. Оки	Смолицкая ГБО, 1976, с. 127	пос.Мокшан, (пенз.) пос.Мокша (морд.)
	Мокша (Мокшенское) (оз.)	в районе р. Вошка (приток Кишни)	Смолицкая ГБО, 1976, с. 127	

Древнерусские антропонимы в составе топонимов

В составе некоторых топонимов обнаруживаются архаичные антропонимы, что позволяет рассматривать и сами топонимы как возможные образования древнерусского периода.

Вослеба, с. и р. Первым документально фиксируется название села: в писцовых книгах XVI в. – с. ***Вослеба*** [ПК, I, с. 157], в списках XIX в. д. ***Вослиб*** (***Вослебы***), при р. ***Вослиб*** [Сп. 1862, с. 126], совр. с. ***Вослебово***, р. ***Вослебка***.

Топонимы связаны с именем *Ослебя.* Этот антропоним (в древнерусской орфографии «ѡслебѧ») известен по памятникам письменности – он упоминается в произведениях Куликовского цикла, в частности в «Летописной повести о Куликовской битве», «Задонщине», написанных в конце XIV в. (или не позднее начала XV в.). *Ослебя* – имя монаха, принимавшего вместе с братом Пересветом участие в Куликовской битве 1380 г. и погибшего в ней.

Позднее *Ослебя* (вариант *Ослябя*) неоднократно встречается в источниках XIV-XVI вв. в качестве личного имени или в составе фамилий жителей разных русских областей [Ономастикон, 1974], что говорит об известности данного антропонима и о необязательной связи рязанского топонима с героем событий на Куликовом поле, о чем гласит местная легенда, приводимая в Топонимической энциклопедии Рязанской области [ТЭРО]. Тем не менее, тот факт, что имя *Ослебя* было засвидетельствовано уже в конце XIV в., позволяет предполагать относительную древность связанного с ним гидронима ***Вослеба,*** позднее послужившего основой для образования аналогичного по форме ойконима, который письменно фиксируется в XVI в., то есть в то время, когда гидронимическая система региона была уже сформирована.

Несоответствие форм древнерусского антропонима и региональных топонимов: *Ослебя* – ***Вослеба***, ***Вослиб*** является отражением диалектных особенностей говоров юго-западной части Рязанского Поочья: протетическое *в* в начале слова, произношение корневого ударного гласного звука с артикуляцией средней между «и» и «е», то есть верхне-среднего подъема. Скорее всего, именно поэтому в XIX в. топонимы были записаны как ***Вослиб,*** с вариантом ***Вослебы,*** в форме которых при отсутствии окончания наблюдаем закономерное удлинение предшествующего гласного звука.

Отмеченные особенности характерны для украинского языка. Как известно, в этом языке гласный *е* в закрытых слогах, появившихся в результате утраты

слабых редуцированных, получил продление и подвергся переходу в *і*: рус. *печь* – укр. *піч*. Это обстоятельство не может не указывать на связь говоров юго-западной части Рязанской территории, где локализуются рассматриваемые топонимы, с территорией распространения украинского языка.

Кожемяк, оз. Название связано с древнерусским именем-прозвищем *Кожемяк*. Прозвища двусложной структуры характерны для территории Украины и считаются архаичными образованиями. В частности, имя *Кожемяк / Кожемяка* встречается уже в Повести временных лет под 992 годом записи как прозвание юноши, одолевшего в поединке печенега. По легенде, приводимой в тексте, в честь этого события город, заложенный на берегу Трубежа, где состоялась битва русских с печенегами, был назван Переяславлем, *«зане перея славу отроко тъ»* [«Сказание о Кожемяке», ДРЛ, с. 20-21].

В рязанской топонимии ***Кожемяк*** – название озера в районе правых притоков р. Мокши (п.п. Оки) [Атлас-2002, с. 132]. Модель, по которой построен гидроним, может быть отнесена к редким и нетипичным. В совр. Самарской обл. было известно селение ***Кожемяки*** (в 1959 г. переименовано в ***Первомайский*** [Поспелов, 2002, с. 326]).

Аналогичный прием использовался Ю.П. Чумаковой, которая находила в составе топонимов, оформленных традиционными формантами, древние славянские имена: д. ***Здемирева*** ← **Съдѣмиръ*; р. ***Черемысленка***, р. ***Жеремесленка*** ← **Жеримыслъ* [Чумакова, 1992, с. 62-63, 66-67].

3.1.4. Топонимы, указанные в средневековых документах как названия городищ, селищ и пустошей

Судьба древнейшего топонима Рязанского вел. княжества – ***Рязани*** – служит яркой иллюстрацией традиции сохранения особо значимых топонимов после утраты самого объекта, носителя имени. Однако эта особенность древнерусской топонимии распространяется не только на названия важнейших городов той или иной области, но и на названия рядовых поселений. В случае утраты поселения его название переходило на близлежащие объекты (поселения, водоёмы, поля)

или сохранялось в качестве названия городища, селища или пустоши, оставшихся на заброшенном месте. Впоследствии здесь вновь могло возникнуть поселение, и ему давали имя исчезнувшего города или села. Благодаря этому, в данном районе оним мог сохраняться в течение нескольких столетий.

Это подтверждает история отдельных древнерусских топонимов, которые точно локализованы и их соотнесенность с объектами не вызывает сомнений.

В частности, место уничтоженного летописного города ***Перевитска*** уже в источниках XVI в. называется ***Перевицким Городищем*** [ПК, I, с. 165], рядом с ним – ***Перевицкая*** *чернопосацкая земля*, ***Перевицкий*** *посад*, или ***Перевитцк*** *на посаде* [ПК, I, с. 165, 175, 178], свидетельствующие о том, что название города перешло на близлежащие объекты; позднее в том же районе возникает д. ***Перевицкий Торжок*** [Атлас-2002, с. 28].

В 1327 г. в ходе нашествий был разорен город Пронск, на оставшемся после него Пронском городище в 1536 г. был заложен новый город, перенявший старое имя ***Пронск*** [АКР, III, с. 61-63]. В современной топонимии сохранился ойконим ***Проне-Городище*** (поселение на л.б. р. Проня) [Гордова ТРО, 2010, с. 50].

В XIV в. в районе р. Глинка (приток Прони) существовала деревня, название которой письменно фиксируется только в конце XVI в., причем в качестве названия «пустоши, что была д. Митякино» [ПК, I, с. 214]. Существующая здесь в наши дни деревня тоже носит название ***Митякино*** [АКР, III, с. 43; Гордова ТРО, 2010, с. 51], а это значит, что на месте пустоши вновь возникло поселение, перенявшее историческое имя.

Полагаем, что появление географических терминов *городище, городец, городок, селище, пустошь* также было вызвано желанием сохранить память об утраченных поселениях, что и отражено в семантике лексем: *городище* «место, где раньше был город», *городец, городок* «место, где раньше было небольшое укрепленное поселение», *селище* «место, где раньше было сельское поселение», *пустошь* «запустевшее место».

При образовании топонимов термины использовались как самостоятельно, без дополнительных лексических и морфологических средств: д. ***Городище,***

д. ***Селище,*** так и в составе двучленных наименований с участием определений, по всей видимости, указывающих на имя старого поселения: д. ***Олпеевское Селище*** ← ***Олпеево***, с. ***Глебово Городище*** ← г. ***Глебов***.

Первая модель (в которой не сохранялось старое название) более характерна для городищ, вторая модель – для селищ, что объясняется относительной редкостью укрепленных поселений и массовостью поселений неукрепленных, сельских. Названия городов были хорошо известны, они долго сохранялись в памяти местного населения, а потому апеллятивы, используемые для обозначения заброшенных городищ, позднее ставшие географическими именами, не требовали конкретизации.

Названия данного типа, зафиксированные в писцовых книгах Рязанского края XVI в., представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Названия Городище, Городец, Селище в рязанской топонимии XVI в.

Топоним	Тип поселения в XVI в.	Местонахождение	Источник
Городище	Село	Окологородний стан	ПК, I, с. 21
Городище	Деревня	Перевицкий стан	ПК, I, с. 182, 252
Городище	Деревня	стан Старая Рязань	ПК, I, с. 252 253
Городище	Сельцо	Перевицкий стан	ПК, I, с. 169, 173
Городище Старое	Деревня	Ростиславский стан	ПК, I, с. 196
Городец	Село	Перевицкий стан	ПК, I, с. 189
Городец	Деревня	Каменский стан, на р. Исья	ПК, I, с. 61, 292
Селище	Деревня	Каменский стан	ПК, I, с. 60
Селище	Деревня	Моржевской стан	ПК, I, с. 206

В современной топонимии Рязанской области известно, по меньшей мере, 16 названий поселений (12) и урочищ (4) типа ***Городище*** (5), ***Городища*** (0/1), ***Городищи*** (1), ***Городок*** (3/3), ***Городец*** (1), ***Городецкое*** (2) [Гордова ТРО, 2010, с. 59; Атлас-2007, с. 131]. Известны также оз. ***Селище***, н.п. ***Селищи*** [Атлас-2007, с. 134].

В Таблицах 6 и 7, составленных по материалам средневековых писцовых книг, представлены отдельные топонимы двучленной структуры с участием терминов *городище, селище*.

Таблица 6. Названия древних городов в составе топонимов XVI в.

Топоним	Тип объекта в XVI в.	Источник	Восстановленный топоним
Глебово Городище	Село	ПК, I, с. 223	г. Глебов
Перевицкое Городище	Пустошь	ПК, I, с. 165	г. Перевитск
Селинское Городище (Дерть)	деревня, пустошь	ПК, I, с. 165	г. Сель / Селинск

Таблица 7. Названия древних сел в составе топонимов XVI в.

Топоним	Тип объекта в XVI в.	Источник	Восстановленный топоним
Горбцово (Горцовское) Селище	Деревня	ПК, I, с. 224-225	дер. Горбцова
Захаровское селище	Пустошь	ПК, I, с. 186	дер. Захарова
Ивановское Пронино Селище	деревня, пустошь	ПК, I, с. 212	дер. Ивана Пронина
Ивановское Селище Кортавого	Деревня	ПК, I, с. 58	дер. Ивана Кортавого
Княжное Селище	Деревня	ПК, I, с. 74	Княжное / Княжое
Кузнецово Селище	Деревня	ПК, I, с. 58	дер. Кузнецова
Литвиновское Селище	Деревня	ПК, I, с. 334	дер. Литвинова
Мачкино Селище	Деревня	ПК, I, с. 47	дер. Мачкина
Овсянкино Селище Болшово	деревня, пустошь	ПК, I, с. 212	дер. Овсянкина Болшово
Подлесово Селище	Деревня	ПК, I, с. 76	Подлесово
Селище Княжое	Пустошь	ПК, I, с. 328-329	Княжое
Селище Малаховское	Деревня	ПК, I, с. 206	дер. Малахова
Селище Романовское Побежимова	деревня, пустошь	ПК, I, с. 212	дер. Романа Побежимова
Селище Темирязевское	Деревня	ПК, I, с. 290	дер. Темирязева
Синяковское Селище	деревня, пустошь	ПК, I, с. 43	дер. Синякова
Смешковское Селище	Деревня	ПК, I, с. 333	дер. Смешкова
Толбузовское Селище	починок, пустошь	ПК, I, с. 132	дер. Толбузова
Урасово Селище	Деревня	ПК, I, с. 57	дер. Урасова
Часовое Селище	Пустошь	ПК, I, с. 113	Часовое

Топонимы данного типа следует воспринимать как рефлексы древнерусской и ранней средневековой топонимии, по которым могут быть восстановлены названия, утраченные к XVI в. Часто информация об этом дается в самом источнике в виде пояснения к названиям городищ, селищ и пустошей: *«…жеребей пу-*

стоши, что была д. Борисловле» [ПК, I, с. 183], *«…жеребей пустоши, что было сц. Борисловль»* [ПК, I, с. 168], *«…ч. пустоши, что была д. Шехавская»* [ПК, I, с. 169], *«жеребей пустоши Хлебни»* [ПК, I, с. 202], далее *«жеребей пустоши, что было с. Хлебня»* [ПК, I, с. 206].

Примечательно, что ряд подобных топонимов проходит «трехступенчатую» транстопонимизацию, сначала сохраняясь в названии селища, затем в названии деревни – уже в составном образовании с участием поселищного термина, и далее в названии пустоши, которое, как правило, передается при помощи конструкций типа: *«в пустоши, что была д. Княжное Селище»* [ПК, I, с. 74]. Эти сведения представляются весьма ценными в свете поставленной задачи реконструкции ономастической картины региона в условиях малочисленности письменных свидетельств.

Среди восстановленных описанным способом названий любопытен топоним ***Деревск / Деревск[а]***, зафиксированный в средневековых документах как название пустоши на месте деревни: *«... в пустоши в Деревску в Игнатовском»*, *«в пустоши в Деревску в Шпикулове»*, *«…в пустоши, что была д. Деревске»* [ПК, I, с. 153, 124, 123]. Топоним созвучен с этнонимом *дерева, древляне* и топонимом ***Деревска*** *земля*, ***Дерева*** («земля древлян»), упоминаемыми в Повести временных лет: *«Так же и те словене, что пришли и сели по Днепру и нареклись поляне, а другие – древляне, потому что сели в лесах»* [ПСРЛ, II, с. 5-6], *«И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань…»* [ПСРЛ, I, с. 53].

Соотносимость форм дает основание предполагать существование древних связей летописного славянского племени с рязанской территорией [Чумакова, 1992, с. 141]. Однако историческими, в том числе археологическими материалами эта версия не подтверждается, а имеющиеся лингвистические и ономастические материалы позволяют дать иное объяснение топониму.

По форме топоним представляет собой краткое относительное прилагательное, по всей видимости, согласованное с формой детерминатива и изменяемое вместе с ним в косвенных падежах, что мы наблюдаем и в других примерах: *«близ града Боровска»* (1477 г.) [ПСРЛ, XXV, с. 309], *«в селе Караевску»*, *«в деревне в Коробьинску»* (XVI в.) [ПК, I, с. 118, 124].

Апеллятив *деревьскъ,* очевидно, дериват от *дерева* «леса», то есть ***Деревск*** (из ****Деревьскъ***) – «находящийся в лесу, лесной, окруженный деревьями» (что сопоставимо с ***Боровск***). Апеллятив был известен новгородским диалектам (с ним, в частности, связано имя ***Деревской*** *пятины* в Новгороде [Смолицкая, 2002, с. 86]). География распространения лексемы могла включать и иные территории, в том числе рязанскую, где, помимо отмеченного топонима, известен гидроним ***Деревато́е*** (оз.), который логично объяснить как «озеро, берега которого в отдельных местах поросли лесом» (рядом озеро ***Колчева́тое***). Ср. также: белорусский топоним ***Деревная*** (близ Гродно) [Атлас АДР, 2002, с. 218, Б2], восходящий к диалектизму со значениями «поросшая деревьями», «окруженная деревьями» [ЭССЯ, 4, с. 210-212].

Модель с формантом *-ьск,* которой соответствует рассматриваемый топоним, в древнерусский период известна преимущественно в названиях городов, что дает основание предполагать, что ранее имя могло принадлежать укрепленному поселению, разрушенному или заброшенному по какой-то причине. Как и в описанных выше случаях, на месте пустоши позднее вновь было образовано поселение, уже в 1676 г. оно значится в окладных книгах как деревня ***Деревска*** [ИСО, II, с. 346]. И на этой стадии транстопонимизации оним сохраняет застывшую исходную форму краткого прилагательного, хотя в русском языке эти формы были уже утрачены. В современной топонимии, несмотря на исчезновение поселения, топоним сохраняется в виде названий урочища и развилки ***Дерьвинск, Дервинск*** (1995 г., 2002 г.) [Гордова ТРО, 2010, с. 19]. Временна́я устойчивость топонима, даже в группе микротопонимов, заставляет видеть в нем древний и регионально значимый элемент топонимической системы.

3.1.5. Топонимы, локализующиеся в зоне концентрации ранних названий

Важным датирующим признаком является топонимическое окружение. В каждом регионе обнаруживаются районы концентрации названий, объединенных общим признаком, который позволяет говорить и о едином времени их появления. Топонимы, находящиеся в таких зонах, могут быть рассмотрены как воз-

можные элементы тех же хронологических пластов, при отсутствии противоречий лингвистического плана (например, очевидный современный облик имени: пос. Фабричный, пос. Госплемстанция, находящегося в районе сосредоточения средневековой топонимии). Это положение основано на том, что районы, хорошо обжитые к определенному моменту, характеризуются и высокой степенью ономастической освоенности. Она проявляется в наличии сформированного топонимикона данной местности, в широком круге объектов, вовлечённых в процесс номинирования (поселения разных типов, реки, леса, поля), в известности и небольших по размеру объектов, имеющих собственные названия (овраги, лоски, дороги, рощи, затоны, участки реки и проч). Все это свидетельствует о том, что территория освоена и используется человеком.

На топонимическое окружение обращают внимание многие исследователи, используя его как дополнительный аргумент в подтверждении древности того или иного топонима или справедливости предлагаемой трактовки. В частности, в «Топонимическом словаре Центральной России» при объяснении топонима ***Елатьма*** отмечается, что оним не имеет надежной этимологии, но тот факт, что он «находится в окружении мордовской гидронимии на -лей, -ляй», дает основание полагать, что и рассматриваемый топоним может иметь мордовское происхождение [Смолицкая, 2002, с. 102-103]. Рассматривая гидроним ***Нахабна***, Ю.П. Чумакова прежде всего отмечает, что «рядом размещена целая группа старых славянских названий: ***Хвалиж, Грустынь, Белыничи, Любобужа*** и др.», далее лингвистическими методами доказывается архаичность структуры и названия протекающей по данной местности реки [Чумакова, 1992, с. 108].

В исследуемом регионе выделяется несколько зон концентрации названий древнерусского типа, обусловленных историческими причинами. Для восстановления ономастической картины прошлого важным представляются следующие положения: 1) при скоплении в локальной зоне ойконимии древнерусского типа и другие названия данного района могут иметь ранний характер; 2) ойконим, возникший в древнерусский период, указывает на известность в тот же период и названия реки, на берегу которой основано поселение.

В соответствии с этими положениями к древнерусскому пласту может быть отнесен, в частности, ойконим ***Ужалье***, находящийся рядом с уже рассмотренными нами топонимами ***Рязань*** (совр. ***Старая Рязань***), **Серебрянь*, ***Исады***, ***Устрань***, ***Городец***. Ойконим соотносится, с одной стороны, с архаичной моделью типа ***Болонье*** (образования на базе географических апеллятивов), с другой – с апеллятивами от др.-р. *жало* (дериваты *ужаливать* «жалить, ранить жалом», *ужáленье, ужал* известны в русских говорах [Даль, IV, с. 291]). Можно отметить также семантическую общность названия с топонимом ***Добрый Сот***, известным по памятникам письменности с 1207 г. и отражающим занятия местного населения бортничеством.

Второе положение о связи названий поселения и реки иллюстрируют два смежных топонима: ***Треполь*** и ***Кудесна***. Поселение Треполь расположено у истока реки Кудесны. Оба топонима соответствуют архаичным моделям, в связи с чем были рассмотрены нами как возможные составляющие древнерусского ономастического пространства региона. И река и поселение располагаются в относительном удалении от других поселений древнерусского времени, что говорит о самостоятельности названий и взаимообусловленности их появления.

Нельзя обойти вниманием гидронимическое окружение столицы Рязанского вел. княжества. В этом районе известны названия рек и ручьев: ***Студенец, Ряса, Марицань, *Серебрянь*** (совр. ***Серебрянка***), которые упоминаются уже в средневековых памятниках деловой письменности [Смолицкая ГБО, 1976, с. 185].

Марицань – гидроним заслуживает особого внимания, прежде всего в силу нетипичности морфемного состава. Формантная характеристика двояка. С одной стороны, мы видим тот же формант, что и в гидрониме ***Листань*** (названия, построенные по этой модели, мотивированы природными особенностями денотатов), с другой стороны, внутри гидронима – формант *-ица*, который ставит название в один ряд с топонимами распространенного в регионе древнерусского типа ***Брынец, Брыница***, где, отражая природные особенности именуемого объекта, формант одновременно указывает на его малые размеры. Действительно, рассматриваемый гидроним является названием ручья, текущего по одной из балок

густой овражой сети, не являясь притоком какой-либо реки и не воспринимаясь как река, но при этом имея значительную (для ручья) протяженность. По всей видимости, именно это обстоятельство (нетипичность объекта) и повлияло на построение топонима по принципу «нанизывания морфем», при котором оба форманта, обладая собственной семантикой, в определенной степени дублируют значения друг друга.

Семантика корневой части, скорее всего, связана с понятиями «сырость, влага», что, с одной стороны, вытекает из географических особенностей местности и поддерживается смежными гидронимами: ***Ива***, ***Студенец***, ***Ряса***, с другой стороны, соотносится с имеющими трактовками аналогичных топонимов. Так, болгарский гидроним ***Марица*** возводят к древнему ***Meritus***, служившему названием нижнего течения реки, которое при впадении в Эгейское море образовывало заболоченную дельту, и объясняют через фрак. *mari* «море, болотистая местность» [Поспелов, 2002, с. 260]; новую форму – ***Марица*** – болгарский гидроним принимает только в XII в., по всей видимости, она является славянским преобразованием древнего названия. Поскольку речь идет о территории древнего славянского мира, можно предполагать влияние данного гидронима на общеславянскую топонимию. Населенные пункты ***Марица*** известны в современных Курской и Брянской областях. Первый располагается на л.б. р. Прутище (приток Сейма), второй – в районе притоков р. Снов (п.п Десны) [ЕИС «Топонимия России»; Атлас АДР, с. 112, В3; с. 111, Б4]. Рязанский гидроним ***Марицань*** не только локализуется в районе многочисленных сырых балок Спасской Луки, изобилующих родниками и ручьями, но и имеет дельтовидную форму. Все указанные обстоятельства могут свидетельствовать о переносе известного в славянской топонимии образца гидронима ***Марица*** на объекты, схожие по форме и расположению, с позднейшим дооформлением продуктивным в регионе формантом *-ань* (ср. форму названия протекающей рядом реки ***Серебрянь***).

Бесспорный интерес в свете изложенного принципа временно́го сопоставления названий одного района представляет и гидронимия Переяславля Рязанского, известного (по памятникам письменности) с нач. XIV в. и ставшего после

уничтожения Рязани политическим и культурным центром Рязанского княжества. Территориально с современным городом связаны реки ***Трубеж, Лыбедь, Плетена*** (***Плетеная***), ***Дунайчик*** (***Дунаец***), ***Кальная, Песочня*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 164-165]. Все перечисленные гидронимы либо имеют прямые соответствия в топонимии территорий более раннего славянского расселения, либо соотносятся с архаичными славянскими топонимическими моделями, что в совокупности свидетельствует об их принадлежности одному хронологическому пласту в топонимической стратиграфии Среднего Поочья.

3.2. Иная информация, важная для реконструкции

3.2.1. Корректировка этимологических версий

Несмотря на то, что этимология имени собственного в большинстве случаев остается на уровне гипотезы, некоторые этимологические версии могут быть скорректированы данными ономастики, например, путем привлечения типологической характеристики [Суперанская и др., 2009, с. 78-80].

В числе топонимов, имеющих неоднозначное или недостаточно аргументированное объяснение, остаются, в частности, рязанские ойконимы: ***Переяславль***, ***Рязань, Ижеславец***, ***Казарь***, ***Свинеск, Ужеск, Торческ, Ранова***. Первые два названия в разные годы становились предметом рассмотрения многих авторов, но, несмотря на это, надёжного объяснения происхождения этих топонимов до сих пор нет. Дополнительным аргументом в подтверждении или опровержении имеющихся версий может стать установленный банк ономастических моделей региона древнерусского периода.

Для топонима ***Переяславль*** существует две гипотезы. Первая связывает его с антропонимом ***Переяслав*** («перенять» + «слава») и, таким образом, с номинацией, отражающей связь поселения с неким человеком. Вторая – с сочетанием «перенявший славу», очевидно, отражающим историю возникновения города (предполагается, что он перенял славу Рязани, разоренной в 1237 г. Батыем).

Топоним как прецедент упоминается в Повести о взятии Олегом Царьграда, рассказывающей о событиях 907 г., в форме ***Переаславль*** [ПВЛ, ДРЛ, с. 10], таким образом, уже в это время была известна такая модель образования названий поселений.

В Сказании о Кожемяке представляют интерес сведения о времени основания города (Переяславля Южного) – 992 г. – и о событиях, предшествующих этому. Речь, в частности, идет о пятом, младшем, сыне одного человека – Кожемяке, который, обладая удивительной силой, сразился в поединке с печенегом и победил его, *«Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродъ томъ и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко тъ»* [ПВЛ, ДРЛ, с. 20-21]. Личного имени героя сказание не называет, *Кожемяк[а]* – очевидно, дополнительное имя, данное по роду занятий. То есть согласно сообщению летописи топоним связан не с эпонимом – именем реального человека, а с фактом обретения (перенятия) славы храбрым воином. Однако подобный принцип номинации древнерусской ойконимии неизвестен, и, скорее всего, приводимая в Повести временных лет легенда – один из примеров «народной этимологии», оказывающей значительное влияние на восприятие названий и в наши дни.

Модель, которую представляют топонимы ***Ростиславль, Ярославль, Дедославль, Бориславль*** и под., даёт все основания говорить о том, что и топоним ***Переяславль*** связан с личным именем, образован при помощи форманта *-jь*, выражающего принадлежность называемого объекта данному лицу.

Форма антропонимов со *-слав* в древнерусский период была особенно продуктивной. Это доказывает хотя бы тот факт, что из 12 сыновей киевского князя Владимира семеро носили имена данного типа (кон. X в.) [ПСРЛ, т. 38, с. 55]. Типологический ряд антропонимов, составленный по материалам древнерусских памятников письменности [ПСРЛ, т. II, с. 265; т. XXXVIII, с. 55; ДРЛ, с. 20], включает следующие имена: *Болеслав, Воротислав, Вышеслав, Вячеслав, Гориславъ, Изеслав (Изяслав), Мечислав, Мстислав (Мьстислав), Святослав, Станиславъ, Судислав, Ярославъ.*

Таким образом, морфема *-слав* является типичной для антропонимии, а в топонимии она, скорее всего, вторична. От антропонима при помощи специального суффикса образовывались притяжательные прилагательные, затем географические имена, показывающие принадлежность объекта данному лицу.

Та же модель помогает восстановить происхождение топонима ***Ижеславль***, или ***Изеславль***, с которым связан упоминаемый в Повести о разорении Рязани Батыем ***Ижеславец***, а именно соотносить его с антропонимом *Изеслав*, который в составе «вторичного» топонима присутствует в измененной форме. *Изеслав* – сын ряз. вел. князя Владимира, имя которого упоминается в летописи под 1194 г. В 1217 г. вместе с другими своими сородичами Изеслав был предательски убит братом Глебом [Свод лет. Ряз., с. 96, 126].

В отличие от имени *Изеслав,* антропоним *Переяслав* не зафиксирован в известных памятниках письменности, и этот факт часто используется в качестве контраргумента версии происхождения топонима ***Переяславль*** по описанной модели. Однако отсутствие антропонима в летописях не может являться доказательством его нереальности, так как на страницы документов не попало множество нарицательных и собственных имён. На определенные размышления наводит топоним ***Предъславино*** (сельцо на речке Лыбеди под Киевом), упоминаемый в Повести временных лет под 980 годом записи [ДРЛ, с. 20]. Если возводить его, по аналогии с летописным объяснением происхождения топонима ***Переяславль***, к сочетанию «предшествующий славе», то гипотетически можно говорить о существовании топонимической модели, отражающей неизвестный нам принцип номинации, так или иначе связанный с военными эпизодами жизни князей и княжеств.

Относительно происхождения топонима ***Рязань*** выдвинуто около 15 версий. Не разбирая подробно каждую из них (обзоры существующих точек зрения, с различными авторскими комментариями, даны в Топонимическом словаре Центральной России, Топонимическом словаре Рязанской области; см.: [Смолицкая, 2002, с. 294-296; ТСРО, с. 224-229]), рассмотрим лишь те, которые, в свете полученных в ходе исследования материалов, кажутся нам наиболее и наименее убедительными. В общих чертах характеризуя различные направления толкований

этого топонима, отметим, что почти все они были связаны с поиском созвучных слов, редко подкреплялись сведениями о характере топонимического окружения, и почти никогда в качестве аргумента не использовались (или использовались крайне редко) знания об общерусских и региональных топонимических моделях, особенностях апеллятивной и топонимической лексики, принципах номинации, актуальных для того времени, когда предположительно возник топоним Рязань.

Одна из версий связывает топоним с мордовским словом *рузонь* (разг. вариант *рузань*) «русский», на основании этого трактуя его как «поселение русских в мордовской земле». Известно и противоположное объяснение топонима через этноним *эрзя* и якобы первоначальную форму ***Эрзянь***, то есть «поселение эрзи в русской земле». Однако эти гипотезы никак не согласуются с традициями древнерусской ономастики. Известно, что каждый народ формировал вокруг себя собственное ономастическое пространство, этот постулат в полной мере относится и к славянам, осваивавшим в I тысячелетии н.э. новые земли. Анализ региональных топонимов, упомянутых в общерусских памятниках письменности, подтвердил, что новое население Среднего Поочья пользовалось преимущественно своими названиями: из 60 летописных рязанских топонимов (всех разрядов) – славянские (древнерусские) составляют около 85 %. В разряде ойконимов процентное соотношение собственных названий к заимствованным близко к 100 %.

В этой связи представляется маловероятным, что название главного города славянского населения могло быть связано с неславянским апеллятивом (то есть возникнуть на основе мордовского языка) или с эрзянским этнонимом (возможность последнего опровергается и историческими данными).

Сомнительна и связь древнего топонима с диалектизмом *рязань* «дикая яблоня», «плоды дикой яблони» [ТСРО, с. 226-227]. Сопоставление с топонимами ***Берёзовец, Дубечен, Дубок***, отражающими местную флору, в качестве подкрепления данной теории вряд ли возможно, так как все приведенные названия, несмотря на семантическую общность, имеют разное формантное оформление, то есть представляют разные топонимические ряды, и, по крайней мере, два из них зафиксированы в памятниках письменности относительно поздно – в кон. XIV в.,

а речь идёт о самом раннем по времени фиксации ойкониме Среднего Поочья, по всей видимости, отражающем и более раннюю модель. Использование в качестве апеллятивов названий плодовых деревьев вообще нетипично для региональной топонимии. Если, по сведениям ТСРО, упоминание диалектного названия диких яблонь, мелких яблок, которыми была богата Рязанская губерния, относится к рубежу XVIII-XIX вв., то более вероятно, что сам диалектизм возник на базе регионального географического названия в результате его детопонимизации (сорт яблок ассоциировался именно с Рязанским краем).

Объяснение апеллятива *рязань* как «отрезок, кусок», а возникшего на его основе топонима как «отрезанная земля» (от других славянских территорий; эту версию поддерживает ряд историков [ТСРО, с. 226]) не подкрепляется ни материалами исторической лексикологии: как справедливо отмечено в ТСРО, такая лексема не зафиксирована в памятниках письменности «в подобном отвлеченном значении» [ТСРО, с. 226], – ни ономастическими материалами: абстрактная и метафоричная лексика не использовалась при создании имён для славянских поселений раннего периода, ойконимические апеллятивы носили вполне конкретный («бытовой») характер. К тому же маловероятно, что такое название месту проживания могло дать постоянное население, осмыслив себя населением «отрезанной» земли, а название, данное извне – жителями других областей, вряд ли могло прижиться.

По формальным признакам топоним ***Рязань***, а вместе с ним и ***Казарь*** могут быть сопоставлены с тремя моделями, актуальными в регионе в древнерусский период: 1) с моделью, образованной морфологически от основы антропонима, 2) с моделью, образованной без дополнительных морфологических средств от гидронима, 3) с моделью топонимов на *-ань, -янь, -ень*, мотивированных физико-географическими особенностями объекта или местности. Таким образом, они могут входить либо в топонимический ряд: ***Степань, Ивань, Хороборь***, ***Добрынь***, либо в топонимический ряд: ***Лебедянь, Листань, Березань, Марицань, Серебрянь*** (включающий и вторичные образования: ойконимы, образованные от гидронимов: с. ***Листань*** ← р. ***Листань***). Структурная близость моделей, отражающих

разные принципы номинации (связь поселения с человеком, рекой или природными особенностями объекта или местности) затрудняет выявление производящей основы: у ойконима ***Казарь*** – гидроним ***Казарь*** или антропоним *Казар*, у ойконима ***Рязань*** – гидроним ***Рязань***, антропоним *Рѣзанъ* или географический термин (апеллятив) в форме краткого причастия от др.-русск. *рѣзати*.

В гидронимии Поочья известны гидронимы ***Казарь, Рязань***, но территориально они никак не связаны с рассматриваемыми ойконимами: ***Казарь*** (п.п. р. Коща, район левых притоков Жиздры), ***Рязань*** (л.п. р. Теребинка, район левых притоков Осетра) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 30, 154]. Несколько топонимических гнезд с *козар-* находится в Тульской области: ***Козаровская*** *пустошь*, ***Козаровский*** *верх*, р. ***Козарь***, д. ***Козарь*** при р. ***Козарка***; с. ***Козарь*** (при р. Неручь, близ Новосиля) [Приходы и церкви Тульской епархии, 2010, с. 56].

В древнерусской антропонимии известно имя *Казар* (*Казарка, Казарин*). Возможно существование и имени *Резан* [др.-русск. *Рѣзанъ*]: форма этого гипотетического имени сопоставима с формой древнейших русских антропонимов, в частности, образующих стройный ряд с формантом *-ан: Бабан, Басан, Батан, Белан, Букан, Булан* (варианты имен с традиционными антропонимическими основами *баб-, бас-, бат-, бел-, бук-, бул-*), по материалам А.В. Суперанской [Суперанская и др., 2009, с. 70].

Одно из возможных значений имени *Резан* (**Рѣзанъ*) – «вырезанный из чрева матери». Такая этимология была впервые предложена М. Фасмером и позднее поддержана О. Н. Трубачёвым [ТСРО, с. 224-229]. В этом случае именная основа сближается с др.-р. *рѣз-* (*рѣзати*). Возможно и другое объяснение имени, связанное со вторым значением древнерусского глагола – «сечь», то есть «изрезанный, посеченный (в бою), с резаными ранами».

Трудности этимологизации неканонического имени, однако, никак не влияют на степень вероятности отантропонимического происхождения топонима: с учетом всего вышеизложенного и прежде всего того факта, что номинация поселений по имени человека была в древнерусский период в регионе одним из са-

мых распространенных типов называния, происхождение топонимов ***Рязань*** и ***Казарь*** от соответствующих антропонимов представляется вполне возможным.

Вероятность второй версии происхождения – от географического апеллятива с основой *рѣз-* – тоже достаточно высока. В этом случае название может отражать особенности рельефа местности близ древнего города – «резанная, изрезанная (оврагами, ручьями, балками)», но обоснованность такого объяснения может быть подтверждена только путем привлечения географических сведений (этому вопросу посвящена Глава 4).

Таким образом, типологическая характеристика топонима ***Рязань***: соответствие его структуры двум типологическим рядам древнерусской топонимии, – позволяет выделить из всех версий его происхождения две наиболее вероятные: от личного имени *Резан* (**Рѣзанъ*), данного при рождении («вырезанный из чрева») или взрослому человеку («израненный, со шрамами от резаных ран») или от апеллятива со значением «изрезанная оврагами». Для топонима ***Казарь*** наиболее предпочтительной оказывается версия происхождения от личного имени.

Другая группа названий с неясным происхождением – ***Свинеск, Ужеск, Торческ*** – может быть объяснена с учетом другой продуктивной в топонимии Рязанского княжества модели, которую представляют ойконимы ***Пронеск, Нерильск*** и под., связанные со смежными гидронимами и объединенные общим формантом *-ьск* (*-еск*). Местонахождение исчезнувших рязанских городов ***Свинеск, Ужеск, Торческ*** неизвестно, а это означает, что поиск гидронимов, с которыми они могут быть сопоставлены, это одновременно и попытка локализации древнерусских ойконимов.

В бассейне Осетра обнаруживается река ***Свинка***, п.п. р. Полосня (совр. Тульская обл.) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 157], с данным гидронимом (в его первоначальной форме ****Свина***), очевидно, и был связан ойконим ***Свенеск***. Отметим также, что река ***Свина*** (***Świna***) известна в Польше [Поспелов, 2002, с. 372]; поселение, одноименное рязанскому, упоминается в числе древнерусских городов Волынской земли. Сам гидроним, скорее всего, имеет балтийское происхождение.

Летописный ***Ужеск*** может быть соотнесен с гидронимом ***Уда***, принимая во внимание, что *д* > *ж* перед *ь* (*е*). В записи под 1207 г. Воскресенской летописи, в которой упоминается ойконим, содержатся ориентировочные данные: *«Тогда же посла великый князь полк свой к лодьям, по корм, на Оку, и пристави к ним Олга Володимерича; и бывшим им в Ужеска, бысть им весть, оже вышел из Рязани Роман Игоревичь с полком и бьеться с лодейникы у Олгова»* [Воскр. Лет., ПСРЛ, т. I, с. 181-182; Свод лет. Ряз., с. 107]; то есть Ужеск находился между Пронском (откуда вышел полк вел. князя) и устьем Прони, где стоял Новый Ольгов. В этом районе и следует искать гидроним ***Уда***. Единственная река с таким именем известна среди левых притоков р. Лукмос в бассейне Рановы (п.п. Прони) [Гордова ТРО, 2010, с. 13].

Летописный ***Торческ*** может быть сопоставлен с гидронимом, зафиксированным в средневековых писцовых книгах, очевидно, уже в измененной форме – ***Торкенка***: *«…полд. Торкиной на речке на Торкенке»* [ПК, I, с. 353]; с закономерным переходом *к* > *ч* перед *ь* (*е*) в ойкониме.

Уточнить этимологию гидронимов ***Венева***, ***Ранова*** помогает структурный ряд топонимов на *-ова*, представленный многочисленной группой в гидронимии Правобережной Украины. Часть из них В.Н. Топоров и О.Н. Трубачёв интерпретируют как раннеславянские, а часть – как более поздние русские образования [Трубачёв, 1968, с. 16; Топоров, Трубачёв, 1962, с. 155]. Рязанские топонимы были известны уже в XIV и XV вв., что подтверждено документально. Структура гидронимов Правобережной Украины ***Вадова, Дедова, Радова*** и под. дает основание видеть в них поссесивные образования (согласованные с формой женского рода детерминатива *река*) с типичным суффиксом притяжательных прилагательных *-ов-*, восходящие к славянским антропонимам с основами *Вад-, Дед-, Рад-*. На основании структурной близости возможно возведение ***Ранова*** к антропонимической основе *Ран-*, ***Венева*** – к антропонимической основе *Вень-*.

Что касается предполагаемой связи второго гидронима с праславянской основой **vепъ*, то в этой версии как раз и смущает возможность оформления ее суффиксом *-ов-*, не характерным для названий, мотивированных природными

особенностями называемого объекта. Другие гидронимы, также связываемые с данной основой, имеют иную структуру: ср. в бассейне Оки ***Венка, Веноша*** [Солицкая ГБО, 1976, с. 89, 222]. Сближение гидронима с апеллятивной основой оправдано, если его форма является вторичной, измененной и представляет собой результат фонетического приспособления перенесенного из бассейна Вислы онима ***Венява*** (***Wieniawa***). Для гидронима ***Ранова*** предлагается и балтийская версия происхождения, она подробно рассматривается в Главе 5 «Топонимические ареалы».

3.2.2. Установление локализации утраченных топонимов

На примере древнего Перевитска нами было показано, что основа утраченного топонима часто сохранялась в названиях близлежащих объектов или объектов, возникших на месте старого селения. ***Перевицкое Городище***, ***Перевицкий*** *посад*, ***Перевицкая*** *земля*, стан ***Перевицкий*** – все эти названия были хорошо известны и в XVI в., хотя сам город ***Перевитск*** к этому времени уже перестал существовать.

Исследование средневековой топонимии Рязанской земли показывает, что значительная часть ранних названий оказала воздействие на смежную топонимию, о чем свидетельствуют производные топонимы и топонимические гнёзда: р. ***Полотебна*** – овр. ***Полотебенской***; р. ***Полотебна*** → с. ***Полотебна*** (совр. ***Полотебное***), д. ***Полотебна***, овр. ***Полотебенской***, р. ***Малая Полотебна***, реки ***Полотебна Сухая*** и ***Мокрая***, 7 небольших объектов с названиями ***Полотебенской*** (***-ая***), ***Полотебной*** [Гордова, 2006, с. 129-130]. Эти названия могут указывать на местонахождение самого раннего объекта, даже в случае его утраты.

Еще одним важным источником информации об утраченных топонимах является народная память, которая часто хранит сведения о значимых исторических событиях и объектах, не зафиксированных в официальных материалах. Примером этого может служить история поиска местонахождения летописного города ***Ижеславец***. Проводя раскопки древнерусского городища вблизи современного села ***Ижеславль***, основанного не ранее XVIII в. и носящего тогда имя ***Новорождественно***, археолог А.Л. Монгайт обратил внимание на то, что местное население

именует село ***Ижицкие***, или ***Жеславские выселки***, в разрез с официально принятым названием. Этот факт послужил для исследователя основанием для соотнесения изучаемого древнерусского города с летописным топонимом [Монгайт, 1961, с. 219]. Позднее эта версия получила допонительные аргументы. Сегодня большинство исследователей идентифицируют археологический памятник на р. Проня с городом ***Ижеславец***, упоминаемым в «Повести о разорении Рязани Батыем».

Названия археологических памятников действительно могут стать интересными источниками информациями, в том числе в решении вопроса локализации утраченных топонимов. При этом ранее они (названия археологических памятников) никогда не становились объектом изучения ономастов, хотя представляют собой отдельную группу собственных имен со своими традициями присвоения и устоявшимися моделями.

Названия археологических памятников являются условными. Они присваиваются древним поселениям и другим объектам в момент открытия для идентификации и паспортизации. В большинстве случаев за основу именования берется имя близлежащего поселения. Если рядом с одним поселением открыто несколько памятников, к условному имени добавляется цифровое обозначение, например: *Мшанка I, Мшанка II*.

Однако имена такого рода присваиваются памятникам не всегда. В ряде случаев основой именования служит как раз информация, сохраненная в народной памяти, в преданиях и легендах данной местности. Как и в истории с Ижеславльским городищем, не последнюю роль при выборе имени играют предварительные знания о районе раскопок и научная интуиция.

Такое происхождение имеют, в частности, названия ряда древнерусских городищ: *Ново-Ольговое городище* (близ с. Никитино Спасского р-на) – сохраняет название ***Нового городка Ольгова***; *Борисоглебское городище* (у с. Вакино Рыбновского р-на) – сохраняет название города ***Борисова Глебова*** [АКР, 1, с. 31-33].

В соответствии с традициями русской ономастики в условных наименованиях древних поселений традиционно используют термины *городище, селище*,

хотя в данном качестве они приобретают, скорее, узкоспециальное значение и служат для обозначения типа археологического памятника.

Таким образом название утраченного поселения может стать названием археологического памятника и продолжить свою историю уже в таком нетрадиционном качестве.

Производные топонимы, сохранившиеся топонимические гнезда, народные названия географических объектов, условные наименования археологических памятников помогают установлению локализации утраченных названий и нанесению их на карту. Ниже представлены результаты сопоставления отдельных летописных названий Рязанского вел. княжества (и локализованных, и нелокализованных) с известными названиями регионального и общероссийского топонимического фонда, а также названиями археологических памятников (см.: Таблица 8). Данные таблицы подтверждают и развивают положение, сформулированное в ходе анализа ономастического материала, содержащегося в памятниках древнерусской письменности, о непрерывности ономастических традиций как одной из главных историко-культурных традиций русских.

Таблица 8. Летописные топонимы и сопоставимые с ними топонимы из регионального и общероссийского банка имён

Летописный топоним	**Топонимы из регионального и общероссийского банка имен**	**Источники. Примечания**
Белград	Белогородский (л.б. р. Полосня, близ устья р. Свинка, Тульская обл.)	Атлас-2002, с. 58. Город соотносят с *Лубянским городищем.*
Воин[?] (Воин, Воино)	Воинское озеро (XVI в.) (п.б. Оки)	ПК, II, с. 446, 447.
Глебов	1) с. Глебово-Городище (л.б. р. Вожа)	Атлас-2002, с. 44.
	2) с. Глебово (л.б. р. Листвянка, п.п. Оки)	Атлас-2002, с. 46-47.
Зареческ	с. Заречье (п.б. р. Проня)	Атлас-2002, с. 65; Гордова ТРО, 2010, с. 8-9. На другом берегу реки – летописный *Добрый Сот*; в Рязанской области известны еще 7 подобных названий.
Ижеславец	с. Ижеславль (л.б. р. Проня) Ижицкие (Жеславские) вы-	Гордова ТРО, 2010, с. 45. Рядом урочище *Городок*.

	селки	
Казарь	с. Казарь (Рязанский р-н) оз. Казарское перекаты Нижний Казарский, Верхний Казарский	Атлас-2002, с. 47.
Колтеск (Кулатеск)	р. Колкова (XVI в.; Каменский стан, у д. Горлово)	ПК, I, с. 265.
	с. Колтово (п.б. Оки)	Свод лет. Ряз., с. 438.
Корнике	н.п. Карники (л.с. р. Шат, л.п. р. Дон; Тульская обл.)	Атлас АДР, 2002, с. 91.
Листань (река)	р. Листвянка (п.п. Оки)	Атлас-2002, с. 47.
Нерилск (Нериньск, Нериньск)	1) оз. Неринское, проток Неринский (п. Оки, под Каширой)	Цепков, 1996, с. 490.
	2) Нельское (Нерское) (первоначальное, до XIV в., название с. Шилово)	Смолицкая, 2002, с. 391.
Олгов (Старый Ль[в]ов)	с. Льгово (п.б. Оки)	Атлас-2002, с. 47.
Пронеск	с. Проне-Городище (л.б. р. Проня) с. / р.п. / пгт. Пронск (л., п.б. р. Проня)	Гордова ТРО, 2010, с. 7, 50, 65.
Ростиславль	стан Ростиславский (XVI в.), д. Ростиславль (под Зарайском, Моск. обл.)	ПК, I, с. 162, 190; Свод лет. Ряз., с. 423.
Рязань	с. Старая Рязань (п.б. Оки) Старорязанские Дворики (под Спасском)	Атлас-2002, с. 65, 66.
Свинеск	р. Свинка (п.п. р. Полосня, п.п. р. Осетр)	Атлас-2002, с. 58. Рядом пос. Белогородский.
Тешилов	с. Спас-Тешилово (XIX в.) (в 40 км от Каширы)	Свод лет. Ряз., с. 438.
Торческ	1) р. Торкенка, д. Торкина (XVI в.) (в районе р. Алешня, п.п. Прони, Каменский стан)	ПК, I, с. 353.
	2) пустошь Торчково (XVI в.) (Пехлецкий стан)	ПК, I, с. 129.
	3) Торчино (в районе р. Кишня, левобережье Оки)	Атлас-2002, с. 48. Рядом Городец, Ужалье.
	4) Торчинская дорога	Цепков, 1996, с. 490.
Ужеск	р. Уда (п.п. р. Лукмос, п.п. р. Мостья, притоки Рановы)	Гордова ТРО, 2010, с. 13. Город соотносят со *Столпинским городищем.*

Урюпеск	городок Урюпин (1618 г.), совр. Урюпинск (на р. Хопёр; Волгоградская обл.)	Атлас АДР, 2002, с. 127; СГН, с. 259; Поспелов, 2002, с. 434.
Шилов	пос. Шилово	Атлас-2007, с. 67 Б3.

Данные таблицы показывают, что в отдельных случаях названия могут быть сопоставлены с топонимами или топонимическими гнездами, которые локализуются в разных, порой удаленных друг от друга районах, поэтому полученные лингвистические данные должны быть прокорректированы археологическими или историческими материалами.

3.3. Антропонимы, восстановленные из состава топонимов

Ограниченность сведений по региональной антропонимии в ранних памятниках письменности заставляет искать новые источники, которые бы позволили расширить имеющийся список древнерусских антропонимов. Одним из таких источников является региональная топонимия, на основе которой древнерусские имена могут быть восстановлены.

Восстановление антропонимии возможно благодаря существованию в древнерусской ономастике, и это было показано выше, принципа номинации географических объектов по имени человека и образованной в соответствии с данным принципом группе топонимов антропонимического происхождения.

Анализ этой группы позволяет реконструировать отдельные антропонимические элементы при условии древности как самого топонима (установлена архаичность его формы либо известна ранняя дата возникновения), так и лежащего в его основе имени (имя не засвидетельствовано в антропонимических списках, т.е. не известно науке, или имя известно как славянское или древнерусское, и оно имеет хронологически ограниченную историю).

Часто однотипные топонимы соотносятся с одним типом антропонимов, образуя собственный ареал, что также может быть учтено при восстановлении. Так, в частности, такое единство моделей обнаруживают названия на *-jь* и антро-

понимы, имеющие в исходе *-ыня*, типа *Добрыня*, топонимы типа ***Ранова Поляна*** и антропонимы двухслогового состава типа *Ранъ / Рано*.

Как и в случае с реконструированным именем *Резан* (**Рѣзанъ*), восстановление исходной формы имени иногда проблематично, так же, как и его этимологизация. Как отмечает в этой связи А.В. Суперанская, имена исторического антропонимикона образовывались не от имен нарицательных, а от других собственных имен, более ранних по времени возникновения, – и эта закономерность имела место на разных хронологических этапах развития русской антропонимии, то есть имена каждой эпохи образовывались на базе имен предыдущей эпохи, при этом «условия существования более древних имен для нас, как правило, неизвестны» [Суперанская и др., 2009, с. 81-82].

Гидронимы ***Грустынь, Грустынка, Храпынка, Малынь*** позволяют восстановить древнерусские антропонимы *Грустын[я], Храпын[я], Малын[я]*, входящие в один ряд с хорошо известным древнерусским именем *Добрыня.* Имена *Грустыня, Храпыня* семантически могут быть сопоставлены с лексикой, имеющей отношение только к человеку: *грусть, храп*; а имя *Малыня* – с разнообразными вариантами частотного древнерусского имени *Мал* (*Малец, Малыш* и под.).

Топонимы юго-восточной части Рязанского княжества ***Ранова, Ранова*** (***Ранина***) ***Поляна*** (***Поле***) (фиксируются в документах соответственно в XV и XVI вв.) [Грамота № 319, АСЭИ, т. 3, с. 348; ПК, I, с. 127], которые, по одной из версий, могут быть связаны со славянским именем (этимология предложена Ю.П. Чумаковой) [Чумакова, 1992, с. 134], позволяют восстановить антропоним *Ранъ / Рано*. Именная основа может быть сопоставлена со слав. **ranъ* (от которого рус. *ранний, яровой*). Возможная семантика имени – «ранний», «рожденный утром», «рожденный раньше срока».

Тот же антропоним обнаруживается в составе топонима ***Ранина Долина*** в современной Черновицкой области (Карпатская зона) [Чумакова, 1992, с. 134].

Хотка / Хотко. Топоним-источник – ***Хоткина Поляна***, упоминается в Грамоте 1529 г. [Пам. Письм., с. 22]. Имя может быть одной из народных форм древнерусского имени *Хотен*, которое неоднократно встречается в документах XV-

XVI вв.: *Хотен* Борисович Княжнин, *Хотен* Андреевич Валуев, *Хотен* Юрьевич Дубровский, а также *Хотет* князь Иван Мстиславович Карачевский [Ономастикон, 1974, с. 342], известен былинный персонаж *Хотен Блудович*. Имя приводится и в словаре В. Даля со значением «любитель, охотник до чего-либо, искусник» [Даль, т. IV, с. 563].

По всей видимости, к данному имени следует возводить название города ***Хотень*** на Днестре, называемого в числе древнерусских городов в Воскресенской летописи [Свод лет. Ряз., с. 220], ныне это город ***Хотин*** Черновицкой области [Поспелов, 2002, с. 451]. В «Словаре русских личных имен» (далее – СРЛИ) антропоним *Ходко* приводится в числе известных разговорных форм имени *Федор* [Суперанская, 2007, с. 323].

Него / Онего. Топоним-источник – ***Негова / Онегова Поляна*** [Грамота 1529 г., Пам. письм., с. 22]. Имя может быть сокращенной формой славянского двуосновного имени *Негорад* (от основ слов *нега, радоваться*) или *Негослав* (от основ слов *нега, слава*; имя приводится в СРЛИ [Суперанская, 2007, с. 249]), но может быть и самостоятельным славянским именем. Нарицательное *нега* известно в языке восточных и южных славян [Фасмер, т. III, с. 56].

Имена с основами *Ран-, Хот-, Нег- / Онег-* присутствуют в составе топонимов, построенных по одной модели, с использованием в качестве главного слова в двучленном сочетании ландшафтного общеупотребительного термина *поле* или *поляна*. Сближают имена и такие общие черты, как тенденция к открытому слогу, двух- или трехслоговый состав и, по всей видимости, единоместное ударение.

Можно предположить, что имена, отразившиеся в топонимах, были именами вождей небольших славянских групп, первыми пришедшими в Среднее Поочье и освоивших здесь локальные районы, так же как и прежде «…восточные славяне расселились по Днепру и его притокам разбросанными одинокими дворами», часть которых превратилась позднее в пункты обмена и торговли и древнейшие города [Ключевский, 1992, с. 28].

Определенным антропонимическим потенциалом обладает основа гидронима ***Лыбедь*** (название не имеет точного объяснения). В легенде, приводимой

в начальной летописи, известные киевские топонимы показаны в образах людей, *Лыбедь* – это сестра *Кия, Щека* и *Хорива*, а это значит, что для легенды представлялось возможным использование данного имени в роли женского личного имени.

Антропоним *Летогость*, или *Легость*, реконструируется из состава двух смежных названий: ойконима ***Летогоще*** и гидронима ***Летогаща*** (второй вариант ***Легоща***) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 185; Гордова ТРО, 2010, с. 11]. Имя относится к двучленными антропонимам на *-гость,* которые наряду с образованиями на *-слав, -мир* и под. использовались в древнерусский период. Вариант *Легость* может быть как сокращенной формой от *Летогость* (изменение морфемного состава могло произойти и у антропонима, и у топонима), так и самостоятельным антропонимом, восходящим к иному корню.

Антропонимы на *-гость* и топонимы на *-гощ, -гоща* в ономастичекой литературе получают неоднозначное объяснение. При этом учитываются семантика апеллятива *гость* «чужеземец, иноземный купец» и тот факт, что антропонимы подобного типа крайне редко фиксируются в ранних памятниках письменности, а в топонимии, напротив, основа активна. И.Н. Хрусталёв предлагает трактовать данные имена как позднейшие (данные во взрослой жизни) прозвища, связанные с родом деятельности их носителей (торговля, обмен товарами, контакты с иноземцами) либо, вслед за Н.В. Подольской и Э.М. Мурзаевым, вообще не связывать с личными именами топонимы на *-гощ, -гоща*, а возводить последние к нарицательной лексике (обозначения мест постоялых и гостиных дворов) [Хрусталёв, 2009, с. 77].

По подсчетам Ю.П. Чумаковой, в Среднем (рязанском) Поочье обнаруживаются следы не менее 20 топонимов (в том числе и гидронимов), образованных от двуосновных личных имен со вторыми компонентами *-славъ* (4), *-гость* (6), *-миръ (-мѣръ)* (2), *-будъ* (2), *-нѣгъ* (2), *-бѣгъ* (1), *-мыслъ* и еще несколько (около 6) топонимов, образованных от имен простой структуры [Чумакова, 1992, с. 57]. Тот факт, что имена данного типа составляли фонд древних славянских имен, исследователь использует для доказательства раннеславянского характера и содержащих их рязанских топонимов. Одновременно собранные материалы соответствий

топонимов и антропонимов позволяют пополнить и список самих древнерусских имен, так или иначе (в нашем случае посредством географического названия) связанных с регионом.

Список, составленный на основе топонимических данных и результатов проведенных ономастических исследований (в том числе: [Чумакова, 1992, с. 57]), выглядит следующим образом (Таблица 9).

Таблица 9. Древнерусские антропонимы, восстановленные из состава рязанских топонимов

Восстановленное древнерусское имя (именная основа)	Топоним-источник
Борисл[а]в	пуст., сельцо, д. Борисловль
Изяслав	г. Ижеславец
Переяслав	г. Переяславль
Котогость	р. Котогощь
Летогость (Легость)	р. Летогоща / Легоща, с. Летогоще
Сологость	оз. Сологощь
Здемир (Съдѣмиръ)	д. Здемирева
Немир (Немѣръ)	д. Немѣрово
Остромир (Остромѣръ)	с. Остромерь (Остромеринское)
Любобуд (Любобудъ)	р. Любобужа
Негобуд (Нѣгобудъ)	поч. Негобуж
Перенег (Перенѣгъ)	урочище Перенѣж
Радобег (Радобѣгъ)	р. Радобежь (Радубежь)
Милолюб	д. Милолюбья
Разнетим	р. Разнетима
Кожемяк	оз. Кожемяк
Грустын[я]	р. Грустынь, Грустынка
Малын[я]	р. Малынь
Храпын[я]	р. Храпынка
Воин	г. Воино
Казар	г. Казарь
Резан (*Рѣзанъ*)	г. Рязань
Кан- (Кань, Каня)	топонимы типа Канев, Канеев
Нег- (Нѣгъ, Нѣга) / Онег-	Негова / Онегова Поляна
Незда	р. Нездина, Низдина, с. Нездино
Ран- (Ранъ, Рано)	р. Ранова, д. Ранова (Ранина) Поляна (Поле)
Хот- (Хотка / Хотко)	Хоткина Поляна
Ослебя (Ослябя)	р. и с. Вослеба / Вослиб

Таким образом, реконструированные антропонимы (при известной степени своей гипотетичности) существенно дополняют список, составленный на основе только ранних письменных упоминаний; дополняют новыми типами имен и но-

выми именными основами, что дает возможность более точно охарактеризовать древнерусские антропонимические традиции в регионе.

При изучении топонимии других территорий может быть сформирован аналогичный список древнерусских имен, а также выявлен ряд новых архаичных антропонимов.

3.4. Лингвистические данные в реконструкции

Лингвистические, не связанные с ономастикой факты – другой важный источник ономастической реконструкции. К ним могут быть отнесены факты распространения языков и диалектов внутри отдельного языка, сведения о строении и лексическом составе разных языков. Ценность этих сведений заключается в том, что они позволяют интерпретировать имеющиеся ономастические факты с точки зрения их языковой принадлежности и происхождения, а в ряде случаев помогают в датировке и стратиграфировании топонимов.

Языковая среда большинства регионов современной Центральной России является преимущественно русской, а это означает, что имеющиеся лингвистические материалы, связанные с историей русского языка и существенные для изучения древнейшей ономастики, хронологически ограничены (нижняя граница) временем славянского освоения данной территории. То есть при восстановлении картины прошлого они являются информативными для славянского (древнерусского) ономастического пространства.

Согласно существующей периодизации истории русского языка, в VI-VII вв. происходит выделение восточнославянского (древнерусского) языка из общеславянского единства (в IX в. в среднем течении Днепра возникает государство Киевская Русь); в XIV в. начинается его деление на три языка; в XV-XVII вв. происходит окончательный распад единого восточнославянского языка, возникает язык великорусской народности (ведущая роль в это время переходит к северным и северо-восточным русским землям: Владимиру, Суздалю, Ростову и др.; усиливается феодальная раздробленность; в XV в. создается обширное государство

Московская Русь). Уже во вт. пол. XII – перв. пол. XIII в. в языке складывается ряд диалектов: новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский, акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма [РЯ, 2003, с. 113, 439-441]. Каждый из диалектов являлся языком жителей относительно обособленной территории (княжества, области) и продолжением диалектов древних племён и племенных союзов, некогда осевших здесь. Тесная связь с региональным фактором делают диалекты лингвотерриториальными единицами [РЯ, 2003, с. 113, 439-441] и позволяют эффективно использовать сведения о них в региональных топонимических исследованиях.

Для реконструкции ономастического пространства в его древнейшем состоянии перспективной представляется интерпретация имеющегося материала не просто с точки зрения языковой принадлежности, но и – если речь идёт о собственных именах одной языковой системы (в нашем случае древнерусской) – с точки зрения их принадлежности к той или иной диалектной группе.

Решить эту задачу позволяет языковая (диалектная) характеристика региона. Говоры Среднего Поочья являются в этом отношении весьма показательным и ценным материалом ввиду своей неоднородности. Они относятся к разным группам Южного наречия и к разным типам среднерусских говоров, причем северная граница южного наречия совпадает с северной границей бассейна главной реки рязанской территории – Оки. Левобережье Оки является не только своеобразной границей перехода среднерусских и южнорусских говоров, но и поясом их диффузии – так называемой «зоной вибрации».

Карта диалектного членения Рязанской области представлена в «Диалектологическом атласе русского языка. (Центр Европейской части СССР)» (Москва, 1986 г.) [РЯ, 2003, Приложение к словарной статье «Диалектология», воспроизведение специального содержания диалектологической карты 1964 г.]. Согласно данным Атласа, территория области находится в зоне распространения двух наречий (см. Рис. 3.2). Распределение различных групп говоров выглядит следующим образом.

Говоры северо-восточной части рязанской территории относятся к Восточным среднерусским акающим говорам, говоры остальной территории – к Восточной (Рязанской) группе южного наречия.

Говоры северо-восточной части характеризуются умеренным яканьем, «*г*» взрывным, цоканьем, утратой интервокального *j* с последующим стяжением гласных в глагольных формах.

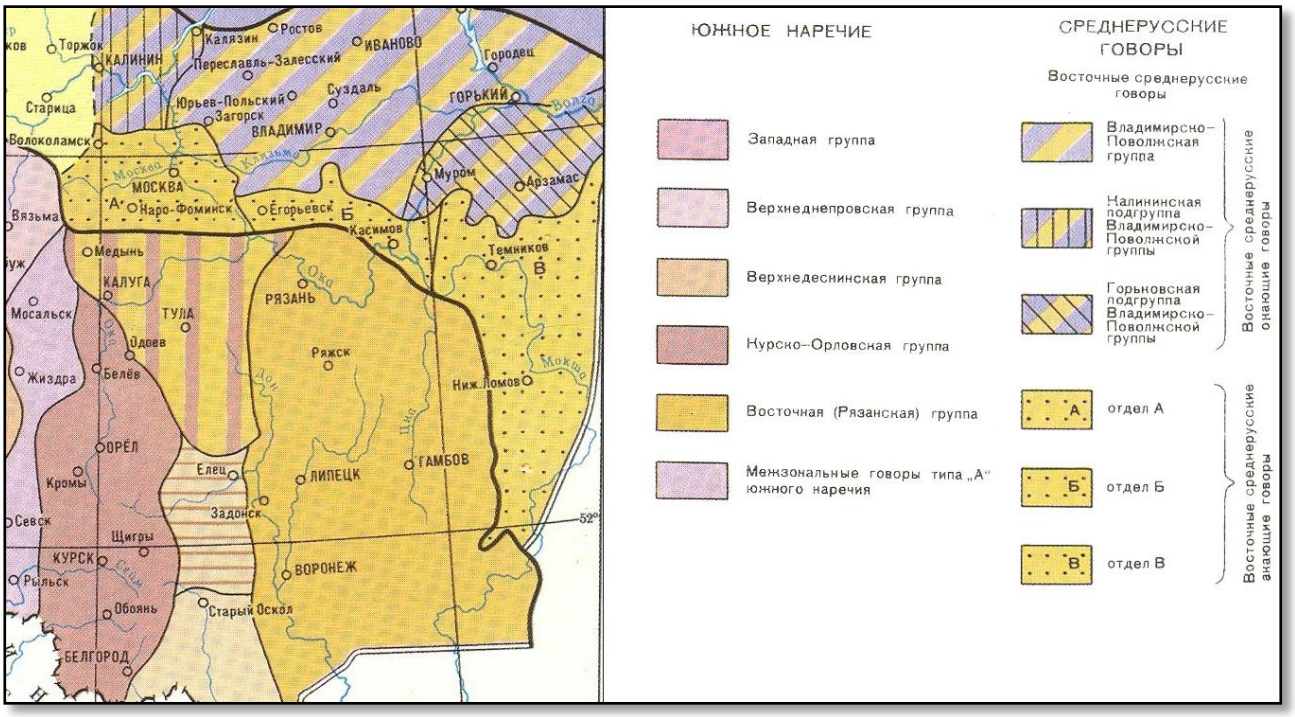


Рис. 3. 2. Диалектологическая карта русского языка, 1964 г. (фрагмент)

Юго-западная часть характеризуется ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, ударным «*е*» в положении между мягкими согласными, перед твердым согласным (вместо «*о*» литературного языка и других говоров), «*г*» фрикативным и другими особенностями [Осипова, 2008, с. 408].

Внутри групп обнаруживаются отдельные типы диалектных различий. Так, среднерусские говоры Рязанской области представлены двумя отделами: касимовским (отдел Б, занимает преимущественно бассейн р. Пры) и кадомским (отдел В, занимает бассейн р. Мокши). Кроме того, выявлены отличия говоров северо-восточной части от говоров северо-западной. Исследователи предполагают, что на жителей северо-западных районов оказали влияние переселенцы южных

районов, носители южнорусских говоров, и произойти это могло во время повторной колонизации территории в XIV-XV вв. в связи с обострившейся военной обстановкой в регионе [Осипова, 2008, с. 410].

Внутри южнорусских говоров (Рязанская группа) выделяют говоры Богословщины (район в западной части области в междуречье Оки и Прони). Для них характерны дифтонгические гласные *уо, оу, ие, ей*, неполное смягчение гласных перед «*е*», элементы умеренного яканья, еканья, формы типа *ходю, просю* и др. Исследователи отмечают, что за пределами Богословщины подобные особенности встречаются в «мещерских» говорах северо-востока Рязанской области, что заставляет видеть в языке междуречья Оки и Прони островок, оторвавшийся от большого мещерского острова [Осипова, 2008, с. 410].

Считается, что формирование говоров Среднего Поочья относится ко вт. пол. XII – перв. пол. XIII в. К этому времени был в известной степени организован и топонимический ландшафт территории [Смолицкая, 1981 (2)]. Имевшая место и в ранние периоды истории княжества диалектная неоднородность территории означает, что ее насельниками были представители разных славянских групп, отличавшихся (в большей или меньшей степени) в культурном и языковом отношении. А значит, должны иметь место и различия в характере топонимических традиций, перенесённых ими из прежних мест проживания, и, как следствие, неоднородность топонимической системы, представляющей один регион, одно княжество.

Особый интерес для исследования могут представлять в этой связи следующие вопросы: а) распределение на карте региона архаичных топонимических основ, моделей древнерусского типа; б) распределение топонимов, представляющих одну модель (или топооснову), но отражающих разные диалектные черты (***Алешня – Алёшня – Елошня, Брусна – Брусена*** и под.); в) связь рязанских названий с основными ареалами, отражающими те же топонимические явления, в других регионах России (например, «южные», «северные» топоосновы). При решении этих проблем исследователь обязан обратиться к картографическому и ареальному методам, а после составления региональной топонимической карты – сопоставить топонимические и диалектологические ареалы и сделать выводы

о принадлежности рассматриваемых топонимов или топонимических элементов носителям разных диалектных групп, о чем говорилось выше.

В свою очередь, проведенное сопоставление может оказаться информативным и для диалектологии. По замечанию Г.П. Смолицкой, «топонимические (и гидронимические) данные… могут изменить мнение о ранней географии и диалектной принадлежности слова, сложившееся в результате недостаточной отражённости его в памятниках письменности и претерпевшего с течением времени значительные семантические, ареальные и другие изменения» [Смолицкая, 1981 (2), с. 19].

В особых лингвистических комментариях нуждаются территории со смешанным этническим составом, входящие в состав Российской Федерации, например: Поволжье (Пенза, Сызрань, Саратов, Самара и др.), Урал, некоторые области Центральной России. В таких регионах, наряду с русским языком, функционируют и другие языки. Некоторые регионы являются пограничными в зоне распространения тех или иных языков. Показательна в этом отношении территория Смоленской области, где соприкасаются русский и белорусский языковые ареалы, кроме того, в разные годы русский язык здесь испытывал мощное воздействие польского и украинских языков [Королёва, 2006, с. 35-37].

Современная Рязанская область является относительно однородным в языковом отношении регионом, однако и здесь локально представлены мордовский, татарский и некоторые другие языки. Наличие особых зон на языковой карте области отчасти обусловлено историческими причинами: они являются временно́й проекцией древнейшей этноязыковой ситуации в Среднем Поочье, о которой известно и по сообщениям летописей (*«… По Ѡцѣ рѣцѣ кде втечетъ въ Волгу языкъ свои Мурома, и Черемиси свои языкъ, и Мордва свои языкъ…»*, *«…а се суть инии языцѣ, иже дань дают Руси: Чудь, Весь, Мерѧ, Мурома, Черемись, Мордва…»* [ПВЛ, ПСРЛ, II, с. 8]), и по данным археологии.

Многие языки неизвестных ныне народов, упоминаемых в русских летописях, являются вымершими и не реконструированными. И.Г. Добродомов, затрагивая вопрос языковых контактов ранних славян, проникших в Поочье, с проживавшими здесь финно-угорскими племенами *мурома* и *мещера*, высказывает ин-

тересную мысль о том, что язык последних можно было бы более или менее точно определить на основании известных заимствований из финно-угорских языков в древнерусском языке, топонимов и диалектных слов этих мест (в качестве примера исследователь рассматривает архаичный корень с полногласием *колом-* из финского корня *kalma,* который присутствует в окском топониме ***Коломна***). Однако, как отмечает автор, «…эта задача пока даже не ставилась во всем масштабе», и потому эти летописные племена и их язык остаются для нас до сих пор загадочными [Добродомов, 1993, с. 68-69], что усложняет и задачу реконструкции ономастической ситуации древнейших периодов на исторической территории их проживания.

То же замечание относится и к языку балтийских племен, в частности галиндскому, объединявшему ряд диалетов этнолингвистических групп, занимавших периферийные районы (в том числе и Поочье) обширного в прошлом балтийского пояса. По заключению В.Н. Топорова, «хотя языковой материал, связываемый с галиндским, очень невелик, значение соответствующего языкового типа не подлежит сомнению». Отмечая «гигантский разброс языковых данных о галиндах во времени и пространстве», исследователь отмечает: «Ни о фонетике, ни тем более о морфологии языка галиндов-голяди сказать практически ничего нельзя» [БЯ, 2006, с. 23]. Лишь в общих чертах известна самая раняя история балтийских языков, не установлено доподлинно самоназвание этноязыковой общности балтов (*айсты, айстии, остии*, по текстам античных и средневековых источников) и названия многих племенных групп, образующих эту общность [Финно-угры и балты, 1987, с. 7; БЯ, 2006, с. 11].

Многие древние языки и диалекты сегодня являются, по определению В.Н. Топорова, «топономастическими», то есть определяются только на основании данных топонимики [БЯ, 2006, 26-27]. К таким языкам относится, в частности, куршский; к ним могут быть отнесены и вымершие языки муромы, мещеры. Как отмечает Б.А. Серебренников, «от языка муромы не сохранилось ни одного связного текста. По этой причине ничего определенного в отношении этого языка сказать нельзя»; нерешенной остается и проблема принадлежности языков мери,

муромы, мещеры финно-волжской языковой общности [Финно-волжская языковая общность, 1989].

Более информативными для ономастической реконструкции являются мордовские языки (эрзянский, мокшанский). Сведения о строении и лексическом составе этих языков помогают выявить топонимы финно-угорского типа, объяснить их происхождение, а также решить спорные вопросы о языковой принадлежности отдельных групп названий, в том числе и на основании их приуроченности к историческим зонам распространения мордовских языков, находящимся сегодня за пределами совр. Мордовии.

Имеющиеся лингвистические сведения используются при интерпретации славянской и неславянской топонимии Среднего Поочья и выявлении основных типов и зон ее распространения на исследуемой территории в Главе 5 «Топонимические ареалы».

Выводы Главы 3

1. Для пополнения списка архаичных топонимов и антропонимов региона, необходимого для реконструкции ономастической картины прошлого, привлечены дополнительные источники: *региональный корпус имен собственных, данные ономастики* (знания, касающиеся ономастических законов, традиций, принципов номинации, моделей, топонимических и антропонимических структурных элементов, хронологии их бытования), *данные лингвистики* (знания о различных языках и диалектах русского языка, зонах их распространения). Из регионального корпуса выделены топонимы и антропонимы, которые по своим формальным, семантическим и иным признакам могут быть отнесены к ономастике древнерусского времени.

2. К древнерусской топонимии региона отнесены названия нескольких типов:

1) топонимы, имеющие аналоги в районах раннего славянского расселения: ***Туров, Волынь, Дядьков, Треполье***, соответствующие названиям древних городов: ***Туров*** (на р. Ствиге, упом. в 980 г.), ***Волынь*** (***Велынь***) (на Западном Буге, упом. в 1018 г.), ***Дядьков*** (***Дядьковъ***) (в Болоховской земле, упом. в 1241 г.), ***Треполь*** (***Трьполь***) (на пр. б. Днепра в устье Стругны, упом. в 1093 г.);

2) топонимы, соотносимые с одним из типов установленных архаичных моделей: типа ***Ростиславль, Добрынь*** (ей соответствуют: ***Остромерь, Котогощь, Радобежь, *Малынь*** и др.), типа ***Волынь*** (ей соответствуют: ***Белынь, Березынь***), типа ***Листань*** (ей соответствуют: ***Лубянь, *Серебрянь, Перекопань*** и др.), типа ***Белгород*** (ей соответствует: ***Вышгород***), типа ***Ломихвост*** (ей соответствует: ***Перехвост***), типа ***Брусна*** (ей соответствуют: ***Алешня, Гвоздна, Лубня, Песочня*** и др.), типа ***Дубровичи*** (ей соответствуют: ***Белыничи, Дубовичи, Костеничи, Микуличи*** и др.) (всего рассмотрено 10 моделей);

3) топонимы, содержащие в составе отдельные архаичные элементы, а именно: древнерусские топоосновы *тереб-, жар-, паль-, перекоп-* (***Теребенка, Теребетенка, Теребня, Теребуш Жаринка, Жаровна, Жаровня, Перекопь***, ***Перекопань, Перекопна*** и др.); исторические этнонимы *курша* (р. ***Курша***), *половцы* (г. ***Половеск***), *мурома* (с. ***Муромино*** (***Мурмино***), р. ***Муромец,*** оз. ***Муромское***), *мещера* (***Мещёра***), *чудь* (оз. ***Чудино***); древнерусские антропонимы (с., р. ***Вослеба*** (***Вослиб, Вослебы***) от имени *Ослебя*; оз. ***Кожемяк*** от имени *Кожемяк*; д. ***Здемирева*** от имени **Съдѣмиръ*; р. ***Черемысленка***, р. ***Жеремесленка*** от **Жеримыслъ* и др.);

4) топонимы, указанные в средневековых документах как названия городищ, селищ и пустошей (пуст. ***Селинское Городище*** ← г. ***Сель*** / ***Селинск***, д. ***Горбцово*** (***Горцовское***) ***Селище*** ← пос. ***Горбцова***, д. ***Ивановское Селище Кортавого*** ← пос. ***Ивана Кортавого***, ***Княжное Селище*** ← пос. ***Княжое*** / ***Княжное*** и др.);

5) топонимы, локализующиеся в зоне концентрации ранних названий и по своим структурно-семантических признакам допускающие раннее возникновение (***Ужалье, Студенец, Ряса, Марицань*** – рядом ***Рязань*** (совр. ***Старая Рязань***), **Серебрянь*, ***Исады***, ***Устрань***, ***Городец***; ***Кудесна*** – рядом ***Треполь***; ***Дунаец*** (***Дунайчик***), ***Плетена***, ***Песочня*** – рядом ***Переславль, Трубеж, Лыбедь***).

3. К древнерусской антропонимии региона отнесены имена, восстановленные из состава архаичных рязанских топонимов отантропонимического происхождения: *Борисл[а]в* (из названия пуст., сельца, д. ***Борисловль***), *Перенег (Перенѣгъ)* (из названия урочища ***Перенѣж***), *Малын[я]* (из названия реки ***Малынь***), *Хотка / Хотко* (из названия ***Хоткина Поляна***) и др., всего 28 личных имен.

4. Благодаря привлечению ономастических знаний удалось установить локализацию некоторых утраченных топонимов (на основании анализа групп производных топонимов) и скорректировать этимологические версии ряда названий. Так, типологическая характеристика рязанских топонимов ***Переяславль, Ижеславль*** ставит их в один ряд с древнерусскими названиями ***Ростиславль, Ярославль, Дедославль, Бориславль,*** что дает основание связывать их происхождение с личными именами (**Переяслав, Изеслав*). Топоним ***Рязань***, имеющий более 15 версий происхождения, сопоставим с двумя типами древнерусских топонимов: 1) ***Степань, Ивань, Хороборь***, ***Добрынь***, отражающими связь поселения с человеком, 2) ***Лебедянь, Листань, Березань, Марицань, Серебрянь,*** отражающими природные особенности объекта или местности. На основании этого, из всех версий наиболее вероятными признаются 2 версии происхождения топонима: от личного имени *Резан* (**Рѣзанъ*) либо от апеллятива с основой *рѣз-* со значением «изрезанная оврагами» (от др.-русск. *рѣзати*); оговаривается, что вторая версия далее проверяется путем привлечения внелингвистических (а именно географических) материалов.

5. Роль лингвистических знаний (других лингвистических направлений) в реконструкции ономастической ситуации древнейших периодов в Среднем Поочье неоднозначная. С одной стороны, сведения о строении, лексическом составе и территории распространения в прошлом мордовских и балтийских языков помогают в установлении языковой принадлежности и объяснении многих неславянских названий региона, с другой стороны, скудость или полное отсутствие данных по языкам народов, проживавших в Поочье в прошлом (муромы, мещеры, отдельных групп балтов), «топономастический» характер этих языков, то есть их сохранность только в топонимии, затрудняет или даже делает невозможным (без привлечения дополнительных источников) решение поставленной задачи.

При описании славянской ономастической системы, сложившейся в Среднем Поочье, важную роль могут сыграть сведения о зонах распространения разных групп Южного наречия и разных типов Среднерусских говоров, повлиявших и на топонимическую неоднородность территории.

ГЛАВА 4

Привлечение внелингвистических данных

4.1. Роль внелингвистических данных в изучении древнейшей ономастики региона

В условиях малочисленности памятников письменности, сложности интерпретации ряда лингвистических вопросов важными источниками ономастической реконструкции могут стать внелингвистические данные – результаты исследований различных наук. Особый интерес для ономастики представляют физико-географические, археологические, этнографические и исторические факты, касающиеся исследуемого региона.

Возможность использования этих знаний при восстановлении ономастической картины прошлого обусловлена как спецификой имени собственного, заключающейся в повышенной связи данного вида лексики с экстралингвистическими факторами [Суперанская и др., 2009, с. 33], так и спецификой каждой территории, заключающейся в общности физико-географических, историко-культурных, политических, социально-экономических условий и этапов развития, что и даёт основание считать данную территорию отдельным регионом.

Находясь в едином пространстве (являясь частью одного государства), каждый регион при этом особая географическая, этническая и языковая среда, предопределяющая и особый характер местной ономастической системы. Именно поэтому одним из важнейших факторов развития русской ономастической системы является региональный фактор.

Обращение к внелингвистическим данным при изучении древнейшей ономастики связано с неравномерностью научных знаний по отдельным областям и разной степенью изученности вопросов, связанных с языком, историей, археологией, этнографией, физической и экономической географией региона. Области не лингвистического знания могут помочь в реконструкции ономастической картины прошлого при высоком уровне изученности вопросов, связанных с древнейшими

периодами, и при достоверности и значимости полученных результатов. В свою очередь, и ономастические знания могут служить важными материалами для археологии, географии, этнографии, истории региона, если они опережают развитие этих научных областей.

В силу различных причин регионы России обследованы неоднородно. На уровень развития регионоведения влияют наличие или отсутствие в области, крае научно-исследовательских центров, высших учебных заведений, специализированных кафедр, лабораторий внутри вузов и, безусловно, научных кадров – ученых, сферой интересов которых является история региона.

Рязанская область является одной из наиболее изученных в археологическом отношении территорий благодаря исследованиям нескольких поколений археологов [АКР, 1, с. 14], подробно описана и география области, что даёт богатый материал для ономастических исследований. К хорошо изученным регионам относятся также Московская, Воронежская области, Суздальская земля, что открывает широкие возможности для ономастической реконструкции.

Физико-географические и историко-культурные данные в ономастических исследованиях могут быть использованы по-разному. В одних случаях они выступают хорошим дополнением, иллюстрацией к лингвистическим материалам, в других – существенно корректируют их, в третьих – служат основой для нужной интерпретации. В последних случаях открытые новые факты могут изменить и лингвистическую картину. В частности, обнаружение новых памятников материальной культуры в районе Оки в период 2000-2017 гг., совершенствование существующих методик, в том числе методики датировки археологического материала привели к новой интерпретации ранних славянских поселений в этом районе. А это меняет и выводы исследований по ранней славянской топонимии в бассейне Оки 1980-1990 гг., опиравшихся на исторические материалы, имевшиеся на тот момент и касающиеся времени появления первых славян в Поочье и их принадлежности той или иной славянской группе.

Различные аспекты нелингвистических исследований обладают разной степенью важности для региональной ономастики. Важны сведения об истории засе-

ления территории, её этническом составе, особенностях развития региона в отдельные исторические периоды. По замечанию И.Д. Ардеева, эти материалы подсказывают топонимисту, «элементы каких языков следует ожидать в географических названиях этой территории» [Ардеев, 2002, с. 7]. В этой же связи А.А. Бурыкин пишет: «Средством верификации языковой принадлежности топонимов является соотнесение территорий, на которых они фиксируются, с ареалами этносов, к языкам которых они возводятся, или к ареалам археологических культур, принадлежащих более ранним этносам» [Бурыкин, 2011, с. 6].

Из физико-географических данных наиболее важными представляются сведения, касающиеся рельефа, водной системы, флоры и фауны. Для реконструкции ономастики древнейшего периода первые два параметра – рельеф и водная система – представляют особый интерес в силу своей устойчивости. Почти в неизменном виде сохранился, в частности, рельеф Среднерусской возвышенности: существующие здесь сегодня долины и крупные балки сформировались еще в доледниковое время, собственно послеледниковыми являются лишь верхние звенья балочной сети и оврагов [Природа РО, 2008, с. 66, 67].

Учёные отмечают, что рельеф претерпевает определенные трансформации, особенно в результате деятельности человека, однако наиболее значительные изменения произошли только в последние 100-150 лет. Закономерны постепенные временные изменения и водной системы, тесным образом связанной с рельефом.

В меньшей степени информативными оказываются сведения о флоре и фауне, в связи с тем, что эти две природные системы являются очень подвижными и непрерывно развивающимися, на них влияют как климатические условия, так и деятельность человека [Природа РО, 2008, с. 263]. Установлено, например, что в эпоху существования Русского государства происходило наступление леса на степь, что привело к образованию северного чернозема и серых лесных почв; на тех участках, где долго преобладала степь, сформировался так называемый обыкновенный чернозем. В каждой зоне сложился свой растительный и животный мир. В результате антропогенного воздействия (вырубки деревьев, пожаров) часть лесов была истреблена, что снова привело к изменению почв и существующих

экосистем [Природа РО, 2008, с. 209]. Если ономатолог не будет учитывать данные обстоятельства, он не застрахован от ошибок в толковании имен собственных, особенно таких, которые связаны с номенами растительного и животного мира. Например, когда топоним ***Барсуки*** связывают с животным *барсук*, не обитавшем в прошлом в данной местности по причине неподходящих природных условий, а топоним ***Ковыли*** – с растением *ковыль*, также в прошлом здесь не произраставшим, а на самом деле оба названия восходят к прозвищам людей, переселившихся сюда из иных природных зон.

Таким образом, использовать сведения о состоянии флоры, фауны, водной системы, рельефа региона при описании ономастики древнейших периодов нужно корректно, с учетом динамики происходящих внутри каждой системы изменений.

Нельзя не отметить, что в некоторых ономастических исследованиях физико-географические данные приводятся механически, без оценки того влияния, которое оказывает природа края на систему собственных имен, а значит, без особой надобности. Это способствует тому, что описание географических особенностей местности становится клишированным приёмом региональных исследований.

Между тем, эти сведения действительно важны для понимания специфики складывания территориальных ономастических систем, особенно в доисторические времена, и это доказывают следующие положения.

1. Зоны проживания народов древности позволяют говорить о том, что отдельные этнические группы локально связаны с определенным типом рельефа. Представители данных групп селились на относительно однородной в географическом плане территории, отдавая предпочтение лишь одному типу рельефа (а следовательно, и определенным типам почв, флоры и фауны). Трудно возделываемый чернозем или легкие в обработке почвы, скудная степная или богатая лесная растительность – особенности местности проживания предопределяли уклад жизни и род занятий населения.

Так, в частности, летописное племя *мещера* занимало болотистую, лесистую низменность (до сих пор она известна под названием ***Мещёрская***); как предполагают, главными занятиями людей этого племени были охота и бортниче-

ство. Здесь же локализуется основной массив названий с основой *мещер-*; вне ареала подобные названия могут расцениваться как перенесенные (ср.: д. ***Мещерские Выселки***).

Древнемордовское население, напротив, выбирало для проживания долины крупных рек с большими открытыми пространствами и заливными лугами, так как его главным занятием было скотоводство.

Предпочтения определенным ландшафтам, по всей видимости, отдавали и древние славяне, что отражают названия племен *полян* и *древлян*.

Относительное постоянство природных условий способствовало формированию устойчивого фонда базовой географической лексики у каждого этноса. Сегодня карты рельефа и почв могут объяснить зональность некоторых топонимических явлений, в том числе распределение славянской и неславянской топонимии.

2. При освоении этническими группами новых мест проживания на отдаленных территориях, с иным рельефом и, как следствие, иным природным окружением, привычная для них географическая терминология претерпевала изменения. Часть терминов в связи с отсутствием природных реалий утрачивалась, часть получала новое осмысление.

Такие изменения претерпели, в частности, апеллятивы группы *брус-,* относящиеся к утраченному лексическому фонду. На территории предполагаемой исторической родины славян и территориях их раннего расселения, в бассейнах рек Днепра, Вислы, Дуная, названия с данными топоосновами могли означать каменистое, скалистое место, реку с каменистым дном или скалистыми берегами. Однако по мере продвижения славянских групп в зоны с равнинным рельефом у этих узуальных топонимов постепенно изменялись, «нивелировались» некоторые нюансы значений сообразно новым географическим условиям. В результате семантического приспособления в равнинных зонах, в частности в Поочье, названия типа ***Брусна, Брусена*** использовались уже для номинации водных объектов не со скалистыми, а с высокими обрывистыми берегами или просто с отложениями известняка вдоль речных берегов (часто это дублируют названия соседних рек типа ***Каменка***).

Аналогичные семантические изменения претерпели апеллятивы группы *дунай*-[13], в условиях большой воды имевшие значения «река», «поток», а в условиях равнинного рельефа и спокойных мелководных рек – «разлив, сырость», «приток, ручей». История термина полно представлена в исследованиях Г.П. Смолицкой [Смолицкая, 2002, с. 98].

Необходимо подчеркнуть, что в случаях, когда термины, не сохранились в языке и диалектах, иногда только географические особенности местности позволяют установить их первичное и вторичные значения, что, безусловно, важно для исторической ономастики.

3) В ряде случаев географические особенности местности помогают подтвердить или опровергнуть предлагаемое объяснение названий. Так, например, весьма трудно установить действительную мотивировку названий с корнем *лют*-[14], с одной стороны, ввиду наличия широкого спектра значений у производных от данного корня, с другой стороны, ввиду разнообразия типов географических объектов, получивших подобные имена: среди них отмечены и водные объекты, и болота, и поля, и урочища. Исследуя топонимию с ***Лют-*** на территории Западного Полесья, для апеллятивов, лежащих в их основе, В.П. Шульгач выводит значение «болотная местность» и в качестве подтверждения приводит данные сопоставления их ареала с природными зонами, показавшего «полное соответствие факта скопления таких топонимов Западного Полесья низменному, болотному ландшафту региона» [Чумакова, 1992, с. 105-106].

В «Топонимическом словаре Центральной России» в статье «Солотча» автор приводит несколько версий происхождения данного гидронима, среди них гипотеза о возможной связи названия со славянским термином *слоть* > *солотина* (*слотина*) «жидкое вязкое болото» подкрепляется географическими реалиями: река «берёт начало и в значительной степени протекает по болотистой местности Мещёрской низменности» [Смолицкая, 2002, с. 320]. С другой стороны, всё те же географические реалии отрицают версию происхождения топонима ***Рязань*** от *ря-*

[13] От кельтского названия Danuvius (русск. Дунай).
[14] Также заимствование из кельтского.

са «топкое, но не совсем болотное место», так как расположение древнего города точно известно – это сухой возвышенный берег реки Оки.

И.И. Муллонен в работе «Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями» также широко использует этот прием. Во Введении к словарю отмечается, что в случае затемненной основы «предпринимается более расширенный поиск», в частности, активно привлекаются экстралингвистические факты, из которых «особенно важна ландшафтная характеристика названного объекта, расположение его на местности в окружении других объектов» [Муллонен, 2008, с. 9-10]. При анализе карельского топонима ***Ярпукса*** и поиска возможного пути развития элемента *-пукса* автор, сопоставляя его с вепским ландшафтным термином *poht* «небольшой залив озера или реки» и русскими терминами *пухта* арх. «залив озера», *похта* белоз. «заболоченный берег реки или озера; болото, поросшее мелким лесом», обращает внимание на экстралингвистические факты и отмечает, что «предложенная интерпретация не вступает в противоречие с ландшафтной характеристикой места под названием Ярпукса» [Муллонен, 2008, с. 41].

Приведенные примеры показывают, что к географическим и историческим данным можно и нужно прибегать в ономастических исследованиях, но важно, чтобы они приводились не механически, а увязывались с сутью рассматриваемой проблемы.

Нельзя и переоценивать роль этих сведений. Ономаст, обращающийся к экстралингвистическим фактам для установления истинности некоего положения, не может всецело доверять только этим фактам и не учитывать законы самой ономастики, особенности её развития. В противном случае это приведет к однобокому представлению ономастики как единственно лишь отражению событий и условий жизни того или иного народа и к ошибкам в толковании исследуемого материала.

Доминирование исторической информации над лингвистической мы видим в еще одной гипотезе происхождения топонима ***Рязань*** (от этнонима *эрзя*), которая в известной степени отражает этническую ситуацию в Поочье, но не согласу-

ется с традициями древнерусской ономастики вообще и местной топонимической традицией в частности. Выше уже отмечалось, что все названия поселениям данного района были даны русскими; модель древнерусского ойконима такого типа (основа от названия этноса + формант *-ань* или *-нь*) неизвестна.

В композиции региональных исследований внеязыковая характеристика изучаемого региона обычно предшествует непосредственно ономастическому описанию. Главная её цель – дать общее представление о географическом положении края и его истории. Подобная последовательность расположения материала (надо признать, оправданная) прослеживается во многих диссертационных исследованиях и монографиях (см., в частности, труды А.В. Суперанской, З.Г. Исаевой, Х.Ф. Исхаковой (1997) – по топонимии Крыма; Г.П. Смолицкой (1981), Ю.П. Чумаковой (1992) – по топонимии Поочья; И.А. Королёвой (2006) – по антропонимии Смоленского края). Характерна она и для научных статей, хотя и в меньшей степени. Так, в частности, в статье В.Ф. Барашкова (Ульяновск) «Речная гидронимия Ульяновско-Самарского Поволжья (в границах совр. Ульяновской и Самарской областей)» анализ гидронимии предваряет краткий очерк об особенностях местной речной системы: называются наиболее крупные притоки, приводятся данные по общему числу притоков, протяженности, степени развитости собственных бассейнов отдельных рек [Барашков, 1992, с. 12-13].

Исследователь может обратиться к нелингвистическим комментариям и при рассмотрении отдельных ономастических фактов. Объем допустимого в лингвистическом труде неязыкового материала во многом определяется темой исследования и её целью (в некоторых работах этим материалам посвящается отдельная глава; см, в частности: [Ардеев, 2002]). Однако он должен быть ограничен принадлежностью сочинения лингвистической специальности и представлениями о соразмерности частей.

Отсутствие сведений по географии, истории и этнографии местности в трудах по региональной ономастике следует расценивать как серьезный недостаток, – это обедняет общие выводы исследования, сужает его ценность, делает малоин-

формативным для других наук, не позволяет составить целостное представление об изучаемом явлении.

Ниже приводится географическая характеристика территории рязанского Поочья, а также сведения по истории и этнографии этого региона. В соответствии с изложенными выше принципами озвучиваются лишь такие факты, которые оказали воздействие на формирование ономастического пространства, а следовательно, представляют интерес для реконструкции его состояний в ранние периоды. В разделе 4.3. демонстрируются возможности сопоставления ономастических и археологических данных, апробируются различные приемы межнаучной интеграции.

4.2. Географическая характеристика Среднего (рязанского) Поочья. История и этнография региона

4.2.1. Сведения по географии

Среднее Поочье (основная территория современной Рязанской области) находится в центре Восточно-Европейской равнины. В географическом отношении область не является однородной. По характеру рельефа она разделена на три части: первая занимает Мещёрскую низменность, вторая – Среднерусскую возвышенность, третья – Окско-Донскую равнину. Ещё в XIX в. эти районы назывались соответственно Мещёрской, Рязанской и Степной сторонами. Различия в рельефе предопределили своеобразие почв и биоты (флоры и фауны) этих районов; течение Оки является границей между лесной зоной и зоной лесостепи.

Мещёрская сторона (рязанское левобережье Оки и небольшой участок правобережья в низовьях р. Вожи) занимает около 10 000 км^2, характеризуется низинным рельефом и, как следствие, большой заболоченностью местности – это край болот и озёр. Овраги и балки встречаются редко. На подзолистых, в основном песчаных, почвах произрастают смешанные хвойно-широколиственные леса, которые образуют в Мещёрской низменности большие массивы (подтаёжная зона).

Западная и юго-западная части области, занимающие восточный склон Среднерусской возвышенности и очерчиваемые верхней правобережной Окой,

Проней и Рановой, образуют так называемую Рязанскую сторону (исторический центр Рязанского княжества). Она характеризуются широким распространением речной и овражно-балочной сети, преобладанием серых лесных почв, умеренной лесостепной растительностью. Овражно-балочная сеть представлена балками-логами и балками-долинами, речная сеть – преимущественно малыми реками.

К юго-востоку местность приобретает всё более равнинный и степной характер. Юг и восток области (восточнее Рановы и Прони и южнее окской поймы) находятся на Окско-Донской равнине и условно называются Степной стороной. Местность представляет собой плоскую равнину со спокойной овражно-балочной сетью и мелководной речной системой. Почвенный состав отличается мозаичностью: у течения Прони почвы глинистые и суглинистые, к югу они переходят в чернозём, где временами перемежаются с областями песчаника. Столь же неоднородна и флора Степной стороны: на правобережье Оки преобладают лиственные (дубово-липовые) леса, иногда с примесью сосны, ближе к югу отдельные небольшие участки таких лесов чередуются с обширными открытыми пространствами с разнотравными лугами. Общая доля лесных массивов в ландшафте этого района, относящегося к лесостепной природной зоне, невелика, особенно по сравнению с Мещёрской стороной [Сп. 1862 г., с. 6-7; Шустов, 1966, с. 5, 43; Природа РО].

Водная система региона представлена реками, протоками, заливами, озёрами, болотами, искусственными водоемами. Всего на территории области насчитывается 895 водных объектов длинной более 2 км (без учета объектов временного и сезонного заполнения: оврагов, лосков, верхов и проч.), из них относительно крупных, протяженностью более 10 км – около трети. Большинство рек являются притоками Оки, небольшая часть – притоками Дона [Природа РО, с. 151-152].

Ока, центральная река исследуемого региона, относится к бассейну Каспийского моря, является правым притоком Волги. Её общая протяженность почти 1500 км. На рязанском участке в Оку слева впадают: Пра, Гусь, Колпь, Унжа. Среди правых притоков самые значительные: Проня (имеет около 700 притоков), Цна, Пара.

Дон, относящийся к бассейну Азовского моря, заходит в пределы области лишь на юго-западе, захватывая участок протяженностью не более 10 км. По территории Рязанской области текут около 15 притоков Дона: Кочуровка, Рожня, Круглянка, Паника, Сухая Тобола, Мокрая Тобола, Польный Воронеж, Лесной Воронеж, Становая Ряса, Ягодная Ряса и др.

Соседство Оки и Дона делает южную и юго-западную часть региона местом водораздела Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов. В прошлом крайние реки этих бассейнов (Ранова, Хупта, Становая Ряса) служили своеобразным мостом, соединявшим эти два бассейна на важном водном пути. Водный путь связывал рязанские и другие земли с причерноморскими территориями, способствуя развитию торговли и межэтнических контактов, стимулируя миграционные процессы.

Благодаря рельефу, реки окского и донского бассейнов являются реками равнинного типа, с извилистым руслом и спокойным течением.

В северной части много рек, они занимают 75 % всех низин и оврагов. Здесь же находится подавляющее число болот и 12 % всех озёр области.

В южной части области озера единичны, по численности они составляют менее четверти от числа всех водных объектов, что связано с глубинным залеганием подземных вод. Однако здесь зафиксировано множество мелких речек с заболоченным или пересыхающим руслом. Их питание в основном происходит за счёт грунтовых вод. После весеннего половодья, летом, реки сильно мелеют, а некоторые из них, не имея стока, заболачиваются или полностью пересыхают [Шустов, 1966, с. 30-31]. Таким образом, по водному насыщению юг и север Рязанской области сильно отличаются друг от друга.

Пестрый почвенный состав современного ландшафта (чередование серых лесных почв, чернозёма и песчаника) позволяет предположить, что в прошлом эти разнохарактерные участки были заняты степной растительностью и лесными массивами, которые располагались чересполосно. С начала активного освоения территории человеком (мезолит) пространства постепенно оголялись, на место лесной приходила луговая растительность, что приводило к изменению почв. Только в средние века, в связи с тем, что территория стала частью единой оборо-

нительной системы Русского государства (Большой Засечной черты), был введен запрет на вырубку лесов, но после продвижения пограничной линии на юг, сведение леса и распашка высвобожденных земель возобновились с новой силой, что привело к значительному изменению лесостепной полосы.

4.2.2. Сведения по истории и этнографии региона

Появление человека на указанной территории произошло 30-35 тыс. лет назад и по времени соответствует позднему (верхнему) палеолиту [Природа РО, с. 82]. К этому времени относятся самые ранние археологические памятники: стоянки у сёл Шатрищи, Троица (Спасский р-н), Дядьково (левобережье р. Кердь), в бассейне Цны, Прони. Поселения носили временный характер, население было малочисленным, занималось преимущественно охотой. Островками была освоена территория южнее окской долины, где преобладали степи с сосново-березово-еловыми перелесками в условиях очень холодного климата [АКР, 1, с. 14; Природа РО, с. 82].

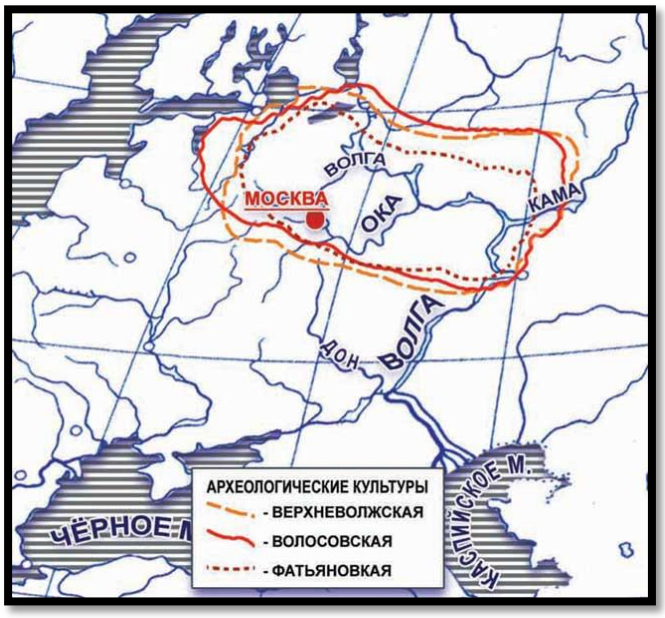


Рис. 4. 1. Ареалы неолитических культур Русской равнины: верхневолжская, волосовская, фатьяновская (сост. Д.А. Крайнов, 1977 г.)

В эпоху мезолита (IX – перв. пол. VI тысячелетия до н.э.) климат улучшился, но оставался холоднее современного. Поселения мезолита на Окско-Донской равнине представляли собой небольшие (500-1000 м^2) одиночно расположенные стоянки с маломощным культурным слоем, свидетельствующим о непродолжительном пребывании людей на этом месте. В большей степени осваивалась долина р. Цны в западной части Цнинско-Вышинского междуречья, бассейн среднего течения р. Цны; левобережье Мокши; приустьевые районы р. Мокши и Ермиши. Отдельные стоянки обнаружены по долинам рек Тырница, Пара, в низовье р. Прони и в районе Борок на р. Оке. Пока не получено свиде-

тельств освоения междуречий Пара-Пронской, Раново-Пронской, Пара-Цнинской равнин, Окско-Цнинского плато и Окско-Вожского междуречья. В этот период продолжала существовать раннепервобытная родовая община, началось формирование племенной организации; население занималось преимущественно охотой и рыболовством [АКР, 1, с. 15].

Неолит (приблизительно V-III тысячелетие до н.э.) представлен в Среднем Поочье несколькими археологическими культурами, прежде всего *льяловской* (среднее и нижнее Поочье, в правобережном Поочье от Осетра до Прони), *рязанской* (среднее течение Оки, нижнее течение Мокши, центральная и южная Мещёра) и *волосовской* (нижнее течение Оки, восточная и северная часть области – левобережье Клязьмы), входящими в общность культур с ямочно-гребенчатой керамикой Русской равнины. Эти культуры объединяют племена древних рыболовов и охотников.

Предполагают, что представители *льяловской культуры* относились к монголоидно-европеоидному типу. По одной из версий, на основе *льяловской культуры* сформировалась *волосовская культура* (III-II тысячелетие до н.э.), у представителей которой уже более четко прослеживаются европеоидные черты (хотя и с монголоидными примесями) [Костылева, Уткин, 2000, с. 19-23]. Считается, что волосовцы были истреблены фатьяновцами и абашевцами.

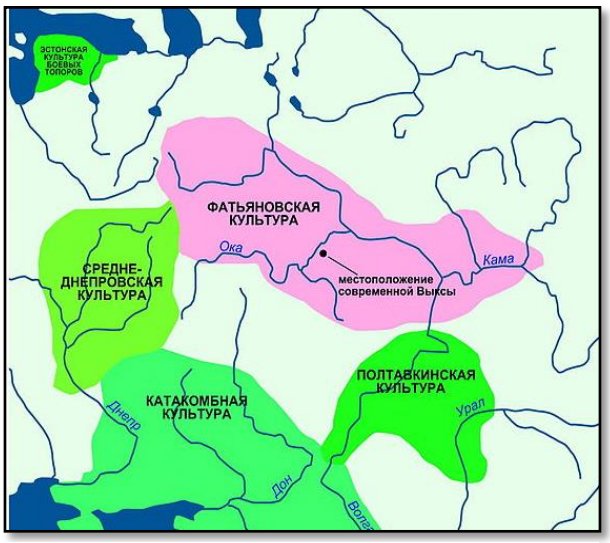


Рис. 4.2. Ареал фатьяновской культуры

Фатьяновская археологическая культура (верхнее и среднее левобережное Поочье, от Угры до Клязьмы; Рис. 4.2) развивалась в эпоху позднего неолита и бронзы. Она является региональным вариантом культуры шнуровой керамики и боевых топоров, имевшей широкое распространение на европейской территории. Согласно генетическим исследованиям, по некоторым чертам фатьяновцы родственны балтам и славянам. Во многих исследованиях носителей фатьяновской

культуры отождествляют в протобалтами и рассматривают их культуру II тысячелетия до н.э. на территории Верхнего Поочья вплоть до верховьев Дона как первые следы балтийского элемента в этой части Восточной Европы [Топоров, 1997 (2), с. 314-415].

Основным занятием фатьяновского населения было скотоводство (держали свиней, овец, коз, коров, лошадей). Помощником человека в хозяйстве была собака лайка.

В конце своего исторического развития, предположительно к концу II тыс. до н.э. фатьяновцы были истреблены индо-иранскими абашевскими племенами, а впоследствии представителями *дьяковской* культуры. Предполагают, что часть восточных фатьяновцев растворилась среди местного финно-угорского населения.

Среди материальных памятников эпохи неолита – погребальные комплексы (грунтовые могильники), поселения, в том числе временного характера, тяготеющие к долинам крупных рек и берегам озер, гарантирующих крупный и устойчивый улов рыбы.

Одним из центров притяжения населения этой эпохи являлось Клепиковское Поозерье (здесь открыто более 70 неолитических поселений). Существенно возросла значимость долины р. Оки: если в мезолите осваивался участок ее долины от устья р. Солотчи на западе до устья р. Пры на востоке, то в неолите стоянки появились на всем ее протяжении, включая междуречье Сынтулки и Унжи (на 2006 г. обнаружено более 150 стоянок и поселений, из которых более половины – на левобережье Оки). Появились первые поселения в среднем течении Пры, в верховьях рек Нарма и Гусь.

На Окско-Донской равнине центрами сосредоточения населения являлись Окско-Мокшинский район (открыто 60 памятников) и долина Цны (открыт 51 памятник). Возросло число поселений в пределах Окско-Пара-Тырницкого треугольника (17), в низовье р. Прони (9), на правобережье р. Оки у с. Канищево (4). Началось освоение дальнего правобережья Оки: долины р. Рановы выше устья р. Хупты, рановского притока Хупты (нижнее течение); среднего течения рек Па-

ра и Тырница. Вместе с тем, крайне низкими темпами осваивались Среднерусская возвышенность и центральная Мещёра [Природа РО, с. 82-83; АКР, 1, с. 16-20].

На рубеже III-II тысячелетий до н.э. (эпоха бронзы) у населения Поочья появились признаки знакомства с земледелием, животноводством и способами получения меди и бронзы, что связывают с новыми племенами, пришедшими с юга и юго-запада, по долинам Оки, Цны и Мокши и имевшими более высокую социально-экономическую организацию. «Контакты пришлого населения с местным и друг с другом привели к сложным этнокультурным процессам, нашедшим отражение в пестрой картине расселения различных групп и формировании новых общностей, выделяемых в археологические культуры» [АКР, 1, с. 20]. В частности, к сер. II тысячелетия до н.э. относится формирование в Средней Оке необычной *поздняковской* культуры, появившейся в результате продвижения племен из лесостепного Подонья и смешения их с местными племенами [АКР, 1, с. 21].

Общая площадь населенных мест эпохи бронзы по сравнению с неолитом, особо не изменилась, однако выросла (до 7 000 $м^2$) средняя площадь поселений. Появился новый вид погребальных сооружений – курганные могильники.

В период раннего железного века (далее – РЖВ; нач. I тыс. до н.э. – V в. н.э.), климат которого был близок современному, активно развивается лесное животноводство и земледелие. Большая часть территории была заселена племенами *городецкой* культуры (культура *рогожной керамики*). Севернее, в районе Мещеры и современной Московской области, проживали племена близкородственной *дьяковской* культуры (культура *сетчатой керамики*).

Городецкая культура (7-6 в. до н.э. – предположительно 7 в. н.э.) сформировалась в результате смешения в ее ареале разнокультурных и разноэтнических групп позднего бронзового века [АКР, 1, с. 23]. В носителях этой культуры видят предков финно-угорских народов Западного Поволжья. Считается, что до прихода славян представители этих народов составляли основное население территории Окского бассейна.

Население занималось в основном скотоводством, поэтому селилось, как правило, вблизи естественных пастбищ. В этот период чётко различались сель-

ские и городские поселения. Место под строительство городов выбиралось с учетом рельефа: они закладывались на мысах рек, на высоких речных террасах, при слиянии двух оврагов – с условием, чтобы большая часть поселения была ограничена естественными рубежами: высокими уступами, склонами глубоких балок и оврагов. Природное окружение усиливалось грунтовыми насыпями (иногда состоящими из 2-3 валов) и рвами. Средняя площадь городов составляла 2700 м^2. Строились они группами, на расстоянии 10-15 км друг от друга, то есть на отрезке долины в 1-4 км могло находиться 2-3 города. Многие городища РЖВ (на 2006 год их открыто более 100) имеют мощный культурный слой, что свидетельствует о «непрерывности жизни на них в течение более тысячи лет» [АКР, 1, с. 23].

С конца 1-2 в. н. э. (по другим данным 2-3 в. н.э.) на территории области известна культура *рязано-окских могильников*. О самостоятельности данной культуры археологам позволяют говорить такие черты, как строгая территориальная локализация памятников – рязанское течение Оки, особенности погребального обряда [Финно-угры и балты, 1987; Мавродин, 1978, с. 110]. К памятникам этой культуры относятся Дубровичский, Шатрищенский, Борковской, Кузьминский, Малышевский, Старокадомский могильники.

Вопрос о том, какой этнической группе принадлежали могильники, остаётся спорным. Ряд ученых относит их к финно-угорскому населению, сопоставляя как с представителями городецкой культуры, так и с племенами муромы и мещеры. Рязано-окские могильники могли принадлежать и населению разных племен.

В нач. I-II в. – VII-VIII вв. н. э. в район Средней Оки перемещается новое население, предположительно *балты*. В I тысячелетии н.э. балтийские племена занимали территории, расположенные восточнее своего современного ареала, на что указывают археологические данные и данные топонимики. С днепровскими балтами, одной из трёх диалектно-племенных группировок балтов, соотносят, в частности, *тушемлинско-банцеровскую, колочинскую* и *мощинскую* археологические культуры, локализующиеся в окском бассейне; племенные названия носителей данных культур неизвестны (из днепровских балтов древнерусские летописи упоминают только племя *голяди*) [Финно-угры и балты, 1987, с. 7]. Если свя-

зывать фатьяновскую культуры II тысячелетия до н.э. с протобалтами, то освоение балтийскими племенами территории Поочья в начале I тысячелетия н.э. можно считать в известном смысле «вторичным».

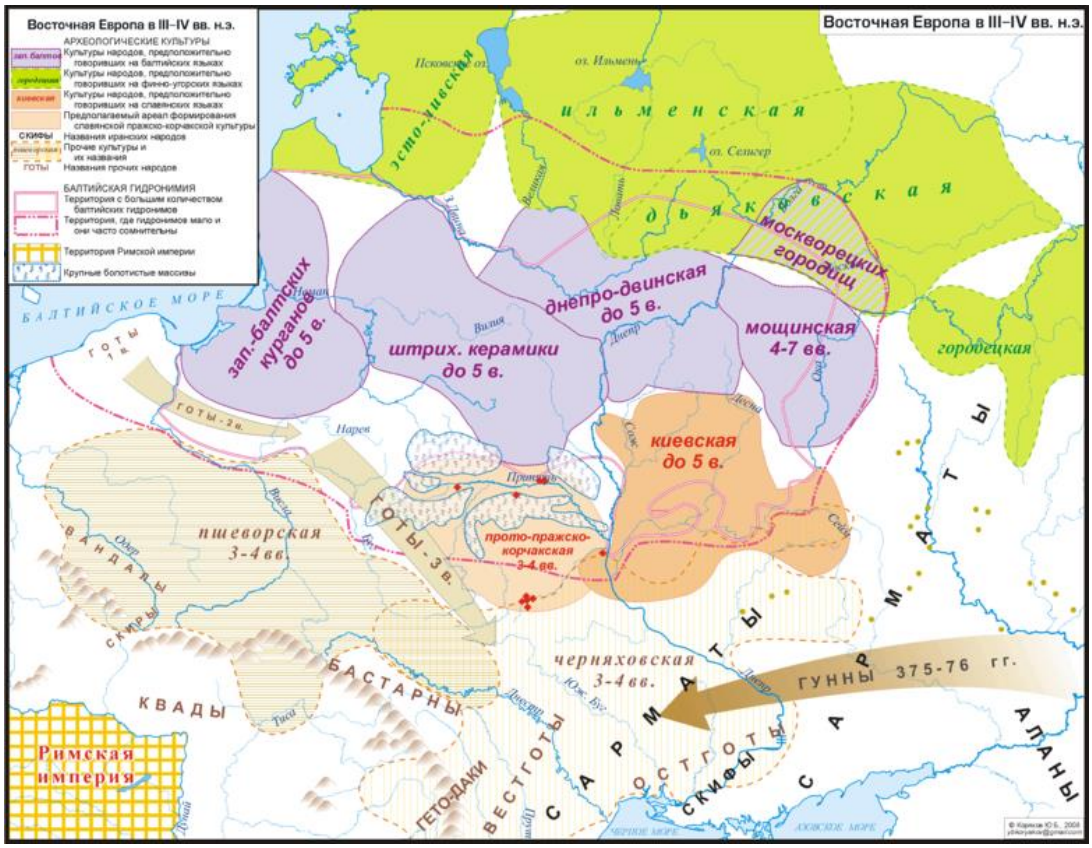


Рис. 4.3. Восточная Европа в III-IV вв. н.э. (сост. Ю.Б. Коряков)

В Среднюю Оку отдельные балтийские группы проникли, как полагают, с её верховий. Границы их расселения доходили непосредственно до мест проживания поволжско-финнских племён. Поочье являлось зоной соприкосновения их ареалов.

Предполагают, что в Рязанском Поочье осела сравнительно крупная группировка балтского населения [Седов, 1979, с. 79]. Столкнувшись с местным населением, балты долгое время проживали совместно, однако постепенно растворились среди него. Следы межэтнических контактов обнаруживают и в языке (комплекс балтийских по происхождению слов в мордовских языках), и в материальной культуре. Элементы разных культур выявлены, в частности, в отдельных памятниках группы рязано-окских могильников. Наиболее показателен в этом отношении Борковской могильник (под совр. Рязанью): отдельные черты похорон-

ного обряда (меридиальное положение умерших – головой на север или юг) соотносят с финно-угорской культурой, другие (украшения, лощёная керамика мощинского типа) – с балтской. Исследователи полагают, что две части Борковского могильника, будучи синхронными по времени функционирования, свидетельствуют о длительном соседстве двух племенных групп [Финно-угры и балты, 1987, с. 94-95].

Этническая атрибуция известных археологических культур, их хронология, эволюция, связи являются открытыми и дискуссионными вопросами современной науки, представленная информация носит в извесной степени гипотетичный характер.

Считается, что потомками племен городецкой и других близких культур являются поволжские финны. В Среднем (рязанском) Поочье они были представлены *мещерой, мордвой* и, возможно, другими этническими группами, сведения о которых утрачены.

Мещера занимала одну из центральных территорий Восточно-Европейской равнины (***Мещёрскую низменность***). Современная Мещёра частично охватывает Рязанскую, Московскую, Владимирскую и другие области.

Основными центрами *мордвы* являлись бассейны рек Оки, Цны, Мокши и Суры. Как и поселения предков, мордовские поселения (городища и селища) в основной своей массе располагались на высоких речных мысах, песчаных дюнах, в верховьях оврагов. Население занималось охотой и рыбной ловлей, но основным занятием было скотоводство, поэтому традиционно мордва селилась в плодородных долинах.

Уже в VII-VIII вв. появляются расхождения в материальной культуре, свидетельствующие о распаде мордвы на две группы: эрзя и мокша. Исторически сложилось, что мокша занимает южную и западную часть мордовской территории (совр. Мордовия), эрзя – восточную часть.

Говоря о территории Среднего Поочья древнейшего периода, нельзя не учитывать то обстоятельство, что на юге она соприкасалась с территорией Дона, где еще в доисторическое время сформировалась скифская культурная общность.

В последние века I тысячелетия до н. э. на смену ей приходит сарматская культура. С этим временем связывают иранский гидронимический пласт в топонимии Подонья (к нему, в частности, относят название главной реки ***Дон***). Позднее он подвергся мощному тюркскому влиянию. Нельзя исключать, что отдельные иранские или тюркские элементы не проникли на сопредельные территории и не дошли до южных границ распространения древнемордовской культуры, то есть до правобережного Поочья. Об этом свидетельствуют, в частности, единичные археологические находки: погребение всадника с конем и вещами близ рязанского села Арцибашево и клад у с. Железницы на р. Осетр, относящиеся ко вт. пол. I тысячелетия н.э. и содержащие предметы, характерные для кочевого и полукочевого населения степи и лесостепи [АКР, 1, с. 26-27].

Изменение этнического ландшафта изучаемой территории связано с началом славянской колонизации. В VII-VIII вв. на Средней Оке по неустановленной пока причине исчезает культура рязано-окских могильников [Финно-угры и балты, 1987, с. 93]. Уже к этому времени отдельные исследователи относят появление первых славянских элементов в Среднем Поочье [Третьяков, 1970, с. 113, 125]. Другие считают, что освоение территории славянами началось не ранее VIII-IX вв., или, к чему склоняется большинство историков, на рубеже IX-X вв., при этом до сих пор неизвестно, что происходило в регионе с течение 150-200 лет, разделяющих две культуры.

Памятники начального этапа славянского расселения в Поочье немногочисленны (на 2005 год открыто около 20). Среди них преобладают неукреплённые поселения, расположенные вдоль течения р. Оки и в среднем течении Вожи. Эти поселения считают первыми славянскими торгово-ремесленными поселками, занимавшимися обслуживанием водного пути и торговлей [АКР, 1, с. 28].

Среди наиболее ранних поселений: селища у сёл Борки и Дубровичи, Алекановское поселение у пос. Мурмино [АКР, 1, с. 27]. Керамика этих памятников сопоставима с посудой ромено-боршевской культуры, локализующейся на верхнем Дону. В районе Борковского селища обнаружены также многочисленные находки восточных монет кон. VIII - нач. XI в., а всего на территории Рязанской

области открыто более 20 кладов и отдельных находок этого времени. Приблизительно X веком датируются первые славянские курганы, свидетельствующие об оседлости населения.

По заключению археологов, все ранние поселения располагались в зоне распространения серых лесных почв на суглинке (с преобладающей растительностью в виде дуба, вяза, липы) и в меньшей степени на песчаных возвышенностях речных пойм в окружении плодородных пойменных почв [Судаков, Буланкин, 2005, с. 272].

Проблема расселения славян в Окском бассейне остается спорной ввиду неоднородности имеющихся исторических (археологических) и этнографических материалов, допускающих разное объяснение. Не вызывают разногласий лишь положения о том, что 1) в колонизации края принимали участие разные восточнославянские племена и группы, 2) освоение славянами рязанского течения Оки проходило в разное время и в нескольких направлениях.

Одно из них – западное направление, вниз по Оке. Предположительно в IX в. славяне из Поднепровья, из верхне-окских районов спустились по Оке и, достигнув устья Москва-реки, повернули на северо-запад, заселив её нижнее и среднее течение [АКР, I, с. 28].

Ранее уже отмечалось, что по свидетельству летописей рязанскую территорию занимали вятичи [ПСРЛ, II, с. 10]. С этой славянской группой многие годы ассоциировался западный путь освоения Поочья. Вятичи занимались пашенным земледелием, у них хорошо были развиты ремёсла.

Археологически культура вятичей опознается по семилопастным височным кольцам, решетчатым перстням, пластинчатым браслетам с загнутыми концами, хрустальным и желтым стеклянным шарообразным бусам, а также по особенностям погребального обряда, к которым относят коллективные курганные насыпи (курганы с «домовинами»), трупосожжения.

Исследования последних лет поставили под сомнение уверенную связь рязанской территории с упоминаемой в летописи славянской группой, во многом в связи с малочисленностью, нерегулярностью и относительно поздним характе-

ром находок вятичской культуры, которые говорят, скорее, о том, что вятичи проникали в Поочье небольшими группами и селились среди представителей других славянских объединений, уже освоивших эти земли ранее. В частности, археологически доказано, что древнейшее население Рязани не было вятичским, территория города находится вне ареала вятичских курганов. «То, что она на ряде карт включается в этот ареал, – фактическая ошибка, дань старой историографической традиции» [Чернецов, 2005, с. 16]. Находки Старой Рязани, связанные с вятичами, относятся к более позднему времени.

Начальный этап освоения территории связывают преимущественно с носителями роменско-боршевской культуры, продвигавшимися сюда не только из районов Верхней Оки, но и с юга, из Верхнего Подонья, из ареала боршевских городищ (приблизительно датируемых VIII–X вв.) [Третьяков, 1970]. Носителей данной культуры современные исследователи обычно называют боршевцами, или донскими славянами, ввиду отсутствия летописного названия. В культуре боршевцев обнаружено много близких черт и с культурой северян, и с культурой вятичей, что может говорить о том, что ранее все они входили в один племенной союз. Высказываются предположения, что славянские культуры на Дону и на Оке были синхронными и возникли приблизительно в VIII в.

В кон. X в. верхнедонские поселения были покинуты, по всей видимости, из-за набегов степных кочевников – печенегов. Распространенным является мнение о том, что в период, когда составлялась Повесть временных лет (нач. XII в.), славянской группировки на Дону уже не существовало, поэтому летопись и не называет ее имя. Часть боршевского населения, двигаясь по донским, а затем по крайним окским притокам, могла расселиться на рязанской территории. Считается, что эта группа, сокрее всего, смешанного состава (боршевцы, ранние вятичи, северяне), освоила западную и центральную часть современной Рязанской области, территорию ближнего, а затем, постепенно, и дальнего окского правобережья.

С конца X и в XI в. численность славянского населения в Поочье резко сокращается, что могло произойти из-за усилившихся набегов кочевников [Судаков, Буланкин, 2005, с. 273].

Представители другой славянской группы заселили Мещерскую низменность и муромское течение Оки, северную и северо-восточную часть современной Рязанской области, куда пришли из Волго-Клязьминского междуречья, освоенного ими в более раннее время [АКР, 1, с. 29]. Характер этой колонизации был совершенно иным: новые насельники переселялись не массово, а небольшими группами, «селились совместно или чересполосно с финно-уграми, поддерживая с ними тесные культурные и хозяйственные отношения» [АКР, 1, с. 29]. Славян, занявших Мещерскую низменность, считают кривичами, их появление в рязанском Поочье относят ко времени не ранее XI в.

Земли, освоенные к XI-XII вв. новым населением Поочья, включали в себя верхнее (Жиздра, Угра, Упа, Зуша) и среднее течение Оки, на севере они доходили до верховьев Москва-реки, на востоке – до устья Цны, а на юго-западе – до верховьев Дона и Тихой Сосны [АКР, 1, с. 28; Мавродин, 1978, с. 84]. Рязанская территория в зоне славянского расселения оказалась крайней (на востоке) и пограничной с зонами проживания иных народов.

В последующие периоды в Среднее Поочье продолжали перемещаться новые славянские группы, в частности, в XI-XII вв. сюда направился колонизационный поток из южнорусских – Киевских – земель. Каждая из новых групп несла в Поочье свою культуру, свои традиции.

Государственное образование на рязанской территории появляется во вт. пол. XI в., когда она входит в состав Черниговского княжества, из которого позднее (в 1129 г.) выделилось Муромо-Рязанское княжество. В середине XII в. Рязанское княжество становится самостоятельным [АКР, I, 29-31].

История княжества до XIII в. включает в себя непрекращающиеся княжеские междоусобицы, борьбу за территории влияния и сложные отношения со степными соседями – половцами, являвшимися в то время главными врагами Руси. Тем не менее, этот период считается временем расцвета княжества: активно развиваются торговые связи, функционирует много поселений, активно возводятся новые, населения края считается богатым и преуспевающим. Основная терри-

тория княжества располагалась в междуречье Прони, Оки и Осетра, главным городом была Рязань (ныне археологический памятник *городище Старая Рязань*).

В XIII-XV вв. начинается объединение княжеств Северо-Восточной Руси, однако рязанская территория еще долго сохраняла свою самостоятельность.

Начиная с 1224 г. и регулярно в последующем рязанские земли ввиду окраинного положения подвергались вторжениям внешних врагов. В летописных свидетельствах XIII-XV вв. часто встречаются записи: «Приходиша изгоном татарове на Рязаньскиа украины и, много зла сотворивше, возвратишася во свояси». В 1237 г. была полностью сожжена Рязань, а территория княжества разорена.

В этот период происходит отток части населения, прежде всего с верховьев Дона, в более безопасные северные районы. Красноречиво свидетельство современника, которому случилось побывать в это время в Задонье: *«Бяше бе пустыня, зело всюду, не бе бо видети тамо ничто же, ни града, ни села… пустошь все и не населено …»* [Свод лет. Ряз., с. 227]. На рязанской территории, особенно в южной её части, остаются обжитыми только поселения, находящиеся в густых лесах, в стороне от основных дорог, остальные находятся «в пусте». Улучшение военной и социально-экономической ситуации произошло после объединения русских земель вокруг Москвы. Территория Рязанского вел. княжества вошла в состав Московского государства в 1521 году.

Таковы основные этапы освоения человеком Среднего Поочья и краткие вехи истории Рязанского вел. княжества, образованного на этой территории после расселения здесь славян в составе различных племенных групп и союзов. Эти материалы дают дополнительную информацию для этнолингвистической интерпретации ономастических данных, а также дополняют наши представления об условиях и времени формирования ономастического пространства региона в древнейшие периоды.

4.3. Сопоставление ономастических и археологических данных

Новые факты, открытые в период 1990-2018 гг., и высказанные в связи

с этим новые научные идеи и гипотезы требуют нового взгляда и на проблемы ранней ономастики Среднего Поочья.

Среди этих проблем наиболее существенными для нас и вместе с тем ограниченными в плане возможностей изучения исключительно лингвистическими методами являются вопросы, касающиеся: 1) этапов формирования ономастического пространства региона; 2) степени его освоенности в разные исторические периоды; 3) источников ономастических традиций, отмеченных в регионе; 4) особенностей развития региональной ономастики; 5) возможной интерпретации и хронологической атрибуции древнерусских и субстратных (дославянских) топонимов; 6) поиска новых источников архаичной ономастики; 7) особых топонимических зон.

Решение этих вопросов в свете имеющихся на 2018 год исторических материалов представляется нам возможным. Часть из них рассматривается в данном разделе. Другая часть решается с привлечением картографического и ареального методов в Главе 5. В обеих главах используются методы межнаучной интеграции, в частности, метод сопоставления топонимических и археологических данных. К этому методу прибегают в топонимических исследованиях, однако он достаточно трудоемкий и требует наличия материалов обобщающего характера (в частности, карт), а от исследователя и дополнительных знаний. Возможно, поэтому до сих пор он остается неразработанным и не столь часто применяемым. Вопрос важности и в то же время несовершенства методики поднимался еще в 1970-е годы. Существенные шаги в этом направлении были сделаны В.В. Седовым, Г.П. Смолицкой, А.А. Бурыкиным, их работы способствовали выработке основ подобного межнаучного сопоставления, получению значимых теоретических и практических выводов [см., в частности: Седов, 1972; Смолицкая, 1974; Бурыкин, 2000]. Наше исследование направлено на дальнейшее совершенствование данной методики.

4.3.1. Установление этапов формирования ономастического пространства региона и степени его освоенности в разные исторические периоды

В ходе выборки топонимов из письменных источников древнерусского времени нами был составлен список, включающий 66 наименований географических объектов Рязанского вел. княжества. Однако совершенно очевидно, что эти документально засвидетельствованные наименования составляют лишь некую и, вероятно, весьма небольшую часть всех бытовавших в то время названий, и если, говоря об ономастическом пространстве региона раннего периода, мы оперируем лишь этими материалами, даже несмотря на их фактическую достоверность и чрезвычайную информативность, наши выводы, скорее всего, окажутся не корректными. Именно поэтому при изучении ранней топонимии региона целесообразно обращение к археологическим источникам, которые могут иметь в отношении отдельных разрядов онимов первостепенное значение.

Так, из всех топонимов сформированного списка 40 являются названиями рязанских поселений. Это число в несколько раз меньше общего количества открытых на территории области древнерусских поселений, а это значит, что основная часть населенных мест того времени известна только по археологическим данным.

Согласно общерусской традиции, каждое поселение имело собственное имя. Следовательно, информация о числе древнерусских поселений, равно как и об их типе (городище, селище) и времени функционирования, позволяет делать выводы о степени освоенности ономастического пространства региона на разных исторических отрезках, даже при условии, что имена этих поселений нам неизвестны.

Так же, как и в археологии, при этом должен учитываться так называемый «принцип пирамиды»: открытые древние поселения являются лишь верхушкой пирамиды, основание которой по-прежнему остается сокрытой культурным слоем последующих столетий. И это хорошо доказывают, с одной стороны, районы, подвергшиеся сплошному археологическому обследованию, в результате которого картина древней системы расселения существенно корректируется, а с другой стороны, совершенно неизученные (в силу разных причин) районы, которые остаются «белыми пятнами» на археологической карте региона (см. Рис. 4.4).

Число открытых поселений год от года увеличивается, а это не может не менять наши представления об ономастическом ландшафте прошлого. Весьма показательно в этом отношении сравнение научных данных, полученных на отрезке в 20-30 лет. Так, в частности, в исследовании Ю.П. Чумаковой (1992 г.) приводится карта славянских поселений Среднего Поочья. Автор указывает, что только по берегам Прони известно около 70 древних славянских поселений, из них 16 городищ [Чумакова, 1992, с. 21-22]. К 2012 году, т.е. за 20 лет, прошедших с момента выхода книги, только в верхнем течении этой реки открыто еще около 300 новых объектов, что увеличило количество известных древнерусских памятников в 2,5 раза [Русаков, 2005, с. 400].

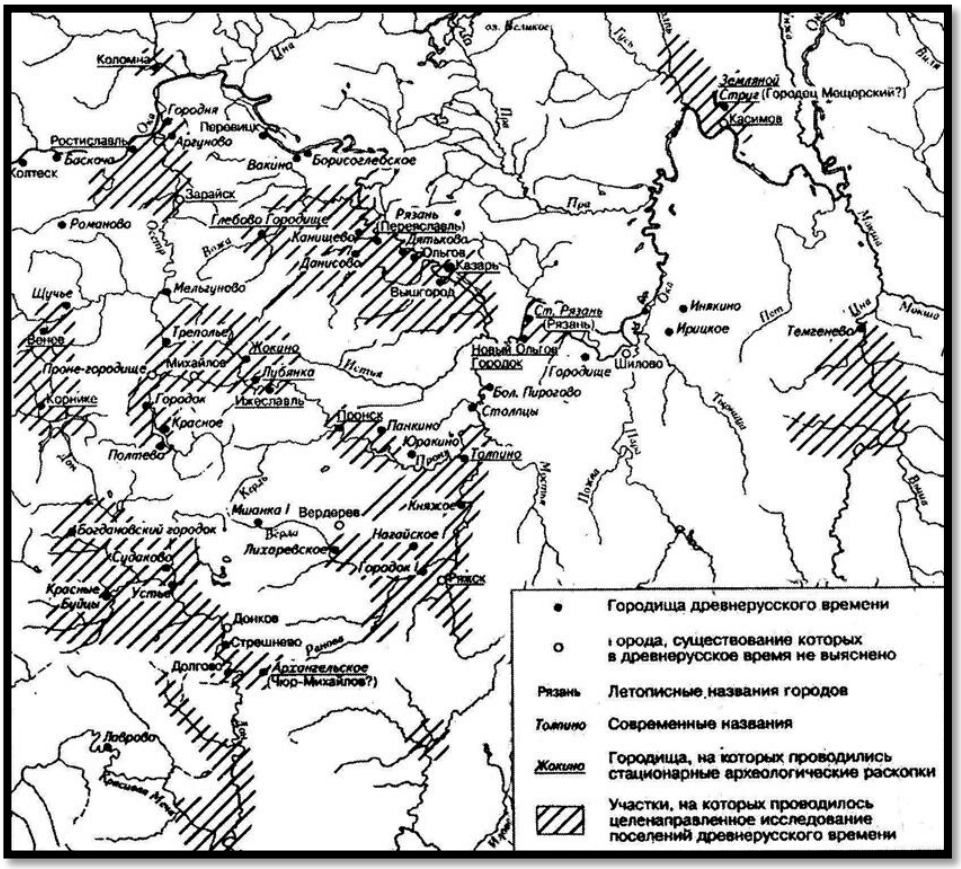


Рис. 4.4. Степень изученности поселений Рязанской земли (районы, в которых проводились систематические археологические обследования) (сост. И.Ю. Стрикалов, 2005 г.)

Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах России. Так, в частности, только за два года (2001-2002) целенаправленных полевых работ в историческом центре Суздальской земли – Суздальском Ополье, на территории площадью около 90 км^2 Институтом археологии РАН было обследовано 59 поселений и других памятников IX-XV вв., из них 37, то есть более половины, выявлено впервые. По заключению самих археологов, это убедительно доказывает «как высокую концентрацию средневековых памятников в ополье, так и недостаток наших знаний о, казалось бы, хорошо изученных в археологическом отношении районах центра

Русской равнины» [Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005, с. 197]. Новые материалы могут быть чрезвычайно интересны и для исследователей топонимии Суздальской земли, как при поиске древнерусского (архаичного) пласта в топонимии данного района, так и при восстановлении ономастической картины прошлого.

Богатый археологический материал по рязанскому Поочью, открывающий возможности для новых открытий в области топонимики, заставляет нас подробней рассмотреть историю и характеристику древнерусских поселений региона.

Уже в период до XIII в. прослеживается четкое разделение поселений на сельские и городские. Города делились на крупные и небольшие ремесленно-торговые; особое положение в этой системе занимал стольный город. Особые типы поселений – города-убежища, которые использовались только во время опасности жителями ближайших сел, и княжеские усадьбы. И те, и другие имели относительно небольшие размеры, но при этом мощную систему укреплений [АКР, 1, с. 31].

Большинство древнерусских городов располагались на высоких берегах рек или на возвышенностях в долинах рек, крайне редко – в заболоченных низинах. Среди известных на сегодняшний день рязанских археологических памятников: *Старо-Рязанское, Ромадановское, Вышгородское, Троице-Переницкое городища* (интерпретируются как ранние славянские поселения), *Ростиславльское, Лубянское, Ижеславльское, Жокинское городища* (городища периода расцвета Рязанского вел. княжества).

Отдельные древнерусские города (*Ижеславльское, Жокинское, Лихаревское городища*) были больше и мощнее по системе укреплений предшествовавших финно-угорских городов РЖВ, что говорит и о возросшей численности населения, и о совершенствовании техники строительства городов.

Сельские поселения располагались, главным образом, вдоль рек, редко – на водоразделах, у берегов оврагов, которые в древности, очевидно, были заполнены водой. Населенные места, сконцентрированные вокруг крупных городов, являлись городскими посадами или пригородными слободами.

Скопление поселений периода до XIII в. наблюдается вдоль течения Оки, вдоль её правых притоков Вожи, Прони. Крайне мало их в Мещёре и в восточной

части области. Здесь обнаружены только два островка древнерусской жизни: вокруг городища Земляной Струг (от устья р. Гусь до устья р. Унжа; открыто около 11 поселений, 2 курганных могильника), вокруг Темгеневского городища (нижнее течение Цны, открыто 13 поселений) [АКР, 1, с. 30; Судаков, Буланкин, 2005, с. 272-273]. В указанных районах, по всей видимости, следует искать наиболее ранние для территории Среднего Поочья славянские топонимы.

Обследование ранних поселений (в частности, *Старая Рязань, Войнюковского, Дураковского*) говорит о том, что временем их расцвета был период со вт. пол. XII до перв. пол. XIII в. [Судаков, Буланкин, 2005, с. 272].

На вт. пол. XII в. приходится значительное расширение площади освоенных земель. Только в районе рек Смедва – Осетр в этот период возникают 32 сельских поселения и город Ростиславль. По подсчетам В.Ю. Коваля, число новых поселений этого времени составляет половину всех памятников древнерусского времени, открытых в данном районе [Коваль, 2005, с. 285].

На рубеже XII-XIII вв. активно обживается район к югу от Прони (долина Рановы). Однако в XIV в. многие поселения здесь прекращают существование из-за опасной близости к степи. К нач. XIV в. жизнь замирает и в других районах княжества.

По данным археологии, в XIV-XV вв. продолжают функционировать города ***Переяславль Рязанский, Пронск, Городок Мещерский*** и некоторые другие, возникшие еще до XIII в., но и закладываются новые, среди них: ***Шилов, Михайлов, Елатьма***. Основную массу поселений по-прежнему составляют сельские поселения, в том числе возникшие в XII в. После более чем столетнего перерыва происходит повторное заселение территорий, запустевших в перв. пол. XIII в., постепенно начинают осваиваться земли, занятые финно-уграми [АКР, I, с. 35, 36]. Таким образом, в этот период должно было происходить и оживление ономастических процессов, так как вновь обживаемые места требовали новых имен, соответствующих новым жизненным реалиям.

Поселения XV-XVI уже встречаются на всей территории области, в том числе в Мещёре, в бассейне Цны и Мокши, где ранее они занимали лишь островное положение. В юго-западной части области основная масса поселений по-

прежнему сконцентрирована в нижнем и среднем течении Рановы, близ устья притока Рановы Моши, вдоль долины Моши, вдоль долины Верды, л.п. Рановы. В этот период поселения закладываются уже не только вблизи рек, но и на водоразделах, что свидетельствует об увеличении площади освоенных земель и увеличении численности населения. В число угодий русского населения входят и земли неславянских народов Поочья.

Такую картину расселения в Среднем Поочье представляет археология. Мы обобщили данные из разных источников о количестве открытых поселений в отдельных районах Рязанского вел. княжества (по данным на 2017 год) и сопоставили их с материалами, полученными лингвистическим путем. Результаты сопоставления приведены в **Таблице 10**. Материалы таблицы позволяют установить степень освоенности топонимического пространства на основании количества бытующих на определенном временном отрезке названий, возможные зоны концентрации и рассеивания древнерусской топонимии, а также степень расхождения данных двух наук: топонимики и археологии.

Таблица 10. Количество древнерусских поселений региона: данные памятников письменности, археологии и ономастики.

Район	**Количество поселений по археологическим данным[15] (на 2017 год)**							**По данным древнерусских памятников письменности**	**По данным ономастики**
	IX	**X**	**XI**	**XII**	**XIII**	**XIV**	**XV**		

[15] Приведенные в таблице данные о количестве древнерусских поселений на исследуемой территории взяты нами из следующих источников: Андреев С.И. Юго-восточная граница Рязанского княжества в XII-XIV вв. по данным археологических источников // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV вв. Тула, 2005; Стрикалов И.Ю. Русская колонизация Нижней Цны в XIII-XIV вв. в свете гончарных традиций Северо-Восточной и Юго-Восточной Руси // Материалы по истории и археологии России. Рязань: Александрия, 2010. С. 315;Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII-XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в XI-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2005. С. 244-252; а также из статей, опубликованных в книге «Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы» (М.: Памятники исторической мысли, 2005): Иванов Д.А., Стрикалов И.Ю., Челяпов В.П. Поселенческая структура XII-XV вв. междуречья Прони и Рановы. С. 336-360; Коваль В.Ю. Планировка средневекового Ростиславля. Приложение. Средневековые памятники в окрестностях Ростиславля. С. 285-287; Русаков П.Е. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля. С. 400; Стрикалов И.Ю. Округа Старой Рязани в XII-XV вв. С. 222-224; Судаков В.В., Буланкин В.М., Вячин А.А. Археологическая карта округи Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX-XIV вв. С. 34; Тропин Н.А. Древнерусские памятники XII-XIV вв. на южных территориях Рязанской земли: структура расселения. С. 448; Челяпов В.П. Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли. С. 413-427.

Поселения в окрестностях древней Рязани (Спасская Лука) (данные И.Ю. Стрикалова)		**40**	**40**	**60**
Поселения в окрестностях Переславля Рязанского (Ока, Вожа, Павловка, Листвянка) (данные В.В. Судакова, В.М. Буланкина, А.А. Вячина)	**30**			
	179			
Поселения в окрестностях Ростиславля (Осетр, Смедва) (данные В.Ю. Коваля)	**13**	**34**		
Поселения в верхнем течении Прони (данные П.Е. Русакова)	**53**			
Поселения в междуречье Прони и Рановы (данные Д.А. Иванова, И.Ю. Стрикалова, В.П. Челяпова)	**61**			
	36			
	41 (новых15)			
	59			
Поселения на Верхней Цне (данные С.И. Андреева)	**59**			
Поселения на Нижней Цне (данные В.П. Челяпова)	**20**			
Поселения в Верхнем Подонье (данные Н.А. Тропина)	**98**			
	125			
Поселения в долине р. Воронеж (данные Н.А. Тропина)	**132**			
Поселения на Средней Паре (данные И.Ю. Стрикалова)	**около 30**			
Поселения в Касимовском Поочье	**11**			

(данные В.П. Челяпова)					
Общее число открытых поселений древнерусского времени	**более 750**				

Из сводной таблицы видно явное расхождение данных двух наук: количество установленных ойконимов древнерусского периода в 7 раз меньше числа открытых поселений того же времени, то есть нам известно лишь 10-15 % древнерусского топонимикона региона. А при учете «принципа пирамиды» процент соотношения известного и неизвестного будет еще более низким: по гипотетическим расчетам археологов, только в период расцвета Рязанского великого княжества на его территории могли функционировать от 1000 до 2000 поселений.

Весьма показательно и другое сравнение – касающееся соотношения поселений разных типов. По данным памятников письменности, соотношение документально зафиксированных названий городских поселений к сельским составляет 36 / 4, или 9 / 1 (см.: Глава 2, раздел 2.1.1, Диаграмма 1), то есть из десяти упомянутых топонимов девять были названиями городов и лишь одно – названием сельского поселения.

Археологические же материалы говорят об обратном. В частности, в группе ранних славянских памятников из 20 поселений, открытых на территории Рязанской области к 2005 г., лишь 4 квалифицируются как городища, остальные – как селища, то есть соотношение городских поселений к сельским составляет приблизительно 1 / 5: на один город приходилось не менее 5 сельских поселений, а в последующие периоды этот разрыв только увеличивался, что подтверждают данные **Таблицы 11**.

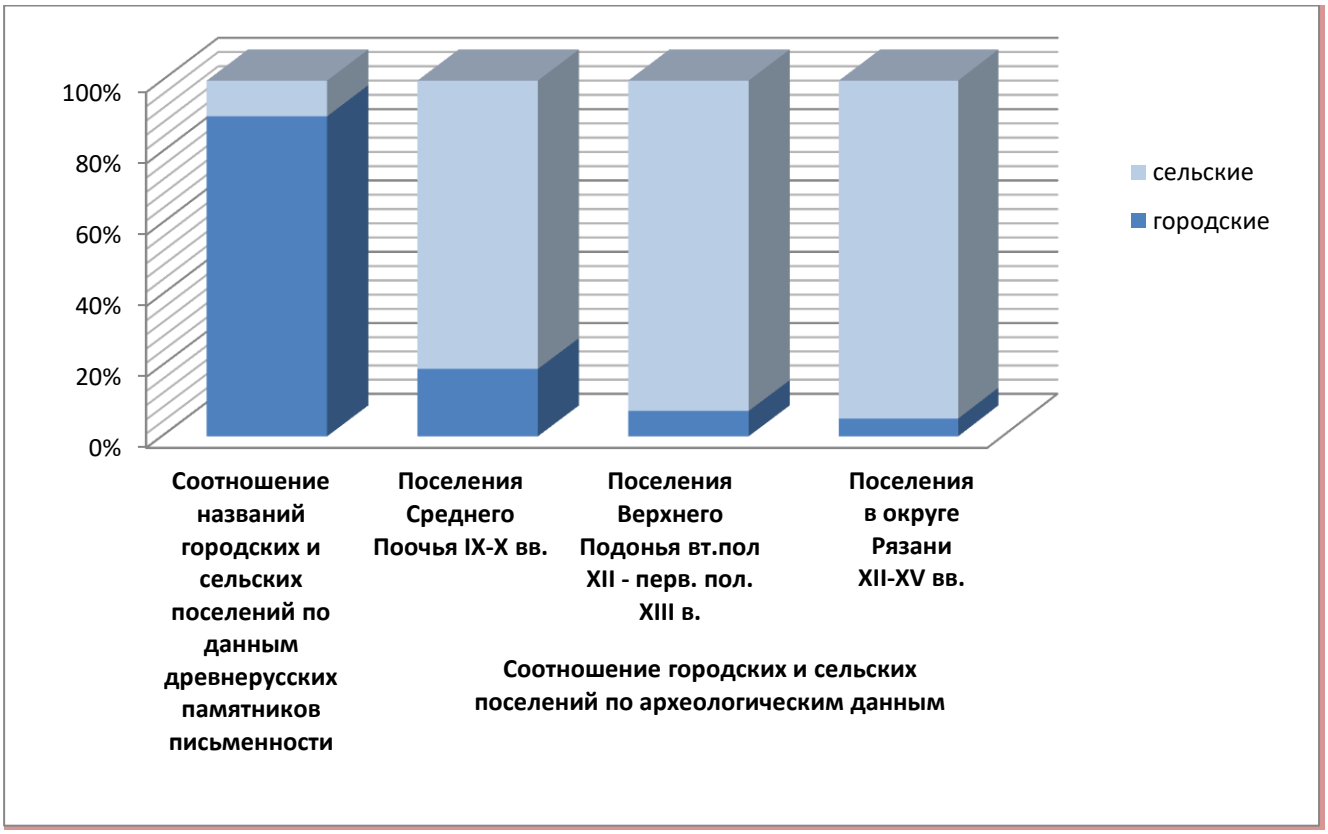
Таблица 11. Соотношение городских и сельских поселений в девяти районах Рязанского вел. княжества

Район	Соотношение городских и сельских поселений (по данным на 2017 год)[16]						
	IX в.	X в.	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.	XV в.
Поселения в междуречье Прони и Рановы			7/56, или 1/8				
Поселения в верхнем течении Прони		5/48, или 1/10					
Поселения в Касимовском Поочье			1/10				
Поселения в Верхнем Подонье				7/91, или 1/13			
Поселения в окрестностях Ростиславля				1/13			
Поселения в окрестностях древней Рязани				1/19			
Поселения на Нижней Цне				1/20			
Поселения на Верхней Цне				1/58			
Поселения в долине р. Воронеж				2 / 130, или 1/65			

Представленные материалы существенно корректирует соотношение внутри разряда древнерусских ойконимов: на один город приходилось от 8 до 65 сельских поселений, в зависимости от положения района относительно центра княжества и степени освоенности территории. Несоответствие данных разных источников хорошо видно на **диаграмме 7.**

[16] Источники информации указаны в сноске к предыдущей таблице 10.

Диаграмма 7. Городские и сельские поселения: данные древнерусских памятников письменности и археологии.



Таким образом, степень корректировки лингвистических материалов, в том числе информации, полученной из памятников письменности, данными археологии может быть чрезвычайно высокой, а по отдельным вопросам позиция археологии может носить принципиально иной характер. Отсюда следует, что археологические сведения обязательно должны приниматься во внимание при реконструкции ономастической картины прошлого.

4.3.2. Выявление тенденций региональной ономастики

Специфика истории региона позволяет выявить или объяснить некоторые особенности развития региональной ономастической системы. На неё могли повлиять такие факторы, как более поздний характер славянского освоения, окраинное положение по отношению к центрам русской жизни, относительная обособленность территории, пестрый состав колонистов.

Тот факт, что Среднее Поочье заселили славяне, пришедшие из других районов, даёт возможность предположить, что в первые века их присутствия в реги-

оне славянская ономастика должна была развиваться в соответствии с традициями исконных территорий. И это предположение, как мы видим, подкрепляется уже озвученными ономастическими фактами, а именно: наличием в региональном фонде топонимов особой группы названий, аналоги которых известны на территориях более раннего расселения славян – только из числа топонимов, упомянутых в памятниках письменности, 13 ойконимов и гидронимов (в том числе, Вышгород, Трубеж, Лыбедь, Проня); использованием географических терминов, изначально не связанных с равнинным ландшафтом и не отражающих местные природные реалии, и др.

Разные направления движения в Среднее Поочье и, пожалуй, самое важное, пестрый состав колонистов повлияли на то, что принесенные ими из мест прежнего проживания ономастические традиции поделили территорию на несколько зон, отличавшихся по составу и характеру географических имен и апеллятивной лексики (например, в центральной части области: топонимы от *болонь*, *луков-*, *кал-*, в юго-западной части: топонимы от *гай, липяг, паник-*, *ржавец*). Лишь после появления в Поочье нескольких поколений оседлого славянского населения и организации территории в единую административную область топонимическая система могла развиваться уже более или менее самостоятельно, формируя собственные региональные черты, в том числе местную географическую терминологию, и аккумулируя традиции новых групп населения, прибывавших в Поочье и в последующие периоды.

Относительно поздний характер славянского освоения и установления княжеской власти, сохранение независимости княжества вплоть до XVI в. могли повлиять на то, что в ономастике региона дольше оставались актуальными такие модели топонимов, продуктивность которых на других территориях уже угасала. Это замечание относится, в частности, к типу названий городов на *-jь*, который в западных русских областях уже с кон. XI в. активно вытеснялся посессивными формами на *-ов, -ев, -ин* [Роспонд, 1972, с. 85], а в регионе образование топонимов данного типа продолжается еще в сер. XII в., второй тип топонимов становится продуктивным лишь в XIV в.

Особый интерес в плане сопоставления топонимических и археологических данных представляют результаты исследований древнерусской керамики (фрагменты гончарной посуды). Массовый и специфичный характер этого материала делает его одним из важнейших источников по изучению древней истории и культуры. Для средневековых памятников керамика является «самым надежным, а нередко единственным критерием их хронологической и культурной атрибуции» [Стрикалов, 2006, с. 3]. Возможно, аналогичную роль она может сыграть и в отношении памятников духовной культуры, каковой является топонимия?

Для ответа на этот вопрос мы обратились к исследованию 2002 г. «Керамика Рязанской земли XI-XV вв.» сотрудника Института археологии РАН И.Ю. Стрикалова. На основе многолетних исследований автором была разработана классификация древнерусской керамики района Среднего Поочья, включающей 15 типов керамики, и построена хронологическая шкала бытования разновидностей горшков в период с X по XV век. Эта шкала позволяет, с одной стороны, датировать с высокой точностью материал археологических памятников, прежде всего поселений, с другой стороны, восстановить основные этапы истории гончарного производства Рязанской земли.

Для ономастического исследования полученные результаты дают следующую информацию.

1. В местном гончарстве раннего периода отмечены сильные воздействия, «исходившие из «метрополии», со староосвоенных русских земель, преимущественно из Южной, Юго-Западной и Западной Руси» [Стрикалов, 2002, с. 26]. Как установлено, эти влияния рязанское гончарство испытывало в течение XI века.

В древнерусской топонимии региона выявлено несколько групп названий, ареальные связи которых ведут к тем же территориям [Чумакова, 1992]. Одну из таких групп образуют многочисленные названия на *-ичи*. Установлено, что эти названия связаны с территорией западных областей Руси (бассейн Березины), однако к какому времени относится их появление в Поочье, неизвестно. По данным обследования рязанских керамических комплексов, которые близки посуде памятников территории Белоруссии, влияние гончарных традиций этого региона

отмечается в кон. XI – перв. пол. XII в. [Стрикалов, 2002, с. 18, 24]. По всей видимости, с этим временем можно связать появление топонимов на *-ичи* в рязанской топонимии.

2. В перв. пол. XII в. в регионе складывается собственная школа керамического производства, которую отличают особый вид орнамента (зубчатый штамп, нанесенный колесиком), разнообразие форм горшков с вогнутым устьем и другие черты. Со вт. пол. XII в. в традициях рязанского гончарства происходят коренные изменения, проявившиеся в появлении керамики, отмеченной повсеместно на территории Руси, что связывают с большим притоком нового населения в Среднее Поочье. «С этого момента керамическое производство развивалось в русле общерусских традиций», с сохранением отдельных черт местной гончарной школы, симбиоз которых привел к появлению новых типов посуды и технологий их производства и складыванию собственных оригинальных традиций: «рязанской» (XIII-XIV вв.), «поокской» (XIII-XIV вв.), чуть позднее «переяславской» (XV в.) [Стрикалов, 2002, с. 25-28]. Некоторые типы керамики были признаны «рязанскими», так как по массовости и своеобразию они отличались от посуды других русских земель.

Из сведений русских летописей нам известно, что в ономастике в перв. пол. XII в. происходит замена племенного наименования жителей Среднего Поочья *вятичи* наименованием по месту жительства *рязанцы.* Со второй половины века усиливается процесс замены общего наименования территории: ***Вятичи*** на ***Рязань, Рязанская область*** (***волость***, с нач. XIII в. ***земля***); то же происходит и в других русских регионах.

Начинает формироваться собственный именник рязанских князей, который, несмотря на довольно характерный набор имен, в точности отразил общерусские традиции княжеского именования, а позднее и новые тенденции в этой области, распространившиеся во всех русских княжествах.

Топонимы, ставшие известными в этот период благодаря упоминаниям в летописях, в большинстве своем были построены в соответствии с общерусски-

ми, иногда и общеславянскими моделями и на базе древнерусской лексики с праславянскими корнями.

Все эти факты региональной ономастики, имеющие отношение к XII в., отражают ее тесную связь с общерусскими ономастическими процессами.

При этом мы не можем сказать, когда началось формирование *региональных* черт в древнерусской ономастике Среднего Поочья, когда начал складываться фонд местных географических терминов (отражающих природные реалии именно Среднего Поочья, а не иных территорий), когда произошло распределение их внутри ареала. В поиске хронологических ориентиров мы, по всей видимости, можем опираться на результаты анализа древнерусской керамики, согласно которым местные оригинальные черты появляются в гончарных изделиях уже в перв. пол. XII в., складывание локальной «рязанской» традиции в изготовлении глиняной посуды происходит в нач. XIII в.

Можно сопоставить эти данные и с другими материалами (лингвистическими и историческими), свидетельствующими – прямо или косвенно – о зарождении самобытной культуры региона, в том числе и языковой:

- во вт. пол. XII – перв. пол. XIII в. формируется акающий диалект Средней Оки;

- в 30-х гг. XII в. в Рязани появляются собственные князья, а с середины того же века Рязанское княжество становится самостоятельным;

- к XII-XIII вв. относятся первые (из найденных) бытовые предметы с надписями, содержащими имена жителей края, в том числе стольного города.

Если нанести имеющие факты на хронологический луч, то линии, отражающие их появление и развитие, совпадут на отрезке вт. пол. XII в. и перв. пол. XIII в. – время расцвета культуры Средней Оки, предшествовавшего трагическим событиям 1237 г. (сожжение Рязани, разорение княжества). Вероятно, этот период следует считать и временем складывания местной ономастической системы и формирования основных ареалов древнерусской топонимии. Появление первых региональных признаков следует отнести к нач. XII в.

Таким образом, некоторые аспекты истории местного гончарного дела сопоставимы с тенденциями в древнерусской ономастике региона, особенно в части

формирования основы местной культуры и ее восприимчивости к общерусским процессам, что говорит о тесной связи и равномерности развития различных сторон жизни внутри одного региона, о неразрывности материальной и духовной культуры народа. Способность керамики отражать изменения даже небольших временных отрезков (до 10 лет) и известность хронологии бытования разных типов гончарных изделий открывают возможности для датирования, хотя бы относительного, отдельных ономастических процессов, выявленных в ходе лингвистического анализа регионального корпуса собственных имен.

4.3.3. Корректировка времени возникновения топонима

По сложившейся культурологической традиции, годом образования того или иного населенного пункта является время первой письменной фиксации его названия. Однако совершенно очевидно, что со дня основания поселения до его упоминания в историческом документе могла пройти не одна сотня лет, таким образом, время записи топонима может быть удалено, иногда значительно, от фактической даты его появления.

Поскольку каждое географическое название является своеобразным маркером своей эпохи, для истории ономастики важно установление не формального – по первой письменной фиксации, а действительного или наиболее близкого к таковому времени его возникновения. Реальная стратиграфия топонимов позволяет наиболее полно и правильно описать традиции и тенденции в области именования, состав ономастической и апеллятивной лексики на каждом историческом отрезке.

В современной науке не существует специальной методики датировки топонима. «Стратиграфирование» накопленного топонимического фонда проводится в основном на основе изучения письменных источников и структурно-семантического анализа названий. Однако некоторые даты могут быть успешно скорректированы археологическими материалами, при учете законов топонимики. В совокупности методика установления действительного возраста топонима заключается в следующем.

1) Лингвистически подтверждена древность модели данного топонима, или, по крайне мере, отсутствуют противоречия лингвистического характера, отрицающие таковую возможность. Надежность выводов возрастает при однородности топонимического окружения места локализации рассматриваемого географического названия.

2) Близ референта имени открыт сопоставимый в плане этно-языковой принадлежности археологический памятник. Надежность результатов возрастает, если археологически подтверждено, что памятник имеет более поздние напластования, жизнь на поселении носила перманентный характер и не прерывалась вплоть до времени письменной фиксации его названия.

3) Возраст топонима может быть сопоставлен с возрастом поселения, а момент появления топонима – с начальным этапом его истории.

Связь названия с ранней историей поселения обусловлена действием стойких традиций именования, сложившихся, очевидно, еще в древности:

1) традицией сохранения названия:

- при смене места проживания населения или места расположения поселения («перенесенные» названия),
- при изменении статуса поселения: город → село или село → город (часто сопровождается изменением формы названия),
- в особых случаях даже при ликвидации поселения (история топонима Рязань как названия главного города отдельного княжества);

2) традицией сохранения рефлексов названия в смежной топонимии.

Существование этих традиций подтверждают многочисленные примеры, приводимые, в том числе, и в нашем исследовании (см. Главы 2, 3).

Также представляется существенным и то, что в древнерусских памятниках письменности вообще не отмечены случаи переименования русских городов или сел, хотя при ретроспективном взгляде на данную проблему (особенно сквозь призму переименований советского времени) можно предположить, что в эпоху княжеских междоусобиц и территориальных споров для этого существовали достаточно веские основания. Тем не менее, даже они не имели той силы, какую

имели древние традиции, касающиеся присвоения и бытования собственных имен и невозможности их изменения, даже под влиянием политической ситуации. То есть город, основанный неким князем Ростиславом и названный в его честь Ростиславлем, в случае завоевания другим князем не менял свое название – по имени нового князя.

В вопросе корректировки возраста отдельных топонимов по-прежнему значимы результаты анализа керамики, отражающей гончарные традиции своего времени, и значимы потому, что керамика позволяет определять время появления и функционирования поселений с высокой точностью (до 50 лет).

Используя эти сведения в ономастике, следует принимать во внимание, что появление названий городов, очевидно, предшествовало формированию местных гончарных традиций, так как города получали свои имена уже в момент закладки. Что же касается сельских поселений, которые чаще всего появлялись в ходе обживания близлежащей территории, и природных объектов, постепенно вовлекаемых в хозяйственную деятельность, то развитие традиций их именования и гончарного дела могло идти параллельно.

Возможность успешной корректировки времени появления топонима археологическими средствами подтверждают хорошо обследованные старинные русские города. В частности, в ходе раскопок в Коломне установлено, что он возник немного ранее даты первого письменного упоминания – не в 1177 г., а в сер. XII в.: именно к этому времени относятся массовые археологические находки (украшения, сосуды, шиферные пряслица и т.д.) [Мазуров, 2005, с. 291]. Таким образом, топоним ***Коломна*** можно рассматривать как образование сер. XII в.

Археологически подтверждено, что ряд ранних рязанских поселений использовался и в XIV-XVII вв. и с самого момента основания жизнь на них не прерывалась [АКР, 1, с. 35]. Это позволяет с успехом корректировать время появления их названий. Применение предложенной методики к историческим названиям региона даёт следующие результаты.

Рязань. Первоначально небольшой ремесленно-торговый город на окском водном пути, важный форпост на тогда еще не обжитой славянами территории,

затем столица самостоятельного княжества, один из центров Древней Руси. Период расцвета города приходится на вт. пол. XII – перв. пол. XIII в. В 1237 г. Рязань была полностью сожжена татарами.

Топоним впервые фиксируется в Лаврентьевской летописи под 1095 годом записи. Вопрос о времени действительного возникновения города потребовал многолетних раскопок. В ходе них была выявлена самая древняя часть города – так называемое «Северное городище» и установлено, что обширное славянское поселение на его территории возникло единовременно, приблизительно в сер. XI в. [Чернецов, 2005, с. 30; Стрикалов, 2005 (2), с. 86].

Новые находки и совершенствование методики датировки позволили в 2005 г. скорректировать эту дату: по заключению археологов, «постепенно накапливается коллекция вещей, которые указывают на начало XI века как на наиболее вероятную дату основания Рязани» [Стрикалов, 2005 (2), с. 42, 85]. К тому времени, когда топоним впервые упоминается в памятнике письменности, «город уже был плотно застроен», жилища кон. XI в. (время летописного упоминания) встречаются повсеместно в центральной и восточной части Северного городища [Стрикалов, 2005 (2), с. 77, 80].

Таким образом, рождение топонима ***Рязань*** может быть также отнесено к началу XI в.

Первопоселенцами города были выходцы из разных русских земель – от Верхнего Поволжья и Смоленска до Новгорода и Южной Руси. Это обстоятельство затрудняет решение вопроса: ономастические традиции какого региона отразились в ойкониме, но то, что они были принесёнными из другой земли, очевидно. На определенные размышления наводят данные Единой информационной системы «Топонимия России» о распространении топонима ***Рязань*** на территории России. В частности, на истоки ономастических традиций может указывать топоним ***Рязань*** Вологодского края (ныне дер. Череповецкого района, на р. Уломка, впадает в Рыбинское водохранилище), на направление движения славянской группы – ряд однотипных названий вдоль течения Оки: ***Рязань, Рязанка, Резанька,*** реки басс. Оки, ***Рязань, Рязанка, Рязанцы*** (2), ***Рязаново*** (2), н.п. (Московская

область), ***Рязановка***, река (п.п. р. Сож, басс. Клязьмы), ***Рязаново***, н.п. (Владимирская область) [ЕИС «Топонимия России»].

Сельская ойконимия данного района начала формироваться после утверждения названия города Рязани: по археологическим данным, территория вокруг города постепенно обрастала «сетью многочисленных поселений» [Чернецов, 2005, с. 26].

После разорения в 1237 году жизнь в городе возобновилась не везде. По заключению археологов, Рязань прекратила существование приблизительно в XIV в. (несколько домов вт. пол. XIII – нач. XIV в. отмечено в северной части города, не далее XIV в. жизнь продолжалась и в южной части города) [Стрикалов, 2005 (2), с. 87]. Сам топоним продолжал употребляться и после этого времени – но уже как название всей Рязанской земли.

Переяславль Рязанский, или ***Переяславль на Трубеже*** (современная Рязань). Считается, что город являлся опорным пунктом рязанских князей в их борьбе с владимиро-суздальскими князьями [АКР, 1, с. 38]. Первое упоминание его названия относится к 1301 г. Однако о времени возникновения города летопись не сообщает, в отличие, например, от другого Переяславля (южного), дата основания которого указана точно – 907 г. [ДРЛ, с. 20]. Определить, как долго функционировал рязанский город до начала летописных упоминаний о нем, позволяют археологические данные. Городище Переяславля обследовано относительно хорошо. Многолетнее изучение территории Кремля, древнейшей его части, дают возможность говорить о том, что город возник не позднее конца XII в. [Судаков, Буланкин, 2005 (2), с. 245], то есть не менее чем за 100 лет до своего первого письменного упоминания.

Жизнь в городе протекала с разной степенью интенсивности, что отражает мощность культурных слоев разных периодов. «Значительными являются слои конца XIII-XV вв., что отражает бурный рост Переяславля в связи с превращением его в столицу княжества» [Судаков, Буланкин, 2005 (2), с. 257], особенно активно территория застраивалась во вт. пол XIII-XIV вв.

Но поселение существовало здесь и ранее, об этом свидетельствуют культурный слой XII – перв. пол. XIII в. (хоть и небольшой) и древнерусский могильник, датируемый перв. пол. XII в. [Судаков, Буланкин, 2005 (2), с. 250-252]. До XIII в. были обжиты и другие части города: Верхний Посад, Рыбацкая Слобода (с кон. XII в.), Нижний посад.

Таким образом, в топонимической системе славянского населения Среднего Поочья название ***Переяславль*** могло появиться в XII в. (возможно, уже в начале столетия, если исходить из предполагаемой датировки могильника), то есть приблизительно через 200 лет после появления первого такого топонима в Южной Руси.

Как раз с XII в. связывают южный поток новых колонистов Среднего Поочья, который принес с собой не только традиции материальной культуры, но и привычные названия: кроме ***Переяславля***, также ***Трубеж, Лыбедь, Дунай***. Эти названия, по всей видимости, создавали привычное для переселенцев топонимическое окружение на новой земле. Совпадение топонимического ландшафта разных регионов, а также длительный период известности названия южного ***Переяславля*** делает маловероятным самостоятельное и независимое происхождение топонимов районов более позднего славянского освоения.

В свете этих данных представляется несостоятельной версия, согласно которой город получил свое название потому, что «перенял славу» сожженной Рязани. Город возник гораздо раньше трагедии 1237 г. и во время описываемых событий уже существовал под именем, которое получил еще в момент основания.

Очевидно, с началом функционирования города формируется городская микротопонимия, включающая: 1) названия церквей; 2) названия отдельных районов городского поселения: ***Кремль*** (укрепленная часть города), ***Верхний Посад***, ***Нижний Посад***, ***Острог*** (с кон. XIII в. резиденция рязанского епископа), которые сохранились до наших дней. Велика вероятность того, что к раннему времени относится и появление названия (или какой-то его части) ***Скоморошинская горка*** (место обжито с XII – нач. XIII в.); современное продолжение топонима – в названии улицы ***Скоморошинской***. *Скоморох* – в Древней Руси певец-музыкант, бро-

дячий комедиант, острослов и акробат [ТСРЯ, 2007, с. 889]. Возвышенное место на правом берегу р. Лыбеди могло быть местом пребывания древних артистов.

Восстанавливая историю древнерусской топонимии региона вообще и историю топонима ***Переяславль*** в частности, отметим два важных обстоятельства.

1) Как установлено, территория будущего Переяславля начала осваиваться славянами еще в IX-X вв., именно с этим периодом связывают самые ранние, хоть и немногочисленные, славянские поселения, которые располагались, в том числе, и по берегу реки, известной сегодня под названием ***Трубеж.*** Однако, как считается, рязанский гидроним появился только XII в. Между тем освоенный человеком водный объект (особенно если на его берегу находились поселения) не мог не иметь названия. В связи с этим закономерно встает вопрос: как именовались реки Трубеж и Лыбедь до XII в. и почему, вопреки древнерусским традициям, касающимся устойчивости топонимической системы, возникла необходимость в присвоении рекам новых имён?

На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Мы можем лишь предполагать, что в данном районе сложилась такая ситуация, при которой жизнь на неопределенное время замерла, а между старым и новым населением района не было преемственности (которая бывает, к примеру, когда в связи с изменением военной или политической ситуации люди возвращаются на старое место проживания). Это привело к тому, что прежние названия забылись и старая топонимическая карта была просто стерта, а спустя 100-200 лет составлена заново, но уже другой славянской группой.

2) По всей видимости, по той же причине на топонимической карте района не сохранились и топонимические элементы других народов. Археология свидетельствует, что территория будущего Переяславля была заселена уже со времен неолита. Здесь открыт и ряд городищ и селищ городецкой культуры РЖВ [Судаков, Буланкин, 2005 (2), с. 256], то есть район был хорошо освоен и до прихода славян. Однако анализ сохранившейся топонимии свидетельствует, что все названия данной местности являются исключительно русскими. Та же ситуация наблюдается и в топонимии близ древней Рязани.

Наши предположения согласуются с выводами, которые получены исследователем киевской гидронимии И.М. Железняк: «Тот факт, что эти названия сохранены временем (особенно следует обратить внимание на дописьменный период) и известны нам через две-три тысячи лет, прежде всего свидетельствует о беспрерывности населения в данном месте. Если бы здесь… население существовало лишь спородически и не передавало бы из поколения в поколение всё своё культуроное наследие, в том числе и географические названия, мы б сегодня не имели о них и представления…» [Железняк, 1988, с. 159]. В качестве примера И.М. Железняк приводит район юга Украины, где несколько раз проходила смена народов, сопровождающаяся временным, но продолжительным обезлюднением района и, как следствие, полной утратой прежних названий.

Заканчивая рассмотрение топонимов ***Переяславль*** и ***Рязань*** в свете исторических сведений, отметим, что до сих пор отсчет существования города Рязани ведется с 1095 г., но дата эта неосознанно переносится на современную Рязань, областной центр и исторический Переяславль Рязанский, который на самом деле возник позднее и получил новое имя по Указу лишь в 1778 году. Эта контаминация истории двух разных поселений с общим именем отражает необычную судьбу топонима ***Рязань*** и особый характер взаимоотношений названий двух столиц Рязанской земли.

Исады. Топоним упоминается в памятниках письменности под 1217 годом в связи с трагическими событиями из жизни рязанских князей, а именно: убийством Глебом и Константином своих братьев. На территории современного села и рядом с ним открыты остатки трех древних сел, датируемые кон. XI – перв. пол. XII в. По предположению археологов: «Вероятно, именно эти селища на северной окраине современного села Исады следует связывать с летописными Исадами…» [Стрикалов, 2005 (1), с. 228], а следовательно, время возможного появления топонима может быть отодвинуто от года его письменного упоминания как минимум на столетие.

Вышгород. Название не упоминается в ранних памятниках письменности по отношению к рязанской территории, но отнесено нами на основании ряда призна-

ков к древнерусской топонимии региона (см. Глава 3). Эта версия надежно подкрепляется археологическими материалами: близ современного села, носящего то же имя, действительно известно древнерусское городище, датируемое X в. либо XI-XIII вв. [АКР, 1, 45-46]. Остатки древнего города и современное село располагаются близ устья реки ***Раки***. Тип археологического памятника и его топография (располагается на высоком, до 20 м от уровня поймы, берегу реки) согласуются с одной из предлагаемых трактовок топонима: «укрепленное поселение, крепость на возвышенности». Поскольку отсутствует точная датировка памятника, трудно сопоставить время появления рязанского и киевского топонимов, но мы можем говорить о том, что с момента упоминания южного ***Вышгорода*** (а это 980 г.) до появления аналогичного топонима в Рязанской земле прошло не более 200 лет.

Ниже приводятся данные о времени возникновения и других поселений. На основании указанных дат возраст топонимов может быть прокорректирован аналогичным образом.

Древнерусский ойконим	**Время основания поселения по археологическим данным**	**Первое упоминание в древнерусских памятниках письменности**
Усторонь	кон. XI – перв. пол. XII в.	не упоминается
Студенец	вт. пол., кон. XII в.	не упоминается
Новый городок Ольгов	кон. XII – нач. XIII в.	кон. XIV в.
Треполье	вт. пол. XII – нач. XIII в.	не упоминается

Представленные материалы показывают, что время возникновения топонима может отстоять от времени его письменного упоминания на 25 (***Коломна***), 100 (***Рязань, Переяславль, Исады***) или 200 лет (***Новый городок Ольгов***). Некоторые названия (такие как ***Усторонь***, ***Студенец***) впервые попадают на страницы документов только в XVI в., в период расцвета деловой письменности, а возникли за 400 лет до этого.

Данная методика может быть применена и в отношении гидронимов, однако следует иметь в виду, что для гидронимов любые даты могут служить лишь приблизительными ориентирами в их хронологической атрибуции, которые означают, скорее, что они появились не позднее указанного времени. За основу же должно браться время образования устойчивых поселенческих структур вдоль те-

чения реки, причем поселений того народа, к языковой среде которого относится гидроним. Данные по некоторым древнерусским гидронимам региона приведены в таблице.

Древнерусский гидроним	Время славянского освоения течения реки по археологическим данным	Первое упоминание в древнерусских памятниках письменности
Серебрянь*	нач. XI в. (Рязань)	не упоминается
Марицань	кон. XI – перв. пол. XII в.	не упоминается
Трубеж	XII в.	кон. XIV в.
Лыбедь	XII в.	не упоминается
Ранова	XI-XIII в.	XV в.
Студенец	вт. пол., кон. XII в.	не упоминается
Кудесна	вт. пол. XII – нач. XIII в.	не упоминается
Лубянь* (л.п. Прони)	XII – нач. XIII в. (Лубянское городище и 9 селищ близ него)	не упоминается
Молоделка	XIII-XIV вв.	не упоминается

Плетена (совр. ***Плетенка***), п.п. Оки. На правому берегу реки открыто одно из наиболее ранних для Рязанской области славянских поселений с лепной керамикой, датируемой IX-X вв., в более позднем слое обнаружена гончарная керамика XIII-XV вв., поселение продолжало функционировать в XVII-XX вв. [Судаков, Буланкин, 2005 (1), с. 272]. Также вдоль течения реки открыты поселения XI-XIII вв. (3), два из которых имели продолжение в XIV-XVIII вв., и близ устья – поселения, начинающие отсчет с XIV в. (3) [Судаков, Буланкин, Вячин, 2005, с. 34-35].

Археологические сведения дают основание говорить о том, что название реки утвердилось, скорее всего, в XI-XII вв. – именно с этого времени наблюдается преемственность поселенческих групп, обеспечивающих сохранность названия. Что касается возможности появления гидронима в IX-X вв., то это допустимо, но маловероятно: приречная территория в этот период была освоена слабо и, судя по всему, недолго.

Листань (совр. ***Листвянка***), п.п. Оки. Вдоль течения реки и ее притоков открыты поселения XI-XIII вв., имеющие продолжение в XIV-XVIII вв. (9), а также поселения, начинающие отсчет своей истории с XIV в. (10) [Судаков, Буланкин, Вячин, 2005, с. 34-35]. В свете этих данных дата письменного упоминания

гидронима – 1444 г. [Никоновская Лет., ПСРЛ, т. XII, с. 61-62] – при установлении его гипотетического возраста может быть скорректирована на 300-400 лет (XI-XII вв.).

В диапазоне: нач. XI – нач. XIII в., судя по нашим предположениям, возникли и другие названия, относящиеся к той же модели (***Марицань, Лубянь*, Серебрянь****), что позволяет установить период ее продуктивности в Среднем Поочье.

Описанная методика может быть применена и по отношению к топонимам других регионов. В качестве доказательства приведем археологические и лингвистические материалы, касающиеся суздальского села ***Весьское***, известного и в настоящее время. Топоним впервые упоминается в поземельных документах XIV-XV вв. Суздальской земли. На территории современного села открыто селище древнерусского времени (археологический памятник *Весь 3*). На основании анализа керамики время его существования определено как вт. пол. XIII – XV вв. По заключению археологов, нет никаких сомнений в непрерывности жизни на данном поселении и в идентификации данного селища с населенным пунктом, название которого письменно упоминается в поземельных документах [Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005, с. 212-213]. Поскольку в данном случае нет и противоречий лингвистического плана (название связывают с этнонимом *весь*, «поселение веси», или с др.-р. апеллятивом *весь* «деревня, селение», то есть «сельское поселение»), то можно говорить о том, что свое имя село носило с момента возникновения, то есть со вт. пол. XIII в.

Добавим также, что, по заключению археологов, работающих на Суздальской земле, все исторические села на правом берегу Нерли «выросли на местах селищ X-XII вв. и связаны с ними прямой преемственностью» [Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005, с. 214], что открывает большие возможности для успешной корректировки времени появления их названий по предложенной методике и подробному описанию древнерусской топонимии данного района.

Интересные данные могут быть получены при сопоставлении предполагаемого возраста однотипных топонимов разных регионов, например, названия

Серебрянь, которое носят рязанская и тульская реки, однако часто это не позволяет сделать отсутствие археологических данных.

Использование предложенной методики не всегда дает желаемые результаты, так как археологическая карта района может не соответствовать его топонимической карте. Такую ситуацию мы видим в районе Переяславля Рязанского, а также в районе среднего течения Вожи, где локализуется значительная часть наиболее ранних для рязанской территории поселений (с лепной керамикой), а сохранившиеся ойконимы носят сравнительно поздний характер или не имеют временных маркеров, т.е. могли возникнуть и в раннем и в позднем средневековье [Гордова, 2009].

В плане наличия архаичной ойконимии не представляет интерес и район нижнего течения Цны, где находилась локальная группа древнерусских поселений Рязанского княжества. Центром группы был город на левом берегу Цны с неустановленным названием (археологический памятник *Темгеневское городище*)[17].

Остаются неизвестными и названия других крупных городищ, открытых на территории Рязанской области и носящих условные наименования: *Ромадановское* на р. Оке, *Лихарёвское* на р. Верда и др.

Приведенные примеры наводят на мысль о том, что в историческом развитии региональной топонимии были периоды, когда названия предыдущих веков или предыдущих народов вслед за перемещением или исчезновением населения в данном районе[18] бесследно утрачивались. На топонимической карте в лучшем случае оставались названия больших рек, а слои ойконимов и микрогидронимов всякий раз формировались заново. Это обстоятельство существенно ограничивает возможности реконструкции ономастическога ландшафта некоторых районов, позволяя восстановить его начиная лишь с этапа относительной устойчивости народонаселения, обеспечивающего преемственность сложившейся топонимии.

---

[17] В статье В.П. Челяпова «Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли» высказывается гипотеза о том, что город носил имя ***Онуза***, см. подробнее: Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 413-427.

[18] Время, в течение которого жизнь на определенном участке отсутствовала, в археологии называют «хронологической лакуной».

4.3.4. Корректировка этимологических версий

Археологические данные позволяют подтвердить или опровергнуть предлагаемые трактовки названий. Некоторые версии при обращении к материалам археологии не только не находят подтверждения, но и предстают невозможными, близкими к «народной этимологии». Так, одна из основных версий происхождения топонима ***Рязань*** связывает его с этнонимом *эрзя*, первоначальная форма названия восстанавливается как ***Эрзянь*** (якобы в последующем видоизменившаяся в ***Рязань***, в возможности чего сомневался М. Фасмер), а его значение выводится как «поселение эрзи». Такое объяснение было впервые предложено священником Н. Любомудровым в XIX в. и позднее поддержано некоторыми учеными, в том числе и современными филологами. Версия озвучивается в Топонимическом словаре Рязанской области (без авторских комментариев) [ТСРО, с. 225] и Топонимическом словаре Центральной России, где называется «наиболее убедительной» из всех существующих [Смолицкая, 2002, с. 295].

Однако приводимые аргументы в основном касаются лингвистического аспекта и доказывают возможность фонетической перестройки начального слога при переходе мордовских слов в русский язык. К археологическим материалам обращается Ю.П. Чумакова. Для подтверждения этимологии топонима Рязань «как ославяненного мордовского этнонима эрзя», она использует факт двуслойности некоторых поселений Среднего Поочья (при котором славянский археологический слой располагается над финно-угорским слоем), что, по ее мнению, свидетельствует о ранних славяно-финских контактах на этой территории [Чумакова, 1992, с. 15].

На городище *Старая Рязань* действительно имеется дославянский археологический слой, он датируется IV-VII вв. и на основании ряда признаков отнесен к культуре *рязано-окских могильников* [Стрикалов, 2005 (2), с. 58, 60-61]. Однако слой, оставленный носителями данной культуры, не соприкасается с самым ранним славянским слоем, датируемым перв. пол. XI в., поселения двух культур отделяет друг от друга значительная временная прослойка. Таким образом, имею-

щиеся факты не дают никаких оснований говорить о том, что на месте древней Рязани было действующее поселение эрзи.

Немаловажным в этой связи представляется и тот факт, что два мордовских народа эрзя и мокша имеют исторически сложившееся географическое распределение: эрзя занимает восточную часть ареала (ареал в основных границах совпадает с территорией Республики Мордовия), а мокша западную (захватывая территорию современной Рязанской области лишь на самом западном участке), здесь же локализуется и этнотопонимия, связанная с этнонимом *мокша*.

Данные, полученные в ходе нашего исследования, показали, что славянские колонисты, обживая новую землю, охотно перенимали древние названия рек, в большинстве своём им непонятные, а поселениям давали собственные имена.

Привлечение материалов по другим регионам подкрепляет это утверждение. В частности, установлено, что такие русские города, как Ярославль и Суздаль, возникли (так же, как Рязань) на поселениях предшествующего времени. «Суздальский детинец построен на месте меряно-славянского поселения IX-X вв.… В черте Суздаля… найдены остатки еще одного мерянского селища…», культурный слой от которого (с мерянской посудой и бытовыми предметами) выявлен уже на славянском поселении [Финно-угра и былты, 1987, с. 73]. В отличие от топонима ***Рязань***, славянское происхождение названий городов ***Ярославль*** и ***Суздаль*** не вызывает сомнений. Оба топонима относительно рано впервые упоминаются в русских летописях: первый под 1071 г., второй под 1024 г. (как ***Суждаль***); оба названия представляют одну и ту же модель: поссесивные образования на базе антропонимов с участием суффикса *-jь* от древнерусских имен *Ярослав, Суздал* (имя, прозвище гончара, кирпичника (от др.-р. глагола *съзьдати*), по мнению Е.М. Поспелова, такой путь образования топонима ***Суздаль*** представляется наиболее вероятным, несмотря на наличие и другой версии, напрямую возводящей имя города к указанному глаголу – «сделанный из глины», «глинобитный», «кирпичный» [Поспелов, 2002, с. 400, 492]).

Приведенные географические, археологические и этнографические обстоятельства делают распространенную версию объяснения топонима ***Рязань*** от этнонима *эрзя* весьма сомнительной.

В то же время внелингвистические сведения подтверждают другую версию, которая была отобрана нами среди всех имеющихся этимологий как одна из двух наиболее предпочительных по лингвистическим признакам (на основании типологической характеристики). Согласно этой версии, топоним ***Рязань*** отражает особенности рельефа местности близ древнего города и означает «резанная, изрезанная оврагами, балками». Действительно, высокий берег Оки на протяжении нескольких километров здесь изрезан многочисленными глубокими впадинами с отвесными, почти вертикальными склонами. Это не могло не создавать трудности при основании поселений в прошлом (прежде всего из-за ограниченности территории между оврагами) и не накладывать отпечаток на характер их расположения (строго по линии рельефа).

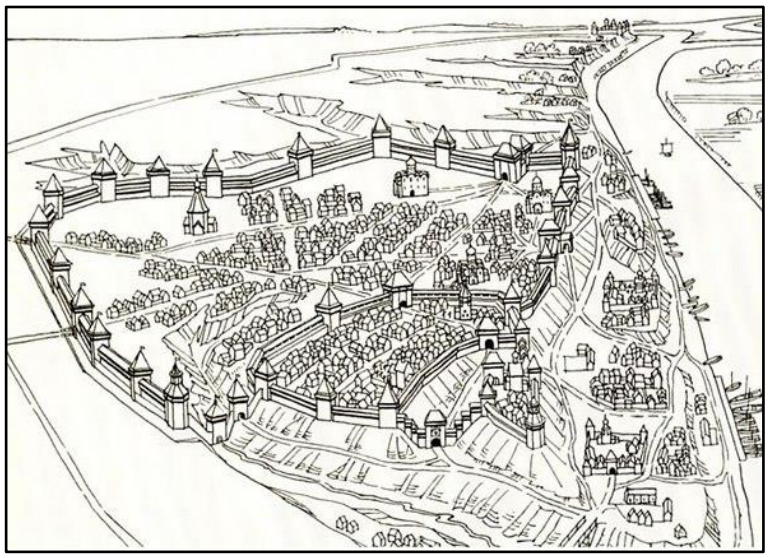


Рис. 4.5. Древняя Рязань. Реконструкция Г.В. Борисевича

И только площадка будущего стольного города была относительно ровной и широкой, а ограничивающие ее с разных сторон овраги будто бы служили естественными преградами, – всё это создавало идеальные условия для основания и дальнейшего безопасного существования древнерусского поселения.

Такая история возникновения топонима подтверждается географически (яркая особенность рельефа сохраняется до сих пор), археологически (топографией древних городов) и лингвистически (топоним по структуре и принципу наименования сопоставим с другими древнерусскими названиями Рязанской земли: ***Листань*** «лиственная, покрытая листвой», ***Серебрянь*** «переливающаяся, цвета серебра (о водной поверхности)» (ручей с названием ***Серебрянка*** (современная,

более поздняя форма) протекает по дну оврага Старой Рязани), ***Марицань*** «сырая, заболоченная» (также название ручья одной из многочисленных балок этого района), а следовательно, является наиболее вероятной.

Рис. 4.6. Местность близ Старой Рязани

Особенности рельефа местности, выступающие (в данной версии) главным мотивирующим признаком географического названия, хорошо видны на реконструкции археолога Г.В. Борисевича (Рис. 4.5) и на современных съемках местности близ Старой Рязани (Рис. 4.6).

Исследователи топонимии других регионов, обращавшиеся к археологическим сведениям для проверки выдвинутых этимологий, подтверждают информативность и важность таких обращений. Так, А.И. Попов, рассматривая топонимы ***Колмово*** и ***Коломцы*** (около Новгорода Великого) отмечает, что в данной местности находились многочисленные стоянки каменного века, массовый характер носят находки костей и черепов. В свете этих сведений оправдано сближение топонимов с апеллятивами группы *калм-* (*колом-*): «ср. эст. *kalm*, суоми *kalma*, мокш. *калма*, эрз. *калмо* «могила», откуда и др.-русск. *коломище* «кладбище»…, в полном соответствии с финским *kalmisto*» [Попов, 1948, с. 108-109]. Размышляя о сложности разграничения первичных и перенесенных названий ***Колмовских*** и ***Коломенских*** кладбищ и монастырей, автор отмечает, что решить этот вопрос может только археологическое обследование местности, подтверждающее наличие здесь древних погребений.

4.3.5. Новые материалы для антропонимики: антропонимы в надписях на исторических предметах

Чрезвычайный интерес для исследователя, занимающегося изучением ономастики ранних периодов, могут представлять отдельные археологические находки, а именно бытовые предметы: глиняные горшки, рыболовные снасти, инструменты, игрушки – с надписями, содержащими собственные имена. Как правило, такие находки носят единичный характер. При этом они поддаются более или менее точной датировке, а потому представляют особую ценность для ономастического исследования: древность найденного в земле бытового предмета говорит и о древности начертанного на нем имени, а если имя не зафиксировано в русских памятниках письменности, ценность источника еще более возрастает. Несмотря на очевидный научный интерес, надписи с именами на ископаемой домашней утвари, игрушках и прочих вещах бытового использования остаются вне поля зрения ономатологов, а сама тема археологических находок как источника антропонимов еще не получила должного освещения.

При раскопках на территории Рязанской области обнаружены несколько десятков эпиграфических находок, в том числе и фрагмент единственной (на 2016 год) берестяной грамоты. Три надписи на этих находках содержат собственные имена. Эти имена никогда не были предметом детального изучения языковедов. Они никогда не рассматривались ни в региональном (как принадлежащие одной территории), ни в ономастическом (как принадлежащие одному ономастическому классу антропонимов и одному полю «древнерусские имена жителей Рязанского княжества») аспекте. Специальному – археологическому и палеографическому – изучению были подвергнуты лишь сами предметы и надписи на них. Результаты изучения представлены в статьях историков [Буланкина, Стрикалов, Чернецов, 2005; Медынцева, 2005; Судаков, Буланкин, 2005 (1)]. Введенные в научный оборот в данных статьях палеографические находки рассматриваются нами как источники новой информации, представляющей интерес для реконструкции древнерусской ономастической системы.

1) Надпись «ерем…» (конец слова отсутствует) на фрагменте керамического рыбацкого грузила. Грузило обнаружено в культурном слое Дураковского поселения, датируемого IX-X и XII-XIII вв. Точная датировка самой находки не установлена.

Надпись выполнена четким профессиональным почерком, по палеографическим приметам относится к периоду до XIII в. [Судаков, Буланкин, 2005 (1), с. 271]. Вероятно, она фиксирует имя человека, который изготовил данное грузило и пользовался им, *Еремеи* (*Еремии*), или сокращенный вариант этого имени *Ерема*.

Имя на бытовом предмете интересно прежде всего тем, что оно представляет собой форму христианского имени *Иеремии*, восходящего к древнееврейскому источнику [Суперанская, 2005, с. 103, 104, 116; 2006, с. 183]. Надпись подтверждает, что христианские имена уже использовались населением Рязанской земли в ранний древнерусский период. В числе находок Дураковского поселения есть предметы, непосредственно связанные с христианской культурой: каменные наперстные кресты, перстни с изображениями креста [Судаков, Буланкин, 2005 (1), с. 271]. Всё это говорит об известной степени религиозности населения данного района, хотя считается, что христианство в Среднем Поочье утвердилось относительно поздно.

Начальная часть имени, сохранившаяся на фрагменте, свидетельствует о том, что исходное имя уже претерпело значительные перестройки в соответствии с фонетической системой древнерусского языка и представляет собой народную форму церковного имени.

К сожалению, недостающий фрагмент грузила не позволяет увидеть конечную часть антропонима – то есть собственно окончание имени, которое могло бы рассказать о традициях личной подписи в древнерусское время и ответить на вопрос: какой – полный или сокращенный – вариант своего имени человек при этом использовал? Тем не менее, надпись дополняет наше представление о составе имен древнерусского населения Рязанской земли. Эти сведения особенно важны потому, что в ранних памятниках письменности имена простых людей почти не упоминаются.

2) Надпись «молодило» на пряслице, обнаруженном при раскопках на территории Старой Рязани [Медынцева, 2005, с. 212].

Пряслице (др.-р. *пряслень*) – грузик из глины, кости или камня круглой формы, насаживаемый на веретено для придания ему устойчивости и равномерности вращения. Пряслица использовали женщины при прядении. Однако поскольку в данном случае на предмете начертано мужское имя, находка трактуется как небольшой подарок мужчины, причем подразумевается, что и мужчина, и женщина были грамотными [Медынцева, 2005, с. 212]. Допустимо также, что имя – знак владельца, в пользу этого говорит характер надписи на втором обнаруженном в том же месте пряслице – «княжее», а также замечание археологов, касающееся женских украшений, найденных на территории Старой Рязани: «Клады Батыева времени содержат, преимущественно, женские украшения. Однако, судя по нравам эпохи, это было … имущество мужчин-дворовладельцев» [Буланкин, Стрикалов, Чернецов, 2005, с. 209].

Мужское имя *Молодило* не отмечено в известных списках древнерусских антропонимов, но, безусловно, оно относится к исконным русским именам и является одним из вариантов имени с корнем *Молод*- («молодой»). Полногласное сочетание -*оло*- выдает восточнославянский характер антропонима, ср. болг. *Младе́н* [Суперанская, 2005, с. 160].

Находка в Старой Рязани пряслица в надписью подтверждает известность в древнерусское время имени с корнем *Молод*- и употребительность антропонимического форманта -*ило*. Примечательно, что тот же корень мы находим в рязанской гидронимии – названиях рек бассейна Оки: ***Молоделка***, ***Молодка*** [Гордова ТРО, 2010, с. 63].

Пряслица с нанесенными на них именами найдены и в других регионах России.

3) Надпись в четыре строки, содержащая собственные имена *Добрило, Богунка*, на корчаге с ручкой, обнаруженной в 1948 году при раскопках в Старой Рязани; находка датируется XII-XIII вв. [Медынцева, 2005, с. 212-213] (Рис. 4.7).

Полный текст надписи: «НОВОЕ ВИН ДОБРИЛО ПОСЛАЛЪ КНѦЗЮ БОГУНКА». Текст трактуют по-разному: затруднения вызывает объяснение слов «добрило» и «богунка». Первое рассматривают и как личное имя, и как наименование сорта вина, и как прилагательное, характеризующее качество вино; второе – как уменьшительную форму имени *Богуслав* или *Богухвал*, употребленную в именительном падеже, то есть как имя того, кто послал вино. Один из предлагаемых переводов: «Новое вино доброе послал князю (человек по имени) Богунка» [Медынцева, 2005, с. 212-213]. Однако фраза может быть объяснена и по-другому.

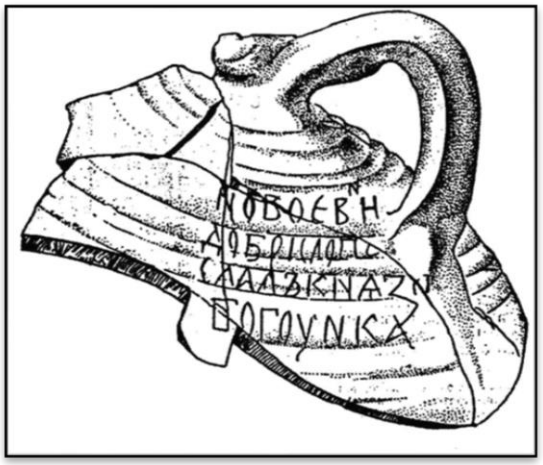


Рис. 4.7. Корчага с древнерусской надписью

Имя *Добрило* известно в древнерусском антропонимиконе. Его носил, в частности, автор так называемого Добрилова Евангелия, книги из библиотеки Ивана Грозного (памятник хранится в Российской государственной библиотеке). Евангелие было написано в 1164 г. дьяком Констянтином, в миру носившем имя *Добрило*: «В лето 6672 написаны быша книгы сия месяца августа в 6 день мною грешным рабом и дьяком Святых апостолов Констянтином, а мирьскы Добрило Семеоноу попови Святаго Иоана Предтеча» [Евангелие-апракос, л. 270].

Антропонимы с *Добр-* были широко употребительны в Древней Руси. Они образуют стройный ряд производных имен: *Добромир, Доброслав, Добромысл* (сложные имена); *Добрило, Добрыня, Добрен, Добрин, Добрян* (народные формы древнерусских имен). Такой же стройный ряд образует и формант *-ило* – традиционный аффикс древнерусской антропонимии. Он венчает и рассмотренное выше имя на пряслице (*Молодило*), и народные формы древнерусских имен (*Добрило, Строило, Ярило*), и народные формы календарных имен (*Данило, Михаило* и др.). Нельзя не отметить тот факт, что в Ярославской, Вологодской, Новгород-

ской областях известны топонимы ***Добрилово*** (названия трех деревень и одного села), которые, очевидно, имеют отантропонимическое происхождение.

Однако в рассматриваемой надписи *Добрило*, скорее всего, не антропоним, а наименование вина, причем наименование метафорическое: *Добрило* "хмельной напиток, который делает добрым". Возможно, такое название имело местное употребление и бытовало в среде рязанских виноделов. Известно, что вино в Древней Руси делали из ягод и плодов, меда или хмеля. Рядом с древней Рязанью находилось поселение ***Добрый Сот*** (упом. в летописях в 1207-1208 гг. [Свод лет. Ряз., 1994, с. 110]), жители которого занимались плодоводством и бортничеством, что и отражает топоним, в составе которого мы видим также и прилагательное с корнем *добр-*. Мед и яблоки служили сырьем для производства местного вина, один из сортов которого, возможно, и назывался *Добрило*.

Подтверждают такое объяснение результаты исследований Л.А. Феоктистовой, которая, рассматривая наименования крепких напитков, приводит примеры, также восходящие к личным именам – *Ерофей* и *Иван*: *ерофей, ерофеич* и др. («горькая спиртовая настойка на травах»), *ивашко, иванец, иванушко* и др. («пиво второго слива»); по мнению исследователя, обращение при номинации хмельных напитков к антропонимическому коду было традиционным в народной культуре [Феоктистова, 2017, с. 100, 108].

Второе имя – *Богунка* – можно рассматривать как народную форму древнерусского *Богун*. Такое имя указано в «Словаре русских личных имен» А.В. Суперанской как вариант имени *Богдан* и сокращенная форма имен, начинающихся на *Бог-* (*Богуслав, Богухвал, Боголюб* и под.) [Суперанская, 2006, с. 130-131]. Известны современные фамилии *Богунко* (Украина), *Богунков* (Украина, Россия), а в Гродненской области Белоруссии (где традиционны названия сельских поселений в форме мн. числа, образованные от антропонимов: ***Мохначи*** – от *Мохнач*, ***Марчуки*** – от *Марчук* и под.) деревня ***Богунки***. Имя известно в чешском антропониконе: *Богунка* (фиксируется как женское имя, производное от муж. *Богухвал / Bohuchval*, моравско-чешского аристократического рода Пернштейнов в XV-XVI вв.).

Имя князя, которому послали вино, в надписи могло быть и не указано, так как в этом не было необходимости: оно и так было хорошо известно всем живущим в данной местности (сосуд найден в Старой Рязани, где в XII – нач. XIII в. находился княжеский стол).

Конечно, обнаруженные при раскопках бытовые предметы дают в руки исследователя не столь большое число древних имен, как, например, берестяные грамоты, которые являются богатейшим источником древнерусской антропонимии. Новгородские грамоты XI-XV вв., содержащие частную переписку горожан, сообщают нам о жителях древнего Новгорода, носящих имена *Грикша, Есиф, Онаний, Филип, Михаль, Бобр, Фалей, Борис, Потр, Микита, Онфим, Кощей, Федосья, Ностасия, Улиааница* и мн. др. [Янин, 1965, с. 36-40].

Берестяные грамоты обнаружены также в Старой Руссе, Пскове, Смоленске. Однако этот вид источника доступен не для всех регионов, так как для сохранения бересты нужна особая, богатая влагой почва, предохраняющая органические вещества от доступа воздуха и разложения. Изделия же из глины сохраняются в земле гораздо лучше, предметы домашнего обихода находят при раскопках в разных русских областях. Начертанные на них имена людей, живших в данной местности несколько столетий назад, представляют свой научный интерес.

Антропонимы, источниками которых стали археологические находки, обнаруженные на исторической территории Рязанского княжества, подтверждают общие тенденции в именовании и функционировании имен на всей территории древнерусского мира, при этом позволяют акцентировать внимание исследователей на следующих моментах.

Если летописи дают нам представление в основном о системе княжеских имен, то надписи на бытовых предметах (грузилах, пряслицах, горшках) – о системе имен простых людей, о составе и особенностях которой в ранний период мы имеем весьма неясное представление.

Во всех известных нам сегодня надписях зафиксированы только личные имена, что подтверждает положение о том, что в древнерусский период личное имя играло основную идентифицирующую роль. Среди некняжеских сословий

уже в период до XIII в. бытовали и исконные русские, и христианские имена. И те, и другие использовались преимущественно в народных формах.

Указание своего имени на предметах материальной культуры являлось одной из культурных традиций древнерусского времени. Подпись могла быть и знаком мастера (например, клеймо на глиняной посуде), и знаком владельца данного предмета. Использование в качестве подписи народных форм имен свидетельствует об отсутствии в этот период такого свойства антропонимов, как формулярность – назначения выполнять функцию официального именования человека.

Таким образом, бытовые предметы, обнаруженные в ходе археологических раскопок, наряду с берестяными грамотами и летописями, могут быть источниками древнерусских антропонимов, причем источниками весьма своеобразными, а потому они обязательно должны попадать в поле зрения региональных ономастических исследований.

Выводы Главы 4

1. Области не лингвистического знания могут помочь в реконструкции ономастической ситуации древнейших периодов при высоком уровне изученности вопросов, касающихся географии региона, истории его заселения, этнического состава, особенностей развития в отдельные исторические периоды. Эти знания существенно дополняют, а по некоторым вопросам принципиально меняют ономастическую картину древности, составленную только на основании известий ранних памятников письменности и результатов лингвистического анализа.

2. В ходе использования методов межнаучной интеграции, в частности метода сопоставления топонимических и археологических данных, получены следующие результаты.

2.1. Определены основные этапы формирования древнерусской ономастики Среднего Поочья, в том числе время активизации, ослабевания и стагнации ономастических процессов.

2.2. Скорректированы данные ономастики о численном составе региональной топонимии в древнерусское время: в период до XIII в. только корпус ойкони-

мов Рязанской земли мог насчитывать от 1000 до 2000 имён, столько же – в период с XIII по XV в., с закономерным изменением состава корпуса, из которого установлено апостериори около 100 топонимов – названий поселений (то есть только 1/10 или 1/20 часть).

2.3. Скорректированы данные памятников письменности о соотношении названий городских и сельских поселений: названия сельских поселений превосходят по численности названия городов в 5-13 раз, концентрация сельских поселений вокруг одного города наблюдается в хорошо обжитых районах, таких как район Средней Вожи, округа стольного города Рязани; в то же время отмечается большое число сельских поселений при единичности городов на окраинных территориях (долина р. Воронеж, район Верхней Цны).

2.4. Получили объяснение и приблизительную хронологическую характеристику некоторые ономастические факты: наличие большой группы топонимов, известных на территориях более раннего расселения славян, использование географических терминов, не связанных с равнинным ландшафтом, различие типов древнерусской топонимии в разных районах области, сохранение актуальности топонимических моделей, уже ставшими непродуктивными на других территориях.

2.5. Хронология развития рязанской керамики позволила отнести к кон. XI – перв. пол. XII в. появление названий на *-ичи* (***Дубовичи, Жилконичи, Костеничи*** и др.), характерных для западных областей Руси, так как к этому периоду относится появление западных (в частности «полоцких») традиций в рязанском гончарном производстве. Соотнесение ономастических фактов, выявленных в ходе анализа летописных названий Рязанской земли, со временем формирования собственных оригинальных традиций в гончарстве, временем формирования рязанских диалектов, другими этнокультурными фактами позволило определить время складывания местной ономастической системы и основных ареалов древнерусской топонимии в регионе как вт. пол. XII в. – перв. пол. XIII в.

2.6. На конкретном топонимическом материале (***Рязань, Переяславль, Исады, Вышгород, Серебрянь, Лыбедь, Кудесна*** и др.) продемонстрирована возможность корректировки времени появления топонима и его этимологии на осно-

ве археологических данных, касающихся времени основания поселений, топографии русских городов, появления постоянного населения и других признаков. В частности, топоним ***Рязань*** в Среднем Поочье мог появиться в начале XI в., а не в конце этого века, если опираться на данные письменных источников (первое упоминание – 1095 г.). Географические и археологические факты позволили считать наиболее вероятной версию происхождения данного топонима от географического апеллятива с корнем *рѣз-* (от глагола *рѣзати*) и значением «резанная, изрезанная оврагами, балками», эта версия была отобрана как приоритетная (одна из двух) и по лингвистическим критериям.

2.7. Открыты новые источники древних антропонимов. Ими могут служить найденные в ходе раскопок бытовые предметы с надписями: глиняные горшки, рыболовные снасти, инструменты, игрушки. Сохранившиеся на них имена могут быть редкими, не известными науке, при этом древность предмета подтверждает и древность начертанного имени.

3. Многие положения прокорректированы материалами по другим русским регионам, в частности, по Суздальской земле (вопрос об установлении степени ономастической освоенности территории: в течение двух лет в этом регионе также открыто большое количество древнерусских поселений, что говорит и о высокой плотности заселения территории в прошлом, и о неполноте имеющихся научных знаний), Коломне (вопрос об определении действительного возраста топонима: в ходе раскопок установлено, что город возник приблизительно на 25 лет раньше даты первого письменного упоминания), Великого Новгорода (вопрос о корректировке этимологических версий: археологические материалы также помогли региональным ученым установить этимологию топонимов ***Колмово, Коломцы***). Привлечение материалов по другим регионам позволило подтвердить достоверность и объективность полученных выводов и вместе с тем доказало возможность использования предложенных методик по отношению к топонимии других территорий России. Полученные материалы интегрированы в реконструируемую модель развития региональной ономастики.

Глава 5

Топонимические ареалы. Совмещение ареалов языковых и неязыковых явлений

5.1. Ареальный метод, метод совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений в ономастической реконструкции

Одним из важнейших методов реконструкции ономастического пространства древнейшего периода является ареальный, неразрывно связанный с картографированием материала. Он дает ценнейшие сведения по зонам распространения ономастических явлений и зонам соприкосновения топонимических систем народов, совместно проживавших на одной территории в прошлом.

«Выявленные в результате картографирования ареалы составляют специальный ономастический текст, научное прочтение которого ставит исследователя перед серией новых задач. Следовательно, карта с ономастической нагрузкой сама делается источником для дальнейшего изучения имен» [Суперанская и др., 2009, с. 209], в нашем случае источником ономастической реконструкции.

Ареальный метод при изучении региональной ономастики применяется более 50 лет. Уже в 70-х гг. XX в. вышли первые работы, представляющие ареалы финно-угорской и славянской топонимии Центральной России. Этой проблеме посвящены, в частности, исследования Г.П. Смолицкой по территории Верхней и Средней Оки: «Картографирование гидронимии Поочья» (1974), «Некоторые лексические ареалы (по данным гидронимии)» (1974), «Топонимический ареал и вопросы реконструкции лексической системы языка» (1978).

Аналогичная работа проводились и в отношении ранней древнерусской топонимии. З.В. Рубцовой описаны ареалы славянских топонимов с финалью *-нь* на территории Белоруссии (1974), затем на всей восточнославянской территории (1980). Ю.П. Чумаковой очерчены ареалы нескольких древнерусских типов в районе Средней Оки (1992).

В отдельных исследованиях топонимические ареалы сопоставлялись с археологическими, что послужило основой для появления нового метода – метода совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений.

В 1972 г. В.В. Седов публикует тезисы своего исследования «Гидронимические пласты и археологические культуры Центра», в котором реализует идею представить гидронимические типы Центральной России в хронологическом порядке и в связи с важнейшими археологическими культурами [Седов, 1972, с. 3-4]. Согласно полученным результатам:

– водные названия на *-ежма, -езьма, -ешма, -есьма* соотносятся с волго-окской мезолитической и неолитическими культурами (культурами ямочно-гребенчатой керамики), принадлежавшими доиндоевропейскому и дофинно-угорскому населению;

– гидронимы на *-ньга, -кша / -кса, -ма, -га, -важ* и др. – с волосовской культурой и последующими культурами текстильной керамики раннего железного века, которые связывают с древним финно-угорским населением;

– гидронимия древнеевропейского типа (ранняя балтийская) – с племенами шнуровой керамики II тысячелетия до н.э., на основе которых позднее формируются балты (днепро-двинская, верхнеокская, юхновская культуры РЖВ);

– в I тысячелетии н.э. складываются западнофинский, мерянский, муромский и мордовский гидронимические пласты [Седов, 1972, с. 3-4].

Тема взаимосвязи археологических культур и гидронимических типов получила развитие в трудах Г.П. Смолицкой. Ею были получены данные о совместимости отдельных топонимических ареалов с ареалами мощинской, волосовской, дьяковской и городецкой археологических культур, а также с ареалами вятичей и кривичей [Смолицкая, 1981, с. 5-6].

Интересные и в некоторой степени неожиданные результаты принесло совместное исследование топонимиста Р.А. Агеевой и археолога А.М. Микляева, в котором был рассмотрен тип восточнославянских топонимов на *-ль, -ля* в связи с археологическими ареалами длинных курганов и сопок (I тысячелетия н.э.), которые связывают со славянами, в северо-западных областях России (Псковской,

Ленинградской, Новгородской и др.). В результате сопоставления получены выводы *о несовместимости* территории распространения названий данного типа с рассматриваемыми археологическими культурами. Это заставило исследователей усомниться в славянской принадлежности населения, оставившего длинные курганы [Агеева, Микляев, 1979, с. 30-54]. Поиск культур, с которыми мог бы быть связан ареал славянских топонимов с *-л-* на Северо-Западе России, был продолжен.

Несколько карт, демонстрирующих гидронимические пласты и археологические культуры Центральной России, представлены в фундаментальном археологическом труде «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» [Финно-угры и балты, 1987].

Аналогичная работа была проведена А.А. Бурыкиным в отношении топонимии Сибири и Дальнего Востока, в частности Якутии [Бурыкин, 2000; 2011]; по заключению ученого, соотнесение территории распространения топонимов с ареалами проживавших здесь этносов или с ареалами археологических культур является важным «средством верификации языковой принадлежности топонимов» [Бурыкин, 2011, с. 6]. Предваряя исследование названий крупнейших рек Якутии (*Лена, Алдан, Вилюй* и др.) обзором местных археологических культур, топонимист отмечает, что видит в этом хорошую перспективу для подтверждения версий археологов об отождествлении части «неолитических культур Якутии и Крайнего Севера-Востока с предками юкагиров и чукотско-корякскими народами» [Бурыкин, 2011, с. 15]. Это доказывается в дальнейшем объяснением гидронимов через апеллятивы юкагирского (для названий *Лена, Мархa, Мархара*), чукотского (для названий *Алдан, Индигирка, Колыма*), корякского (для названия *Яна*) языков [Бурыкин, 2011, с. 16-17].

Следует признать, что научная интерпретация информации, полученной в результате совмещения ареалов разных историко-культурных явлений, вызывает определенные трудности. Если рассматривать проблему наложения археологических и топонимических ареалов, то здесь главная трудность связана с многочисленностью и разновременностью ареалов в археологии и отсутствием хронологической и этноязыковой соотнесённости у большинства топонимических ареа-

лов (многие топонимические типы до сих пор не получили надежного объяснения).

При наложении друг на друга ареалы разных эпох и разных культур часто не совпадают, не дают четкой и однозначной картины. Это затрудняет как культурно-хронологическую атрибуцию имеющегося лингвистического материала, так и этноязыковую атрибуцию археологических культур.

В ряде случаев отмечается явное несоответствие между языковой и археологической картинами. Характерным примером может служить ситуация в Среднем Поочье, где районы концентрации балтийской топонимии не находят археологического подтверждения факта проживания здесь в прошлом племен, близких балтам по каким-либо чертам материальной культуры.

В силу указанных обстоятельств использование данного метода не всегда дает желаемые результаты в виде точных научных выводов. Иногда интерпретация материала допускает слишком много вариантов. Иногда межнаучная корреляция действительно невозможна, в том числе и по причине недостаточного уровня имеющихся знаний. Тем не менее, ученые разных научных областей не могут и не должны отказываться от идеи сравнения и сопоставления результатов своих исследований, особенно если целью этих исследований является получение целостного представления о каком-либо явлении.

При использовании ареального метода и метода совмещения ареалов в реконструкции ономастической картины прошлого перед исследованием стоят следующие задачи.

1) Определение основных типов древней ономастики региона, представляющих интерес для картографирования; их возможная лингвистическая интерпретация.

2) Составление топонимической карты и выявление ареалов установленных типов.

3) Сопоставление ареалов близких топонимических типов (например: *-ар, -ор, -ер,* или *-ас, -ос, -ус,* или *-лей, -ляй*) с целью установления их тождественности / родства / неродства.

4) Сопоставление топонимических ареалов одной территории с целью выявления областей топонимических единств (по языковой принадлежности), уста-

новления типов, относящихся к одному временному пласту (то есть синхронных типов), определения возможной хронологии развития типов, выявления и описания фактов взаимовлияния ареалов, характеристики отдельных районов топонимической карты и территории в целом.

5) Сопоставление топонимических ареалов с зонами распространения языков и диалектов на данной территории (если это известно) с целью проверки имеющихся версий интерпретации топонимических типов, диалектной атрибуции древнерусских типов, корректировки изоглосс языков и диалектов.

6) Совмещение топонимических ареалов и областей топонимических единств с ареалами неязыковых явлений, археологическими, историко-этнографическими, географическими (представляют интерес ареалы археологических культур, керамических традиций, расселения этнических групп, отдельных этнографических фактов, карты почв, рельефа, ландшафтных зон и т.д.) с целью этнической и хронологической атрибуции топонимических типов, установления возможной топонимической стратиграфии региона, объяснения принципов распределения топонимии (если это обусловлено нелингвистическими факторами, например, природными особенностями местности), а также с целью предоставления новой и существенной информации для других наук.

С сожалением приходится констатировать, что в период 1990-2017 гг. работа в направлении ареального изучения региональной топонимии остановилась. Говоря о важности картографирования ономастического материала (Глава 1), мы отмечали, что за последние 30 лет русская ономастика ни на шаг не приблизилась к созданию межрегионального или общероссийского атласа, по примеру аналогичных лингвистических работ: Диалектологического атласа русского языка, Общеславянского лингвистического атласа, Атласа чешского языка [Český jazykový atlas, 1992-2005], Атласа кавказских языков [Коряков, 2006], хотя с известной периодичностью эта проблема поднимается в статьях российских ономастов [в частности: Муллонен, Кузьмин, 2008, с. 217]. Отсутствие топонимических карт лишает региональные исследования важного источника изучения древнейшей ономастики.

Угасла работа и в направлении межнаучной интеграции, хотя информационный потенциал метода совмещения ареалов разных явлений еще не до конца реализован, а сам метод требует дальнейшего совершенствования практических приемов и теоретического осмысления.

В связи тем, что апробирование приемов реконструкции мы проводим на материале рязанского Поочья, а по сравнению с другими регионами России этот район изучен в большей степени, в том числе в плане топонимических и археологических ареалов, перед нашим исследованием стоит ряд особых задач, а именно:

1) Обобщение результатов исследований разных авторов (В.В. Седов, В.Н. Топоров, Г.П. Смолицкая, Ю.В. Откупщиков, Ю.П. Чумакова, А.К. Матвеев, А.Л. Шилов и др.), в том числе исследований по соседним регионам: Московской, Тульской, Пензенской областям.

2) Уточнение границ описанных ранее топонимических ареалов путем привлечения новых данных – географических названий, зарегистрированных в период 1990-2017 гг., и создания более подробных мелкомасштабных карт.

3) Выявление ареалов ранее не изучавшихся типов.

4) Сравнение топонимических ареалов с археологическими ареалами, границы которых были установлены или скорректированы в период 1990-2018 гг. благодаря открытию новых археологических памятников и их более точному описанию.

5) Применение современных технологий картографирования: карты 1970-1990 гг. создавались без помощи компьютера, часто ручным способом, изображения на них были крайне схематичными, примитивными, трудными для восприятия.

Нельзя не отметить, что большой проблемой для нашего исследования остается неизученность ареалов архаичных топонимов в других, прежде всего соседних областях, а также отсутствие современных и полных каталогов имен собственных по этим территориям. Эти «белые пятна» региональной ономастики не позволяют сравнить результаты исследований по разным областям России, что, в конечном итоге, затрудняет работу по описанию изоглосс древнейших топони-

мических явлений, а также установлению возможных направлений и интенсивности распространения картографируемых типов за пределами Рязанской области.

Такая возможность предоставляется лишь по отдельным типам древнейшей топонимии в юго-восточном и восточном направлениях (совр. Пензенская область, республика Мордовия) благодаря единичным региональным исследованиям. В частности, в 2003 г. М.С. Полубояровым составлены карты распространения субстратной топонимии на *-ис, -дим / -дым, -лей / -ляй* в Присурье и Примокшанье [Полубояров, 2003, с. 19-22]. Эти типы известны и в Среднем Поочье.

Другая проблема связана с устоявшимися представлениями о субстратной топонимии Среднего Поочья как о топонимии финно-угорского происхождения. С финно-угорским источником априори связываются все типы, известные в этом районе. Упрочению этих представлений, безусловно, способствует и существующая археологическая модель региона, представляющая его как автохтонную территорию финно-угорских культур (сложившихся на базе широко распространенной в рязанском Поочье городецкой культуры РЖВ). Попадая под влияние сложившейся традиции, каждый исследователь топонимии пытается поместить в имеющиеся рамки все вновь изучаемые топонимические явления.

На опасность такого подхода уже в 1997 году указывал В.Н. Топоров: «Из этой установки вытекают два следствия – известный «пан-финнизм», не только преувеличивающий реальную (разумеется, очень значительную) роль финноязычного элемента, но и скрывающий или затушевывающий роль других этноязыковых элементов, и на этом фоне особенно разительная недооценка балтийского элемента в этноязыковом и культурно-историческом прошлом Восточной Европы» [Топоров, 1997 (3), с. 327-328].

Исследования 1980-1990-х гг., в которых осуществлялись попытки объяснения онимов посредством балтийского источника, привели к обнаружению значительного количества новых балтизмов (не менее 400) на всей территории окского бассейна, что позволило существенно отодвинуть восточную границу балтийского ареала [Топоров, 1997 (3), с. 327-328; Откупщиков, 2004, с. 112]. По мысли В.Н. Топорова, новые данные еще нуждаются во введении в культурно-

исторический и археологический контекст этого ареала [Топоров, 1997 (2), с. 311]. Безусловно, это приведет к корректировке или пересмотру сложившейся картины (топонимической, археологической, культурно-исторической), тем более что мысль о несовершенстве и тенденциозности созданной модели высказывается и в современных археологических трудах [Чернецов, 2005, с. 7-8]. Нам представляется, что одним из шагов на пути к этому является ареальное изучение субстратной топонимии Поочья, включающее, прежде всего, нанесение на карту разрозненных топонимических фактов, открытых или получивших иную оценку в новейших исследованиях, а затем решение ключевых задач, сформулированных выше.

5.2. Типы и ареалы неславянской топонимии Среднего Поочья

Исторический фонд названий рязанской территории бассейна Оки включает в себя мощный пласт неславянской топонимии (см.: Сводная карта VIII[19]). Лингвистические данные, а также сведения об этническом ландшафте территории в прошлом позволяют уверенно говорить о финно-угорском (прежде всего древнемордовском) происхождении части этих топонимов; другая часть более или менее надежно связывается с балтийским языковым материалом [Финно-угры и балты, 1997, с. 67, 97; Топоров, 1988, 1989, 1997 (3), с. 325]. Многие названия не поддаются объяснению ввиду того, что их история связана с неизвестными сегодня древними языками и диалектами, бытовавшими на территории Восточно-Европейской равнины (к которым могут быть отнесены языки мери, муромы, мещеры и других народов, этнонимы которых не сохранились). Многие древние топонимы в процессе вхождения в русскую языковую систему и дальнейшего функционирования в ней подверглись значительной фонетической перестройке. Восстановление исходной формы и этимологизация таких названий представляется трудновыполнимой, а возможно, даже невыполнимой задачей. Эти обстоятельства объясняют, почему в основу картографирования и ареального описания неславянского топонимического материала положена преимущественно формантная

[19] Топонимические карты к Главе 5 размещены в Приложении (Том 2, Приложение Б).

характеристика топонимов. Топонимы объединены в отдельные типы на основании повторяемости финальной части.

В субстратной топонимии Среднего Поочья возможно выделение более 30 структурных типов (без учета подтипов и орфографических вариантов) с регулярными финальными компонентами (формантами) *-ур (-тур, -чур, -щур), -ор, -ар (-мар), -ер, -ус, -ос, -ас (-яс), -ис, -ес, -ля, -ель, -га, -ыга, -ега, -ерга (-орга, -ерха, -ерхи), -лей, -ляй, -ша, -киша, -мша, -рша, -ньша, -уша, -шь / -жь (-ишь, -ушь, -аш, -аж, -яж, -ажа, -яжа), -ош, -ыш, -ма (-шма, -тьма, -ома), -ра (-ара, -ера), -дь (-ть), -да, -ва, -ца (-цы), -ье (-ья), -ня (-на).*

Бóльшая часть указанных формантов сохранена в гидронимии, 30% в ойконимии, 10% в современной микротопонимии (включающей в основном названия утраченных объектов: пересохших рек, болот, заброшенных поселений).

Среди установленных типов есть малочисленные и многочисленные. Они находятся в соотношении 14 : 26, или 35% : 65%. Это представляется закономерным с учетом того, что к малочисленным относятся, во-первых, непродуктивные типы, во-вторых, наиболее древние типы, часть названий которых подверглась серьезным изменениям или была утрачена.

Все типы представлены на специальных топонимических картах. Карты показывают: выявленные структурные группы образуют как обширные непрерывные ареалы (например, топонимы на *-ма, -ур, -ус*), так и несколько удаленных друг от друга небольших, но компактных ареалов (например, топонимы на *-ар, -ва*). Отдельные типы строго не районированы: представляющие их топонимы одиночно или небольшими группами рассеяны по картографируемой территории.

В субстратной топонимии рязанского Поочья встречаются и названия, не образующие четких структурных рядов. Часть из них представляет типы, известные в соседних регионах (например, топонимы на *-ом* (*-дом*) типа ***Кудом***, широко распространенные в Мордовии, Пензенской области), часть остается нетипичными (и в большинстве своем неизученными) образованиями региональной топонимии (например, топоним ***Курсал***; топонимы на *-уч* типа ***Вегуч***, ***Вывуч***). Такие названия на картах не показаны. Несколько карт отражают лексико-

семантическую или языковую общность картографируемых топонимов и демонстрируют распространение в Среднем Поочье этнотопонимов и названий с балтийскими основами. Всего на картах, представленных в настоящей главе, отмечены свыше 400 топонимов неславянского происхождения, их полный список дан в Приложении (см.: Том 2, Приложение А).

1. Топонимы на *-ур*. Карта 1[20]

Характеристика ареала. Данный ареал образуют: (гидронимы) ***Байдур***, ***Дандур***, ***Ламур***, ***Лынсур***, ***Мур***, ****Мур*** (совр. форма ***Мурка***), ***Нинур*** (2), ***Писур***, ****Саур*** (совр. форма ***Саурки***), ***Чинур***, ***Чаур***; (ойконимы) ***Байкур***, ****Вышур*** (совр. форма ***Вышуры***), ****Салаур*** (совр. форма ***Салауры***), ****Ункур*** (совр. форма ***Ункура***) (3), ***Чаур***, ***Чинур***. Вне основного ареала локализуются топонимы ***Амур***, ***Екшур***.

В границах ареала находятся топонимы, иногда выделяемые в отдельные типы: на *-тур* (гидронимы ***Ерахтур***, ****Протур***, совр. форма ***Протуры***), ***Свестур***, ***Сентур***, ойконим ***Свестур***; на *-щур* (гидроним (оз.) ****Вещур***, совр. форма ***Вещурки***), ойконим ***Вещур***; на *-чур* (ойконимы ***Ванчур***, ***Вечур***, ***Пекчур***, ***Санчур Б***. и ***М***.).

Денотаты гидронимов: преимущественно небольшие или совсем маленькие речки, редко озёра.

Ареал находится в северо-восточной части рязанского Поочья, причем как на левобережье, так и на правобережье, ограничен руслами рек Тырница и Сноведь. На левобережье названия сконцентрированы в нижнем течении реки Гусь (*Гус), больше на правой стороне и одиночно на левой. На правобережье ареал особенно плотен в междуречье Мокши и Ермиши (приток Мокши) и равномерен вдоль течения Оки, вплоть до течения Тырницы. Южная изоглосса соприкасается с ареалом топонимов на *-ор*. По краю основного ареала, словно опоясывая его, располагаются топонимы на *-чур.*

Одиночные названия локализуются чуть западнее ареала: в бассейнах рек Пра (на левобережье) и Ранова (на правобережье).

[20] Топонимические карты к Главе 5 размещены в Приложении (Том 2, Приложение Б).

2. Топонимы на *-ор.* Карта 2

Характеристика ареала. Данный ареал образуют: (гидронимы) ***Кенор***, ***Летор***, ***Мунор***, ***Нектор*** (руч.), ***Нинор***, ***Тикор***, ***Умор***, ***Унгор***, ***Унор***, ***Чафор***, ***Шатор*** (2); (ойконимы) ***Кусмор***, ***Мунор***, ***Мутор*** (***Б.***, ***М.***), ****Пехор*** (совр. форма ***Пехорка***), ***Унгор***, ***Ункор***, ***Унор***, ***Ушмор***, ****Шафтор*** (совр. форма ***Шафторка***).

Так же, как и в группе на *-ур*, названия относятся преимущественно к небольшим и совсем маленьким речкам (часть из них ныне представляют собой ручьи), что говорит об относительно позднем появлении гидронимов.

Ареал, северной и северо-западной границей соприкасаясь с ареалом на *-ур*, тянется по правой стороне Оки, плавно повторяя линию ее русла, от реки Пара (на юго-западе) до реки Виля (на северо-востоке), прерываясь течением р. Тырница и районом компактного сосредоточения названий на *-ур* в междуречье Мокши и Ермиши.

Отдельными вкраплениями названия данного типа присутствуют в зоне топонимов на *-ур* в левобережной части Поочья (в районе рек Гусь и Унжа, в Клепиковском Поозерье), а также в среднем течении Цны, в зоне доминирования иных гидронимических типов (на *-ша, -га, -ля* и проч.).

3. Топонимы на *-ар* (*-мар*). Карта 3

Характеристика ареала. Данный тип представляют: (гидронимы) ***Ушар*** (4), ***Чёмбар***; (ойконимы) ***Кочгар***, ***Чёмбар***; (микротопонимы) ***Пинхарь*** (уроч.), ****Ушгар*** (совр. форма ***Ушгарка***) (уроч.), ? ***Чебоксар[ы]*** (уроч.).

В районе распространения топонимов на *-ар* находятся топонимы на *-мар*, что заставляет рассматривать их как одну группу: (гидронимы) ***Вашмар***, ***Ерошмар***, ***Кошмар***, ***Сюкмар***, ***Ушмар*** (оз.); (ойконим) ***Кочемар[ы]***; (микротопонимы) ***Чисмар*** (уроч.), ****Чумар*** (совр. форма ***Чумаровский***).

Топонимы не образуют чётко очерченного непрерывного ареала, а равномерно опоясывают зоны распространения типов на *-ур*, *-ор* или обнаруживают себя (в виде небольших островков и отдельных вкраплений) внутри их ареалов.

Большинство названий локализуются в правобережном Поочье. Здесь выделяется отдельный район присутствия топонимов данного типа – в междуречье

Прони и Пары (***Чёмбар*** (2), ***Ерошмар***), на юго-западе условного ареала. Северо-восточную часть этого ареала на рассматриваемой территории замыкают названия ***Ушмар***, ***Кошмар***, ***Кочгар***. Далее, по всей видимости, ареал продолжается в Нижегородской области.

4. Топонимы на *-ер*. Карта 4

Характеристика ареала. Данный тип представляют: (гидронимы) ***Винтер*** (оз.), ****Исер*** (совр. форма ***Исерская***), ***Котер***, ***Ливер***, ***Мингер[ь]***, ***Сивер***, ***Сивцер***, ***Симер***, ***Сочер***, ***Тынэр***, ****Щучер*** (оз.) (совр. форма ***Щучерка***); (ойконимы) ***Ливер***, ***Сивер***; (микротопонимы) ****Имер*** (совр. форма ***Имерка***) (уроч.), ****Шинтер*** (восстановлен из ***Шинтер Бор***).

Как и в предыдущих формантных группах, названия относятся преимущественно к небольшим или совсем мелким водным объектам, часть гидронимов дублируется в названиях поселений, расположенных близ рек, и смежной микротопонимии (леса, урочища).

Названия локализуются только в северо-восточной части Среднего Поочья, в основном на правобережье. Здесь выделяется один район сосредоточения топонимов данного типа – в верхнем течении р. Ташенка и среднем течении р. Пет, которые образуют своеобразную зону перехода от ареала на *-ур* к ареалам на *-ор, -ар* (Сводная карта I).

На остальной территории топонимы встречаются преимущественно одиночно, но равномерно: от крайнего (на юго-западе) района на *-ар* (1) (бассейн Прони), вдоль течения Тырницы (1), в бассейне Мокши и её притоков (4) и далее вдоль основного течения Оки (2), не выходя за пределы ареалов *-ор, -ар*. Всё это дает основание предполагать родство картографируемых типов.

Интерпретация данных (типы на -ур, -ор, -ар (-мар), -ер). Структурная близость типов на *-ор, -ар* и *-ур* при учете близости и территориальной «перманентности» их ареалов позволяет рассматривать эти типы как родственные и синхронные. Очевидно, что они отражают распространение на данной территории двух близких языков или двух диалектов одного языка.

Г.П. Смолицкой высказано предположение, что элементы *-ур, -ор* в этом сегодня неизвестном языке (или языках) могли иметь семантику, связанную с понятиями «вода», «река» [Смолицкая, 2002, с. 105]. Финаль *-ар* известна в исторически обозримой мордовской (а также марийской) топонимии как элемент гидронимов.

Согласно исследованиям А.К. Матвеева, названия на *-ар, -ор, -ер, -яр* (*Колмар, Кывер, Шидьяр, Шубор* и под.) образуют плотный ареал в северных областях Центральной России (Архангельск и сопредельные земли), преимущественно в северо-западной части – в зоне прибалтийско-финской и саамской топонимии; по мнению исследователя, они могут соотноситься с фин. *järvi*, саам. *jawre*, мар. *ер* [Матвеев, 1997, с. 35].

Рязанские названия рассматриваемых типов плохо поддаются этимологизации, лишь некоторые из них допускают связь с апеллятивной и ономастической лексикой.

Чебоксар[ы] – топоним сопоставим с названием столицы Чувашии, которое известно с XV в. в форме ***Чебоксар***. Считается, что город получил имя по одноименной реке, в составе гидронима – распространенное у марийцев и мордвы личное имя *Чебак* (*Чебакса*) и древний речной элемент *-ар* («река Чебака»); форма мн. ч. закрепилась за ойконимом только в XX в. [Поспелов, 2002, с. 458]. Та же и, по всей видимости, тоже позднейшая форма у рязанского названия, относящегося ныне к урочищу.

Шатор – п.п. Мокши; ср. окские реки *Шат, Шатец, Шатура*, на берегу последней г. *Шатура* (моск.); названия могут быть рассмотрены в связи с лит. *Sata, Sātupis* [Смолицкая, 2002, с. 387-388]. Рязанский гидроним *Шатор* находится в ареале топонимии на *-ур* (к которому относится и *Шатура*).

****Имер*** (совр. форма ***Имерка***) – урочище, название которого может быть сопоставлено с эрз. ***Инерка*** (оз.), объясняемое из эрз. *ине* «великий» + *эрьке* «озеро».

Совмещение с ареалами археологических культур. Гидронимы на *-ур* соотносят с культурой рязанских финнов, отмечая совпадение гидронимического ареала с ареалом ранних мордовских могильников, относящихся к перв. пол. I тысячелетия н.э. [Смолицкая, 2002, с. 105]. Согласиться с этим мешает то обстоятельство, что раннемордовские памятники (если относить к таковым памятники горо-

децкой культуры позднего времени и памятники культуры рязано-окских могильников) приурочены к долине Оки, много их в южной части правобережного Поочья, а в Мещере они почти не встречаются, то есть более логично соотнесение памятников древней мордвы с ареалом *-ор (-ар)* правобережного Поочья.

На Карте 1 видно, что ареал на *-ур* сосредоточен в районе реки Гусь (левобережное Поочье). Судя по результатам других региональных исследований, далее он уходит на север, захватывая Владимирскую и соседние с ней области. На этой территории локально обнаружены грунтовые могильники мещеры, а также характерные для неё этнические украшения [Финно-угры и балты, 1987, с. 92]. К сожалению, малочисленность и плохая изученность артефактов мещерской культуры не позволяют определить точные границы ее распространения по археологическим данным.

Здесь уместно обратиться к дискуссии археологов о том, какие местные племена приняли участие в формировании нового населения Среднего Поочья сер. и вт. пол. I тысячелетия н.э. (оставивших культуру рязано-окских могильников, в которой прослеживаются и черты предыдущей городецкой культуры). «А.П. Смирнов полагал, что это население было мещерой, другие исследователи относят среднеокские племена… к мордве. Вполне определенно утверждать, что это были мордовские или мещерские племена, нельзя» [Финно-угры и балты, 1987, с. 97].

Нам представляется, что два связанных топонимических района – ареала типа на *-ур,* с одной стороны, и ареалов типов на *-ор, -ар* и, возможно, *-ер* – с другой, как раз и показывают границу распространения указанных племенных групп: ареал на *-ур* – населения, сформировавшегося с участием мещеры, ареалы на *-ор, -ар* и, возможно, *-ер* – населения, сформировавшегося с участием мордвы. И в том, и в другом районе присутствовал большой процент балтийского населения, на что также указывают топонимические ареалы.

Отметим, что названия обоих типов относятся к небольшим и мелким водным объектам, то есть по логике формирования топонимического ландшафта утвердились относительно поздно, во всяком случае позднее названий основных окских притоков исследуемого района (*Гусь, Нарма, Мокша*). Формирование ареалов топонимов на *-ур* и *-ор, -ар* может быть связано с последним периодом суще-

ствования культуры рязано-окских могильников – периодом существования самостоятельных племенных групп *мещеры, мордвы* и датировано вт. пол. I тысячелетия н.э.

5. Топонимы на *-ма.* Карта 5

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Нарма***, ***Палисма*** (оз.), ***Шилма*** (оз.), ***Ялма***; (ойконимы) ***Нарма***, ***Сарма***, ***Тельма***, ? ***Тума***.

Внутри типа выделяются разновидности на *-шма, -тьма, -ома*: (*-шма*) (гидроним, ойконим, микротопоним) ***Лашма***, ***Пошма*** (оз.); (*-тьма*) (гидроним) ***Лястьма***, (ойконимы) ***Елатьма***, ***Савватьма***; (*-ома*) (гидроним) ***Кулома*** (оз.), (ойконим) ***Чисома***.

Все три подтипа находятся в границах ареала типа на *-ма,* но первые два районированы, а тип на *-ома* отдельного района не образует.

Ареал топонимии на *-ма*, один из самых значительных на исследуемой территории, находится в северо-восточной части рязанского Поочья, он тянется сплошной полосой от верховий реки Пры (район Клепиковского Поозерья) на левобережье до среднего течения Мокши на правобережье, вплоть до места впадения в неё реки Цны. «Брызги» ареала обнаруживаются и далее к юго-востоку, в бассейне реки Вад. Отдельный островок образуют пронские названия ***Вязма*** и ***Кязма*** в юго-западной части картографируемой территории.

Среди денотатов имён – в основном небольшие водные объекты, в том числе озёра, а также поселения, что выдаёт относительно поздний характер топонимии на *-ма.*

Интерпретация данных. Топонимы на *-(о)ма*, вместе с топонимами на *-(е)га, -(о)га*, относят к мерянским. Подобная топонимия, согласно исследованиям А.К. Матвеева, встречается на огромной территории от Кольского полуострова до Печоры и от Белого моря до Подмосковья; традиционна она для Костромской, Архангельской и Вологодской областей России [Матвеев, 1997, с. 38]. В топонимии Карелии И.И. Муллонен рассматривает данный формант как прибалт.-финск. суффикс, участвующий в образовании названий на базе ландшафтных терминов (например, болото *Урома*) [Муллонен, 2008, с. 39]. Окскую топонимию на *-ма*

Г.П. Смолицкая связывала с местными поволжско-финскими племенами [Смолицкая, 2002, с. 167].

Однако этимология отдельных названий группы не даёт уверенности в столь однозначной интерпретации типа, а в исследованиях 2000–2010 гг. всё сильнее звучит идея о его возможном балтийском (прабалтийском) характере или же о балтийской (прабалтийской) апеллятивной основе появления типа.

Лашма – пос. XIX в., названный по местности близ старицы Оки [ТСРО, 2004, с. 137], рядом – ***Ламша***. Существует ли связь между этими названиями, не вполне ясно. С одной стороны, топонимы находятся рядом и поэтому могут быть истолкованы как варианты (фонетические или орфографические) одного имени. С другой стороны, каждый из топонимов находится в границах ареала своего типа: соответственно на *-ма* и на *-ша*.

Топоним ***Лашма*** обычно объясняют через морд. апеллятивы: мокш. *лашма* «лощина, низина; заливное место» [МокшРС, 1998, с. 330], эрз. *лашмо* «низина, болотистая низменность», «долина» [ЭРС, 1993, с. 333; Смолицкая, 2002, с. 183; ТСРО, 2004, с. 137]. Однако Ю.В. Откупщиков относит данный апеллятив к ранним заимствованиям из балтийского, а образованный от него окский гидроним сопоставляет с лит. гидронимом *Lašmuõ* (*lašmuõ* «место на озере, откуда вытекает речка») [Откупщиков, 2004, с. 107, 86].

Балтийское объяснение предлагается и для гидронима ***Вярсма*** (в верховьях Мокши): через лит. *versmẽ* «источник» и в связи с литовским гидронимом *Versmẽ* [Откупщиков, 2004, с. 86].

Вязма, ***Кязма*** – п.п. Иберди [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183, 184], гидронимы известны из исторических источников, но на современных географических картах уже не показаны. Ср. ***Вязьма*** (3) в бассейне Днепра [Никонов, 1966, с. 92]; значительные по протяженности реки ***Вязьма***, ***Клязьма*** в верховьях Оки, п.п. ***Клязьмы*** – оз. ***Вязовское*** и рядом оз. ***Клязьма***; р. ***Клязьма*** и её л.п. ***Вяземка***; р. ***Клязьма*** (л.п. Оки) и рядом р. ***Вязь*** (л.п. Оки) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 308, 339].

Этимология названий не установлена. Ранее высказывалось предположение о связи ***Вязьма*** с русск. «вязкий» [Никонов, 1966, с. 92; Поспелов, 2002, с. 108],

и это подкреплялось наличием в топонимическом окружении разнооформленных названий с *вяз-* (*вез-*) (ср. русские апеллятивы *вязь, вязель* «болото, топь»): ***Везское*** (оз.), ***Везовец*** (верх), ***Везовка*** (р.), ***Везовенка*** (р.), ***Вязырь*** (лоск) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 179, 180]. Однако в исследованиях нач. XXI в. В.Н. Топорова, Ю.В. Откупщикова топонимы ***Вязьма*** и ***Клязьма*** трактуются уже как вероятные балтизмы.

Новые возможности для понимания происхождения типа открывает сопоставление рязанских названий на *-ма* с топонимией той же формантой группы северных областей Центральной России (костр., иван., владим. и др.). Примечательно, что в ней представлены те же разновидности: *-шма* (***Толшма, Кинешма***), *-тьма* (***Тотьма***), *-ома* (***Кострома, Вохтома, Кондома***); ср. также ***Желема*** (моск.).

Гидронимы получают неоднозначную трактовку. С одной стороны, формант *-ма* дает основание видеть в перечисленных примерах названия финно-угорского типа. С другой стороны, некоторые топонимы имеют нетипичный для финских названий морфемный состав. В связи с этим обстоятельством Е.М. Поспелов в отношении гидронима ***Кострома*** поддерживает версию славянского происхождения: от *костра* «луб, волокно» или диал. *кострома* «прутья, солома» [Поспелов, 2002, с. 217-218]. Это кажется маловероятным при учете позднего времени формирования славянской топонимии на указанной территории, значительности самого водного объекта и невозможности объяснения через славянские апеллятивы других названий того же ряда. Реконструкция праслав. **kostr* «вид травы», к которому возводит гидроним Ст. Роспонд (гипотеза поддержана Г.П. Смолицкой [Смолицкая, 2002, с. 167]), даёт возможность осмыслить оним как ещё более раннее образование данного района и направить поиски ко временам появления здесь первых индоевропейцев.

Совмещение с ареалами археологических культур. Археология связывает гидронимы на *-ма* с древним финно-угорским населением. В.В. Седов соотносил этот тип (вместе с типами на *-ньга, -кша / -кса, -га, -важ*) с ареалом культур текстильной керамики РЖВ или даже кон. III – нач. II тысячелетия до н.э. [Седов, 1972, с. 3].

Г.П. Смолицкая рассматривала тип на *-ома, -ема* в связи с типом на *-ша,* оба типа она также связывала с культурой сетчатой (дьяковской) и рогожной (городецкой) керамики, отмечая совпадение в общих чертах их ареалов [Смолицкая, 2002, с. 183].

В рязанском Поочье ареал топонимии на *-ма* хорошо сопоставим с поздним ареалом мещеры, сформировавшейся на базе городецкой культуры во вт. пол. I тысячелетия н.э., и частично с ареалом муромы [Финно-угры и балты, 1989, с. 83, 84, Карты].

Гипотезы о возможном индоевропейском (а именно прабалтийском) происхождении некоторых гидронимов заставляют обратить внимание и на совместимость топонимического ареала с ареалами других древних археологических культур, не связываемых с финно-уграми. В частности, территория локализации перечисленных выше гидронимов, в том числе и северных областей Центральной России, находится не только в границах распространения культур текстильной керамики, но и в ареале фатьяновской культуры более ранней эпохи бронзы (см.: Рис. 5.8).

С учетом указанных обстоятельств возможны следующие варианты интерпретации типа. 1) Топонимия на *-ма* является финно-угорской, она оставлена племенами мери, мещеры, муромы. 2) Топонимия на *-ма* принадлежала фатьяновскому населению. 3) Топонимия на *-ма* имеет древнюю субстратную основу и финно-угорский формант позднего происхождения. 4) Топонимия на *-ма* не является однородной, а объединяет близкие по формантному типу топонимы, часть из которых оставлена балтийским населением, часть – дьяковским и городецким населением и их потомками вт. пол. I тысячелетия н.э. (мерей, мещерой, муромой).

6. Топонимы на *-ерга, -орга, -ерха* (*-ерхи*). Карта 6

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Ниверга*** (протока), ***Пищерга*** (оз.), ***Шаморга***, ***Шатерга*** (оз.), ? ***Кочерга*** (оз.); ***Нерхи*** (оз.), ***Перехи*** (оз.), ***Тюмерха*** (оз.), ***Усерхи*** (оз.), ***Ушерхи*** (оз.), ***Шиверхи*** (оз.),? ***Васильхи*** (оз.), ***Урхо***; (ойконимы) ***Арга***, ***Выдерга***, ***Шаморга***; (микротопоним) ***Сорха*** (уроч.).

Территориально разграничены топонимы на *-ерга* (***Пищерга***, ***Шатерга***, ***Ниверга***, ***Выдерга***) и *-ерха (-ерхи)* (***Тюмерха***, ***Ушерхи***, ***Шиверхи*** и т.д.). Первые локализуются справа и слева от течения Оки близ устья Тырницы, накладываясь

на южную окраину ареала топонимов на *-ур* и соседствуя с типом на *-ор*, вторые – справа и слева от Оки близ устья Мокши, частично совпадая с ареалом на *-ер* (Карта 6А). «Брызги» ареала (***Шаморга***, ***Арга***) обнаруживаются в бассейне Цны, в периферийном ареале названий балтийского типа.

В северных областях Европейской части России (их южная и юго-восточная часть) известны топонимы на *-егра*, *-огра.* Они образуют свой компактный ареал (*Копагра, Мачегра, Онегра, Суегра, Чавегра* и др.). Этот ареал местами пересекается с зоной распространения (озерных) названий на *-ар, -ер, -ор, -яр*, особенно в направлении к низовьям Северной Двины [Матвеев, 1997, с. 36], что в общих чертах повторяет картину в Поочье.

Интерпретация данных. Финно-угорский элемент *-ерга, -ерха* и под. (передача в русском языке вариативна) – традиционный формант озерных названий, восходящий к апеллятиву со значением «озеро»: мокш. *эрьхке*, эрз. *эрьке* «озеро». Многие названия данной группы находят объяснения на базе мокшанского и эрзянского языков[21]. В частности, название озера и поселения ***Шаморга*** может быть объяснено через мокш., эрз. *шамомс* «пустеть», «мелеть» («опустевшее место», «обмелевший водоем») [МокшРС, 1998, с. 852]. Это дает основание относить тип к финно-угорскому, считая обособленные ареалы вариантов – на *-ерга* и *-ерха* (*-ерхи*) – отражением территориального распределения в Среднем Поочье двух близких этнокультурных групп. С теми же группами могут быть связаны и ареалы типов на *-ор, -ар* (тяготеющих к варианту *-ерга*) и на *-ер* (тяготеющего к варианту *-ерха* / *-ерхи*).

7. Топонимы на *-зга, -жга*. Карта 7

Характеристика ареала. Эта немногочисленная группа представлена названиями рек и смежных поселений: ***Вяжга*** (2), ***Юзга*** (2). Все они локализуются на восточной окраине картографируемой территории, в окружении типов топонимов на *-ца, -ва, -кша, -ляй, -ас (-яс)* (Карта 7А).

[21]Этимология рязанских названий на *-ерха, -ерхи* и под. представлена в исследовании И.Н. Хрусталёва «Названия болот и озер Рязанской области» [Хрусталёв, 2009, с. 91-92], поэтому в настоящей работе подробно не рассматривается.

Интерпретация данных. ***Вяжга*** – корневая часть допускает сопоставление с лит. *vėžỹs* «рак», ср. лит. гидроним *Vẽžius* [Откупщиков, 2004, с. 86], ср. также ***Вяж***, река в верховьях Мокши. Нельзя исключать, что формант *-га* имеет вторичное происхождение. Он мог быть привнесён в название одним из финно-угорских народов. В этом случае топоним может быть рассмотрен в связи с типом на *-яж, -еж* и под. (*Ведяжа, Ковяжи*), ареал которого находится рядом. Топонимы данного типа также допускают балтийское объяснение.

Совмещение с ареалами археологических культур. В.В. Седов сопоставлял топонимию на *-га* с культурами текстильной керамики РЖВ и более раннего времени [Седов, 1972, с. 3]. При вторичном характере форманта ареал корневой части названий ***Юзга*** и ***Вяжга*** совместим с ареалом фатьяновской культуры эпохи бронзы, один из отделов которого находится в районе Мокши, на участке от устья Цны до устья притока Вад (Рис. 5.8).

8. Топонимы на *-ыга, -ега*. Карта 8

Характеристика ареала. Данная группа включает два гидронима: ***Штыга***, ***Толпега*** (оз.). В непосредственной близости находится ареал топонимов на *-ерга* (Карта 8А), что может говорить о родстве типов.

Аналогичные топонимы известны в северных областях России (*Кузега, Кузеньга, Андога, Мустюга* и т.д.). Все они, по всей видимости, представляют обширный ареал, южную границу которого очерчивают рязанские названия.

Интерпретация данных. Топонимы северных областей Европейской России на *-га* (*-ега, -ога, -юга, -ньга*) трактуются как финские. Я. Калима считает их мерянскими, А.К. Матвеев использует термин севернофинские. Для гидронимов своего региона *Кузега, Мустюга* исследователь находит апеллятивные соответствия в финском: (соответственно) *kuusi* «ель», *musta* «чёрный» («чёрная речка») [Матвеев, 1997, с. 34, 38]. Этимология рязанских названий не установлена.

9. Топонимы на *-ель*. Карта 9.

Характеристика типа. Данный тип представлен в Поочье немногочисленными гидронимами ***Ешипель*** (оз.), ***Комель***, ойконимами ***Пексел[ы]***, ***Сявель***. Среди денотатов – небольшие водные объекты (в том числе озеро) и сельские поселения. Названия не образуют определенного ареала, но известны только в правобережной части Среднего Поочья.

Топонимы юго-восточной окраины этой территории находятся в зоне активности типов на *-ля*, на *-ша*, соседствуя с одиночными названиями на *-ас, -ис* и периферийным ареалом балтийской топонимии (Карта 9 А). Находящаяся здесь река *Комель* показана на современных географических картах как приток реки Пурля, что, судя по конфигурации объектов, весьма спорно (скорее всего, *Комель* – более раннее или синхронное имя реки, вытесненное позднее названием на *-ля*; имя *Комель* сохранилось в качестве названия притока, который географически является верховьями главной реки). Топоним *Сявель* того же района находится на границе ареала на *-ля.*

Топонимы ***Пексел[ы]***, ***Ешипель*** находятся в точках соприкосновения ареала названий на *-ур* с ареалами названий на *-ер, -ор*, *-ар* (Карта 9 Б).

Топонимы других регионов России: моск. ***Гжель*** (л.п. Москвы-реки), пенз. ***Отвель*** (басс. Суры).

Интерпретация данных. Данный тип остаётся малоизученным. Немногочисленные исследования по названиям с исходом *-ель* противоречивы и не позволяют сделать вывод о языковой принадлежности типа. Так, в гидрониме *Гжель* (*Гжелка*) видят балтизм. В.Н. Топоров восстанавливает его форму как **Gud-(j)-el* и находит для него апеллятивные соответствия в прусском и литовском языках [Смолицкая, 2002, с. 73, со ссылкой на исследования В.Н. Топорова]. Пензенский гидроним *Отвель* объясняют через морд. *од вель* «новое село» [Полубояров, 2010, с. 143]. Рязанские топонимы не находят надежных соответствий в балтийских или финно-угорских языках.

10. Топонимы на *-ля.* Карта 10.

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Карля***, ***Кевля***, ***Ку-***

жля, ***Навля***, ***Пурля***, ***Учезля***, ***Цавля***; (ойконимы) ***Карля***, ***Купля.***

Названия данного типа занимают компактную территорию в низовьях реки Выша (п.п. Цны), захватывая на востоке левые притоки соседней реки Вад и продолжаясь далее на юго-востоке, в среднем течении Выши (территория Пензенской обл.). На картографируемой территории вне данного ареала топонимы не обнаружены. Названия относятся к небольшим водным объектам, притокам четвертого и пятого порядка.

Ареал накладывается на зону распространения названий с исходом *-ша* и частично на периферийный ареал балтийской топонимии. Рядом находятся: ареал типа на *-ляй*, одиночно разбросанные топонимы на *-ас* (*-яс*). Внутри ареала обнаруживаются единичные представители типов на *-ель, -ис* (Карта 9 А).

Интерпретация данных. Данный тип остается малоизученным. Для двух топонимов группы предложены балтийские этимологии. Так, гидроним ***Пурля*** Ю.В. Откупщиков соотносит с лит. *Purlė* и объясняет через ботанический термин *purlė* «калужница»; гидроним ***Кевля*** – через литовский апеллятив *kiaũle* «свинья» [Откупщиков, 2004, с. 86, 102]. В то же время второй топоним может быть объяснен через морд. (мокш., эрз.) *кев* «камень» [МокшРС, 1998, с. 241; ЭРС, 1993, с. 244], то есть как «река с каменистым дном или берегами». Гидроним ***Кужля*** допускает объяснение через мокш., эрз. *куз* «ель» [ЭРС, 1993, с. 309; МокшРС, 1998, с. 299], что подтверждается географическими реалиями: река протекает

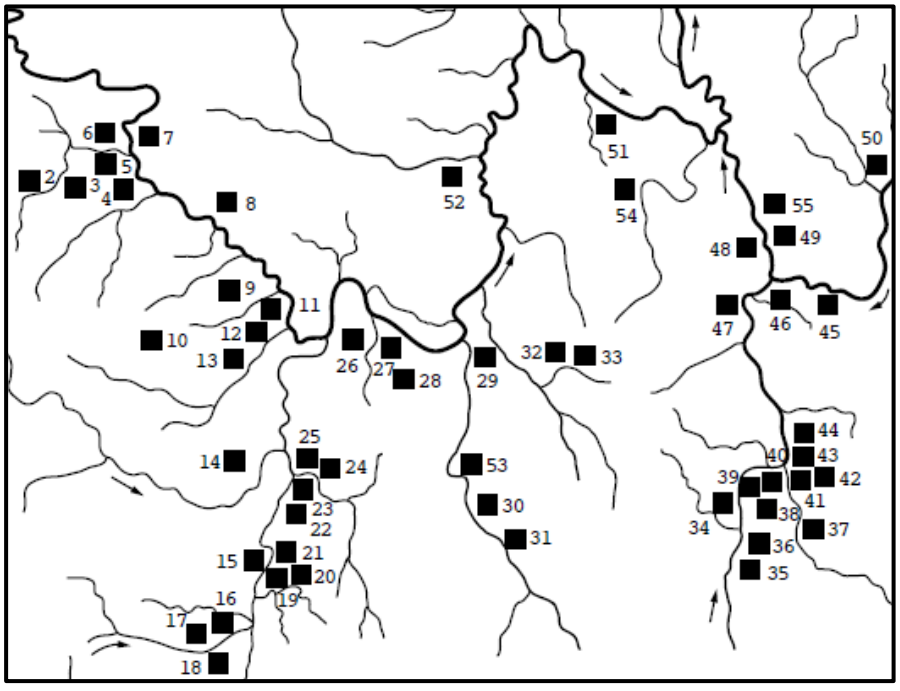


Рис. 5. 1. Памятники городецкой культуры на территории Рязанской области (сост. В.П. Челяпов, В.М. Буланкин).

по хвойному лесу. Примечательно, что топонимы с основой ***Куз- / Куж-*** (напр. мыс *Кужнаволок*) широко известны и в Карелии; И.И. Муллонен объясняет их через прибалт.-финск. апеллятивы с тем же значением: карел. *kuuši, kuuži*, люд. *kūž(i), kūź(i),* вепс. *kuź* «ель» [Муллонен, 2008, с. 56].

Топонимы Пензенской области, где продолжается рязанский ареал типа на *-ля*, М.С. Полубояров объясняет по-иному. В частности, гидроним *Кутля* (л.п. Суры) он сопоставляет с антропонимом *Кутля*, известным из источников XVII в. как имя служилого татарина, однако больше склоняется к версии о происхождении названия из морд. *кудо ляй* «домашняя речка (речка с жилищем)», то есть видит в форманте *-ля* видоизмененное *-ляй* [Полубояров, 2010, с. 114].

Возможно, с типом на *-ля* соотносится тип на *-ель*: несколько названий этого ряда находится в ареале топонимии на *-ля*. Оба форманта могут быть рассмотрены как видоизмененные *ляй, лей* (см. ниже).

Совмещение с ареалами археологических культур. Ареал топонимов на *-ля,* а вместе с ним на *-ель*, в бассейне Цны и Выши сопоставим с ареалом городецкой культуры, но всё же более вероятно, что названия связаны с потомками городецкого населения данного района (мордвой) (см.: Рис. 5.1, 5.3).

11. Топонимы на *-лей*. Карта 11

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Кужлей***, ****Липлей*** (совр. ф. ***Липейка***) (2), ****Милей*** (совр. ф. ***Милейка***), ****Разлей*** (совр. ф. ***Разлейка***), ****Тумлей*** (совр. ф. ***Тумлейка***); (ойконимы) ***Каркалей***, ***Козлей***, ***Козумлей***, ***Леплей***, ****Липлей*** (совр. ф. ***Липейка***) (2), ****Милей*** (совр. ф. ***Милейка***), ***Тумалей***, ****Тумлей*** (совр. ф. ***Тумлейка***), ****Улей*** (совр. ф. ***Улейка***), ***Чуварлей***, ***Чупалей***.

12. Топонимы на *-ляй*. Карта 12

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Водоляй***, ***Имляй***, ***Кашеляй***, ***Ошляй***, ***Санкеляй***, ***Северляй***, ***Турхталяй***, ***Шиньжеляй***; (ойконимы) ***Водоляй***, ****Липляй*** (совр. ф. ***Липляйка***), ***Шевырляй***, ***Шуварляй***.

В научной литературе топонимы на *-лей* и *-ляй* обычно рассматривают как один тип (*-лей / -ляй*). Однако в Среднем Поочье они имеют самостоятельные ареалы, что дает основание считать их двумя отдельными типами, хоть и родственными. Оба ареала локализуются в восточной части картографируемой территории, только в бассейне реки Мокша, преимущественно за пределами современной Рязанской области.

Ареал типа на *-лей* приурочен к течению реки Шокша (п.п. р. Юзга, п.п. р. Мокша), он захватывает северо-восточные районы Мордовии и Нижегородской области и продолжается далее на территории Нижегородской области. Одиночные названия встречаются в районе рек Пара и Вад, в последнем случае в границах ареала типа на *-ляй* или рядом с ним.

Названия относятся преимущественно к поселениям, реже к небольшим или совсем незначительным водным объектам.

Топонимы на *-ляй* сконцентрированы в районе реки Вад (л.п. р. Мокша) и его притоков, в пограничных (с Рязанской областью) районах республики Мордовия и Пензенской области. Небольшой островок типа на *-ляй* обнаруживается на левобережье Цны (п.п. Мокши). На рязанской территории вне выявленных зон топонимы не встречаются, ни в виде островков, ни в виде одиночных названий. Такая строгая территориальная приуроченность топонимов данного типа говорит о локальных условиях их формирования.

Названия на *-ляй* относятся как к небольшим рекам, так и поселениям.

Интерпретация данных. Форманты *-лей, -ляй* являются типичными гидронимическими формантами мордовской топонимии со значением «река»: ср. мокш. *лей* «река» [МокшРС, 1998, с. 335], эрз. *ляй* «река, речка» [ЭРС, 1998, с. 350]. Судя по тому, что денотаты имён – небольшие и совсем мелкие объекты, топонимия на *-лей, -ляй* носит сравнительно поздний характер. Её появление можно связать с периодом формирования и существования мордвы как самостоятельной этнической группы, имеющей исторически сложившуюся территорию проживания (бассейны рек Мокши, Суры). Многие названия объясняются через апеллятивы мокш. и эрз. языков: ***Тумлей, Тумалей, Тумлейка*** из эрз. *тумо* «дуб» [ЭРС, 1993, с. 682],

«река, протекающая по дубовому лесу»; ***Чуварлей, Шевырляй, Шуварляй*** из эрз. *човар* «песок» [ЭРС, 1993, с. 752], «река с песчаными дном и берегами»; см. также ниже этимологии названий ***Ошляй, Липлей, Липляй***.

Рязано-мордовские, рязано-нижегородские и рязано-пензенские ареалы, очевидно, являются пограничными очагами распространения топонимии данного типа, основные ареалы которой находятся в Мордовии, Пензенской и Нижегородской областях (там концентрация названий намного выше). По подсчетам М.С. Полубоярова, только в Верхнем Посурье известно около 90 гидронимов с *-лей, -ляй*, в Верхнем Примокшанье таковых 21 (Рис. 5.2) [Полубояров, 2010, с 31].

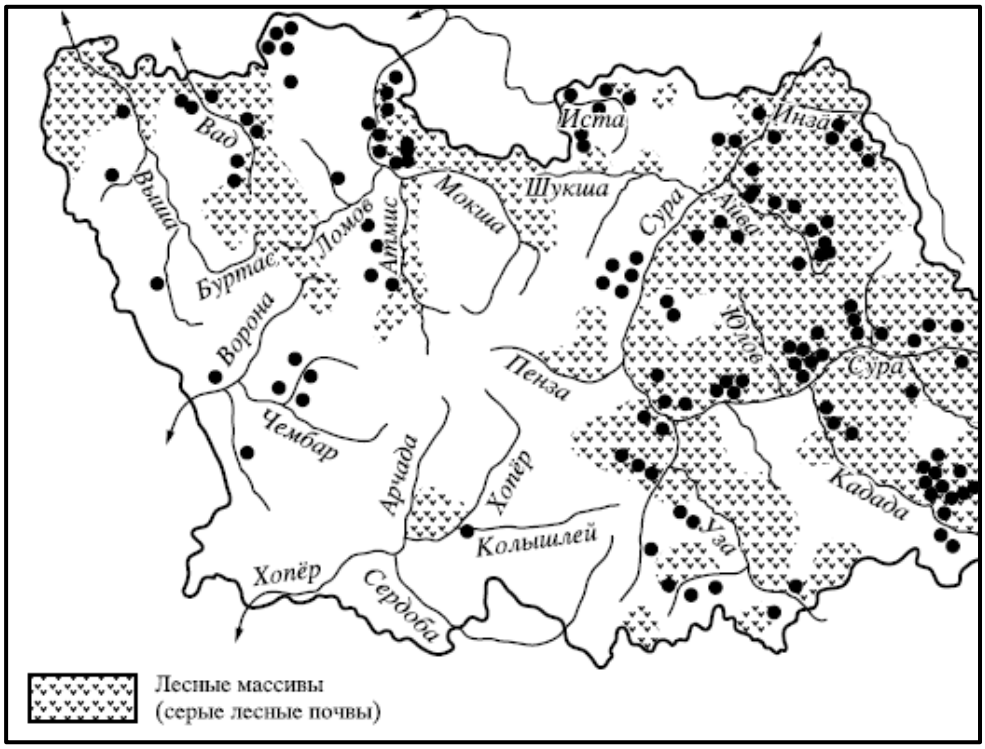


Рис. 5.2. Гидронимы на -лей / -ляй в Пензенской области (сост. М.С. Полубояров)

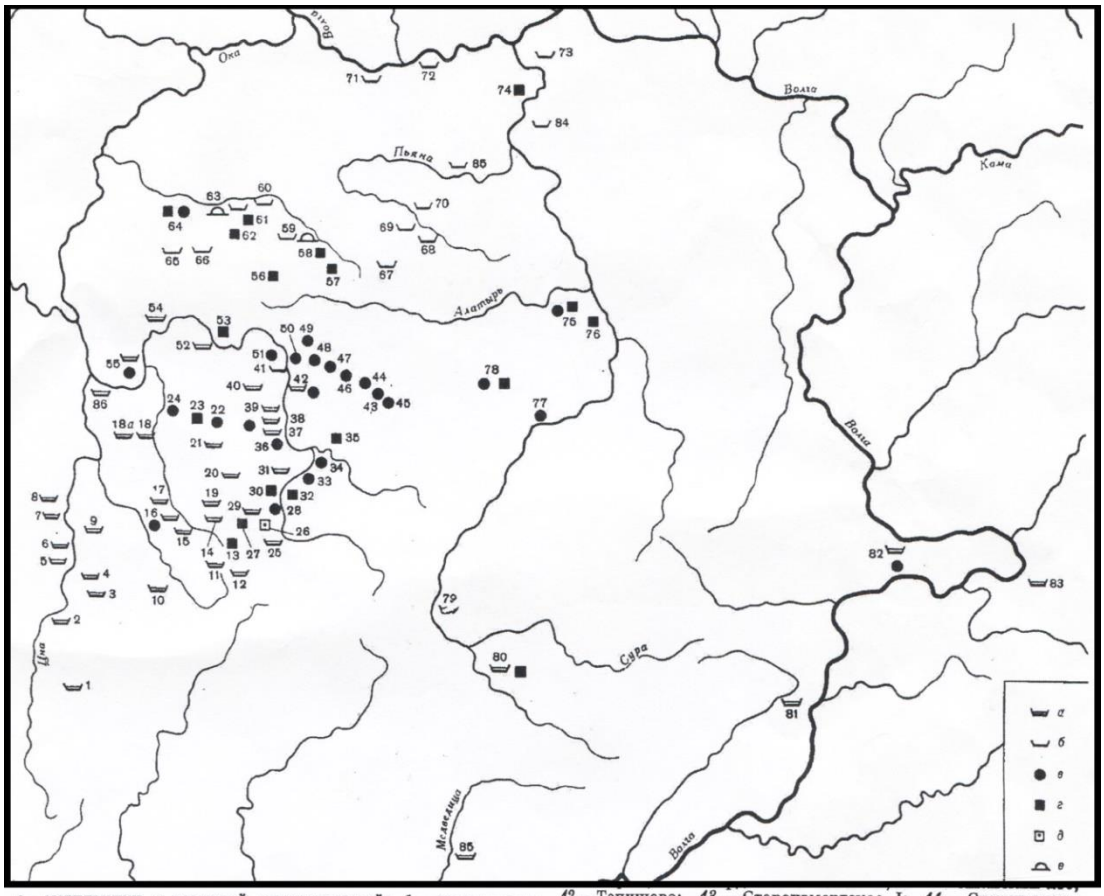
Рязанские ареалы объединяют 18 топонимов на *-лей* и 12 на *-ляй*.

Несмотря на устоявшееся представление о языковой принадлежности элементов *-лей, -ляй*, в последнее время предпринимаются попытки пересмотреть эту точку зрения и взглянуть на гидронимы данного типа в балтийском аспекте. В частности, Ю.В. Откупщиков видит в элементе *-лей* продолжение балтийской апеллятивной лексики: лтш. *leja* и *lejs* «долина, низина», этимологически связанные с и.-е. корнем **lei-* (лтш. *liet* «лить», русск. «лить»); возможный путь семантического развития: «лить, течь» – «река» – «заливной луг»; не исключено, что латышские апеллятивы имели более древнее значение «река»: лтш. *Abras-leja* в сравнении с *Abr-upe* [Откупщиков, 2004, с. 103]. По мнению исследователя, и корневая часть от-

дельных «мордовских» гидронимов на *-лей, -ляй* может быть объяснена на материале балтийских языков: ***Ошляй***, обычно трактуемая как «городская речка» (мокш., эрз. *ош* «город» [МокшРС, 1998, с. 452; ЭРС, 1993, с. 449]), сопоставима с балтийским гидронимом *Oš-upis* (лит. *õšti* «шуметь»); ***Липлей***, ***Липляй*** (совр. ***Липляйка***), трактуемые как «ольховая речка» (мокш., эрз. *лепе* «ольха» [МокшРС, 1998, с. 333; ЭРС, 1993, с. 338]), сопоставимы с лит. гидронимом *Liep-upė* (лит. *líepa* «липа») [Откупщиков, 2004, с. 104, 105]. Вывод, к которому приходит исследователь: «…Морд. *лей, ляй* «река, овраг» было заимствовано из древнего балтийского диалекта, в котором слово *lejs, leja* в качестве второго компонента гидронима имело очень широкое распространение, причем преимущественно с этимологически более древним значением „река“» [Откупщиков, 2004, с. 104].

Если принять эту точку зрения, то небольшие и компактные ареалы *-лей, -ляй* в Среднем Поочье должны быть исторически связаны с районами проживания балтов, лексические и ономастические элементы которых и были восприняты позднее мордовским населением. Как показывает топонимическая карта, оба ареала накладываются на ареалы топонимии балтийского типа: тип *-лей* – на типы *-ос, -еж, -яж* и под., тип *-ляй* – на типы *-ва, -ца* (Карты 11 А, 12 А).

Совмещение с ареалами неязыковых явлений. Если принимать во внимание топонимические, археологические и этнографические данные по соседним регионам, то основной ареал топонимии с *-лей, -ляй* совпадает с ареалом археологических памятников мордвы VI – XV вв. (см.: Рис. 5.3) и основной территорией современной мордвы. Два компактных ареала Среднего Поочья показывают районы проживания носителей двух языков или диалектов внутри мордовского языка. Ареал *лей*-топонимии частично совпадает с районом проживания так называемой *теньгушевской мордвы*, или *шокши*. Название этнической группы связано с гидронимом ***Шокша***, а второй вариант этнонима – *теньгушевская мордва* – с названием населенного пункта ***Теньгушево***, который располагается здесь же, у истока соседней с Шокшей реки Ведяжи.



а — могильники с северной ориентировкой; *б* — могильники с южной ориентировкой; *в* — селище; *г* — городище; *д* — город; *е* — курганы; *1* — Ляда; *2* — Кулеватово; *3* — Паново; *4* — Елизавет-Михайловка; *5* — Крюково-Кужново; *6* — Моршанск; *7* — Давыдово; *8* — Томниково; *9* — Серпово; *10* — Мало-Ажмирское; *11* — Большое Луговое; *12* — Кармелейка; *13* — Жуковка; *14* — Калиновка; *15* — Старое Бадиково I; *16* — Старое Бадиково II; *17* — Журавкино; *18, 18а* — «Заря»; *19* — Пичпанда; *20* — Кельгинино; *21* — Куликово; *22* — «Чертово селище»; *23* — Кудеярово; *24* — Ново-Четовское; *25* — Старая Сотня; *26* — Наровчат; *27* — Ошкень-Ланце; *28* — Полянки; *29* — Паньжа; *30* — Самозлейское; *31* — Красный Восток; *32* — Ковыляйское; *33* — Покровка; *34* — Токмово; *35* — Ново-Пшеново; *36* — Троицк; *37* — Черемис; *38* — Ефаево; *39* — Мордовские Парки; *40* — Мордовская Козловка; *41* — Мешанский лес; *42* — Тенишево; *43* — Староизморгское I; *44* — Староизморгское II; *45* — Староизморгское III; *46* — Хитровское; *47* — Красный городок; *48* — Клюковка 2; *49* — Клюковка 3; *50* — Клюковка 4; *51* — Старо-Девичье; *52* — Нароватово; *53* — Итяково; *54* — Шокша; *55* — Старый Кадом; *56* — Хозино; *57* — Федоровка; *58* — Понетаево; *59* — Корино; *60* — Абрамово; *61* — Хохлово; *62* — Надеждино; *63* — Погиблово; *64* — Сакон; *65* — Младшее Кужендеево; *66* — Старшее Кужендеево; *67* — Перемчалок; *68* — Гагино; *69* — Борнуково; *70* — Ичалки; *71* — Сарлей; *72* — Волчихино; *73* — Иваньково; *74* — Ножа-Вар; *75* — Ош-Пандо; *76* — Ашна-Пандо; *77* — Мартьяновка; *78* — Енгалычево; *79* — Малый Селиксенский могильник; *80* — Армиево; *81* — Черемшанский; *82* — Муранский; *83* — Барабошинский; *84* — Таутово; *85* — Сергач; *86* — Кошибеево

Рис. 5. 3. Археологические памятники мордвы VI-XV вв.

13. Топонимы на *-кша*. Карта 13

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Кокша*** (2: р., оз.), ***Мокша***, ***Шокша*** (3: р., 2 оз.), ***Вокша***, ***Селюкша*** (оз.); (ойконим) ***Шокша***. В бассейне Оки известны также: ***Колакша***, ***Лакша***, ***Селекша***, ***Серокша***, ***Шумокша*** и др. [Смолицкая ГБО, 1976].

На территории Рязанской области большинство топонимов данного ряда расположены в районе ***Мокши***, крупнейшей реки Поочья. Одним из притоков Мокши является река ***Шокша***. ***Шокша*** – это и названия двух озёр, также приуроченных к течению Мокши. В левобережной части территории расположены оз. ***Селюкша*** и р. ***Вокша*** (л.п. р. Кишня).

Названия других регионов: ***Пекша*** (п.п. Волги, Ярославская обл.), ***Покша***, ***Локша*** (л.п. Волги, Костромская обл.) дают основание предполагать продолжение ареала топонимии на *-ква* от Поочья к северным областям Центральной России, хотя надо признать, что точных данных по ареалу данного типа в общерусском масштабе нет.

Интерпретация данных. Языковая принадлежность гидронимии на *-ква* точно не определена. По одной версии, названия являются реликтами некоего неизвестного сегодня (вымершего) финно-угорского языка [Смолицкая, 2002, с. 129]. На материале финно-угорских языков обычно объясняют один из древнейших окских гидронимов ***Мокша***, сближая его с апеллятивом *мокс* (*мокш*) / «исток», «поток, текущая вода», «приток» [Смолицкая, 2002, с. 208-209; ТСРО, 2004, с. 156-157]. Распространенной в науке является точка зрения о связи названия с этнонимом *мокша* (мокш. *мокша*, эрз. *мокшо*) (прямой или обратной: гидроним → этноним, название по реке как месту обитания этнической группы, или, что менее вероятно, этноним → гидроним).

С начала XXI в. предпринимаются попытки пересмотреть устоявшееся представление о гидронимии на *-ква* вообще и о гидрониме ***Мокша*** в частности. Балтийское происхождение гидронима поддерживает Ю. В. Откупщиков, он возводит название к **mak-* / **mok-*, представленное в литовских апеллятивах *maknùs* «топкий, жидкий», *makõnė* = *makõšė* «грязь», *mõkšė* «болото» [Откупщиков, 2004, с. 95]. Производные от **mak-* / **mok-* известны и в славянских языках (ст.-слав. *мокръ*, чеш., слвц. *mokrý*, русск. *мокрый* и т.д.), но говорить о славянском характере названия крупнейшего притока Оки не приходится, так как оно утвердилось задолго (вероятно, за несколько тысячелетий) до появления славян в этом районе. Топоним ***Мокша*** встречается в бассейне Оки также как название озера (среди левых притоков р. Мокши) и реки в районе Клязьмы [Смолицкая ГБО, 1976, с. 253, 220].

Гидроним ***Шокша*** Е.М. Поспелов сближает с мар. *шокш* «рукав» [Поспелов, 1970, с. 99], Ю.В. Откупщиков видит в нём производное от лит. *šakùs* = *šokùs* «быстрый, прыткий» (ср. *šókti* «прыгать») [Откупщиков, 2004, с. 94]. Балтийская этимология предлагается и для топонима ***Лакша*** (ср. ***Лакаш***, оз. в низовьях Пры):

из лит. *lakùs* «быстрый» [Откупщиков, 2004, с. 94.] или *laikše* «большое болото, поросшее кустарником или камышом» [ТСРО, 2004, с. 135].

Совмещение с ареалами археологических культур. С ареалом топонимии на *-кша, -кса* В. В. Седов связывал волосовскую культуру и последующие культуры текстильной керамики, считая *-кша, -кса* типичными финно-угорскими формантами [Седов, 1972, с. 3]. Однако с учетом новых этимологий допустима связь древнейшей топонимии на *-кша* (в частности, ***Мокша***) с фатьяновской культурой эпохи бронзы. Часть названий может носить поздний характер и быть связана с культурами I тысячелетия н.э.

14. Топонимы на *-ша* типа *Моша.* Карта 14

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидроним) ***Выша***; (ойконимы) ***Ваша***, ***Выша*** (2), ***Наша***. Названия расположены в районе реки Выши, преимущественно близ ее устья. ***Выша*** – один из значительных притоков Цны, протекающий по территории Рязанской и Пензенской областей.

На ареал накладывается ареал типа на *-ля*, в зоне их соприкосновения известны также типы на *-ис, -ель.* Северная часть ареала накладывается на обособленный ареал балтийской топонимии (Карта 9А).

Другая группа топонимов на *-ша* известна в бассейнах Прони (преимущественно на правой стороне) и Пары (на левой стороне): (гидронимы) ***Лоша***, ***Моша*** (2), ***Малая Моша***, ? ****Моша*** (совр. ф. ***Мошка***), ? ***Лаше***; (ойконим) ***Лоша*** (Карта 14). Возможно, к этой группе примыкают и территориально близкие гидронимы ***Питомша***, ***Кобельша***. В ареал они не включены, но показаны (другим цветом) на общей карте (Сводная карта III).

Денотаты гидронимов – небольшие реки, чаще всего 2-го и 3-го порядка.

Второй ареал находится в зоне сплошной балтийской топонимии, накладывается на неё, и в этом просматривается определенное сходство в соотношении ареалов балтийской топонимии и топонимии на *-ша* в районе Выши (Карта 14 А). Кроме того, второй ареал сопоставим с ареалом топонимов на *-ва*: гидронимы с *-ша* «нанизаны» на гидронимы с *-ва* (*Ранова* – л.п. *Моша*, л.п. *М. Моша*, *Пожва*

– л.п. *Моша*) или, в случае равновеликих объектов, соседствуют (*Кисьва, Лоша*) (Карта 14 Б).

Интерпретация данных. ***Моша*** (***Мошка***), ***Моша*** (***Большая Моша***) – л.п. Рановы, ***Малая Моша*** (***Сухая Моша***) – л.п. Большой Моши [Смолицкая ГБО, 1976, с. 179, 181]. В бассейне Оки известны еще два гидронима ***Моша*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 353]. Рязанские названия находят параллели в литовской гидронимии: р. и оз. *Mošià* (с неясной этимологией) [Откупщиков, 2004, с. 86, со ссылкой на исследования А. Ванагаса].

В русских памятниках письменности рязанский гидроним впервые упоминается в XVI в. в форме ***Моша*** [ПК, I, с. 126]. В том же источнике имеется запись: «на речке на Мошене» [ПК, I, с. 129], которая свидетельствует, что славянская топонимическая система стремилась перестроить субстратные названия под свои типовые модели (гидроним находится в окружении названий с финалями *-на, -ня*: *Алешня, Песочна* и под.).

Лоша – л.п. Прони [Гордова ТРО, 2010, с. 34]; в том же районе – ***Лаше*** (п.п. Мостьи), как возможный вариант имени. Гидронимы *Лоша* известны среди притоков Припяти и Москвы. Оба названия рассматриваются как балтизмы. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев припятский гидроним сближают с лит. *lašis* «лосось»; аналогичную интерпретацию получает в их исследовании *Лашанка* бассейна Немана, *Лашинка* в низовьях Москвы [Топоров, Трубачев, 1962]. Московскую *Лошу* Ю. В. Откупщиков сопоставляет с лит. гидронимом *Lãš-upis* и лит. апеллятивами *lãšas* «капля», *lašėti* «капать, струиться» [Откупщиков, 2004, с. 88].

Еще в 1950-е гг. Б. А. Серебренников рассматривал элемент *-ша* как типичный элемент гидронимов со значением «река» [Серебренников, 1955, с. 27-28]. «Самостоятельность» семантики данного форманта отрицает Ю. В. Откупщиков. По его мнению, *-ша* в заимствованиях славянской топонимической системы передает балт. (лит.) *-šė*, причем часть названий на *-ша* (*Волокша, Вольша, Вопша, Копша*) этимологически связаны с прилагательными на *-ùs*, например: *gilùs* «глубокий» – оз. *Gilšė* [Откупщиков, 2004, с. 93].

15. Топонимы на *-миша, -рша.* Карта 15

Данный тип представляют: (гидронимы) ***Ламша***, ***Шомша*** (оз.), ***Питомша***, ***Ворша***, ***Курша***, ***Перша*** (оз.); (ойконимы) ***Ламша***, ***Питомша***, ***Курша***, ***Перша***.

Основной массив названий сосредоточен в междуречье Оки и Нармы – это обстоятельство служит основанием для рассмотрения топонимов в рамках одной группы. Ареал непосредственно соприкасается с большим ареалом топонимов на *-ма*. Одиночные названия на *-миша*, *-рша* обнаруживают себя в районе рек Тырница (***Ворша***), Цна (***Перша***), Ранова (***Питомша***).

Интерпретация данных. Для некоторых названий на *-миша*, *-рша* предложены объяснения на материале балтийских языков. Так, гидроним ***Ворша*** (две одноименные реки известны и в бассейне Клязьмы) связывают с лит. *virti* «кипеть», ***Ламша*** – с лит. *lomùs* «низкий», ***Перша*** – с лит. *perša* «полынья», «место с многочисленными выходами родников», ***Шомша*** – с лит. *šãmas* «сом» (> *šãmùs*) [Откупщиков, 2004, с. 93, 94, 101, 94]. Менее вероятны версии, объясняющие происхождение тех же названий через мордовские (мокш.) апеллятивы, в частности, ***Шомша*** – через мокш. *шушма* «бугор», ***Перша*** – через морд. *пере* «огород» или *перяф* «преграда» [Хрусталёв, 2009, с. 94, 95].

16. Топонимы на *-ша* других типов. Карта 16

Другие топонимы на *-ша* рассредоточены по картографируемой территории, не образуя определенного ареала: (*-ньша*) ***Коньша***, ***Куньша***, (*-уша*) ***Кривуша***, ***Криуша*** (2), ***Уша***, а также ***Кобельша***, ***Пяша*** (оз.), ***Пятша***, ***Вобша*** (***Вобща***). И в языковом отношении топонимы вряд ли образуют единую группу. Для них предлагаются взаимоисключающие этимологии на базе финно-угорских, балтийских и славянских языков. В частности, гидроним ***Вопша*** (ряз. ***Вобша***) рассматривается в связи с лит. *vapùs* / «говорливый» [Откупщиков, 2004, с. 93]; название озера ***Пяша*** в связи с мокш. *пяше* «липа» [МокшРС, 1998, с. 559]; ***Кривуша*** в связи с русск. *кривуша* «старица изогнутой формы» (с пометкой, что суффикс гидронима не имеет соответствий в современной нарицательной лексике, что заставляет задуматься о его чужеродности) [Хрусталёв, 2009, с. 55]

Несмотря на отсутствие определенности в языковой принадлежности и трактовке перечисленных названий, они показаны на карте (как представляющие потенциальный интерес для ономастических исследований и для получения объективной картины), вместе с топонимами на *-ша* (типа ***Моша***), *-кша*, *-мша*, *-рша*, которые, несмотря на те же трудности в плане лингвистического осмысления, тем не менее сосредоточены в отдельных районах. Названия на *-ша* выявленных типов (имеющие ареал и одиночные) обозначены на карте разными оттенками желтого.

Единая карта распространения топонимии на *-ша* (Сводная карта III) показывает, что подобные названия известны на значительной территории Среднего Поочья, как на левобережье, так и на правобережье. Зоны компактного размещения отдельных типов: 1) бассейн реки Мокша (*-кша*); 2) бассейн реки Выша, преимущественно близ устья (*-ша* типа ***Выша***); 3) район от нижнего течения Прони до среднего течения Рановы (в основном *-ша* типа ***Моша***, единично *-мша*, *-льша*); 4) район междуречья Оки и Нармы (*-мша*, *-рша*). Названия с финалью *-ша* не отмечены лишь в районе между течением реки Вожи и верхне-средним течением Прони, а также в бассейне реки Пары.

Топонимы на *-ша* (*-льша, -мша, -кша*) известны в северных районах Поочья, в частности в бассейне Клязьмы (л.п. Оки): ***Тальша***, ***Наромша***, ***Селекша***, ***Колокша***, ***Пекша*** (из эрз. *пекше* «липа» [ЭРС, 1993, с. 467]).

Совмещение с ареалами археологических культур. Топонимию на *-ша* традиционно связывают с представителями культур текстильной керамики (дьяковская, городецкая), которых считают носителями поволжско-финских языков. Но поскольку, как было показано выше, топонимия на *-ша* неоднородна, она включает в себя разные группы и с точки зрения структуры названий, и с точки зрения их языковой принадлежности, вопрос совмещения лингвистических ареалов с ареалами неязыковых явлений требует более тщательного и дифференцированного (для каждого типа) подхода.

В первую очередь требует проверки версия совместимости ареалов топонимов на *-ша* с ареалом культуры *рогожной керамики* (она же *городецкая*).

В рязанском Поочье памятники *городецкой* культуры известны на большой территории от Вожи до Мокши (Рис. 5.1). Все они, как правило, приурочены к устьям рек или к течению главной реки Оки. При этом выделяется несколько районов концентрации городецких поселений. Одним из них является район близ с. Ваша на р. Цне, где обнаружены остатки трёх поселений разных типов, в том числе городов. Ареал городецких памятников данного района как будто бы «соседствует» с ареалом топонимов на *-ша*, но всё же более сопоставим с ареалом топонимов на *-ля,* которые «нанизаны» на гидроним с формантом *-ша* (***Выша***) (Карта 9 А).

Второй ареал городецких поселений – район реки Рановы, в котором открыто более 11-ти древних городов этой культуры [Челяпов, Буланкин, 1993, с. 24]. Значительная их часть расположена на правой стороне, в то время как названия на *-ша* в основном локализуются на левой, что заставляет сомневаться в совместимости ареалов. Идею связи топонимии на *-ша* и *городецкой* культуры как будто бы поддерживают отдельные соответствия: поселения этой культуры обнаружены на берегу *Моши* и *Лоши* (городища с условными наименованиями *Ногайское* и *Никитинское*: пам. 16 и 14 на Рис. 5.1) [Челяпов, Буланкин, 1993, с. 24]. Однако и здесь не всё так просто, так как, в частности, вдоль течения Моши известны поселения и более раннего времени – эпохи бронзы, пока не получившие надёжной культурной атрибуции [АКР, III, с. 84-85], а это означает, что гидроним мог быть унаследован носителями *городецкой* культуры от населения предыдущих эпох. Переход названия в славянскую топонимическую систему произошел, судя по археологическим материалам, не позднее XII–XIII вв., – в это время в указанном районе уже были славянские поселения [АКР, III, с. 84-85].

Еще один район концентрации городецких поселений – долина реки Оки от Раки до Тырницы (правый берег) – вообще не обнаруживает связи с топонимией на *-ша*: здесь названия данного типа не встречаются. Такая же ситуация – в районе реки Вожи, где находится комплекс городецких поселений.

Таким образом, совмещение ареалов топонимов на *-ша* с археологическими ареалами Среднего Поочья не подтверждает связи названий с *городецкой* культу-

рой, а значит, их традиционной интерпретации как финно-угорских (раннемордовских), сомневаться в этом заставляют и предлагаемые в новейших исследованиях этимологии отдельных названий.

Топонимы на *-ша* в бассейнах Прони и Цны (***Лоша***, ***Выша***, ***Наша***) хорошо сопоставимы с более ранней, чем *городецкая, фатьяновской* культурой. Многочисленные памятники этой культуры (на 2017 год 24) известны и в районе Выши; здесь они локализуются преимущественно на левом берегу реки.

Отдельные памятники той же культуры обнаружены вдоль течения рек с названиями, представляющими тип на *-ка*: ***Мокша***, ***Шокша***, ***Вокша***. Однако следует отметить, что вдоль течения Мокши известны памятники как еще более ранней *волосовской* культуры (единичные), так и более поздней *городецкой* культуры, что затрудняет корректировку топонимических данных данными археологии.

Ощущается явная неполнота археологических фактов при поиске возможных связей с материальными культурами прошлого для названий мелких объектов (по сути микротопонимов) на *-ша* балтийской интерпретации.

По причине отсутствия результатов археологических исследований в левобережной части Поочья не найдено соответствий для ареала топонимов на *-рша, -мша* в междуречье Нармы и Оки.

Ареал топонимии на *-ша* более северных районов Поочья (за пределам картографируемой территории) может быть сопоставлен как с ареалом *дьяковской* культуры (меря), так и с ареалом более ранней *фатьяновской* культуры, которые территориально совпадают (Рис. 5.8) [Финно-угры и балты, 1987, с. 70, 72].

Второй аспект проблемы совмещения ареалов касается предполагаемого родства двух топонимических типов: на *-ша* и на *-(о)ма* / *-(е)ма*. В исследованиях 1970-1980-х гг. названия на *-(о)ма* / *-(е)ма* также обычно рассматривались в связи с культурой *текстильной керамики* [Смолицкая, 1981].

Отсутствие топонимии на *-ма* в основных районах сосредоточения топонимии на *-ша* в Среднем Поочье ставит под сомнение принадлежность этих типов одной этнической группе (археологической культуре).

Как показывает лингвистическая карта, ареал топонимов на *-ма*, начинаясь в районе Мокши, далее уходит в левобережные районы Поочья, где памятники *городецкой* культуры практически не встречаются. Можно предположить, что здесь он соотносится с какой-то иной культурой, возможно родственной *дьяковской* (культура *сетчатой керамики*), основной район локализации которой находится не в рязанском Поочье, а в более северных и северо-западных районах. Однако у нас нет точных сведений о периферийных отделах *дьяковской* культуры, с одной стороны, и об ареале топонимии на *-ша* за северными пределами Рязанской области – с другой, а значит, решение проблемы пока невозможно. В любом случае, связь топонимии на *-ма* с *городецкой* культурой в районе Средней Оки крайне сомнительна. А сам тип может быть сопоставлен только с немногочисленными топонимами на *-миша, -риша*, но не с топонимами на *-ша* других типов.

17. Топонимы на *-ус*. Карта 17

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Деркус*** (2), ***Ерус***, ***Истус***, ***Киструс*** (***Кистрос***), ***Пиндрус***, ***Тынус*** (оз.), ***Улус*** (***Улос***, ***Улас***), ***Урсус***, ***Чармус***; (ойконимы) ***Ибердус***, ***Кидус[ово]***, ***Киструс***, ***Пьянгус***, ***Чарус***.

Названия встречаются преимущественно в северо-восточной части Рязанской области, отдельные названия – ниже устья Мокши, между реками Вянка и Кокша (в зоне господства типов на *-ар, -кша, -ль*) (***Деркус***), и на юго-западе, в верховьях правобережной Прони (***Истус***, ***Улус***, ***Урсус***). Значительная часть ареала находится в левобережной части Поочья и тяготеет к течению Оки, а после встречи с окским притоком Гусь – к течению его притоков. Центральный и «пронский» отделы ареала соприкасаются и частично смешиваются с ареалом топонимов на *-да* (*-дь*) (Карта 17 А).

Рядом с этим ареалом, в правобережной части Поочья, уже в зоне распространения типов на *-ур* (а именно *-чур*), отмечен островок подтипа на *-чус* (***Мильчус***, ***Свинчус***) (на карте они показаны более темным цветом).

Среди денотатов гидронимов – небольшие и совсем мелкие реки (в основном притоки 3, 4 и 5 порядка), а также незначительные водные объекты иных типов: озеро, перекаты.

По данным В.А. Никонова, помимо Поочья, гидронимы на *-ус* известны на обширной территории: в бассейне Суры, в Прибалтике, на Валдае, в Карелии, в бассейне Сухоны, на Урале, но только в Поочье они образуют компактную группу [Никонов, 1960, с. 89].

Интерпретация данных. В вопросе этноязыковой интерпретации типа на *-ус* маркерами могут служить гидронимы, для которых в новейших исследования предлагается балтийское объяснение.

Ибердус – ср. ***Ибердь*** (п.п. Рановы), ***Ибреда*** (л.п. Пары), ***Ибредь*** (пос. на берегу Ибреды) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183-184]. Названия относятся к многочисленной группе топонимов, продолжающих и.-е. основу **eibhr* (кельт. *iber* «река», баск. *ebr* «река», *ibar* «плодородная речная долина»**)**: болг. *Ибър* (название р. Марицы в верхнем течении), испанск. *Ebro*, сербохорв. *Ibar*, русск. *Ибр*, укр. *Ібр* и т.д. [ЭССЯ, 8, с. 205-206; Поспелов, 2002, с. 260, 478]. По данным ЭССЯ, множество аналогичных названий сконцентрировано в восточной части Балканского полуострова и в Правобережной Украине; их появление относят к праславянской эпохе и связывают с фракийцами [ЭССЯ, 8, с. 205-206].

Истус – п.п. Рановы (п.п. Прони, п.п. Оки) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184]. В документах XVI в. впервые упоминается с. ***Истус*** [ПК, I, с. 157], располагавшееся на берегу одноименной реки. Название села относится к утраченному топонимическому фонду, реки – к утрачиваемому: ныне это ручей ***Истус***, не отмечаемый даже на мелкомасштабных географических картах. Микротопоним фиксирует южную границу ареала своего типа, за которой названия на *-ус* не встречаются.

В современной топонимии правобережья Оки известны близкие топонимы: р. ***Истья*** (п.п. Оки) и смежное с. ***Истья***, р. ***Итья*** (п.п. Прони) (в источниках XVI в.: ***Истья***, ***Исье***, ***Исья***) и смежное с. ***Малое Истье*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 325; Гордова ТРО, 2010, с. 10; ПК, I, с. 583]; названия с тем же корнем – в гидронимии Подмосковья (***Истонка***, ***Истоя***). Этимологию топонимов связывают с и.-е. основой **is(t)r-* «течь, стремиться»; ***Истр*** (***Istros***) – древнее название нижней части Дуная у фракийцев, упоминаемое в источниках VII в. до н.э. [Трубачев, 1968,

с. 180; Поспелов, 2002, с. 147]. В исследовании В.Н. Топорова корневая часть *Ist-* интерпретируется как балтийская [Топоров, 1982, с. 6].

Киструс – названия реки (л.п. Оки; вариант ***Кистрос***) и села на его берегу. Ю.В. Откупщиков связывает гидроним с лит. *kaistrùs* «горячий» [Откупщиков, 2004, с. 100]. Ранее Г.П. Смолицкой предлагалась трактовка названия на базе финно-угорских языков: *ки* «камень» + *ус* «вода, река» («река с каменистым дном»), и в связи с древним (вымершим) языком рязанской мещеры [Смолицкая, 2002, с. 152].

Тынус – гидроним сближают с лит. *tūnùs* «медлительный, вялый» [Откупщиков, 2004, с. 101]. Такое название могла носить равнинная река с медленным течением.

Деркус – названия двух перекатов, этимология не установлена, однако конфигурация самих объектов (как яркая географическая особенность) даёт основание предполагать, что в основе имени лежит апеллятив со значением «протока, пролив».

Что касается названий ***Свинчус*** и ***Мильчус***, локализующихся обособленно, то и они получают балтийскую интерпретацию: первое обнаруживает в своём составе корень *Swin-* (ср. р. *Свина*), второе – *Mil-* (возможно, *Miel-*); тот же корень – в литовских гидронимах *Mylẽ, Milys, Miliuša, Milãšius* и под., которые возводят к антропонимам [Топоров, 1988, с. 165-166; 1989, с. 59]; ср. ряз. ***Мильчус*** – лит. *Milãšius*.

Обращает на себя внимание корреляция пар: ***Улус*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184] – ***Улос***, ***Улас*** [Атлас-2002, с. 83; Гордова ТРО, 2010, с. 67]; ***Киструс*** – ***Кистрос*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 127]; ***Истус*** [Гордова ТРО, 2010, с. 60] – ***Истис*** [ПК, I, с. 57], в связи с чем типы на *-ус*,*-ос*, *-ас* не могут быть рассмотрены вне связи друг с другом. Вместе с тем, объединение их в один тип тоже вряд ли возможно, прежде всего потому, что тип на *-ус* характеризуется непрерывностью и компактностью ареала, а другие типы – большой разбросанностью, отсутствием ядра (района концентрации названий), неопределённостью границ (Карты 18-20).

Согласно исследованиям Г.П. Смолицкой, названия на *-ус* / *-ос* (которые она рассматривала как один тип) ареально локализуются в Мещере (в междуречье Оки и Клязьмы) [Смолицкая, 1974, с. 66]. Новые карты позволили уточнить этот

ареал и продлить его к юго-западу, в правобережные (не-мещерские) районы Поочья. Г.П. Смолицкой было также отмечено смешение ареала в западной части с ареалом названий на *-ур, -щур,* что, по мнению исследователя, говорит о синхронности данных типов [Смолицкая, 1974, с. 68; 1981 (2), с. 6]. Уточним, что взаимоотношения этих типов в указанном районе носят весьма специфический – зональный – характер: названия на *-ур* сконцентрированы вдоль течения р. Гусь, названия на *-ус* – вдоль течения притока Гуся – реки Колпь. Сами ареалы имеют разную направленность: ареал на *-ус* тянется с северо-востока на юго-запад, на *-ур* – с северо-запада на юго-восток (Карта 17 Б).

С лингвистической точки зрения, формант *-ус* может быть рассмотрен как типичный формант балтийской гидронимии и показатель принадлежности названий мужскому роду.

Версию о балтийском происхождении топонимии на *-ус* высказал еще в 1960 году В.А. Никонов. В своей статье «Неизвестные языки Поочья» он проанализировал данный тип в фонетическом аспекте и пришел к выводу, что в составе названий на *-ус* встречаются такие сочетания гласных и согласных, которые не свойственны финно-угорским языкам, что делает сомнительными попытки объяснить их на материале этих языков; как «балтийский» формант *-ус* в названиях, по мнению исследователя, может быть показателем адъектива, множественности или места [Никонов, 1960, с. 89].

Совмещение с ареалами неязыковых явлений. Согласно исследованиям Г.П. Смолицкой, ареал гидронимов на *-ус* соотносится с ареалом муромских могильников, вследствие чего данный тип связывался с древней муромой [Смолицкая, 1981 (2), с. 6]. Сегодня это положение нуждается в корректировке или пересмотре с учетом 1) того, что названия данного типа, как показывают новые карты, представлены и в правобережном Поочье, вне зоны распространения муромской культуры; 2) отсутствия следов муромской культуры, как показывают археологические карты, на значительной части топонимического ареала в левобережном Поочье; 3) новых этимологий гидронимов на базе балтийских языков.

При учете современного археологического материала ареал типа на *-ус* хорошо сопоставим с ареалом *шагарской* культуры, которая является региональным вариантом культуры шнуровой керамики и боевых топоров эпохи бронзы (Рис. 5.9).

Топонимы «пронского» отдела ареала: ***Лукос / Лукос, Улас / Улус*** попадают в зону распространения *фатьяновской* культуры той же эпохи бронзы (Рис. 5.8).

Археологическая корреляция отдельных топонимов, в частности группы ***Ист-***, тенденциозна: р. ***Истус*** – памятники городецкой культуры раннего железного века (в том числе городище); р. ***Истья*** – памятники эпохи бронзы культуры ранней сетчатой керамики, затем городища РЖВ, поселения третьей четверти I тысячелетия н.э. городецкой культуры; с. ***Истье*** – поселения РЖВ, V – VII вв. н.э. с керамикой городецкого типа [АКР, III, с. 18, 133].

Эти данные позволяют возводить историю типа или отдельных названий к эпохе бронзы, а затем наблюдать их развитие в условиях городецкой культуры, культуры рязано-окских могильников, в формировании которой приняли участие и балты I тысячелетия н.э. С последними может быть связано появление новых названий на *-ус.*

18. Топонимы на *-ос*. Карта 18

Характеристика типа. Данную группу образуют: (гидронимы) ***Луктос***, ***Лукмос*** (***Лукос***); (ойконимы) ***Луктос***, ***Лукмос***, ***Пузос***.

Названия данного типа не образуют чёткого ареал. Парные названия реки и поселения (***Луктос***, ***Лукмос***) располагаются в разных районах правобережного Поочья – в бассейне Прони и в бассейне Мокши, но и в том и в другом случае рядом с типом на *-ар*.

Интерпретация данных. Ввиду близости формантов *-ус, -ас, -ес, -ос* есть основание предполагать родственность этих типов и их балтийское происхождение. В пользу этого говорит и этимология отдельных названий на *-ос*.

Лукмос – п.п. Мостьи. Несмотря на современную форму, в каталоге ГБО данный гидроним приводится только в форме ***Лукос***, без вариантов [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184]. По обоим берегам реки располагается село ***Лукмос***.

При первичности формы, зафиксированной в ГБО, допустимо сближение с *Лукосной* в верховьях Оки и многочисленными, разнообразными по форме прибалтийскими гидронимами (в частности, лтш. *Laukesa, Laukese, Lauces-upe*, лит. *Laukesà, Laukẽsas*), которые В.Н. Топоров возводит к балт. **Lauk-as, laucks* «поле» [Топоров, 1989, с. 51].

Рядом с рассматриваемыми топонимами, в районе притоков основной реки Прони, локализуются, кажется, близкие по типу ***Улас*** (***Улус***, ***Улес***), ***Шипес*** (***Шитяс***) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184; Гордова ТРО, 2010, с. 9, 11], очевидно, представляющие различные варианты суффиксов с опорным элементом *-s-*.

Все указанные топонимы находятся в обширном ареале преобладания гидронимии балтийского типа (см.: Сводная карта VI). Это заставляет рассматривать форму ***Лукмос*** с характерным «финно-угорским» формантом как вторичную контаминацию, возникшую под влиянием продуктивного типа топонимической системы другого народа, то есть как результат освоения финно-угорским населением исконно балтийского названия, возможно, после основания своего поселения на берегу реки ***Лукос***.

19. Топонимы на *-ис*. Карта 19.

Характеристика типа. Данную группу образуют: (гидронимы) ***Кермис** (совр. ф. **Кермись**), **Пилис**; (ойконим) **Чулис.***

Все топонимы этой крайне малочисленной группы рассредоточены по картографируемой территории: ***Чулис*** локализуется в Клепиковском Поозерье, больше тяготея к северным районам, ***Пилис*** – на северо-западе, в бассейне реки Вожа, граничащей с Московской областью, ***Кермись*** – в противоположной юго-восточной части области, в бассейне реки Выша, в связи с чем не приходится рассматривать их как названия, образующие единый ареал.

Рис. 5. 4. Топонимы на *-ис* в Пензенской области (сост. М.С. Полубояров)

Отметим также, что топонимия на *-ис* не примыкает к зонам распространения типов на *-ус, -ас, -ос*, а также *-ес* (в рязанском Поочье он представлен единичным примером – ***Имлес***), что в совокупности с фактом малочисленности названий заставляет рассматривать их как самостоятельный тип, вкраплениями присутствующий в зонах преобладания иных типов.

В Пензенской области насчитывается 22 гидронима данного типа. Здесь они образуют четыре района компактного сосредоточения, в основном тяготеющих к течениям рек Сура, Мокша, Выша и лесному ландшафту (Рис. 5.4) [Полубояров, 2010, с. 27-29]. В этой связи рязанский гидроним ***Кермись*** может быть рассмотрен как маркер северной границы распространения типа на *-ис* в соседнем регионе.

Интерпретация данных. По мнению М.С. Полубоярова, данный тип не может быть отнесен ни к мордовской, ни к татарской, ни к русской топонимии. Топонимы на *-ис* (а также *-ас, -ус, -ес*) интерпретируются им (вслед за П.Н. Черменским) как буртасские, под буртасами подразумеваются древние венгры [Полубояров, 2010, с. 29]. В научной литературе распространено мнение, что буртасы относились к тюркоязычным народам.

В.Н. Топоров относит тип на *-ис* к финской гидронимии. Он отмечает, что названия данного типа известны внутри современного балтийского ареала (в Латвии, Литве), но здесь они предшествовали балтийской гидронимии: лит. *Kõrbis, Lámbis, Pìladis, Šiladis* и др. [БЯ, 2006, с. 18]. «В той или иной степени подобные элементы фиксируются и на широких пространствах к востоку от Прибалтики как вкрапления среди гидронимии балтийского типа (особенно в север-

ных и восточных частях этого ареала)» [БЯ, 2006, с. 18]. Это обстоятельство заставляет ряд исследователей рассматривать названия на *-ис* как балтизмы. Так интерпретируют их, в частности, Ю.В. Откупщиков, И.Н. Хрусталев, подкрепляя свое мнение возможностью объяснения данных гидронимов через балтийские апеллятивы.

***Кермис** (совр. **Кермись**) – значительный приток Выши; гидроним допускает сближение с лит. диал. *kirmis* «змея, уж» [Откупщиков, 2004, с. 102] и может быть истолкован как «река, местность со змеями, ужами». Известно, что змеи, ужи обитают во влажных местах, чаще всего по берегам болот, озер и рек со спокойным течением, они хорошо ныряют и плавают. Обилие змей в районе реки могло быть отражено в ее названии.

Топоним находится в ареале (очевидно, хронологически более позднем) топонимов на *-ля* и рядом с ареалом балтийской топонимии района Цны (Карта 19 А).

Пилис – п.п. Мечи. Гидроним может быть связан с лит. *pỹlė* «утка» [Откупщиков, 2004, с. 97]. В Поочье известен и гидроним ***Пилисма***, вероятно, с вторичным формантом *-ма*.

20. Топонимы на *-ас (-яс)*. Карта 20

Характеристика типа. Названия на *-ас (-яс)* разбросаны по картографируемой территории и не образуют чёткого ареала. Это обстоятельство заставляет сомневаться в их единстве. Несмотря на формантное сходство, они могут относиться к разным структурным типам, к разным языкам, представлять разные хронологические пласты.

Приводимые ниже топонимы с формантами *-ас, -яс* даны в соответствии с географическим положением и относительно друг друга (одиночно, группами): (гидроним) ***Толас*** (оз.); (гидронимы) ***Улас***, ***Шитяс***; (гидроним) ***Лундас***; (гидроним) ***Петас***; (гидроним и ойконим) ***Вачкас***; (гидронимы) ***Марчас***, ***Пичкиряс***, ***Явас***, (ойконимы) ***Явас*** (2); (ойконимы) ***Ширмасово***, ***Коломасово***, ***Прундас***, ***Пургасово***.

Самым значительным объектом является река ***Явас***, остальные денотаты – реки второго или третьего порядка, средней протяженности.

Несмотря на невозможность выделения ареала, следует заметить, что топонимы данного типа локализуются преимущественно в правобережной части Поочья (кроме гидронима ***Толас***), от правобережья Прони на западе и до бассейна Мокши (включительно) на востоке. На этой территории топонимы встречаются в основном одиночно, в микробассейнах разных рек, на значительном расстоянии друг от друга. Рядом локализуются два пронских гидронима ***Улас*** и ***Шитяс***. Наибольшее число названий отмечено в бассейне реки Вад (л.п. Мокши).

Интерпретация данных. В исходе некоторых названий можно видеть типичный балтийский элемент *-as*. Он оформляет, в частности, типичную модель литовских гидронимов, отражающих природные особенности называемых объектов, окружающую флору или фауну, напр. *Alkýnas*, из *alkà* «болотце». Параллели в балтийской гидронимии и апеллятивной лексике находят отдельные топонимы на *-ас, -яс* из приведенной группы. Балтийскую интерпретацию получает и гидроним ***Вад*** (в районе реки сконцентрированы названия на *-ас*), его сопоставляют с именами литовских рек *Vãdas, Vadà* и литовскими апеллятивами со значениями «луговой ручей», «болото» [Откупщиков, 2004, с. 101] (ср. также гидроним Правобережной Украины *Вадова* [Трубачёв, 1968, с. 16; Топоров, Трубачёв, 1962, с. 155]).

Вачкас – л.п. Цны (л.п. Мокши); рядом ***Вача*** / ***Вячка***, ср. лит. *Vẽč-upis*, который сближают с лит. *vẽčas* «старый», лтш. *vęcs* «старый» [Откупщиков, 2004, с. 87].

Петас – л.п. р. Пет (Пёт), оба гидронима могут быть связаны с лит. *pietus* «южный» [Откупщиков, 2004, с. 101].

Толас – озеро, название которого сближают с лит. *tólus, toli* «далёкий, отдаленный», лтш. *tāls* «длинный, далёкий» [Хрусталёв, 2009, с. 100].

Улас – п.п. Прони [Гордова ТРО, 2010, с. 9]; гидроним объясняют через лит. *uolà* «скала», «каменистая (окаменевшая) земля» [Откупщиков, 2004, с. 86].

Тем не менее, в группе топонимов на *-ас, -яс* встречаются названия, находящие объяснение на базе мордовских языков, напр.: ***Пичкиряс*** (из мокш. *печкома* «брод», «мост», + *эрьхке* «озеро» [МокшРС, 1998, с. 481, 904]), ***Явас*** (из мокш, эрз. *явомс* «разделить» [МокшРС, 1998, с. 798; ЭРС, 1993, с. 914]). Д.В. Цыганкин видит в форманте *-ас* активный финно-угорский элемент [Цыганкин, 2005, с. 418].

К финноязычной относит топонимию на *-ас* В.Н. Топоров [БЯ, 2006, с. 18]. М.С. Полубояров рассматривает её как топонимию татар, связывая формант с татар. *йас* «степь, равнина» [Полубояров, 2010, с. 114].

Особую по происхождению группу образуют названия поселений в междуречье Шокши и Ермиши (притоки Мокши) с *-ас, -мас*: ***Ширмасово***, ***Коломасово***, ***Прундас***, ***Пургасово***. Эти названия имеют антропонимическое происхождение, так как обнаруживают в своем составе типовой элемент личных имен волжско-финских народов (ср. морд. имена и образованные от них фамилии *Келемас, Колемасов, Пинясов*; а также пензенский гидроним *Колемас* [Полубояров, 2010, с. 106]).

Названия этого района соприкасаются с зоной компактного сосредоточения названий на *-лей.* В бассейне реки Вад тип на *-ас* также соседствует с типом на *-ляй,* та же картина наблюдается в районе реки Цны, в периферийном ареале названий балтийского типа (Карта 20 А). Ср. в Пензенской обл.: руч. *Куряс*, приток реки *Каргалейка* [Полубояров, 2010, с. 114].

Тяготение типа на *-ас, -яс* к типам на *-ляй, -лей*, очевидно, неслучайно, хотя осмыслен этот факт может быть по-разному: 1) типы принадлежали одной этнической группе, 2) типы принадлежали двум соседствующим народам, живущих чересполосно (мордва и балты). Нельзя исключать и возможности позднейшего освоения названий предыдущих топонимических систем с дооформлением *-ас, -яс.*

21. Топонимы на *-аш, -яж, -еж* и под. Карта 21

Характеристика типа. Данный тип объединяет топонимы с финалями: *-аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа), -ушь, -ишь, -еж (-ежа), -ыш, -ош*.

Топонимы на *-аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа)*: (гидронимы) ***Ведяжа***, ***Инкаш***, ****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжи***) (бол.), ****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжное***) (оз.), ***Лакаш*** (оз.), ***Ураж***; (ойконимы) ***Лакаш***, ****Лупяж*** (совр. ф. ***Новые Лупяжи***), ***Шумашь***, ***Шурмашь***; (микротопонимы) ****Ватаж*** (совр. ф. ***Ватажка***), ***Ковяжи***.

Топонимы на *-ушь*: (гидронимы) ***Громушь*** (совр. ф. ***Громушка***), ***Мердушь***, ****Реушь*** (совр. ф. ***Реушка***); (ойконимы) ***Мердушь***, ****Чарушь*** (совр. ф. ***Чаруши***); (ср. топонимы ***Криуша***, ***Кривуша***).

Топонимы на *-ишь*: (гидроним и ойконим) ***Ермишь***.

Топонимы на *-еж (-ежа)*: (гидронимы) ***Ичежа***, ? ***Трубеж***; (ойконим) ****Сумеж*** (совр. ф. ***Сумежка***).

Топонимы на *-ыш*: (гидроним) ***Улыбыш***; (ойконимы) ***Курмыш***, ****Самыш*** (совр. ф. ***Самышка***).

Топоним на *-ош*: (гидроним) ***Нетрош***.

Выделяются 2 зоны компактного сосредоточения названий данного типа:

1) бассейн р. Ермишь (п.п. Мокши) (***Ермишь*** (2), ***Мердушь*** (2), ***Ичежа***, ***Громушь*** и рядом приток Мокши ***Ведяжа***); ареал примыкает к району распространения типов на *-кша*, *-лей*, *-ор, -ар, -ер* (Карта 21 А);

2) бассейн р. Пра (л.п. Оки), в основном в низовьях (***Ураж***, ***Липяж***, ***Лакаш*** (2),****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжи***),****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжное***); ареал находится рядом с районом топонимов на *-рша, -мша* и накладывается на более обширный ареал топонимии на *-ус* (включающий в себя и топонимы на *-ас*) (Карта 21 Б).

В других районах соседствуют названия: ***Инкаш*** (2) и ***Нетрош*** (левобережье Тырницы), ***Самыш*** и ***Курмыш*** (низовья Унжи), ***Шумашь*** и (?) ***Трубеж*** (близ совр. Рязани). Ареалы, парные и одиночные названия данного типа тяготеют к центральной и северо-восточной части картографируемой территории. Если соединить места локализации топонимов в единый ареал, то окажется, что он тянется вдоль течения Оки, от совр. Рязани (***Трубеж***) до Унжи (с наибольшей концентрацией в районе Пры), захватывает течения рек Тырница, Мокша, Цна.

Названия данного типа практически не встречаются в юго-западной части области – в бассейне Прони (ввиду чего кажется странным наличие здесь единственного гидронима ***Улыбыш***).

Близкие топонимы других регионов: (смол.) ***Велиж***, (блр.) ***Усяж***, ***Бусяж***, ***Тонеж*** [Поспелов, 2002, с. 91], (арханг.) ***Коряж[ма]***.

Интерпретация данных. Возможно видеть в составе названий балтийские суффиксы: ср. лит. *-š-, -aš, -eš-, -iš-, -oš-*, широко представленные в литовской гидронимии [Vanagas, 1970, с. 96, 138, 172, 190, 192]. Объяснения на базе балтийских языков получают и отдельные среднеокские названия, в частности, ***Лакаш, Ураж***.

Лакаш – оз. в низовьях Пры. М. Гимбутас расматривает подобные названия (блр. *Luchesa*, лит. *Laukesa*, лтш. *Laucesa*) в связи с лит. *laũkas* «поле» [Gimbutas, 1963, с. 29]. Ю.В. Откупщиков объясняет его через лит. *lóke* «медведица» (+ *-auš-*) и литовским гидронимом *Lókauša* [Откупщиков, 2004, с. 94]. Не исключает балтийского происхождения топонима И.Н. Хрусталёв, объясняя его через лит. *laikše* «большое болото, поросшее кустарником или камышом», *lukštas* «камыш»; приводя для названия и возможные апеллятивы из мордовских языков, автор замечает, что балтийские соответствия более точны и убедительны [Хрусталёв, 2009, с. 106]. Ср.: ***Лакша***, из гидронимии Оки.

Ураж – п.п. Пры; название рассматривается в связи с лит. **uras* «старый» (*ùrupė* «старица») и литовским гидронимом *Ùr-upis* [Откупщиков, 2004, с. 105].

Объяснение других названий носит вероятностный характер.

Шумашь (***Шумошь***) – с., расположенное на берегу реки, название которой упоминается в средневековых источниках в формах ***Шумошь***, ***Шумуш***, ***Шумокша***, ***Шумошка, Шумовка*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 126]. В ТСЦР гидроним трактуется как предположительно финно-угорским, в основном потому, что один из исторических вариантов – ***Шумокша*** – сопоставим с типом на *-кша*, который традиционно считался финно-угорским [Смолицкая, 2002, с. 392-393]. В нашем исследовании это положение подвергается сомнению. Сомнительной кажется и форма ***Шумокша*** как предположительно более ранний вариант гидронима ***Шумошь***, тем более что рядом находится ареал топонимии на *-аш, -аж* и под. (см.: Карта 21), а ареал топонимии на *-кша* удален от места локализации гидронима ***Шумошь*** значительно. Уверенности в озвученной версии происхождения названия не добавляет и то обстоятельство, что его корневая часть не находит возможных апеллятивных соответствий в мордовских языках [МокшРС, 1998, с. 885; ЭРС, 1993, с. 767] .

Ермишь – п.п. Мокши, посёлок на берегу реки. В ТСЦР утверждается, что первоначальная форма гидронима – ***Еремша***, а ойконима – ***Ерма*** [Смолицкая, 2002, с. 105]. Причину этих изменений позволяет установить топонимическая карта. Река, известная ныне как ***Ермишь***, находится рядом с ареалом топонимии на *-ша*, а именно *-кша* (***Мокша***, ***Шокша***, ***Кокша***), а это означает, что гидроним мог появиться в период активности данного типа, чем и объясняется его предположительно первоначальная форма – ***Еремша***. Позднее, а может быть, одновременно в районе течения реки формируется ареал типа на *-шь* (***Мердушь*** (2), ***Ичежа***, ***Громушь***), который мог оказать влияние на форму гидронима, преобразовав его в ***Ермишь***. Поселение на берегу реки находится в зоне влияния типа на *-ма* (***Нарма***, ***Шилма***, ***Палисма*** и др.), что объясняет форму XIX в. ***Ерма***; затем ойконим унифицируется с формой гидронима (***Ермишь***). Значение корневой части названий не раскрыто.

****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжи***),****Ковяж*** (совр. ф. ***Ковяжное***) – этимология отсутствует, но географические реалии подсказывают наиболее вероятное значение апеллятива – «болото»; тот же корень – в ойкониме ***Ково*** (название расположенной рядом деревни). Все три топонима локализуются в Мещере.

Следует признать, что степень изученности названий с финалями *-аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа), -ушь, -ишь, -еж (-ежа), -ыш, -ош* остается крайне низкой. В исследованиях, посвященных окской топонимии, не только не высказываются предположения о происхождении этих названий, но данный тип вообще не упоминается в ряду типов, характерных для Среднего Поочья. Причину этого, очевидно, следует искать в невозможности объяснения названий на известном историческом и современном лексическом материале (как в случае с ***Шумашь***, ***Ермишь***), что неизбежно наводит на мысль о принадлежности топонимии на *-шь / -жь* некоему загадочному языку, который, судя по характерным суффиксам, мог относиться к группе балтийских языков.

В топонимической стратиграфии региона тип может быть более поздним по отношению к топонимам на *-кша* (типа ***Мокша***), но синхронен топонимам на *-ша* (типа ***Выша***), *-мша, -рша*. Об этом говорят, с одной стороны, факты соседства

названий равновеликих объектов в разных районах области: в районе Тырницы – притоки 2 порядка ***Инкаш***, ***Нетрош*** и ***Ворша***; на правом берегу Цны – поселения ***Перша*** и ***Шурмашь***; в районе Выши – поселения ***Выша***, ***Ваша***, ***Наша*** и ***Сумежка***; близ устья Мокши – озерцо ***Селюкша*** и небольшой природный объект ***Ватаж***, с другой стороны, факт наложения топонимии типа *-ушь, -ишь, -еж, -яж* на ареал топонимии с *-киша* (в среднем течении Мокши). Выше отмечалось также соседство двух основных ареалов рассматриваемого типа с ареалами типа на *-ша*, а именно: *-аш, -аж, -яж* и *-рша, -мша* (в районе рек Пра и Гусь) с наложением на ареал топонимии на *-ус*.

Топонимы на *-яж, -еж* и под. известны в Белоруссии и сопредельных с ней землях: ***Усяж***, ***Бусяж***, ***Тонеж***. В основном это названия поселений, образованные от гидронимов: р. ***Велья*** (старое название верховьев Зап. Двины) – г. ***Велиж*** (смол.) [Поспелов, 2002, с. 91; со ссылкой на исследования В.А. Жучкевича].

Совмещение с ареалами археологических культур. Совмещение с археологическими ареалами не даёт точного ответа, к какой культуре мог относиться топонимический тип на *-аш, -яж, -еж*. Районы его локализации плохо изучены в археологическом отношении и слабо представлены на археологических картах.

Предположительно топонимия на *-шь /-ж* могла быть оставлена одной из этнических групп, образующих культуру рязано-окских могильников I тысячелетия н.э. (Рис. 5.10). Ярким археологическим памятником данной культуры является Борковской могильник. Он состоит из двух синхронных кладбищ, принадлежавших двум разным этническим группам, проживавшим совместно: балтам и рязанским финнам (мещере или мордве). Характерно, что памятник находится у места впадения в Оку реки Трубеж, название которой представляет тип на *-еж*.

22. Топонимы на *-ца, -цы.* Карта 22

Характеристика ареала. Тип образуют: (гидронимы) ***Вынца***, ***Дунца***, ***Кирица***, ***Марховеца*** (оз.), ***Мышца***, ***Парца***, ***Пошеца*** (бол.), ***Тырница***, ***Урица***, ***Чальца*** (***Кольца***), ? ***Воротца***; (ойконимы) ***Ирицы***, ***Кирицы***, ***Ласицы***, ***Мышца***, ***Парца***, ***Пышлицы***, ***Пятница***, ***Часлицы***.

Среди денотатов имён: два значительных окских притока (***Тырница, Парца***) и множество небольших водных объектов (речки, озеро, болото), поселений.

Топонимы рассматриваемого типа образуют в рязанском Поочье три небольших ареала. Первый находится в центральной части области, тяготеет к течению Оки и захватывает район её притока Тырницы. Этот ареал служит своеобразным «мостом» между зонами топонимии балтийского типа (на востоке региона) и топонимии финно-угорской (на западе).

Второй ареал обнаруживается в среднем течении Мокши, среди типов на *-ляй, -га* и вкраплений топонимов на *-ва* (Карта 22 А).

Наконец, третий ареал, компактный и плотный, названия на *-ца* образуют в районе Клепиковского Поозерья, среди типа на *-ма* и красочного многообразия единичных представителей других типов (Карты 31, 31 А).

Расположение ареалов, тип и размер денотатов (как отмечалось выше, среди них много поселений и небольших водных объектов) дают основание предполагать относительно позднее формирование топонимии данного типа в Среднем Поочье, позднее таких типов, как *-ня, -ва, -да.*

Два ареала формируются вокруг относительно крупных рек – Тырницы и Парцы. Из археологических материалов известно, что район реки Тырницы долгое время оставался непривлекательным для жизни (очевидно, ввиду неподходящих природных условий), он был освоен сравнительно поздно и даже в древнерусский период оставался слабозаселенным. Возможно, река в этом районе оставалась безымянной до периода актуализации данного типа, в то время как в других районах – хорошо освоенных с древнейших времен (в том числе и топонимически) – названия на *-ца* могли получить лишь небольшие речки.

Такая же ситуация, очевидно, складывалась и в районе реки Парца. В плане восстановления хронологии типов Среднего Поочья существенно то обстоятельство, что на гидроним Парца здесь «нанизана» топонимия на *-ляй*, что говорит о еще более позднем формировании последнего типа.

Топонимы других регионов того же типа: (моск.) ***Битца, Талица*** (л.п. Волги), ***Кусца*** (п.п. Немды) [Атлас-2002, с. 53].

Интерпретация данных. Тип на *-ца* представляет топонимию балтийского происхождения, сохранившуюся в более поздней славянской топонимической системе. Формант *-ца* мог быть как исконным элементом балтийских топонимов, так и средством русификации субстратных названий. В гидронимии верхней Оки балтийское объяснение получают топонимы с исходом *-ца*: *Обельца* (из **Abul-ik- > *Объльц-*), *Сетница* (из **Set-in-*) [Топоров, 1989, с. 66, 67]; в нижнем течении Оки – *Ваца* (лтш. *Vęcs* «старый», то же значение у лит. *vẽčas*, с которым связывают гидроним *Вача*) [Откупщиков, 2004, с. 103]. Среднеокский гидроним ***Парца*** объясняют через лтш. *parc-* (*pãrceĺt* «переправляться через реку») [Откупщиков, 2004, с. 110].

Этимология других топонимов данного типа не раскрыта. Они не находят апеллятивных соответствий в современных балтийских, славянских и иных языках. Возможно, названия принадлежали какому-то вымершему языку или диалекту.

Совмещение с ареалами археологических культур. Совмещение ареалов топонимов на *-ца* с ареалами археологических культур представляется не простой задачей. Это связано с тем, что основной ареал данного типа находится в центральной части Поочья и приурочен к течению Оки. С долиной Оки на этом участке связаны ареалы разных культур и разных эпох: *фатьяновской, поздняковской* эпохи бронзы, *городецкой* и *рязано-окских могильников* РЖВ.

С учётом предложенных этимологий и других ономастических признаков наиболее вероятными представляются связи данного типа с археологическими культурами балтов I тысячелетия н.э., из которых сегодня в районе Среднего Поочья известна только культура *рязано-окских могильников*. Однако, судя по топонимическим данным, многие места пребывания балтов археологически не идентифицированы, поэтому применение метода совмещения ареалов по отношению к типу на *-ца* оказывается более полезным для археологии, чем для топонимики.

23. Топонимы на *-ра* (*-ара*). Карта 23

Характеристика типа. Группу образуют: (гидронимы) ***Димара***, ***Шагара*** (оз.), ***Швара***, ? ***Пара***, ? ***Пра***; (ойконим) ***Можары***; (микротопоним) ***Амшара*** (уроч.).

Названия одиночно рассредоточены по территории, не образуя ареала. Не сопоставимы с ареалом топонимов на *-ар*, хотя можно было бы видеть тот же элемент в составе названий на *-ара.*

Интерпретация данных. Названия на *-ра* (*-ара*) пока не получили надёжного объяснения. В топониме ***Можары*** можно видеть балтийский корень: ср. лит. *mažoja* «малая», моск. гидроним ***Можай / Можая / Мжая***, от которого образовано название города ***Можайск*** (форма XVI в. ***Можаеск***) [Поспелов, 2002, с. 272].

Условно отнесены к данному типу гидронимы ***Пара*** (п.п. Оки) и ***Пра*** (л.п. Оки). В ТСРО названия рассматриваются как финно-угорские и в связи с мордовскими апеллятивами; отмечается, что гидроним ***Пра*** мог быть связан с племенем мещеры [ТСРО, 2004, с. 187-188], однако такое предположение, очевидно, основано только на географических реалиях (гидроним локализуется в Мещере). Близкие названия известны в нижегородской микротопонимии: овраги *Пара, Парка*, их объясняют через морд. диал. *пара* «овраг» [Климкова, 2008, с. 87]. Однако рязанские гидронимы ***Пара*** и ***Пра*** являются значительными водными объектами – притоками Оки первого порядка, что делает сомнительной их связь с племенами мордвы или мещеры, сформировавшимися относительно поздно – во вт. пол. I тысячелетия н.э.

Близкие по типу названия других регионов: ***Мера*** (л.п. Волги) [Атлас-2002, с. 53], моск. ***Отра***, ****Вохра*** (совр. ф. ***Вохринка***).

Совмещение с ареалами археологических культур. Сопоставление с археологическими ареалами районов локализации рассматриваемых гидронимов указывает возможное направление лингвистического поиска. Не может быть оставлен без внимания факт приуроченности к долине реки Пары памятников *фатьяновской* культуры (по данным на 2015 год около 25). Их равномерное распределение вдоль русла (см.: Рис. 5.8) свидетельствует о том, что район был хорошо обжит уже в эпоху фатьяновцев, то есть до появления финно-угорского населения. Фатьяновские памятники известны и близ мест локализации топонимов ***Шагара***, ***Можары***, ***Пра*** (у истока).

24. Топонимы на *-дь (-ть), -да*. Карта 24

Характеристика ареала. Ареал образуют топонимы с формантами:

-дь (*-ть*): (гидронимы) ***Ибердь***, ***Ишардь*** (***Кришардь***), ***Кердь***, ***Мегредь*** (оз.), ***Пырноть*** (оз.),***Сноведь***, ***Сувадь***; (ойконимы) ***Ибредь***, ***Ищередь***,? ***Нармушадь***, ***Сноведь***; (микротопонимы) ***Варвать*** (уроч.), ***Ялмонть*** (уроч.);

-да: (гидронимы) ***Верда***, ***Вёрда***, ***Ибреда***, ***Киследа***, ***Посерда***, ****Яльда*** (совр. ф. ***Яльдинское***) (оз.), ***Ванда*** (оз.), ? ***Уда***; (ойконим) ? ***Уда***.

Ареал занимает центральную, юго-западную и южную часть территории, доходя на северо-востоке до ареалов топонимов на *-ус, -ас, -яс, -ур, -ма*. Далее обнаруживается в виде небольшого островка на северо-восточной окраине территории, среди зон распространения типов *-ар, -ор, -шь, -ша*. Отдельными вкраплениями представлен в районе Клепиковского Поозёрья, где такие же одиночные представители своих типов образуют интересное топонимическое многообразие.

Внутри ареала можно выделить: 1) район особо плотного сосредоточения типовых топонимов (все они относятся к мелким объектам), тяготеющий к течению Оки; 2) сплошное и стабильное покрытие территории бассейна Прони, где названия рассматриваемого типа носят основные её притоки (по отношению к Проне – первого и второго порядка).

Нельзя не отметить, что названия на *-да* не обнаружены в юго-восточной части региона.

Рязанский ареал, очевидно, продолжается в северных областях Центральной России (владим., иван., костр.), там известны топонимы того же ряда: ***Немда*** (л.п. Волги), ***Судогда*** (п.п. Клязьмы), ***Уводь***, ***Шизегда*** (л.п. Клязьмы) [Атлас-2002, с. 53, 66].

Интерпретация данных. Языковая принадлежность и значение формантов *-да, -дь* (*-ть*), объединяющих несколько среднеокских названий в один структурный тип, точно не установлены. Тем не менее, характер отдельных элементов данных топонимов, позволяет предполагать их принадлежность к индоевропейским языкам. Не исключается возможность позднейшего дооформления древних названий формантами иных топонимических систем.

Верда – п.п. Рановы, один из самых значительных; документы фиксируют гидроним и как ***Верда*** и как ***Вёрда*** [Смолицкая ГБО, 1976, с. 179]. По правую сторону от реки (у истока р. Молвы) располагался город ***Вердерев***, упоминаемый уже в Воскресенской летописи (совр. село ***Вердерево***). Вторая река ***Вёрда*** – л.п. Пары с притоком ***Вердица*** и смежным ойконимом ***Вёрда*** [Карта 1995].

Наличие структурной пары ***Верда – Верделейка,*** в которой второй оним оформлен, очевидно, вторичными формантами *-лей-* и *-ка,* даёт основание рассматривать топооснову как довольно раннее образование неславянского и немордовского происхождения. По археологическим данным, славяне появляются в районе реки только в XI в. [АКР, III, с. 104-105], причем их первые поселения хронологически связаны с поселениями верховьев Дона, что говорит о единстве верхнедонской территории и территории крайних юго-западных окских притоков, причем это единство, очевидно, было историческим: Верда вплотную подходит к верхнедонскому анклаву более ранней балтийской гидронимии (*Табола, Дриска*), который продолжается и в бассейне Прони, уже среди притоков Верды (балтизмы *Рева, Казинка* и т.д.).

Сам гидроним может быть сопоставлен с дериватами от балтийского глагола со значением «кипеть»: ср. лтш. *vārīt*, лит. *virti* «кипеть», от которого *verda* «кипит», *verdantis* «кипящая».

Ибердь – п.п. Рановы [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183], ***Ибреда*** – л.п. Пары, ***Ибредь*** – поселение на его берегу. Названия относятся к многочисленной группе топонимов, продолжающих и.-е. основу **eibhr* (кельт. *iber* «река», баск. *ebr* «река», *ibar* «плодородная речная долина»**)**: болг. *Ибър* (название р. Марицы в верхнем течении), испанск. *Ebro*, сербохорв. *Ibar*, русск. *Ибр*, укр. *Ібр* и т.д. [ЭССЯ, 8, 1981, с. 205-206; Поспелов, 2002, с. 260, 478]. По данным ЭССЯ, множество аналогичных названий сконцентрировано в восточной части Балканского полуострова и в Правобережной Украине; их появление относят к праславянской эпохе и связывают с фракийцами [ЭССЯ, 8, 1981, с. 205-206].

Киследа – второе имя реки Легоща / Летогоща, л.п. Мостьи (по данным ГБО, Лютой) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184; Гордова ТРО, 2010, с. 11]. Очевидно,

гидроним восходит к и.-е.**kyslъ*. В славянских языках дериваты от **kyslъ* служат преимущественно для обозначения растений или пищи кислого вкуса, известны и апеллятивы с семантикой географических терминов: русск. диал. (пск., тверск.) *киселица* «топкая вязкая грязь, осенняя или весенняя распутица»; сербохорв. и словен. *kiselica* «источник кислой минеральной воды». Топонимы от *kiselica* известны в Черногории, Болгарии (***Киселица***, ***Киселца*** и под.) [Клепикова, 1988, с. 98, 101-102].

Однако структура окского гидронима, а именно наличие в нём финали *-да*, которая объединяет его с названиями *Верда, Иберда, Ибердь* и под., к тому же связанных и ареально, заставляет отказаться от поиска славянского источника для этого гидронима, тем более в свете известности и второго – древнерусского – имени для того же объекта (*Легоща / Летогоща*), но при этом не отрицать возможности сохранения в нем значения, так или иначе связанного с темой заболоченности, вязкости и под.

Сноведь – п.п. Оки; вместе с гидронимом *Сувадь* образует островок типа на *-дь* на северо-восточной окраине региона, сильно удаленный от основного ареала и находящийся в зоне преобладания иных типов (*-кша, -ушь, -ар* и др.). Возможно сопоставление с гидронимом *Снов* (**Сновь*) бассейна Десны (черниг.) и объяснение через и.-е. основу **snau* «плыть, течь» [Поспелов, 2002, с. 477].

? ***Нармушадь*** – село на п.б. Оки, крайняя точка ареала. Г.П. Смолицкая сопоставляет данное название с окскими гидронимами *Нарма, Нармур, Нарош, Нарошмар* и предполагает в них древнюю финскую или балтийско-финскую основу *Нар-* (*Нор- / Нер-*) со значением «полевой, безлесный» [Смолицкая, 2002, с. 225]. Археологически отсчет существования поселения (непрерывного) на месте Нармушади идет со вт. пол. II тысячелетия до н.э. (эпоха бронзы). За время долгой истории название могло неоднократно переоформляться. Г.П. Смолицкая вычленяет в нём видоизменные элементы *-ма* (речной формант, возможно, атрибутивный для топонимии племён *дьяковской* или *городецкой* культуры, вт. пол. I тыс. до н.э. – перв. пол. I тыс. н.э.) и *шат-* (*Шат, Шатец, Шатерха, Шатя, Шатор, Шатура*) [Смолицкая, 2002, с. 225]. Однако возможен и другой ряд нарастающих

формантов: *-ма* (*Нарма*), *-ушь* (*Нармушь*; рядом ареал топонимии на *-аш, -яж*), *-дь* (*Нармушадь*). В целом происхождение названия остаётся неясным.

? ***Уда*** – л.п. р. Лукмос, одноимённое поселение на берегу реки [Смолицкая ГБО, 1976, с. 187]. По мнению В.Н. Топорова, надёжный балтизм. Аналогичный гидроним известен в балтийском анклаве к северо-западу от Москвы [БЯ, 2006, с. 34]. Возможно сопоставление с лтш. *ūdeņi* «вода», *ūdens* «водный», восходящими к **ūd-*.

Предлагаются и другие версии. В частности, аналогичное днепровское название (*Уда / Удай*) А.А. Шахматов, а вслед за ним В.А. Никонов рассматривали как возможный тюркизм [Никонов, 1966, с. 433].

Отнесение названия к типу на *-да* условно, так как очевидно, что *уд-* – смысловой (корневой) элемент онима. Тем не менее, гидроним находится в центре ареала, что и служит основанием для его включения в группу.

Топонимы на *-дь, -да* северо-восточного островка хронологически сопоставимы с типами на *-кша, -ус*. Все три типа, относящиеся к названиям равновеликих объектов, образуют здесь небольшие периферийные и соседствующие друг с другом ареалы.

Совмещение с археологическими ареалами. Топонимический ареал данного типа плохо поддаётся совмещению с известными археологическими ареалами, и пока не удаётся установить связь типа с какой-либо материальной культурой Среднего Поочья. Отдельные районы ареала (в частности, левобережье Прони и Рановы) сопоставимы с ареалом *городецкой* культуры. С другой стороны, сам ареал (основная его часть) находится в границах более мощного ареала топонимии балтийского типа. С учётом этих двух обстоятельств может быть выдвинута следующая гипотеза развития типа: названия, в первоначальной форме (*Ибр, Снов* и под.), появились в эпоху фатьяновцев, а затем, в эпоху *городецкой* культуры или культуры *рязано-окских могильников*, были дооформлены и приняли современный вид (*Ибреда, Сноведь*).

25. Топонимы на *-ва*. Карта 25

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Кисьва***, ***Колузва***,

Молва, Пожва, ? ***Ранова***; (ойконим) ***Кисьва***.

Ареал находится в правобережной части Поочья, охватывает центральную часть бассейна Прони, доходя на западе до течения Пары. Отдельный островок образуют гидронимы ***Узрева, Нузрева*** – в бассейне Мокши. В левобережной части Поочья, в районе реки Гусь, известен одиночный гидроним – ***Мисерва***.

Основной ареал частично совпадает с ареалом типа на *-дь, -да*, который также доходит до течения Пары. Соседствует с типом на *-на, -ня*. Северной границей непосредственно соприкасается с ареалом на *-ье, -ья*. В границах ареала зафиксирован тип на *-ша* (Сводные карты V, VI).

Большинство названий относится к рекам 2 порядка, но небольшой протяженности, за исключением Рановы, главного притока Прони.

Интерпретация данных. Гидронимы на *-ва* составляют многочисленную группу в топонимии Подмосковья: *Горедва, Протва, Смедва, Москва, Протва, Смедва, Водва, Надва, Дедва, Болва, Титва, Дрезва* и др. [Топоров, 1972, с. 6; 1982, с. 28]; все они отнесены В.Н. Топоровым к гидронимии балтийского типа. Среднеокские названия того же ряда надёжного объяснения пока не получили, хотя их локализация в зоне активности балтийских основ (см. ниже, п. 28) указывает направление возможного поиска.

Молва – п.п. Прони; рядом л.п. Рановы ***Молвенка***. Возможно сближение с лит. *mólis* «глина» [Откупщиков, 2004, с. 91], латг. *mola* «край», «сторона» [БЯ, 2006, с. 208], либо со слав.**molъ / *mola*: слвц. *mol* (*mel*) «речной песок», русск. диал. *мол, вымол* «рытвина, водомоина, промоина, овражек», чеш. диал. *moua* «водомоина, вымоина в потоке, ручье», слвц. диал. *mola* «рачья нора», *podmol, podmola* «вымоина, водомоина» [ЭССЯ, 19, 1992, с. 203].

Ранова – п.п. Прони [Смолицкая ГБО, 1976, с. 178], самый значительный и наиболее близкий к притокам Дона. Река с древнейших времён использовалась как торговая артерия и как путь освоения новых территорий. Вдоль течения Рановы сконцентрированы наиболее ранние для этого района археологические памятники: стоянки и поселения эпохи неолита, бронзы, предположительно *рязанской неолитической* культуры, древности *фатьяновской* культуры (фрагменты кера-

мики, обломки боевых топоров), более поздние памятники *городецкой* культуры раннего железного века и на их месте – первые славянские поселения, датируемые приблизительно XI–XIII вв. [АКР, III, с. 74].

В топонимических исследованиях озвучена только славянская версия происхождения гидронима (от славянского антропонима *Ран / Рано*), хотя активное использование реки еще со времен неолита ставит под сомнение столь позднее появление имени (только с приходом славян?).

Поиск иного, более древнего источника для топоосновы *Ран-* приводит:

1) к и.-е. **renos* «река, поток», возможное заимствование из кельт.: *renos, rhenus* «текущая вода, река» [Поспелов, 2002, с. 351]; с и.-е. основой связывают европ. гидроним *Рейн*, в форме *Rhenus* упоминаемый в письменных источниках уже в IV в. до н.э. [Поспелов, 2002, с. 351];

2) к балт. апеллятивам со значением «рука»: лит. *rankų*, прусс. *rānkā*, которые в географической терминологии могли использоваться для обозначения рукава, притока основной реки (ср. в русск. яз.: *рукав* «ответвление от главного русла реки»);

3) к литовским антропонимам *Renỹs, Rãnusas* [LPŽII, 1989, с. 597, 573].

Совмещение с археологическими ареалами. Ареал типа на *-ва* сопоставим с юго-западным отделом ареала *фатьяновской* культуры. Памятники этой культуры обнаружены вдоль течения рек ***Ранова***, ***Пожва.***

26. Топонимы на *-ье, -ья*. Карта 26

Характеристика ареала. Ареал образуют: (гидронимы) ***Велья*** (***Велемья***), ***Истья***, ***Исья***, ***Итья***, ***Мелисья***, ***Мостья***, ***Тысья*****;** (ойконимы) ***Велемья***, ***Велье [-Родионовка]***, ***Истье***, ***Истье*** (совр. ф. ***Малое Истье***), ***Тысья***, ***Шостье***.

Ареал занимает компактную и чётко очерченную территорию – междуречье Прони и Раки (здесь сосредоточена основная часть названий); далее он продолжается в правобережной части пронского притока Рановы. Названия того же типа обнаруживаются в бассейне Верды, тесно связанном с районом верховьев Дона. «Брызги» ареала – в восточной части Рязанского Поочья (***Шостье***, находится на

северной границе распространения топонимии на *-ца*) и в левобережной Мещере (***Велье-Родионовка***, находится на южной границе распространения топонимии на *-аш, -яж*) (Карта 26 А).

Названия относятся к притокам 1–4 порядка, причем среди них больше крупных и средних рек (***Тысья***, ***Истья***, ***Мостья*** и др.), чем мелких (***Мелисья***, ***Велья***). Топоосновы дублируются в названиях поселений, расположенных вдоль берегов рек.

Интерпретация данных. Ареал топонимов на *-ье, -ья* соприкасается с ареалами на *-дь, -да, -ва, -ца* и находится в зоне сосредоточения названий с балтийскими основами (Сводная карта V), что позволяет предполагать родственный характер этих типов. Анализ корневой части названий также даёт некоторые основания относить тип к балтийскому.

Велья (***Велемка***) – п.п. Кельца [Смолицкая ГБО, 1976, с. 180]; расположенное на берегу реки поселение носит название ***Велемья***. Аналогичный гидроним – в верховьях Оки [Смолицкая ГБО, 1976, с. 28], в Мещерской стороне – ойконим ***Велье-Родионовка***.

Названия с корнем *Vel-* известны в бассейне Немана, в Верхнем Поднепровье, на Среднем Днепре и в правобережной части Припяти. В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев рассматривают днепровскую и окскую ***Велью*** (**Vel-ija*) как вероятные балтизмы, сближая с лит. *Vėlỹs, Vėlių upẽlis, Velupỹs* и под. и приводя в качестве возможных источников антропонимы **Velēja* или **Vilēja*, апеллятивы (лит.) *vẽlės, vẽlės* [Топоров, Трубачев, 1962, с. 179; Топоров, 1988, с. 173].

Гидронимы объясняют и на материале славянских языков (в частности, через русск. *велий* «большой, обширный», «лучший»). Ю.П. Чумакова связывает ***Велья*** с праслав. **vъl* / **vel* «мокрый» либо с именем *Vela* (чеш.), а ***Велемья*** – со славянским антропонимом *Велемиръ* [Чумакова, 1992, с. 71-72, 123-124].

Истья – названия с корневой частью *Ist-* рассмотрены в разделе 17 «Топонимы на *-ус*» (см.: ***Истус***).

Мостья – п.п. Рановы [Смолицкая ГБО, 1976, с.184]; в гидрониме можно видеть балт. *Mast-* или слав. *Мост-* / *Мощ-* «нечто мокрое, топкое, слякотное, вязкое».

Совмещение с ареалами археологических культур. Ареал топонимии на *-ье, -ья* не совместим ни с каким известным археологическим ареалом. Пока возможно провести сопоставление лишь по отдельным названиям. В частности, самые ранние археологические памятники вдоль течения Мостьи относятся к эпохе бронзы (единичные находки обломков керамики *фатьяновской* культуры близ устья), затем к эпохе РЖВ (на правом берегу открыты два городища *городецкой* культуры, просуществовавшие до третьей четв. I тысячелетия н.э.) [АКР, III, с. 8]. Четыре поселения *городецкой* культуры известны вдоль течения Тысьи (ближе к устью), пять поселений – на левом берегу соседней Истьи. По имеющимся археологическим данным, первые славянские поселения возникают здесь только в средневековье – в XIV–XVII вв. и, судя по всему, в ситуации уже сформировавшейся гидронимической сети.

В русской топонимической системе финальная часть субстратных названий определяется формой детерминатива: река ***Истья***, ***Тысья***, деревня ***Тысья***, но село ***Истье***.

27. Топонимы на *-ня, -на.* Карта 27

Характеристика ареала. Группу образуют: (гидронимы) ***Вижна***, ***Кишня***, ***Локня***, ? ***Проня***, ***Полотебня***, ***Полотебна Сухая***, ***Полотебна Мокрая***, ? ***Пучкворня***, ***Ушна***; (ойконим) ***Локня***.

Топонимы данного типа известны преимущественно в юго-западной части исследуемой территории. Здесь их ареал находится в непосредственном контакте с типами на *-ва, -ье, -ья, -дь, -да*, также локализующимися только (или преимущественно) в данной части Поочья (Сводная карта V). Отдельные названия встречаются на левобережье, тяготея к течению Оки, и почти не встречаются в восточной части рязанской территории, в зоне активности структурных типов финно-угорской топонимии.

Названия относятся преимущественно к рекам 2–3-го порядка, средней протяжённости, и лишь те одиночные гидронимы, которые находятся на востоке региона, к совсем мелким водным объектам. Немаловажно, что к топонимам данно-

го типа относится и название одного из самых значительных притоков Оки в среднем её течении – ***Прони***.

Интерпретация данных. Топонимы с финалями *-на, -ня* отражают одну из характерных моделей славянской топонимии. Как было показано в предыдущих главах, она массово представлена в русской топонимии Поочья. Тем не менее, некоторые названия того же формантного типа могут быть объяснены на материале балтийских языков, так же как и сама финаль (она могла развиться в том числе из исконного *-in-*: ср. гидронимы (лит.) *Obelinė* – (окск.) *Абельня* «яблоневая»). Это позволяет объединить часть названий с исходом *-на, -ня* в особую группу, отделив их тем самым от топонимии славянской. В гидронимии Подмосковья такую группу образуют балтизмы: *Волшня, Кремична, Селеня, Бубна, Пресня, Локна, ? Дрезна* [Топоров, 1972, с. 6; 1988, с. 170]. В рязанском Поочье балтийское происхождение могут иметь следующие названия.

Локня – п.п. Прони [Смолицкая ГБО, 1976, с. 45], река 2-го порядка, одноимённое поселение близ устья; в верхнем левобережном Поочье: р. *Локна* (п.п. р. Селеховка) и её приток *М. Локна*; также свыше 10 подобных гидронимов и производных от них в других районах Поочья (*Локнова, Локатец, Локнава* и т.д.); ряд аналогичных образований в Поднепровье. И окские и днепровские гидронимы сближают с лит. *Lukná, Lùknės, Lùknė*, лтш. *Luknis, Lukni* и под., лит. *lùknas, lukniùoti* и т.д. с семемой «изгиб, искривление», лит. *alkū́nė* «локоть», метафорически в географической терминологии «поворот реки», «изгиб» и под. [Топоров, 1988, с. 170; 1997, с. 279].

Полотебна (***Полатебня***, ***Полотебня***), ***Полотебна Сухая*** и ***Мокрая*** – л.п. Рановы [Смолицкая ГБО, 1976, с. 178; Гордова ТРО, 2010, с. 32]. Основная река, приток 3 порядка, образована слиянием рек Сухой и Мокрой Полотебны.

Возможно сближение гидронима с *Полодь* (л.п. Угры) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 40], *Полота* (от которой образован ойконим *Полоцк*) и балт. **pal-,*palt-*: лит. гидроним *Páltis* и под., лтш. *Palte*, прус. *Palten*, ст.-лтш. *Paltis* «дождевой ручей», лтш. *palts, palte* «лужа», лит. *palà* «болото», *pãlios* «заболачивающееся озеро» [Топоров, 1988, с. 167; Поспелов, 2002, с. 335]. Некоторые балтийские суф-

фиксы в древних названиях на русской почве давали финаль *-оть*, о чём подробно писала Р.А. Агеева [Агеева, 1985, с. 97-98].

Предлагаемые апеллятивные значения соответствуют географическим реалиям района локализации рязанской Полотебны: река является крайним притоком бассейна Оки, находится на окско-донском водоразделе, который характеризуется скудным водным насыщением. Сток равнинных рек здесь затруднён, запас грунтовых вод минимален. Всё это приводит к заболачиванию и пересыханию русла. Яркую природную особенность водораздела отражают и другие смежные названия (ср. *Паника*, крайняя река Дона), а также русские определения *Сухая, Мокрая* при субстратном гидрониме *Полотебна*.

Археологическая картина района говорит о том, что название могло появиться уже в эпоху неолита и бронзы. К этому времени относятся самые ранние археологические памятники на данном участке: стоянка и 4 поселения близ устья реки (у с. Есаково). Самое раннее из них по находкам лепных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом идентифицируется как поселение *рязанской неолитической* культуры (IV–II тысячелетие до н.э.), более поздние, с находками лепной керамики без орнамента – как поселения эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.) с неопределенной этнокультурной атрибуцией [АКР, III, с. 28, 74, 82-83].

Скопление русских поселений отмечено в месте слияния Мокрой и Сухой Полотебны [АКР, III, с. 28], однако все они носят относительно поздний характер – датируются XV–XVII вв. К этому времени гидронимическая система региона уже была в основном сформирована, и это обстоятельство оставляет очень мало шансов для версии славянского происхождения топонима.

Ушна **–** л.п. Оки (впадает с протоку Ниверга). Окский гидроним соответствует литовскому гидрониму *Ušnà*, этимологию которого связывают с *aušti* «становиться прохладным» [Откупщиков, 2004, с. 87, со ссылкой на исследования А. Ванагаса]. Возможно, тот же корень – в смежном названии *Юшта* (поселение рядом с истоком), в этом случае можно предполагать схожий путь развития топонимов *Юшта* и *Хупта* (см. ниже), с перестройкой начальной части онимов в топонимической системе носителей иного языка.

Совмещение с ареалами других типов даёт в принципе однородную картину. *Ушна* и *Юшта* локализуются в зоне активности топонимии балтийского типа на *-ус,* на который накладывается ареал типа на *-да* (некоторые названия также трактуются как балтизмы). Рядом – условная граница ареала балтийской топонимии Правобережного Поочья, «брызги» которого обнаруживаются и в районе Ушны. Топоним этого ареала *Хупта*, сопоставимый по форманту с *Юшта*, находится рядом с ареалом балтийской топонимии с финалями *-на, -ня.* Таким образом, на карте вырисовывается довольно обширная область топонимических единств, включающая в себя типы: *-ус, -да, -на, -ня, -та* + ареал топонимов с балтийскими основами (Карта 27 А). Эта область занимает как пронский отдел Правобережного Поочья, так и район Мещеры.

Интересная семантическая корреляция открывается при сопоставлении названий *Ушна* и *Киструс* (смежные гидронимы, Киструс выше по течению Оки), предполагающих связь с понятиями (соответственно) «прохладный, холодный» и «горячий».

Проня – п.п. Оки. Производные от гидронима («князья Пронские», «Пронск») упоминаются в древнерусских памятниках письменности под 1131 г. и 1146 г. Гидроним *Проня* известен в бассейне Днепра (приток р. Сож). О.Н. Трубачёв и В.Н. Топоров считают возможным его объяснение на балтийском языковом материале [Топоров, Трубачёв, 1962, с. 202-203], хотя для рязанского гидронима предлагаются и славянская, и финно-угорская версии происхождения. Вторая – маловероятна при учете ареала. Балтийская, наоборот, ареалом поддерживается. В пользу балтийской принадлежности днепровского и рязанского гидронимов высказывается и Ю.П. Чумакова [Чумакова, 1992, с. 132-133].

Совмещение с археологическими ареалами. Основной ареал типа, охватывающий бассейн Прони, хорошо совмещается с юго-западным отделом ареала *фатьяновской* культуры. Отдел приурочен к руслу Прони и характеризуется высокой плотностью и непрерывностью в нижнем и среднем её течении, вплоть до устья реки Кердь. Более поздние археологические культуры, известные в том же районе, относятся к *городецкому* населению или славянам.

28. Топонимы с балтийскими основами. Карта 28

Характеристика ареала. На отдельной карте показаны названия балтийского типа, которые не образуют чётких структурных рядов, а потому исключают применение при картографировании формантного метода. Для картографирования отобраны топонимы, которые получают объяснение на базе балтийских языков, а также топонимы, для которых, среди прочих, предлагаются и балтийские версии. И первые, и вторые (при всей спорности их этимологии) образуют хорошо очерчиваемый ареал. На некоторых участках он включает в себя районы выявленных ранее балтийских формантных типов (*-ье, -ья, -ва, -на, -да, -дь*). Такая межареальная корреляция позволяет более уверенно говорить о единой языковой принадлежности картографируемых единиц.

В настоящую группу входят: (гидронимы) ***Аза***, ***Аксень***, ***Аленка***, ***Вожа*** (2), ***Галина***, ***Гусь*** (****Гуз***), ***Дриска*** (2), ***Казинка*** (2), ***Казино***, ***Картын***, ***Лапоток***, ***Меча*** (2), ***Обалы***, ***Оболонское*** (оз.), ***Пальная***, ***Рев / Рева***, ***Ревяка***, ***Селенское***, ***Солотча*** (***Солотша***), ***Табола Сухая***, ***Табола Мокрая***, ***Хупта*** (***Упта***), ***Цна*** (2), ***Чечера***; (ойконимы) ***Аблово***, ***Аксень***, ***Аленка***, ***Казинка***, ***Клетки***, ***Клетино***, ***Куприно***, ***Оболенки***, ***Солотча*** (***Солотша***), ***Шилово***.

Интерпретация данных. ***Аблово***, ***Оболенки***, ***Оболонское*** (оз.), ***Обалы***. Поселения ***Аблово*** – в районе Вожи [Атлас-2002, с. 29], ***Оболенки*** – в районе Прони [Гордова ТРО, 2010, с. 64]; река ***Обалы*** – среди притоков Истьи [Атлас-2002, с. 62]; оз. ***Оболонское*** – на левобережье Оки, близ устья Тырницы [Атлас-2002, с. 68].

Названия данного типа уверенно связывают с балтийским источником, восстанавливая исходную форму как **Abol-, *Abol-in* («яблоневая»). Топонимические параллели многочисленныв верховьях Оки: *Обля, Обельна, Абельна, Обельня* и др.; В.Н. Топоров отмечает почти повсеместное их соседство с русскими эквивалентами: *Яблонской, Яблонка, Яблоновка* [Топоров, 1989, с. 62].

Аксень – л.п. р. Мостья (приток 4 порядка) и одноименная деревня у истока [Гордова ТРО, 2010, с. 16, 57]. При объяснении названия на базе балтийских языков его сближают с лтш. *akas* «заводь», лит. *akis* «незамерзающее место» [ТСРО,

2004, с. 12]. В ТСРО приводятся и другие возможные пути образования: из мокш. *акша* («белый»), *акшу* («ветла»), что всё же сомнительно.

Аленка – л.п. Хупты (басс. Прони), одноименная деревня здесь же [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183].

В составе названия можно видеть и.-е. корень **al(a)*, широко представленный в европейской гидронимии: *Ala* в Норвегии, *Aller* в Германии, *Almo* в Италии и т.д.; особенно многочисленны эти названия в Литве: *Аланга, Аланта, Алюнта, Альме, Альмоне, Альменас* [Агеева, 1985, с. 90]. Семантику корня связывают с обозначением водного объекта; близкие по значению апеллятивы сохранились в балтийских языках: лтш. *aluots* «источник», *ōla* «галька» [Топоров, Трубачев, 1962].

В Поочье известны названия, в которых тот же корень оформлен древнемордовским формантом *-лей*: *Алелей* [Панин, 1972, с. 195-196]. В таких топонимах можно видеть языковой субстрат: заимствование и дооформление мордовским населением более древнего названия.

Пронское название по форманту входит в продуктивный структурный тип русской топонимии, ср. *Малиновка, Рябиновка, Петровка, Введеновка*, также *Бурминка, Хупотка*, в составе которых основы неславянских гидронимов.

Аза – л.п. Цны, приток 3 порядка. Ср. в гидронимии Латвии: *Aûzes, Aûzas, Auzene* и др.; в Москве – *Яуза* (в старых источниках *Ауза, Аузя*), которое считают надёжным балтизмом и связывают с *àuzãjs, auzaine* «стебель овса, солома» [Топоров, 1982, с. 36].

Вожа – названия двух рек: п.п. Оки и притока оз. Великого (район Клепиковского Поозерья). Ю.В. Откупщиков сближает топонимы с лит. *Važ-upỹs, Vóž-upis*, возводя их к производным от *vèžti* «везти» [Откупщиков, 2004, с. 87].

Галина (***Галина Мокрая***) – п.п. Прони, приток 2 порядка [Гордова ТРО, 2010, с. 39]. Гидроним трактуется по-разному. Обычно его связывают с русской местной географической терминологией (*галина* «голое место», *голынь* «выжженное пожаром место» и под.). Ю.П. Чумакова предполагает раннеславянское происхождение названия и восстанавливает его первоначальную форму как **Голынь* [Чумакова, 1992, с. 77]. Ю.В. Откупщиков предлагает взглянуть на этот гидроним

сквозь «балтийскую» призму и сопоставить его с названием литовской реки *Galinė* и апеллятивами *gãlas* «конец», *galinis* «задняя» [Откупщиков, 2004, с. 97]. Славянская трактовка названия вызывает сомнения, прежде всего потому, что речь идёт о притоке второго порядка, название которого при высокой степени освоенности территории должно было утвердиться ещё до прихода славян.

Гусь (****Гуз***) – л.п. Оки. Форма ***Гусь*** могла появиться в результате народного переосмысления древнего названия, отсюда и герб города Гусь-Хрустальный (Владимирской обл.), на котором изображён белый гусь. Главный приток Гуся – река ***Колпь***, название которой связывают с русским диал. *колпь* «чубатая цапля». По мнению Е.М. Поспелова, второе название также могло появиться в результате переосмысления или калькирования дорусского топонима, в современной топонимической системе оба гидронима образует тематический ансамбль, ассоциируясь с наименованиями водоплавающих птиц [Поспелов, 2002, с. 128-129, 209].

Исходная форма гидронима, по мнению Г.П. Смолицкой и В.А. Никонова, может быть восстановлена как **Гус*, что дает основание для рассмотрения данного названия в рамках типа на *-ус* (локализуется ареально на левобережье Поочья, предположительно связывается Г.П. Смолицкой с древней муромой) и поиска финно-угорского источника для его объяснения [Смолицкая, 2002, с. 80].

Однако река является крупным притоком Оки, в отличие от других объектов, названия которых относятся к типу *-ус*. Гидроним отличается от имён типа *Киструс, Тынус* и в структурном плане: *ус-* – часть корня. Эти обстоятельства заставляют рассматривать его вне данного типа и как один из древнейших топонимических артефактов региона, очевидно появившийся ещё до формирования здесь гидронимии на *-ус*, а также *-ур*, ареал которой непосредственно приурочен к течению реки Гусь.

В.Н. Топоров предлагает видеть в гидрониме балтийское образование на базе **guž- / *guz-* (ср. лит. *gùžas* «аист», лтш. гидронимы *Guza, Guzas* и под.) [Топоров, 1997 (1), с. 305-306]. В русской топонимической системе гидроним мог иметь форму **Гуз*, с дальнейшим оглушением конечного согласного и сближением с апеллятивом *гусь*. Возможно, возникновение гидронима связано со временем

первых индоевропейцев, появившихся в этом районе задолго до появления здесь балтов начала I тысячелетия н.э. (речь может идти о II тысячелетии до н.э. и о племенах *фатьяновской* культуры).

Семантика предполагаемого апеллятива, также связанная с наименованием птицы, подтверждает возможность калькирования древнего названия.

Дриска – названия двух рек донского бассейна: л.п. Сухой Таболы, л.п. Дона, обе реки по протяжённости незначительные [Атлас-2002, с. 110]; очевидно, здесь же может быть рассмотрено и название протока ***Бриска***, п.п. Рановы басс. Прони [Смолицкая ГБО, 1976, с. 178], воспринятое в такой форме позднейшим населением или записанное в документах ошибочно; в верховьях Оки – *Дрисенка, Дрисела*, в басс. Западной Двины – *Дрисса*. По заключению В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева, названия с восстанавливаемым корнем *Дрис-* (*Dris-*) являются несомненными балтизмами, они восходят к производным от *drav-, dru-, druv-* «крепкий, сильный, быстрый», «дерево» [Топоров, Трубачев, 1962, с. 156; Топоров, 1989, с. 51; 1997 (2), с. 317]. А. Ванагас поддерживает балтский характер гидронима, сравнивая его с названием *Дрисвяты* (оз. на границе Литвы и Белоруссии, лит. *Drūkšiai*) [Vanagas, 1981, с. 91].

Казинка – названия двух рек: л.п. Верды (басс. Пары), п.п. Клешни (басс. Верды), одноимённое поселение на берегу последней; ***Казино*** – урочище на берегу Мостьи (басс. Прони) [Гордова ТРО, 2010, с. 13; Карта, 2002, с. 79, 119]. Топонимы могут быть рассмотрены в связи с лтш. гидронимами *Kazene, Kazęni, Kazine* и др., с реконструируемой формой **Kaz-in-* [Топоров, 1988, с. 164].

Картын – п.п. Мостьи [Смолицкая ГБО, 1976, с. 184], название исторического фонда (утраченное). Гидроним ***Картынка*** известен в бассейне Протвы в среднем левобережном Поочье [Смолицкая ГБО, 1976, с. 95]. В.Н. Топоров рассматривает его в ряду других названий того же бассейна и смежных территорий (*Упа, Отра, Дугна, Чичера, Салинка, Нара* и т.д.) как топонимию балтийского племени галиндов (голяди), отмечая «совпадение ряда окско-днепровских названий с гидронимией «исторической» Галиндии» [Топоров, 2006, с. 22-23].

Примечательно, что в бассейне Мокши локализуются названия, в которых тот же гидронимический корень оформлен древнемордовскими формантами *-лей, -ляй*: *Карталейка, Картляй* [Смолицкая ГБО, 1976, с. 256], что позволяет предполагать такой же путь трансформации субстратной (от древних балтов) топонимии у древней мордвы, как и в парах *Ален – Алелей, Верда – Верделей[ка],* о чем уже писалось выше.

Клетки – с. в бассейне р. Рака, ***Клетино*** – с. близ устья р. Гусь; в верхнем левобережном Поочье р. *Клетенка* (л.п.Оки), д. *Клетна*, в Поднепровье *Клетка*. Топонимы сопоставляют с лтш. *Klẽtenes-upe*, *Klehting, Klētnieki* и др., реконструируемая форма **Klēt-en-* [Топоров, 1988, с. 171].

Куприно – поселение в районе Мостьи бассейна Прони [Гордова ТРО, 2010, с. 15], располагается вдоль течения её правого притока, название которого не установлено (скорее всего, ойконим повторяет гидронимическую основу). Близ места впадения в Мостью приток резко меняет своё направление с юго-западного на северо-западное [Карта, 2002, с. 101], что, возможно, и отражает название, если рассматривать его в связи с балтийским источником: лит. *kuprà* «горб», «подъем», лтш. *kuprs*. Гидронимические параллели многочисленны: от лит. *Kuprẽlė, Kùprė, Kùprupis*, лтш. *Kupris, Kupri, Kuprene* и т.д. до верхнеокского *Купренка* [Топоров, 1989, с. 67]. Топоним находится в окружении названий, также получающих (или допускающих) балтийскую интерпретацию (*Мостья, Аксень* и др.).

Меча – 2 реки: п.п. Истьи и л.п. Вожи [Смолицкая ГБО, 1976, с. 162, 170]; *Ситова Меча* известна в верховьях Дона. Исходная форма гидронима реконструируется как **Met-i̯a* и связывается с лит. *mèsti* «метать», «бросать» [Топоров, 1997 (2), с. 318]. Апеллятивы в географической терминологии могли отражать характер течения: «стремнина, поток», «река с быстрым течением».

Лапоток – л.п. Хупты / Упты [Гордова ТРО, 2010, с. 24]. Название может быть сближено, с одной стороны, с лит. *lãpė* «лиса» (с которым связывают лит. гидроним *Lapojà*) или *lãpas* «лист» (лит. *Lapas-ęzęrs, Lapu-pļava*; В.Н. Топоров отмечает трудность или даже невозможность разграничения «лисьих» и «листовых» названий; Топоров, 1997 (2), с. 321). С другой стороны, указанные в ГБО

варианты *Лакотка, Лакоток*, из источников XIX в., и смежные *Малая Лапоток*, *Б. Лапоток* [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183] говорят о возможном смешении форм *Лапот- – Лакот-*. Гидроним может восходить к тому же источнику, что и *Локня* («изгиб, искривление»; лит. *alkū́nė* «локоть»), что в известной степени подкрепляется географическими реалиями: в устье ширина притока и принимающей реки равноценная, при этом не вполне ясно, какая из рек является главной.

«Балтийский» облик гидронима усиливает и характерный, в частности для литовского, суффикс *-ok-* (лит. *valókas* «довольно чистый», *gramókas* «довольно красивый», в том числе *stramókas*, ср. окская река *Страмок* [Откупщиков, 2004, с. 96].

Пальная – п.п. Вожи; в верховьях Оки *Паленка, Пална, Пальна, Пальница*, в верховьях Дона *Пальна*, в Поднепровье *Паленка, Пальня, Польня, Пальна* и др., лит. *Palà, Palónis,* лтш. *Pala, Palejas* и др. Гидронимы сближают с лит. *palnė* «болото» и другими и.-е. апеллятивами близкой семантики [Топоров, 1988, с. 172].

Рев, ***Рева*** – п.п. Верды, ***Ревяка*** – л.п. Верды басс. Прони [Смолицкая ГБО, 1976, с. 179, 180]; названия могут быть сближены с лит. *rẽvas, rėvà* «речной порог, стремнина» [Откупщиков, 2004, с. 101].

Селенское – озеро в районе р. Солотчи [Карта 1995, с. 30]. В Поочье тот же корень представлен названиями *Селенка, Селин, Селинка, Сельня* и др. [Смолицкая ГБО, 1976, с. 376]. Лтш. параллели – *Sēllīte, Sēlīte* и под., объединенные корнем *Sel-*, возводят к и.-е. **sel-* «скакать, прыгать» или к этнониму, обозначающему *селов* [Топоров, 1989, с. 48; 1997, с. 290].

Солотча (***Солотша***) – название реки (л.п. Оки), упоминаемое в памятниках письменности под 1302 г. в форме *Солотша* (об этом подробно: Глава 2), и поселения на её берегу. Многочисленные публикации, посвященные данному топониму, озвучивают версии его происхождения от финно-угорской до славянской (обзор имеющихся этимологий даётся в «Топонимическом словаре Рязанской области» [ТСРО, 2004, с. 245-246]). Финно-угорская версия представляется сомнительной и ввиду отсутствия надёжных апеллятивных соответствий в этих языках, и с учетом района локализации топонимов. Он тяготеет к признанному ареалу

балтийской гидронимии (в Московской области) и значительно удалён от основных ареалов топонимии финно-угорской.

Анализируя окские названия с корнем *Слат-, Солот-* (*Слатовенка, Слатовищи, Солотина, Слачин* и т.д.), В.Н. Топоров сопоставляет их с гидронимией юго-западной Славии, где подобные названия «распространены повсюду и в большом количестве», и, не исключая возможности их связи со слав. *солоть, солотина* «вязкое болото» (этимология приводится Г.П. Смолицкой в ТСЦР [Смолицкая, 2002, с. 320]), говорит и о вполне вероятном балтийском источнике [Топоров, 1989, с. 68].

Из имеющихся вариантов объяснения для рязанского топонима ***Солотча*** (***Солотша***) с учётом природных реалий местности возможным представляется его сближение:

– с *salà* «остров» (?) (с которым связывают лит. гидронимы *Salótis, Salótė, Salõčius*): участок суши со всех сторон очерчен и замкнут водотоками – руслами Оки, Солотчи и старицей Оки; ср. рядом оз. *Островное*;

– с лит. *šaltìnis* «ключ, источник» (с которым связывают лит. гидронимы *Šaltìnis, Šaltìnė, Šaltìnáitis*и под.), а также близким *šáltas* «холодный» (*Šaltója, Šaltuonà* и под.); ср. в том же районе уроч. *Большой Студенник* [Атлас-2002, с. 30]. На соседство в верховьях Оки топонимов *Солотина, Слотина* и *Студенец, Студеное* указывает и В.Н. Топоров [Топоров, 1989, с. 68].

Ю.В. Откупщиков сближает гидроним с лит. *saldùs* «сладкий» [Откупщиков, 2004, с. 94], хотя в этом случае не вполне ясен мотив номинации.

Что касается более поздней формы названия – ***Солотча***, то её аналоги можно найти в субстратной гидронимии Подмосковья, где гидронимы на *-ча* представлены не единичными примерами: *Дорогоча, Комеча, Колча* и т.д. Форма на *-ча* может быть результатом фонетического приспособления этих названий в славянской топонимической системе.

Табола (Сухая, Мокрая) – левые притоки Дона первого порядка. Гидронимы сопоставляют с лит. *Tabãlis, Tabalẽlis, Tabãlė* и под.; предлагаемый вариант объяснения (этимология Ванагаса, поддержанная В.Н. Топоровым, Е.М. Поспело-

вым): из *tàbaloti, tabalúoti* «метаться в сторону», «колыхаться» [Топоров, 1997 (2), с. 317; Поспелов, 2002, с. 345]. Тем не менее, географические реалии района локализации (водораздел Окского и Донского бассейнов) заставляют искать апеллятивы, отражающие степень насыщения водного объекта, к этому же подводят и русские определения *Сухой, Мокрый*, которые обычно дублируют семантику субстратного топонима (ср. рядом же *Сухая Полотебна* и *Мокрая Полотебна*).

В Псковской обл.: с. *Таболенец* (с 1925 г. *Пушкинские Горы*), повторяющее название близлежащего озера [Поспелов, 2002, с. 345].

Хупта (***Упта***) **–** п.п. Рановы, приток 3 порядка, один из самых значительных в басс. Прони [Смолицкая ГБО, 1976, с. 182].

Впервые гидроним – в форме ***Хупта*** (употребляемой до настоящего времени) – фиксируется в памятнике письменности нач. XVI в (1502 г.): «… А от Старой Рязани ѣхати ему Пронею вверх, из Прони к Пранову, а из Прановой Хуптою вверх…» [Макаров, 1846, с. 14]. Однако в более позднем документе, датируемом 1607 г. («Книга Большому Чертежу»), река называется ***Упта***: «А въ Верду пала рѣка Упта, а въ Упту пала рѣка Ранова, а на Уптѣ городъ Рязской…» [КБЧ, 1950, с. 54].

И в этом варианте есть все основания видеть корень *уп-*, восходящий к прабалт. **up-*: прус. *ape*, лит. *ùpė*, лтш. *Upe* «река». Гидроним с той же основой *Упа* известен в верховьях Оки (под Тулой), в районе, прилегающем с запада к бассейну Прони.

Формант *-та*, оформляющий среднеокское название, может быть как исконным в топониме (балтийский суффикс (отглагольных) прилагательных), так и вторичным. Как и в парах *Лукос – Лукмос, Верда – Верделейка* и под., он мог появиться в более позднее время как структурное дооформление субстратного названия. Можно видеть в нём некий финно-угорский элемент речных названий и связывать предполагаемую структурную трансформацию с племенами *городецкой* культуры или их потомками, занимавшими район Хупты во времена РЖВ.

Аналогичный путь развития предполагается, как кажется, у структурно близкого гидронима ***Нерехта*** бассейна Клязьмы (владим.), в котором выделяют

древний корень *нер-* и более поздний финно-угорский формант *-ехта*[22] со значением «река» или «река с волоком» [Поспелов, 2002, с. 287]. Представляет интерес в этой связи то обстоятельство, что пронская Хупта, являясь крайним (на юго-западе) притоком Оки, в исторические времена также являлась рекой с переволокой, по которой суда перетаскивали до крайних притоков Дона. В.Н. Топоров относит гидронимы с основой *ир-* к топонимии галиндов (голяди) [БЯ, 2006, с. 22], однако они могут иметь и более древнее происхождение.

Материалы археологии по району ***Хупты / Упты***, к сожалению, весьма скудны, но и они говорят о том, что до поселений РЖВ (*городецкой* культуры), еще в эпоху бронзы здесь уже было население, в основном близ устий рек, неустановленной культуры [АКР, III, с. 74]. Не исключено, что это были фатьяновцы: близ места впадения Хупты в Ранову найден обломок боевого топора этой культуры, а сам район Прони, судя по количеству обнаруженных фатьяновских древностей, уже в это время был густо населён. Возможность связи гидронима (во всяком случае, начального этапа его истории: в форме **Upe*) с фатьяновцами усиливают следующие обстоятельства: гидроним не может быть объяснён на материале поволжско-финских языков, носителями которых, как предполагают, были племена *городецкой* культуры, а присутствие культур, принадлежащих балтам более позднего периода, в том числе периода *рязано-окских могильников*, в районе Рановы – Хупты не зафиксировано (более подробно эта проблема освещается в разделе 5.5).

Цна – названия двух рек: л.п. Оки, л.п. Мокши, крупнейшего притока Оки; *Цна* – 3 реки в Верхнем Поднепровье, *Цон* – л.п. Оки. Древнейшую форму гидронимов восстанавливают как **Цъна,* **Цънъ* и возводят к балт. **Тъsna* (в древнерусских источниках *Тцсна, Тцна, Тсна*), сравнивая с прусск. *Tuseine* и др.-прусск. *Tusnan* «тихий» [Gimbutas, 1963, с. 32-33; Топоров, 1988, с. 163; 1997 (2), с. 312; Смолицкая, 2002, с. 377].

---

[22] Более вероятно иное членение гидронима: ***Нерех-та***, где ***Нерех*** – первоначальная или более древняя форма гидронима, включающая в себя корень *Нер-* и формант *-ех*, оформляющий и другие гидронимы того же района: *Ландех, Тюлех, Таех, Варех, Люлих, Сезух, Тетрух, Саях*, в том числе *Санахта* (**Санах* + *та*) [Атлас АДР, с. 66-67].

Ранее предлагалось рассматривать данный гидроним как финно-угорский ввиду его локализации в зоне мордовской гидронимии и частично цокающих русских диалектов (что могло повлиять на русскую форму субстратного названия), однако уже в ТСЦР отмечается, что балтийское происхождение названия более убедительно [Смолицкая, 2002, с. 376].

Чечера – приток Цны басс. Мокши (4 порядка). Сопоставим с гидронимами: лит. *Čičirė*, лтш. *Ciẽcere, Чечера* (в басс. Сожи, Десны), *Чечера* (п.п. Яузы), *Чечора* (дважды в басс. л.п. Москвы), которые возводят к и.-е. **k'iker*-«горох» [Топоров, 1982, с. 41]. Московские названия В.Н. Топоров связывает с галиндским диалектом [БЯ, 2006, с. 22].

Нельзя не отметить в этой связи гидроним *Чичерлейка* [ТСРО, 2004, с. 276] в том же бассейне Мокши, продолжающий ряд соответствий: *Ален- – Алелейка, Картын – Карталейка, Картляй, Верда – Верделейка*, которые, очевидно, отражают балто-финские топонимические контакты и адаптации I тысячелетия н.э.

Шилово **–** н.п. на правом берегу Оки; допустимо сопоставление названия с лит. *šilas* «сосновый бор», литовским гидронимом *Šilinė*, окским гидронимом *Шилинка* (выше Унжи) [Откупщиков, 2004, с. 97]. На топонимической карте ***Шилово*** является крайней восточной точкой, замыкающей сплошной ареал балтийской топонимии юго-западной части рязанского Поочья.

Шиндра **/** ***Шундра*** **–** л.п. р. Мокрая Елятка (Глятка?) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 182]; в писцовых книгах XVI в.: «на речке на Глидке и на Шундре» [ПК, I, с. 160]; ср. лит. *šindra* – ботанический термин, название болотного растения [Откупщиков, 2004, с. 102].

Значительная часть топонимов, рассмотренных в балтийском ключе, имеют отапеллятивное происхождение, причем, насколько можно об этом судить, построены бесформантным способом по модели: топоним = апеллятив: *šindra* – ***Шиндра***, *tūnùs* – ***Тынус***. Часть гидронимов осложнена русскими суффиксами позднейшего происхождения (*-к(а), -ин, -ов* и под.). Часть гидронимов – волжско-финскими (мордовскими) гидронимическими элементами (*-лей, -ляй, -мос, ?-та*).

Многие названия имеют простую однословную структуру, к тому же и очень короткую (состоящую из трёх-четырёх звуков): ***Аза***, ***Пет***, ***Рев***, ***Вожа***, ***Меча*** и под. Однословность как особенность окской гидронимии отмечал ранее и Ю.В. Откупщиков: «Значительная часть речных названий Латвии и особенно Литвы состоит из двух компонентов… Большое количество гидронимов Поочья представляет собой заимствование только первого компонента сложного балтийского гидронима» [Откупщиков, 2004, с. 87]. Это наводит на мысль о довольно раннем возникновении названий. Нельзя не отметить, что балтийскую интерпретацию в современных исследованиях получили названия крупнейших притоков Оки в ее среднем (рязанском) течении: ***Гусь***, ***Мокша***, ***Цна***, в том числе и сама ***Ока*** (наряду с другими версиями происхождения). Эти гидронимы также имеют простую и короткую форму.

Полученные данные по балтийской топонимии Среднего Поочья существенно расширяют в восточном направлении границы общего балтийского ареала на территории Центральной России. Согласно результатам исследования В.Н. Топорова, максимальная граница этого ареала определяется линией: Тверь – Москва – Коломна – верховья Дона – Тула – Орёл – Курск и т.д. [БЯ, 2006, с. 18]; за пределами этой линии балтизмы встречаются отдельными островками. Таким образом, район Среднего Поочья отнесён к числу периферийных районов балтийского ареала, где число балтизмов невелико, а происхождение некоторых из них сомнительно [БЯ, 2006, с. 18].

Идею о периферийном характере среднеокского ареала поддерживает и Г.П. Смолицкая. По ее данным, основной массив балтийской гидронимии в Поочье сосредоточен между бассейнами Угры и Москвы, между Окой и Клязьмой (на территории Мещеры). На правобережье Оки гидронимия балтийского типа встречается спорадически, островками, в основном на территории от Осетра до Прони и по самой Проне [Смолицкая, 1974, с. 64].

Новые этимологии и более детализированные карты Среднего Поочья демонстрирует несколько значительных районов сосредоточения балтийской топонимии, которые трудно назвать «островками».

Наиболее обширный ареал балтизмов находится в юго-западной части Среднего Поочья, включающей в себя всю территорию бассейна Прони (центральная, южная и западная часть ареала), район левобережной Пары, вплоть до её впадения в Оку (восточная часть ареала), бассейн реки Вожи, а также небольшой участок на левобережье Оки (северная часть ареала).

В районе Прони наибольшая плотность топонимов наблюдается вдоль течения реки Мостьи, в верховьях Верды.

Район верховьев Верды (крайняя, на юго-западе, река окского бассейна) неразрывно связан с районом верховьев Дона. Здесь картографированием охвачены лишь несколько топонимов: ***Дриска*** (2), ***Тобола*** (***Сухая***, ***Мокрая***), но они ведут к верхнедонскому району сгущения балтийской топонимии, включающему гидронимы: *Смолка, Деготенка, Скороденка, Сосна, Кастора, Верейка, Ведуга, Лопайка, Скобенка, Плавица* и др. Донские топонимы «продолжают сходные примеры окских и / или днепровских балтизмов, что не исключает «вторичный» характер этого ареала, в связи с чем он может быть рассмотрен как «соединительный» или как «под-ареал» [Топоров, 1997 (2), с. 323; 2006, с. 34]. На нашей карте донской участок представлен как часть обширного и непрерывного ареала на юго-западе рязанской территории.

Непрерывность пронско-донского ареала и равномерное распределение образующих его элементов делает возможным рассмотрение и других топонимов, находящихся в этой зоне, в балтийском ключе. Прежде всего гидронимов, которые мы привыкли считать славянскими: ***Алешня***, ***Брусна***, ***Молодка***, ***Келец*** и др.

Так, форма пронского гидронима ***Алешня*** не исключает связи с *alĭksn-* (лтш. *aluksna*, лит. *àlksna*) «болотистое место с зарослями ольхи» (близкое значение апеллятив имеет и в русской географической терминологии), также в др.-прус. *Aliskans* «ольха». Гидроним ***Брусна*** не находит точных апеллятивных соответствий в русском языке и его диалектах. Оба названия дублируются прозрачными русскими эквивалентами (имена близлежащих объектов): *Брусна – Каменка, Алешня – Ольховка.* ***Молодка*** может продолжать лит. *malda*s «тростник», «камыш» [Топоров, 1997, с. 300-301], ***Келец*** (подробно рассмотренный в исследова-

нии Ю.П. Чумаковой 1992 г. как раннеславянский) – лит. *kélti* «поднимать», «переправлять», *kìlti* «подниматься» (и о речных паводках) или *kẽlias* «дорога», *kelnas* «челн», предлагаемых в качестве возможных источников развития значений для балтийских гидронимов с корнем **Kēl-* [Топоров, 1997, с. 307].

Историческая близость (и, как следствие, созвучие) славянской и балтийской апеллятивной лексики и ясность мотивации (яркой природной особенностью места, обращающей на себя внимание новопоселенцев независимо от их этнической принадлежности) могли создавать почву для переосмысления старых балтийских названий более поздним славянским населением и обеспечивать относительно легкое вхождение субстратной ономастической лексики в местный словарь.

По-иному можно взглянуть в этой связи и на историю рязанских гидронимов ***Трубеж***[23] и ***Лыбедь***. Они представлены в топонимических словарях как славянские, однако имеют характерные для субстратных названий форманты *-еж, -дь* и локализуются в основном и непрерывном ареале балтийской топонимии Среднего Поочья.

Отдельный небольшой район балтийской гидронимии находится в верхнесреднем течении Цны (л.п. Мокши), рядом с типами на *-ля, -ша, -ас.*

«Брызги» балтийской топонимии наблюдаются в районе Клепиковского Поозёрья, или Озёрной Мещеры (район многообразия представленных типов), в низовьях р. Гусь.

Северо-западная река Цна, протекающая уже в границах Московской области, очевидно, показывает границы ареала, охватывающего бассейн р. Москвы и смежные с ним районы[24].

Изоглоссы очерченного ареала балтийской топонимии рязанского Поочья подтверждаются, если рассматривать в совокупности районы балтийских основ и районы балтийских формантных типов (Сводная карта VI). Зоной сплошного покрытия по-прежнему остаётся юго-западная часть Поочья, а районами присутствия названий балтийского типа – Озёрная Мещера, бассейн Цны (на юго-востоке области). При совмещении ареалов плотный район балтизмов проявляет-

[23] Включён со знаком «?» в группу субстратных топонимов на *-еж* (п. 21).
[24] Здесь же проходит и условная «максимальная» восточная граница балтийской топонимии Центральной России (по В.Н. Топорову).

ся на левом берегу Оки (в центральной части региона), «островки» – вдоль рек Пет, Ермишь и Парца (на востоке региона).

Зоны равномерного распространения топонимии балтийского типа в рязанском Поочье можно рассматривать как районы массового проживания здесь в прошлом (до прихода славян) населения, говорившего на языке (языках) балтийской группы, а небольшие районы, расположенные в местах преобладания иных языковых типов, как островки балтийской жизни среди доминирующего (финно-угорского) населения или же как проявления древнейшего субстрата, особенно если речь идет о названиях больших рек.

Картографирование фонетических, морфологических и иных особенностей балтийской гидронимии Среднего Поочья поможет получить более детальное представление о балтийской топонимической системе и её временных рамках. Тем не менее, проведенное исследование уже позволяет выделить наиболее яркие её черты, и эти материалы могут быть интегрированы в реконструируемую ономастическую картину региона.

Совмещение с археологическими ареалами. Для подтверждения этнокультурной принадлежности и установления хронологии ареала топонимии с балтийскими основами закономерно его сопоставление с археологическими культурами, трактующимися как балтийские, прежде всего *мощинской, колочинской, тушемлинско-банцеровской*. Эти культуры датируются I-II – VII-VIII вв. н.э. Однако бесспорных, явных и массовых следов этих культур в рязанском Поочье не выявлено, что кажется странным при значительности топонимического ареала. Это наводит на ряд предположений. Прежде всего на мысль, что формирование ареала, возможно, связано с более ранним периодом, а в археологической стратиграфии региона следует искать такую культуру, которая, с одной стороны, была бы представлена в Среднем Поочье массово, а с другой – допускала бы соотнесение с носителями индоевропейских языков.

Поиск такой культуры (среди известных на сегодняшний день) неизбежно приводит к культуре *шнуровой керамики и боевых топоров* эпохи бронзы (II ты-

сячелетие до н.э.[25]), представленной в Поочье региональными культурами, в частности *фатьяновской* (Рис. 5.8). Оба ареала – и археологический, и топонимический – характеризуются плотностью, обширностью и непрерывностью. Хорошо совместимы северо-западный, юго-западный и юго-восточный участки, соответственно бассейны рек Вожа – Меча – Солотча (на северо-западе), Проня (на юго-западе), Цна – Выша (на юго-востоке). Интересно, что северо-восточный район ареала *фатьяновской* культуры корреспондирует с «осколками» ареала балтийской топонимии в районе устья реки Гусь, а сам слой, возможно, перекрыт ареалами более поздних топонимических типов иных языковых систем, так как именно северо-восток региона является эпицентром неславянской (преимущественно финно-угорской) топонимии.

Район балтийских топонимов Озёрной Мещеры сопоставим как с *фатьяновской* культурой, так и с другой региональной группой культур *шнуровой керамики* той же эпохи – *шагарской* (Рис. 5.8, 5.9).

В период *рязано-окских могильников* ареал древнейшей индоевропейской топонимии региона мог быть пополнен, и весьма существенно, новыми названиями от балтов I тысячелетия н.э., которые, как полагают, пришли с Верхней Оки и приняли участие в формировании указанной культуры. Однако поскольку памятники *рязано-окских могильников* локализуются преимущественно вдоль течения Оки и частично накладываются на ареал *фатьяновской* культуры, выделить из топонимического ареала пласт названий, связанный с более поздней археологической культурой, при помощи только лишь ареального метода не представляется возможным. Для этого необходимо «расслоение» картографируемой группы балтизмов на названия прабалтийского и восточнобалтийского типа, для чего пока не хватает узкоспециальных исследований.

Неполными, очевидно, являются и археологические данные. Археологически среднеокские балты I тысячелетия н.э. и более позднего времени очень плохо идентифицированы, и достоверных данных по их локализации в рязанском По-

[25] В источниках называются разные периоды существования культуры: вт. пол. III — сер. II тысячелетия до н. э., перв. пол. II тысячелетия до н. э.

очье нет. Места проживания балтийского населения не отмечены на картах (пусть даже в составе культуры *рязано-окских могильников*). В научной литературе нередко ставится под сомнение и сам факт присутствия балтов в регионе в рассматриваемый период, хотя на это указывают лингвистические данные.

Нельзя не отметить как многочисленность, так и хорошую сохранность балтийской топонимии в регионе. Много балтизмов известно в Мещере и в районе Мокши, где они пересекаются с разнообразными ареалами финно-угорской топонимии. Западный же и юго-западный отделы балтийского ареала почти не задеты и не перекроены ареалами финно-угорских типов, хотя после фатьяновцев здесь, в районе Прони, до славян проживали (опять же судя по имеющимся археологическим материалам) лишь городецкие племена и их потомки, и не проживали балты. Аналогичная ситуация – в Мещере и вдоль Мокши.

Несоответствие археологической и топонимической моделей наводит на предположение, что в составе городецкого населения (а не только населения культуры *рязано-окских могильников*, живущего вдоль русла Оки) всё же был значительный процент населения балтийского, но долговременное совместное проживание финнов и балтов привело к нивелированию таких черт их материальных культур, которые позволили бы теперь распознать их археологически (так же, как не поддаются распознанию особенности быта мордвы нач. II тысячелетия н.э., проживавшей совместно со славянами, пришедшими на Оку лишь за несколько столетий до этого). Возможно, благодаря балтоязычному населению был сохранён пласт индоевропейских названий фатьяновской эпохи. Позднее весь этот разновременной массив (прабалтийской, восточнобалтийской) топонимии был хорошо воспринят и немного адаптирован славяно-русской топонимической системой.

Ещё одно предположение касается возможности существования некой гипотетической культуры, принадлежавшей балтам Средней Оки, которая пока не выявлена, не выделена в самостоятельную культуру либо ошибочно соотнесена с другим этносом. По нашему мнению, перспективным может быть поиск балтийского следа в *боршевской* культуре (название по селу Боршево Воронежской области), приписываемой так называемым *донским славянам*.

Носители этой культуры пришли в район Прони с Дона, приблизительно в VIII в., и заселили территорию основных её притоков. Сгущение поселений отмечается в верховьях Верды и вдоль течения Мокрой Таболы (территориально сопоставимо с непрерывным пронско-донским ареалом балтийской топонимии). Интерпретация памятников неоднозначная. По мнению археологов, боршевцы были славянами, но при этом их нельзя отнести ни к вятичам, ни к северянам [Седов, 1982, с. 142]. Славяне, живущие на Дону, не упоминаются и в ранних русских летописях. В.В. Седов высказал предположение, что этническое название представителей этой группы не сохранилось, и условно назвал их *донскими славянами*. Однако в культуре боршевцев есть ряд черт, которые больше характерны для балтов. В частности, особенностью погребального обряда балтов были кремация и курганные захоронения в специальных камерах. Такие захоронения открыты у села Боршево. Совпадения обнаруживаются и в орнаменте, и в наборе керамических изделий боршевцев и окских балтов. Всё это в совокупности с полученными данными о распределении топонимических ареалов заставляет задуматься об ошибочном соотнесении боршевской культуры со славянами.

29. Этнотопонимы. Карта 29

На отдельной карте показано расположение топонимов, содержащих основы исторических этнонимов: *курша* – р. и с. ***Курша***, *мещера* – пос. ***Мещерский***, ***Мещёрская*** *сторона*, *мокша* – р. ***Мокша***, *мурома* – р. ***Муромка***, с. ***Муромино / Мурмино***, *половцы* – г. ***Половеск***, ***Половецкое*** *поле*, овр. ***Половецкий***; *кипчаки* – с. ***Кипчаково***; *татары* – оз. ***Татарское***, *чудь* – оз. ***Чудино***[26].

Очевидно, появление большинства названий данной группы относится к древнерусскому периоду и связано с необходимостью обозначить посредством географического имени места проживания неславянского населения. Косвенно о позднем характере топонимов свидетельствуют и большое число среди них названий поселений, и незначительный характер водных объектов. Однако не-

[26] Этнотопонимия Среднего Поочья подробно рассматривалась в других главах, см.: Глава 3, раздел 3.1.3., подраздел *«Исторические этнонимы в составе топонимов»,* Глава 4, раздел 4.2.2. *«Сведения по истории и этнографии региона».* Гидроним *Мокша* подробно рассмотрен в п. 13. Главы 5 «Топонимы на *-кша*».

смотря на относительно позднее происхождение, для современного исследователя этнотопонимия является маркером языковой ситуации древнейших периодов и возможной подсказкой при интерпретации выявленных ареалов. Нанесение на карту этнотопонимов Среднего Поочья даёт следующие результаты.

Название озера ***Чудино*** локализуется на правобережье Оки, в зоне пересечения ареалов топонимических типов *-ерга, -ур, -ца*. Географически удалено от предполагаемого ареала проживания мери, но может показывать юго-восточный предел распространения данной этнической группы в бассейне Оки.

Гидроним ***Муромка*** локализуется в северо-восточной части рязанского Поочья и определяет крайнюю южную точку ареала муромы, находящегося на территории соседней Владимирской области. Крайнюю северную точку этого ареала показывают ойконимы Ивановской области *Большая* и *Малая Муромка*: они находятся на левобережье Клязьмы (в районе её левого притока р. Лух) и рядом с самым дальним в северной части Центральной России могильником муромы [Финно-угры и балты, 1987, с. 82]. Таким образом, эти названия еще раз подтверждают существующий в топонимике «феномен края», суть которого заключается в активизации на границе распространения той или иной культуры связанной с ней этнотопонимии.

Другой рязанский топоним с основой *Муром-* (***Муромино / Мурмино***) локализуется в западной левобережной части рязанского Поочья, на значительном удалении от основного ареала муромской культуры. Появление названия в этом районе объяснить сложно (возможно, оно также отражает «феномен края», что даёт повод задуматься о границах распространения муромы). То обстоятельство, что населённый пункт находился напротив древнерусского города *Льгова*, возможно, говорит об одновременном функционировании в прошлом двух поселений – со славянским и неславянским населением, что и отражают их названия. Аналогичное сосуществование двух поселений с разным этническим составом известно близ оз. Неро (совр. Владимирская область): славянский *Ростов* и мерянский город (археологический памятник *Сарское городище,* VI-VII вв. – нач. XI в.; искон-

ное название не сохранилось), со временем прекративший существование из-за растущего влияния Ростова.

Ярко выраженный зональный характер носит распределение на карте «мещёрской» топонимии, представленной средневековым территориальным обозначением ***Мещёрская*** *сторона*, ойконимом ***Мещёрский***. Названия соотносятся с широко употребительным до настоящего времени хоронимом ***Мещёра*** и этнонимом *мещера*.

Границы средневековой ***Мещерской*** *стороны* позволяют очертить поселения, упоминаемые в писцовых книгах XVI в. как поселения этого района *(«В Окологородном же стану на Мещерской стороне за рекою за Окою…»* [ПК, I, с. 44]): Сельцо (Солотчинского монастыря), Ографенина пустынь, Варская, Ласково, Ларино, Санское, Гнетово [ПК, I, с. 44, 51, 254, 270, 383]. Места расположения средневековых поселений образуют треугольник, сопоставимый с конфигурацией Мещёрской низменности. В границах этой зоны находится и ойконим ***Мещёрский***. Крайнее на востоке поселение Мещёрской стороны (Ларино) непосредственно граничит с этнотопонимом ***Муромка***.

Топонимы, связанные с этнонимами *половцы* / *кипчаки*, находятся в юго-западной части рязанского Поочья, которая ближе всего подходит к степи (в средневековье она именовалась *Дикой*). Почти двести лет, с XI до нач. XIII в., в этой степи господствовали половцы (или кипчаки). Они активно взаимодействовали с населением Рязанской земли, что и нашло своё отражение в региональной топонимии. Названия ***Половецкого*** *поля*, оврага ***Половецкого***, города ***Половеска***, села ***Кипчакова*** можно также рассматривать как проявление «феномена края», так как далее к северу топонимия с *полов-* или *кипчак-* не встречается.

Другие рязанские этнотопонимы локализовать не удалось.

5.3. Ареальная характеристика районов Среднего Поочья

Нанесение на карту *всех выявленных ареалов* демонстрирует пестроту и неоднородность топонимии Среднего Поочья. Субстратные названия известны на

всей его территории (Сводные карты VII, VIII). Но наибольшей концентрации в совокупности с разнообразием представленных типов они достигают в северо-восточной части области (Рис. 5.5, район 1). Здесь же располагаются и самые значительные, по площади распространения и по плотности, ареалы: типов на *-ур, -ма, -ус.*

В юго-восточной части области (Рис. 5.5, район 2) доля субстратных названий тоже велика, но количество структурных типов, образующих отдельные ареалы, уже не столь значительно. Эти ареалы имеют небольшую площадь, но при этом они более компактные и обособленные. Два из них демонстрируют типы, известные только в этой части области (*-ля, -ляй*). Отличается район и сосредоточением одиночных названий, представляющих хорошо известные в Среднем Поочье типы. Эти топонимы располагаются вдоль течения основной реки Цны, а также внутри или на границе ареалов «местных» типов, словно «осколки» основных ареалов северо-восточной части области (Карта 30).

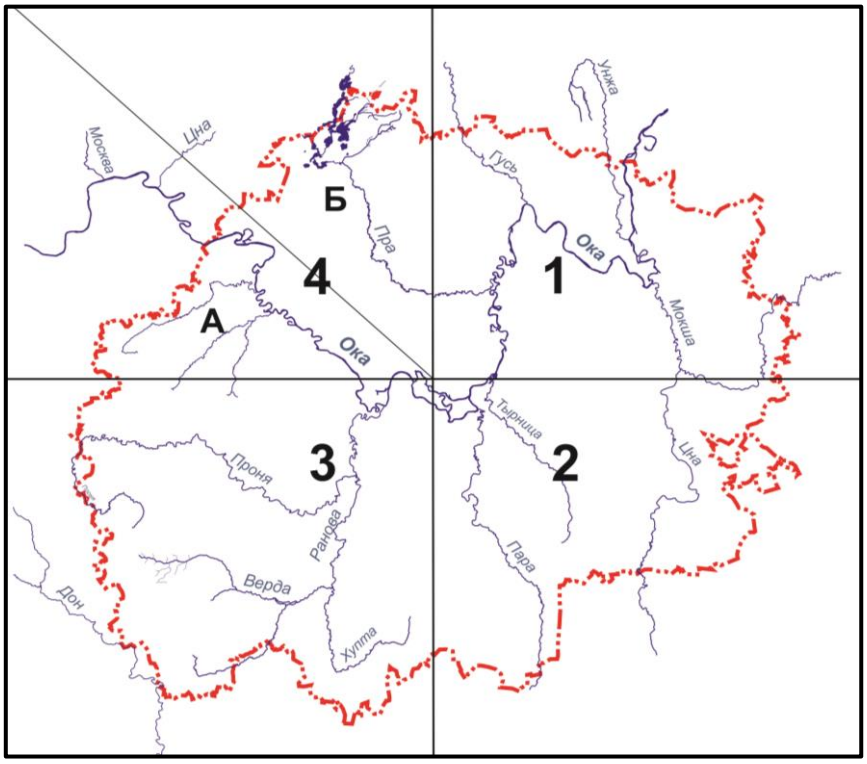


Рис. 5. 5. Топонимические районы Среднего (рязанского) Поочья

Наиболее насыщенными в топонимическом плане являются два участка района: долина реки Вад и устье реки Выша.

Северо-восточной и юго-восточной части области противопоставлена юго-западная и западная часть (Рис. 5.5, районы 3 и 4 А). Она отличается однородностью представленных типов (все они связаны с одним языковым источником – балтийскими языками). Встречающиеся здесь периферийные ареалы и одиночные

названия, «осколки» основных ареалов Поочья, сконцентрированы в той части территории, где продолжается природная зона северо-востока (лесная Мещера), в связи с чем они могут быть рассмотрены, скорее, как продолжение и окраина северо-восточных ареалов. Юго-западная часть рассматриваемых районов топонимически тесно связана с районом Верхнего Дона.

«Осколки» ареалов этой части Поочья встречаются на севере – в Мещёрском крае, где одиночно представлены названия основных типов юго-запада: *-ва* (***Мисерва***), *-ня* (***Кишня***), *-ья* (***Велья***).

Северо-западная часть области (Рис. 5.5, район 4) характеризуется наименьшим числом сохранившихся субстратных топонимов. Район правобережного Поочья и частично левобережного (район 4 А) здесь находится в непрерывном ареале балтийской топонимии, накрывающем всю юго-западную часть области. Ближе к северу (район 4 Б) начинается Озёрная Мещера.

Озёрная Мещёра (Клепиковское Поозерье) является наиболее интересным в топонимическом плане районом из-за многообразия представленных здесь структурных и языковых типов. Этот небольшой по площади участок сохранил топонимы по меньшей мере 12 типов: *-ца, -ма (-ома)*, *-ул, -ур, -ор (-мор)*, *-ис, -ес, -ох, -ра (-ара)*, *-да*, *-ть, -чь*. Причем только два из них образуют здесь ареалы: на *-ца* (замкнутый) и на *-ма* (*-ома*) (продолжающийся далее на юго-восток). Остальные же типы представлены единичными примерами: ***Чарсуль***, ***Ёкшур***, ***Ушмор***, ***Чулис***, ***Имлес***, ***Шага́ра***, ***Посерда***, ***Ялмонть***, ***Муночь***, ***Мурох*** (Карта 31, 31 А).

Самые значительные ареалы Среднего Поочья образуют топонимы типов на *-ур, -ма, -ус, -дь / -да*. Очевидно, это свидетельствует об относительно позднем характере их формирования (что подтверждают и незначительные размеры денотатов: среди них много озёр, болот, мелких притоков, сельских поселений). Названия в меньшей степени подверглись различным структурным перестройкам под влиянием позднейших типов.

Обширность ареала топонимов с балтийскими основами, не образующих при этом чётких структурных рядов или входящих по формантным показателям в структурные типы финно-угорской и славянской топонимии, наводит на мысль

о том, что оставившее их население было многочисленным, оно имело развитую, мощную, хорошо организованную топонимическую систему, которая в дальнейшем подверглась воздействию топонимических систем других народов, более поздних по времени формирования. При вхождении в эти системы в качестве субстрата древние названия подверглись частичной перестройке, затронувшей в основном финальную часть.

5.4. Взаимовлияние ареалов

Территориально близкие ареалы влияют друг на друга. Они могут видоизменять названия, находящиеся на пограничных участках. Формантной перестройке может быть подвергнуто и одиночное название, оказавшееся в зоне господства иного типа. Это мы видим на примере топонимов, входящих в ареалы следующих формантных типов:

-ша (-миша) и *-ма*: здесь рядом находятся названия ***Ламша*** и ***Лашма***, которые могут быть истолкованы как варианты (фонетические или орфографические) одного имени, появившиеся под влиянием того типа, в ареале которого находится топоним;

-ма, -ша и *-ишь*: находящийся в ареале топонимии на *-ишь* гидроним ***Еремша***, территориально связанный с ареалом типа на *-ша* (***Мокша***, ***Шокша***), постепенно преобразовывается в ***Ермишь***, а расположенное на берегу реки село получает название ***Ерема***, попадая под влияние названий ареала на *-ма* (***Нарма***, ***Шилма***, ***Пошма*** и под.), позднее подстраиваясь под форму смежного гидронима – ***Ермишь***;

-дь, -да и *-ус*: в ареале первого типа известны топонимы ***Иберда***, ***Ибреда***, ***Ибердь***; имя с той же основой в ареале топонимии на *-ус* (очевидно, более поздним) имеет форму ***Ибердус***.

-ос и *-мас / -мос*: памятники письменности фиксируют два варианта одного гидронима – «балтийский» ***Лукос*** и «мордовский» ***Лукмос***, который, скорее всего, является позднейшим преобразованием, ср. в другом районе соседство гидронима

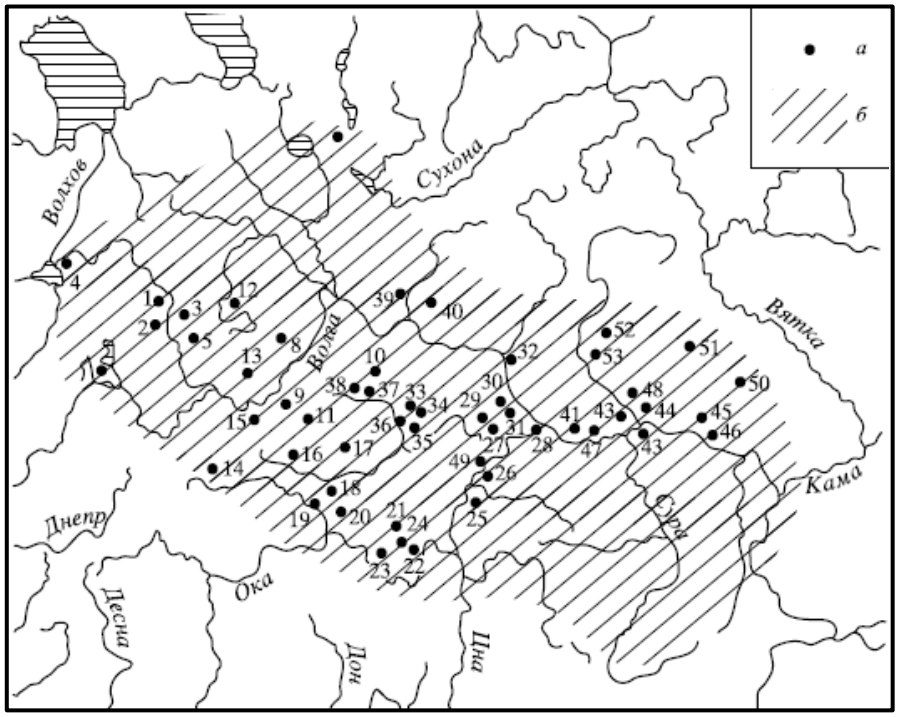
того же типа ***Луктос*** с более поздним по времени формирования ареалом мордовской топонимии с *-мас / -мос* (***Широмасово***, ***Коломасово*** и под.).

Безусловно, вопрос взаимовлияния ареалов напрямую связан с проблемой взаимопроникновения и наложения элементов разных языковых систем (для рассматриваемого региона: балтийской, финно-угорской, славянской) и с поиском ответа на вопрос «что считать субстратом и что суперстратом» [Топоров, 1997 (3), с. 327]. В одних случаях эта проблема может быть решена относительно успешно, например: при последовательном наслоении формантов в названии (***Пилис*** → ***Пилисма***), при сохранении более ранней и более поздней формы топонима (***Лукос***, ***Лукмос***), при известности языковой принадлежности типов и хронологии их развития. В других случаях решение проблемы носит более или менее вероятностный характер или вовсе невозможно: при отсутствии надёжной этимологии типа, изменении форманта в названии и утрате исконной его формы, при невозможности установления относительной стратиграфии топонимических ареалов.

Следствием той же проблемы являются трудности, возникающие при этимологизации топонимов. Долгое сосуществование элементов разных ономастических систем делает объяснение многих названий практически невозможным: настолько переплетенными оказываются явления субстрата и народная этимология, перестраивавшая всё незнакомое и необъяснимое под языковые образы живущих в данный момент людей. Например, возможно ли объяснение топонима ***Юрино***, который может быть сближен и с литовскими апеллятивами *jurà* «болото», *jaurýnas* «болотное место» ввиду нахождения в ареале балтийской топонимии (ср. овраги *Юрин* в бассейне Москвы, также находящиеся в зоне активности балтийской топонимии), и с русским антропонимом, причем вероятность второй версии усиливает однотипное топонимическое окружение: *Катино, Ленино*, *Петино,* хотя последний топоним, в свою очередь, может быть соотнесен не только с антропонимом, но и с гидронимом *Пет*, названием протекающей рядом реки, которое объясняют (в том числе) и через лит. *piẽtas* «южный»?

5.5. Топонимическая стратиграфия (результаты совмещения ареалов субстратной топонимии с ареалами археологических культур)

Совмещение топонимических ареалов с археологическими позволило установить возможную принадлежность отдельных ономастических типов известным материальным культурам и хронологическим пластам, а также проверить выдвинутые ранее гипотезы о связях структурных типов и исторических культур (схема «Хронология основных археологических культур Среднего Поочья» дана в Приложении В Тома 2). В итоге топонимическая стратиграфия региона может быть представлена следующим образом.



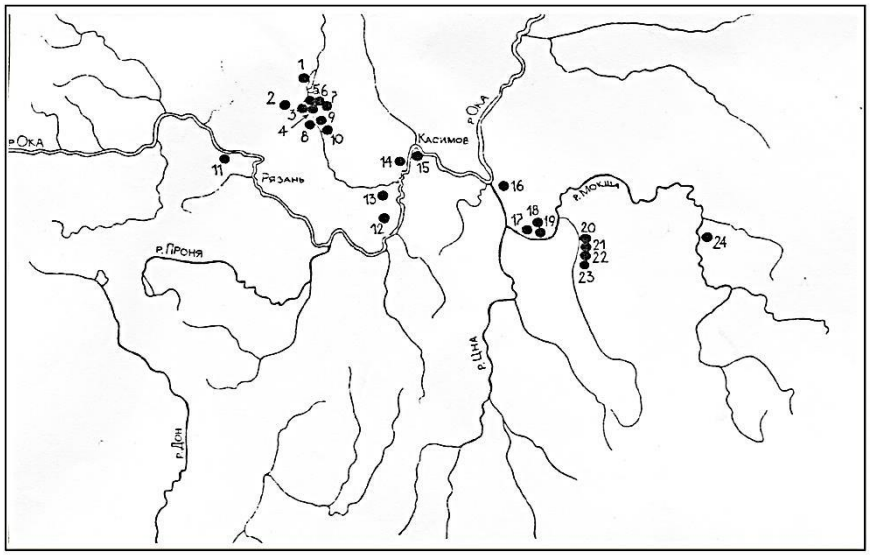
а – памятники; *б* – территория распространения культуры: *1* – Репище; *2* – Бологое; *3* – Кончанское; *4* – Коломицы; *5* – Иванково I; *6*–Модлона; *7* – Ронское; *8* – Языково 1; *9* – Польцо; *10* – Уница; *11* – Вашутино; *12* – Иловец; *13* – Петровские озера; *14* – Тростенское озеро; *15*– Никола-Перевоз; *16* – Буньково; *17* – Заречье; *18* – Маслово Болото VII; *19* – Коренец; *20* – Ушмар; *21* – Владычино; *22* – Ибердус; *23* – Черная Гора; *24* – Панфилово; *25* – Легалин Бор; *26* – Волосово; *27*– Володары: *28* – Гавриловка; *29* – Холомониха; *30* – Стрелка I; *31* – Толстуха; *32* – Сокольское; *33–36* – Сахтыш I, II. VII, VIII; *37, 38* – Ивановская III, VII; *39* – Борань; *40* – Станок: *41* – Безводная; *42* – Удельно-Шумецкая; *43* – Майданская; *44* – Руткинская; *45* – Сумская; *46* – Обсерватория III; *47* – Токаревская; *48* – Ахмыловское II; *49* – Нодборице-Щербинская; *50* – Яндашево; *51* – Кубашево; *52, 53* – Выжумское I

Рис. 5.6. Распространение основных памятников волосовской культуры

1. *Эпоха неолита*. Один из наиболее ранних пластов топонимии Среднего Поочья должен быть связан с культурами эпохи неолита. Однако имеющиеся материалы (надо признать, достаточно скудные) по распространению в очерченном районе неолитических культур, в частности *льяловской, волосовской*, не позволяют сопоставить их ареалы с ареалами известных топонимических типов.

В Волго-Окском регионе с ареалом *льяловской* культуры, считающейся дофинно-угорской, соотносят гидронимы на *-ежма, -езьма, -ешма, -есьма* [Ардеев, 2002, с. 9-10]. В Среднем Поочье ареал топонимии данного типа не выявлен.

С ареалом *волосовской* культуры (Рис. 5.6), без разделения с генетически связанными культурами более поздних периодов (*текстильной керамики*), соотносят типы *-га, -ньга, -киша / -кса, -ма, -важ.* По нашим данным, перечисленные типы более сопоставимы с культурами раннего железного века. Тем не менее отметим, что памятники *волосовской* культуры приурочены к долинам рек с именами: ***Ока*** (5 памятников), ***Мокша*** (4 памятника), ***Вад*** (4 памятника), а также к району Клепиковского Поозерья (10 памятников) (Рис. 5.7).



1 - Коренец 1, 2 - Великодворье 1, 3 - Черная Гора, 4 - Владычинская-Береговая 1, 5 - Шагара 1, 6 - Шагара 2, 7 - Ушмор 1, 8 - Полушкино 3, 9 - Совка 2, 10 - Шильцева заводь 3, 11 - Большой Лес 2, 12 - Одоевские фермы 1, 13 - Папушево 8, 14 - Ибердус 2, 15 - Затонная, 16 - Лебяжий Бор 6, 17 - Мыс Доброй Надежды, городище, 18 - Мыс Доброй Надежды 5, 20 - Имерка 1-Б, 21 - Имерка II, 22 - Имерка III, 23 - Имерка X, 24 - Волгапино.

Рис. 5.7. Памятники волосовской культуры в Среднем Поочье

2. *Эпоха бронзы*. Значительный пласт древнейшей топонимии региона может быть связан с культурой *шнуровой керамики и боевых топоров* эпохи бронзы (II тысячелетие до н.э.). В Среднем Поочье она представлена региональными культурами: *фатьяновской, шагарской* (Рис. 5.8, 5.9). Названия крупнейших рек, которые должны были утвердиться первыми: ***Ока***, ***Гусь***, ***Мокша***, ***Вад***, ***Цна***, ***Пет*** – допускают объяснение на базе балтийских языков. Так, гидроним ***Ока*** сближают с лит. *aka* «источник» и названиями рек: прусс. *Akicz*, лит. *Akis*, *Akys*, латыш. *Ace, Aca*; ***Вад*** – с литовскими апеллятивами со значениями «луговой ручей», «болото» и гидронимами *Vãdas, Vadà*; ***Пет*** – с лит. *pietus* «южный» [Смолицкая, 2002, с. 243; Поспелов, 2002, с. 308; Откупщиков, 2004, с. 101]. Название реки ***Гусь*** возводят к **guž-/ *guz-*, сравнивая с лит. *gùžas* «аист»,

латыш. *Guza, Guzas* и под.; ***Мокша*** – к **mak- / *mok-*, представленном в литовских апеллятивах *maknùs* «топкий, жидкий», *makõnė = makõšė* «грязь», *mõkšė* «болото»; ***Цна*** – к балт. **Tъsna*, сравнивая с прус. *Tuseine* и др.-прус. *tusnan* «тихий» [Топоров, 1997 (1), с. 305-306; 1997 (2), с. 312; Откупщиков, 2004, с. 95]. Прабалтийский характер ряда апеллятивов древнейших окских топонимов указывают на возможность их образования в эпоху господства в этом районе *фатьяновской* культуры. Представителей культуры *шнуровой керамики* (*боевых топоров*) считают первыми «индоевропейцами» (доиндроевропейцами) на территории Средней Европы, представителей региональных вариантов этой культуры на востоке Средней Европы – предками протобалтославян.

Как показывает археологическая карта, памятники *фатьяновской* культуры густой сеткой покрывают всю территорию Среднеокского бассейна. Особое их сгущение наблюдается в бассейнах Прони, Пары и ее притока Пожвы, Цны и ее притоков Выши и Кермиси, в низовьях реки Гусь. Равномерен и плотен ареал в районе правобережных рек Вожа, Трубеж и левобережной Солотчи, а также в Клепиковском Поозерье.

С ареалом *фатьяновской* культуры сопоставим обширный и плотный ареал топонимов с балтийскими основами, а также районы локализации топонимов на *-ша* (***Выша***, ***Наша***, ***Лоша***), *-кша* (***Мокша***, ***Вокша***), *-на / -ня* (***Проня***), *-ва* (***Ранова***, ***Пожва***), *-ос*, *-ас (-ус)* (***Лукмос / Лукос***, ***Улас / Улус***), *-ра* (***Пара***), *-ма*, ? *-ца*. Часть названий данных типов трактуются как балтийские либо обнаруживают в составе балтийские элементы (корень, формант). С ареалом *шагарской* культуры совпадает ареал топонимов на *-ус*, основная часть которого находится в левобережном Поочье.

Другая региональная культура эпохи бронзы – *поздняковская* (сер. II тысячелетия до н.э.) – не находит надёжных сопоставлений с выявленными топонимическими ареалами. Сложность установления связей между ареалами заключается в том, что основной массив памятников поздняковцев приурочен к долине Оки, главной реки региона, а с ней территориально связаны и другие археологические ареалы. Следы *поздняковской* культуры обнаружены также в бассейнах рек Пра, Мокша, Цна, Пара, Ра-

нова, однако пока карта их распространения (в некоторых районах единичного) не даёт оснований для каких-либо предположений и выводов.

Поздняковскую культуру относят к срубной культурно-исторической общности. Если принимать во внимание существующую в науке гипотезу о связи племён этой общности с иранской группой индоевропейских языков, то актуальной становится проблема выявления в топонимии Средней Оки иранского пласта названий.

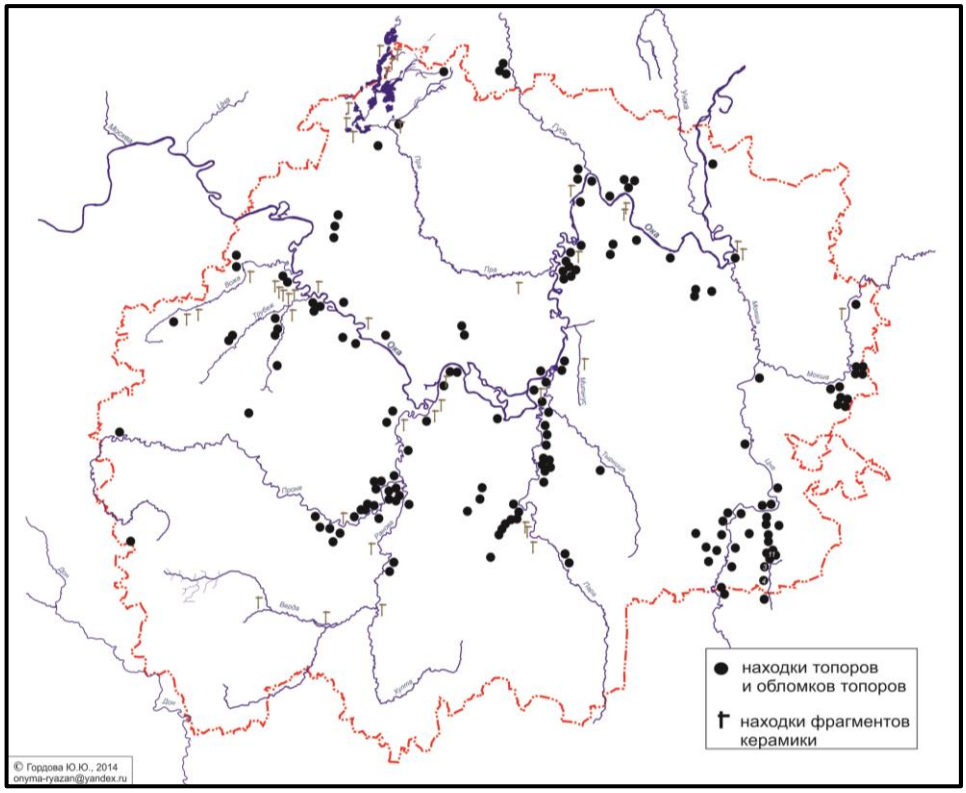
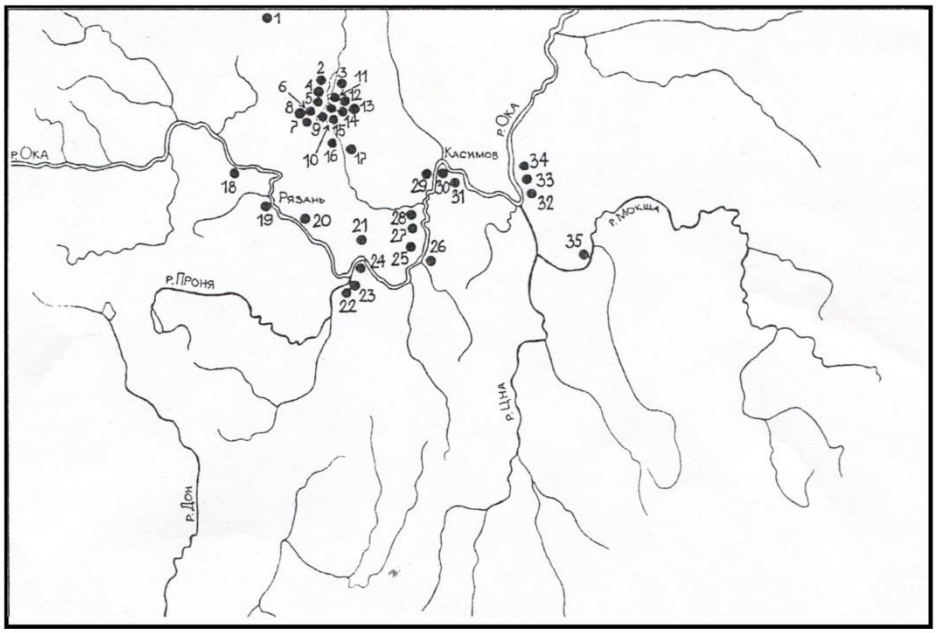


Рис. 5.8. Памятники фатьяновской культуры в Среднем Поочье

3. *Ранний железный век.* Следующий пласт в топонимической стратиграфии региона связан с *городецкой* культурой РЖВ, развившейся на базе культур *текстильной керамики* эпохи поздней бронзы. Городецкие памятники представлены в Среднем Поочье массово. Их ареал особенно плотен в долине Оки (от Мечи до Прони) и в южных районах области.

Северные районы входят в ареал родственной *дьяковской* культуры, которая имела распространение на территории совр. Московской, Тверской, Вологодской, Владимирской, Ярославской и Смоленской областей. Считается, что на основе *дьяковской* культуры сформировалась *меря*, на основе *городецкой* культуры –

мурома, мещера, мордва. Каждая этническая группа имела характерные черты в материальной культуре. По этим чертам (женские украшения, особенности погребального обряда, характер керамики) группы распознаются при современном археологическом исследовании[27].



1 - Воймежное 1, 2 - Коренец 1, 3 - Подсвятье 3, 4 - Великодворье 1, 5 - Беломутово 2, 6 - Черная Гора, 7 - Тюков Городок, 8 - Чебукино, 9 - Владычинская-Береговая 1, 10 - Ивановское охотхозяйство, 11 - Тюрвищи 3, 12 - Шагара 1, 13 - Шагарский могильник, 14 - Шагара 5, 15 - Шагара 3, 16 - Городской парк, 17 - Совка 2, 18 - Большой Лес 2, 19 - Борковская 2, 20 - Дубровичская 2, 21 - Городецкое городище, 22 - Засечье 3, 23 - Засеченский могильник, 24 - Северный мыс Старой Рязани, 25 - Одоевские фермы 1, 26 - Тырново 3, 27 - Городковичи 4, 28 - Папушево 9, 29 - Ибердус 1, 30 - Затонная, 31 - Последняя избушка, 32 - Сенин пчельник 1, 33 - Шентерский бор 2, 34 - Сунтриха, 35 - Кокуй.

Рис. 5.9. Памятники шагарской культуры в Среднем Поочье

Проведенное исследование позволило разделить топонимические типы *дьяковской* и *городецкой* культур, которые раньше давались в научной литературе

[27]Особенностью женских украшений *мери* являются: подвески-коньки, треугольные подвески, перстни с привесками, височные кольца с втулкой; особенностью погребального обряда – грунтовые могильники.

Особенностью женских украшений *муромы* являются: венчики и головные жгуты, «богато украшенные пояса с пряжками и боковым ремнем, обилие шумящих привесок»; особенностью погребального обряда – грунтовые могильники, северная или северо-западная ориентировка погребений, ритуальные захоронения коней; особенностью керамики – наличие лепной керамики.

Мещера опознаётся по шумящим пронизкам и подвескам арочного типа или в виде стилизованных двуглавых коней [Финно-угры и балты, 1987, с. 70, 81, 92].

Этнические определяющие признаки *мордвы*: (в женских украшениях) характерные головные уборы с шумящими трапециевидными и иными подвесками, височные привески с грузиком и спиралью, шейные и нагрудные украшения, зооморфные подвески-обереги в виде уточек, утиных лапок, коньков, пряжки с конскими головами, украшения обуви; (в ритуальных обрядах) грунтовые бескурганные могильники с северной (у *мордвы-эрзи*) или южной (у *мордвы-мокши*) ориентировкой [Финно-угры и балты, 1987, с. 101-102].

Характерными чертами *балтов* считаются: (в женских украшениях) подковообразные застёжки с завернутыми концами, браслеты со змееголовыми концами, арбалетные и крестовидные фибулы, умбоновидные привески, витые шейные гривны из трёх проволок, трёх- и шестилопастные височные привески; (в керамике) лощеная керамика; (в ритуальном обряде) восточная ориентировка захоронений [Финно-угры и балты, 1987, с. 93-94].

как типы, общие для культур текстильной керамики. Кроме того, по отношению к более поздним периодам (сер. I тысячелетия н.э. – нач. II тысячелетия н.э.) уже возможна идентификация отдельных типов с неславянскими народами, упоминаемыми в древнерусских летописях.

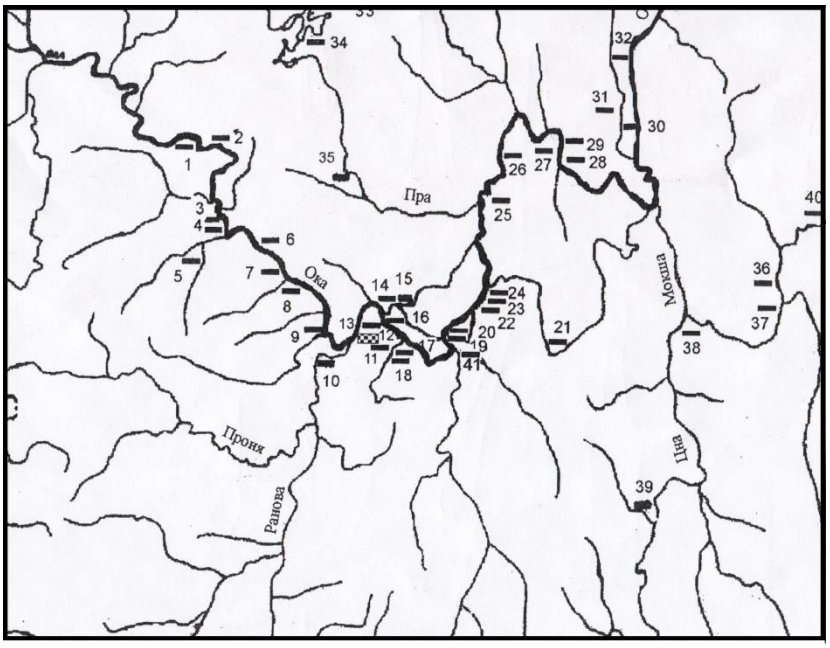
Городецкая культура (VII в. до н.э. – V в. н.э.). В топонимических исследованиях с ареалом городецкой культуры[28] связываются типы на *-ур, -ор, -шур, -шер.* Сами типы датируются перв. пол. I тысячелетия н.э. [Смолицкая, 2002, с. 105]. Однако сомневаться в этом заставляет тот факт, что в некоторых районах распространения *городецкой* культуры топонимы на *-ур, -ор* и под. не встречаются вовсе. Очевидно, типы с опорным элементом *-r-* следует отнести к более позднему времени (ко вт. пол. I тысячелетия), когда территориальная дифференциация этнических групп, развившихся на базе *городецкой* культуры, стала более четкой.

С ареалом *городецкой* культуры (Рис. 5.1) сопоставимы ареалы топонимов на *-ля, -ель* в бассейне Цны и Выши, а также *-ерха, -ерхи, -ерга* в нижнем течении Мокши, но тот факт, что в других «городецких» районах (например, в бассейне Прони), топонимы данного типа не встречаются, заставляет предполагать связь этих типов, так же, как и типов на *-ур, -ор* и под., скорее, с потомками городецкого населения. К топонимическим типам, которые встречались бы на всей территории распространения *городецкой* культуры, могут быть отнесены лишь отдельные типы на *-ша.* Другие типы, которые могли бы быть приписаны городецкому населению, возможно, не сохранились.

При сравнении археологических ареалов финно-угорского населения края перв. пол. I тысячелетия н.э. и топонимических ареалов финно-угорской интерпретации видно, что они не совпадают. Ареал гидронимии во многих случаях оказывается сдвинутым относительно района локализации памятников *городецкой* культуры (наглядный пример – район реки Мостьи). Очевидно, это связано с вынужденным перемещением потомков *городецкого* населения на соседние, менее плодородные земли в связи с появлением славян.

[28] В топонимических работах: «ареал ранних мордовских могильников», «ареал рязанских финнов».

Культура рязано-окских могильников (I-II в. н.э. – VII в. н.э.). Культура известна только в Среднем Поочье. Её ареал занимает территорию от устья Москвы-реки до города Касимова и приурочен к течению Оки, преимущественно правобережному (Рис. 5.10). Культура принадлежала населению разноплеменного состава: финно-угорскому (мещере или мордве) и балтийскому [Седов, 1997, с. 79], а значит, существовала в условиях двуязычия. Исчезновение рязано-окских могильников относят к VII в. По всей видимости, к этому времени пришедшее с верхней Оки балтское население окончательно растворилось среди местных жителей, однако ему удалось оставить след на топонимической карте региона.



1 - Вакинский, 2- Кузьминский, 3 - Фефеловский, 4 - Борковской, 5 - Дашковский, 6 - Дубровичский, 7 - Кораблинский, 8 - Гавердовский, 9 - Троице-Пеленицкий, 10 - Заречье IV, 11 - Еремеевский, 12 - Никитинский, 13 - Шатрищенский, 14 - Киструсский, 15 - Дегтяновский, 16 - Облачинский, 17 - Бортниковский, 18 - Дуброво-Срезневский, 19 - Кулаковский, 20 - Ундрих, 21 - Мелеховское погребение, 22 - Тереховский, 23 - Тырновский, 24 - Тырновский 2, 25 - Куземкинский, 26 - Курманский, 27 - Бабенское местонахождение, 28 - Поповский, 29 - Старо-Посадский, 30 - Мишуковский, 31 - Фоминский, 32 - Михайловский, 33 - Глушицкий, 34 - 2-й Шагарский, 35 - Деулинский, 36 - Кокуй, 37 - Старокадомский, 38 - Кошибеевский, 39 - Польно-Ялтуновский, 40 - Шокшинский, 41 - Борок 2. Могильник Никитино залит в стиле «шахматной доски».

Рис. 5. 10. Памятники культуры рязано-окских могильников

С ареалом культуры *рязано-окских могильников* (а именно с группой образующей её балтов) могут быть соотнесены топонимические ареалы на *-ца, -цы*, *-еж, -аш, -яж*, локализующиеся в центральной и северо-западной части региона и трактующиеся как балтские, а также та область ареала топонимов с балтийскими основами, которая идёт вдоль долины Оки от Вожи до Тырницы.

С той же культурой, но с другими этническими группами, образующими её, могут быть соотнесены ареалы типов на *-ур, -ор (-ар), -ер* в северо-восточной части территории: ареал на *-ур* – с мещерой, ареал на *-ор (-ар), -ер* – с мордвой в последний период культуры *рязано-окских могильников* (V – VII вв. н.э.).

Мурома. Ареал муромы очерчивается по археологическим памятникам следующих типов: грунтовые могильники, селища, городища, клады, ритуальные захоронения коней. Он занимает небольшой участок левобережья Оки между Ушной, Унжой и Клязьмой. Основная часть ареала находится вне картографируемой территории и захватывает лишь узкий район рязанского Поочья – междуречье Оки и Унжи. Это обстоятельство в совокупности с тем фактом, что язык муромы не реконструирован, не позволили выявить принадлежавшие этой этнической группе топонимы и топонимические типы. Вызывает сомнение и утверждение, встречающееся в академическом труде «Финно-угры и балты в эпоху средневековья» (со ссылкой на исследование А.И. Попова) о многочисленности топонимических и гидронимических данных, якобы связанных с муромой (примеры топонимов не приводятся) [Финно-угры и балты, 1987, с. 81]. В ходе нашего исследования выявить пласт достоверной муромской топонимии не удалось.

Также не нашла подтверждения версия о связи ареала муромских могильников с ареалом топонимии на *-ус* [Смолицкая, 2002, с. 148]. Рязанский ареал данного типа находится в левобережной части Поочья, он тянется от устья Кишни на юго-западе до истока Унжи на северо-востоке. На этом участке памятники, связанные с муромой, не обнаружены. Хотя следует признать, что археологически северо-восток области изучен слабо.

В связи с тем, что тип на *-ус* не может быть признан муромским, единственным достоверным топонимическим свидетельством пребывания муромы в рязанском Поочье является топоним ***Муромка*** (п.п. р. Унжа), фиксирующий южную границу памятников муромской культуры VI – XI вв. н.э.

В границах рязанского участка муромского ареала находятся типы на *-ур* и *-ма*. Возможно, эти типы имеют отношение к муроме, однако для таких выводов не хватает лингвистических данных.

Меря. Мерянские поселения датируются VI– XI вв. Археологические исследования уверенно говорят о смешанном этническом составе некоторых из них, а именно о наличии балтийского компонента, а позднее славянского [Финно-угры и балты, 1987, с. 68].

Топонимы, которые приписываются мере, а также мерянские топоосновы, распространённые в основном анклаве мери (согласно исследованиям А.К. Матвеева, А.И. Попова, А.Л. Шилова) [Матвеев, 1970, 1997; Шилов, 1997], в рязанском Поочье не обнаружены. Типы, которые считают мерянскими (в частности, на *-ма, -га*), скорее всего, были общими для нескольких племенных групп, занимавших соседние территории.

Мещера. Археологически ареал мещеры определяется в общих чертах междуречьем Клязьмы, Москвы и Средней Оки (Мещёрская низменность) [Финно-угры и балты, 1987, с. 92]. Точные границы ареала неизвестны ввиду малочисленности открытых памятников, но в общем они совпадают (во всяком случае в левобережном Поочье) с границами, которые очерчиваются по средневековым поселениям так называемой *Мещёрской стороны*.

В этом районе находятся два обширных топонимических ареала: на *-ур, -ма*. Оба типа могут быть соотнесены с племенем *мещеры* и датированы вт. пол. I тысячелетия н.э. – нач. II тысячелетия н.э. Судя по топонимической карте, на территории мещеры проживали и балты.

Мордва. Археологически ареал *мордвы* определяется междуречьем Оки, Волги, Цны, Суры и Алатыря (Рис. 5.3). В рязанском Поочье – мордва (преимущественно мокша) проживала в районе рек Мокша и Цна. С их ареалом могут быть соотнесены топонимические типы на *-ляй, -лей, -га*, *-мас,* а также (с известной долей вероятности): *-ор, -ар, -ер, -ис, -ля, -ель*. Формирование типов можно отнести ко вт. пол. I тысячелетия н.э.– нач. II тысячелетия н.э. и более позднему времени.

Ареальные данные ставят под сомнение предполагавшуюся ранее связь с мордовским населением топонимов на *-ур.*

Таким образом, наибольшей плотностью и локальностью характеризуются ареалы топонимических типов, связанные с народами, проживавшими в рязанском Поочье в период раннего железного века. Археологические материалы по более поздним периодам уже не позволяют соотносить конкретные топонимические

ареалы с неславянскими народами, так как начиная со II тысячелетия н.э. наблюдается смешение их материальной культуры с культурой пришедших на Оку славян.

Культуры Озёрной Мещёры. Этот район представляет исключительный научный интерес: здесь сосредоточены не только топонимы (как минимум) 12 типов, но и археологические памятники культур разных эпох: неолита (культуры *имерская* – 6 пам., *волосовская* – 10 пам.), бронзы (культуры *фатьяновская* – 9 пам., *шагарская* – 17 пам.[29]), раннего железного века и последующих периодов, уже связанных со славянами. Лингвистическая карта Озёрной Мещеры является ярким примером наслоения субстратной топонимии разных типов и разных хронологических слоев.

Неизвестная культура Среднего Поочья. Эта неизвестная культура, по лингвистическим данным, должна была принадлежать балтоязычному населению. В случае её установления с ней могли бы быть соотнесены топонимические типы на *-ва, -ня / -на, -ье / -ья, -ша, -дь / -да*, ареалы которых находятся в юго-западной части региона, топонимы с балтийскими основами того же района, а также ряд типов других районов области (*-ус, -ца, -цы, -еж, -аш, -яж, -ушь* и т.д.). Предполагаемое время существования культуры и складывания топонимических ареалов – посл. четв. I тысячелетия н.э. вплоть до появления в регионе славянской культуры.

Ввиду гипотетичности этой культуры и, в общем, нерешённости проблемы балтов Среднего Поочья эпохи раннего железного века названия с балтийскими элементами в нашем исследовании сравниваются с ареалами тех культур, существование которых на сегодняшний день научно доказано. При получении новых данных топонимическая стратиграфия региона может быть скорректирована.

Выводы Главы 5

1. На основании типологического анализа выявлено более 30 типов неславянской топонимии Среднего Поочья. В ходе картографирования определены ареалы этих типов, описаны особенности их распределения по территории обла-

[29] Данные на 2017 год.

сти. На основании результатов этимологических исследований представлена возможная интерпретация картографируемых типов. В ходе сопоставления ареалов выявлены факты их влияния друг на друга, а также дана ареальная характеристика основных топонимических районов Рязанской области. В ходе совмещения топонимических ареалов с археологическими установлена возможная принадлежность отдельных ономастических типов известным материальным культурам древности, время формирования топонимических ареалов, а также проверены выдвинутые ранее гипотезы о связях структурных типов и исторических культур.

2. Изучение топонимов на *-ур, -ор, -ар* (*-мар*), *-ер*, *-ма* показало, что ареалы этих типов приурочены к северо-восточной части рязанского Поочья. Самые значительные ареалы образуют топонимы на *-ур, -ма*. Названия всех типов относятся преимущественно к сельским поселениям и небольшим природным объектам: озёрам, болотам, мелким притокам.

Топонимы на *-ор, -ар* и *-ур* близки не только в структурном отношении, но также и территориально, эти типы рассмотрены как родственные и синхронные. Этимология названий, а также археологические данные говорят о возможной принадлежности этих типов народам финно-угорской языковой семьи. В составе некоторых названий присутствуют балтийские элементы. Формирование ареалов отнесено ко вт. пол. I тысячелетия н.э. и связано с последним периодом существования культуры рязано-окских могильников – периодом существования самостоятельных племенных групп мещеры, мордвы.

3. Топонимы на *-га, -ля, -лей, -ляй* образуют компактные ареалы, приуроченные (преимущественно) к восточной части области и тяготеющие к течениям рек Цна и Мокша. Топонимы с исходом *-ель, -ра (-ара)* рассредоточены по территории области, не образуя ареалов. Лингвистические данные подтверждают принадлежность типов на *-га, -лей, -ляй* народам финно-угорской языковой семьи. В составе названий на *-ель, -ля*, *-ра (-ара)* обнаружены балтийские элементы, однако в целом данные типы остаются малоизученными, этимология многих названий не раскрыта.

4. Топонимы на *-ша* образуют четыре зоны компактного размещения в левобережной и правобережной частях Среднего Поочья. Совмещение с ареалами

археологических культур не подтвердило связи названий с городецкой культурой и их традиционной интерпретации как финно-угорских (раннемордовских). Сомневаться в этом заставляет и этимология отдельных названий, в составе которых обнаружены балтийские элементы.

5. Топонимия на *-ус* имеет самый большой ареал. Области распространения названий данного типа на участке от Кишни до Пры и в бассейне Пры могут быть соотнесены с балтоязычным населением Средней Оки I тысячелетия н.э. или их предками эпохи бронзы, оставившими культуры шнуровой керамики (фатьяновскую, шагарскую). Формирование областей с топонимией на *-ас (-яс)* в центральной, восточной и юго-восточной части Среднего Поочья отнесено ко вт. пол. I тысячелетия н.э. и связано с диалектными подгруппами одной этнической группы (предположительно мордвы).

6. Выявлен большой пласт топонимии балтийского происхождения: ***Аза***, ***Аксень***, ***Аленка***, ***Вожа***, ***Гусь***, ***Дриска***, ***Казино***, ***Картын***, ***Лапоток***, ***Меча***, ***Обалы***, ***Оболонское***, ***Пальная***, ***Рев / Рева***, ***Селенское***, ***Солотча*** (***Солотша***), ***Табола***, ***Хупта*** (***Упта***), ***Цна***, ***Чечера*** и др. Балтийское объяснение предложено и для значительной части названий с формантами *-ва, -ня / -на, -ье / -ья, -ша*, *-дь / -да*, *-ус, -ца, -цы*, *-еж, -аш, -яж, -ушь*. Установлено, что наиболее обширный ареал балтизмов находится в юго-западной части Среднего Поочья, включающей в себя всю территорию бассейна Прони (центральная, южная и западная часть ареала), район левобережной Пары, вплоть до её впадения в Оку (восточная часть ареала), бассейн реки Вожи, а также небольшой участок на левобережье Оки (северная часть ареала). Полученные данные существенно расширяют в восточном направлении границы общего балтийского ареала на территории Центральной России.

7. В целом совмещение данных топонимики и археологии позволило получить большой объем новой и важной информации, касающейся возможных сценариев формирования топонимического пространства Среднего Поочья в дославянский период. Существенно отодвинут в глубь веков начальный этап его истории. Складывание основной гидронимической сетки на рязанской территории отнесено к эпохе бронзы и, с большой вероятностью, к региональным культурам

шнуровой керамики и боевых топоров, а формирование основных ареалов северо-восточной части рязанского Поочья, наоборот, к более позднему времени: ко вт. пол. I тысячелетия н.э. – нач. II тысячелетия н.э.

8. Совмещение данных топонимики и археологии показало, что в ряде случаев лингвистическим (топонимическим) данным принадлежит определяющая роль в вопросе этнокультурной атрибуции населения отдельных районов. Прежде всего тех районов, которые слабо изучены в археологическом отношении (или не изучены вовсе). Топонимические данные как единственное свидетельство языковой принадлежности проживавшего здесь в прошлом населения важны и в случаях, когда интерпретация имеющегося археологического материала спорная или неполная. Так, ареалы топонимии балтийского типа в Среднем Поочье, при отсутствии археологических данных, прямо указывают на то, что в бассейне Прони, Цны, Мокши, на левобережье Оки, в Мещере, массово проживало балтийское население. В итоге, межнаучная интеграция всегда оказывается полезной для обеих наук, так как даёт новые материалы для реконструкции языковой и этнической истории или для рождения новых гипотез.

9. Результаты ареального изучения субстратной топонимии Среднего Поочья интегрированы в реконструируемую ономастическую картину региона. Однако для многих топонимических типов еще не найдено лингвистического объяснения и связей с археологическими культурами, что предполагает продолжение изучения этих типов и продолжение работы по межнаучной интеграции. Новые факты помогут уточнить ономастическую ситуацию в районе Средней Оки в древности.

Глава 6

Реконструкция ономастического процесса и ономастических состояний древнейших периодов в Среднем (рязанском) Поочье

Изучение письменных и иных типов источников, применение различных приемов и методов позволили получить сведения, необходимые для реконструкции ономастической ситуации в регионе древнейших периодов: доисторического и раннего письменного (до периода массового появления памятников письменности, относящихся к исследуемому региону).

Реконструкция включает в себя выделение основных этапов формирования ономастики региона, описание наиболее важных процессов и явлений, связанных с функционированием имен собственных, восстановление архаичного фонда ономастической и апеллятивной лексики, топооснов и топоформантов, ономастических моделей, выявление совокупности объектов номинации у разных культур и степени топонимической освоенности территории на разных этапах развития.

Описание ономастики наиболее древних периодов (каменный и бронзовый век) носит во многом гипотетический характер и опирается преимущественно на данные археологии, сведения ономастики об именных традициях кочевых народов древности и этимологию отдельных названий. Реконструкция более поздних периодов (железный век от раннего до средневекового) основана на данных древнерусских памятников письменности, результатах этимологического анализа названий исторического фонда рассматриваемой территории, данных картографического, ареального методов, метода совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений, разнообразных приемов, которые были применены в ходе исследования, а также внелингвистических данных: сведениях археологии, истории, этнографии, географии, которые использовались для дополнения и корреляции лингвистических материалов.

В совокупности все перечисленные материалы позволили составить схематичное – по отношению к самым ранним эпохам – и относительно целостное – по отношению к эпохам более поздним – представление об ономастической ситуации, складывавшейся в регионе в разные исторические периоды.

6.1. Ономастика самых ранних периодов

Наиболее ранние этапы, связанные со временем первого появления в центре Восточно-Европейской равнины человека (около 30-35 тысяч лет до н.э.), остаются недоступными для изучения. Нам ничего неизвестно об ономастических традициях первобытнообщинного строя. Мы не можем сказать, имели ли географические объекты того времени какие-либо названия, так как ничего не знаем или знаем крайне мало о нематериальной, в том числе языковой, культуре древних насельников Поочья.

Мы может лишь предполагать, что какие-то специальные словесные обозначения древние люди использовали для временных мест своего обитания – стоянок, а также для мест охоты, являвшейся для них основным занятием в условиях холодного климата. Вероятно, в это время уже существовали личные имена, необходимые для общения внутри общины.

В период *позднего палеолита* была заселена лишь южная часть Правобережного Поочья, а само население было малочисленным. В эпоху *мезолита* больше осваивается территория Окско-Донской равнины, долины Цны, Мокши, но плотность населения остается низкой. Небольшие коллективы древних охотников и рыболовов часто перемещаются, места их остановок по-прежнему носят временный характер.

В условиях формирования этнических общностей, состоящих из отдельных племен и групп, каждая из групп могла иметь особое имя, выделявшее её в данном сообществе. Общее имя, очевидно, было и у всего рода или племени. При сохранявшемся подвижном образе жизни разные группы одного сообщества в течение относительно длительного времени занимали более или менее определенную

территорию и перемещались по ней вслед за сезоном в поисках дичи, рыбы, корма скоту. В такой ситуации земли данной группы или рода ассоциировались с групповым или родовым именем, что обеспечивало четкое распределение территории между разными этническими обществами. Объектами номинации в это время могли быть: реки, пастбища, места стабильных уловов и другие природные объекты, игравшие важную роль в обеспечении жизни коллектива[30]. И только в связи с постепенным переходом к оседлому образу жизни – в эпоху *неолита и бронзы* – объектами, требующими выделения посредством имени, становятся поселения. В отличие от стоянок, это были уже места относительно постоянного проживания, они располагались обязательно по берегам рек и имели примитивную систему укреплений.

Уже с древнейших времен отдельные участки территории привлекали особое внимание человека, именно их выбирали люди разных эпох для своей жизни, здесь закладывали поселения, обзаводились хозяйством, осваивали в соответствии со своими нуждами близлежащую территорию. Новое население, появлявшееся в данном районе спустя столетия, обращало внимание на те же места. Всё это приводило к образованию напластований культур разных эпох на сравнительно небольшой территории, а иногда и в границах одного поселения, что и обнаруживается при современных археологических раскопках. В Среднем Поочье к местам, обладающим особой притягательностью для человека, относится, прежде всего, район Мещёрского Поозерья, а также долины крупнейших рек региона – Оки, Мокши, Цны.

Можно предположить, что районы сосредоточения археологических памятников каменного (*мезолит, неолит*) и бронзового веков (до II тысячелетия до н.э.) были наиболее рано освоены и в топонимическом отношении. Топонимический ландшафт Поочья в эти периоды был мозаичным, поскольку довольно пестрой была и картина расселения здесь различных групп, особенно после переме-

[30] Данная реконструкция принимает во внимание известные именные традиции народов, издревле ведущих кочевой образ жизни, в частности, традиции тюркских народы Крыма. Эти традиции подробно описаны А.В. Суперанской, З.Г. Исаевой, Х.Ф. Исхаковой [Суперанская и др., 1997, с. 35-36]. Культуры Средней Оки отличались большой мозаичностью и непродолжительностью.

щения в этот район новых племен в эпоху бронзы (в том числе из лесостепного Подонья).

Очевидно, что значительная часть древнейшего топонимического ландшафта была стёрта в ходе дальнейшей смены населения, происходившей постоянно. Тем не менее, В.В. Седов с эпохами *мезолита* и *неолита* связывает появление названий рек на *-ежма, -езьма, -ешма, -есьма* на территории пребывания племён, входивших в общность культур *ямочно-гребенчатой керамики* [Седов, 1972, с. 3-4]. В Среднем Поочье названия указанных топонимических типов не выявлены.

К наиболее древним топонимам региона относится гидроним ***Ока*** – название крупнейшего притока Волги и центральной реки изучаемой территории. Условия появления гидронима и его языковая принадлежность остаются дискуссионными. По одной версии, название могло появиться в ходе расселения культур уральско-камских племен в кон. III – нач. II тысячелетия до н.э.; на их основе в регионе сложилась *волосовская* культура, связываемая с носителями финно-угорских языков: ср. ф.-у. **joka,* эст. *jõgi*, саам. *jokka* «река», мар. *йогаш* «течь». География гидронима, включающая в себя район Белого моря, бассейн Уфы и даже Восточную Сибирь, возможно, отражает историческое движение древних племен из Зауралья в центр и на север Восточно-Европейской равнины [Поспелов, 2002, с. 308]. По другой версии, гидроним ***Ока*** оставлен племенами культуры *шнуровой керамики и боевых топоров* эпохи *бронзы*, которых одни исследователи считают доиндоевропейцами [Седов, 1997, с. 72], другие – прабалтами [Гимбутас, 2004, с. 60-74], а именно представителями региональных вариантов этой культуры в Поочье – *фатьяновской, шагарской*: ср. лит. *aka* «источник», гидронимы: прусс. *Akicz*, лит. *Akis, Akys*, латыш. *Ace, Aca*.

Во времена *фатьяновской* культуры свои названия могли получить крупнейшие притоки Оки: ***Гусь***, ***Мокша***, ***Цна***, ***Пара***, ***Вад***, ***Парца***, ***Юз[га]***, ***Вяж[га]***, притоки Цны ***Выша, Кермись***; приток Пары ***Пожва***. Долины этих рек были хорошо обжиты. Фатьяновцами могли быть оставлены также отдельные названия на *-ма* (***Клязьма***, ***Вязьма***).

Таким образом, основы гидронимической сети Оки в среднем её течении могли быть заложены уже в эпоху бронзы, во II тысячелетии до н.э. Образовавшие ее названия составляют наиболее архаичную часть окской гидронимии. Гидронимическая основа территории была воспринята последующими культурами, что позволило древнейшим топонимам сохраниться в том или ином виде до наших дней.

Объектами именования у фатьяновцев, помимо рек, были небольшие поселения, пастбища (основным занятием населения было скотоводство), традиционные места охоты, рыбалки, бортничества.

Ономастика самобытной *позднякoвской* культуры, сложившейся в Поочье в сер. II тысячелетия до н.э., включала названия небольших родовых поселений, а также курганных некрополей и мест совершения обрядов (святилищ). Именные обозначения могли иметь поля, пастбища (основными занятиями населения были земледелие и скотоводство), а также традиционные места охоты и рыбалки. Корпус топонимов, который мог быть оставлен поздняковцами, не выявлен.

Говоря о древнейшей ономастике, нельзя не отметить, что особое место в ней занимала зоонимия. Очевидно, она была развита уже со времен неолита, так как скотоводство являлось одним из основных занятий древних племен. Благодаря археологическим исследованиям установлено, что и в эпоху неолита, и в эпоху бронзы люди держали в хозяйстве овец, коз, лошадей; у фатьяновцев основным животным была свинья.

В системе зоонимов особое место могли занимать клички собак. Собака была известна всем культурам Поочья со времен неолита: она жила рядом с человеком и была его помощником в хозяйстве и в охоте [АКР, 1, с. 17]. Скелеты собак обнаружены в древнейших погребениях Средней Оки, в частности в грунтовом могильнике Шагара 1 эпохи неолита, бронзы, что говорит о важной роли собаки в жизни человека и о большой вероятности наличия у нее уже в то время индивидуального именования.

На сетку названий бронзового века позднее наложились названия племен *городецкой* культуры и их потомков. Племена *городецкой* культуры[31], заселившие бóльшую часть территории Поочья в сер. I тысячелетия до н.э. – сер. I тысячелетия н.э., дали имена менее значительным притокам Оки в среднем её течении. На карте района ими оставлены названия на *-ша* (отдельные типы), *-ля, -ель, -ерха, -ерхи, -ерга*. Но многие городецкие топонимы не сохранились, так как были перекрыты более поздними топонимическими слоями. Об этом говорят исторические районы массового проживания городецкого населения, не обнаруживающие сегодня следов гидронимии финно-угорского типа (например, бассейн Прони).

Помимо рек, объектами номинации у представителей *городецкой* культуры были урочища, пойменные долины, овраги. Урочища и пойменные долины служили пастбищами и имели особое значение в жизни людей, главным занятием которых было скотоводство. Овраги играли определяющую роль при выборе мест для основания поселений.

Названия поселений были двух видов: «городские» и «сельские». Важно, что такое разделение впервые появляется в Поочье именно у городецкого населения, градостроительная система которого включала как укрепленные, так и незащищеные (небольшие сельские) поселения.

«Городецкая» ойконимия железного века района Средней Оки насчитывала не менее 100 (по некоторым данным 150) названий городов. Значительная их часть имела более чем тысячелетнюю историю. Ойконимы тяготели друг к другу, так как поселения закладывались группами – по 2–3 города на отрезке. Предположительно названия каждого района образовывались по одной модели и были однотипными (так как поселения основывались семьями одного рода).

Система собственных имён *городецкой* культуры также включала в себя хорошо развитую подсистему кличек животных, поскольку жизнь населения была тесно связана с животным миром: в хозяйстве держали собак, лошадей, крупный рогатый скот, свиней. Таким образом, «городецкая» ономастика включала гидронимы, оронимы, хоронимы, «городские» и «сельские» ойконимы, зоонимы.

[31] По научному представлению, предки финно-угорских народов Западного Поволжья. Исконное название неизвестно.

6.2. Финно-угорская топонимия I тысячелетия н.э.

Потомки *городецкой* культуры сохранили основную территорию своего проживания, основные черты уклада жизни и некоторые элементы ономастической системы своих предков, включая субстратную топонимию бронзового века (гидронимическую сеть). Позднее, из ранних памятников письменности станут известны названия этих народов: *мещера, меря, мурома, мордва* (на рязанской территории), а благодаря археологическим исследованиям – и зоны их проживания: левобережное Поочье у *мещеры*, течение Оки, бассейны Цны и Мокши у *мордвы*, главным образом *мокши*.

Топонимия древней мордвы рязанского Поочья. К формантным типам древнемордовской топонимии могут быть отнесены топонимы с исходом: *-лей, -ляй, -мас, -га,* с известной долей вероятности топонимы с исходом: *-ор, -ар (-мар), -ер, -ерга, -орга, -ерха (-ерхи), -ля, -ель, -ра (-ара),* некоторые топонимы с исходом *-ша, -кша* (для которых предложены и иные версии языковой принадлежности).

Древнемордовский корпус топонимов Рязанского Поочья включал названия: ***Кужлей, Липлей, Милей, Разлей, Тумлей, Каркалей, Козлей, Козумлей, Леплей, Водоляй, Имляй, Кашеляй, Ошляй, Санкеляй, Северляй, Кужля, Ниверга, Пищерга, Шаморга, Нерхи, Перехи, Тюмерха, Котер, Ливер, Мингерь, Сивер, Сивцер*** и мн. др. (полный список топонимов представлен в Таблице 1 Приложения Г).

Объектами номинации у древнего мордовского населения были небольшие реки, озера, овраги, укрепленные поселения (города), сельские поселения.

Особенностью «сельской» ойконимии являлось гнездовое расположение: небольшие поселки закладывались группами, в каждом из них жили несколько семей одного рода. Этот факт дает основание предполагать однотипность названий у поселений внутри «гнезда». Из особенностей «городской» ойконимии следует отметить локализацию вдали от больших рек, в верховьях оврагов.

Топонимия древней мордвы рязанского Поочья включала в себя традиционные классы гидронимов, оронимов, хоронимов, «городских» и «сельских» ойко-

нимов. Помимо этого, в корпусе топонимов отмечена значительная группа лимнонимов (названий озёр).

Основной род занятий населения – земледелие, скотоводство и особенно коневодство – указывает на развитость зоонимии. Корпус зоонимов мог включать индивидуальные наименования для лошадей, крупного рогатого скота и прочей живности (в хозяйстве держали коров, овец, свиней, домашнюю птицу). Поскольку древняя мордва рязанского Поочья имело конное войско, особое место в системе зоонимов очевидно, занимали клички коней, используемых в военных целях.

Формирование древнемордовской ономастической системы в регионе, по результатам проведенного исследования, относится ко вт. пол. I тысячелетия н.э. – нач. II тысячелетия н.э. и более позднему времени.

Топонимические системы мери, муромы и *мещеры рязанского Поочья*. Гораздо меньший вклад в топонимию региона внесли другие волжско-финские народы: *меря*, *мурома* и *мещера*. Границы их расселения доходили до рязанского Поочья, но сам район не являлся основной территорией проживания этих народов. О мерянской, муромской и мещёрской топонимии (и ономастике в целом) нам известно немного, но всё же можно отметить некоторые её особенности.

Топонимическое пространство *муромы* охватывало небольшой район северо-восточной части рязанской территории. Его южную границу очерчивает гидроним ***Муромка*** (п.п. Унжи). Топонимические типы, которые могут быть соотнесены с *муромой*, не выявлены. Судя по топонимической карте, территориально к зоне ее проживания близки ареалы названий с формантами *-ур, -ма.*

Основными объектами номинации муромы (среди рукотворных объектов) были сельские поселения. Укрепленные города возводились крайне редко, так как основную роль защиты населения выполняли густые непроходимые леса.

В системе зоонимов важное место, так же, как и у рязанской мордвы, занимали клички лошадей, так как лошади были особо почитаемы муромой. Об этом говорят найденные в ходе археологических раскопок ритуальные захоронения коней и погребения людей с конями – стойкая многовековая традиция этого народа [Финно-угры и балты, 1987, с. 82, 85].

Меря, сформировавшаяся на основе *дьяковской* культуры, состояла из нескольких групп родственных племен. Они жили на большом расстоянии друг от друга, в окружении безлюдных пространств, занятых дремучими лесами и непроходимыми болотами [Финно-угры и балты, 1987, с. 70].

Небольшими племенными группами мерянского населения, осевших в северных районах Рязанской Мещёры, могли быть оставлены названия на *-га (-ыга, -ега*), *-ма*. Однако, как установлено, эти типы были общими для нескольких племенных групп, занимавших соседние территории. Некоторые названия с исходом *-ма* (***Лашма, Вярсма, Вязьма, Клязьма***) получают объяснение на базе балтийских языков (по одной из версий), в связи с чем было предложено несколько сценариев, по одному из которых данные названия могли дастаться мерянскому населению в наследство от предыдущего населения.

Маркером границ распространения мерянской топонимии в рассматриваемом регионе служит этнотопоним ***Чудино*** (название озера в правобережной части Поочья, восточнее Старой Рязани), появившийся уже во времена славян (*чудь* – русское позднее наименование мери, упоминаемое в летописях с XI века). Предположительное время формирования мерянской топонимии в рязанском Поочье – вт. пол. I – нач. II тысячелетия н.э.

Основу ойконимии составляли названия сельских поселений, так как именно этот тип поселений был преобладающим у мери. В систему называемых объектов входили также: укрепленные поселения родовых общин, реки и водоемы, на берегу которых закладывались поселки.

Особенностью топонимической карты северных районов Рязанской Мещёры являлось расположение ойконимов по «гнездовому» принципу: в центре «гнезда» находился главный родовой город, вокруг него – небольшие семейные поселения, а между «гнездами» – огромные незаселенные пространства.

Немаловажно, что по такому же принципу была организована территория в других районах проживания мери, в частности близ так называемого *Сарского городища. Сарское городище* (условное наименование) являлось племенным центром одной из родовых групп мери. Оно располагалось в излучине реки Сара,

южнее озера Неро (современная Ярославская область), его окружали несколько небольших поселений [Финно-угры и балты, 1987, с. 70]. Город (его истинное название неизвестно) существовал в VII – нач. XI в., то есть в тот же исторический период, что и мерянские поселения в Рязанской Мещёре. Однотипность организации территории у мери Средней Оки и Верхней Волги говорит о тенденциозности описанного «гнездового» принципа размещения ойконимов на топонимической карте.

Что касается антропонимических традиций мери, то предполагается наличие общего имени у отдельных семей (один дом – одна семья), у отдельных родовых групп – общин (одно поселенческое «гнездо» – одна община), а также у групп родственных племен, занимавших разные районы Поволжья.

Об ономастических традициях немногочисленного народа *мещеры* известно крайне мало. С районом их проживания связаны названия на *-ур* и *-ма*, возможно, *-ра (-ара)*. Время появления мещёрских названий на карте региона – вт. пол. I – нач. II тысячелетия н.э. Топонимическая система мещеры тесно соприкасалась с топонимической системой балтов, также проживавших в районе мещерских лесов.

Таблица топонимических элементов финно-угорских народов Среднего (рязанского) Поочья дана в Приложении Г (Том 2). В ней представлены топоформанты и топоосновы, а также топонимы каждого структурного типа, сохранившиеся на территории современной Рязанской области, приведены топонимы других регионов России, предполагаемая семантика элементов в финно-угорских языках, а также иные версии объяснения морфем со ссылками на исследования.

6.3. Балтийская топонимия I тысячелетия н.э.

В начале I тысячелетия н.э., а именно в период: I-II вв. – VII-VIII вв., в регионе формируется новая топонимическая система – балтийских племен, пришедших с района Верхней Оки. Среднее Поочье становится самой поздней по времени освоения и самой крайней на востоке зоной распространения балтийской куль-

туры, охватившей, судя по лингвистическим и археологическим материалам, территорию от Поднепровья до Поочья (включительно).

По мнению В.Н. Топорова, территория Средней Оки заняла периферийное положение в максимальном гидронимическом ареале; балтийская топонимическая система, сложившаяся здесь, отразила «этнодемографический «взрыв», приведший к «распространению гидронимии единого типа на больших пространствах» и «в довольно сжатые сроки» [БЯ, 2006, с. 18].

Балтийская топонимия накрыла территорию Среднего Поочья мощным пластом. Безусловно, здесь она соприкоснулась с топонимической системой местного населения (принадлежащего к *городецкой* культуре, сложившейся еще в VII в. до н.э.). Ввиду мирного характера межэтнических отношений новые названия не вытесняли старые, а добавлялись к общему корпусу, детализируя уже частично сложившуюся топонимическую карту региона. Новое население селилось на свободных землях и именовало объекты, которые, скорее всего, не использовались коренными жителями, а потому не имели у них особых именований, что могло быть связано с разным укладом жизни соседствующих народов: основное население занималось животноводством, охотой, бортничеством, а новое население (балты) – подсечным земледелием и ремёслами.

По одному из возможных сценариев, балтийские названия нанизывались на древнейшие прабалтийские (эпохи шнуровой керамики и боевых топоров), относящиеся к наиболее крупным рекам региона: (современные формы гидронимов) ***Гусь***, ***Мокша***, ***Цна***, ***Пара***, ***Вад***, ***Юз[га]***, ***Вяж[га]*** и др., воспринятые в свое время носителями *городецкой* культуры. В начале н.э. балтийская гидронимия распространилась на средние и самые мелкие притоки, в отдельных районах не оставив без имени ни одного водного объекта, что говорит о сплошной освоенности территории балтами. Процесс освоения новых земель продолжался довольно долго, даже тогда, когда в Поочье уже стали появляться первые славянские племена, то есть во вт. пол. – кон. I тысячелетия н.э. Это может объяснять тот факт, что смежные и равновеликие притоки Оки носят как балтийские, так и славянские названия (примеры приводятся ниже).

Современная топонимическая карта региона показывает зоны распространения культуры древних балтов. Самым значительным районом сосредоточения балтийской топонимии являются юго-западная и западная части Среднего Поочья, представляющие собой единый непрерывный ареал. Этот ареал включает бассейны следующих рек:

- район Прони, неразрывно связанный с верхнедонским бассейном и доходящий до правобережной части соседней Пары. Здесь особое сгущение балтийской гидронимии наблюдается вдоль течения реки Мостьи (***Аксень, Казино, Картын, Куприно, Лукос, Мостья*** и т.д.), в верховьях пронской Верды (***Верда, Казинка, Рев***) (центральный, южный и западный отделы единого непрерывного ареала);

- район Верхнего Дона и прилегающая к нему территория окско-донского междуречья. Названия ***Дриска*** (2), ***Тобола Сухая*** и ***Мокрая*** ведут к верхнедонскому району сгущения балтийской топонимии, включающей в себя гидронимы *Смолка, Деготенка, Скороденка, Сосна, Кастора, Верейка, Ведуга, Лопайка, Скобенка, Плавица* и др.

- район левобережной Пары, вплоть до её впадения в Оку (***Ибредь, Ибреда, Верда, Уда, Казин[ка]***) (восточный отдел единого непрерывного ареала);

- бассейн реки Вожи, а также небольшой участок на левобережье Оки (***Аблово, Вожа, Меча, Солотча*** и др.) (северный отдел единого непрерывного ареала).

Обособленные районы балтийской гидронимии вне данного ареала обнаруживаются в верхне-среднем течении Цны (л.п. Мокши) и на левом берегу Оки (в центральной части региона). В районах, которые характеризуются плотным сгущением и разнообразием финно-угорских топонимических типов (северо-восток, восток и юго-восток области), отмечаются «островки» балтизмов.

Такая зональность отражает особенности распределения населения двух культур: плотное заселение угро-финнов в районе рек Мокша, Цна, Гусь (по всей видимости, здесь балтийская гидронимия была вынуждена вклиниваться в сложившуюся топонимическую систему), и в то же время свободные или малообжитые земли в районе Прони, активно освоенные и плотно заселенные балтийским населением (этот район балтийская гидронимия накрывает сплошной сеткой).

«Брызги» балтийской топонимии наблюдаются в районе Клепиковского Поозерья (район многообразия языковых и структурных топонимических типов), в низовьях р. Гусь, что говорит о смешанном составе населения Мещёрского края.

Северо-западная река Цна, протекающая уже в границах Московской области, очевидно, показывает границы балтийского ареала, который охватывает бассейн р. Москвы и смежные с ним районы (предельная восточная граница балтийской топонимии в Центральной России, согласно исследованиям В.Н. Топорова [БЯ, 2006, с. 18]).

Балты Средней Оки I тысячелетия н.э. могут быть соотнесены только с археологической культурой *рязано-окских могильников* (как одна из групп, входящих в эту культуру). Но памятники этой культуры известны лишь вдоль течения Оки. О балтах других районов исследуемой территории ничего не известно, как неизвестно ничего и о балтах после VII в., когда культура *рязано-окских могильников* прекратила существование.

Тем не менее, балтийская топонимия в регионе, судя по отдельным маркерам, не была однородной и, скорее всего, принадлежала разным группам. В правобережном Поочье, включающем южные и юго-восточные окраины окского бассейна, встречается топонимия так называемого «галиндского» типа: ***Упа, Чичера, Картын*** [БЯ, 2006, с. 22]**.** Подобные названия известны еще в двух регионах: на территории «исторической» Галиндии [БЯ, 2002, с. 22] и на Верхней Оке в районе Протвы. Бассейн Протвы (л.п. Оки) занимает территорию совр. Московской и Калужской областей. Из этого района балты I тысячелетия (соотносимые с *мощинской* археологической культурой) могли прийти на Среднюю Оку и, поселившись рядом с местным населением, образовать культуру *рязано-окских могильников*. В гидронимии Средней Оки балтийские топоосновы фиксируются в названиях правобережных рек ***Чечерка, Упта (Хупта), Картын, Карталейка*** (см.: Сводная карта VIII).

В левобережной части Средней Оки, в Мещёре, локально жили группы балтийского племени куршей (др.-р. *Кърсь, Корсь*). С этнонимом (предположительно) связано название одного из крупнейших притоков бассейна реки Гусь ***Курша***.

Относительная хронология развития типов говорит о появлении гидронима после становления типа на *-ма* и утверждения названий местных рек ***Гусь, Нарма, Тума***.

Западная и юго-западная части территории могли быть связаны с группой восточных балтов, соотносимых с *верхнеокской* археологической культурой (территория совр. Орловской и Тульской областей). В зоне распространения этой культуры также известен гидроним ***Упа*** (название п.п. Оки первого порядка). О связи с группами восточных балтов говорит и большое число соответствий гидронимов Среднего Поочья именно гидронимии современной Литвы.

Объектами номинации у балтов, как и у большинства исторических народов Поочья, были реки, озера, болота, поселения. Стоит выделить и еще один, особый тип объектов – культовые сооружения, а именно языческие святилища. Они находились рядом с городами и представляли собой круговые жертвенники, в которых разводились ритуальные костры, в центре жертвенника располагался столб – идол. Такие святилища были характерны для балтийской части населения культуры *рязано-окских могильников* до VII в. н.э. [АКР, I, 1993, с. 200].

По формальным признакам топонимическая система балтов включала несколько структурных типов названий: с регулярными финальными элементами *-ус (-ùs, -us), -ас / -яс (-as), ос (-os), -ис (-is), -ья (-ijà), -ок- (-ok-), -ша (из -š-), -на / -ня (из -in-)*. К ней также могут быть отнесены типы на *-ма, -шь, -жь (-аж, -яж, -еш* и под.), *-дь (-ть), -да, -ель, -ва, -ца, -цы*: корневая часть многих названий указанных типов находит объяснение на базе балтийских языков, форманты же могут быть как исконными балтийскими, так и суперстратными, то есть являться средством освоения балтийских названий носителями других языков.

По результатам этимологического анализа, наследием балтийской топонимической системы в современной топонимии Рязанской области являются названия (топоосновы названий) рек, озер и иных водных объектов: ***Аблово, Аза***, ***Аксень***, ***Аленка***, ***Вад, Вача*** (***Вячка***), ***Вожа*** (2), ***Вяжга, Галина, Гусь***, ***Дриска*** (2), ***Казинка*** (2), ***Казино***, ***Картын***, ***Ковяжное, Лапоток***, ***Лаше, Меча*** (2), ***Обалы, Оболенки, Оболонское*** (оз.), ***Пальная***, ***Пет***, ***Рев, Рева***, ***Ревяка***, ***Селенское, Свина, Солотча*** (***Солотша***), ***Табола*** (Сухая, Мокрая), ***Уда, Хупта*** (***Упта***), ***Цна*** (2), ***Че-***

чера, Чичерлейка, Шиндра; поселений ***Аблово***, ***Аксень***, ***Аленка***, ***Казинка***, ***Клетки***, ***Клетино, Ково, Ковяжи, Куприно, Оболенки, Солотча*** (***Солотша***), ***Шилово***; топонимы с формантами *-ос, -ус (-чус), -ис, -ас:* ***Луктос*** (2), ***Лукос*** (***Лукмос***) (2); ***Деркус***, ***Киструс, Мильчус, Свинчус, Тынус***; ***Кермись, Пилис***; ***Петас, Толас, Улас***; топонимы с формантами *-ва, -да, -на, -ня, -ца, -ья*: ***Молва; Верда; Локня, Полотебна*** (Сухая, Мокрая), ***Ушина; Парца; Велья (Велемья), Мостья;*** некоторые топонимы с финалями *-ма, -ша, -шь, -еж, -аж, -ля*: ***Вязьма, Вярсма***, ***Кязьма, Лашма***; ***Ваша, Выша, Лоша, Моша, Вобша (Вобща), Ворша, Ламша, Перша, Шомша; Лакаш, Шумашь, Ураж; Кевля, Пурля.***

Семантика гидронимов, получивших более или менее надёжное объяснение, связана с прямым обозначением водного объекта: «вода», «источник», «текущая вода», «река» (***Аленка, Ранова, Уда, Упта***), либо с его характеристикой. В частности, в названиях отражены следующие особенности рек (озер, болот):

- форма русла, рельеф местности (***Локня*** «река, делающая резкий поворот»[32], ***Купр[ино]*** «река у холма», ***Лукос*** «река, текущая по ровной открытой местности, полю», ***Вад*** «луговой ручей», ***Ламша*** «низина»);

- протяженность, удаленность, положение в пространстве (***Толас*** «далёкое, длинное (об озере)», ***Пет, Петас*** «южная»);

- тип истока или русла (***Лашма*** «река, вытекающая из озера», ***Перша*** «река, берущая начало в месте многочисленного выхода родников», ***Деркус*** «пролив, протока»; ***Вача, Вач[кас], Ураж*** «старое русло реки»);

- скорость течения (***Меча*** «река с быстрым, стремительным течением», ***Тынус*** «река со спокойным течением», ***Цна*** «спокойная»);

- характер дна (***Улас*** «каменистая», ***Молва*** «глинистая», ***Рев, Рева*** «река с порогами»);

- характер водной поверхности (***Верда, Ворша, Табола*** «кипящая», «бурлящая», ***Вобша*** (***Вобща***) «(переносно) говорливая»).

[32] Здесь и далее дается наиболее общее (упрощенное) толкование топонимов. Предполагаемые апеллятивы и спектр их значений приведены в сводной Таблице 2 Приложения Г (Том 2).

- заболоченность (***Вад, Мокша, Пальная, Полотебна*** «заболоченная река»; ***Лакаш*** «большое заросшее кустарником болото»; ***Мостья*** «топкая, вязкая»);

- температура воды (***Киструс*** «горячий»; ***Ушна*** «холодная»; ***Аксень*** «незамерзающая»);

- характер флоры и фауны, в том числе прибрежной (***Аблово, Обалы, Оболонское, Оболенки*** «поросшая яблонями»; ***Вяж[га]*** «богатая раками»; ***Гусь*** «обитаемая аистами»; ***Кермись*** «река, местность со змеями, ужами»; ***Лоша, Лаше*** «богатая лососем», ***Шомша*** «богатая сомами», ***Пилис, Пилис[ма]*** «обитаемая утками», ***Пурля*** «поросшая калужницей», ***Чечера, Чичер[лейка]*** «протекающая рядом с гороховым полем», ***Шил[ово]*** «протекающая по сосновому лесу», ***Шиндра*** «поросшая болотным растением *šindra*);

- использование в хозяйственной деятельности (***Парца*** «переправа»; ***Вожа*** «везущая; используемая для перевозок, сплавов», ***Аза*** «используемая для вымачивания соломы овса»).

Отмечены также названия, восходящие к антропонимам (***Мильчус, Велья, Велемья***).

Топонимы и структурные элементы названий балтийской топонимической системы рязанского Поочья – топоосновы и топоформанты – представлены в сводной Таблице 2 (Приложение Г, Том 2).

Апеллятивы, лежащие в основе названий, позволяют делать выводы о том, какая природа окружала балтийское население и на какие именно природные особенности Среднего Поочья как постоянного места своего обитания оно обращало внимание. Исходя из того, что в названии отражалась самая яркая особенность объекта, выделявшая его на фоне других объектов, можно заключить, что балты проживали на равнинной местности, покрытой большими лесными массивами. Безлесные пространства были заняты полями, лугами. На фоне преимущественно равнинного рельефа выделились возвышенности, холмы и низинные места. Отдельные районы Поочья (восток области и территория окско-донского междуречья) отличались заболоченностью.

Балтам были знакомы понятия «река», «озеро», «родник», «старица», «проток». Реки в большинстве своем были равнинного типа, с плавной линией русла и спокойным течением. На их фоне выделились реки, резко меняющие направление своего течения, реки со стремительным течением, реки с каменистым дном, порогами. Водным объектам, текущим в основном по лесистой местности, противопоставлялись реки, текущие по открытым пространствам (полям, лугам); рекам с песчаным дном – глинистые реки; рекам, берущим начало из родника, реки, вытекающие из озер и из мест многочисленного выхода родников в разломных зонах.

Водотоки отдельных районов были сильно заболочены. Эту особенность, как правило, отражали названия нескольких соседних рек, на это же указывали и гидронимы, связанные с наименованиями болотных растений. Озёра были преимущественно небольшого размера. На их фоне выделялись большие озера удлиненной, вытянутой формы.

В реках водились лосось, сом, раки. Некоторые места славились обилием уток, аистов, другие – обилием змей, ужей. Из окружающей фауны в топонимах сохранены номены «сосна», «яблоня», «горох», «овес», «калужница».

Реки использовались в хозяйственной деятельности, в частности для сплава (спуска грузов по течению). Также в реках вымачивали солому, которая, очевидно, шла на изготовление домашней утвари: половиков, корзин, коробов для хранения зерна, муки, припасов, корма скоту, а также ритуальных (обрядовых) предметов, связанных с зерном и урожаем, и детских игрушек. Судя по названию реки ***Аза*** (имеющей соответствия в гидронимии других регионов: моск. ***Яуза*** (***Ауза, Аузя***), лтш. ***Aûzes, Aûzas, Auzene***), балты использовали солому овса, которая отличается своей эластичностью, позволяющей изготавливать из нее различные гибкие детали, в том числе и мелкие. Красивый золотистый цвет, который приобретает солома овса после вымачивания и высушивания, делал ее и прекрасным декоративным материалам.

Признаки, отраженные в названиях I тысячелетия, сохранились у некоторых объектов до наших дней (характерный пример: озеро ***Лакаш***, объясняемое через балтийский апеллятив со значением «большое заросшее кустарником болото», ко-

торое соответствует и современному виду озера). Часть балтийских названий продублирована более поздними русскими топонимами: ***Аблово, Оболенки, Обалы*** (из **Abol-*) – ***Яблонево, Яблонка***; ***Стабенка*** (др.-пр. *stabis* «камень») – ***Брусена, Брусенка*** (**brus* «камень»), ***Каменка, Каменищевский,*** смежные реки в микробассейне р. Хупты (Упты) [Смолицкая ГБО, 1976, с. 183].

Хорошая сохранность гидронимии балтийского типа говорит о том, что она была воспринята другими народами Поочья, проживавшими в регионе в то же время и в последующие периоды. В их системе она претерпела закономерные фонетические и структурные изменения, которые выразились, прежде всего, в формантном дооформлении субстратных названий: ***Пилис*** – ***Пилисма, Картын*** – ***Катрляй, Карталей, Карталейка, Ален-*** – ***Алелей, Алелейка, Лукос*** – ***Лукмос, Верда*** – ***Верделей, Верделейка, Чичера*** – ***Чичерлей, Чичерлейка***. Исконные балтийские топоосновы, без позднейших формантов, обнаруживаются при сопоставлении известных рязанских гидронимов с гидронимами других регионов, в частности, ***Вяж*** (окск.) – ***Вяжга*** (ряз.); ***Юза*** (приток Унжи, район Верхней Волги, волог.) – ***Юзга*** (ряз.).

Ареалы балтийской топонимии перемежаются с районами распространения финно-угорской топонимии почти повсеместно в северной, восточной и юго-восточной частях современной Рязанской области, что указывает на долговременное совместное проживание балтов и финнов.

Во вт. пол. I – нач. II тысячелетия н.э. определенная часть балтийской гидронимии была воспринята мордовской топонимической системой. По мнению Ю.В. Откупщикова, одной из причин этого, является хорошая восприимчивость, проницаемость мордовского языка к иноязычным влияниям; подтверждением служит большое число заимствований в мордовском языке (из балтийских языков, позднее русского), мифологии, фольклоре, в народных обрядах (в частности, исследователями описаны признаки балтийского влияния на свадебный обряд мордвы) [Откупщиков, 2004, с. 109]. Народный костюм мордвы также обнаруживает элементы, сходные с типичными балтскими украшениями, в частности, в нем

присутствуют характерные для балтов шейные гривны, венчики, некоторые виды браслетов, перстней [Седов, 1997, с. 79].

Сами балты, проживавшие в Среднем Поочье, по всей видимости, постепенно растворились среди других народов. Во всяком случае, после VII в. их культура в Среднем Поочье по археологическим признакам не обнаруживается. Следует отметить, что балты оказали мощнейшее влияние на топонимический ландшафт региона: благодаря им, были освоены новые участки территории, свои постоянные названия получили реки второго и третьего порядка, на карте региона проявилась ярко выраженная зональность, часть балтийских названий вошла в качестве субстрата в топонимические системы финно-угорских народов и славян.

По историческим данным, во вт. пол. I тысячелетия н.э. в южные районы Поочья проникали отдельные группы ираноязычного населения, ведущего кочевой или полукочевой образ жизни. Однако иранский пласт в топонимии Средней Оки пока не выявлен. Возможно, это связано с укладом жизни кочевников, исключающим длительное пребывание на определенной территории, и, как следствие, слабой ролью этого этноса в общей демографической картине региона во времена раннего железного века. Топонимические следы этих народов могли быть стерты новой и мощной волной переселенцев.

6.4. Славянская (русская) ономастика IX-XV вв.

6.4.1. Этапы формирования славянского ономастического пространства

Следующий этап в истории ономастики региона связан с появлением в районе Средней Оки в IX-X вв. славянского населения и началом формирования славянского (русского) ономастического пространства. В его истории выделяется несколько ключевых этапов:

1) IX—X вв. – появление в районе Средней Оки первых славянских топонимов;

2) XI в. – спад ономастической активности на фоне общего спада в освоении территории; утрата многих ранних названий;

3) XII — перв. пол. XIII в. – активизация ономастических процессов; появление большого числа древнерусских названий; формирование местных черт в ономастике региона, складывание основных ареалов древнерусской топонимии в регионе;

4) вт. пол. XIII — нач. XIV в. – период стагнации, последовавшей вслед за разорением региона и сожжения Рязани в 1237 г.;

5) XIV — XV в. – оживление ономастических процессов.

Этап 1. На первом этапе, в IX—X вв. (а возможно, даже и ранее), в районе Средней Оки появляются первые славянские названия. Они относились к поселениям сельского типа, небольшим по размеру, площадью не более 2 км^2, возникшим на месте первых торговых поселений славян в этом регионе.

Районы локализации топонимов первого этапа освоения территории: 1) устье реки Трубеж (район близ совр. Рязани) – около 30 поселений; 2) течение р. Вожа; 3) южная часть бассейна реки Проня – 2 поселения (близ совр. сел Александрово, Валкуша).

Названия самых ранних славянских поселений не сохранились: прекратили существования сами поселения, и места, где они находились, долгое время оставались заброшенными, что исключало возможность именной преемственности. Тем не менее, важен сам факт появления первых славянских элементов на рассматриваемой территории. На основании полученных в ходе исследования данных можно утверждать, что топонимическое пространство первых веков славянского освоения Среднего Поочья включало примерно 100 ойконимов. Среди них были названия, относящиеся не только к мелким, но и достаточно крупным поселениям (они известны сегодня под условными наименованиями *Дураковское, Войнюковское*). Названия располагались группами и тяготели друг к другу.

Часть славянских поселений возникла на месте более древних, дославянских, поселений, уже прекративших существование к моменту славянского расселения. Но можно с уверенностью говорить о том, что славяне контактировали с местным населением, и именно оно стало для них проводником географических

названий. Отметим, что районы локализации ранних славянских поселений находятся в ареале распространения балтийской гидронимии.

Этап 2. В XI в. формирование славянской ономастической системы в регионе замедляется, названия многих поселений переходят в пассивный фонд. Происходит это на фоне общего спада освоения территории и резкого сокращения славянского населения вследствие тяжелой политической и военной ситуации, сложившейся в регионе из-за княжеских междоусобиц и постоянных нападений внешних врагов.

Вместе с тем, именно к XI веку относится появление топонима ***Рязань*** – он упоминается в русских летописях в записях под 1095 г. Имя принадлежало первоначальному городу до конца XIV в., затем было перенесено на другое поселение. В течение нескольких столетий топоним был (и остается до сих пор) главным географическим именем региона.

Приблизительно в тот же период вокруг Рязани формируется небольшая группа сельских ойконимов, включающая названия не менее шести поселений, в том числе ***Исады***, ***Усторонь***. Получают названия и небольшие речки, протекающие рядом с новым городом: ****Серебрянь***, ***Марицань***. Таким образом, округа Рязани начала активно осваиваться еще в XI в.

В XI – перв. пол. XII в. в верхнем течении Оки (исторически рязанском) закладываются 14 славянских поселений сельского типа: 8 – вдоль течения р. Осетр, 5 – вдоль течения р. Смедва, 1 – на месте будущего Ростиславля, на берегу Оки. Названия этих поселений также неизвестны, так как почти все они прекратили существование уже в XII в.

Территория Среднего Поочья именуется в летописях этого периода ***Вятичи*** («земля вятичей»). Помимо вятичей, в XI веке в регионе оседает племенная группа кривичей, пришедшая из Смоленского и Полоцкого княжеств. Кривичская топонимия получает распространение в северной части области – рязанской Мещере.

Этап 3. В XII в. происходит небывалый всплеск ономастической активности. В период расцвета Рязанского княжества (вт. пол. XII – перв. пол. XIII в.) появляется огромное количество новых топонимов, складываются основные ареалы

древнерусской топонимии, расширяются границы ее распространения в восточном и южном направлениях, в ономастике региона формируются местные черты.

В XII в. массовый поток переселенцев из Южной Руси приносит с собой названия ***Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Дунай, Вышгород,*** воссоздающих топонимический ландшафт южного Переяславля.

На топонимической карте региона в 1130-1180-е годы появляются названия городов: ***Проньск*** (1131 г.), ***Колтеск*** (1146 г.), ***Нерилск*** (***Нериньск***) (1147 г.), ***Тешилов*** (1147 г.), ***Воин*** (1147 г.), ***Казарь*** (1147 г.), ***Ростиславль*** (1153 г.), ***Бельград*** (***град Бел***) (1155 г.), ***Коломна*** (по арх. данным, сер. XII в.), ***Новый городок Ольгов*** (по арх. данным, кон. XII в.), ***Борисов Глебов*** (1180 г.), ***Опаков*** (1188 г.). К перв. пол. XIII в. относится появление топонимов ***Ужеск*** (1207 г.), ***Ижеславец*** (1237 г.).

Изменяется статус топонима ***Рязань,*** – по значимости он становится в один ряд с названиями крупнейших городов своего времени: ***Киев, Чернигов, Владимир, Новгород*** [Чернецов, 2005, с. 30].

Названия сельских поселений, как и прежде, располагаются группами («гнездами»), в локальных местах. Такими местами являются, в частности, район Рязани (Спасская Лука), течение Вожи, Рановы, район Темгенево.

Особенно интенсивно осваивается топонимическое пространство в районе Спасской Луки. Сложившаяся здесь группа топонимов включает 2 названия города (помимо ***Рязани***, ***Новый городок Ольгов***), около 30 названий сельских поселений (в том числе ***Добрый Сот*** (письм. упом. 1207 г.), ***Студенец***), ряд гидронимов (***Студенец, Ряса***). Названия крупнейших поселений (как минимум трех известных сегодня как археологических памятников) приурочены к берегу Оки, названия небольших поселений – к берегам многочисленных ручьев этого района.

Активно формируется группа ойконимов вокруг города ***Ростиславля*** – она включает названия не менее 32 сельских поселений.

Аналогичным образом развивается топонимическое пространство в других регионах, осваиваемых в этот период славянами. В частности, в Суздальской земле в период активизации славянской колонизации, который датируется XI – перв. пол. XIII в., отмечается бурный рост количества поселений и исключительно вы-

сокая для Северо-Восточной и Северо-Западной Руси плотность сельского населения, при которой на каждые 2 км^2 в хорошо освоенных районах приходилось в среднем по одному поселению [Макаров, Леонтьев, Шполянский, 2005, с. 210, 213].

Кардинальным образом меняется топонимическая ситуация в пограничных районах рязанской территории, прежде всего южных (Окско-Донское междуречье и Подонье). Во вт. пол. XII – перв. пол. XIII в., в связи с нормализацией отношений с половцами, сюда устремляется массовый поток нового населения. В результате к концу периода топонимия южной окраины включает уже около 100 ойконимов: 91 название сельских поселений и 7 названий городов[33]. Топонимы, как и в центральной части территории, располагаются группами, вдоль течения рек. К топонимам, возникшим в это время, могут быть отнесены названия поселений: ***Пехлец, Жерновище, Княжое, Григорьевское*** (рубеж XII–XIII вв.), ***Толпин*** (вт. пол. XII в.), ***Симеон*** (XIII в.).

Изменение ситуации на южных рубежах княжества повлекло за собой и расширение границ славянского топонимического пространства: в начале XII в. появляются первые названия в верховьях Дона: ***Кир Михаилов, Дубок, Елец***. Уже в 1148 г. становится известен хороним ***Червленый Яр*** (наименование части степи в бассейне Хопра, которая также считалась территорией Рязанского княжества), а в 1207 г. хороним ***Половецкое поле***.

Появляются первые славянские поселения и в восточных районах, занятых неславянскими народами Поочья. В 1202 г. в летописях впервые упоминается ойконим ***Кадом*** (1202) – название города в низовьях Мокши, связанное с финно-угорским названием озера [Смолицкая, 2002, с. 136].

Таким образом, в период XII — перв. пол. XIII в. славянское топонимическое пространство в Среднем Поочье включало в себя в общей сложности не менее 20 названий городов и не менее 150 названий сельских поселений.

Четко прослеживающиеся ареальные связи отдельных названий позволяют говорить о том, что во многом характер регионального ономастикона еще опре-

[33] Основано на данных Н.А. Тропина, Д.А. Иванова, И.Ю. Стрикалова, В.П. Челяпова [Тропин, 2005, с. 247; Иванов, Стрикалов, Челяпов, 2005, с. 356 (источник указан в сноске на с. 271)].

деляют ономастические традиции территорий более раннего расселения славян.

В XII в. в рязанской ойконимии актуальны отантропонимические названия на *-гощь* (*-гоще, -гоща*), *-славль, -неж* и т.д (***Переяславль***, ***Ростиславль***), в XII – нач. XIII в. – отантропонимические названия на *-ов* (*-ово, -ова*), *-ев* (*-ево, -ева*), *-ин* (*-ино, -ина*) (***Кир Михаилов, Олгов***); названия с поселищным термином *город* (*град, городок*) (***Белград***); названия, связанные со смежным гидронимом (***Коломна, Студенец, Пехлец***), в последней группе особенно продуктивны модели названий городов с формантом *-ьск* (***Пронеск***, по реке ***Проня***; ***Нериньск***, по реке ***Нерль*** и т.д.).

В XII-XIII вв. в ономастике региона появляется новая группа – экклезионимы. Именно с этим периодом связаны первые письменные упоминания христианских храмов Рязанской земли. Среди них: церковь *святых мучеников Бориса и Глеба* (*Борисоглебская*) (по археологическим данным, возведена в сер. XII в., в письменных источниках упоминается в записях конца века), церковь *Успения пресвятой Богородицы* (*Успенская*) (по археологическим данным, возведена в перв. пол. XII в., в письменных источниках впервые упоминается при описании событий 1237 г.), церковь *святого Спаса* (*Спасская*) (по археологическим данным, возведена в перв. трети XIII в., в источниках упоминается в сер. XIII в)[34]. В конце XII века по всей Руси наблюдается массовое строительство храмов в честь братьев-мучеников *Бориса* и *Глеба*, убитых в ходе княжеских междоусобиц. С их именами связано не только название одной из самых ранних церквей Рязанской земли – *Борисоглебской* (находилась в столице княжества), но и название города ***Борисов Глебов***, известного со вт. пол. XII в.

Повсеместно на территории Руси происходит территориальное закрепление населения, которое приводит «к образованию новых территориальных единиц – земель и княжеств»; «на смену старым (племенным) названиям жителей приходят новые, территориальные: вместо словене – новгородцы, вместо поляне – кыяне… и т.д.» [РЯ, 2003, с. 168-169]. Именно к XII в. относится первое летописное упоминание *Рязанского вел. княжества* как наименования самостоятельной террито-

[34] Используются данные из исследования Л.А. Беляева [Беляев, 2005, с. 142-144].

рии. Жители княжества всё чаще называются в летописях *рязанцы*, вместо прежнего *вятичи*. В нач. XIII в. появляются и такие обозначения жителей княжества, как *рязанские* и *рязанские люди*.

После территориального закрепления населения, обретения постоянных именных обозначений для территории и жителей, в ономастике региона начинают формироваться специфические черты: собственная апеллятивная база топонимии (в том числе местные географические термины), предпочтительные тенденции в выборе имен для новых объектов.

Важным представляется синхронность этих процессов в духовной и материальной культуре рязанцев. В частности, в тот же период, а именно в нач. XIII в., появляются региональные черты в изготовлении и украшении рязанской глиняной посуды (керамике), отличающие ее от глиняной посуды других русских регионов [Стрикалов, 2006].

Этап 4. Во вт. пол. XIII — нач. XIV в. ономастика региона переживает период стагнации. Главными причинами этого стали резкое ухудшение военно-политической ситуации, регулярные и опустошительные нападения внешних врагов, полное сожжение в 1237 году стольного города Рязани.

Топонимическая карта региона претерпевает существенные изменения. Происходит резкое сокращение общего числа ойконимов и их перераспределение внутри ключевых топонимических районов, в связи с тем, что многие поселения были разорены и прекратили существование (в частности, ***Ижеславль***), население ушло в леса и более безопасные районы.

Снова меняется статус топонима ***Рязань***. Он продолжает функционировать, так как, являясь главным именем княжества, не может перейти в пассивный именной фонд, но самого денотата – то есть города, к которому относится имя, – фактически не существует: на городском пепелище теплится жизнь лишь на нескольких дворах. Само поселение называется в летописях ***«Рязань старая на Оце»*** [Воскресенская летопись, Свод лет. Ряз., с. 220-221].

Несмотря на исчезновение Рязани как города, названия сельских поселений в ее округе сохраняются, район остается хорошо освоенным в топонимическом

плане и даже продолжает развиваться. В частности, появляется группа сельских ойконимов близ ***Нового городка Ольгова***. Перераспределение названий проявляется в том, что топонимы концентрируются теперь только вдоль крупных рек, названия, привязанные ранее к мелким ручьям, исчезают. Меняется взаиморасположение элементов внутри отдельных групп ойконимов: теперь центром группы становится название наиболее крупного села, вокруг него формируется цепь названий небольших выселков и починков. Такой рисунок района Спасской Луки, сложившийся в XIV в., сохраняется на топонимической карте довольно долго, вплоть до XVII-XVIII вв[35].

Исчезает ряд названий в бассейне Вожи: многие обжитые места здесь были заброшены к перв. пол. XIII в. Их названия не сохранились в местном топонимическом ландшафте; в частности, до сих пор неизвестно, как назывались крупнейшие комплексы поселений этого района *Войнюковский* и *Дураковский*, функционирование которых было возобновлено после почти столетнего перерыва – в XII-XIII вв.

В то же время значительными темпами развивается топонимия вокруг города ***Переяславля***. Именно сюда устремляется поток населения из опасных районов княжества, и прежде всего с его окраин. В нач. XIV в. в памятниках письменности появляются первые записи, в которых город называется ***Переяславлем Рязанским***.

Топонимическая карта южных окраин изменяется следующим образом. С одной стороны, здесь наблюдается полное запустение некоторых участков, с другой стороны, увеличивается число ойконимов в верховьях Прони и в Верхнем Подонье – в районах, покрытых густыми непроходимыми лесами, позволяющими укрываться от вражеских набегов. Во вт. пол. XIII – перв. пол. XIV в. топонимия рязанского пограничья включала не менее 125 сельских ойконимов, часть из них относилась к достаточно крупным поселениям[36].

Следует отметить, что такое перераспределение освоенных и неосвоенных участков на топонимической карте было характерно для всех земель, граничив-

[35] Реконструкция основана на данных И. Стрикалова, полученных в ходе археологического обследования этого района [Стрикалов, 2005 (1), с. 227].

[36] Реконструкция основана на данных Н.А. Тропина [Тропин, 2005, с. 250].

ших с южными степями, и не характерно для других русских земель. В частности, Северо-Восточные земли Руси сохраняли стабильность топонимической сети на протяжении всего древнерусского периода, включая и периоды интенсивных войн: здесь продолжали функционировать многие поселения, заложенные в X-XII вв., почти в неизменном виде сохранялись основные районы расселения [Макаров и др., 2005, с. 210, 214].

Этап 5. В XIV — XV вв. происходит небольшое оживление ономастических процессов. Появляются новые ойконимы и экклезионимы, складываются новые традиции в именовании поселений, и вместе с тем исчезает большая группа топонимов, особенно на южной окраине, вследствие запустения территории. Расширяются границы распространения русской топонимии в восточном направлении, и в то же время сжимаются ее южные границы.

В этот период становятся известными ойконимы: ***Крим ханский, Бобруеск, Венев, Вердерев, Дубечин, Зареческ, Корнике, Крилатеск, Ломихвост, Михаилов, Микитин (на Плаве), Новгородок (на Осетре), Остромеринское, Перевитеск, Рослаль Польскыи, Свинеск, Торческ, Урюпеск, Шилов, Шипино*** (по данным памятников письменности XIV — XV вв.). По археологическим данным, восемь новых поселений возникает в XV в.

Вместе с тем, в пассивный ономастический фонд переходят названия крупнейших городов Рязанского княжества: ***Ольгов, Борисов Глебов, Воин*** (прекратил существование во вт. пол. XIV в.), ***Городец Мещерский*** (разрушен в 70-х гг. XIV в.), так как жизнь на этих поселениях замерла [АКР, 1, с. 36].

Со вт. пол. XIV в. вследствие постоянных войн происходит постепенное запустение южной окраины территории – Верхнего Подонья и междуречья Прони и Рановы, а к нач. XV в. – почти полное ее запустение. Полностью уничтожены города ***Кир Михаилов, Дубок*** [АКР, I, с. 36]. Топоним ***Кир Михаилов*** в XIV в. становится названием урочища. Об этом сообщается в записях путешествия митрополита Пимена 1389 г. из Москвы в Царьград: «В Пятницу мы приехали к урочищу Кир-Михаилову, где прежде находился город» [Карамзин, 1993, V, с. 64].

Тем не менее, даже в эти тяжелые времена в топонимии рязанской окраины должна была сохраниться группа ойконимов, возможно, локализованных в лесных районах, так как в XVI в. по этой территории прошла линия Большой Засечной черты (оборонительное сооружение Русского государства), а она как раз и очертила те районы, где было постоянное русское население.

Восточная окраина княжества также подверглась опустошению. Здесь с топонимической карты был стерт район ***Городца Мещерского*** (главная крепость рязанских князей на востоке).

В XIV в. на фоне тяжелой военной и социальной обстановки активно развивается группа экклезионимов. В одной только ***Коломне*** начинают действовать несколько храмов с имяпосвящениями: *Николе Гостиному, Борису и Глебу, Симеону Богоприимцу, Норовской иконе Божией Матери на торгу*[37]. В топонимии южной окраины появляется экклезионим ***Дмитриевский монастырь***. Становятся известными и первые названия поселений, образованные от наименований храмов и монастырей (в частности, село ***Рожественое*** (***Рожествино***) в бассейне Прони, названное по находящейся здесь *Христорождественской церкви* [АСЭИ, т. 3, с. 384-385; ИСО, II, с. 230]).

Из хоронимов этого времени известны наименования больших открытых пространств южной окраины ***Рясское Поле, Дикое Поле*** [ПСРЛ, XXVI, с. 217; Гордова, 2006, с. 42, 67].

В сельской ойконимии складывается группа названий отантропонимического происхождения. В XIV-XV вв. особенно актуальной становится модель, в которой название поселения отражает имя и прозвище / фамилию ее владельца: *деревня Ивана Кортавого, деревня Романа Побежимого* [ПК, I, с. 212-214]. Продуктивны и патронимические образования на *-овское (-овская), -евское (-евская), -инское (-инский)*: ***Григорьевская, Лялинская, Митяхинское, Остромеринское***.

Подобные названия как остатки раннесредневековой традиции еще нередко встречаются в топонимии XVI в., но сама традиция к этому времени уже устаре-

[37] Основано на данных, полученных А.Б. Мазуровым [Мазуров, 2005, с. 294].

вает, уступая место новым моделям. К XVI в. названия многих сельских поселений XIV-XV вв. утрачиваются. Значительная часть из них становится названиями селищ и пустошей. Так, из почти 200 топонимов, известных на территории Моржевского стана (округа г. Михайлова) в XVI в., названия пустошей составляют около 50 %. Все они, как следует из письменных источников, раньше относились к селам и деревням [ПК, I, с. 199-215].

В XIV в. становятся известными названия, образованные от прозвищ украинского типа без дополнительных морфологических средств (***Ломихвост***).

В XIV — XV вв. русская топонимия покрывает сетью почти всю территорию Среднего Поочья, сжимая границы распространения топонимии иных народов.

Таким образом, в истории региональной ономастической системы в древнерусское время были периоды активизации и торможения ономастических процессов. Все они, как правило, обусловлены внелингвистическими факторами. Активизация и всплеск ономастических процессов наблюдались в период расцвета княжества на фоне спокойной военно-политической обстановки, торможение – в период обострения военной ситуации, в том числе из-за княжеских междоусобиц. Эти внелингвистические факторы сказывались прежде всего на корпусе ойконимов и характере их расположения на топонимической карте региона, не затрагивая гидронимическую сеть.

Судьба названий утраченных поселений могла развиваться по одному из следующих сценариев.

1) Ликвидация населенного пункта приводила к полной утрате названия и его переходу в класс исторических топонимов (***Дубок, Ростиславль, Воин***).

2) Название утраченного поселения переходило на смежные объекты топонимического пространства (город ***Кир-Михаилов*** – урочище ***Кир-Михаилов***).

3) После утраты поселения его название переходило на другое поселение, выполнявшее схожие функции (***Рязань***).

4) При восстановлении поселения или изменении его статуса прежнее название в большинстве случаев сохранялось и лишь в некоторых случаях заменялось новым. Большинство сохраненных названий претерпевало при этом струк-

турную перестройку (город ***Ижеславль*** – село ***Ижеславец***; ***Новый городок Ольгов*** – село ***Льгово***; город ***Вердерев*** – село ***Вердерево***; город ***Рязань*** – село ***Старая Рязань***).

Эти сценарии обеспечивали сохранность топонимических традиций региона и сохранность фонда его географических названий. Тем не менее, в истории рязанской ойконимии отмечен период прерывания именной преемственности, приведший к исчезновению пласта названий предыдущего периода, в результате чего до нас не дошли названия самых ранних славянских поселений рязанского Поочья при известности, благодаря археологическим данным, мест расположения этих селений и их приблизительной численности. При этом нельзя не отметить хорошую сохранность общего топонимического ландшафта этих районов (прежде всего гидронимической сети).

6.4.2. Древнерусский топонимический фонд региона

Реконструированный в ходе исследования древнерусский топонимический фонд региона Среднего (рязанского) Поочья включает свыше 200 названий. В их числе:

- топонимы, известные из летописных и иных письменных источников: (ойконимы) ***Бельград*** (***град Бел***), ***Бобруеск, Борисов Глебов***, ***Венев, Вердерев, Воин***, ***Дубечин, Дубок, Зареческ, Казарь, Кир Михаилов, Коломна***, ***Колтеск***, ***Корнике, Крилатеск, Крим ханский, Ломихвост, Михаилов, Микитин (на Плаве), Нерилск*** (***Нериньск***), ***Новгородок (на Осетре), Новый городок Ольгов***, ***Опаков, Остромеринское, Перевитеск, Проньск***, ***Рослаль Польскыи, Ростиславль, Рязань, Свинеск, Тешилов***, ***Торческ, Ужеск, Урюпеск, Шилов, Шипино***; (хоронимы) ***Половецкое Поле, Рясское Поле, Червленный Яр***; (топонимы иных видов) ***Шишевский*** (лес).

- топонимы, содержащие структурно-семантические элементы, характерные для раннеславянской и древнерусской топонимии: ***Волынь, Выкопань, Вышгород, Брусна, Дербень, Деревск, Добрынь, Дубровичи, Дунаец, Киследа, Княжичи, Летогоща, Лубянь, Перекопань, Плетень, Серебрянь*** и др. (полный

список древнерусских топонимов приведен в третьей колонке Таблицы 3 (Приложение Г, том 2).

Анализ этих названий позволяет выделить основные модели образования топонимов, актуальные в регионе в древнерусский период, а также региональные фонды топооснов, топоформантов, апеллятивной лексики и детерминативов.

6.4.3. Топонимические модели

В ономастике Рязанского княжества в древнерусский период были актуальны следующие модели.

Модели ойконимов

1 А. ***Модель типа Ростиславль***

Модель, образованная от основы антропонима при помощи суффикса притяжательности *-jь* (*-je, -ja*), давшем в исходе топонимов *-гощь* (*-гоще, -гоща*), *-славль, -неж* и т.д. Названия отражали принадлежность поселения определенному лицу. Эпонимом являлся предводитель рода или князь – основатель поселения.

В образовании топонимов по данной модели могли участвовать антропонимы следующих типов:

1) двуосновные славянские имена на *-слав, -мир* (*-мер, мѣр*), *-гость*, *-нег* (*-нѣг*) и под. (*Ярослав, Володимер, Перенег*);

2) древнерусские имена простой структуры (*Глеб*);

3) христианские имена (*Иван, Степан*);

4) народные формы имен разных типов (*Добрыня, Грустын[я], Храпын[я], Малын[я]*).

Модель с использованием двуосновных антропонимов относится к праславянской, она была известна у древних славян, как полагают, уже в перв. пол. I тысячелетия н.э. и изначально служила для номинации центра родовой общины (который окружали отдельные дворы) [Чумакова, 1992, с. 56-57]. Очевидно, рано начали использоваться в данной модели и древнерусские имена простой структуры, а христианские имена были вовлечены в топонимические процессы позднее.

В славянском мире модель известна по письменным источникам с X в., продуктивна до кон. XII – нач. XIII в. (данные О.А. Купчинского) [Чумакова, 1992, с. 57].

В топонимии Рязанского княжества модель активна в XII в.: к первой половине этого века гипотетически относится возникновение топонима ***Переяславль*** (на основании археологических данных); в 1153 г. появляется новый топоним ***Ростиславль,*** последний из известных региональных названий данного ряда.

«К XII в. в древнерусской топонимии активизируются посессивные формы на *-ин, -ов, -ев*» [Роспонд, 1972, с. 85], что приводит к постепенному вытеснению модели варианта А вариантом Б. В топонимии Среднего Поочья этот процесс проходит позднее.

Модель первична в ойконимии, в гидронимии вторична. Характерна для названий укрепленных поселений (городов).

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Ростиславль***, ***Борисл[о]вль****, ****Ижеславль*** (****Изеславль***), ***Сологощь**** и еще около 15 топонимов; ***Добрынь****, ****Грустынь***, ****Храпынь***, ***Малынь****; возможно, к этой же группе относятся: ***Рязань***, ***Казарь***, ***Переяславль***. Топонимы других регионов: ***Володимерь*** (волынск.; письм. упом. 988 г.), ***Ярославль*** (письм. упом. 1071 г.), ***Володимерь*** (осн. в 1108 г.), ***Дедославль***, ***Возвягль*** (***Взвягль***) (житом.; письм. упом. сер. XIII в.), ***Воронеж*** (черниг.; IX в.), ***Воронеж*** (донск.; письм. упом. 1147 г.) [Поспелов, 2002, с. 104; ЕИС «Топонимия России»].

1 Б. ***Модель типа Микитин***

Модель, образованная от основы антропонима при помощи формантов *-ов* (*-ово, -ова*), *-ев* (*-ево, -ева*), *-ин* (*-ино, -ина*), выражающая принадлежность поселения определенному лицу.

В образовании топонимов по данной модели на ранних этапах (перв. пол. XIII в.) могли участвовать: 1) древнерусские имена простой структуры (*Олег*); 2) христианские имена (*Кир Михаил*).

Установление типа исходных имен в более поздние периоды (XIV в., XV в.) затруднительно из-за омонимии форм (в этой роли могли выступать как личные

имена, так и образованные от них фамилии). Эпонимом являлся основатель поселения (первопоселенец), прежний или новый его владелец.

В исследуемом районе модель используется уже в нач. XIII в. (по письменным данным), она продуктивна на протяжении XIV в. (именно к концу этого времени становятся известными несколько названий, построенных по данному образцу) и в последующие периоды (раннее и позднее средневековье).

Таким образом, как минимум, на столетие тенденции в региональной топонимии отстают от тенденций древнерусского мира: дольше сохраняется активность модели с *-jь*, позднее активизируется модель с *-ов, -ев, -ин*.

Модель характерна для названий городов.

Региональные топонимы, построенные по модели 1 Б: ***Кир Михаилов, Олгов, Микитин, Шилов, Шипино***.

Топонимы других регионов: ***Юрьев*** (на р. Роси, осн. в 1095 г.), ***Юрьев*** (владим., письм. упом. 1177 г.), ***Микулин*** (литовск.), ***Кошкин*** (залесск.).

1В. ***Модель типа Остромеринское***

Модель ойконимов с формантами *-овское (-овская)*, *-евское (-евская), -инское (-инский),* образованная от основы антропонима и выражающая принадлежность поселения определенному лицу. Характерна для названий населенных мест сельского типа. Известна в регионе с перв. пол. XIV в. (по письменным данным).

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Григорьевская, Лялинская, Митяхинское.***

2. ***Модель типа Пронеск***

Модель, образованная от основы гидронима при помощи суффикса *-еск* (др.-русск. *-ьскъ*). Названия отражали соотношение двух объектов: поселения и реки.

Модель известна в древнерусском мире и в регионе уже в перв. пол. XII в. (припятск. ***Случеск***; ряз. ***Пронеск***, ***Нериньск***), названия, построенные в соответствии с ней, появляются в Поочье и в XIII и в XIV в. (***Ужеск***, ***Бобруеск*** и др.).

Характерна для названий городов.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Пронеск, Нерильск, Свинеск, Бобруеск, Ужеск, Торческ***; возможно, сюда же относятся: ***Колтеск*** (***Кулатеск***), ***Крилатеск***, ***Перевитеск***, ***Урюпеск***, ***Рясск****.

Топонимы других регионов: ***Полотеск*** (на р. Полота, приток Зап. Двины, письм. упом. 862 г, совр. Полоцк), ***Случеск*** (на р. ***Случь***, л.п. Припяти; письм. упом. 1116 г; совр. Слуцк), ***Торческ*** (киевск.), ***Трубеск*** (совр. ***Трубчевск,*** брянск.).

3. ***Модель типа Белгород***

Модель, представляющая собой сочетание краткой формы прилагательного и поселищного термина *город* (*град, городок* и другие формы), допускающая, в отдельных случаях, самостоятельное использование элементов топонима, в частности, поселищного термина в нарицательном значении: ***Белгород*** – град ***Бел*** (градъ ***Бѣлъ***). При изменении сложного топонима склонялись обе части: *около Бѣлагорода*.

Непосредственно название города могло быть мотивировано особенностями объекта: его расположением, природным окружением, обликом и проч. Значения, допустимые для известных региональных топонимов, построенных по данной модели: «укрепленное поселение на возвышенности», «укрепленное поселение из белого камня», «новое укрепленное поселение».

У восточных славян модель продуктивна в IX-X вв. [Роспонд, 1972, с. 62], в регионе она известна в сер. XII в. (по письменным данным), новые названия, построенные по данному образцу, появляются до кон. XIV в.

Региональные топонимы, соответствующие данной модели: ***Белград***, ***Новгородок***, ***Вышгород***. Топонимы других регионов: ***Белгород*** (росс.), ***Белгород*** (укр., на Днестре, совр. ***Белгород-Днестровский***), ***Вышгород*** (укр., письм. упом. 946 г.).

4 А. ***Модель типа Новый Олгов – Старый Льгов, Олгов***

Модель, выражающая соотношение двух поселений, образованная путём переноса названия более раннего по времени основания поселения на новый населенный пункт, с добавлением парного определения как «вторичному», так и «первичному» (факультативно) топониму: *старый – новый, верхний – нижний, лесной – полевой* (*польский, польный*) и под.

Поселения с названиями данного типа появились в регионе на рубеже XII-XIII вв. (по археологическим данным), но в памятниках письменности они упоминаются только в XIV в.

Рязанские топонимы, соответствующие данной модели: ***Новый*** (***городок***) ***Олгов*** – ***Олгов, Старый Льгов***; возможно, сюда же относятся: ***Ростиславль*** – ***Рославль Польский***.

4 Б. ***Модель типа Ижеславец***

Модель, образованная от основы ойконима при помощи форманта *-ец*, выражающая соотношение двух городов, более раннего и более позднего по времени основания: ***Ижеславец*** – ***Ижеславль***. В основе «первичного» ойконима – антропоним, как правило, имя князя, основавшего селение.

В древнерусском мире модель известна уже в X в., в рязанском регионе – раньше 1237 г. (в этом году город с таким названием уже был уничтожен).

5. ***Модель типа Переяславль Рязанский***

Модель, образованная путем присоединения к уже существующему названию, которое соответствует названиям традиционного славянского (древнерусского) топонимического фонда, дополнительного определения по названию региона (княжества, земли) (*Русский, Рязанский, Смоленский, Северский* и под.) или по географическому положению (*Южный, Залесский* и под.), в целях идентификации, различения одноимённых объектов разных русских княжеств.

Модель известна с древнерусском мире с сер. XII в., использовалась в течение XII–XV вв., в регионе становится известной в перв. пол. XIV в.

Топонимы разных областей, соответствующие данной модели: ***Новгород Северский*** (сер. XII в.), ***Переяславль Русский*** (кон. XII в.), ***Переяславль Рязанский*** (перв. пол. XIV в.), ***Переславль Залесский*** (XV в.).

6. ***Модель типа Добрый Сот***

Модель, образованная из словосочетания с подчинительной связью: *прилагательное + существительное*, без дополнительных морфологических средств.

Модель известна в регионе в нач. XIII в.

Характерна для названий поселений сельского типа.

7. ***Модель типа Ломихвост***

Модель, образованная от антропонима без дополнительных морфологических средств (топоним = антропоним).

Единственное в рязанской ойконимии название данного типа письменно зафиксировано в кон. XIV в. В его основе лежит имя-прозвище украинского типа, ср. *Варивода, Непийпиво, Загнибеда, Закривисундук, Лупирыба,* смысл которых в большинстве случаев трудно объяснить. В ареальном плане рязанский топоним очерчивает северную границу распространения топонимов данной модели, сосредоточенных в Подонье.

8. ***Модель типа Борисов Глебов***

Модель, образованная от имен христианских святых при помощи формантов *-ов, -ев*. Названия носят мемориальный характер: даны в память о ком-либо.

Модель известна в регионе со вт. пол. XII в.

9 А, Б. Модель типа ***Половеск****, ***Мерьское***

Модель ойконимов, образованная от основы этнонима при помощи формантов *-еск* (др.-русск. *-ьскъ*) (модель 9 А) или *-ское, -ская, -скии* (модель 9 Б). Названия отражали этническую принадлежность населения, отличавшегося от основного населения данной территории. ***Половеск*** – «город половцев в русской земле»; ***Мерьское*** – «поселение мери».

Модель известна в регионе во вт. пол. XII в.

Топонимы других регионов: ***Весьское*** – «поселение веси (финноязычной народности)» (сузд., вт. пол. XIII в.).

10. ***Модель типа Брусна*** (← р. ***Брусна***)

Модель ойконимов, соотносимая с формой смежного гидронима, идентичная ей или согласованная с формой своего детерминатива (г. ***Венев*** – р. ****Венева***). Названия отражали территориальную связь двух объектов: поселения и реки, и вместе с тем традиционную синкретичность древних топонимов.

Модель известна (по письменным данным) уже во вт. пол. XII в. (***Коломна***, упом. в 1177 г., по археологическим данным, город основан в сер. XII в. (др.-р. ***Коломьна*** ← р. ****Коломьна***, совр. ***Коломенка***), на ту же дату указывают и архео-

логические материалы в отношении поселения ***Студенец*** на р. ***Студенец***: время славянского освоения течения реки – вт. пол., кон. XII в.; ряд рязанских названий фиксируется в памятниках XIV в.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Венев*** (р. **Венева*), ***Алешня*** (р. ***Алешня***), ***Брусна*** (р. ***Брусна***), ***Студенец*** (р. ***Студенец***) и мн. др.

11. ***Модель типа Дубечен***

Модель ойконимов с формантом *-ен (-ьнъ)*, имеющая форму краткого относительного прилагательного мужского рода. Отражает связь поселения с близлежащим природным объектом (рекой, лесом).

Региональный топоним – ***Дубечен*** (др.-русск. ***Дубеченъ***; ср. реки ***Дубечня, Дубешна***). Киевский топоним – ***Пересечен***.

12. ****Модель типа Дубровичи***[38]

Модель ойконимов, образованная от названий различных групп славянского населения (групповых прозвищ), на *-ичи (*-itji*), *-овичи (*-ovitji*), со значением «поселение данной группы».

В основе топонимов могли лежать: 1) антропонимы: ***Филиповичи*** (от *Филипп-*), ***Петровичи*** (от *Петр-*); 2) ойконимы: ***Переславичи*** (от ***Переславль***), ***Городковичи*** (от ***Городок***); 3) гидронимы: ***Костеничи*** (от р. ***Костенка***), ***Белыничи*** (от р. ***Белынь***); 4) микротопонимы (название местности проживания): ***Дубровичи***, ***Дубовичи*** (*дуброва, дубы* «дубовый лес, роща); 5) именования по принадлежности к сословию или роду занятий: ***Княжичи***, ***Поповичи***, ***Мясничи***.

Говорить о времени появления и продуктивности модели в регионе затруднительно, так как она относится к реконструированным моделям.

По ареальным показателям и данным, полученным в результате совмещение археологических и топонимических ареалов, появление названий данного типа в регионе может быть отнесено к волне славянских миграций XII-XIV вв. Топонимический ареал сопоставим с ареалом «полоцкой» традиции в керамике Рязанского края, которую связывают с переселенцами из Полоцкого княжества. ***Полоцк***

[38] Модели, данные под звездочкой, относятся к реконструированным.

(др.-русск. ***Полотескъ***) – самый древний город совр. Белоруссии, расположен в устье р. Полоты, впадающей в Западную Двину, впервые упоминается в памятниках письменности в 862 г. [Нерознак, 1983, с. 139].

Модель характерна для названий поселений сельского типа. Известно около 20 рязанских топонимов данного ряда.

Топонимы Белоруссии: ***Рованичи, Смиловичи, Смолевичи, Оздятичи, Дмитровичи, Холопеничи, Радошковичи, Олехновичи, Рубежевичи*** (минск.), ***Белыничи, Чечевичи, Осиповичи, Бацевичи*** (могилев.) [Атлас АДР, 2002, с. 218-219]. Названия данной модели известны и в Верхнем Поочье: ***Волковичи*** (тульск.).

13.*****Модель типа Раки*** (← ***р. Рака***)

Модель ойконимов, образованная от смежного гидронима путем плюрализации, отражающая соотношение двух объектов: поселения и реки.

Хронология не установлена.

14.*****Модель типа Выжелес***

Модель, представляющая собой сочетание краткой формы прилагательного и географического термина. Названия отражали природные особенности местности. По структуре модель соотносима с моделью № 3 типа ***Белгород***, известной в регионе в XII–XIV вв.

15 А, Б. ****Модель типа (поселение) Малахова, (поселение) Ивана Пронина***

Модель, представляющая собой форму родительного падежа А) фамилии, Б) имени и фамилии (прозвища) основателя поселения.

Модель характерна для названий сельских поселений; актуальна в конце древнерусского периода и в раннем средневековье.

Рязанские топонимы, соответствующие данной модели: (поселение) А) ***Темирязева, Литвинова, Мачкина***; Б) ***Ивана Кортавого, Овсянкина Болшово, Романа Побежимова***.

Модели гидронимов

1. ***Модель типа Листань***

Модель гидронимов с формантами *-ань, -янь, -ень*, образованная от краткого прилагательного или краткого причастия при помощи суффикса *-jь*, мотивированная физико-географическими особенностями объекта или местности.

В регионе модель известна по памятникам письменности с перв. пол. XV в., но, как установлено апостериори, временем ее продуктивности был период нач. XI – нач. XIII вв.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Лубянь, Серебрянь, Выкопань, Перекопань, Рязань*** (по одной из версии), ***Дербень, Плетень*** и др. Топонимы других регионов: ***Лебедянь*** (липецк.), ***Серебрянь*** (тульск.).

Ойконимы, формально соответствующие данной модели, скорее всего, повторяют форму смежного гидронима, то есть по происхождению «вторичны» (см. модель ойконимов типа ***Брусна*** (← р. ***Брусна***).

2 А, Б. ***Модель типа Брынец, Брынница***

Модель гидронимов с формантами *-ец, -иц* (для онимов мужского рода), *-еца, -ица* (для онимов женского рода), допускающая двоякое образование: А) от апеллятива географического содержания (морфологическим способом или безформантно: оним = апеллятив), топоним указывает на природные особенности объекта и его незначительные размеры; Б) от основы гидронима (названия большей реки) при помощи суффикса уменьшительных наименований (др-р. *-ьць, -ьца, -иць, -ица*), топоним указывает на соотношение двух водных объектов: главной реки и ее притока. Второй вариант родственен модели ойконимов типа ***Ижеславец***.

Определить путь происхождения для значительной части гидронимов с формантом *-ец* весьма проблематично, так же, как и «диахронизировать» их: модель была известна уже в древнерусский период, но сохранила свою активность и в средневековье (в Среднем Поочье первые названия данного типа (апостериори) были известны во вт. пол., кон. XII в. (***Студенец***), хотя письменно фиксируются лишь с сер. XIV в.).

Некоторые региональные топонимы данного типа: (топонимы мужского рода) ***Брынец, Дунаец, Дуновец, Пехлец, Ржавец, Ровец, Студенец***; (топонимы

женского рода) ***Брынница, Кирица***. Топонимы других регионов: ***Добрица*** (приток Клязьмы) [Атлас АДР, с. 67, квадрат А 6].

3. ****Модель типа Брусна*

Модель гидронимов с формантами *-на, -ня*, представляющая собой субстантивированное краткое прилагательное женского рода, образованное от основы апеллятива географического содержания (в том числе и метафор) при помощи суффиксов *-ьн-, -ѣн- (-ан-)*; мотивирована природными особенностями объекта. Названия могли отражать условия протекания, тип и форму русла, скорость течения, характер речного ложа, прибрежную фауну и проч.

Региональные топонимы, соответствующие данной модели, представлены в Таблице 3 (Приложение Г, том 2), среди них: ***Алешня, Теребуна, Гвоздна, Нахабна, Плетена, Стужня, Песочня*** и др. Топонимы других регионов: ***Почайна*** (киевск.; относится к праславянскому гидронимическому фонду), ***Песочня*** (тульск.).

4.**Модель типа Сыромля***

Модель гидронимов с формантами *-ля, -омля,* образованная от основы неустановленного типа (апеллятива географического содержания или антропонима) при помощи суффикса *-ja*, мотив номинации не установлен. Возможно, представляет собой вариант женского рода модели типа ***Ростиславль***, обусловленный формой детерминатива *река*.

На восточнославянской территории модель активна до IX-X вв. (данные Р.А. Агеевой, В.В. Седова). И.М. Железняк относит киевское название данного формантного ряда *Сетомля* (*Сѣтомлꙗ*) к праславянскому гидронимическому фонду [Железняк, 1988, с. 159].

Модели микротопонимов

1. *Модель типа Шишевский*

Модель микротопонимов с формантами *-ский, -ское, -ская,* образованная от основы другого топонима (чаще всего ойконима или гидронима) при помощи суффикса *-ск-* (др-русск. *-ьск-*) и отражающая соотношение называемого объекта и близлежащего поселения, реки, другого объекта.

Модель известна в регионе со вт. пол. XIV в. (по письменным источникам).

Рязанские топонимы, построенные по данной модели: ***Шишевский*** (лес).

2.Модель типа Гневна***

Модель, представляющая собой субстантивированное краткое прилагательное, образованное от основы апеллятива при помощи суффикса *-ьн-*, и отражающая культовое назначение объекта.

Известен только один топоним данного типа: (гора) ***Гневна*** (др-русск. ***Гнѣвьна***).

Модели, характерные для названий разных разрядов

1. *Модель типа Исады*

Модель, образованная от апеллятива географического содержания путем плюрализации.

Модель могла быть известна в регионе уже в кон. XI – перв. пол. XII в., в письменных источниках фиксируется в перв. пол. XIII в. Отмечена в ойконимии и гидронимии.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Исады, Паники, Бучалы***.

2. *Модель типа Волынь*

Модель топонимов с формантом *-ынь* (**-упь*), восходящая к апеллятиву географического содержания и используемая для называния места (местности) с таким природным признаком.

В древнерусском мире модель известна в нач. XI в. Время использования в регионе не установлено. Отмечена в гидронимии, ойконимии, микротопонимии.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Волынь***, ***Березынь***, ****Белынь*** (из ***Белынка***), ****Голынь*** / ****Гулынь*** (из ***Гулынка***).

3. *Модель типа Круглый Корь*

Модель, представляющая собой словосочетание с подчинительной связью и прямым порядком слов: *прилагательное + существительное*. В роли главного слова могли использоваться как общеупотребительные (*поле*), так и местные гео-

графические термины, диалектизмы (*яр, корь, музга, колодезь*), в роли определений – прилагательные, характеризующие форму объекта (*круглый*), цвет (в том числе метафорически) (*червленый*), или прилагательные, образованные от антропонимов (*Боянов*) и названий смежных объектов (*Половецкое,* за расположение рядом с *Половецкой степью*). Топонимы, построенные по данной модели, обозначали место (тип объекта) и одновременно характеризовали его.

Модель известна в регионе с сер. XII в.; отмечена в гидронимии, хоронимии, микротопонимии.

Рязанские топонимы, соответствующие данной модели: ***Червленый Яр, Круглый Корь, Боянов Колодезь***, ***Веленая Музга***.

4. ***Модель типа Жерновища***

Модель топонимов на *-ище, -ища*, образованная от апеллятива социально-экономического содержания, указывающая на нахождение в данном месте значимого социального или хозяйственного объекта.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Жерновища*** («место, где перемалывают зерно в муку»), ***Шатрище*** («место остановки для гостей»).

5 А. ***Модель типа Бохот***

Модель, образованная от апеллятива географического содержания без дополнительных морфологических средств (топоним = апеллятив), мотивированная природными особенностями называемого места.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Дубок, Болонь, Бохот, Бучал, Бучала, Паника, Прость*** и др.

Топонимы других регионов: ***Прилук*** (черниг.; письм. упом. 1092 г.), ***Стырь*** (п.п. Припяти), ***Клин*** (моск.; письм. упом. 1234 г.).

5 Б. ***Модель типа Перекопь***

Модель, образованная от апеллятива географического содержания безформантно (топоним = апеллятив) или при помощи суффикса *-jь* (иногда с одновременной деминутивацией исходной формы), мотивированная природными особенностями называемого места.

Региональные топонимы, построенные по данной модели: ***Перекаль, Перекопь, Поречь, Треполь, Усторонь*** и др.

В древнерусском мире модель известна уже в кон. XI в.

Таким образом, нам известно о 26 топонимических моделях, которые использовало население Среднего Поочья в древнерусский период при именовании новых поселений и осваиваемых природных объектов. Из них 18 моделей, существование которых подтверждено древнерусскими памятниками письменности, 8 реконструированных. Данные о количестве моделей по каждому разряду топонимов представлены в таблице.

Принадлежность моделей к определенному разряду	Всего моделей	Документально подтвержденных	Реконструированных
Модели ойконимов	15	11	4
Модели гидронимов	4	2	2
Модели микротопонимов	2	1	1
Универсальные модели	5	4	1

Среди указанных моделей наиболее продуктивными в древнерусский период были: в ойконимии 1) модель типа ***Ростиславль***; 2) модель типа ***Пронеск***; 3) модель типа ***Дубровичи***; в гидронимии 1) модель типа ***Брусна***; 2) модель типа ***Листань***. Время продуктивности моделей в топонимии Рязанского княжества подтверждает, что эта территория входит в число более поздних по времени формирования ареалов указанных славянских моделей.

6.4.4. Модели групповых наименований славянского населения

Одной из традиций древнерусской ономастики было обязательное наименование обособленных групп населения, объединенных по определенному признаку и проживающих совместно. Истоки этой традиции, по всей видимости, уходят в праславянский период, а ее влияние сохранялось и в средневековье. Коллективные прозвания известны на всей территории расселения славян, однако в каждой области получили распространение лишь определенные их типы.

В Среднем Поочье групповые наименования множественного числа представлены несколькими моделями.

1) Модель, образованная от ойконима, с формантом *-цы* (др.-русск. *-ьцы*): *рязанцы* (от ***Рязань***). Известна по памятникам письменности со вт. пол. XII в.

По структуре входит в один ряд с наименованиями жителей других княжеств: *владимирцы, суздальцы* и под.

Ср. топонимы Приднестровья (совр. Хмельницкая, Винницкая и соседние обл.): *Дунаевцы, Куриловцы, Гуменцы, Недобоевцы, Кельменцы, Ивановцы, Черновцы, Романковцы, Стальковцы* [Атлас АДР, 2002, с. 224].

2) Модель в форме субстантивированного прилагательного, образованного от ойконима, с формантами *-ские*, *-стии*: *рязанские* (от ***Рязань***), *пронстии* (от ***Пронск***). Известна из письменных упоминаний со вт. пол. XII в.

3) Модель, образованная от ойконима, с формантом *-яне*: *проняне* (от ***Пронск***). Известна по памятникам письменности с нач. XIII в.

Ср. летописные названия древних славянских групп на *-яне*: *поляне, древляне, северяне,* а также связанные с названием рек *бужане, полочане, висляне, волжане.*

Ср. топонимы Приднестровья (совр. Хмельницкая, Виницкая и соседние обл.): *Вендичане, Сокиряны, Бричаны, Дондюшаны, Русяны, Липканы* [Атлас АДР, 2002, с. 224], а также *Смоляны* (Витебская обл., Белоруссия) [Атлас АДР, 2002, с. 219].

4) Модель с формантом *-ичи*, с разными типами производящих основ: А) образованная от микротопонима: *дубровичи* – «живущие в дуброве», *дубовичи* – «живущие в дубах (дубовом лесу)»; Б) образованная от гидронима: *костеничи* – «живущие на реке Костенка», *белыничи* – «живущие на реке Белынь»; В) образованная от ойконима: *переславичи* «выходцы из г. Переяславль», *городковичи* – «выходцы из поселения Городок или Городки»; Г) образованная от антропонима: *Филиповичи* «род *Филиппа*», *Петровичи* «род *Петра*»; Д) образованная от сословного или профессионального именования: *княжичи*, *поповичи*, *мясничи*.

Таким образом, модель групповых прозвищ на *-ичи* включала в себя следующие значения: «живущие в данной местности», «живущие на данной реке», «выходцы из данного поселения», «род данного человека», «имеющие отношение к данному сословию или роду занятия».

Модель продолжает традиции праславянского времени, прежде всего тип названий древних славянских групп на *-ичи*: *радимичи, дреговичи, вятичи*. Многочисленность региональных топонимов аналогичного типа (см. выше: Модель ойконимов № 12 типа ***Дубровичи***) свидетельствует о продуктивности данной именной модели в ономастике региона. Но сравнительно позднее возникновение топонимов (на это указывают данные о времени основания поселений) говорит о том, что население, принесшее с собой такую традицию именования, относилась ко второй или третьей волне славянской миграции в Поочье.

Помимо указанных моделей множественного числа предполагается существование в Среднем Поочье модели наименования человека по месту жительства в единственном числе, с формантом *-ерь*: *вердерь* «живущий на реке Верда» (юго-западная часть окского правобережья); уже в памятниках письменности кон. XIV в. упоминается образованное от него название города ***Вердерев***. Прозвище связано с гидронимом, – такая связь характерна для групповых названий ранних этапов славянской истории.

6.4.5. Структурные элементы топонимов, апеллятивы, детерминативы

Топоосновы. Древнерусский фонд топооснов Рязанской земли включал в себя основы: *Алех-* (Олех-*, Олох-*), Бѣл-, Берез-*, Берест-*, Бобр-, Болонь-*, Брус-*, Брынь-*, Бучал-*, Бучил-*, Висл-*, Выкоп-*, Гвоздь-, Город-, Дерб-*, Дерев*-, Добр-, Дуб-, Жар-*, Жернов-, Исад-, Кал-*, Колодезь-*, Корь-*, Кость-*, Кудес-*, Луб-, Люб-*, Лют-*, Мар-*, Мариц-*, Музг-*, Мызг-*, Перевит-, Перекал-*, Перекаль-*, Перекоп-*, Перекопь-*, Песок-*, Плетен-*, Поник-*, Прость-*, Рак-*, Ров-, Ряс-*, Серебр-*, Сот-, Студен-*, Стуж-*, Тереб-*, Усторонь-*, Черемух-*, Шатер-*, Яр-* и др. Топоосновы под знаком * – реконструированные: их принадлежность раннему пласту установлена в ходе лингвистического анализа, без знака * – засвидетельствованные древнерусскими памятниками письменности. Полный список древнерусских топооснов Рязанской земли представлен в Таблице 3 Приложения Г (Том 2). Также в таблице приводятся наиболее общее значение основ и содержащие их топонимы.

Апеллятивы. Древнерусский фонд апеллятивной лексики Рязанской земли включал в себя большую группу местных географических терминов (в том числе имеющих форму прилагательных и причастий[39]):

*березынь** – «место, поросшее берёзой»
берестяна – «имеющая отношение к заготовке бересты»
*бѣлынь** – «обширная прогалина»
болонь, болонье*, оболонье** – «низменное поречье»
бохот, бохоть** – «избыточная вода на поверхности»
*брусна** – «каменистая», «река с каменистым дном»
*брынь** – «река с грязной, глинистой водой»
бучал, бучала*, бучало*, бучило** – «омут, водоворот, яма, овраг с водой»
*висла** – «вода; река», «сырое место»
*волынь** – «влажное, мокрое место»
выкопан – «неровный, изрезанный, с ямами» (о рельефе)
гвоздна – «находящаяся в хвойном лесу или рядом с ним»
*гвоздь** – «хвойный лес»
город – «укреплённое поселение; крепость»
городище – «место, где раньше был город»
городок, городец – «небольшое укрепленное поселение», «место, где раньше был небольшой город»
дерева – «леса»
добрыи – «славный, хороший»
дубен – «дубовый», «окруженный дубами»
дубок – «дубовый лесок»
дунай – «вода; река»
елец – «еловый лес»
*жар** – «выжженное место», «место, очищенное под пашню путем выжигания деревьев, кустарника»
*исад** – «место у реки, где высаживаются на берег; пристань»
кальная – «грязная, мутная, илистая» (о реке)
камена (*камяна*) – «каменистая» (о реке)
*кисleда** – «заболоченный водный объект»
*колодезь** – «источник, родник»
*костена** – «протекающая по местности, обильной скоплением костей животных или людей, близ мест древних стоянок, захоронений» (о реке)
корь – «место, расчищенное под пашню», «небольшой лесок, выросший на месте выкорчеванного леса»
кудесна – «чудесная, волшебная», «имеющая отношения к месту совершения культовых обрядов»
лубен (*лубян*) – «имеющий отношение к лубу»

[39] Род приводимых прилагательных и причастий соответствует форме, в которой они встречаются в рязанских топонимах.

лютая – «быстрая, стремительная», «заболоченная» (о реке)
музга, мызга – «озерцо, болотце, оставшееся после половодья», «озеро с тиной»
*мол** – «вымоина, водомоина»
олех – «ольховый лес»
пальное – «расчищенное (место, поле) путем выжигания деревьев, кустарника»
перекаль – «участок между двумя водоемами»
перекоп, перекопь** – «участок с «изрезанным» рельефом»
перекопан – «неровный, изрезанный, с ямами» (о рельефе)
песочна – «песчаная», «река, озеро с песчаными берегами»
плетена – «извилистая» (о реке)
поника, паника – «река с пересыхающим руслом»
*поречь** – «поселение, урочище, расположенное вдоль реки»
прость – «прямой водный путь», «проток»
рака – «яма, впадина; глубокое место в реке»
ров, ровец – «длинное углубление в земле»
*ряса** – «топкое, вязкое место»
селище – «место, где раньше было сельское поселение»
серебрян – «блестяще-белый, цвета серебра»
солодь, солоть** – «жидкое болото», «топкое, вязкое место»
сот – «ячейка с медом» (образно о поселении)
стужна – «очень холодная», «река, озеро с холодной родниковой водой»
*тереба** – «участок под пашню, очищенный от леса, кустарника, путем их сжигания и выкорчевывания»
ужаль, ужалье** – «место, где много пчёл; пасека»
усторонь – «место, удаленное от города, большой дороги; глушь»
яр – «глубокий овраг, обрыв»

Приведенные апеллятивы являются частью славянской географической терминологии. Топонимические данные говорят о том, что эти термины были известны древнерусскому населению Поочья и использовались при номинации разнообразных рукотворных и природных объектов в первые века II тысячелетия н. э.

Тем не менее, при освоении новых земель и именовании новых объектов переселенцы, очевидно, использовали не только нарицательную географическую лексику, но и готовые названия из хорошо известного им общеславянского или восточнославянского топонимического фонда. Такие названия давались объектам определенного типа. Например, речка с каменистым дном получала название ***Брусна*** по аналогии с похожими реками прежних территорий расселения; река, ответвляющаяся от основной реки в виде трубы, ***Трубеж***. То есть часть древнерусской топонимической лексики попала в Среднее Поочье через географические

названия. Возможно, поэтому некоторые апеллятивы не зафиксированы в местных говорах, хотя в них сохранились многие лексемы, продуктивные в региональной топонимии и при этом известные в различных славянских языках (например, *лоск, круча, провал, паники*).

Топонимические суффиксы и форманты. Древнерусский фонд топонимических суффиксов и формантов Рязанской земли включал в себя элементы: *-гощь, -гоща, -славль, -мерь, -ань, -янь, -ень, -ов, -ово, -ова, -ев, -ин, -ьск (-еск), -ец, -иц, -еца, -ица, -ский, -овское, -евское, -инское, -ичи, -овичи, -ище, -ища, -ынь, -на, -ня, -ля* и др. Полный список структурных элементов рязанской топонимии представлен в Таблице 3 Приложения Г (Том 2).

Данные о продуктивности моделей говорят об особой роли в древнерусской топонимии суффиксов прилагательных *-jь, -ьск, -ьн*. С их помощью образована значительная часть древнерусских географических имен, являющихся по форме краткими прилагательными: ***Ростиславль*** – «основанный Ростиславом, принадлежащий Ростивлаву», ***Пронеск*** – «относящийся к реке Проне», ***Брусьна*** – «каменистая».

Суффикс *-jь* активен в древнейших топонимических моделях, продуктивных в районе Средней Оки: «отантропонимической» типа ***Ивань, Глебль*** и «географических» типа ***Перекопь, Листань***.

Суффикс *-ьск* участвовал в образовании одной из наиболее типичной для региона модели названий поселений – от названий близлежащих рек.

С участием суффикса *-ьн*, давшем в формах женского рода форманты *-на, -ня*, образована одна из самых многочисленных в Поочье группа древнерусских гидронимов.

Также следует отметить, что уже в древнерусский период известны модели топонимов с формантами *-ов / -ова / -ово, -ев / -ева / -ево, -ин / -ина / -ино, -ский / -ская / -ское*, пик продуктивности которых приходится на средневековье.

Детерминативы. Детерминативы – географические указатели при топонимах – являются частью ономастической лексики. Они также формируют наше представление об ономастическом пространстве определенного периода, как и

географические названия, так как указывают на объекты географического ландшафта, вовлекаемые в процессы номинирования.

В древнерусских памятниках письменности при топонимах Рязанского вел. княжества засвидетельствованы детерминативы *град, городок, городец, село, река, земля, область, волость (власть), места, украина, поле, лес, урочище.*

Термин *град* по отношению к рязанской территории впервые фиксируются в записях перв. пол. XII в., хотя название первого рязанского города (без географического указателя) упоминается уже в кон. XI в.; термин *село* – во вт. пол. XII в. Для сравнения: термин *село* по отношению к поселениям Северо-Востока Руси (Суздальская земля) впервые употребляется в летописи под 1096 г. записи [Макаров и др., 2005, с. 213], то есть приблизительно на 500 лет раньше. Интересно сравнение и с археологическими данными: самое раннее укрепленное поселение славянской интерпретации на территории Среднего Поочья датируется нач. XI в. [Стрикалов, 2005 (2), с. 42], неукрепленное поселение – IX в. [АКР I, 1993, с. 27], то есть фактически поселения этих типов появились соответственно на столетие и три столетия раньше первых летописных упоминаний.

Среди населенных пунктов именно поселения сельского типа чаще всего становились объектами номинации древнерусского населения. На ранних этапах освоения территории они приблизительно в 5 раз превосходили число городов. В последующем этот разрыв только увеличивался. Например, на окраинных территориях, в частности в Верхнем Подонье, на один город приходилось 13 сельских поселений, в районе Верхней Цны – 58. Стольный город Рязань окружали 19 сел и деревень.

Сельские поселения были нескольких типов: крупные села, небольшие селения, феодальные усадьбы, отдельные дворы. По всей видимости, для каждого из них существовало свое обозначение (детерминатив), внутри каждой группы складывались свои традиции называния.

Имена имели не только действующие, но и заброшенные поселения. Для их обозначения использовались термины *городище, селище, урочище*.

В ходе археологических раскопок на исторической территории Рязанского княжества установлено, что в древнерусский период, а именно с нач. XII в., здесь был известен и еще один тип поселения, условно именуемый городище-убежище. Он использовался только во время опасности жителями ближайших сел [АКР 1, 1993, с. 31]. Какое обозначение применялось для таких временных городищ, присваивались ли им собственные имена, не установлено.

Собственными именами отмечались места высадки на сушу (пристани), перевалочные пункты на водных торговых путях (***Исады, Переволока***).

Особым образом помечались места для гостей и места временных остановок вдоль торговых путей (для их обозначения часто использовались названия на -*гость*) и рядом с административными центрами (например, под Рязанью – место ***Шатрище***).

Среди природных объектов объектами номинации были реки, ручьи, озера, болота, протоки, овраги, отдельные ландшафтные зоны, поля, леса. На это указывают и упоминаемые в исторических документах географические термины при топонимах, и типы объектов, названия которых относятся к древнерусскому топонимическому фонду.

Семантика топонимов подсказывает, что номинации подвергались также места, важные в экономическом отношении, в частности, места, где мололи муку (***Жерновища***), заготовляли древесину и древесную кору: луб, дуб (дубяну) (***Лубен, Лубяна, Дубен, Дубяна***).

6.4.6. Основные ареалы древнерусской топонимии

На территории Среднего Поочья можно выделить несколько зон концентрации древнерусской топонимии (с учетом утраченных названий), которые отражают наиболее обжитые районы Рязанского вел. княжества.

1) Район округи города ***Рязани*** (Старой). Вокруг названия столицы княжества концентрируются гидронимы: ***Серебрянь, Марицань, Студенец, Ряса***, ойконимы: ***Новый городок Ольгов***, ***Шатрище, Усторонь, Исады***. В период XII-XV

вв. в этом районе было известно около 40 названий сельских поселений, многие из которых не сохранились.

2) Район округи города ***Переяславля*** (совр. Рязани) (гидронимы ***Дунай, Кальная, Лыбедь, Трубеж***, ойконим ***Переяславль***).

3) Район реки Вожи. Ареал древнерусской топонимии начинает формироваться здесь в IX-X вв., затем в XII-XIII вв. Между этими периодами группа самых ранних ойконимов полностью утрачивается, но остается гидронимическая сеть, включающая названия: ***Алешня**** (совр. ***Алешинка***), ***Дербень, Дубяна**** (совр. ***Дубянка***), ***Лубень**** (совр. ***Лубянка***), ***Пальная, Перекаль, Треботинка***.

4) Район Вышгорода (гидронимы ***Рака, Листвень**** (совр. ***Листянка***), ***Городня***, ***Любавка,*** ойконимы ***Вышгород, Пальное, Половское***).

5) Район современных сел Борки – Алеканово – Дубровичи (здесь находилась многочисленная группа сельских поселений древнерусского времени, из сохранившихся ойконимов: ***Дубровичи, Мурмино***).

6) Район верхне-среднего течения Прони. Здесь локализуются гидронимы ***Катагощь / Катагоще, Кудесна, Лубень*, Перекаль, Серебрянь, Студенец,*** ойконимы ***Городец*, Ижеславль, Катагоща, Треполье***.

7) Район верхнего течения Рановы (гидронимы ***Алешня, Летогоща / Легоща,*** ойконимы ***Княжое, Деревск, Григорьевское***).

8) Район исторического поселения ***Городец Мещерский***, в левобережном Поочье, в Мещёре (археологический памятник *«городище Земляной Струг»*); ареал древнерусской топонимии здесь начал формироваться в XII-XIII вв. и существовал до кон. XIV в. Исторические названия не сохранились.

9) Район течения Цны от устья до впадения Выши. Здесь находилась группа поселений древнерусского времени (не менее 14, в том числе 1 город), из сохранившихся топонимов: (реки) ***Алёшня, Студенец***.

6.4.7. Взаимодействие славянской топонимической системы с топонимическими системами других народов Поочья

В период с IX по XV век в регионе происходило не только формирование славянской ономастической системы, но и ее взаимодействие с ономастической системой местного населения. Результатом этого взаимодействия стали, с одной стороны, перенятие определенной части неславянских топонимов и их адаптация к фонетической и морфологической системе древнерусского языка, с другой стороны, изменение зон распространения неславянской топонимии вследствие формирования новых (славянских) топонимических ареалов.

Славянским населением была воспринята гидронимическая сеть региона, включающая в себя названия основной реки региона и крупнейших ее притоков (***Ока, Пра, Пара, Мокша, Цна, Гусь, Нарма, Вожа, Выша, Вад*** и т.д.). Нам неизвестна начальная форма субстратных топонимов, но на основании анализа их современной формы мы можем предполагать, что адаптация неславянской топонимии в рязанском Поочье шла несколькими путями. Основные пути изменений: 1) замена или добавление форманта: ****Купрене*** (****Kuprene***) → ***Куприно***, ***Тумлей*** → ***Тумлейка***, ***Верделей*** → ***Верделейка***, ****Дрисса*** → ***Дриска***; ****Сел-*** (****Sel-***) → ***Селинка, Сельня, Селенское***; ***Ковяж*** → ***Ковяжное***; ***Кистрос / Киструс*** → ***Кистрянка***; 2) фонетические изменения в корневой части или форманте: ***Упта*** → ***Хупта***, ****Метья*** (****Metia***) → ***Меча***; 3) фонетические изменения в корневой части и сближение с апеллятивом русского языка: ****Гуз*** (****Guz-***) → ***Гусь***; 4) упрощение группы согласных: ***Истье*** (****Ist-)*** → ***Исье***, ***Итье***; ***Тцна, Тсна*** (****Tъsna***) → ***Цна.*** У части топонимов долгое время сохранялась вариативность форм, отмечаемая даже в документах XVI-XVII вв.: ***Улус / Улос / Улас***; ***Кистрос / Киструс, Хупта / Упта*** [Смолицкая, 1976, с. 127, 184; Гордова, 2010, с. 20]**.**

Воспринятые славянской топонимической системой субстратные названия бытовали и развивались уже по законам этой системы как равноправные ее элементы. От них по существующим моделям образовывались названия русских поселений и других вновь осваиваемых объектов: р. ***Плава*** – г. ***Плавинск***, р. ***Нерль***

– г. ***Нерильск***, р. ***Свина*** – г. ***Свинеск***, р. ***Уда*** – г. ***Ужеск***, о. ***Ковяж*** – бол. ***Большие Ковяжи*** и т.д.

Выявленные ареалы названий разных языковых систем дают представление о характере распределения исследуемой территории между этническими группами[40] после прихода славян и зонах их совместного проживания.

Ареалы топонимии финно-угорского типа в основном сосредоточены в северо-восточных и юго-восточных районах области. Им противопоставлены юго-западные, западные и частично северо-западные районы области, топонимические типы которых связаны преимущественно с балтийским языковым источником. Северная часть области характеризуется бурным смешением структурных и языковых типов.

В районах распространения финно-угорской топонимии её плотность настолько высока, что русские названия здесь присутствуют лишь отдельными вкраплениями, причем почти все эти названия носят относительно поздний характер (построены по моделям, актуальным в XVI-XVII вв. и в более поздние периоды). Единичные архаичные славянские названия, которые можно рассматривать как остатки небольшого ареала древнерусской топонимии в этом районе (со временем утраченного), встречаются лишь в нижнем течении Цны до впадения в нее реки Выши.

Иная ситуация наблюдается в противоположной части области – в районах господства балтийской топонимии. Славянские названия здесь соседствуют с названиями балтийскими либо размещаются отдельными анклавами в границах балтийского ареала.

Смешение балтийской и раннеславянской топонимии наблюдается в бассейне Вожи и Прони. Ранее Г. П. Смолицкой были установлены факты смешения гидронимии балтийского и раннеславянского типов в районах к северу от исследуемой территории – в бассейнах Жиздры и Упы, при сплошном распространении и интенсивности гидронимии раннеславянского типа в Верхнем и Среднем По-

[40] Детальное описание зон распространения финно-угорской и балтийской топонимии представлено в Главе 5, в разделе 5.3. «Ареальная характеристика районов Среднего Поочья».

очье [Смолицкая, 1974, с. 64]. Новые карты ареалов, представленные в нашем исследовании, уточняют это положение и добавляют к зонам смешеннего распространения как балтийской, так и славянской топонимии перечисленные районы Среднего Поочья.

Соседство и взаимопроникновение балтийской и славянской топонимии в некоторых районах, при отсутствии археологического подтверждения присутствия культур древних балтов в период интенсивного славянского заселения Среднего Поочья, заставляет думать, что топонимия балтийского типа могла быть воспринята славянским населением во времена более ранних балто-славянских контактов на других территориях и уже после этого перенесена славянами на новые земли своего проживания. В ряде случаев, действительно, трудно разграничить балтийские и славянские названия ввиду единства или близости апеллятивной лексики (географической терминологии) и наличия топонимических параллелей в разных районах исторического проживания как славянских, так и балтийских племен, о чем уже писали многие авторы[41].

Возможность неоднозначного объяснения допустима в отношении определенной группы топонимов Среднего Поочья (например, топонимов с основами *луб-, пал-*), однако слишком мощный и плотный ареал балтийской топонимии, в сравнении с ареалами собственно славянской топонимии раннего типа, находящимися как раз внутри обширного и непрерывного балтийского ареала, растворенными в нем, заставляет больше склоняться к версии о том, что в районе Оки славяне непосредственно столкнулись с балтийским населением либо с оставленной им топонимией. В реконструкции В.Н. Топорова, описывающей ономастическую ситуацию на рубеже I-II тысячелетий н.э. в районе Москвы, прямо утверждается: на своем пути славянские потоки не только сталкивались с балтийским населением, но и проходили сквозь балтийские территории [Топоров, 1981, с. 6]. Отсутствие границ между балтийской и славянской топонимии в некоторых районах, размытость ареалов, взаимопроникновение ареалов говорит, во-первых,

[41] История вопроса изложена в статье В.Н. Топорова «Балтийские языки» [БЯ, 2006, с. 16-21], он же в одной из статей писал об общности для славян и балтов топооснов *маск-, мазг-, маст-* [Топоров, 1982, с. 29].

о «сосуществовании на данной территории в определенный период двух разных этноязыковых комплексов (балтийского и славянского)» и, во-вторых, о хронологических различиях между этими комплексами: «балтийский элемент предшествовал здесь славянскому, который внедрялся в уже готовую гидронимическую номенклатуру, занимая свободные ячейки и частично трансформируя, «осваивая» уже имевшийся инвентарь названий» [Топоров, 1982, с. 7].

Сохранность мощного пласта дославянских названий, как финно-угорского, так и балтийского, говорит о преемственности населения в исследуемом регионе. Всякий раз при изменении этнической ситуации в Поочье коренное население становилось проводником сложившейся гидронимической сети новому населению.

Взаимодействие топонимических систем разных народов в Среднем Поочье подтверждается многочисленными фактами взаимодействия их материальных культур. По археологическим данным, ввиду наличия большого количества неосвоенных земель, волжско-финские и балтийские племена Среднего Поочья с приходом славян или продвинулись на свободные земли, или мирно соседствовали: «славяне живут чересполосно и с теми, и с другими; не вытесняют их, а ассимилируют» [Мавродин, 1978, с. 74].

Славянские города часто возникали рядом с поселениями коренного населения. При этом каждый народ пользовался своим названием для своего поселения. В ходе исторического развития сохранились преимущественно славянские топонимы, а неславянские названия были утрачены, вслед за утратой самих поселений. Одним из примеров может служить город ***Ростов*** (***Ростов Великий***, в совр. Ярославской обл.), возникший рядом с так называемым *Сарским городищем* (поселение мери, существовавшее с VII в.). Рязанский город ***Олгов*** также был заложен напротив крупного финно-угорского поселения. Немногочисленные исключения: ойконимы ***Муром*** (владимир.; рядом с древним городом муромы располагалась крепость князя Глеба (годы жизни: 987 – 1015), население которой постепенно переселилось в Муром), ***Кадом*** (ряз.; упом. в памятниках письменности под 1202 г., опорный пункт рязанских князей на востоке княжества, возникший в мордовском ремесленно-тороговом поселке [АКР 1, 1993, с. 33]).

Известны отдельные случаи, когда разноязычное население одного района пользовалось и своими названиями для одной реки, например, благодаря письменным источникам, сохранилось несколько названий реки ***Пры*** (л.п. Оки), протекающей в Клепиковском Поозерье (район многообразия языковых и структурных топонимических типов): с одной стороны, ***Ялма*** (***Ялна***), ***Ялмоть*** (***Ялмот***) с характерными неславянскими формантами *-ма, -оть*, с другой – слав. ***Зелень, Просница*** (от *прость* «прямой водный путь»); все сохранившиеся варианты названий реки указаны в каталоге окских гидронимов [Смолицкая ГБО, 1976, с. 128].

О перемещении на свободные земли дославянского населения говорят факты повторения топонимических ландшафтов некоторых районов. В частности, в районе Пары, который долгое время оставался малопривлекательным для жизни из-за невыгодных географических условий, названия ее притоков полностью дублируют названия притоков соседней (с запада) реки Прони (многие из них интерпретируются как балтийские): ***Верда, Иберд / Ибред, Ишердь*** (***Ищердь***), ***Лукос / Лукмос, Мош[ка], Уда, Чембор.*** Во многом это перемещение населения связано с составом почв: славяне заняли земли в районе Прони с удобными для обработки серыми лесными почвами, вытеснив местное население в междуречье Рановы и Пары – в зоны целинного, трудного для обработки чернозема или малоплодородного песчаника [Судаков, Буланкин, 2005 (1), с. 273]. В результате движения населения, получили названия многие мелкие водоемы, которые до прихода славян, очевидно, названий не имели.

В итоге, формирование славянского топонимического пространства привело к изменению зон распространения неславянской топонимии в регионе: смещению ряда ареалов (в восточном направлении), сужению их границ, формированию новых ареалов. Постепенное расширение славянского влияния привело к поглощению ономастических элементов неславянского характера. Очевидно, были стерты некоторые ареалы дославянской топонимии и отдельные названия (в том числе названия неславянских поселений, рядом с которыми расположились славянские поселения). Так, например, в округе Переславля (совр. Рязани) пласт славянорусской топонимии настолько мощный, что здесь не выявлено ни одного суб-

стратного названия, хотя археологически подтверждено, что до прихода славян местность была хорошо освоена, здесь проживало как финно-угорское, так и балтийское население, сам район находится в границах ареала балтийской топонимии. Плотный ареал славянской топонимии окружает и столицу княжества – Рязань (Старую).

Причина стремительного и уверенного распространения славянского топонимического пространства в центральных районах Среднего Поочья заключается в том, что новое население заселялось массово, многочисленными группами, быстро распространяя свою культуру на местное население [АКР, 1, с. 29]. Иное положение славянской топонимии в северных районах территории, где сохранилось многообразие субстратных типов, что показывает и современная топонимическая карта региона, объясняется иным характером славянской колонизации: осваивавшие Мещеру кривичи продвигались отдельными небольшими группами, «селились совместно или чересполосно с финнами, поддерживая с ними тесные культурные и хозяйственные отношения. Процесс ассимиляции местного населения здесь проходил медленнее, чем в центральных районах [АКР, 1, с. 29].

После славянского расселения областью сосредоточения финно-угорских народов Среднего Поочья стали бассейны Цны и Мокши. Балтийские народы полностью растворились среди славянского населения (по археологическим признакам балты не идентифицируются уже после VII в. н.э.). Ассимиляция неславянского населения Средней Оки, проживавшегося в центральных районах Рязанского княжества (основном анклаве древнерусского населения), завершилась, как полагают, к XIII-XIV вв. [Третьяков, 1970, с. 117], хотя отдельные упоминания об исторических народах Поочья еще встречаются в разных источниках вплоть до XIX в. Маркерами мест их проживания являются древнерусские и среднерусские топонимы, содержащие основы исторических этнонимов (*курша, мещера, мокша, мурома, чудь*). При этом в топонимии области, даже на границе соприкосновения с неславянской топонимией, не отмечено названий, связанных с этнонимами ранних славянских групп, осевших здесь (*вятичи, кривичи*).

Таким образом, в течение перв. пол. II тысячелетия н. э. на топонимической карте Среднего Поочья произошли серьезные изменения. Появление новых – славянских – ареалов и взаимодействие ономастических систем разных народов привели к формированию в регионе качественно нового ономастического пространства.

6.4.8. Антропонимия

Одной из областей сформированного ономастического пространства региона была антропонимия. Древнерусская антропонимия Рязанской земли во многом отражает общерусские антропонимические традиции: и в части состава антропонимических формул, и в части представленных в них типов антропонимов. К общерусским традициям относятся: двуименность (многоименность) – наличие у человека нескольких имен (разного типа), возможность образования упрощенных форм от имен разного типа и используемые при этом морфологические средства (общерусский фонд моделей, формантов).

Региональные особенности в древнерусский период касаются, с одной стороны, конкретного состава корпуса имен и отдельных форм этих имен (в частности, набора имен династии рязанских князей), с другой – хронологии развития антропонимических тенденций (синхронности, опережения или отставания относительно других административных территорий древнерусского мира).

Фонд древнерусских имен жителей Рязанского княжества составляли имена[42]: (христианские) *Александр* (1322), *Андрей* (1156), *Василий* (1322), **Ерем[ей /ий / а]*, *Иван* (1135), *Констянтин* (1148), *Матфей* (1209), *Федор* (1219); (исконные древнерусские, простой структуры и двуосновные): **Богунок*, *Борис* (1175), **Борисл[а]в*, *Владислав* (1322), **Воин*, *Вятко*, **Грустын[я]*, *Детилец* (1175, 1177), **Добрило*, *Жидослав* (1177), **Здемир* (*Съдѣмиръ*), *Иварь* (1181), **Изяслав*, **Казар*, **Кань* (*Каня*), **Кожемяк*, **Котогость*, **Летогость* (*Легость*), **Любобуд* (*Любобудъ*), **Малын[я]*, **Милолюб*, *Мирослав* (1181), **Молодило*, **Негъ* (*Нѣга*), **Негобуд* (*Нѣгобудъ*), **Незда*, *Нелюб*, **Немир* (*Немѣръ*), *Олстен*

[42] В скобках после имени приводится год упоминания имени в памятниках письменности, под знаком * даны имена, восстановленные из состава топонимов или зафиксированные в надписях на археологических находках.

(*Олстень*) (1177), **Ослебя* (*Вослеба, Вослиба*), **Остромир* (*Остромѣръ*), **Перенег* (*Перенѣгъ*), **Переяслав*, **Резан, *Радобег* (*Радобѣгъ*), **Разнетим*, **Сологость*, **Храпын[я]*, *Шемяка*.

Некоторые из перечисленных имен зафиксированы в ранних памятниках письменности. Другие сохранились в составе отдельных региональных топонимов, появившихся в период актуальности номинации по имени человека (топонимические модели № 1 А, Б, В типа ***Ростиславль, Микитин, Остромеринское***). Третьи донесли до нас надписи, сделанные на предметах домашнего обихода.

Среди древнерусских двуосновных имен отмечены имена с компонентами *-славъ* (4), *-гостъ* (6) , *-миръ* (*-мѣръ*) (2), *-будъ* (2), *-нѣгъ* (2), *-бѣгъ* (1), *-мыслъ* (1). Значительная часть антропонимов зафиксирована в народной форме. Формы этих имен позволяют выводить словообразовательные форманты, продуктивные в региональной антропонимии: *-ко* (*Вятко*), *-ота* (*Ходота*), *-им* (*Разнетим*), *-ен (-ень)* (*Олстен* (*Олстень*)), *-ец* (*Детилец*), *-ок* (*Богунок*), *-ило* (*Добрило, Молодило*). При этом в антропонимии Рязанской земли не зафиксированы форманты, отмеченные в антропонимии других регионах, например: *-ята* (киевск., *Гордята*); *-ша* (новг., *Ратша*, сокращённое от *Ратибор, Ратислав* или *Ратимир*) [Суперанская, 2007, с. 26].

Двуименность (многоименность). У населения княжества прослеживаются общие традиции именования Древней Руси – двуименность или многоименность, в условиях которой человек мог иметь два имени или несколько имен. Об этом говорят отдельные летописные записи: *«Иван Андреевичь, нарицаемый Долгий», «князь рязанский Иван Коротопол», «Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой…».*

Все имена, принадлежащие одному человеку, являлись именами разного типа: заимствованное (у правящих князей) или традиционное русское, второе русское прозвищное, крестильное.

В XII-XIII вв. в роли основного личного имени, судя по антропонимическим формулам того времени, употреблялись: у князей – древнегерманские (скандинавские) и древнерусские двуосновные имена, а у представителей иных сословий –

древнерусские простой структуры и христианские. Выявленные предпочтения уточняют существующее представление о традициях в антропонимии Древней Руси.

В роли второго имени выступали: у князей христианские имена, у других сословий – древнерусские имена.

После XV в. позицию основного официального имени у представителей всех высших сословий заняли имена, полученные при крещении, в связи с чем их древнерусские имена стали играть роль второго по значимости имени.

По топонимическим данным этот процесс датируется более ранним временем: уже с перв. пол. XIV в. топонимы модели 1 Б (типа ***Микитин***) образовывались от христианских имен, а имена древнерусские использовались в еще более раннее время.

При этом второе имя служило дополнительным идентифицирующим знаком (то есть в какой-то мере выполняло те функции, которую выполняют современные фамилии), таким образом, для идентификации человека одного личного имени (проявление чего мы видим, в частности, в самых ранних формулах: *«Вятко со своим родом сел на Оке, а Радим – на реке Сож…», «Междо тем Мстислав приехал в Резань, немедленно возмутил Глеба идти на Всеволода»* (1177 г.) [Татищев, т. III, с. 116; Свод лет. Ряз., с. 80]), оказалось недостаточным.

Имена в разных социальных группах. В каждой социальной группе использовался свой набор имен. Традиционный княжеский именник включал имена: *Олег*, *Игорь*, *Володимер, Ярослав, Мстислав, Родослав, Святослав* (и эти имена фиксируются только у правящих князей). Напротив, имена *Борис, Матвей, Климент, Еремей* фиксируются только у бояр и служащих князей.

Некоторые имена соотносимы. В обеих социальных группах использовали имена: *Андрей, Констянтин, Иван, Федор*. Причем христианские имена у бояр фиксируется раньше, чем у великих князей: уже в перв. пол. (*Иван*), в сер. XII в. (*Андрей, Констянтин*), в нач. XIII в. (*Федор*), у князей – только в XIV в., что свидетельствует, с одной стороны, об устойчивости и относительном постоянстве антропонимических традиций правящего княжеского рода, а с другой – об их инертности.

Антропонимические формулы при записи людей. Запись людей, если возникала такая необходимость, осуществлялась по нескольким образцам. В самых ранних формулах значимым являлось только личное имя. Такое именное представление характерно и для легендарных, и для реально существующих людей: *Вятко, Радим, Глеб, Мстислав*. По отношению к рязанским князьям подобные формы записи характерны для кон. XII – нач. XIII в. Однако в тот же период применяются и другие формулы: с участием двух или нескольких (до 12) антропонимов (личного имени, именования по отцу, именований по деду и более далёким предкам): *Олег Иванович*; *Игорь, сын Глебов, внук Ростиславль*.

Начиная уже со вт. пол. XII в. к составу формулы добавляются титул (*князь* или *великий князь*) и указание на принадлежность к определенной территории (*рязанский, муромский, пронский*), однако употребление этих элементов пока нерегулярно. Обязательным компонентом формулы региональное указание становится только с XIII-XIV, а титул – в XIV-XV вв.

Иногда в формулах сообщается два личных имени человека: крестильное и мирское (*«сын Иван, глаголемый Всеволод», Шемяка князь Иван*) или крестильное и дополнительное прозвищное (*Иван Коротопол*), однако такие записи все же не типичны для летописей, и относятся они, в большинстве своем, к событиям относительно поздним – XIV в., нач. XV в.

На протяжении всего древнерусского периода используются самые разнообразные антропонимические формулы, пока еще отсутствуют, но уже постепенно вырабатываются нормы их употребления. В частности, по записям XIII и XIV вв. мы видим, что в эти столетия преобладающими становятся формулы двух типов: *князь Глеб Рязанский, князь Олег Иванович Рязанский*.

У представителей иных сословий важнейшими компонентами формул оказываются: сословная принадлежность, род занятий, территориальная принадлежность, личное имя, именование по отцу (патроним): *тысяцкий Констянтин, резанские бояре Детилец и Борис Куневич*.

Самой частотной является формула, включающая указание на род занятий, официальное имя, именование по отцу (патроним): *тысяцкий Андрей Глебов.* В

перв. пол. XIV в. фиксируется формула, содержащая 3 антропонима: личное имя, патроним и антропоним нового вида – прафамилию: *Владислав Дмитриевич Шиловский.*

Древнерусские образцы записей именных данных людей послужили основой для образования антропонимических формул последующих периодов, что четко прослеживается в средневековых документах.

В личной подписи, которая ставилась на предметах домашнего обихода, сделанных своими руками или принадлежащих данному человеку, обычно использовался народный вариант имени: *Молодило, Добрило, Богунка*.

Орфографические варианты имен. Большая вариативность антропонимических формул (как в одном тексте, так и в разных текстах разных источников) подтверждает постулат об отсутствии в древнерусский период строгих правил официального именования. Нерегламентированность древнерусской ономастики проявляется и в формах личных имен. Среди зафиксированных в летописях примеров вариативные формы отмечены у имен разных типов. У княжеских имен – различные варианты имени *Ингварр*: *Ингор, Ингварь, Инъгвар, Игорь*. У христианских имен – формы, отличающиеся от канонических форм из позднейших унифицированных церковных списков: *Федор* – каноническое *Феодор*; *Иван* – каноническое *Иоанн*; *Костянтин, Констянтин* – каноническое *Костантин* (древнецерковные формы восстановлены А.В. Суперанской, см.: [Суперанская, 2006, с. 192, 213, 323]).

Формирование антропонима нового вида. В древнерусский период началось формирование антропонима нового вида, который, в отличие от личного имени и именования по отцу, относился не к отдельному человеку или детям одного человека, а ко всем представителям данного рода или ветви рода.

В одной из летописных записей нач. XV в., в которой упоминается рязанский князь *Иван Нелюб*, его сын *Иван* и внук *Василей Нелюб*, отражено начало процесса образования родового антропонима – от второго дополнительного имени деда, которое приобрело данный статус в связи с происходящей в этот период перестройкой древнерусской системы личных имен, пока еще без всяких структурных перестроек самого имени (*Нелюб-ов*).

Антропонимы нового вида фиксируются в среде рязанских землевладельцев в перв. пол. XIV в. Они образованы по модели: топооснова (от названия реки или поселения вотчинных земель) + формант *-ский, -овский*: *Шиловский, Вердеревский.*

6.5. Некоторые тенденции развития региональной ономастической системы

Реконструкция ономастической ситуации в разные исторические периоды позволила выявить и описать некоторые тенденции региональной ономастики, которые в известной степени отражают общие закономерности развития и функционирования региональных онимических систем.

Одной из них является наличие на территории региона районов постоянной топонимической освоенности. Такие районы сохраняют чрезвычайно высокую привлекательность для жизни человека на разных этапах этнической истории: это районы с удачным географическим положением (например, на высоком берегу в излучине рек, в местах удобной переправы), с расположением на важных сухопутных или водных путях, на пересечении путей. Многие древнерусские поселения были заложены в местах существования более древних неславянских поселений. Позднее на тех же участках закладывались средневековые русские поселения.

Хорошо обжитые районы обладают высокой степенью топонимической освоенности. Она заключается в наличии сформированного топонимикона, в широком круге объектов, вовлечённых в процесс номинирования (поселения разных типов, реки, озера, леса, поля), в известности имен небольших по размеру объектов: оврагов, дорог, рощ, местечек и проч.

Сохранность древнейшего гидронимического фонда обеспечивалась преемственностью поколений людей, живших в данной местности, и непрерывностью устной традиции передачи названий. Переход названий в топонимическую систему другого народа проходил в результате контактов двух этносов.

Региональные особенности в топонимии появляются после прочного обоснования славянского населения в новом районе. Для рязанской территории таким временем стал XIII век (к этому же периоду относится формирование Восточной (Рязанской) группы южного наречия и Восточных среднерусских акающих гово-

ров). К этому времени складывается региональный фонд географических терминов, определяются предпочтения в моделях образования географических имен, формируется корпус рязанских топонимов. Вместе с тем возникает необходимость разграничения повторяющихся названий разных регионов. У таких топонимов появляются дополнительные компоненты по названию региона (***Рязанский, Залесский, Южный*** и т.д.) либо региональному гидрониму: «на Плаве», «на Трубеже», «в верх Дону».

В истории региональных топонимических систем отмечаются периоды активизации и замирания ономастических процессов, обусловленные внелингвистическими факторами. В Среднем Поочье временем топонимической активности был период с сер. XII до вт. пол. XIII в., временем спада – XI в. и период со вт. пол. XIII в. до XIV в. Главными внелингвистическими факторами, тормозящими развитие топонимической системы региона до XVI в., явились междоусобная борьба рязанских князей и периодически обостряющаяся военная ситуация ввиду окраинного положения княжества (по отношению к центральным русским землям), близости к степям, отсутствия эффективной системы защиты от внешних врагов (позднее ею стала Большая Засечная черта).

Обязательным условием существования региональной топонимической системы является наличие главного топонима, вокруг которого формируется именное пространство и по которому данный регион распознается в ряду других регионов. Главный топоним региона в древнерусское время не мог быть утрачен или изменен, даже в случае утраты самого денотата. История названия ***Рязань*** является яркой иллюстрацией этого положения: топоним употреблялся после полного разрушения города, само княжество по-прежнему именовалось ***Рязанским***, город, который стал выполнять функции княжеской столицы, продолжал называться ***Переславлем Рязанским***, позже его название было заменено на ***Рязань***.

Невозможность утраты главного имени региона, длительная история отдельных названий, их ареальные связи позволяют говорить об именной преемственности как об одной из традиций региональной топонимии и, в целом, о консерватизме древней топонимии.

Именная преемственность обеспечивалась сохранением названия, несмотря на изменения, происходящие с денотатом. В случае ликвидации поселения название переходило на близлежащие объекты (другие поселения, водоёмы, поля), сохранялось в качестве названия городища, селища, пустоши, оставшихся на заброшенном месте. Впоследствии здесь вновь могло возникнуть поселение, которому давали имя исчезнувшего города или села. Благодаря этой традиции, именная основа могла сохраняться в местной топонимии в течение нескольких столетий. В районах устойчивого заселения тем самым обеспечивалась сохранность местного топонимического ландшафта. При перемещении населения названия переносились на новые объекта нового места жительства. Тем самым обеспечивалась сохранность привычного жизненного пространства и поддерживалась духовная связь с другими, в том числе исконными территориями славянского мира.

Выводы Главы 6

1. Полученные в ходе исследования материалы позволили восстановить и описать важнейшие этапы формирования и развития ономастики региона в периоды, по которым отсутствует достаточное количество письменных источников.

2. Согласно предложенной реконструкции, ономастический ландшафт региона формировался на протяжении нескольких тысячелетий из элементов разных языковых культур. Его основы были заложены во II тысячелетии до н.э. в эпоху господства в регионе племен культуры *шнуровой керамики и боевых топоров* (*шагарской, фатьяновской*), затем, в I тысячелетии до н.э., топонимическую сеть региона дополнили представители *городецкой* культуры, входивших в общность культур *текстильной керамики*. В I тысячелетии н.э. в формировании топонимического ландшафта региона участвовали финно-угорские и балтийские народы, проживавшие в это время в Среднем Поочье. С началом славянской колонизации в IX-X вв. в региональной топонимии появились первые славянские элементы. В XII-XV вв. славянское (древнерусское) ономастическое пространство распространилось по всей территории региона.

3. Ономастика самых ранних этапов описана гипотетически, на основании данных археологии о заселении Поочья, сведений ономастики об именных традициях кочевых народов древности, этимологии отдельных названий. В реконструкции определен круг объектов, который мог быть вовлечен в процесс именования, отмечены особенности расположения названий на топонимической карте.

4. Описание финно-угорского, балтийского и древнерусского пластов топонимии региона включает в себя: 1) корпус топонимов, который мог быть сформирован и оставлен носителями данных языков; 2) банк топонимических элементов (топооснов, топоформантов); 3) важнейшие объекты именования; 4) типы топонимов; 5) степень топонимической освоенности (приблизительное число топонимов); 6) особенности расположения топонимов и ареалов на топонимической карте; 7) примеры межязыковых контактов и адаптаций в топонимии; иную значимую информацию (в частности, на основе анализа балтийской топонимии описана природа, которая окружала древних балтов в Среднем Поочье).

Реконструированный топонимический фонд региона (древнейшие топонимы, топоосновы, топоформанты) представлен в трех сводных таблицах, отдельно для финно-угорской, балтийской и славянской топонимии.

5. Типы топонимов древнейшей ономастики определены по типам объектов, которые могли быть вовлечены в систему именования в зависимости от условий и особенностей материальной и духовной жизни культур древности.

Топонимия древнейших людей (времен палеолита, мезолита) могла включать названия рек, пастбищ, мест уловов, а также стоянок. Топонимическую систему людей последующих эпох неолита и бронзы пополнили названия мест относительно постоянного проживания населения – поселений.

«Городецкая» топонимия включала гидронимы, оронимы, хоронимы, «городские» и «сельские» ойконимы. Важнейшими объектами именования в этот период были урочища, пойменные долины и овраги. Древнемордовская топонимия – это еще и развитая сеть лимнонимов (названий озер). У муромы приоритетными объектами номинации были сельские поселения (при отсутствии значимой системы городов).

Зоонимия могла быть развита у всех древнейших культур со времен неолита, у представителей городецкой культуры, у древней мордвы, муромы. Особое место в системе зоонимов у древней мордвы и муромы занимали клички лошадей ввиду их исключительной значимости в жизни людей.

Сохранившиеся элементы балтийской топонимической системы – это в основном названия рек и озер, мест совершения религиозных обрядов; данные по балтийской ойконимии отсутствуют.

Топонимическую систему славянского населения образовывали названия городов, сельских поселений разных типов (крупных сел, небольших селений, феодальных усадьб, отдельных дворов), заброшенных селений, мест, важных в экономическом, торговом, коммуникационном отношении, а также названия природных объектов: рек, ручьев, озер, болот, протоков, оврагов, отдельных ландшафтных зон, полей, лесов.

6. Степень наполненности топонимического пространства у разных народов определена по численности группы ойконимов и соотношению названий сельских и городских поселений. Так, «городецкая» ойконимия железного века включала 100-150 названий городов, возраст некоторых городов насчитывал более 1000 лет. Группа древнерусских ойконимов (в период с IX по XV век) насчитывала от 1000 до 2000 названий, при соотношении городских названий к сельским от 1/8 до 1/65 в зависимости от степени освоенности территории и удаленности от центра княжества.

7. Особенности расположения названий на топонимической карте определены на основании изучения принципов организации пространства у разных народов. «Городецкие» ойконимы располагались группами, по 2-3 названия на отрезке. У древней мордвы названия сельских поселений размещались «гнездами» и, скорее всего, были однотипными, так как все жители одного «гнезда» были связаны близкородственными отношениями. «Городские» ойконимы находились вдали от больших рек, в верховьях оврагов. «Гнездовой» принцип расположения характерен и для ойконимии мери. Причем эта особенность отмечается у мери в разных районах, в частности, в Среднем Поочье (совр. Рязанская область) и Верхнем Поволжье (совр. Ярославская область).

Славянские «сельские» ойконимы располагались в основном вдоль рек и ручьев, группами, рядом с городами. В период обострения военной ситуации в XIII в. рисунок топонимической карты изменился: названия поселений (преимущественно выселков и починков) стали располагаться вокруг крупных сел и только вдоль берегов рек, группы ойконимов на окраинных землях сместились с открытых участков в лесные массивы.

8. Ареалы топонимии разных языковых групп отражают распределение территории между народами Среднего Поочья в прошлом.

Топонимическое пространство *муромы* захватывало небольшой район северо-восточной части рязанской территории. Пространство рязанской *мещеры* – это северная часть Среднего Поочья (левобережье), именовавшаяся *Мещерской стороной*. Топонимия древней *мордвы* сосредоточена в районе Цны и Мокши.

Юго-западная часть Поочья является зоной сплошного покрытия балтийской топонимии. Отдельные районы присутствия названий балтийского типа – Озёрная Мещёра, бассейн Цны (на юго-востоке области). Небольшой, но плотный район балтизмов находится на левом берегу Оки (в центральной части региона), «островки» – вдоль рек Пет, Ермишь и Парца (на востоке региона).

Ареалы древнерусской топонимии обнаружены в девяти районах исторического Рязанского княжества: в округах городов Рязани (Старой), Переяславля (совр. Рязани), Вышгорода, Городца Мещерского, вдоль течения Вожи, Цны (от устья до впадения в нее Выши), в верхне-среднем течении Прони, в верхнем течении Рановы, в районе сел Борки – Алеканово – Дубровичи. При определении ареалов учтены не только сохранившиеся названия с архаичными славянскими элементами (зафиксированные в древних летописях и реконструированные), но и гипотетические названия несохранившихся поселений, сведения о местах сгущения которых предоставлены археологией.

9. Благодаря наличию широкого круга источников (письменных, лингвистических, археологических), относительно полно реконструировано славянское ономастическое пространство: выделены этапы его формирования до XV в. включительно (5 этапов), описаны особенности каждого этапа; определены внелинг-

вистические причины, влияющие на активизацию и торможение ономастических процессов в древнерусский период; выделен корпус топонимов регионального именного фонда, относящихся к каждому периоду, прослежена история появления и развития топонима ***Рязань***; описаны основные модели древнерусских топонимов региона; проведено сопоставление особенностей развития ономастики Рязанской земли и ономастики других русских регионов, в частности Суздальской земли в XI – XIII вв.

На основании материалов реконструкции выявлены некоторые тенденции в развитии региональной топонимической системы, как-то: использование новым населением края названий прежнего места жительства в целях создания привычного топонимического ландшафта (***Переяславль, Трубеж, Лыбедь, Вышгород, Дунай, Волынь*** и др.), складывание региональных особенностей в топонимии после прочного обоснования населения на новом месте (нач. XIII в.), наличие главного топонима региона как обязательное условие существования региональной топонимической системы, наличие в истории региональной ономастической системы периодов активизации и замирания ономастических процессов, наличие в регионе районов постоянной топонимической освоенности, существование именной преемственности в топонимии отдельного района, консерватизм древней топонимии.

10. Одной из важнейших частей реконструкции является описание основных моделей древнерусских топонимов Рязанской земли (всего 26 моделей). Каждая из представленных моделей отображает заложенный принцип номинации, используемые лексические (ономастические) и формальные средства; время появления модели в славянской топонимии, период ее актуализации и продуктивности в древнерусской топонимии и в топонимии Рязанского княжества; дальнейшую судьбу модели; первичность или вторичность модели для ойконимии, гидронимии и ее актуальность для определенной группы названий; корпус региональных топонимов, построенных по данной модели, и топонимов других русских регионов.

Модели групповых наименований славянского населения Среднего Поочья представлены четырьмя типами (*рязанцы, рязанские, проняне, дубровичи*) с несколькими подтипами. Вместе с описанием структуры модели даны сведения

о времени фиксации наименований в письменных источниках, периоде бытования, отражении в топонимии региона; приводится корпус топонимов других регионов, связанных с наименованиями групповых прозвищ того же ряда.

11. Как отдельная область ономастического пространства рассмотрена антропонимия древнерусского периода. Анализ ситуации в этой области основан на данных памятников письменности, топонимии и археологии. Воссозданный фонд имен жителей княжества включает христианские и исконные древнерусские имена, часть имен фонда реконструирован из состава региональных топонимов (***Ростиславль, Микитин, Остромеринское***) и из надписей на археологических находках. Исследование этих имен в совокупности позволило выявить структуру региональных антропонимов (в том числе круг продуктивных формантов: *-ко, -ота, -им, -ен (-ень), -ец* и др.) и особенности бытования имен в древнерусский период (в том числе особенности записи жителей княжества). Выявленные тенденции в мире имен рязанских князей и людей других сословий подтвердили общность традиций именования на всей территории Древней Руси.

12. Ономастическая система – неотъемлемая часть культуры каждого народа. Воссозданная на основе научных данных ономастическая картина прошлого расширяет наше представление о языковых и культурных традициях народов, живших в регионе в древнейшие периоды (до появления массовых памятников письменности): начиная с племен каменного и бронзового веков, входивших в общность культур ямочно-гребенчатой керамики, шнуровой керамики и боевых топоров, и заканчивая древнерусским населением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации был исследован ряд актуальных проблем региональной ономастики, связанных с обработкой и представлением ономастических данных и реконструкцией ономастической ситуации на локальной территории в периоды, по которым отсутствует достаточное количество письменных источников (с использованием полученных материалов). Главными результатами исследования стали 1) разработка критериев и технологий создания регионального топонимического каталога, атласа и единой базы данных по топонимии России; 2) выработка методики ономастической реконструкции, 3) представление модели развития ономастики региона Среднего (рязанского) Поочья в древнейшие периоды.

1. В рамках рассмотрения вопроса об актуальных способах обработки и представления ономастических данных освещены три научные проблемы: 1) проблема структурирования ономастического материала и создания регионального каталога имен собственных; 2) проблема картографирования ономастического материала и создания топонимического атласа региона; 3) проблема интеграции региональных топонимических знаний и создания единой базы данных по топонимии России.

Для решения обозначенных проблем, во-первых, были разработаны критерии регионального каталога топонимов, в основе которого лежит структурированный список, позволяющий представить географические названия разных разрядов и разных временных пластов в реальном топонимическом окружении, без разрыва сложившихся в той или иной местности топонимических общностей и связей.

Во-вторых, предложена современная, несложная технология создания ономастических карт методом послойного картографирования (на базе компьютерных программ графических редакторов), при котором на каждом слое отображается только один тип данных, затем эти слои могут использоваться в различных комбинациях, что позволяет создавать карты самого разного содержания. Технология апробирована на серии карт, созданных для регионального топонимического атласа.

В-третьих, разработана модель единой информационной системы по топонимике для размещения в открытом информационном пространстве, которая позволяет, с одной стороны, сохранить и обобщить результаты многолетних научных исследований в области топонимики, осуществить интеграцию региональных топонимических знаний, с другой – в простой и доступной форме представить конкретные результаты научной деятельности обществу. Для базы географических названий разработана система унифицированного описания топонима, позволяющая полно и всесторонне, но вместе с тем без избытка информации («информационной перегрузки») представлять топонимы разных разрядов (от урбанонимов до хоронимов) и разных территорий России.

2. В рамках проблемы изучения древнейшей ономастики региона представлена методика реконструкции ономастического процесса и ономастических состояний древнейших периодов на отдельно взятой территории. Методика апробирована на материале Среднего (рязанского) Поочья.

В ходе реконструкции показаны возможности восстановления состояний ономастической системы (в определенные исторические периоды и в развитии) в ситуации малочисленности или полного отсутствия письменных источников, являющихся для многих ономастических исследований единственным источником материала.

В диссертации показано, что список региональных топонимов, составленный только на основании данных древнерусских памятников письменности, может быть немногочисленным (по Рязанской земле он включает всего 66 названий) и недостаточным для целостного и всестороннего описания ономастической ситуации в регионе. В результате привлечения дополнительных источников (корпуса региональных имен собственных, представленного прежде всего в специальных ономастических каталогах, знаний по ономастике, языкам мира, диалектологии) и применения совокупности приемов и методов список может быть увеличен. По отношению к исследуемой территории он был увеличен почти в 3 раза: новый список включал около 200 составляющих (свыше 90 ойконимов, около 90 гидронимов, 9 хоронимов, 7 микротопонимов), также было реконструировано 28 ан-

тропонимов, что позволило более полно и корректно охарактеризовать состояние ономастической системы региона в древнерусский период.

В ходе разноаспектного анализа древнерусской топонимии региона были установлены актуальные топонимические модели XI-XV вв. (описано 26 моделей), принципы номинации, пути образования, структура названий, круг детерминативов, традиции в именовании. Анализ древнерусской антропонимии позволил получить важную информацию о составе и характере древнерусского именослова, структуре антропонимов, традициях в записи именных данных князей и людей других сословий, тенденциях в антропонимии раннего периода.

Из лингвистических знаний (других направлений) полезными для ономастической реконструкции оказались сведения о зонах распространения разных групп Южного наречия и разных типов Среднерусских говоров, обусловивших топонимическую неоднородность территории, данные по балтийским и мордовским языкам.

Привлечение внелингвистических материалов (исторических, географических, этнографических, археологических) дало возможность определить основные этапы формирования древнерусской ономастики Среднего Поочья, скорректировать данные о численном составе региональной топонимии в древнерусское время и о соотношении названий городских и сельских поселений, объяснить разнообразие древнерусских топонимических типов региона (разным составом славянских миграционных потоков), установить действительное (не летописное) время появления некоторых топонимов, подтвердить или опровергнуть отдельные версии происхождения рязанских топонимов, включить в круг возможных источников древней антропонимии ископаемые бытовые предметы с надписями. Новые материалы существенно дополнили представление о состоянии ономастического пространства региона в древнерусский период. Кроме того, сведения по географии и истории территории прояснили природные и исторические условия, в которых формировалась ономастика региона.

Важными источниками реконструкции стали топонимические карты. На картах показаны зоны распространения основных типов субстратной топонимии

Среднего Поочья, а также этнотопонимы. Лингвистическая интерпретация картографируемых групп (на основе этимологий названий, знаний о строении, лексической базе, территории распространения в прошлом финно-угорских и балтийских языков) и совмещение топонимических ареалов с археологическими позволили соотнести отдельные типы субстратных топонимов с известными языками, материальными культурами древности, периодами их существования в регионе и на основе этого выстроить возможную топонимическую стратиграфию района Средней Оки с древнейших времен до времени формирования славянской ономастической системы.

Таким образом, изучение древнерусских памятников письменности и привлечение дополнительных источников: ономастических и лингвистических данных, топонимических карт, внелингвистических материалов, дали возможность составить наиболее полное и объемное представление об ономастике ранних периодов и решить одну из главных задач исследования – воссоздать модель возможного развития ономастики региона Среднего (рязанского) Поочья с реконструкцией ономастических состояний в разные исторические периоды: начиная с эпохи неолита до XV в.

3. Предложенная модель стала главным итогом применения методики ономастической реконструкции и важнейшим результатом диссертации. В истории ономастики региона выделено несколько этапов: самые ранние периоды (каменный и бронзовый века, ранний железный век, приблизительно до сер. I тысячелетия н.э.), дославянский период (I тысячелетие н.э.), славянский (древнерусский) период (IX-XV вв.).

Ономастика самого раннего этапа включает ономастику племен каменного и бронзового веков (до II тысячелетия н.э.), ономастику фатьяновской и шагарской культур, поздняковской культуры бронзового века, ономастику городецкой культуры раннего железного века.

Дославянская ономастика I тысячелетия н.э. включает финно-угорскую и балтийскую топонимию. Под финно-угорской топонимией подразумевается топонимия потомков городецкой культуры: древней мордвы, муромы, мери, мещеры Среднего Поочья. Под балтийской топонимией подразумевается топонимия бал-

тов, входивших в состав культуры рязано-окских могильников, и балтов неустановленной (гипотетической) археологической культуры.

Славянская (русская) ономастика IX-XV вв. включает ономастику первых веков славянского освоения Поочья, периода массового славянского заселения и существования самостоятельного Рязанского княжества.

Значимыми результатами реконструкции является описание взаимоотношений топонимов ***Рязань – Переяславль***, установление истории взаимоотношений наименований территории ***Вятичи – Рязанская область, Рязань***, наименований жителей *вятичи – рязанцы*. В ходе исследования проведено разноаспектное изучение и проверка основных версий происхождения топонима ***Рязань***, которые в некотором смысле демонстрируют суть исследовательского процесса. Памятники письменности сообщают дату первого упоминания топонима – 1095 г. Данные археологии сообщают дату возможного появления поселения – нач. XI в., корректируя сведения о времени появления топонима. По материалам ономастики на основе структурной характеристики топонима и его возможной принадлежности к продуктивным топонимическим моделям древнерусского времени отбираются две наиболее вероятные версии происхождения: от антропонима *Резан (*Рѣзанъ)*, что ставит топоним в один ряд с названиями типа *Иванъ, Добрынь, Ярославль*, или от географического апеллятива, образованного от др.-русск. глагола *рѣзати*, что ставит топоним в один ряд с названиями типа *Листань, Серебрянь*. В то же время опровергаются версии, которые не согласуются с правилами образованиям и традициями древнерусской ономастики (в частности, возможность происхождения названия от этнонима *эрзянь* или от апеллятива с абстрактным значением «отрезанная от других русских земель» и т.д.). Исторические данные в совокупности с археологическими (топография древнерусских городов) и географическими (особенности рельефа местности в излучине Оки) подтвердили большую вероятность происхождения топонима от географического апеллятива с корнем *рѣз-* и значением «изрезанная (оврагами, балками»), что согласуется и с данными, предоставленными ономастикой.

Важным представляется и формулировка основных тенденций развития топонимии отдельно взятой территории, а именно: использование новым населением края названий прежнего места жительства в целях создания привычного топонимического ландшафта, складывание региональных особенностей в топонимии после прочного обоснования населения на новом месте, наличие главного топонима региона как обязательное условие существования региональной топонимической системы и ее идентификации среди других систем, наличие периодов активизации и замирания ономастических процессов, наличие в регионе районов постоянной топонимической освоенности (отражающих устойчивую привлекательность одних и тех же мест для населения разных времен), существование именной преемственности в топонимии отдельного района, консерватизм топонимической системы.

4. Другим важным результатом исследования стало описание, апробация и определение возможностей приемов и методов реконструкции: степени их эффективности, информативности и достоверности.

Метод текстологического анализа позволил выявить группу региональных топонимов и антропонимов, упомянутых в древнерусских памятниках письменности, и установить время и обстоятельства их употребления в летописных текстах.

Этимологический метод позволил установить происхождение древнерусских топонимов региона и принадлежность к этой группе ряда названий из исторического топонимического фонда; происхождение или возможную языковую принадлежность субстратных топонимов.

Типологический и *структурный методы* позволили выявить 29 типов субстратной топонимии, 26 моделей древнерусской топонимии Рязанского Поочья, определить фонд топооснов, топоформантов славянской (русской) и неславянской топонимии региона.

Статистический метод позволил определить: 1) соотношение разрядов топонимов, упомянутых в древнерусских памятниках письменности (ойконимов, гидронимов, микротопонимов: 40:11:2); 2) долю региональных названий славянского (русского) происхождения среди всех летописных названий (85%); 3) долю

рязанских названий, имеющих соответствия в других славянских областях (20%); 4) соотношение названий городских и сельских поселений (от 1:5 до 1:13); 5) степень несоответствия летописных данных материалам археологии (установленные ойконимы составляют лишь 1:10 или 1:20 часть всех реально существовавших в тот же период поселений); 6) интервал между действительным и летописным «возрастом» топонима (от 25 до 200 лет в отношении рассмотренных названий); 7) соотношение продуктивных и непродуктивных типов субстратной топонимии Поочья (65% : 35%) и другие важные параметры.

Общенаучные методы *индукции, дедукции, аналогии* были использованы в ономастических приемах, основанных на сопоставлении онимов с общим набором релевантных признаков, позволивших доказать принадлежность этих топонимов одному хронологическому периоду.

Результатом обращения к *картографическому методу* стало составление 58 карт различного содержания: детализированных (посвященных одной теме, одному топонимическому типу), сводных (показывающих обобщенную информацию по нескольких типам) и вспомогательных (показывающих топонимическое окружение каждого типа и иную значимую информацию). В общей сложности картографированием было охвачено около 400 топонимов.

Ареальный метод позволил определить ареалы выявленных типов и подтипов субстратной топонимии Среднего Поочья, их расположение относительно друг друга, ареалы древнерусской топонимии, основные топонимические районы области, распределение территории между разными языковыми группами.

Метод совмещения ареалов языковых и неязыковых явлений позволил соотнести выявленные группы топонимов с археологическими культурами древности и временем их существования, на основе чего была составлена возможная топонимическая стратиграфия региона, опровергнуты некоторые гипотезы о связи отдельных типов неславянской топонимии с археологическими культурами, высказан ряд новых гипотез об этноязыковой ситуации в древности, вскрыты проблемные вопросы, по которым имеются недостаточные научные знания или несоответствие лингвистических и археологических знаний.

Другой близкий метод межнаучной интеграции – *метод сопоставления ономастических и внелингвистических данных* – помог восстановить хронологию развития ономастики региона (в том числе определить действительный возраст топонимов, этапы формирования древнерусской ономастики); проверить достоверность отдельных версий происхождения названий, прежде всего мотивированных географическими и историческими реалиями.

Следует особо отметить возможность и результативность использования в региональных ономастических исследованиях сопоставления отдельных топонимических фактов с результатами исследований керамических комплексов (отражающими традиции и хронологию гончарного производства отдельных русских земель): наличие ярких региональных черт в керамике, возможность установления точной (до 50 лет) датировки гончарных изделий делает эти знания новым и интересным источником для изучения древнейшей ономастики региона при комплексном подходе к проблеме.

Исследование показало, что разные методы и приемы обладают разной степенью эффективности и информативности, но их использование в совокупности позволяет получить большой объем знаний, фактов, достаточных для описания состояний ономастических систем в доисторические периоды в границах локальной зоны.

5. Помимо решения методологических и практических задач, в работе были освещены теоретические вопросы, касающиеся лингвистических принципов составления ономастических карт, модернизации процесса обработки, хранения, обновления научной информации, роли лингвистических и внелингвистических данных в ономастической реконструкции, традиций древнерусской ономастики и др., а также описано содержание понятий *региональная ономастика, топонимическая модель, ономастическая стратиграфия, ономастическая реконструкция, ономастический процесс, ономастические состояния* в контексте настоящего исследования.

6. Прикладными продуктами диссертации являются каталог, атлас, информационный ресурс, два словаря: 1) (каталог) «Топонимия Рязанской области (список географических названий). Часть I. Современная топонимия. Выпуск I. Тер-

ритория бассейна реки Прони» (Рязань: «Рязань. Мір», 2010. 72 с.); 2) (атлас) «Топонимический атлас Рязанской области» (Ин-т языкознания РАН. М.: Наука, 2015. 72 с.: карты); 3) (информационный ресурс) Единая информационная система «Топонимия России» (разработана в составе научной группы по гранту РГНФ в 2014 г., размещена в сети Интернет: http://ономастика.рф). Топонимический атлас является единственным (на 2018 год) печатным изданием подобного рода в России. Созданный информационный ресурс также является уникальной научно-технической разработкой.

Этимология имен собственных, рассмотренных в диссертации, представлена в ономастических словарях двух типов – топонимическом словаре отдельного района и областном словаре фамилий: 4) «Географические названия Ряжского района Рязанской области. Краткий топонимический словарь» (Рязань: Узорочье, 2007. 40 с.); 5) «Словарь фамилий Рязанской области: этимология, история» (грант Мин-ва культуры Российской Федерации; Рязанский этнографический вестник. Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 2009, № 42. 145 с.).

7. Задачи, поставленные в диссертации, выполнены в полном объеме: решены пять актуальных проблем региональной ономастики, представлены авторские разработки (топонимический атлас, единая база данных по топонимике, модель развития ономастики отдельного региона) или авторские варианты решения этих проблем (структурированный список топонимов разных разрядов, приемы и методы ономастической реконструкции). Большинство из них базируются на результатах исследований разных поколений лингвистов и ономастов и являются дальнейшим развитием их идей, соответствующим современному научно-технологическому состоянию.

Полученные результаты представляют ценность, с одной стороны, как новое научное знание. Материалы топонимического каталога, атласа, единой базы данных могут быть использованы в разноаспектных ономастических исследованиях, в том числе межрегиональных, например, для сравнения топонимиконов разных областей, определения ареалов отдельных топонимов, топонимических

типов, топооснов, топоформантов. ЕИС «Топонимия России» может быть использована как платформа для хранения, обобщения, обмена научной информации. Материалы реконструкции ономастической истории Среднего Поочья представляют интерес для ономастики России, славянской ономастики, русской диалектологии, а также для других наук: археологии, этнографии, истории. Предложенная модель развития ономастики региона может быть интегрирована в одну из разрабатываемых лингвистических или историко-культурных моделей.

С другой стороны, теоретическую и практическую значимость имеют предложенные в диссертации методики. Представляется возможным и перспективным их использование для создания каталогов имен собственных и топонимических атласов других регионов.

Предложенная методика реконструкции древнейших ономастических состояний также может быть использована в региональной ономастике. В ходе исследования уже привлекались ономастические данные по другим регионам (Московская, Суздальская, Нижегородская и другие земли). Это делалось, в том числе, и с целью проверки возможности использования предлагаемых методик по отношению к топонимии других территорий России. Проверка показала, что все методики дают аналогичные результаты вне зависимости от региональной принадлежности ономастического материала. Ограничения в их использовании могут быть связаны лишь с низкой степенью изученности вопросов географии, этнографии, истории, археологии региона, отсутствием данных по отдельным (вымершим и нереконструированным) языкам, несобранностью ономастического материала, малочисленностью ономастических исследований по конкретному региону.

В то же время очевидны и перспективы дальнейшей разработки представленной в диссертации темы: 1) необходимо продолжить сбор и систематизацию топонимического материала по другим районам Рязанской области и издание новых выпусков «Топонимии Рязанской области»; 2) важным представляется поиск новых исторических письменных источников, а также новых типов источников (например, этнографических ареалов разных типов жилищ, народной одежды, этнических украшений, результатов ДНК-генеалогии); 3) должно быть продолжено

лингвистическое изучение топонимических типов Среднего Поочья и поиск языков и материальных культур древности, с которыми они могут быть соотнесены; 4) необходимо продолжить картографирование новых ономастических фактов и явлений, создание новых тематических карт, подготовку нового выпуска «Топонимического атласа Рязанской области» по славянской топонимии; 5) долгосрочный характер носит и работа над информационной системой «Топонимия России», которая требует планомерного заполнения баз данных, совершенствования программного обеспечения, расширения круга авторов и пользователей.

Созданные научные продукты могут послужить основой для создания сводного топонимического атласа Центральной России, единого общероссийского каталога имен собственных. В Единую информационную систему «Топонимия России» могут быть интегрированы в виде отдельных кластеров областные топонимические базы данных. Это способствовало бы интеграции региональных научных знаний и выведению региональной ономастики на новый уровень.

Список сокращений и условных обозначений

АКР – Археологическая карта России, см.: [АКР]
БД – база данных
БЯ – Балтийские языки, см.: [БЯ]
ГБО – Гидронимия бассейна Оки, см.: [Смолицкая ГБО]
ЕИС – Единая информационная система «Топонимия России»
РЖВ – ранний железный век
СРЛИ – Словарь русских личных имен, см.: [Суперанская, 2007]
ТРО – Топонимия Рязанской области, см.: [Гордова ТРО]
ЭБД – электронная база данных

Сокращения при топонимах

в. – верх
г. – город
д. – деревня
л.п. – левый приток
н.п. – населённый пункт
оз. – озеро
пос. – посёлок
прот. – протока
п.п. – правый приток
п.с. – правая сторона
р. – река
руч. – ручей
с. – село
уроч. – урочище

Сокращения названий языков, регионов, бассейнов рек

блр. – белорусский
болг. – болгарский
вепс. – вепсский
влад. – владимирский
волж. – волжский
двин. – двинский
десн. –деснинский
днепр. – днепровский
донск. – донской
иван. – ивановский
испанск. – испанский
карел. – карельский
костр. – костромской
лит. – литовский
лтш. – латышский
люд. – людиковский
моск. – московский
нижегор. – нижегородский
окск. – окский
пенз. – пензенский
прибалт.-финск. – прибалтийско-финский
припят. – припятский
прус. – прусский
пск. – псковский
ряз. – рязанский
смол. – смоленский
тверск. – тверской
укр. – украинский
черниг. – черниговский

Условные обозначения

*Оним – реконструированное имя или реконструированная форма имени.
Оним* – имя как реконструированный элемент ономастического пространства.
Бохот[ка] –вторичная морфема в топониме (заключена в квадратные скобки).
Лют[…] – элемент имени в квадратных скобках не представляет интерес для исследования.
Воин[?] – начальная форма имени неизвестна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева Р.А., Микляев А.М. Топонимы с -ля, -ль на Северо-Западе СССР и проблема восточнославянского расселения // Проблемы восточнославянской топонимии / Ред. Р.А. Агеева, Е.М. Поспелов. – М.: МФГО СССР, 1979. – С. 30-54.

2. Агеева Р.А. Происхождение имен рек и озер / Р.А. Агеева. – М.: Наука, 1985. – 144 с.

3. Ардеев И.Д. Фонетические процессы в древнем финно-угорском языке и их отражение в топонимии Волго-Окского междуречья: монография / И.Д. Ардеев; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского. – Москва; Пенза: ПГПУ, 2002. – 206 с.

4. АКР – Археологическая карта России: Рязанская область. В 3 ч. / Сост. Ю. А. Краснов, С. Е. Михальченко. – М.: Институт археологии РАН. – 1993-. Часть I. – 1993. – 272 с. Часть III. – 1996. – 210 с.

5. Барандеев А.В. Русские космографии XVI-XVII вв. в аспекте топонимического источниковедения // Топонимия России / Отв. ред. Р.А. Агеева, А.В. Барандеев. – М.: Русское географическое общество, Московский центр, 1993. – С. 119-132.

6. Барашков В.Ф. Речная гидронимия Ульяновско-Самарского Поволжья // Ономастика Поволжья (Материалы Шестой конференции по ономастике Поволжья). Ч. II. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1992. – С. 12-19.

7. Беляев Л.А. Борисоглебский храм: новые исследования (1999 – 2004 гг.) // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 105-153.

8. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – 532 с.

9. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А.К. Матвеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Либроком, 2009. – 328 с.

10. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Индрик, 2003. – 336 с.

11. Большая географическая энциклопедия / В.С. Алексеев, Е.Ю. Бадикова, И.А. Балакирева и др. – М.: Эксмо, 2007. – 671 с.

12. Буланкин В.М. Охранные исследования у села Глебово-Городище в Рыбновском районе Рязанской области в 2003 году // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси): Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья)» / Упр. культуры и массовых коммуникаций Рязанской обл., ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия»; отв. ред. П.В. Акульшин. – Рязань: Политех, 2006. – 322 с.

13. Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 198-210.

14. Бурыкин А.А. Ареалы археологических культур и субстратная топонимика (на материале археологических памятников и топонимики Якутии) // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов. – Владивосток-Омск: ФГБОУ ВПО «Омский гос. пед. ун-тет», 2000. – С. 121–122.

15. Бурыкин А.А. Иноязычная ономастика русских документов XVII-XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник: Автореферат диссерт. … д. ист. н.: 07.00.09, 07.00.07: защищена 21.10.2011 / Бурыкин Алексей Алексеевич. – СПб., 2011. – 39 с.

16. Бурыкин А.А. Электронный ономастический тезаурус: проект «Библиотека лексикографа» в приложении к ономастике // Ономастика Поволжья: материалы XIV Междунар. науч. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / Под ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 25–30.

17. Бурыкин А.А. Электронный ресурс для исследований в области русской лексикологии и лексикографии «Библиотека лексикографа»: опыт работы, пер-

спективы пополнения, возможности использования // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Благовещенск: АмГУ. – 2015. – Вып. 1, № 4. – С. 5-28.

18. БЯ – Языки мира: Балтийские языки / РАН. Ин-т языкознания; Ред. колл.: В.Н. Топоров, М.В. Завьялова, А.А. Кибрик и др. – М.: Academia, 2006. – 224 с.

19. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В.Л. Васильев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 816 с.

20. Вдовицын В.Т., Керт Г.М., Беляева Н.А., Луговая Н.Б., Сорокин А.Д., Чуйко Ю.В. Электронная коллекция информационных ресурсов по топонимии Европейского Севера России / Институт прикладных математических исследований, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rcdl.ru/doc/2001/vdovitsyn.pdf.

21. Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы // Отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 589 с.

22. Военный энциклопедический словарь / Отв. ред. Н. Еремина. – М.: Эксмо, 2007. – 1024 с.

23. Войтенко А.Ф. Словарь говоров Подмосковья / А.Ф. Войтенко. – М.: Логос, 1995. – 59 с.

24. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Федорова. – М.: Центрполиграф, 2004. – 223 с.

25. Горбаневский М.В. Имена земли Московской / М.В. Горбаневский. – М.: Моск. рабочий, 1985. – 158 с.

26. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. – М.: Об-во любителей рос. словесности, Ин-т народов России. 1996. – 304 с.

27. Гордова Ю.Ю. К этимологии топонима Перекаль // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. научных работ / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов; Ряз. обл. ин-т разв. обр-я. – Т. 18. – Рязань: Узорочье, 2008. – С. 295-298.

28. Гордова Ю.Ю. Прозвищное наименование в Рязанской области (некоторые результаты ономастического исследования) // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. научных работ / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов; Ряз. обл. ин-т развития образования. – Т. 5. – Рязань, 2004. – С. 259 – 261.

29. Гордова Ю.Ю. Топонимический атлас Рязанской области / Российская акад. наук, Ин-т языкознания; [авт.] Ю.Ю. Гордова; науч. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 2015. – 72, [45] с.: карты, текст, указ. (ок. 670 назв.).

30. Гордова Ю.Ю. Топонимия Вожской засеки (XVI-XVII вв.): названия населенных пунктов // Битва на Воже и средневековая Русь. Материалы межрегиональной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1 – 3 октября 2008 г. / Упр. культуры и массовых коммуникаций Рязанской обл., ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия»; отв. ред. П.В. Акульшин. – Рязань, 2009. – С. 68-77.

31. Гордова Ю.Ю. Топонимия Переяславля Рязанского в свете лингвистических и археологических данных // Материалы по археологии Переяславля-Рязанского / Отв. ред. и сост. В.И. Завьялов, Институт археологии РАН, РИАМЗ «Рязанский Кремль». – Вып. 2. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2013. – С. 8-19.

32. Гордова Ю.Ю. Топонимия Ряжской Засечной черты // Рязанский этнографический вестник / [учред.: В.В. Коростылев, Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества]. – Рязань: Рязанский обл. научно-методический центр народного творчества, 1991-. – Рязань, 2006. – Вып. 37. – 157 с.

33. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. Т. 1: А – З. – 640 с.

34. Дини П.У. Балтийские языки / Под ред. и с предисл. В. Н. Топорова, пер. с итал. А. В. Тороповой. – М.: ОГИ, 2002. – 544 с.

35. Добродомов И.Г. Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России / Отв. ред. Р.А. Агеева, А.В. Барандеев. – М.: Русское географическое общество, Московский центр, 1993. – с. 55-73.

36. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья / Р.Г. Жамсаранова, Л.В. Шулунова. – Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. – 128 с.

37. Железняк И.М. К стратиграфии киевской гидронимии (р. Почайна) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983 / И.М. Железняк; В.В. Иванов (отв. ред.). – М.: Наука, 1988. – 344 с. – С. 146-159.

38. Завьялов В.И. Археологические исследования посада // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 102-103.

39. Завьялов В.И. Кузнечное ремесло столицы и периферии (Рязань и Ростиславль Рязанский) // Русь в XI-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. – М.: Наука, 2005. – 326 с. – С. 118-125.

40. Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья / Н.В. Кабинина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – 342 с.

41. Керт Г.М., Вдовицын В.Т. Информационная система для поддержки исследований в области топонимики // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: Труды 7 Всероссийской объединенной конференции (IST/IMS-2004). Санкт-Петербург. 10-12 ноября 2004 г. – СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. – С. 62-65.

42. Кибрик А.А. Лингвистическая география // Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ LINGVISTICHESKAYA_GEOGRAFIYA.html?page=0,0 (дата обращения 16.02.2017).

43. Клепикова Г.П. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983 / Г.П. Клепикова; В.В. Иванов (отв. ред.). – М.: Наука, 1988. – 344 с. – С. 93-104.

44. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ: Монография / Л.А. Климкова; МПГУ. – Арзамас: АГПИ, 2008. – 261 с.

45. Ключевский В.О. Русская история. – М.: Независимая газета, 1992. – 192 с.

46. Коваль В.Ю. Планировка средневекового Ростиславля. Приложение: Средневековые памятники в окрестностях Ростиславля // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 262-287.

47. Королёва И.А. Словарь фамилий Смоленского края / И.А. Королёва. – Смоленск: СПГУ, 2006. – 368 с.

48. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Пилигрим, 2006. – 76 с.: карты.

49. Костылева Е.Л., Уткин А.В. К вопросу о происхождении льяловской культуры // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения профессора Ю.А. Якобсона. – Иваново, 2000. – С. 19-23.

50. Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // Советская археология. – 1977, № 3. – С. 42-69.

51. КРОС – Картотека рязанского областного словаря / Место хранения: кафедра русского языка и культуры речи РГУ им. С.А. Есенина.

52. Кучкин В.А. Из истории средневековой топонимии Поочья (названия древних московских волостей) // Ономастика Поволжья / Отв. ред. В.А. Никонов, Н.Ф. Мокшин. – Вып. 4. – Саранск, 1976. – 355 с. – С. 175-182.

53. Кюршунова И.А. Историческая антропонимии Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: Диссерт… д. ф. н.: 10.02.01: защищена 10.10.2017 / Кюршунова Ирина Алексеевна. – Петрозаводск, 2017. – 451 с.

54. Лизанец П.Н. Современные методы исследования в лингвистической географии // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984 / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1988. – 320 с. – С. 123-130.

55. Мавродин В.В. Происхождение русского народа / В.В. Мавродин; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 184 с.

56. Мазуров А.Б. К столетию начала археологического изучения Коломны // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 288-298.

57. Макарова А.А. К лексикографическому описанию озерной гидронимии Белозерья: словарь и электронная база данных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г. – Екатеринбург, 2009. – С. 166-168.

58. Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – перв. пол. II тысячелетия н.э.: новые материалы // Русь в XI-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. – М.: Наука, 2005. – 326 с. – С. 196-215.

59. Материалы и исследования – Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сб. научных работ / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов; Ряз.обл. ин-т развития образования. – Рязань. – 2000-.

60. Матвеев А.К. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Балто-славянские исследования 1988–1996 / Отв. ред. Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997. – 408 с. – С. 30-39.

61. Матвеев А.К Субстратная топонимия Русского Севера: в IV ч. / А.К. Матвеев. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-. Ч. I. – 346 с.

62. Матвеев А.К. Типы бытования географических терминов в субстратной микротопонимии русского Севера // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Н.И. Толстой. – М.: Мысль, 1970. – 224 с. – С. 106-119.

63. Матюшин Г.Н. Археологический словарь / Г.Н. Матюшин. – М.: Просвещение, 1996. – 304 с.

64. Маштаков П. Л. Материалы для областного водного словаря. – Л., 1931.

65. Маштаков П.Л. Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). С картой и алфавитным указателем. – Петроград, 1917.

66. Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. С картой и алфавитным указателем. – СПб.: Б.и., 1913. – 292 с.

67. Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. – Л.: Государственный гидрологический институт, 1934. – 94 с.

68. Медынцева А.А. Грамотность в повседневной жизни столицы Рязанского княжества // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 211-221.

69. Мищенко О.В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала. 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lexrus.ru/default.aspx?p=2877 (дата обращения 12.02.2014).

70. МокшРС – Мокшанско-русский словарь: 41000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Республики Мордовия; Под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М.: Русский язык, Дигора, 1998. – 920 с.

71. Монгайт А.Л. Рязанская земля: Изд-во АН СССР. – М., 1961. – 400 с.

72. МРС – Марийско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. – 863 с.

73. Муллонен И.И., Кузьмин Д.В. Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории; ред. О.П. Илюха, И.И. Муллонен. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 215-256.

74. Муллонен И.И., Лялля Е.В. Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2005. – № 2. – С. 86-96.

75. Муллонен И.И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями / Институт языка, литературы КарНЦ РАН. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – 242 с.

76. Муравьев В.Б. Московские улицы. Секреты переименований / В.Б. Муравьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 336 с.

77. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

78. Мызников С.А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада / С.А. Мызников; Институт лингвистических исследований РАН. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 2007. – 395 с.

79. Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ / С.А. Мызников; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

80. Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения / С.А. Мызников; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 2003. – 540 с.

81. Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл / С.А. Мызников; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.

82. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов / В.П. Нерознак; Институт языкознания РАН. – М.: Наука, 1983. – 208 с.

83. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1966. – 510 с.

84. Никонов В.А. Неизвестные языки Поочья // Вопросы языкознания. – 1960. – Вып. 5. – С. 89-94.

85. Ономастика – Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР в 1971 – 1975 гг. с приложением за 1918 – 1962 гг. / Академия наук СССР, Институт научной информации по общественным наукам; сост. Б.А. Малинская, М.Ц. Шабат; отв. ред. Р.Р. Мдивани, Н.В. Подольская. – М.: Академия наук СССР, 1978. – 302 с.

86. Осипова Е.П. Язык рязанского костюма. Наименование элементов народной одежды в рязанских говорах // Рязанский этнографический вестник / Е.П. Осипова; гл. ред. В.В. Коростылёв. – Рязань, 2004. – 244 с.

87. Осипова Е.П. Диалекты Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. – Т. 13. – Рязань: Узорочье, 2008. – С. 405-417.

88. Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. XVI / Отв. ред. В.В. Иванов. – 2004. – 480 с. – С. 83–114.

89. Панин Н.И. О древнемордовских границах по некоторым данным гидронимии // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ин-та, 1972. – С. 195-196.

90. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 200 с.

91. Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1983 . – 160 с.

92. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики / М.С. Полубояров; Моск. гос. обл. ун-тет. – М.: Издательство МГОУ, 2003. – 156 с.

93. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики / М.С. Полубояров. – М.: Издательство ЗАО «ФОН», 2010. – 224 с.

94. Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Уч. зап. Ленинградского ун-та № 105. Серия востоковедческих наук. – Вып 2. Советское финно-угроведение. – Л., 1948. – С. 103-113.

95. Поспелов Е.М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Н.И. Толстой. – М.: Мысль, 1970. – 224 с. – С. 96-105.

96. Поспелов Е.М. Построение и источники Топонимического атласа Центра // Топонимия Центра (тезисы докладов) / Моск. филиал Географического общества СССР. – М.: Географическое общество СССР, 1972. – С. 7-9.

97. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Русские словари: Издательство Астрель, Издательство АСТ, 2002. – 512 с.

98. Природа РО – Природа Рязанской области: Монография / В.А. Кривцов и др.; ред. В.А. Кривцов; Ряз. гос. ун-тет им. С.А. Есенина. – Рязань, 2008. – 407 с.

99. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей / [изд. 2-е, испр. и доп.] Подготовка текста, сост. М.В Майоров; ред. Т.В. Майорова. – Тула: ИД «Пересвет», 2010. – 568 с.

100. Роспонд Ст. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М., 1972. – 367 с. – С. 9-89.

101. Рубцова З.В. Белорусский ареал топонимов с финалью -нь // Зоя Васильевна Рубцова – топонимист, славист / Сост. А.В. Суперанская. – М; Калуга: Эйдос, 2011. – С. 127-137.

102. Рубцова З.В. Гидронимический атлас Украины // Топонимика / Московский филиал Географического общества СССР; ред. Е.М. Поспелов. – М.: Материалы Московского филиала Географического общества СССР, 1967. – Вып. 1. – 36 с. – С. 31-33.

103. Русаков П.Е. Памятники древнерусского времени на территории Михайловского поля // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 397-412.

104. Русская ономастика и ономастика России / Под ред. акад. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1994. – 288 с.

105. Русские Рязанского края. В 2 тт. // Институт этнологии и антропологии РАН; отв. ред. С.А. Иникова. – М.: «Индрик», 2009.

Т. 1. − 616 с., илл.

Т. 2. – 748 с., илл.

106. Рындин И.Ж. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии / под ред., с предисл. и доп. Б. В. Горбунова. – Т. 10, вып. 1-. – Рязань: Изд-во Рязанского обл. ин-та развития образования, 2006-.

107. РЭ – Рязанская энциклопедия: В XII тт. – Рязань: Слово, 1995-.

108. РЯ – Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.

109. Саарикиви Я. Финно-угорская карта дославянской России (европейская часть) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 232 с. – с. 216-218.

110. Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / Отв. ред. Б.Л. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – 326 с.

111. Седов В.В. Гидронимические пласты и археологические культуры Центра // Топонимия Центра (Тезисы докладов) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М.: Географическое общество СССР (Московский филиал), 1972. – С. 3-4.

112. Седов В.В. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988-1996 / Отв. ред. Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997. – 408 с. – С. 73-80.

113. Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // Вопросы языкознания. – 1955, № 6. – С. 19-31.

114. Система управления базами данных // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_управления_базами_данных

115. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 тт. / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1988-.

Т.2: (възалкати — добродътсльникъ). – 1989. – 494 с.

116. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1-6. – СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1994-2005.

117. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.-Л.: Наука, 1961-.

Вып. 8: (дер — ерепениться). – 1972. – 369 с.

118. Словарь русского языка XI - XVII вв. / АН СССР, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1975-.

Вып. 4: (Г – Д). – 1977. – 403 с.

Вып. 16: (Поднавѣсъ – Поманути). – 1990. – 295 с.

Вып. 22: (Раскидатися – Рященко). – 1997. – 298 с.

119. Смолицкая Г.П. Географический термин *корь – корёк* // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины / Отв. ред. Е.М. Поспелов, Н.И. Толстой. – М.: Мысль, 1970. – 224 с. – С. 145-150.

120. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции): Автореферат диссерт. … д. ф. н.: 10.02.01: защищена 4.03.1982 / Смолицкая Галина Петровна. – М., 1981 (2). – 34 с.

121. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в ее отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции): Диссерт… д. ф. н.: 10.02.01: защищена 4.03.1982 / Смолицкая Галина Петровна. – М., 1981 (1). – 428 с.

122. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер / АН СССР, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1976. – 454 с.

123. Смолицкая Г.П. Гидронимия в Топонимическом атласе Центра // Топонимия Центра (тезисы докладов) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М.: Географическое общество СССР (Московский филиал), 1972. – С. 9-10.

124. Смолицкая Г.П. Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Вып. 94: Топонимия Центральной России. – М., 1974. – С. 59-69.

125. Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России / Г.П. Смолицкая. – М.: Армада-пресс, 2002. – 416 с.

126. Соколова Т.П., Махиянова Л.Р. XXV Международный ономастический конгресс «Имена и их окружение» // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2015. – № 1 (18). – С. 203-212.

127. Соловьев А.Н. Смоленская антропонимия конца XVI-XVII вв. (личные имена): Автореферат диссерт. … к.ф.н.: 10.02.01: защищена 30.09.2005 / Соловьев Алексей Николаевич. – Смоленск, 2005. – 22 с.

128. Стрикалов И.Ю. Керамика Рязанской земли XI-XV вв.: Автореферат диссерт. … к.ист.н.: 07.00.06: защищена 18.12.2006 / Стрикалов Игорь Юрьевич. – М., 2006. – 30 с.

129. Стрикалов И.Ю. Округа Старой Рязани в XII-XV вв. // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005 (1). – С. 222-239.

130. Стрикалов И.Ю. Северное городище. Стратиграфия и планиграфия // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005 (2). – 586 с. – С. 36-90.

131. Судаков В.В., Буланкин В.М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в XI-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. – М.: Наука, 2005 (1). – 326 с. – С. 269-280.

132. Судаков В.В., Буланкин В.М. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов – М.: Памятники исторической мысли, 2005 (2). – 586 с. – С. 241-261.

133. Судаков В.В., Буланкин В.М., Вячин А.А. Археологическая карта округи Переяславля Рязанского. Сельские поселения IX-XIV вв. // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 34-35.

134. Суперанская А.В. Имена: история и современность / А.В. Суперанская; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва: Таус, 2007. – 270 с.

135. Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Топонимия Крыма: в II т. / А.В. Суперанская, З.Г. Исаева, Х.Ф. Исхакова. – М.: Московский Лицей, 1997. – Т. I. – 404 с.

136. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен: более 7500 русских имен / А. В. Суперанская. – Москва: Эксмо, 2006. – 540 с.

137. Суперанская А.В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 375 с.

138. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

139. Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Суслова. – М.: Наука, 1981. – 176 с.

140. Топонимы Рязанской области: учебное пособие / А.А. Никольский, Л.А. Кононенко, И.Н. Хрусталёв; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2009. – 72 с.

141. Топоров В.Н. Балтийские следы на Верхнем Дону // Балто-славянские исследования 1988 – 1996 / Отв. ред. Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997 (2). – 408 с. – С. 311–324.

142. Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. I // Балто-славянские исследования 1986 / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1988. – 267 с. – С. 154-177.

143. Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987 / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1989. – 253 с. – С. 47–69.

144. Топоров В.Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования 1988 – 1996 / Отв. ред. Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997 (1). – 408 с. – С. 276–310.

145. Топоров В.Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования 1981 / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1982. – 344 с. – С. 3-61.

146. Топоров В.Н. К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования 1988 – 1996 / Отв. ред. Т.М. Судник, Е.А. Хелимский. – М.: Индрик, 1997 (3). – 408 с. – С. 325–331.

147. Топоров В.Н. К восточной границе гидронимии балтийского типа // Топонимия Центра (тезисы докладов) / Отв. ред. Е. М. Поспелов. – М.: Географическое общество СССР, 1972. – С. 6-7.

148. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. В 5 тт. / Академия наук СССР; Институт славяноведения и балканистики; отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Наука, 1975-.

Т 1: (A – D). – 1975. – 400 с.

Т. 2: (E – N). – 1979. – 353 с.

Т. 3: (I – K). – 1980. – 385 с.

Т. 4: (K – L). – 1984. – 441 с.

Т. 5: (L). – 1990. – 425 с.

149. Топоров В.Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. – М., 1972 (2). – с. 217-280.

150. Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / Академия наук СССР, Институт славяноведения; отв. ред. Н.И. Толстой. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 271 с.

151. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности / Академия наук СССР, Институт археологии. – Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1970. – 160 с.

152. Тропин Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII-XV вв.: формирование и развитие региона // Русь в XI-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-т археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; сост. В.Ю. Коваль, И.Н. Кузина. – М.: Наука, 2005. – 326 с. – С. 244-252.

153. Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация / О.Н.Трубачев. –М.: Наука, 1968. – 289 с.

154. ТСРО – Топонимический словарь Рязанской области / А.А. Никольский (отв. ред.), Л.А. Кононенко, И.Н. Хрусталев, А.В. Бабурин; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2004. – 296 с.

155. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Рос. акад. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

156. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – 862 с.

157. Феоктистова Л.А. Антропонимы в апеллятивных обозначениях хмельных напитков (*ерофеич*, *ероха*, *ивашко*, *иванушко* и др.) // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 100-114.

158. Финно-волжская языковая общность / Б.А. Серебренников (отв. ред.), Г.И. Ермушкин, К.Е. Майтинская. – Москва: Наука, 1989. – 272 с.

159. Финно-угры и балты – Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Л.А. Голубева, В.А. Могильников, В.В. Седов, Р.Л. Розенфельдт; отв. ред. В.В. Седов; АН СССР, Ин-т археологии. – М.: Наука, 1987. – 509 с. – (Археология СССР. Под общ. ред. Б.А. Рыбакова).

160. Хрусталёв И.Н. Названия озёр и болот Рязанской области // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. В. В. Коростылёв. – Рязань, 2009. – Вып. 41. – 152 с.

161. Цепков А.И. Экономика Рязанского края конца XIV – середины XVI вв. по письменным источникам // Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Под ред. В.Н. Сторожева; изд. 2-ое: подготовка к печ.: А.И. Цепков. – Т. I. Вып. 1. – Рязань: Русское слово, 1996. – 664 с. – С. 419-576.

162. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове. Словарь географических названий Республики Мордовия / Д.В. Цыганкин. – Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2005. – 432 с.

163. Челяпов В.П., Буланкин В.М. Городища раннего железного века на территории Рязанской области (Материалы к Своду памятников) // Памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья: [Сб. науч. ст.] / М-во культуры Рос. Федерации, Ком. по вопр. культуры и искусства Администрации Рязан.

обл., Науч.-произв. центр по охране и использ. памятников истории и культуры; отв. ред. В.П. Челяпов. – Рязань: НПЦ по охране и использ. памятников истории и культуры Рязан. обл., 1993. – 96 с. – С. 22-26.

164. Челяпов В.П., Иванов Д.А. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси): Материалы Всероссийской научной конференции «Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековья) / Упр. культуры и массовых коммуникаций Рязанской обл., ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия»; отв. ред. П.В. Акульшин. – Рязань: Политех, 2006. – 322 с. – С. 155-167.

165. Чернецов А.В. Историко-археологическое изучение Рязанской земли: современное состояние и перспективы // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы / Ин-т археологии РАН; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 586 с. – С. 7-34. Приложение: [карта]. – С. 34-36.

166. Чижмарова Л. О методологических принципах работы над «Словарем микротопонимов Моравии и Силезии» // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. – 2010. – № 1 (8). – С. 67–77.

167. Чумакова Ю.П. Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным / Ю.П. Чумакова. – Уфа: Изд-е Башкирского ун-та, 1992. – 170 с.

168. Шилов А.Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // Вопросы языкознания. – 1997, № 6. – С. 3-21.

169. Шустов Б.С. География Рязанской области / Б.С. Шустов. – М.: Московский Рабочий, 1966. – 99 с.

170. Электронные базы данных и мультимедийные технологии в филологических исследованиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/official/2012-2014_oifn_langlit_5.pdf].

171. Электронный топонимический словарь «Улицы г. Улан-Удэ» / Научно-исследовательская лаборатория культурной антропологии и межкультурной

коммуникации Центра стратегических востоковедных исследований; Доржиева Г.С. (руководитель), Пушкарёва Ю.Г., Шулунов В.Р., Лумбунова Г.О., Гармаева А.Э., Доржиева Т.С., Санжижапова И.Б. [Электронный ресурс]. – 2012.

171. ЭРС – Эрзянско-русский словарь: Ок. 27000 слов / НИИ яз., лит., истории и экономики при Правительстве Мордов. ССР; Р.Н. Бузакова и др.; под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Рус. яз.: ТОО «Дигора», 1993. – 803 с.

172. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Сост. О.Н. Трубачев и др.; Под. ред. О.Н. Трубачева; АН СССР. Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1974-.

173. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1977-1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (Из раскопок 1951-1983 гг.). – М.: Наука, 1986. – 312 с.

174. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984-1989 гг.). – М.: Наука, 1993. – 352 с.

175. Янин В.Л. Значение открытия берестяных грамот для изучения отечественной истории // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Индрик, 2003. – С. 15-23.

176. Янин В.Л. Я послал тебе бересту… / В.Л. Янин. – М.: Изд-во МГУ, 1965. – 192 с.

177. Český jazykový atlas. D. 1-5 / zprac. dialektologiský kolektiv Ústavu pro jazyk český AV ČR; vedoucí aut. kolektivu Jan Balhar. – Praha : Academia, 1992 – 2005.

178. Gimbutas M. The Balts / Main editor: Glynn Daniel1. – Ancient People and Places, 33. – London: Thames and Hudson, USA: Frederick A. Praeger Inc, 1963. – 286 p.

179. LPŽ – Lietuvių pavardžių žodynas. T. II: (L-Ž) / A. Vanagas, V. Maciejauskienė, M. Razmukaitė; ats. red. A. Vanagas, – Vilnius: Mokslas, 1989. – 1356 p.

180. TORIS: Компьютерный банк топонимии Европейского севера России / Институт языка, литературы и истории, отдел математики и анализа данных Ка-

рельского научного центра РАН; Г.М. Керт, В.Т. Вдовицын, А. Веретин, Н.Б. Луговая. [Электронный ресурс]. – 1995-. – Режим доступа: http://toris.krc.karelia.ru.

181. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba / Lietuvos TSR mokslu akademija, Lietuviu kalbos ir literaturos institutas. – Vilnius: Mokslas, 1970. – 428 p.

182. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas / Lietuvos mokslu akademija. – Vilnius: Mokslas, 1981. – 408 p.

Источники рязанских топонимов и антропонимов

Исторические документы

183. АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV - начала XVI в. В 3-х т. / Отв. ред. Б.Д. Греков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1952-1964. – 3 т.

Т. 3 / Сост. И. А. Голубцов. – 1964. – 687 с.

184. ДРЛ – Древняя русская литература. Хрестоматия / Сост. Н.И. Прокофьев. – М.: Просвещение, 1980. – 399 с.

185. Евангелие-апракос / писец – Константин Добрило. – 1164. – 271 л. – Российская государственная библиотека. – Ф. 256 № 103.

186. ИСО – Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии: в 4 т. – Зарайск, 1884-1891 г. – Аутентичное издание. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1996.

Т.1. – 1884 г. – 363 с.

Т. 2. 1885 г. – 368 с.

Т. 3. – 1888 г. – 344 с.

Т. 4. – 1891 г. – 454 с.

187. КБЧ – Книга Большому Чертежу / Подготовка к печ. и ред. К.Н. Сербиной; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд-ние. – М., Л.: Изд-во и 1-я тип. АН СССР, 1950. – 229 с.

188. Макаров М.Н. Заметки о землях Рязанских // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. –

М.: Типография Моск. Ун-та, 1846. – 298 с.

189. Пам. письм. – Памятники русской письменности XV – XVI вв.: Рязанский край / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1978. – 190 с.

190. ПК, I – Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Рязанская ученая архивная комиссия; ред. В.Н. Сторожев; изд. 2-ое: подготовка к печ.: А.И. Цепков. – Т. I. Вып. 1. – Рязань: Русское слово, 1996. – 664 с.

191. ПК, II – Писцовые книги Рязанского края XVI в. / Рязанская ученая архивная комиссия; ред. В.Н. Сторожев; изд. 2-ое: подготовка к печ.: А.И. Цепков. – Т. I. Вып. 2. – Рязань: Издательство «РИНФО», 1997. – 694 с.

192. ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси, XIV – сер. XV в. / Сост. Л.А. Дмитриев, Д.С.Лихачев. – М.: Художественная литература, 1981. – 605 с.

193. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. – СПб.: Издание Археографической комиссии, 1841-2003. – 42 т.

194. Свод лет. Ряз. – «И были полки Ольговы…»: Свод летописных известий о Рязанском крае и сопредельных землях до 50-х гг. XVI в. / Сост. А.И. Цепков. – М.: Прогресс – Культура, 1994. – 512 с.

195. Сп. 1862 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб, 1861-.

Т. 35: Рязанская губерния. – 1862. – 169 с.

196. Татищев В.Н. История Российская: в VII т. / В.Н. Татищев. – М.-Л.: Наука, 1962-.

Т. II. – 1963. – 352 с.

Т. III. – 1964. – 340 с.

Т. V. – 1965. – 344 с.

Ономастические каталоги и базы данных

(в хронологическом порядке)

197. Ономастикон – Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 233 с.

198. Смолицкая ГБО – Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. Список рек и озер / АН СССР, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1976. – 454 с.

199. Гордова ТРО – Гордова Ю.Ю. Топонимия Рязанской области (список географических названий) / Ю.Ю. Гордова. – Рязань: «Рязань. Мір», 2010-. Часть I: Современная топонимия. – Вып. I: Территория бассейна реки Прони. – 2010. – 72 с.

200. ЕИС «Топонимия России» – Единая информационная система «Топонимия России»: грант РГНФ / Российская акад. наук, Ин-т языкознания, [авт.] Ю.Ю. Гордова; науч. консультант Н.В. Васильева. [Электронный ресурс]. – 2014-. – Режим доступа: http://ономастика.рф.

Топографические карты, справочники

201. Атлас АДР – Атлас автомобильных дорог: Россия, страны СНГ, Европа, Азия / сост. и подготовка к изд. ФГУП ПКО «Картография» в 2002 г.; отв. ред. Р.А. Васильев, Н.Н. Рюмина. – 1 : 500 000, 1 : 1 500 000, 1 : 3 000 000, 5 км в 1 см. – М.: ПКО «Картография», 2002. – 328 с.

202. Атлас-2002 – Атлас Рязанской области / сост. и подготовка к изд. ООО «АСТ-Пресс «Картография» в 2001 г.; отв. за вып. А.Г. Косиков. – 1 : 100 000, 1 км в 1 см. – М.: Фирма «Арбалет», АСТ-Пресс «Картография», 2002. – 136 с.

203. Атлас-2007 – Атлас Рязанской области / подг. к переизд. ООО «Ультра ЭКСЕНТ» в 2007 г.; отв. ред. А.Г. Косиков. – 1 : 100 000. – М.: Ультра ЭКСТЕНТ, 2007. – 137 С.

204. Карта 1995 – Рязанская область: карта области, план города Рязани / сост. и подготовка к изд. 439-я ЦЭ ВКФ Мин. обор. РФ. – 1 : 200 000, 1 : 37 000, 2 км в 1 см. – М., 1995. – 78 с.

205. СГН – Словарь географических названий СССР / ГУКГ, ЦНИИГАиК; 2-е изд., перераб.и доп. – М.: Недра, 1983. – 296 с.

206. Сп. 1997 – Рязанская область. Административно-территориальное деление. Справочник. – Рязань: Новое время, 1997. – 223 с.

Список иллюстративного материала
(с указанием источников топонимических и археологических карт)

Диаграмма 1. Разряды региональных топонимов, представленные в древнерусских памятниках письменности. – С. 106.
Диаграмма 2. Языковая принадлежность топонимов, упоминаемых в памятниках письменности XI-XV вв. – С. 116.
Диаграмма 3. Рязанские летописные топонимы, имеющие соответствия в топонимии других славянских областей. – С. 119.
Диаграмма 4. Структура региональных топонимов, упоминаемых в древнерусских памятниках письменности. – С. 133.
Диаграмма 5. Структура ойконимов. – С. 134.
Диаграмма 6. Структура гидронимов. – С. 134.
Диаграмма 7. Городские и сельские поселения: данные древнерусских памятников письменности и археологии. – С. 275.
Карта 1. Гидронимы балтийского типа. Сост. И.Н. Хрусталёв. 2009 г. – С. 60.
Источник: [Хрусталёв, 2009, с. 134].
Карта 2. Распространение терминов *керас, керга, койдома, лагмас, чугла*. Сост. А.К. Матвеев. 1970 г. – С. 64.
Источник: [Матвеев, 1970, с. 114].
Карта 3. Белорусский ареал топонимов с финалью *-ынь / -инь*. Сост. З.В. Рубцова. 1974 г. – С. 65.
Источник: [Рубцова, 2011, с. 135].
Карта 4. Древнерусская топонимия Среднего Поочья. Сост. Ю.П. Чумакова. 1992 г. – С. 66.
Источник: [Чумакова, 1992, с. 42].
Карта 5. Распространение термина *корь - корёк.* Сост. Г.П. Смолицкая. 1970 г. – С. 67.
Источник: **[**Смолицкая, 1970, с. 147].
Карта 6. Карта ареалов названий на *-ша*. Сост. Ю.Ю. Гордова. 2014 г. – С. 68.
Источник: авторские материалы.
Рис. 1.1. Единая информационная система «Топонимия России»: главная страница. – С. 77.
Рис. 1.2. База географических названий: поисковая страница. – С. 78.
Рис. 1.3. База географических названий: «карточка» топонима Ярославль. – С. 79.
Рис. 1.4. База географических названий: «карточка» топонима Гнёздово (автор д.ф.н. И.А. Королёва). – С. 80.
Рис. 1.5. База «Топонимисты России»: страница ученого. – С. 81.
Рис. 1.6. Страница добавления топонима в базу географических названий. – С. 82.
Рис. 1.7. «Карточка» топонима Жостово с географической картой и иллюстрациями. – С. 87.
Рис. 3.1. Древнерусский город Туров на реке Ствига. – С. 174.
Рис. 3.2. Диалектологическая карта русского языка, 1964 г. (фрагмент). – С. 236.

Рис. 4.1. Ареалы неолитических культур Русской равнины: верхневолжская, волосовская, фатьяновская (сост. Д.А. Крайнов, 1977 г.). – С. 254.
Источник: [Крайнов, Хотинский, 1977, с. 42-69].
Рис. 4.2. Ареал фатьяновской культуры. – с. 255.
Источник: Фатьяновская культура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0
Рис. 4.3. Восточная Европа в III-IV вв. н.э. (сост. Ю.Б. Коряков). – С. 259.
Источник: личные материалы Ю.Б. Корякова.
Рис. 4.4. Степень изученности поселений Рязанской земли (районы, в которых проводились систематические археологические обследования) (сост. И.Ю. Стрикалов, 2005 г.). – С. 268.
Источник: личные материалы И.Ю. Стрикалова.
Рис. 4.5. Древняя Рязань. Реконструкция Г.В. Борисевича. – С. 294.
Рис. 4.6. Местность близ Старой Рязани. – С. 295.
Рис. 4.7. Корчага с древнерусской надписью. – С. 299.
Рис. 5.1. Памятники городецкой культуры на территории Рязанской области (сост. В.П. Челяпов, В.М. Буланкин). – С. 326.
Источник: [Челяпов, Буланкин, 1993, с. 24].
Рис. 5.2. Гидронимы на *-лей / -ляй* в Пензенской области (сост. М.С. Полубояров). – С. 329.
Источник: [Полубояров, 2003, с. 22].
Рис. 5.3. Археологические памятники мордвы VI – XV вв. – С. 331.
Источник: [Финно-угры и балты, 1987, с. 99].
Рис. 5.4. Топонимы на *-ис* в Пензенской области (сост. М.С. Полубояров). – С. 345
Источник: [Полубояров, 2003, с. 19].
Рис. 5.5. Топонимические районы Среднего (рязанского) Поочья. – С. 386
Рис. 5.6. Распространение основных памятников волосовской культуры. – С. 390.
Источник: материалы отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».
Рис. 5.7. Памятники волосовской культуры в Среднем Поочье. – С. 391.
Источник: материалы отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».
Рис. 5.8. Памятники фатьяновской культуры в Среднем Поочье. – С. 393.
Источник: карта создана автором на основе материалов, предоставленных отделом археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».
Рис. 5.9. Памятники шагарской культуры в Среднем Поочье. – С. 394.
Источник: материалы отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».
Рис. 5.10. Памятники культуры рязано-окских могильников. – С. 396.
Источник: материалы отдела археологии РИАМЗ «Рязанский Кремль».
Схема 1. Употребление и замена онимов Вятичи и Рязань. – С. 110.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

На правах рукописи

Гордова Юлиана Юрьевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОНОМАСТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЯЗАНСКОЙ ТОПОНИМИИ И АНТРОПОНИМИИ)

Специальность 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ТОМ 2
ПРИЛОЖЕНИЯ

Научный консультант –
доктор филологических наук, профессор
А. В. Суперанская

Москва
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение А. Указатель топонимов (к Главе 5)……...511

Приложение Б. Топонимические карты……517

Приложение В. Хронология основных археологических культур Среднего Поочья…….562

Приложение Г. Таблицы (к Главе 6)……..563

ПРИЛОЖЕНИЕ А
(справочное)

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОНИМОВ
(к Главе 5)

Абельна[43] р. (окск.)
Абельня р. (окск.)
Аблово н.п.
Аза р.
Аксень р., н.п.,
Аланга р. (лит.)
Аланта р. (лит.)
Алелей р. (лит.)
Аленка р., н.п.
Алешня р.
Альме р. (лит.)
Альменас р. (лит.)
Альмоне р. (лит.)
Алюнта р. (лит.)
Амур р.
Амшара уроч.
Андога
Арга н.п.
Байдур р.
Байкур н.п.
Битца (моск.)
Болва р. (моск.)
Большая Муромка н.п. (иван.)
Бриска прот.,
Брусна р.
Бубна р. (моск.)
Бусяж (блр.)
Вад р.
Ванда оз.
Ванчур н.п.
Варвать уроч.
Варех р. (окск.)
Васильхи оз.,
Ватаж (***Ватажка***)
Ваца р. (окск.)
Вача р.
Вача (***Вячка***) р.
Вачкас р., н.п.
Ваша н.п.
Вашмар р.
Вегуч
Ведуга р. (донск.)
Ведяжа р.
Везовенка р.
Везовец в.
Везовка р.
Везское оз.
Велемья н.п.
Велиж г. (смол.)
Велье-Родионовка н.п.
Велья р. (днепр.)
Велья (***Велемья***) р.
Верда р.
Вёрда р., н.п.
Верделейка р.
Вердерев г.
Вердерево с.
Вердица р.
Верейка р. (донск.)
Вечур н.п.
Вещур н.п.
Вещур (***Вещурки***) оз.
Вижна р.
Винтер оз.
Вобша (***Вобща***) р.
Водва р. (моск.)
Водоляй р., н.п.
Вожа р.
Вокша р.
Волокша р.
Волшня р. (моск.)
Вольша р.
Вопша р.
Вопша р.
Воротца р.
Ворша р.
Ворша р. (окск.)
Вохра (*Вохринка*) р. (моск.)
Вохтома
Вывуч
Выдерга н.п.
Вынца р.
Выша р., н.п.
Вышур (***Вышуры***) н.п.
Вяж р.
Вяжга р., н.п.
Вяземка р.
Вязма р.
Вязовское оз. (окск.)
Вязырь лоск
Вязь р.
Вязьма р. (днепр., окск.)
Галина р.
Гжель р. (моск.)
Горедва р. (моск.)
Громушь (***Громушка***) р.

[43] В Указателе полужирным курсивом (пример: ***Аблово***) выделены названия картографируемой территории, курсивом (пример: *Абельня*) – названия других регионов, рассмотренные в Главе 5.

Гусь р.
Дандур р.
Деготенка р. (донск.)
Дедва р. (моск.)
Деркус р.
Димара р.
Дорогоча р.(моск.)
Дрезва р. (моск.)
Дрезна р. (моск.)
Дрисела р. (окск.)
Дрисенка р. (окск.)
Дриска р. (донск.)
Дриска р.
Дрисса р. (двин.)
Дугна р.
Дунца р.
Екшур н.п.
Елатьма н.п.
Ерахтур р.
Ермишь р., н.п.
Ерошмар р.
Ерус р.
Ешипель оз.
Желема р. (моск.).
Ибердус н.п.
Ибердь р.
Ибр р.
Ибреда р.
Ибредь н.п.
Ибър р. (болг.)
Имер (***Имерка***) ур.
Имлес
Имляй р.
Инкаш р.
Ирицы н.п.
Исер (***Исерская***) р.
Истонка р. (моск.)
Истоя р. (моск.)
Истр р.
Истус р., н.п.
Истье н.п.
Истье (***Малое Истье***) н.п.
Истья р., с.
Исья р.
Итья (***Истья***, ***Исье***, ***Исья***) р.
Ичежа р.
Ишардь (***Кришардь***) р.
Ищередь н.п.
Казинка р. (донск.)
Казинка р., н.п.
Казино р.
Каргалейка р.
Каркалей н.п.
Карля р., н.п.
Карталейка р.
Картляй р.
Картын р.
Картынка р. (окск.)
Кастора р. (донск.)
Кашеляй р.
Кевля р.
Келец р.
Кенор р.
Кердь р.
Кермис (***Кермись***) р.
Кидусово н.п.
Кинешма г. (иван.)
Кипчаково с.
Кирица р.
Кирицы н.п.
Киселица
Киселца
Кисleда р.
Киструс н.п.
Киструс (***Кистрос***) р.
Кисьва р., н.п.
Кишня р.
Клетенка р. (окск.)
Клетино н.п.
Клетка р. (днепр.)
Клетки н.п.
Клетна д.
Клязьма р., оз. (окск.)
Кобельша р.
Ковяж (***Ковяжи***) бол.
Ковяж (***Ковяжное***) оз.
Ковяжи
Козлей н.п.
Козумлей н.п.
Кокша р., оз.
Колакша р. (окск.)
Колемас р. (пенз.)
Колокша р.
Коломасово н.п.
Колузва р.
Колча р.(моск.)
Комель р.
Комеча р.(моск.)
Кондома
Коньша р.
Копагра
Копша р.
Кострома
Котер р.
Кочгар н.п.
Кочемары н.п.
Кочерга оз.
Кошмар р.
Кремична р. (моск.)
Кривуша р.
Криуша р.
Кудом
Кужлей р.
Кужля р.
Кузега
Кузеньга
Кулома оз.
Куньша р.
Купля н.п.
Купренка р. (окск.)
Куприно н.п.
Курмыш н.п.
Курсал
Курша р., с.

Куряс руч.
Кусмор н.п.
Кусца
Кутля р.
Кязма р.
Лакаш оз., н.п.
Лакша р. (окск.)
Ламур р.
Ламша р., н.п.
Ландех р. (окск.)
Лапоток р.
Ласицы н.п.
Лашанка р.
Лаше р.
Лашинка р. (моск.)
Лашма р., н.п., ур.
Леплей н.п.
Летор р.
Ливер р., н.п.
Липлей (***Липейка***) р., н.п.
Липляй (***Липляйка***) н.п.
Локатец р. (окск.)
Локна р. (моск.)
Локнава р. (окск.)
Локня р., н.п.
Локша р. (костр.)
Лопайка р. (донск.)
Лоша р., н.п.
Лоша р. (припят., окск.)
Лукмос н.п.
Лукмос (***Лукос***) р.
Лукосна р.
Луктос р., н.п.
Лундас р.
Лупняж (***Новые Лупняжи***) н.п.
Лынсур р.
Люлих р. (окск.)
Лястьма р.
Малая Локна р. (окск.)
Малая Моша (***Сухая Моша***) р.
Малая Муромка н.п. (иван.)
Малое Истье с.
Марховеца оз.
Марчас р.
Мачегра
Мегредь оз.
Мелисья р.
Мера р. (волж.)
Мердушь р., н.п.
Меча р.
Мещёрская сторона
Мещёрский пос.
Милей (***Милейка***) р., н.п.
Мильчус н.п.
Мингерь р.
Мисерва р.
Можай (*Можая, Мжая*) р. (моск.)
Можайск г. (моск.)
Можары н.п.
Мокрая Табола р.
Мокша р.
Мокша р., оз.
Молва р.
Молвенка р.
Молодка р.
Москва р. (окск.)
Мостья р.
Моша (***Большая Моша***) р.
Моша (***Мошка***) р.
Мунор р., н.п.
Муночь
Мур р.
Мур (***Мурка***) р.
Муромец р. (окск.)
Муромино (***Мурмино***) с.
Муромка р.
Муромское р. (окск.)
Мурох
Мустюга
Мутор Б., М. н.п.
Мышкар р., н.п.
Мышца р., н.п.
Навля р.
Надва р. (моск.)
Нара р.
Нарма р., н.п.
Нарма р. (окск.)
Нармур р. (окск.)
Нармушадь н.п.
Наромша р.
Нарош р. (окск.)
Нарошмар р. (окск.)
Наша н.п.
Нектор руч.
Немда р. (волж.)
Нерехта р. (окск.)
Нерхи оз.
Нетрош р.
Ниверга прот.
Нинор р.
Нинур р.
Нузрева р.
Обалы р.
Обельна р. (окск.)
Обельца р. (окск.)
Обля р. (окск.)
Оболенки н.п.
Оболонское оз.
Онограа
Отвель р. (пенз.)
Отра р. (моск.)
Ошляй р.
Паленка р. (днепр., окск.)
Палисма оз.
Пална р. (окск.)
Пальна р. (днепр., окск., донск.)
Пальная р.
Пальница р. (окск.)
Пальня р. (днепр.)
Пара р.
Пара овр. (нижегор.)
Парка овр. (нижегор.)
Парца р., н.п.

Пекселы н.п.
Пекчур н.п.
Пекша р. (яросл.)
Пекша р.
Перехи оз.
Перша оз., н.п.
Пет (***Пёт***) р.
Петас р.
Пехор (***Пехорка***) н.п.
Пилис р.
Пилисма р.
Пиндрус р.
Пинхарь уроч.
Писур р.
Питомша р.
Пичкиряс р.
Пищерга оз.
Плавица р. (донск.)
Пожва р.
Покша р. (костр.)
Половеск г.
Половецкий овр.
Половецкое поле
Полодь р. (окск.)
Полота р.
Полотебна (***Полатебня***, ***Полотебня***) р.
Полотебна Мокрая р.
Полотебна Сухая р.
Полоцк г.
Польня р. (днепр.)
Посерда р.
Пошеца бол.
Пошма оз.
Пра р.
Пресня р. (моск.)
Проня р.
Проня р. (днепр.)
Протва р. (моск.)
Протур (***Протуры***) р.
Прундас н.п.
Пузос н.п.
Пургасово н.п.
Пурля р.
Пучкворня р.
Пырноть оз.
Пышлицы н.п.
Пьянгус н.п.
Пятница н.п.
Пятша р.
Пяша оз.
Разлей (***Разлейка***) р.
Ранова р.
Рев (***Рева***) р.
Рева р. (донск.)
Ревяка р.
Реушь (***Реушка***) р.
Савватьма н.п.
Салаур (***Салауры***) н.п.
Салинка р.
Самыш (***Самышка***) н.п.
Санахта р. (окск.)
Санкеляй р.
Санчур Б. и ***М.*** н.п.
Сарма н.п.
Саур (***Саурки***) р.
Саях р. (окск.)
Свестур р., н.п.
Свина р.
Свинчус н.п.
Северляй р.
Сезух р. (окск.)
Селекша р. (окск.)
Селекша р.
Селенка р. (окск.)
Селенское р.
Селеня р. (моск.)
Селин р. (окск.)
Селинка р. (окск.)
Сельня р. (окск.)
Селюкша оз.
Сентур р.
Серокша р. (окск.)
Сетница р. (окск.)
Сивер р., н.п.
Сивцер р.
Симер р.
Ситова Меча р. (донск.)
Скобенка р. (донск.)
Скороденка р. (донск.)
Слатовенка р. (окск.)
Слатовищи р. (окск.)
Слачин р. (окск.)
Смедва р. (моск.)
Смолка р. (донск.)
Снов (*Сновь*) р. (черниг.)
Сноведь р., н.п.
Солотина р. (окск.)
Солотча (***Солотша***) р., н.п.
Сорха ур.
Сосна р. (донск.)
Сочер р.
Страмок р. (окск.)
Сувадь р.
Судогда р. (окск.)
Суегра
Сумеж (***Сумежка***) н.п.
Сюкмар р.
Сявель н.п.
Табола р. (донск.)
Табола Сухая р.
Таболенец оз., с. (пск.)
Таех р. (окск.)
Талица (волж.)
Тальша р.
Татарское оз.
Тельма н.п.
Теньгушево н.п.
Тетрух р. (окск.)
Тикор р.
Титва р. (моск.)
Толас оз.
Толпега оз.
Толшма

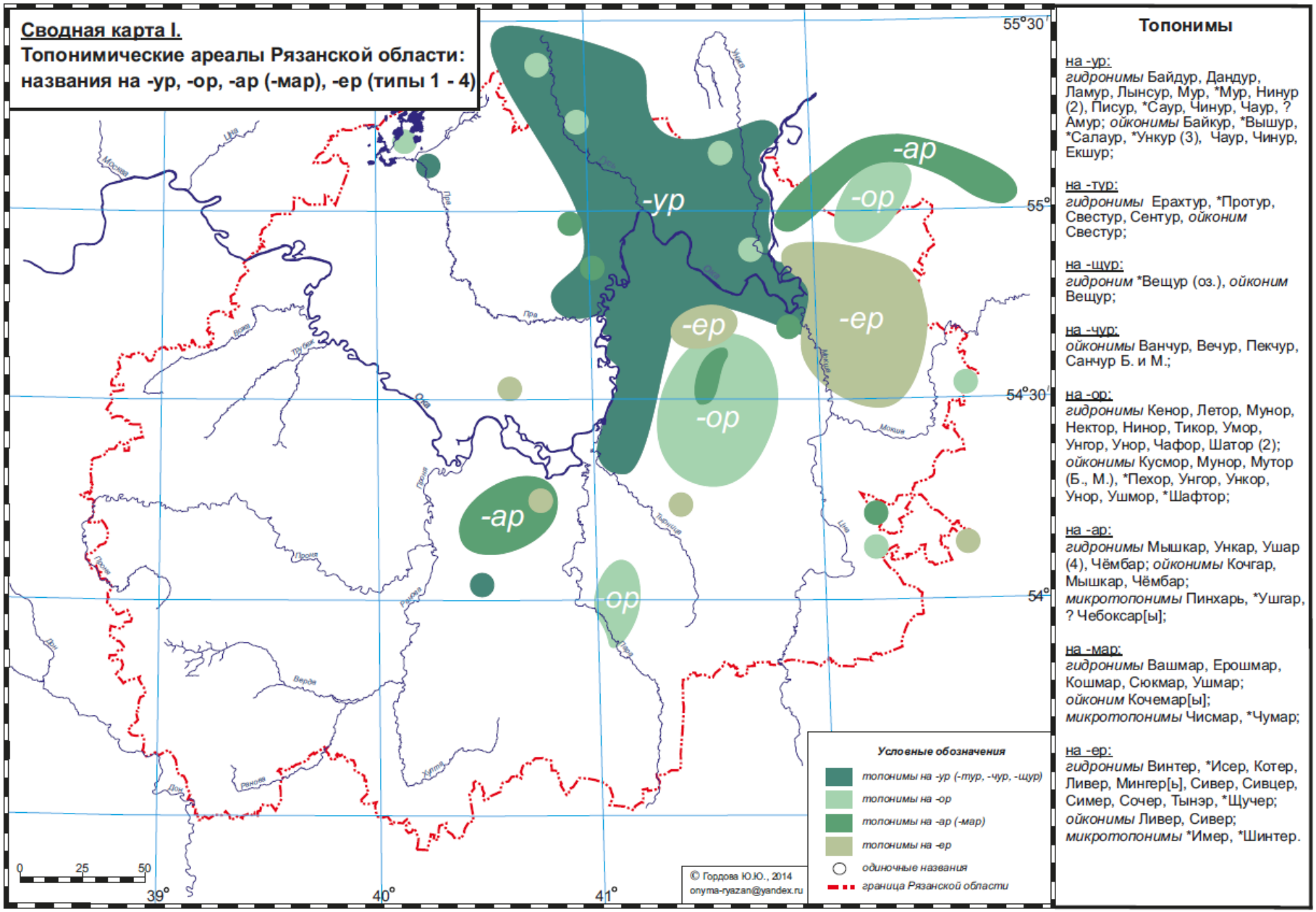
Тонеж (блр.)
Тотьма
Трубеж р.
Тума н.п.
Тумалей н.п.
Тумлей (***Тумлейка***) р., н.п.
Турхталяй р.
Тцсна (*Тцна, Тсна*) р.
Тынус оз.
Тынэр р.
Тырница р.
Тысья р., н.п.
Тюлех р. (окск.)
Тюмерха оз.
Уводь р. (окск.)
Уда р., н.п.
Уда (*Удай*) р. (днепр.)
Узрева р.
Улас р.
Улей (***Улейка***) н.п.
Улус (***Улос***, ***Улас***) р.
Улыбыш р.
Умор р.
Унгор р., н.п.
Ункар р.
Ункор н.п.
Ункур (***Ункура***) н.п.
Унор р., н.п.
Упа р. (окск.)
Ураж р.
Урица р.
Урсус р.
Урхо
Усерхи оз.
Усяж (блр.)
Учезля р.
Уша р.
Ушар р.
Ушгар (***Ушгарка***) ур.
Ушерхи оз.
Ушмар оз.
Ушмор н.п.
Ушна р.
Хупта (***Упта***) р.
Цавля р.
Цна р. (днепр.)
Цна р.
Цон р. (окск.)
Чавегра
Чальца (***Кольца***) р.
Чармус р.
Чарсуль
Чарус н.п.
Чарушь (***Чаруши***) н.п.
Часлицы н.п.
Чаур р., н.п.
Чафор р.
Чебоксары ур.
Чёмбар р., н.п.
Чечера р. (десн., окск.)
Чечера р.
Чечора р. (окск.)
Чинур р., н.п.
Чисмар ур.
Чисома н.п.
Чичера р.
Чичерлейка
Чуварлей н.п.,
Чудино оз.
Чудское оз.
Чулис н.п.
Чумар (***Чумаровский***)
Чупалей н.п.
Шагара оз.
Шаморга н.п
Шат р. (окск.)
Шатерга оз.
Шатерха р. (окск.)
Шатец р. (окск.)
Шатор р.
Шатор р. (окск.)
Шатура р., г. (моск.)
Шатя р. (окск.)
Шафтор (***Шафторка***) н.п.
Швара р.
Шевырляй н.п.
Шиверхи оз.
Шизегда р. (окск.)
Шилинка р.
Шилма оз.
Шилово н.п.
Шинтер Бор ур.
Шиньжеляй р.
Ширмасово н.п.
Шитяс р.
Шокша р., оз., н.п.
Шомша оз., н.п.
Шостье н.п.
Штыга р.
Шуварляй н.п.
Шумашь с.
Шумокша р. (окск.)
Шумошь (***Шумуш***, ***Шумокша***, ***Шумовка***) р.
Шурмашь н.п.
Щучер (***Щучерка***) оз.
Юзга р., н.п.
Явас р., н.п.
Ялма р
Ялмонть уроч.
Яльда (***Яльдинское***) оз.
Яуза (*Ауза, Аузя*) р. (моск.)
Abras-leja р. (лтш.)
Abr-upe р. (лтш.)
Alkýnas
Aûzas р. (лтш.)
Auzene р. (лтш.)
Aûzes р. (лтш.)
Čičirė р. (лит.)
Ciĕcere р. (лтш.)
Ebro р. (испанск.)
Gilšė оз.

Ibar р. (сербохорв.)
Ібр р. (укр.)
Kazene р. (лтш.)
Kazęni р. (лтш.)
Kazine р. (лтш.)
Klehting р. (лтш.)
Klẽtenes-upe р. (лтш.)
Klẽtnieki р. (лтш.)
Kõrbis р. (лит.)
Kùprė р. (лит.)
Kuprẽlė р. (лит.)
Kuprene р. (лтш.)
Kupri р. (лтш.)
Kupris р. (лтш.)
Kùprupis р. (лит.)
Lámbis р. (лит.)
Lapas-ęzęrs (лит.)
Lapojà р. (лит.)
Lapu-pļava р. (лит.)
Lauces-upe р. (лтш.)
Laukesa р. (лтш.)
Laukesà р. (лит.)
Laukẽsas р. (лит.)
Laukese р. (лтш.)
Liep-upė р. (лит.)
Lókauša р. (лит.)
Lukná р. (лит.)
Lùknė р. (лит.)
Lùknės р. (лит.)
Lukni р. (лтш.)
Luknis р. (лтш.)
Milãšius р. (лит.)
Miliuša р. (лит.)
Milys р. (лит.)
Mošià р., оз. (лит.)
Mylẽ р. (лит.)
Obelinė р. (лит.)
Pala р. (лтш.)
Palà р. (лит.)
Palejas р. (лтш.)
Palónis р. (лит.)
Palte р. (лтш.)
Palten р. (прус.)
Páltis р. (лит.)
Pìladis р. (лит.)
Salõčius р. (лит.)
Salótė р. (лит.)
Salótis р. (лит.)
Šaltìnáitis р. (лит.)
Šaltìnė р. (лит.)
Šaltìnis р. (лит.)
Šaltója р. (лит.)
Šaltuonà р. (лит.)
Sata р. (лит.)
Sãtupis р. (лит.)
Sēlīte р. (лтш.)
Sēllīte р. (лтш.)
Šiladis р. (лит.)
Šilinė р. (лит.)
Tabãlė р. (лит.)
Tabalẽlis р. (лит.)
Tabãlis р. (лит.)

Tuseine р. (прус.)
Ùr-upis р. (лит.)
Ušná р. (лит.)
Vadà р. (лит.)
Vãdas р. (лит.)
Važ-upȳs р. (лит.)
Vẽč-upis р. (лит.)
Versmẽ р. (лит.)
Vóž-upis р. (лит.)

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
(обязательное)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ КАРТЫ



Топонимы

на -ур:
гидронимы Байдур, Дандур, Ламур, Лынсур, Мур, *Мур, Нинур (2), Писур, *Саур, Чинур, Чаур, ? Амур; *ойконимы* Байкур, *Вышур, *Салаур, *Ункур (3), Чаур, Чинур, Екшур;

на -тур:
гидронимы Ерахтур, *Протур, Свестур, Сентур, *ойконим* Свестур;

на -щур:
гидроним *Вещур (оз.), *ойконим* Вещур;

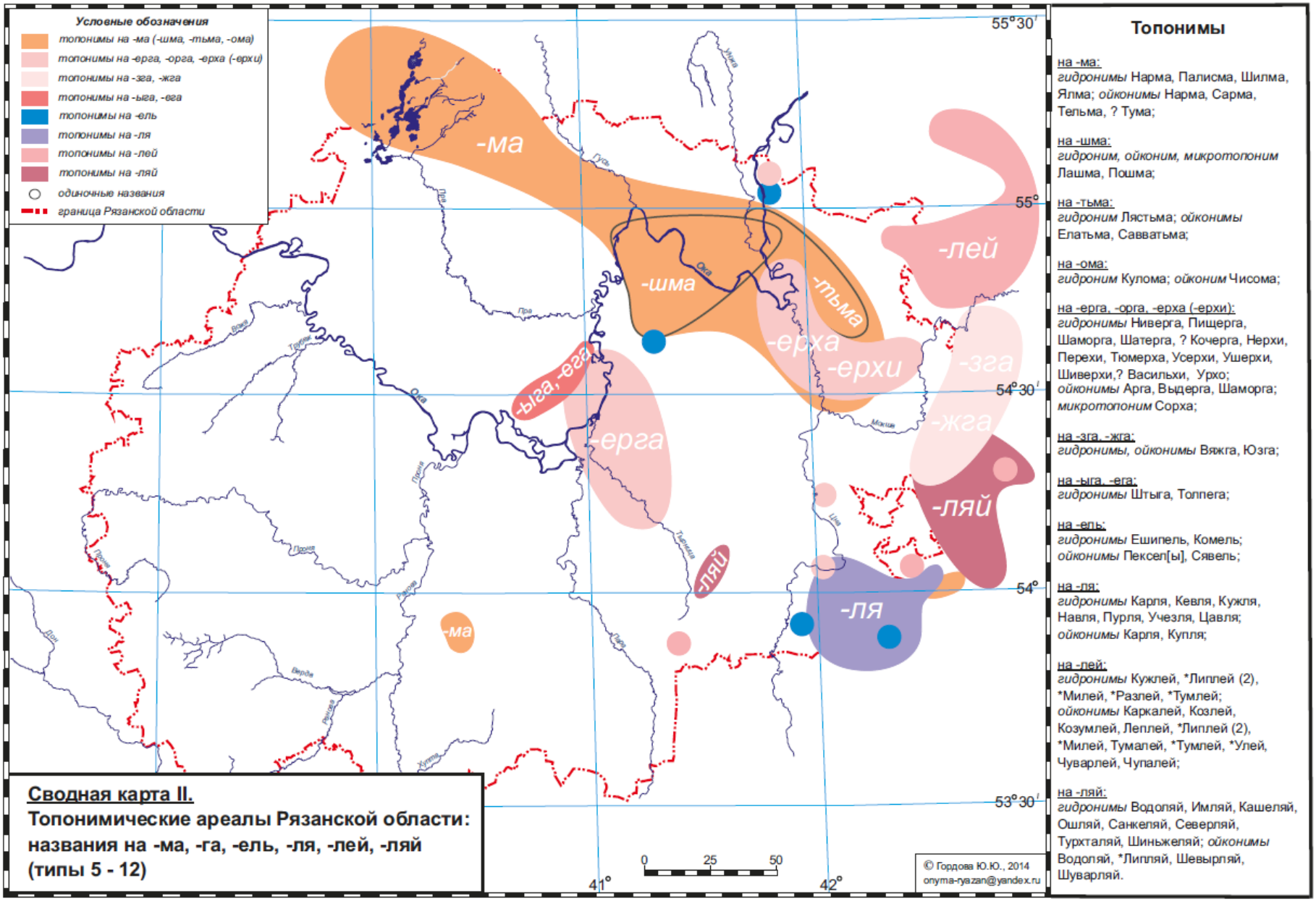
на -чур:
ойконимы Ванчур, Вечур, Пекчур, Санчур Б. и М.;

на -ор:
гидронимы Кенор, Летор, Мунор, Нектор, Нинор, Тикор, Умор, Унгор, Унор, Чафор, Шатор (2); *ойконимы* Кусмор, Мунор, Мутор (Б., М.), *Пехор, Унгор, Ункор, Унор, Ушмор, *Шафтор;

на -ар:
гидронимы Мышкар, Ункар, Ушар (4), Чёмбар; *ойконимы* Кочгар, Мышкар, Чёмбар; *микротопонимы* Пинхарь, *Ушгар, ? Чебоксар[ы];

на -мар:
гидронимы Вашмар, Ерошмар, Кошмар, Сюкмар, Ушмар; *ойконим* Кочемар[ы]; *микротопонимы* Чисмар, *Чумар;

на -ер:
гидронимы Винтер, *Исер, Котер, Ливер, Мингер[ь], Сивер, Сивцер, Симер, Сочер, Тынзр, *Щучер; *ойконимы* Ливер, Сивер; *микротопонимы* *Имер, *Шинтер.



Сводная карта II.
Топонимические ареалы Рязанской области: названия на -ма, -га, -ель, -ля, -лей, -ляй (типы 5 - 12)

Топонимы

на -ма:
гидронимы Нарма, Палисма, Шилма, Ялма; *ойконимы* Нарма, Сарма, Тельма, ? Тума;

на -шма:
гидроним, ойконим, микротопоним Лашма, Пошма;

на -тьма:
гидроним Лястьма; *ойконимы* Елатьма, Савватьма;

на -ома:
гидроним Кулома; *ойконим* Чисома;

на -ерга, -орга, -ерха (-ерхи):
гидронимы Ниверга, Пищерга, Шаморга, Шатерга, ? Кочерга, Нерхи, Перехи, Тюмерха, Усерхи, Ушерхи, Шиверхи,? Васильхи, Урхо; *ойконимы* Арга, Выдерга, Шаморга; *микротопоним* Сорха;

на -зга, -жга:
гидронимы, ойконимы Вяжга, Юзга;

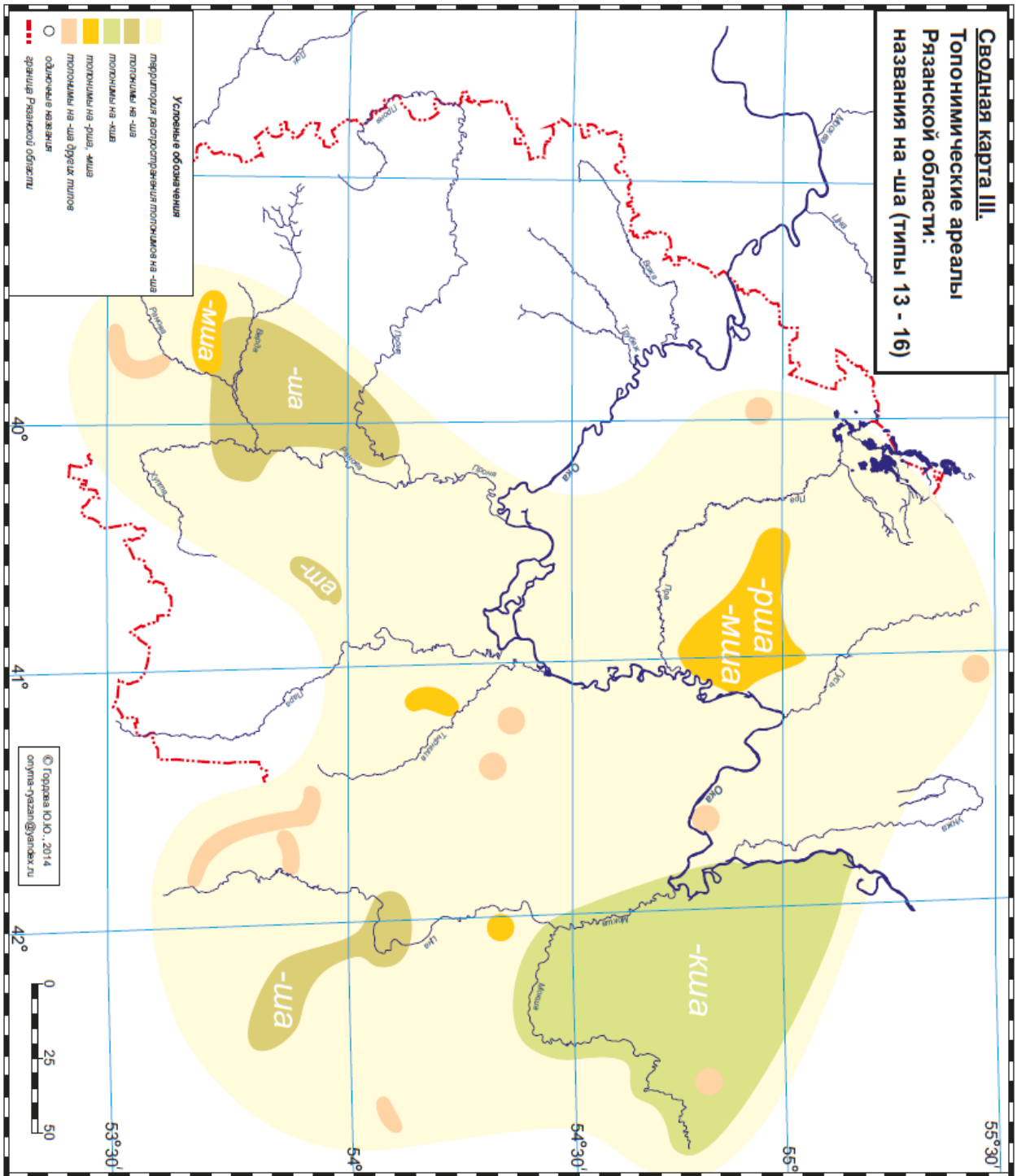
на -ыга, -ега:
гидронимы Штыга, Толпега;

на -ель:
гидронимы Ешипель, Комель; *ойконимы* Пексел[ы], Сявель;

на -ля:
гидронимы Карля, Кевля, Кужля, Навля, Пурля, Учезля, Цавля; *ойконимы* Карля, Купля;

на -лей:
гидронимы Кужлей, *Липлей (2), *Милей, *Разлей, *Тумлей; *ойконимы* Каркалей, Козлей, Козумлей, Леплей, *Липлей (2), *Милей, Тумалей, *Тумлей, *Улей, Чуварлей, Чупалей;

на -ляй:
гидронимы Водоляй, Имляй, Кашеляй, Ошляй, Санкеляй, Северляй, Турхталяй, Шиньжеляй; *ойконимы* Водоляй, *Липляй, Шевырляй, Шуварляй.



Топонимы

на-ша:

гидронимы Выша, Лоша, Моша (2), Малая Моша, *Моша, ? Лаше;

ойконимы Ваша, Выша (2), Наша, Лоша;

на-кша:

гидронимы Кокша (2), Мокша, Шокша (3), Вокша, Селокша;

ойконим Шокша;

на -мша, -рша:

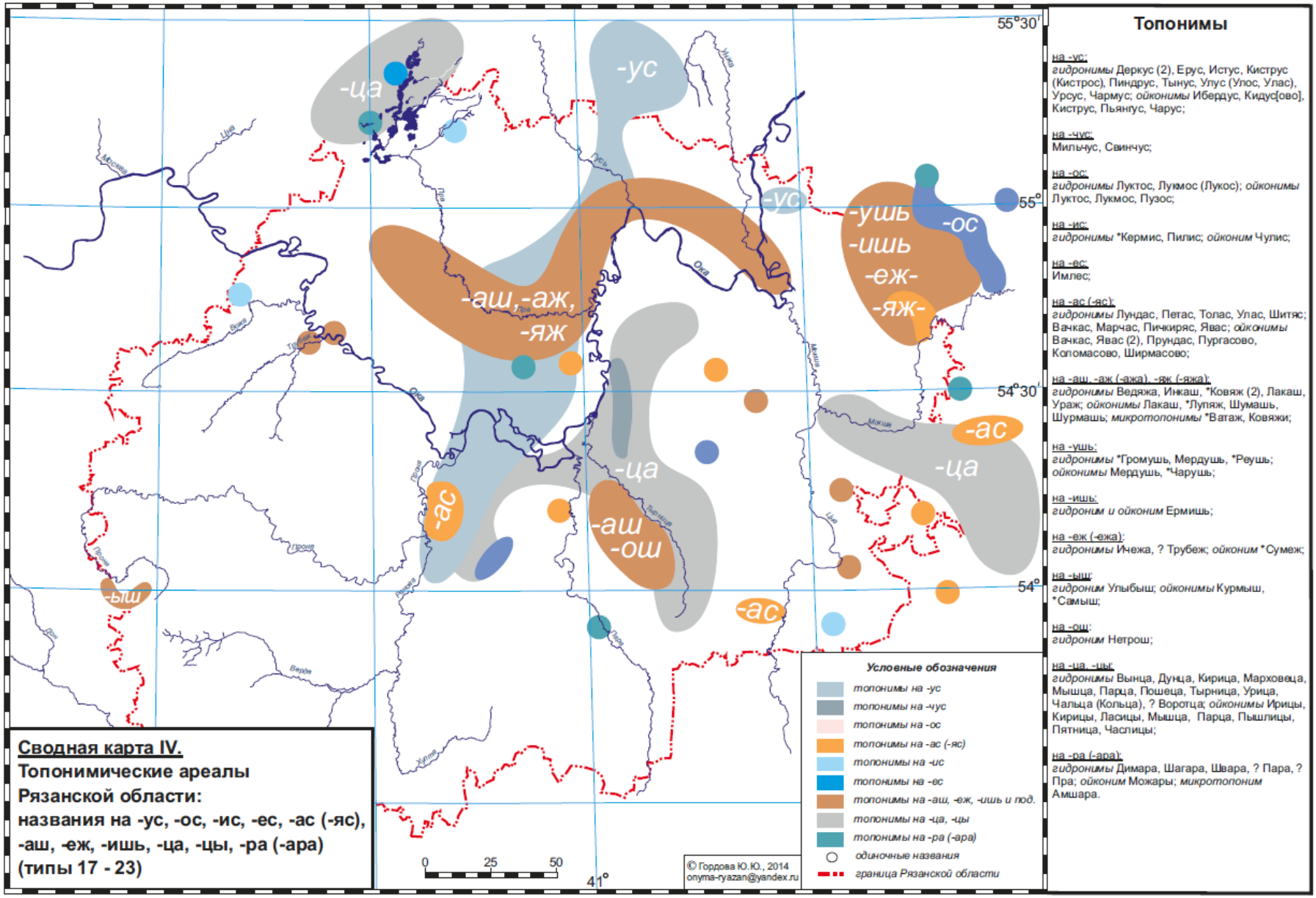
гидронимы Ламша, Шомша, Питомша, Ворша, Курша, Перша;

ойконимы Ламша, Питомша, Курша, Перша;

на-ша других типов:

(-ньша) Коньша, Куньша, (-уша) Кривуша, Криуша (2), Уша;

Кобельша, Пяша, Пятша, Вобша (Вобща).



Сводная карта IV.
Топонимические ареалы Рязанской области:
названия на -ус, -ос, -ис, -ес, -ас (-яс), -аш, -еж, -ишь, -ца, -цы, -ра (-ара)
(типы 17 - 23)

Топонимы

на -ус:
гидронимы Деркус (2), Ерус, Истус, Киструс (Кистрос), Пиндрус, Тынус, Улус (Улос, Улас), Урсус, Чармус; *ойконимы* Ибердус, Кидус[ово], Киструс, Пьянгус, Чарус;

на -чус:
Мильчус, Свинчус;

на -ос:
гидронимы Луктос, Лукмос (Лукос); *ойконимы* Луктос, Лукмос, Пузос;

на -ис:
гидронимы *Кермис, Пилис; *ойконим* Чулис;

на -ес:
Имлес;

на -ас (-яс):
гидронимы Лундас, Петас, Толас, Улас, Шитяс; Вачкас, Марчас, Пичкиряс, Явас; *ойконимы* Вачкас, Явас (2), Прундас, Пургасово, Коломасово, Ширмасово;

на -аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа):
гидронимы Ведяжа, Инкаш, *Ковяж (2), Лакаш, Ураж; *ойконимы* Лакаш, *Лупяж, Шумашь, Шурмашь; *микротопонимы* *Ватаж, Ковяжи;

на -ушь:
гидронимы *Громушь, Мердушь, *Реушь; *ойконимы* Мердушь, *Чарушь;

на -ишь:
гидроним и ойконим Ермишь;

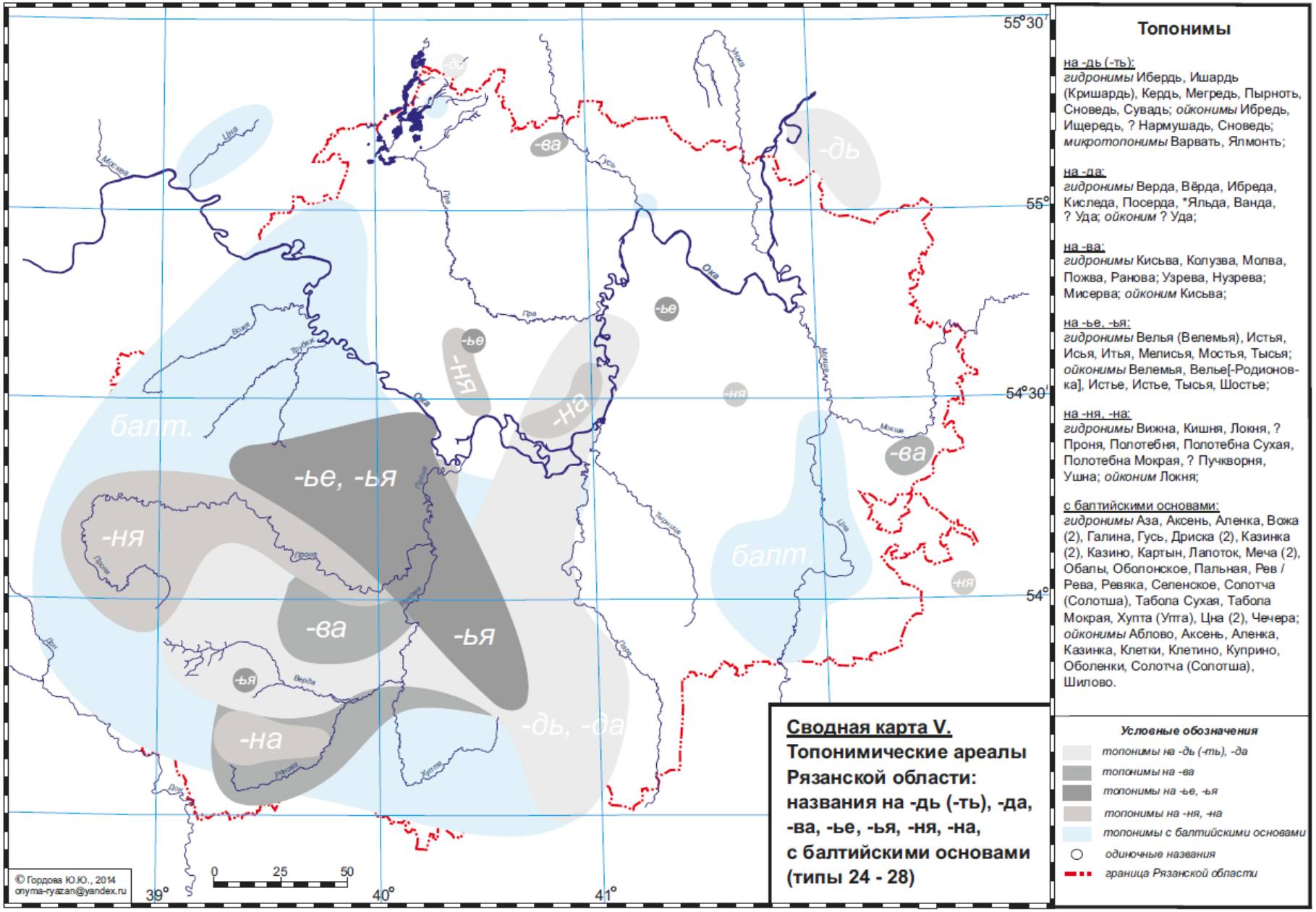
на -еж (-ежа):
гидронимы Ичежа, ? Трубеж; *ойконим* *Сумеж;

на -ыш:
гидроним Улыбыш; *ойконимы* Курмыш, *Самыш;

на -ош:
гидроним Нетрош;

на -ца, -цы:
гидронимы Вынца, Дунца, Кирица, Марховеца, Мышца, Парца, Пошеца, Тырница, Урица, Чальца (Кольца), ? Воротца; *ойконимы* Ирицы, Кирицы, Ласицы, Мышца, Парца, Пышлицы, Пятница, Часлицы;

на -ра (-ара):
гидронимы Димара, Шагара, Швара, ? Пара, ? Пра; *ойконим* Можары; *микротопоним* Амшара.



Сводная карта V.
Топонимические ареалы Рязанской области: названия на -дь (-ть), -да, -ва, -ье, -ья, -ня, -на, с балтийскими основами (типы 24 - 28)

Топонимы

на -дь (-ть):
гидронимы Ибердь, Ишардь (Кришардь), Кердь, Мегредь, Пырноть, Сноведь, Сувадь; *ойконимы* Ибредь, Ищередь, ? Нармушадь, Сноведь; *микротопонимы* Варвать, Ялмонть;

на -да:
гидронимы Верда, Вёрда, Ибреда, Киследа, Посерда, *Яльда, Ванда, ? Уда; *ойконим* ? Уда;

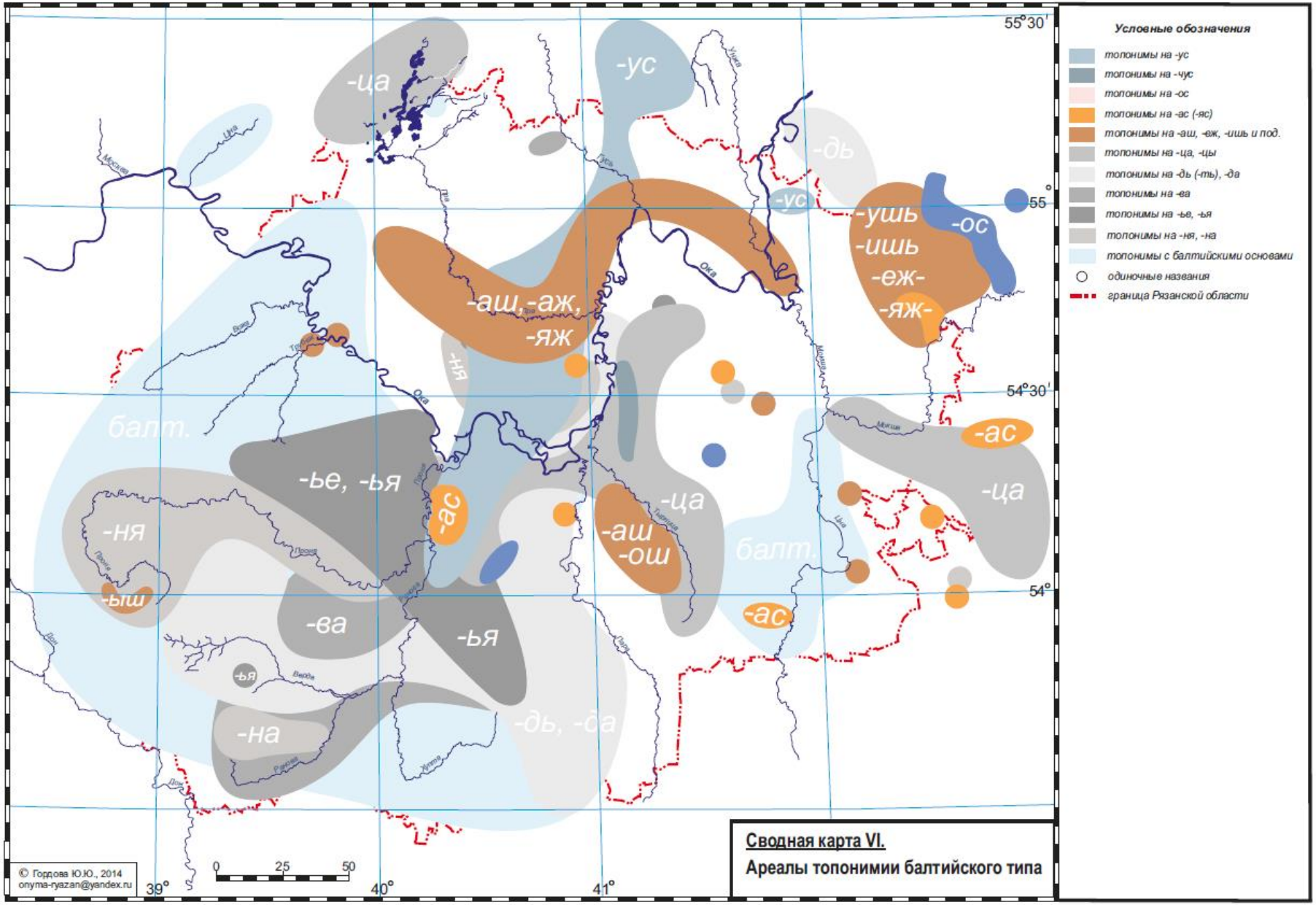
на -ва:
гидронимы Кисьва, Колузва, Молва, Пожва, Ранова; Узрева, Нузрева; Мисерва; *ойконим* Кисьва;

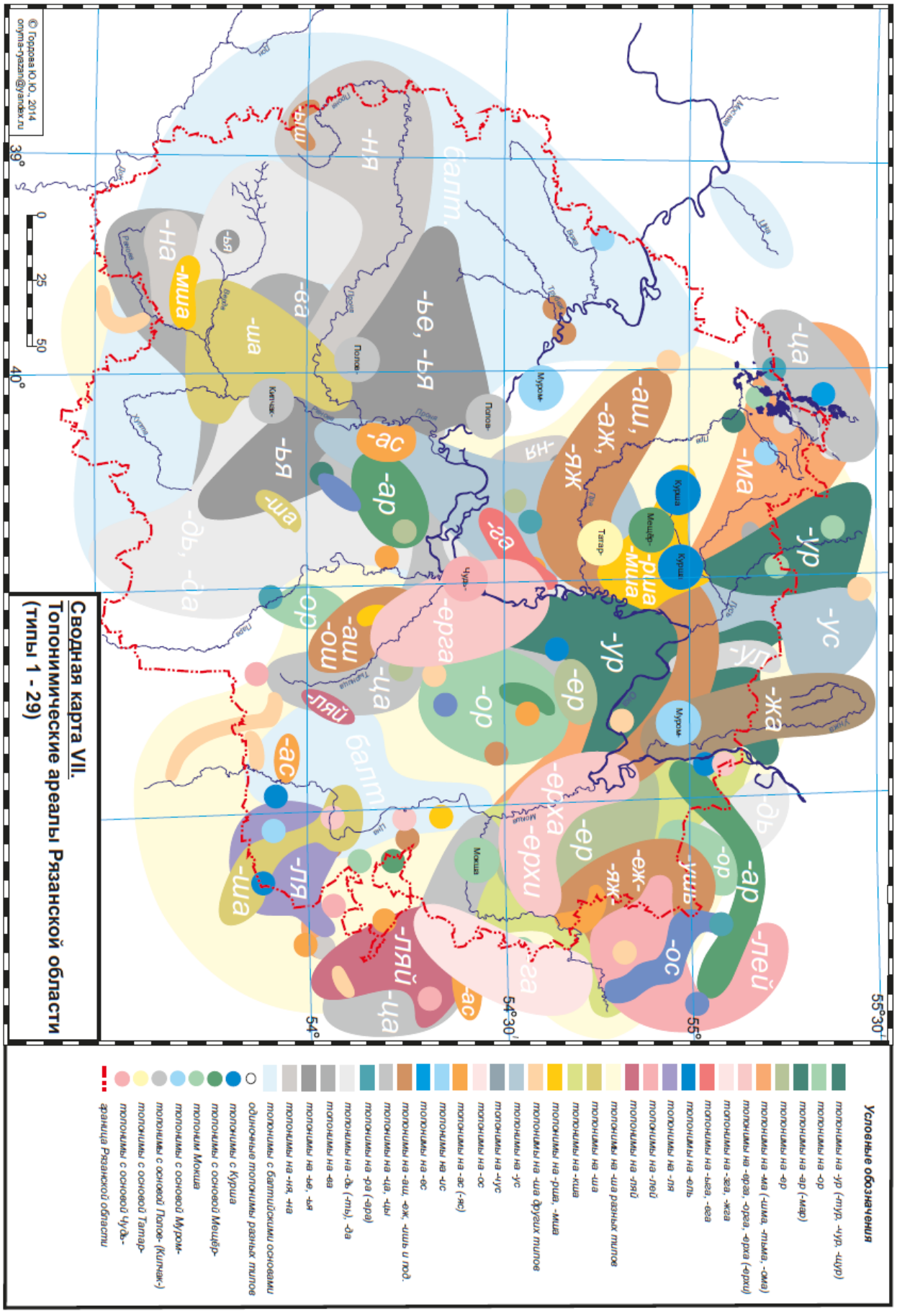
на -ье, -ья:
гидронимы Велья (Велемья), Истья, Исья, Итья, Мелисья, Мостья, Тысья; *ойконимы* Велемья, Велье[-Родионовка], Истье, Истье, Тысья, Шостье;

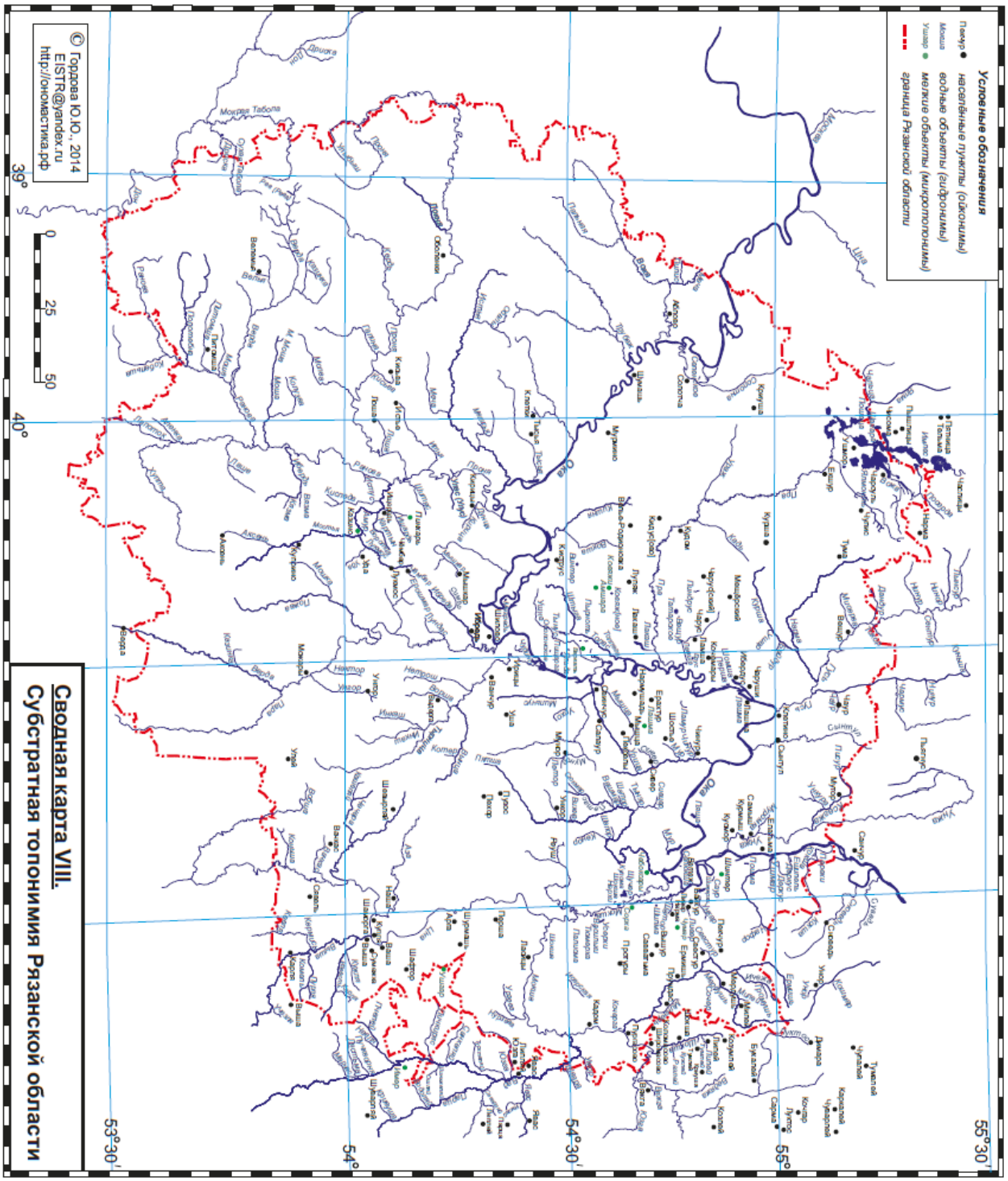
на -ня, -на:
гидронимы Вижна, Кишня, Локня, ? Проня, Полотебня, Полотебна Сухая, Полотебна Мокрая, ? Пучкворня, Ушна; *ойконим* Локня;

с балтийскими основами:
гидронимы Аза, Аксень, Аленка, Вожа (2), Галина, Гусь, Дриска (2), Казинка (2), Казино, Картын, Лапоток, Меча (2), Обалы, Оболонское, Пальная, Рев / Рева, Ревяка, Селенское, Солотча (Солотша), Табола Сухая, Табола Мокрая, Хупта (Упта), Цна (2), Чечера; *ойконимы* Аблово, Аксень, Аленка, Казинка, Клетки, Клетино, Куприно, Оболенки, Солотча (Солотша), Шилово.

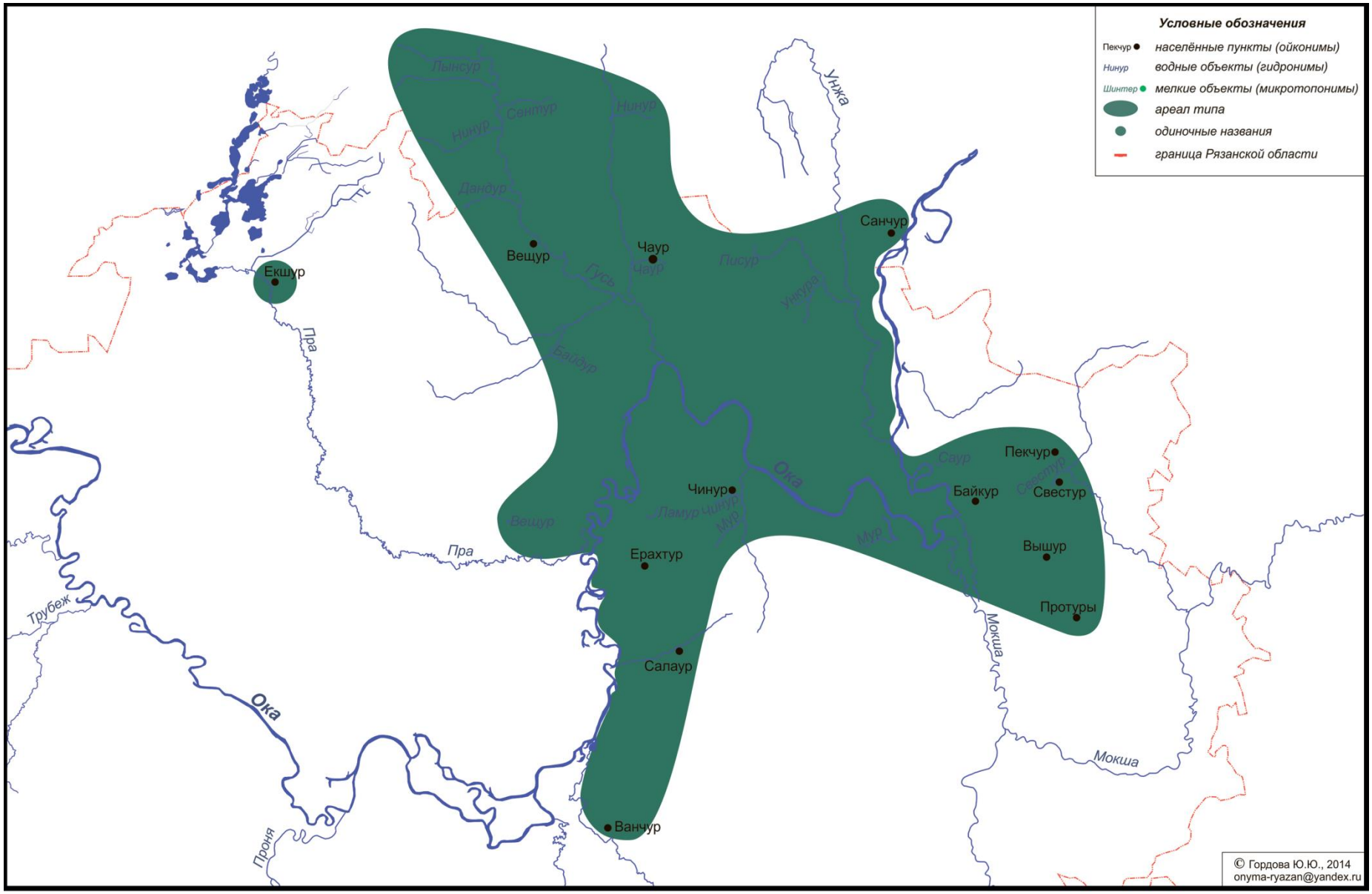
Условные обозначения
- *топонимы на -дь (-ть), -да*
- *топонимы на -ва*
- *топонимы на -ье, -ья*
- *топонимы на -ня, -на*
- *топонимы с балтийскими основами*
- *одиночные названия*
- *граница Рязанской области*


Условные обозначения
топонимы на -ус
топонимы на -чус
топонимы на -ос
топонимы на -ас (-яс)
топонимы на -аш, -еж, -ишь и под.
топонимы на -ца, -цы
топонимы на -дь (-ть), -да
топонимы на -ва
топонимы на -ье, -ья
топонимы на -ня, -на
топонимы с балтийскими основами
одиночные названия
граница Рязанской области
55°30'
55°
54°30'
54°
39°
40°
41°
0
25
50
-ца
-ус
-дь
-ус
-ушь
-ишь
-еж-
-яж-
-ос
-аш,-аж,
-яж
-ня
балт.
-ье, -ья
-ас
-ца
-аш
-ош
балт.
-ас
-ца
-ня
-ыш
-ва
-ья
-ья
-на
-дь, -да
Ока
Москва
Цна
Гусь
Унжа
Пра
Вожа
Трубеж
Мокша
Прона
Пронь
Тырнуша
Цна
Дон
Верда
Ранова
Хупта
Пара
© Гордова Ю.Ю., 2014
onyma-ryazan@yandex.ru
Сводная карта VI.
Ареалы топонимии балтийского типа

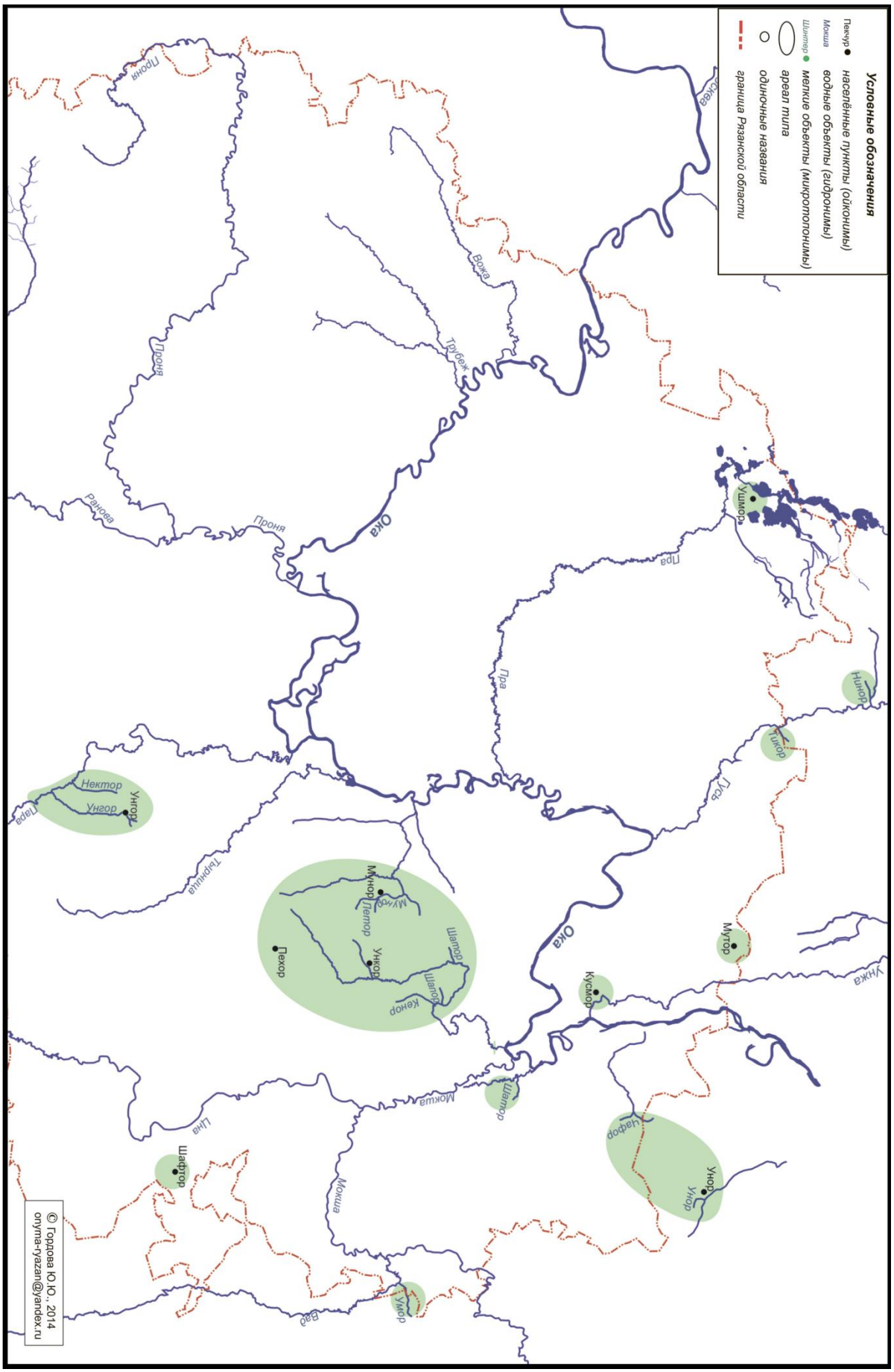

Сводная карта VII.
Топонимические ареалы Рязанской области
(типы 1 - 29)
Условные обозначения
© Гордова Ю.Ю., 2014
onyma-ryazan@yandex.ru
0 25 50
39°
40°
54°30'
55°
55°30'
-ца
-ур
-ус
-ма
-ша
-ер
-ор
-ар
-ас
-ер
-ерга
-ерха
-ерхи
-ер
-ер
-ер



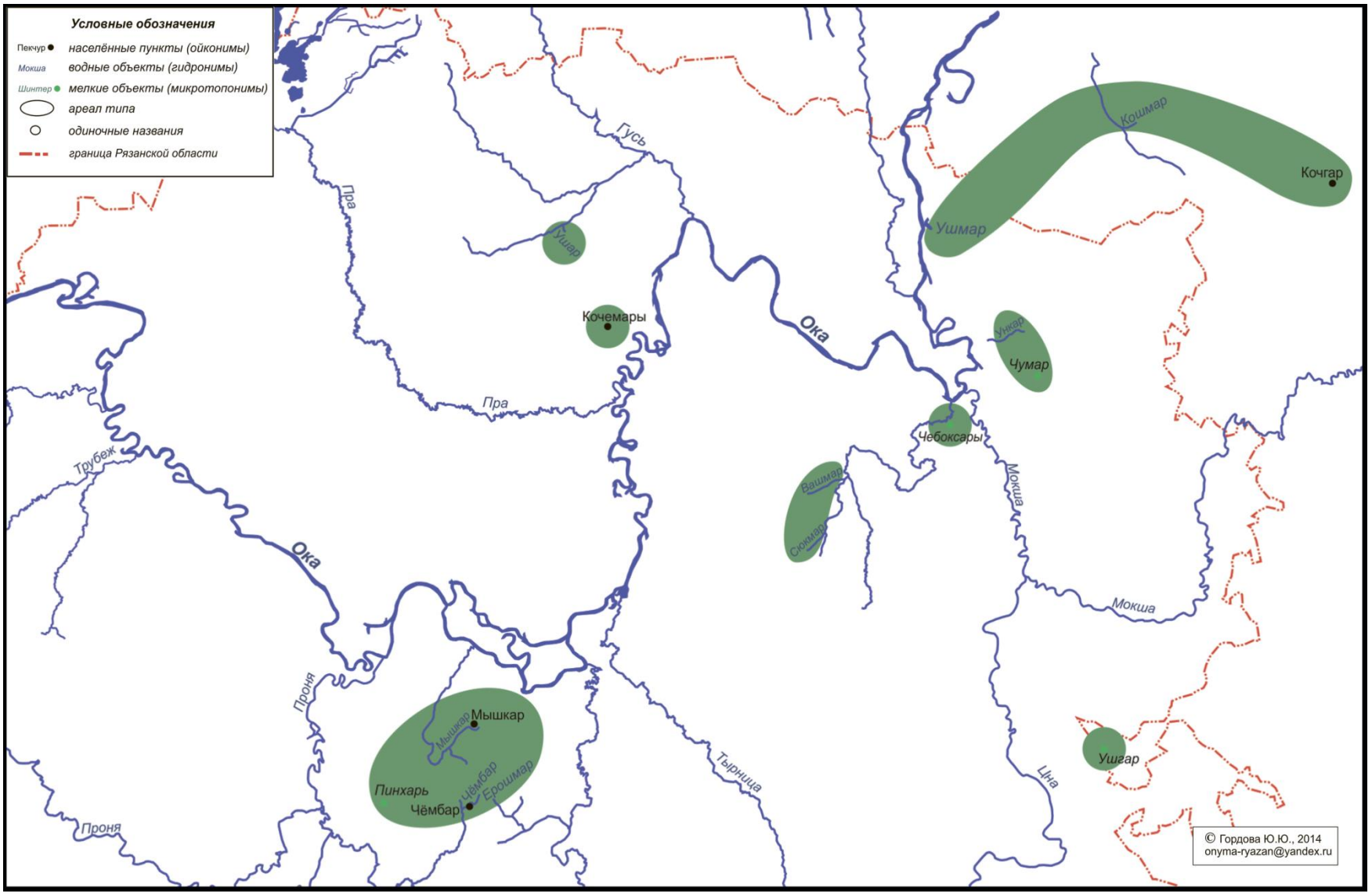
Сводная карта VIII.
Субстратная топонимия Рязанской области



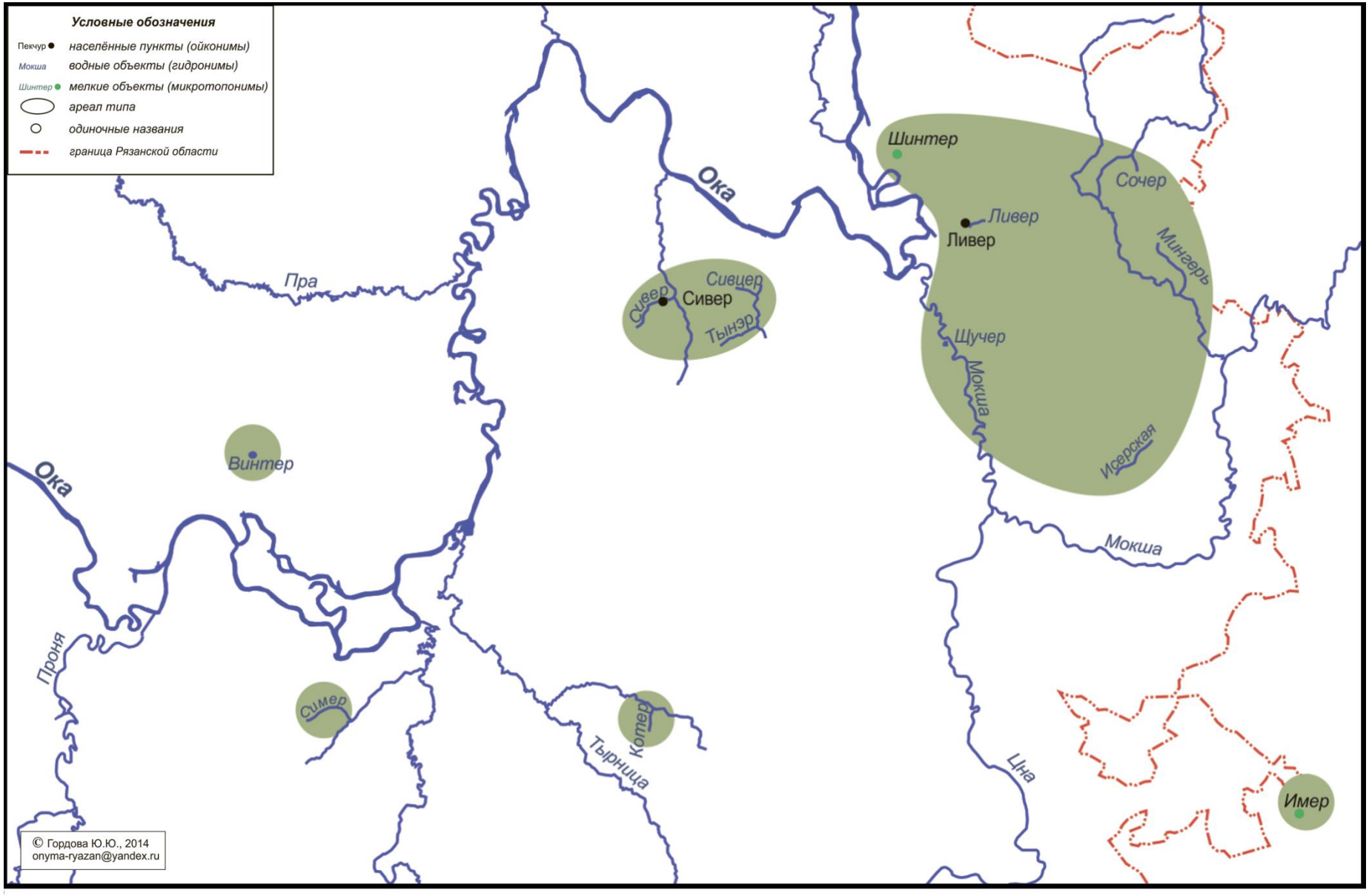
Карта 1. Топонимы на -ур



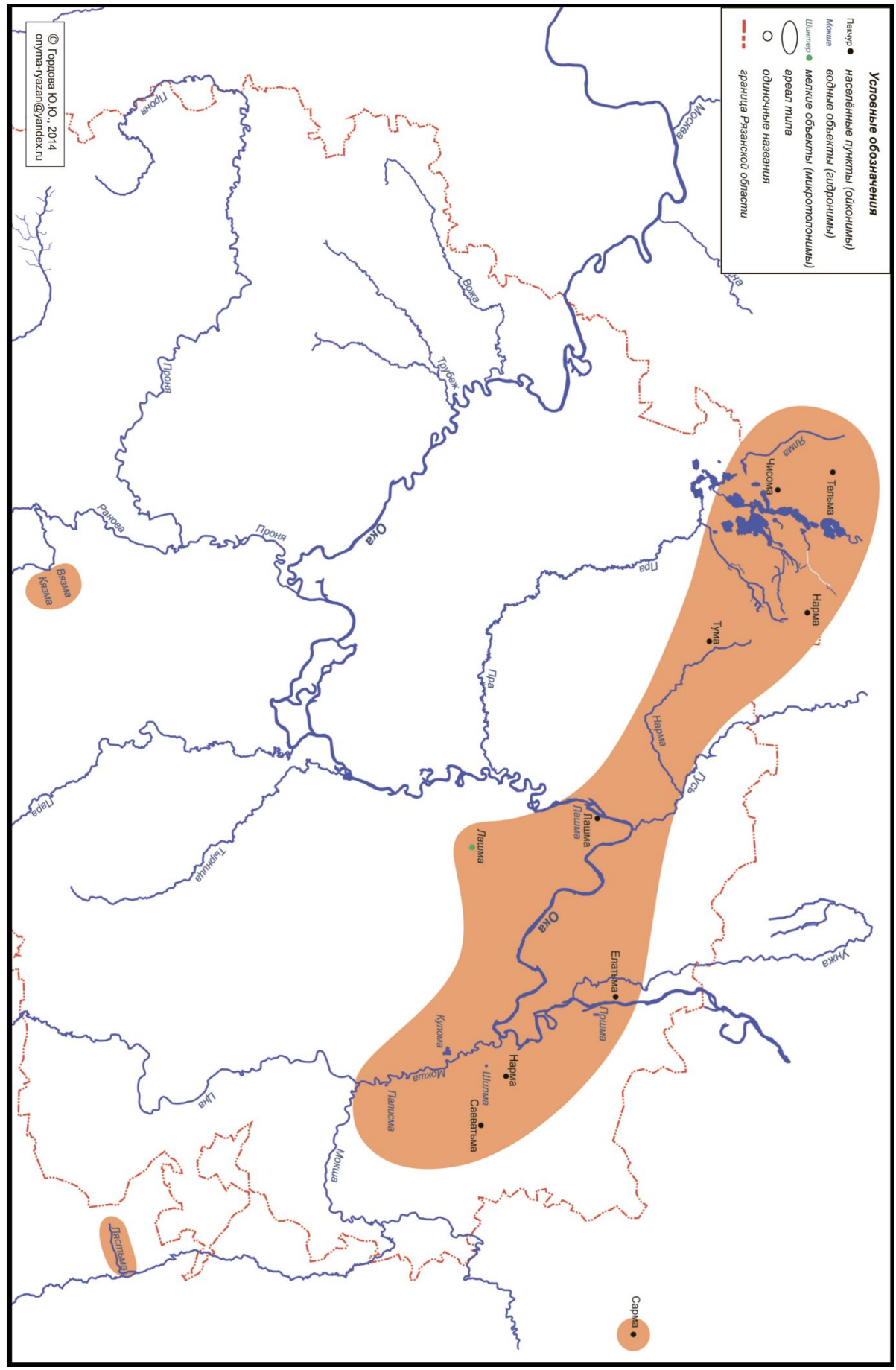
Карта 2. Топонимы на -ор



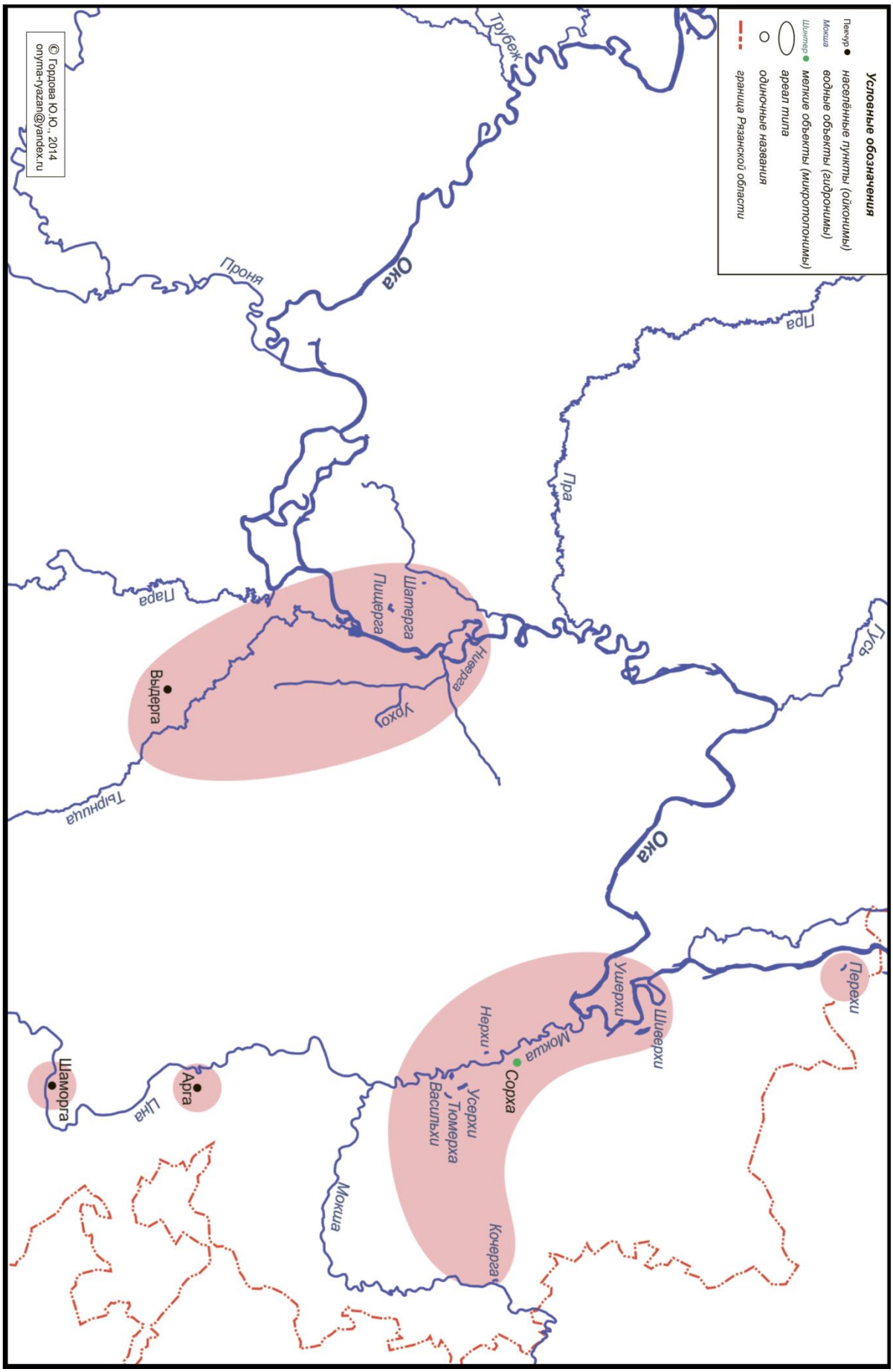
Карта 3. Топонимы на -ар (-мар)



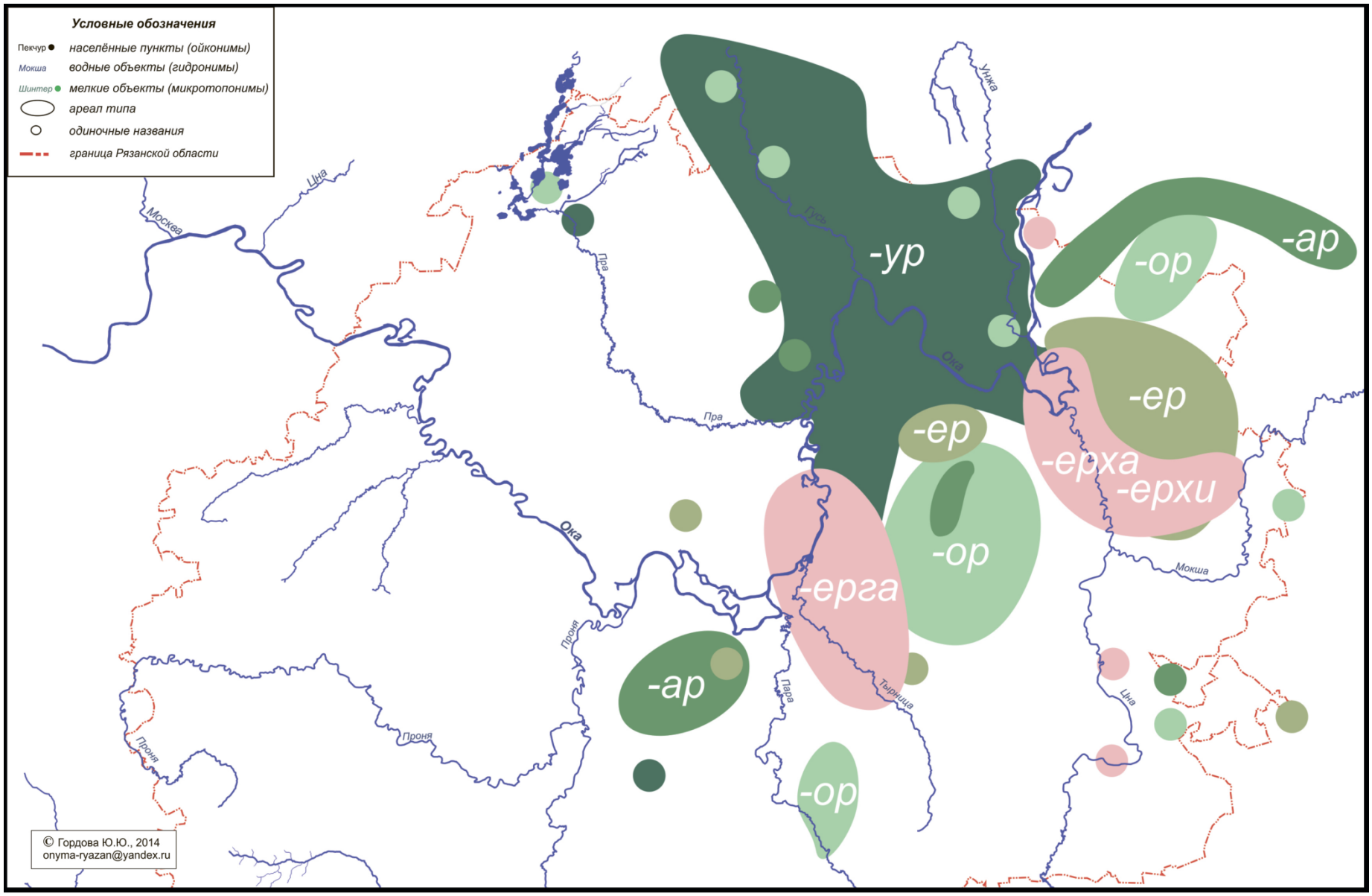
Карта 4. Топонимы на -ер



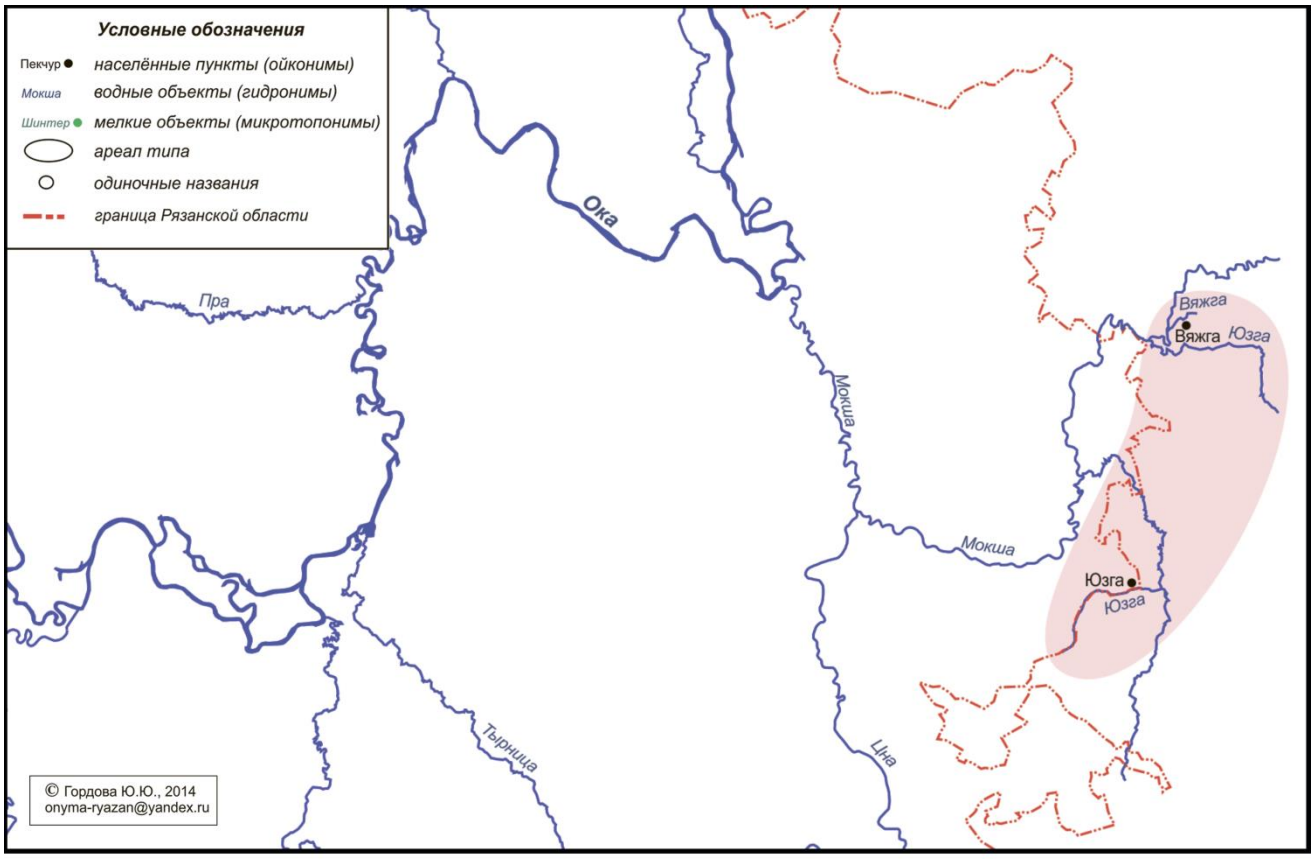
Карта 5. Топонимы на -ма



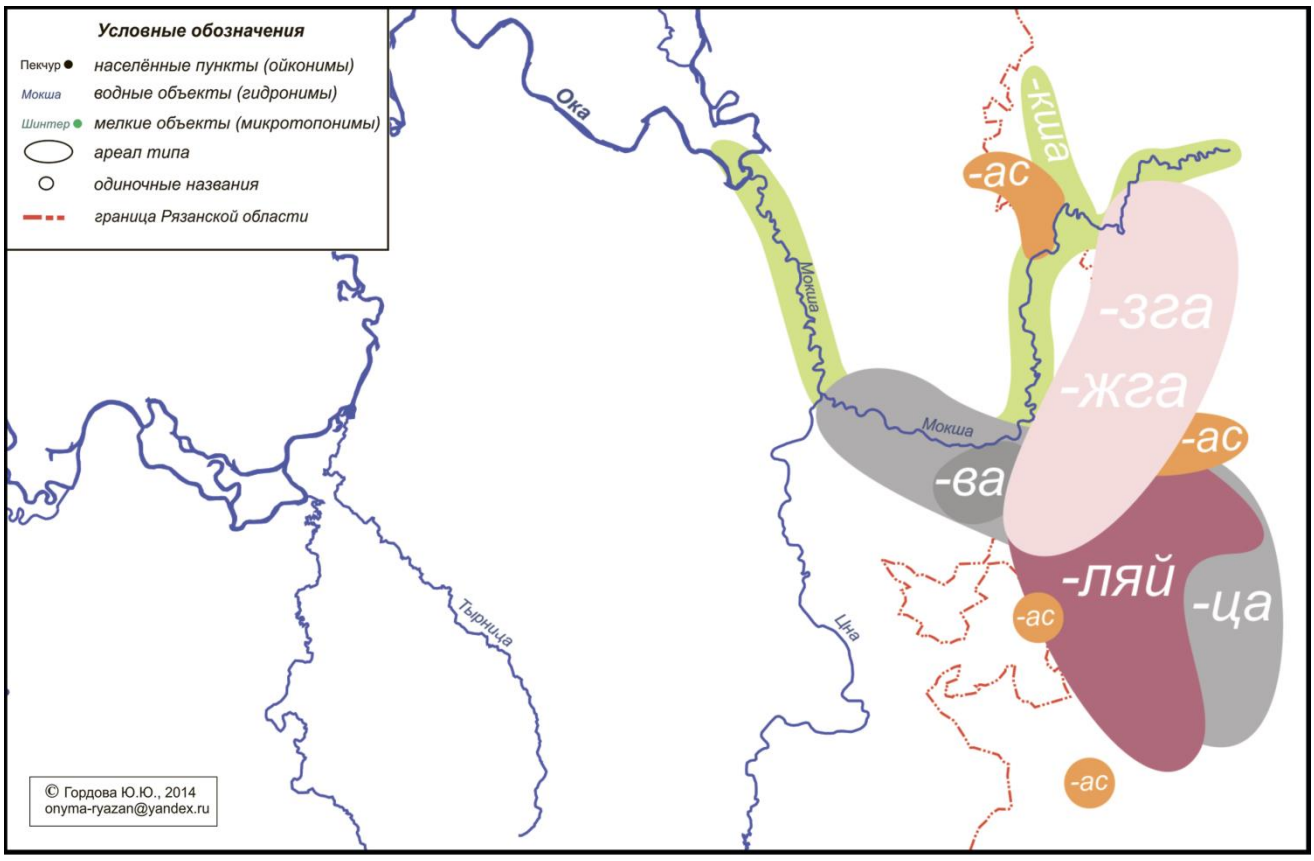
Карта 6. Топонимы на -ерга, -орга, -ерха (-ерхи)



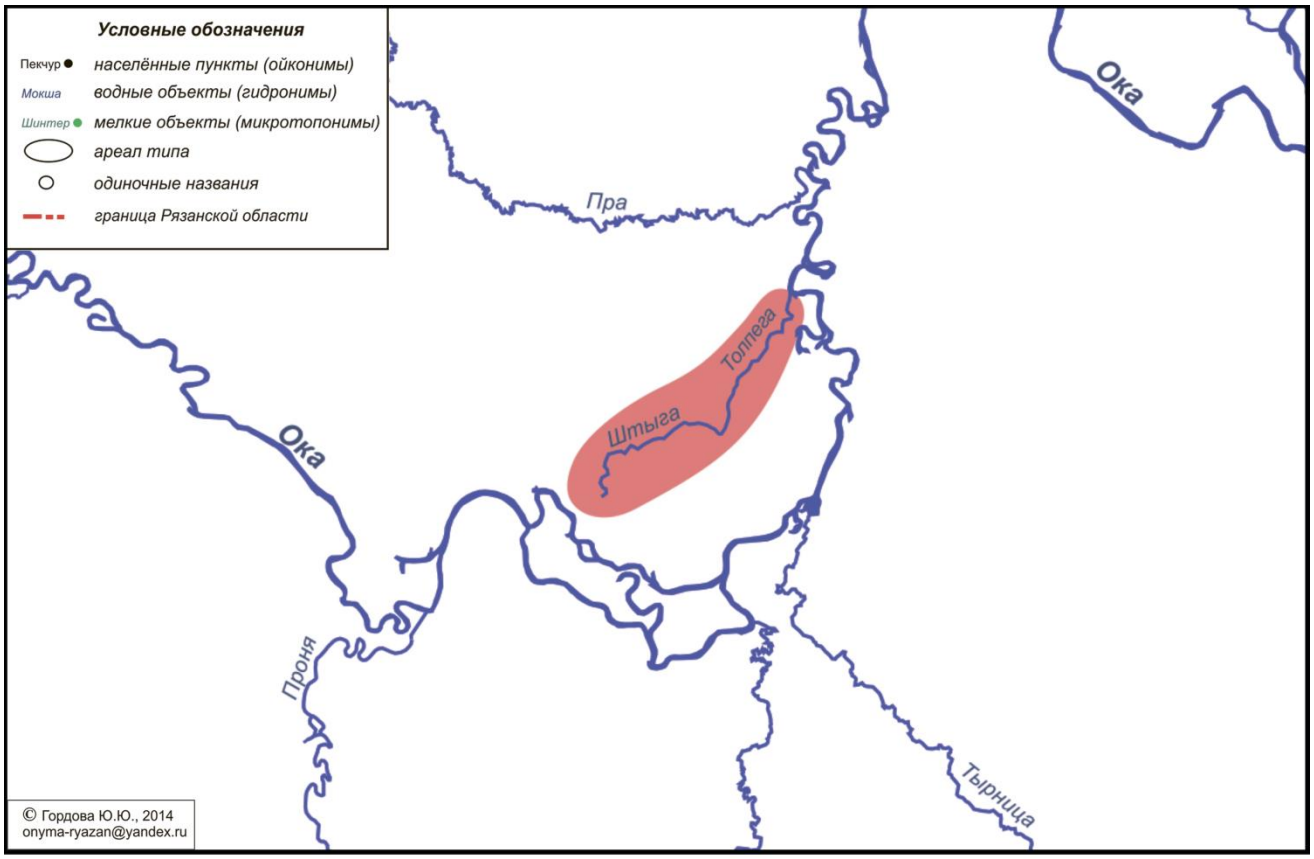
Карта 6 А. Топонимы на -ерга, -орга, -ерха (-ерхи) и -ур, -ор, -ар, -ер



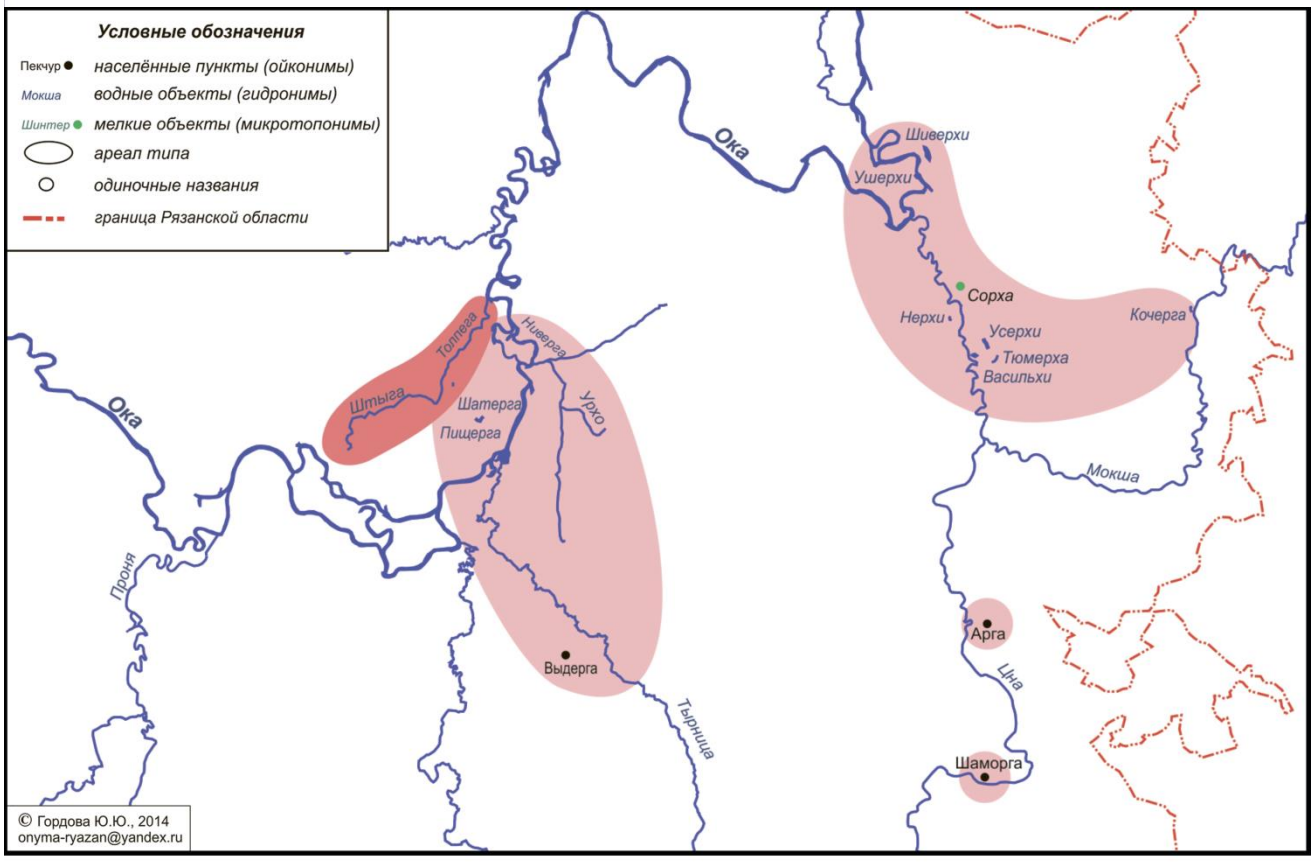
Карта 7. Топонимы на -зга, -жга



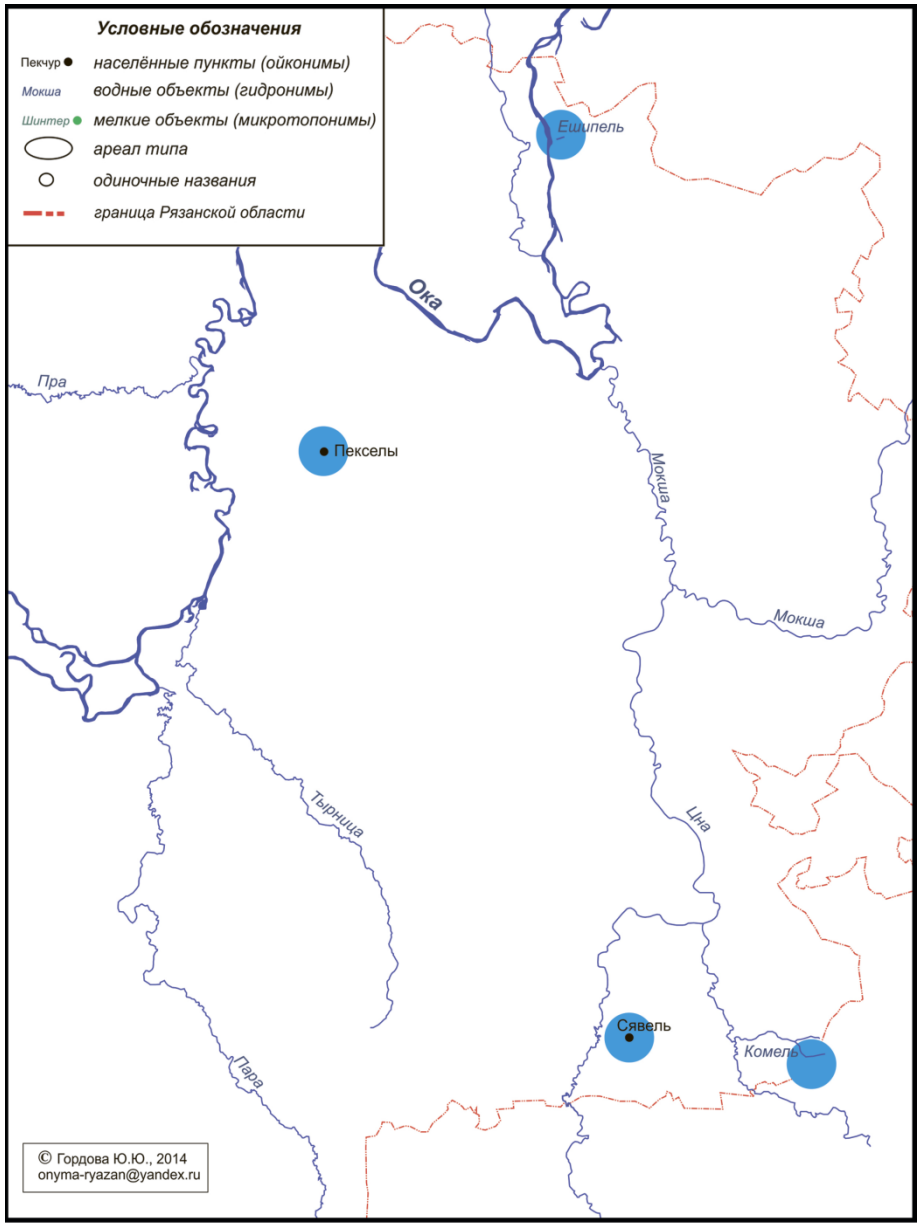
Карта 7 А. Топонимы на -зга, -жга: топонимическое окружение



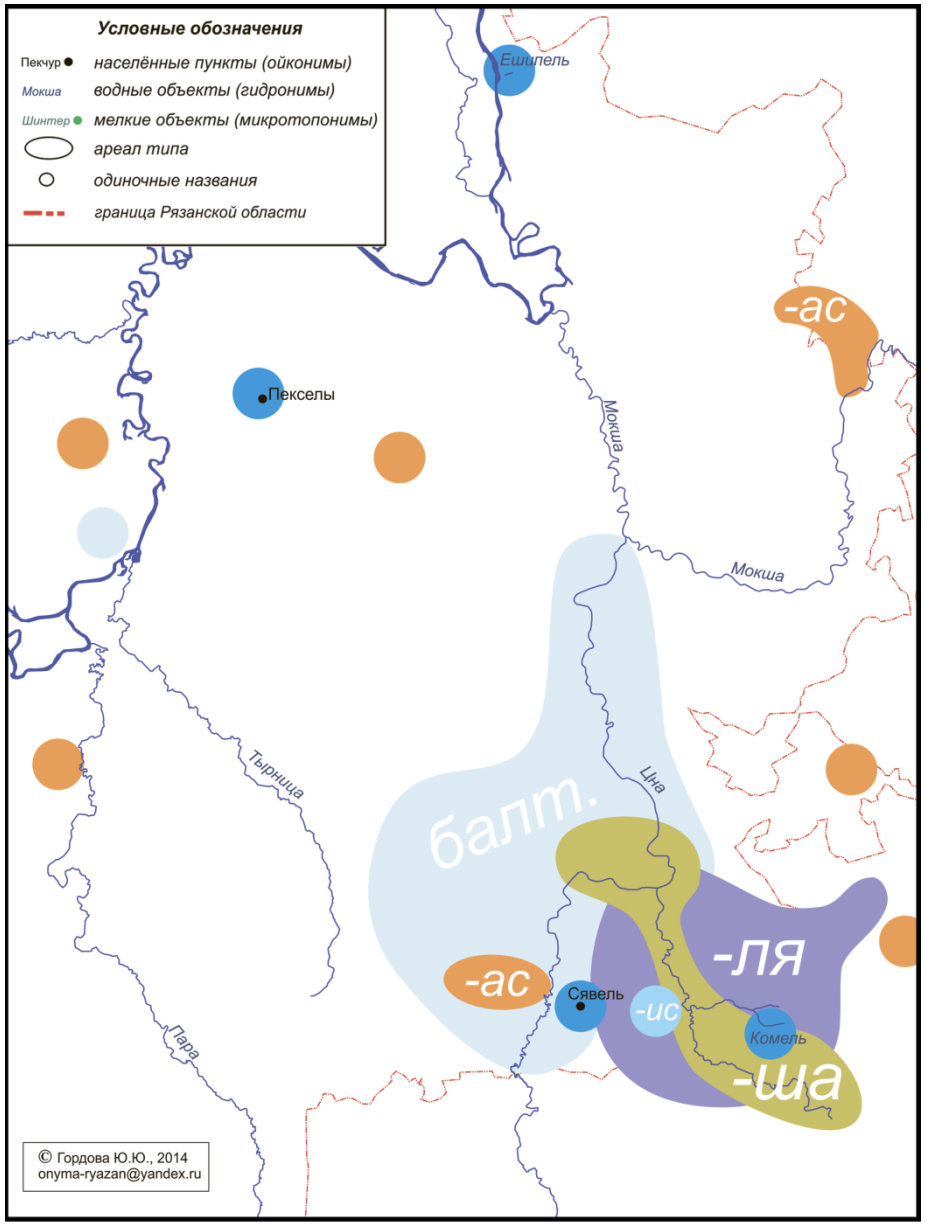
Карта 8. Топонимы на -ыга, -ега



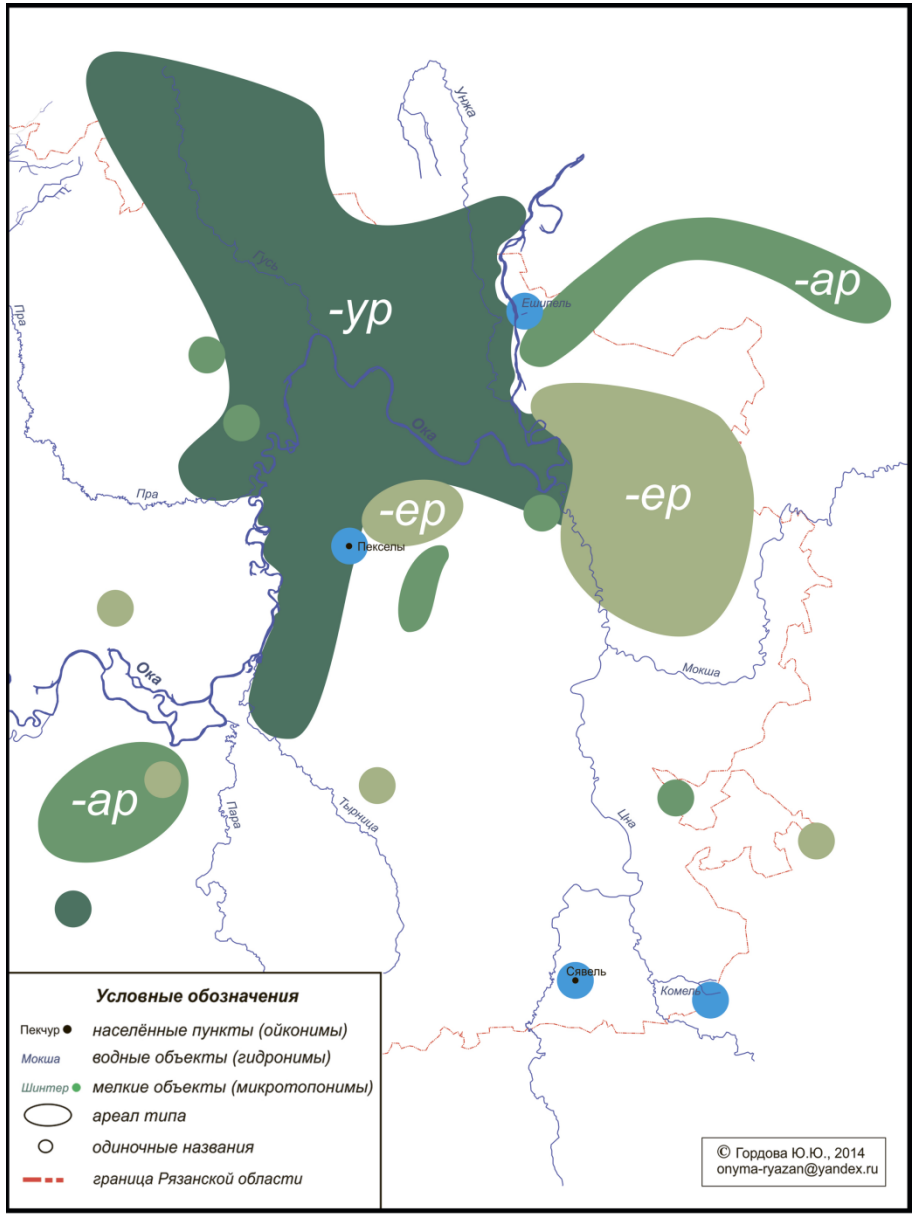
Карта 8 А. Топонимы на -ыга, -ега и -ерга, -орга, -ерха (-ерхи)



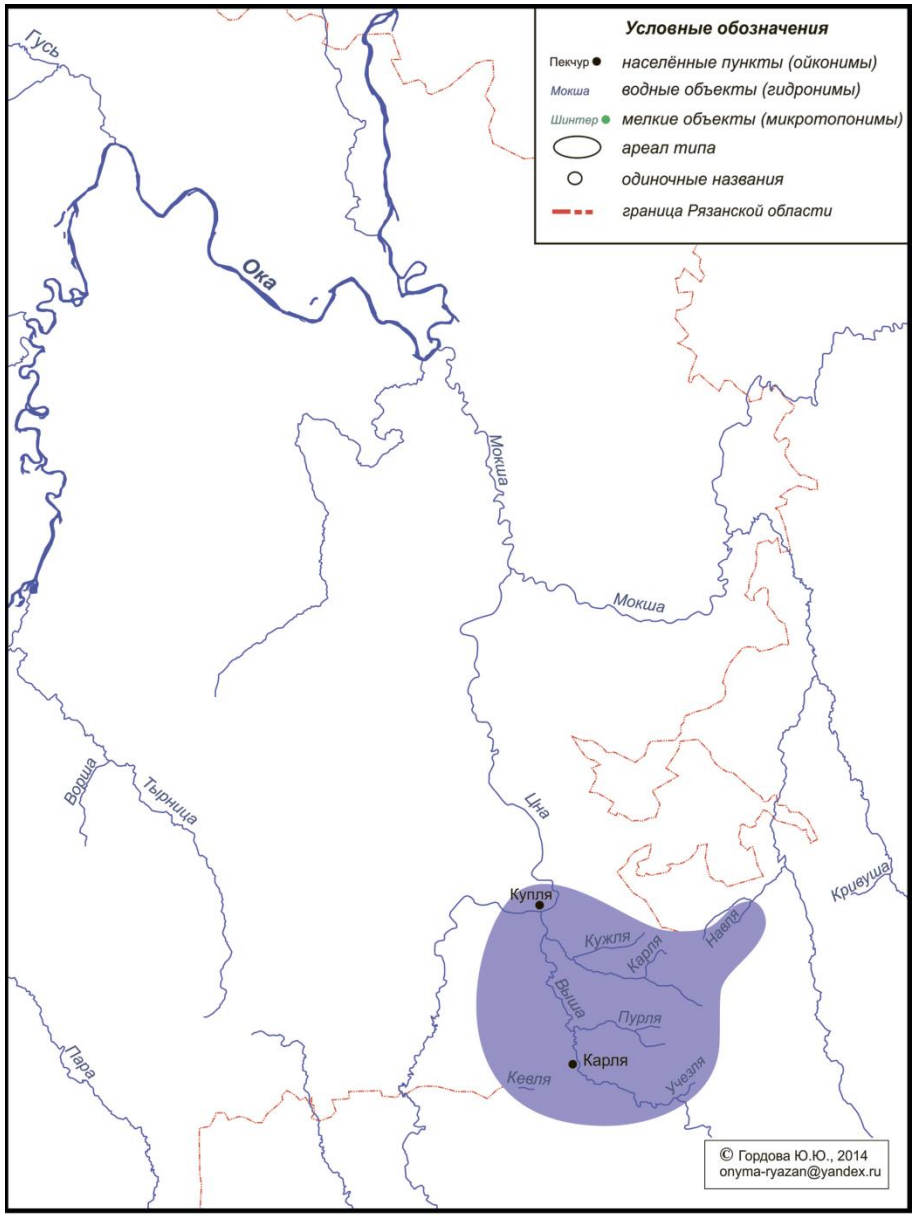
Карта 9. Топонимы на -ель



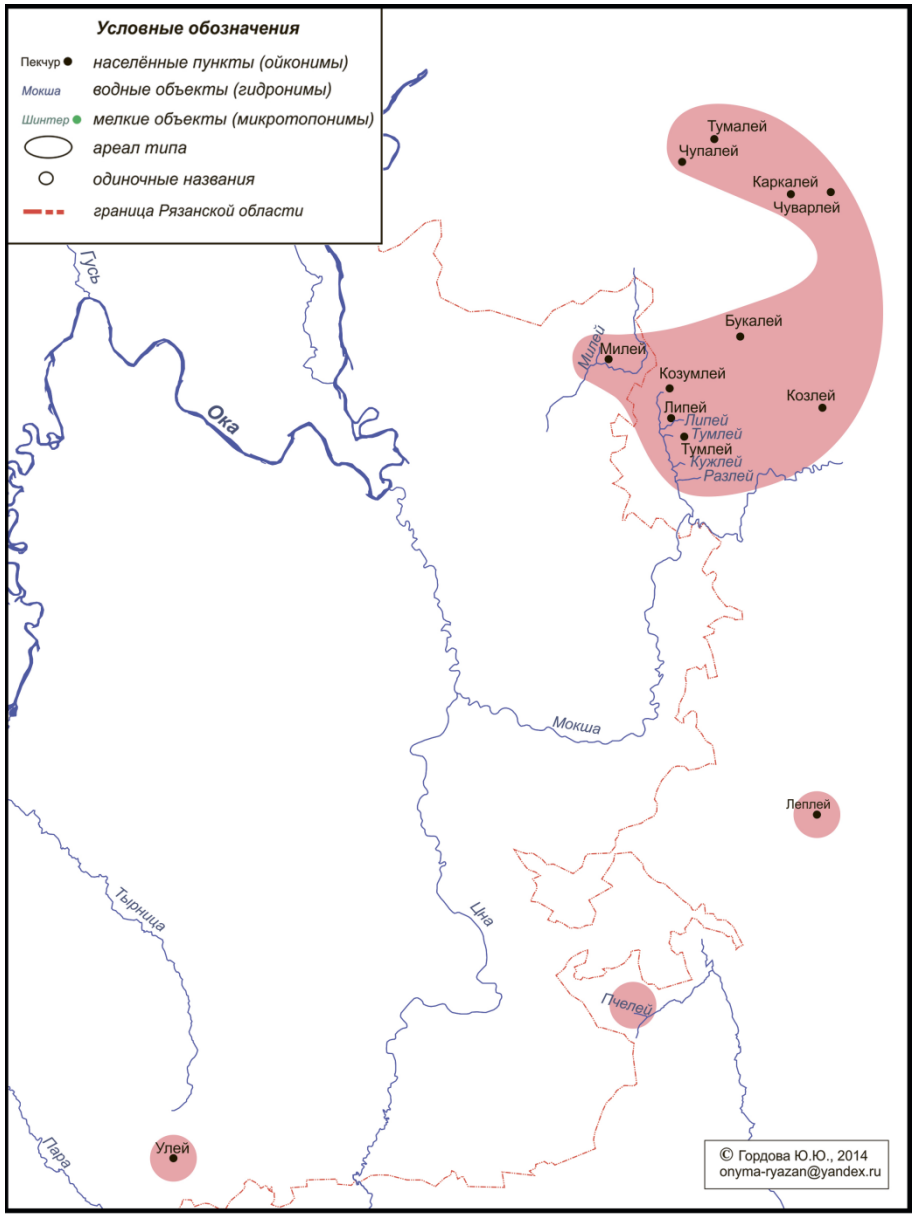
Карта 9 А. Топонимы на -ель: топонимическое окружение



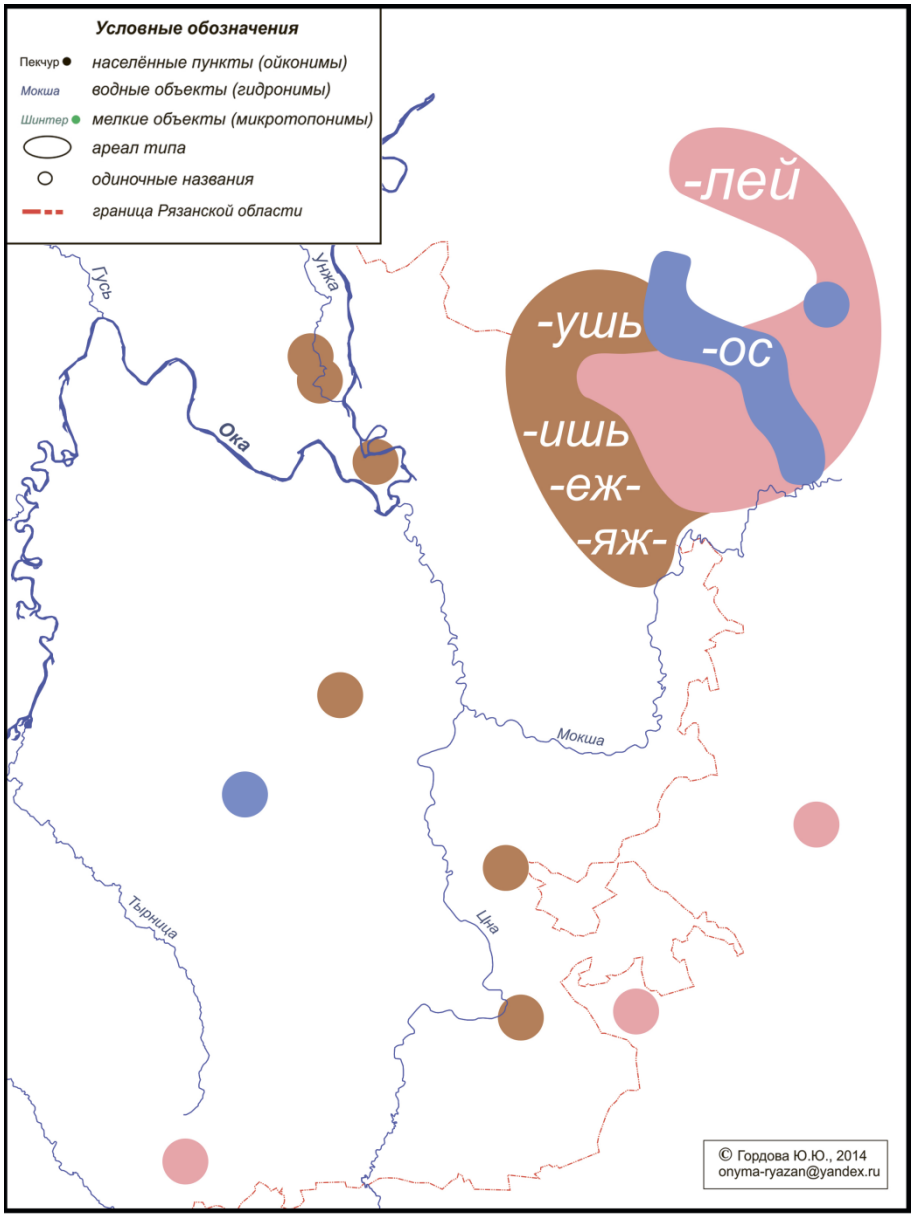
Карта 9 Б. Топонимы на -ель: топонимическое окружение



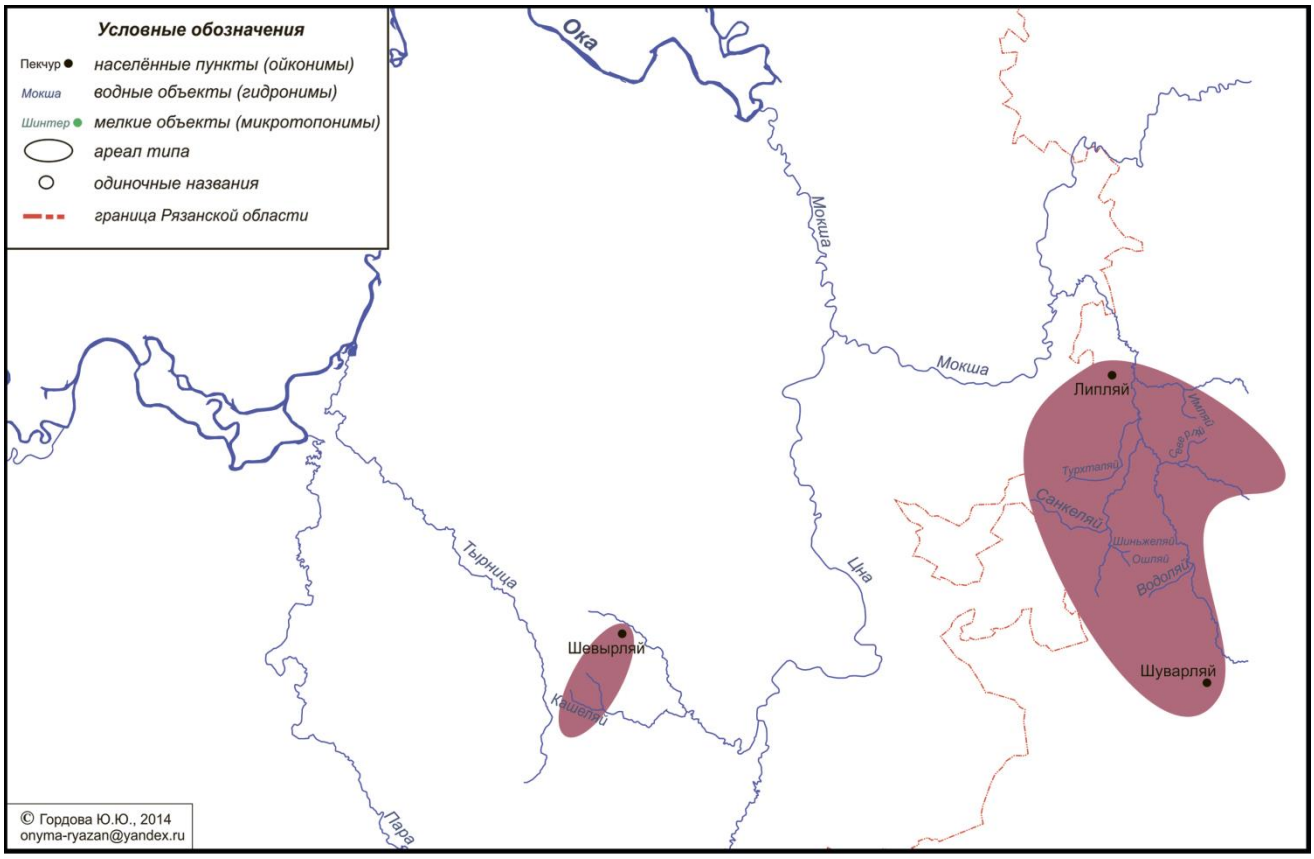
Карта 10. Топонимы на -ля



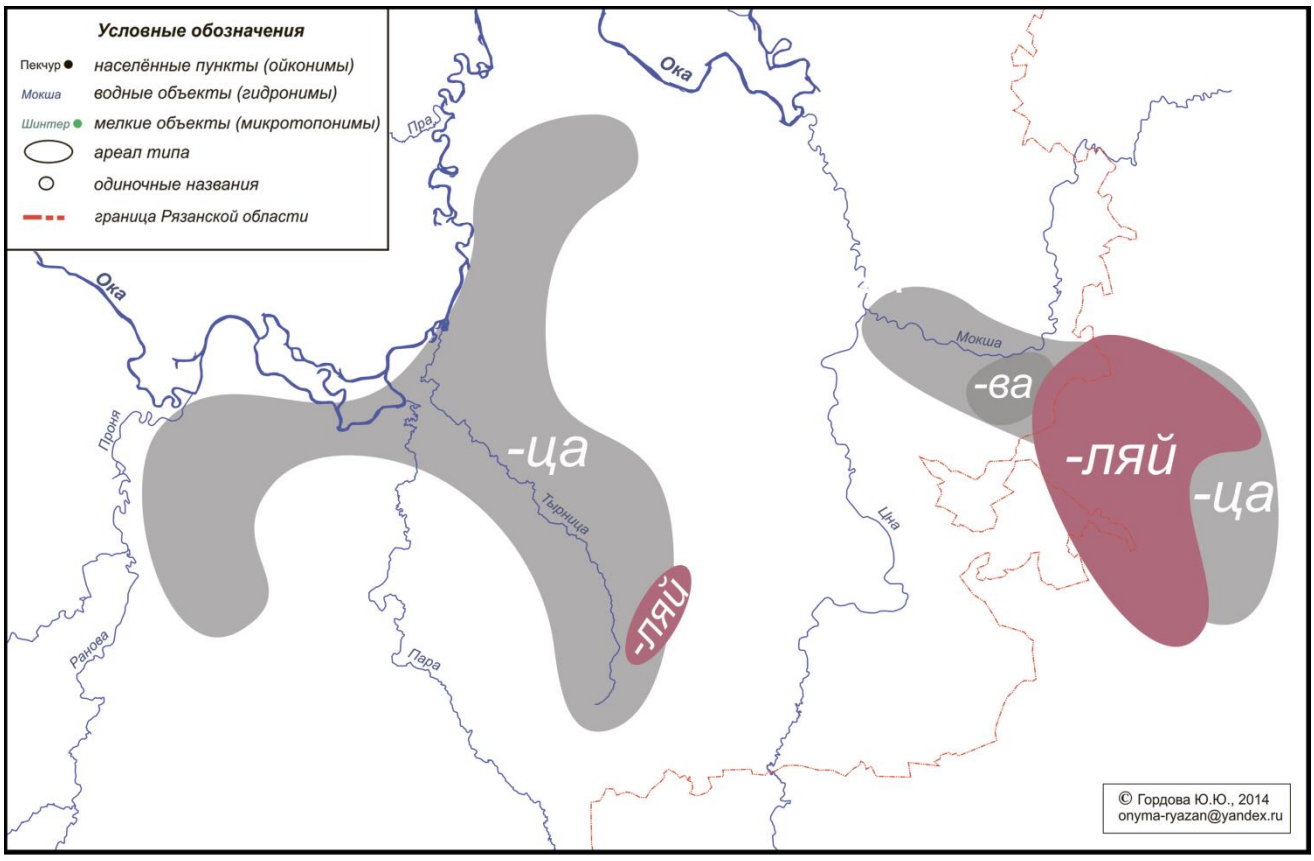
Карта 11. Топонимы на -лей



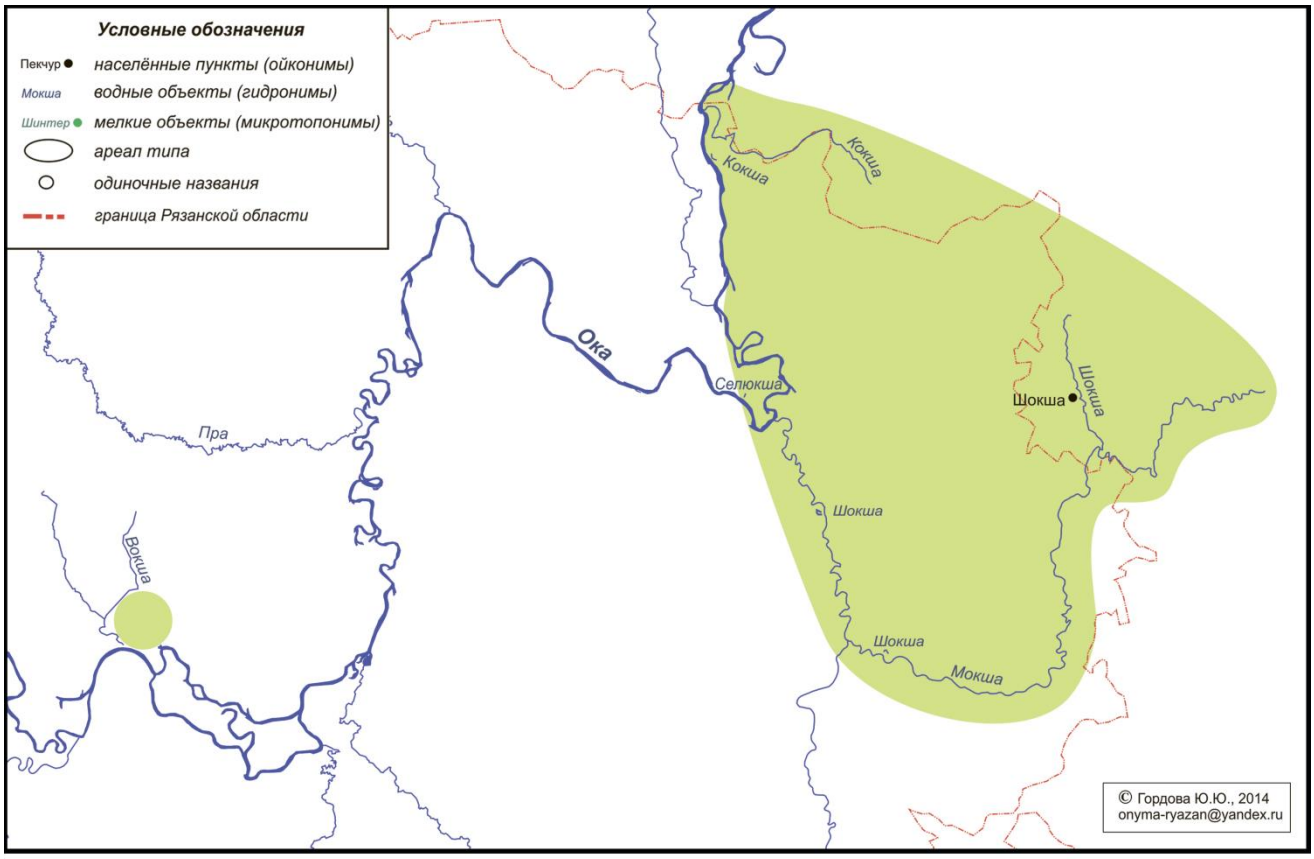
Карта 11А.Топонимы на -лей: топонимическое окружение



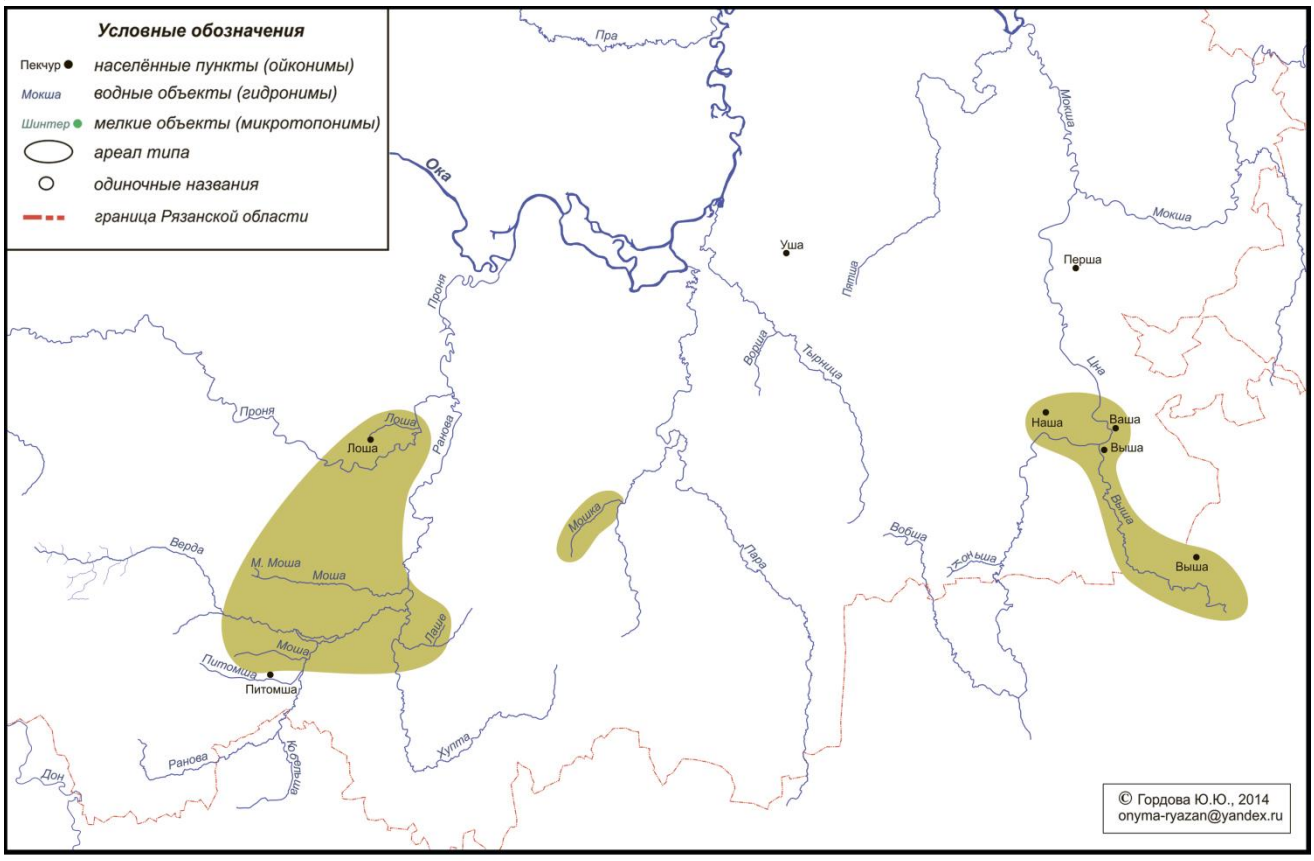
Карта 12. Топонимы на -ляй



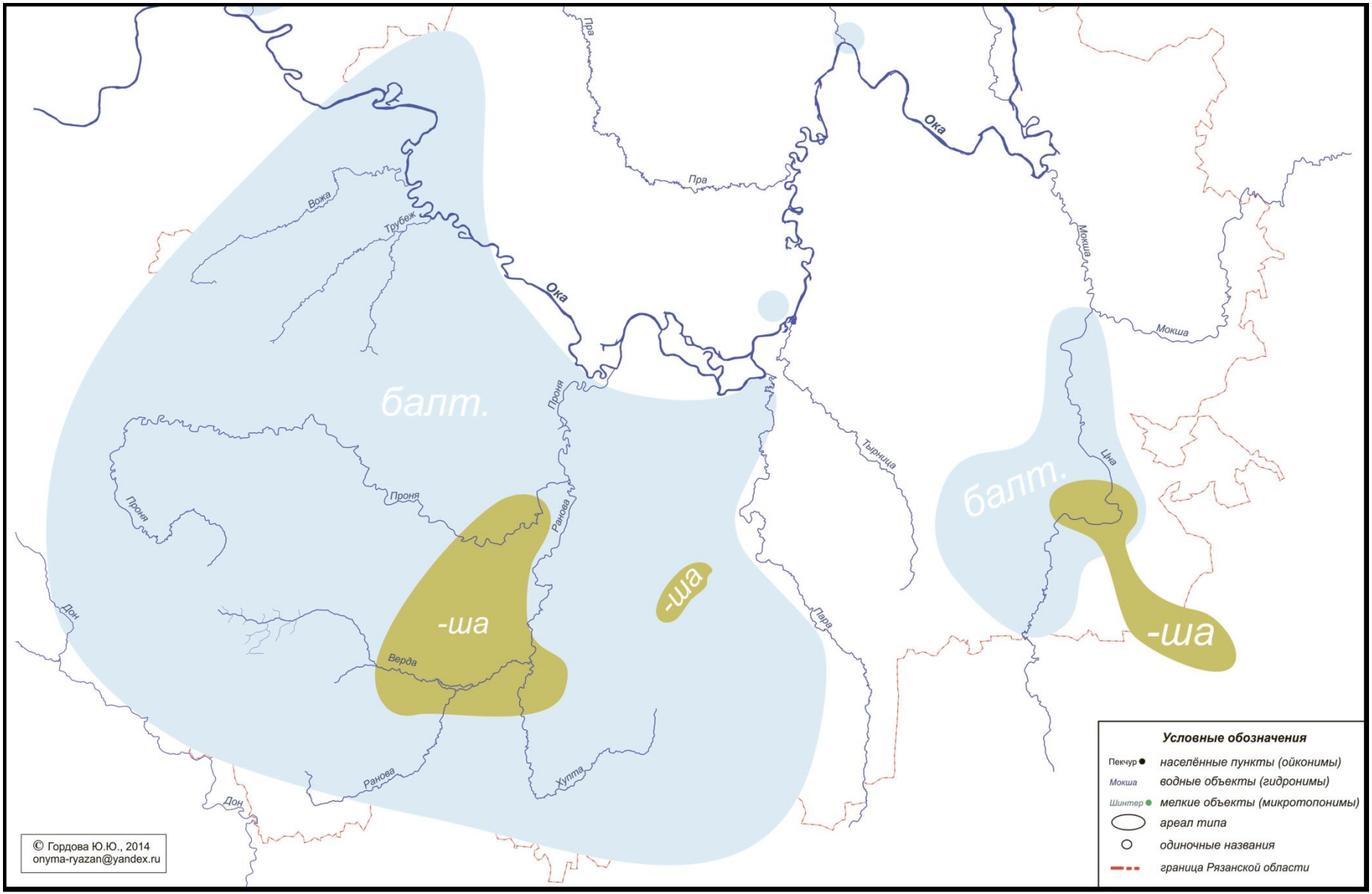
Карта 12 А. Топонимы на -ляй: топонимическое окружение



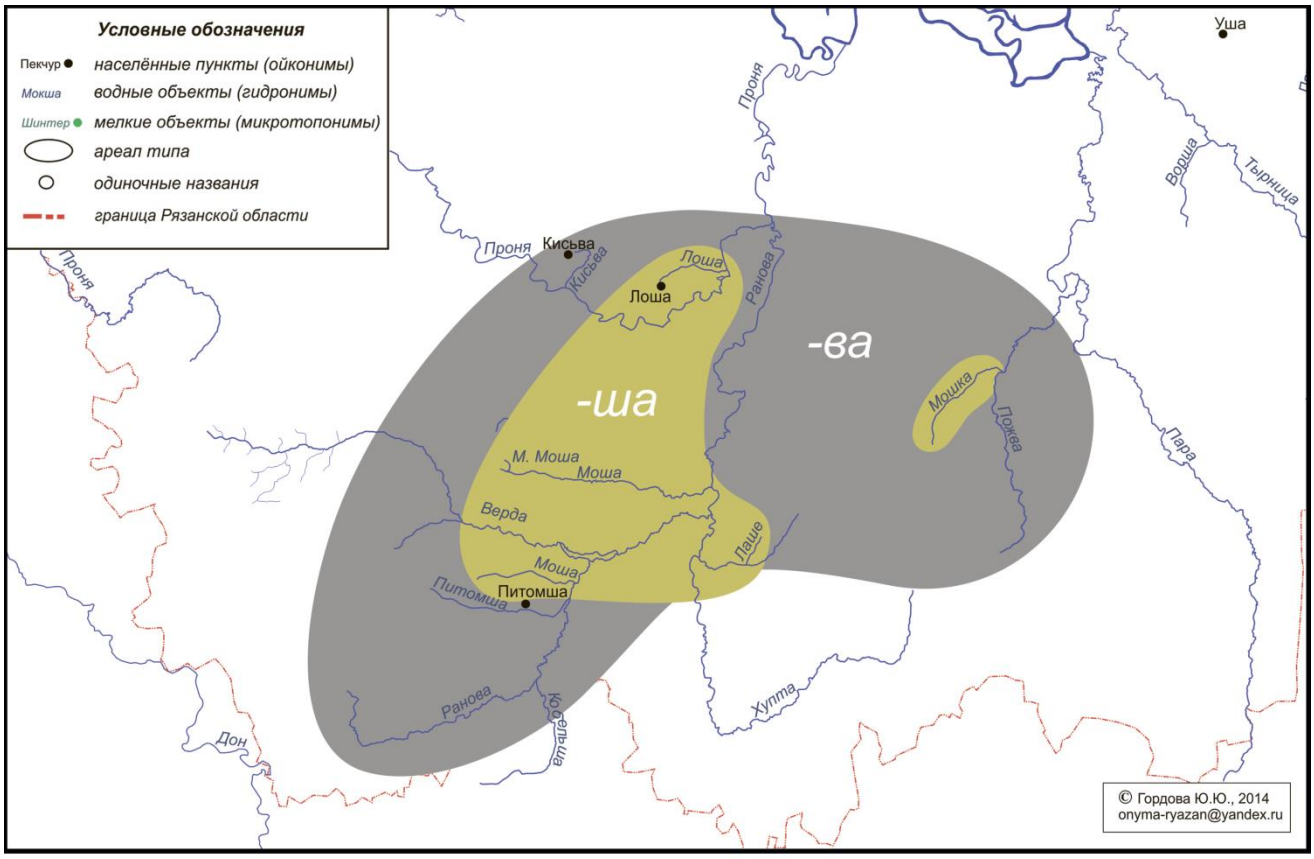
Карта 13. Топонимы на -кша



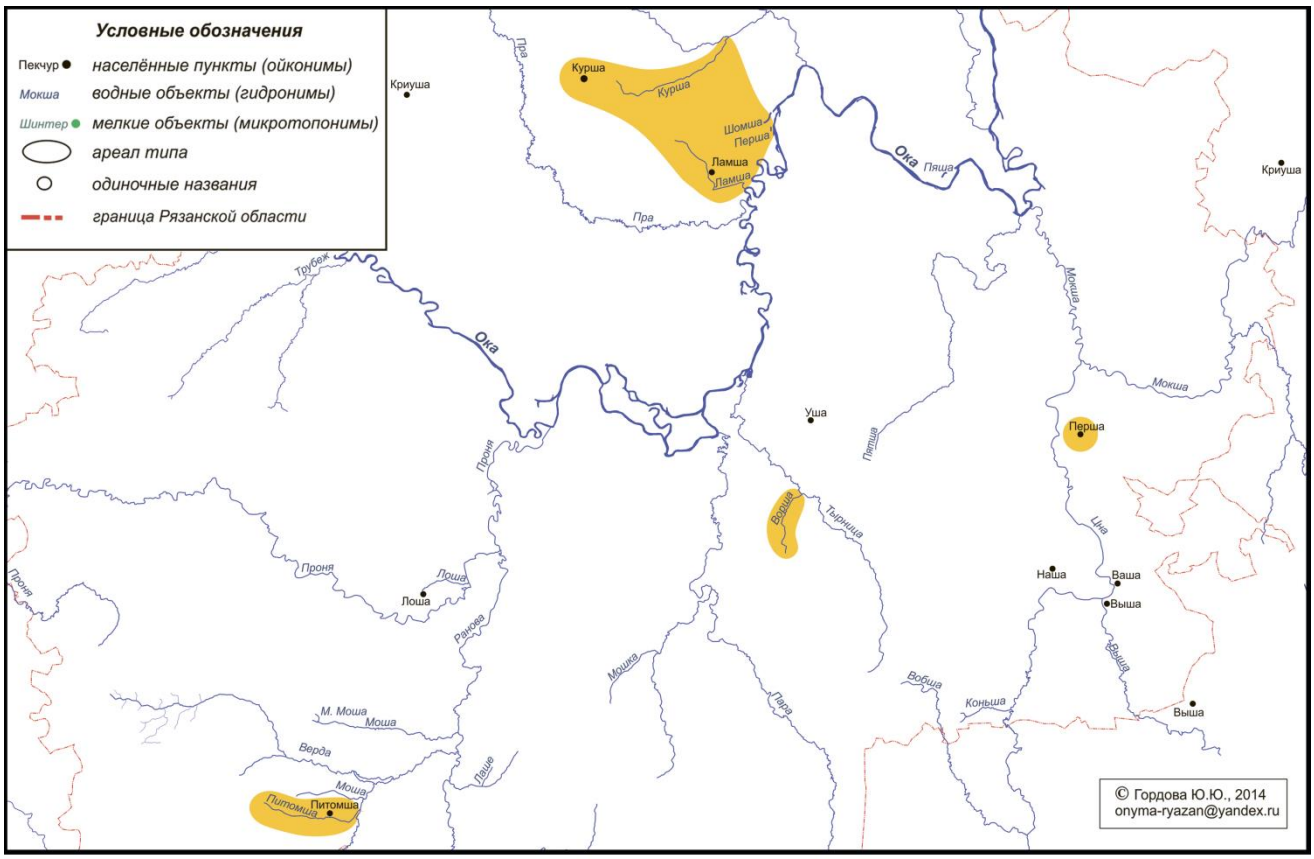
Карта 14. Топонимы на -ша (типа Моша)



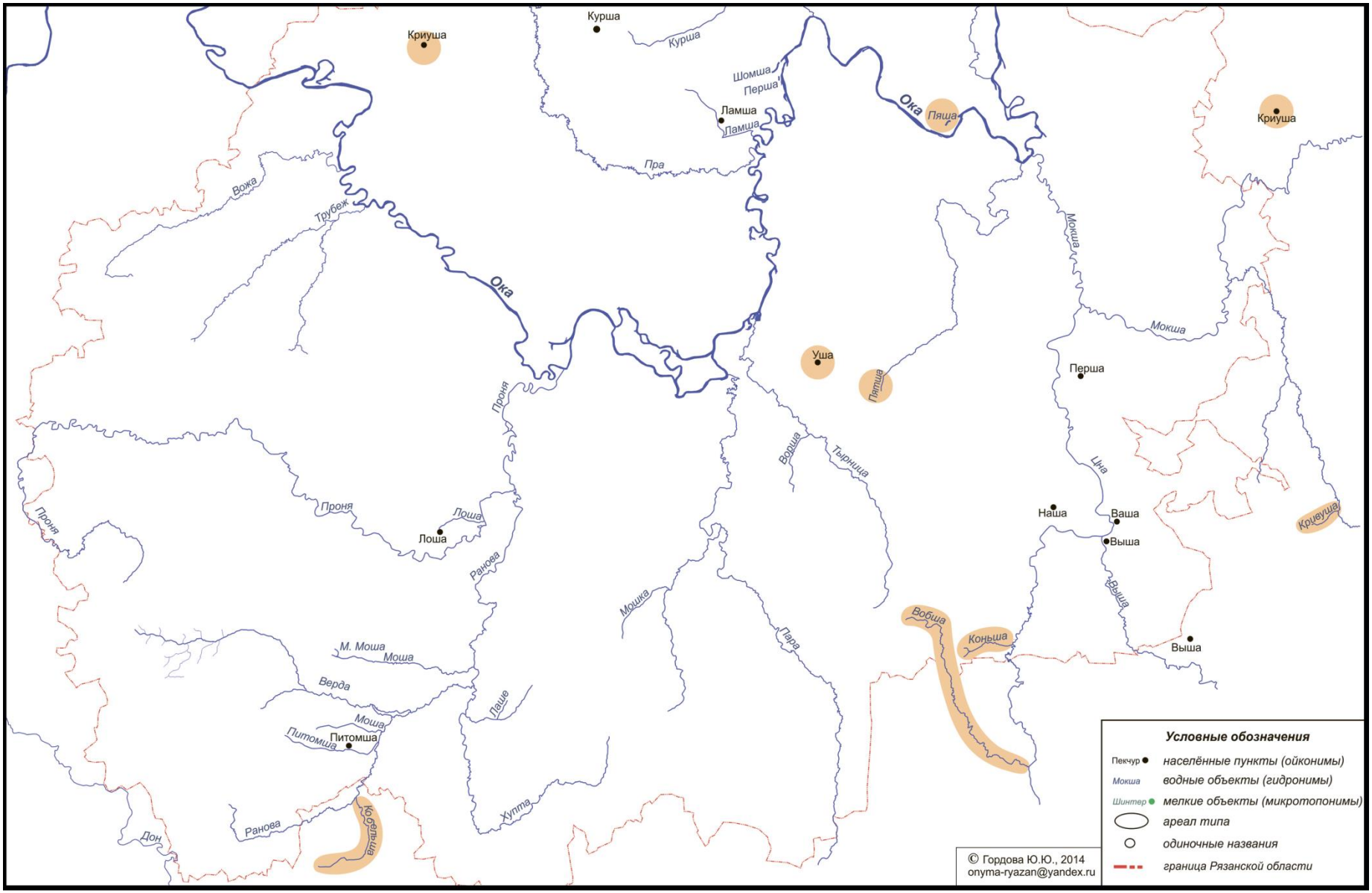
Карта 14 А. Топонимы на -ша (типа Моша) и ареал балтийской топонимии



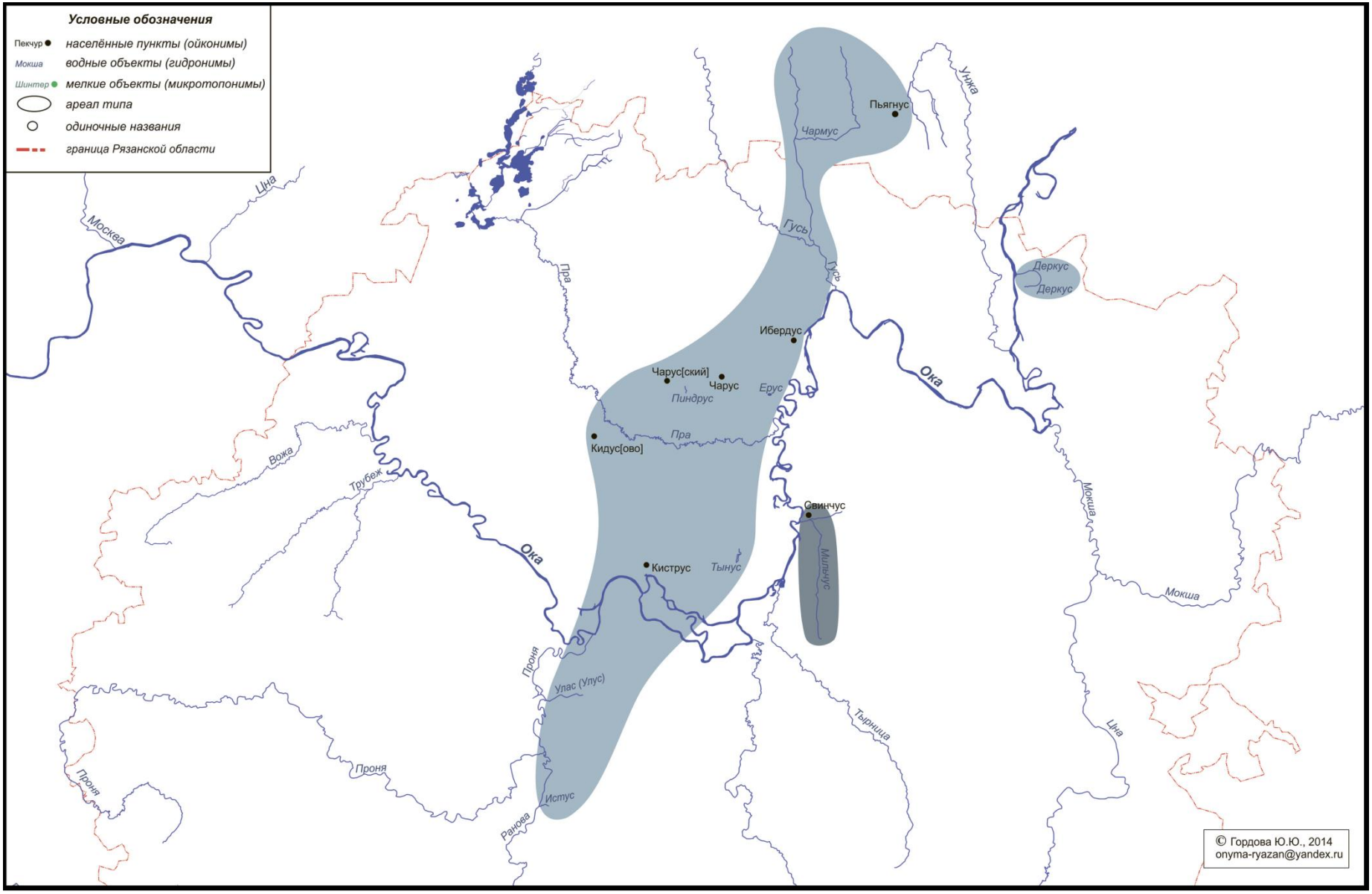
Карта 14 Б. Топонимы на -ша (типа Моша) и -ва



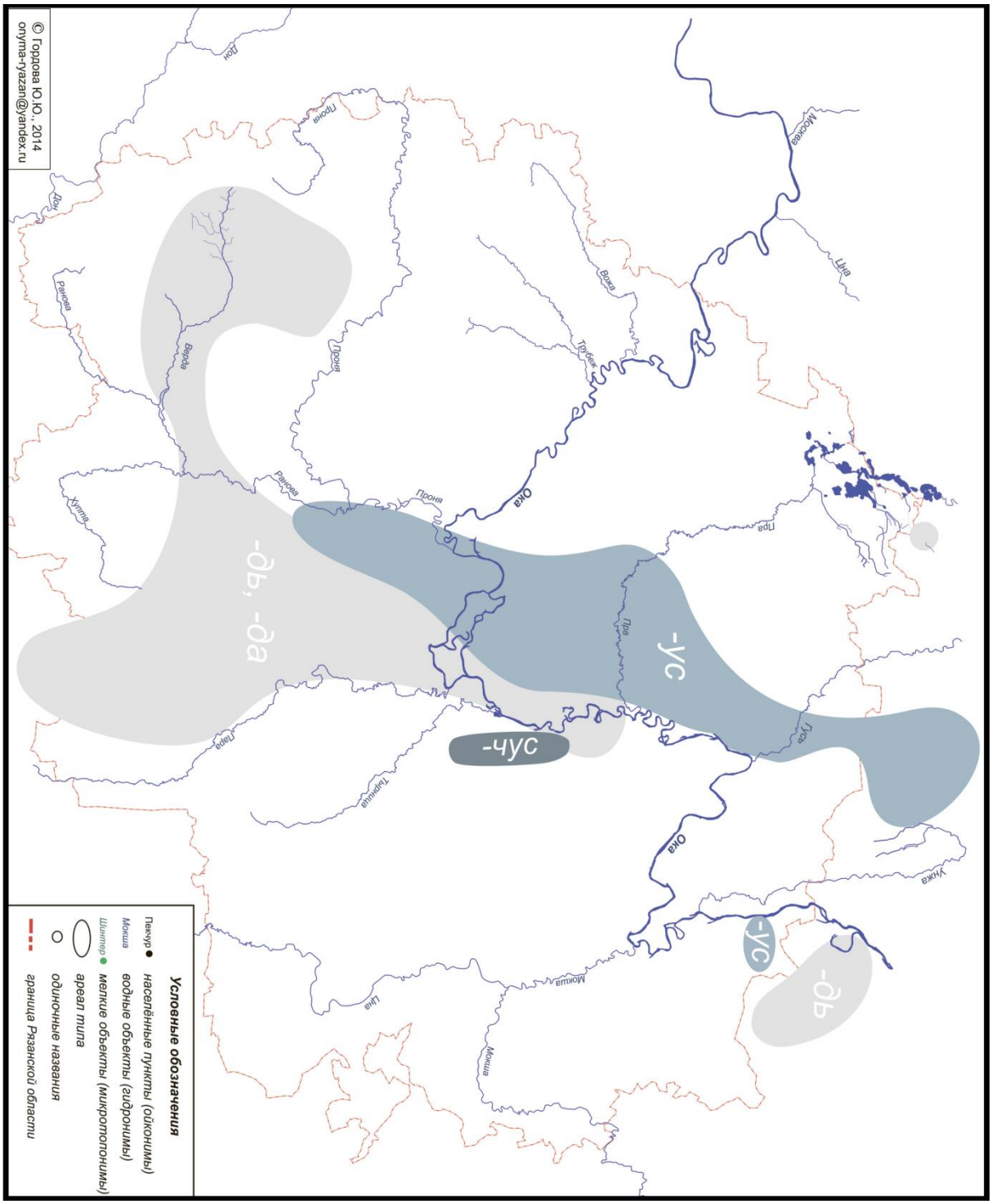
Карта 15. Топонимы на -мша, -рша



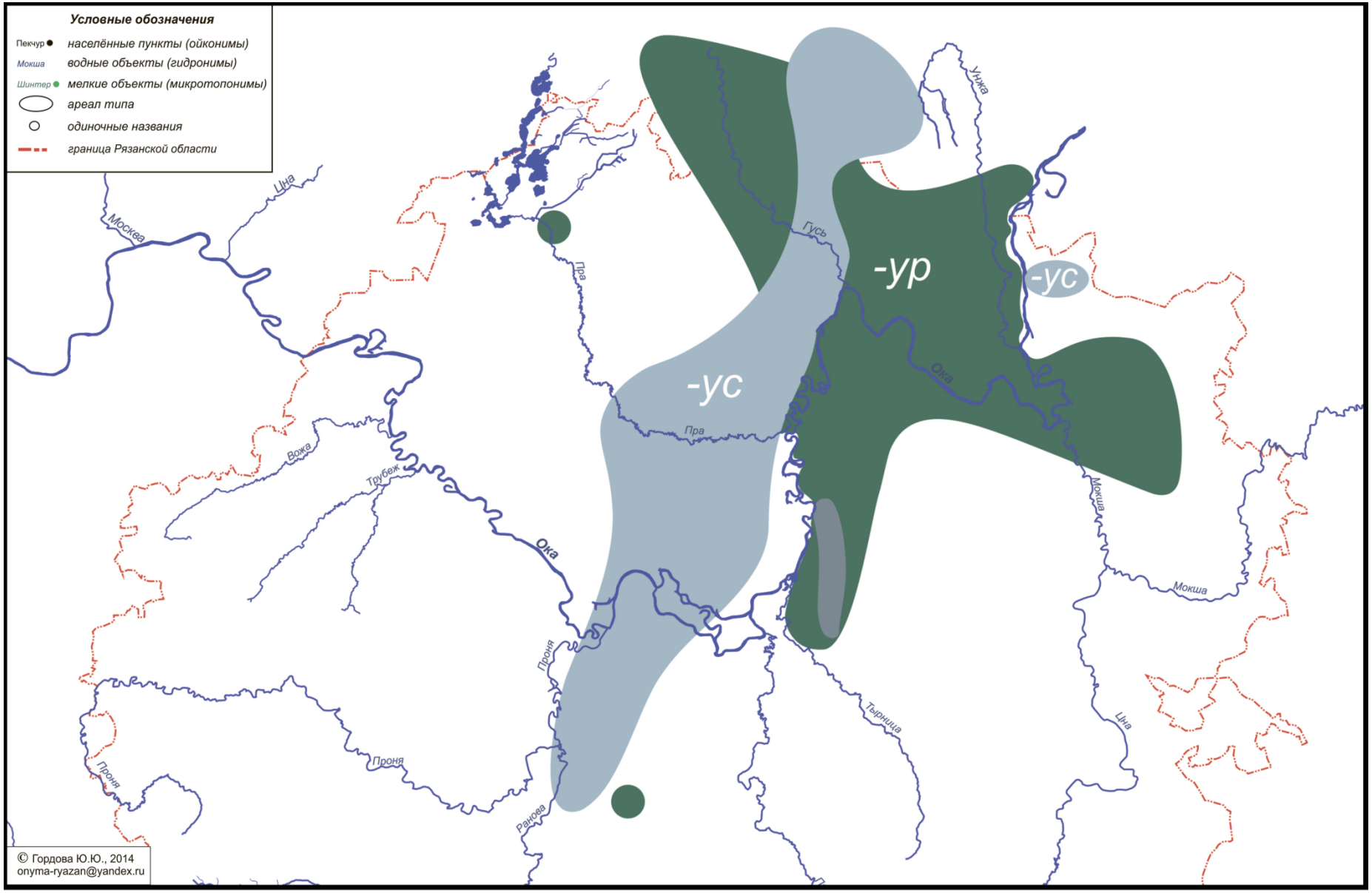
Карта 16. Топонимы на -ша других типов



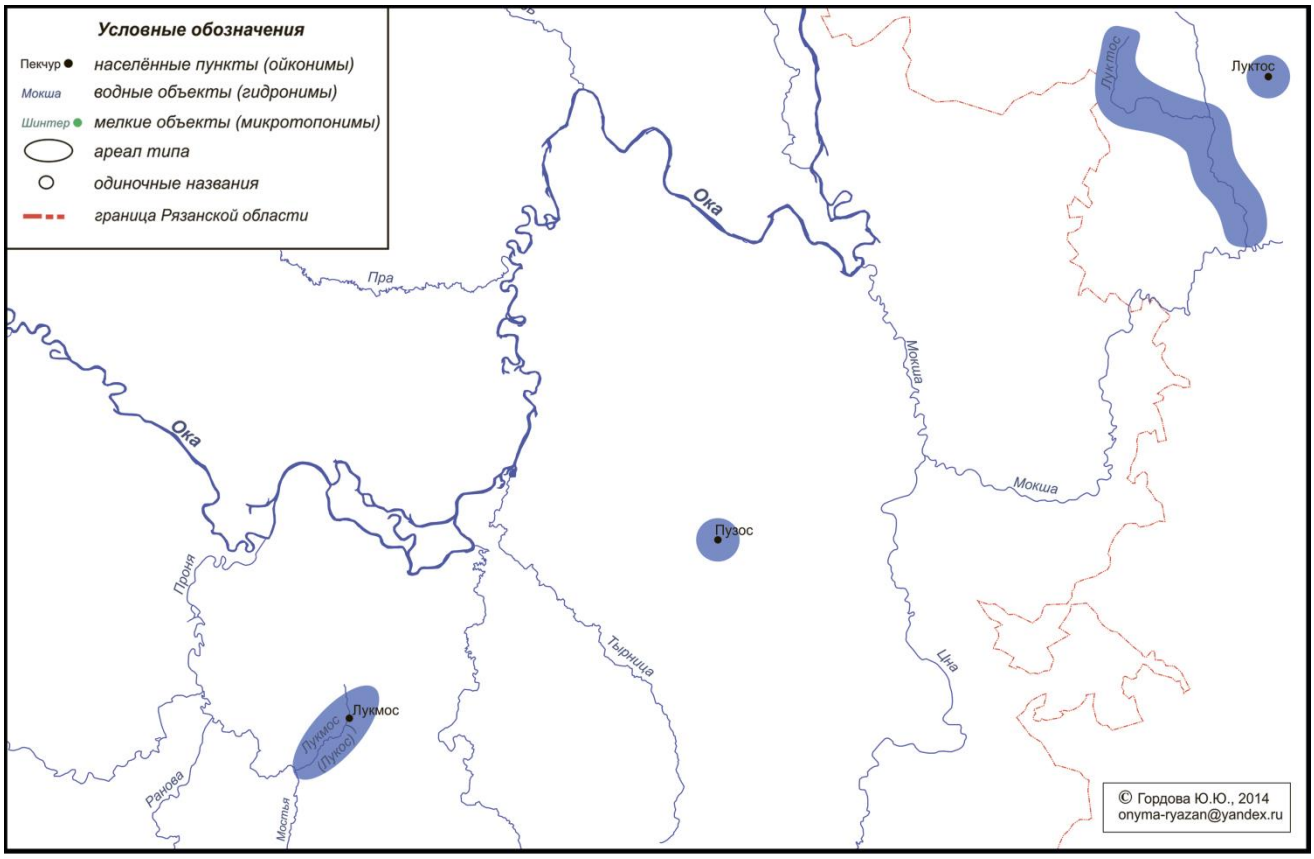
Карта 17. Топонимы на -ус



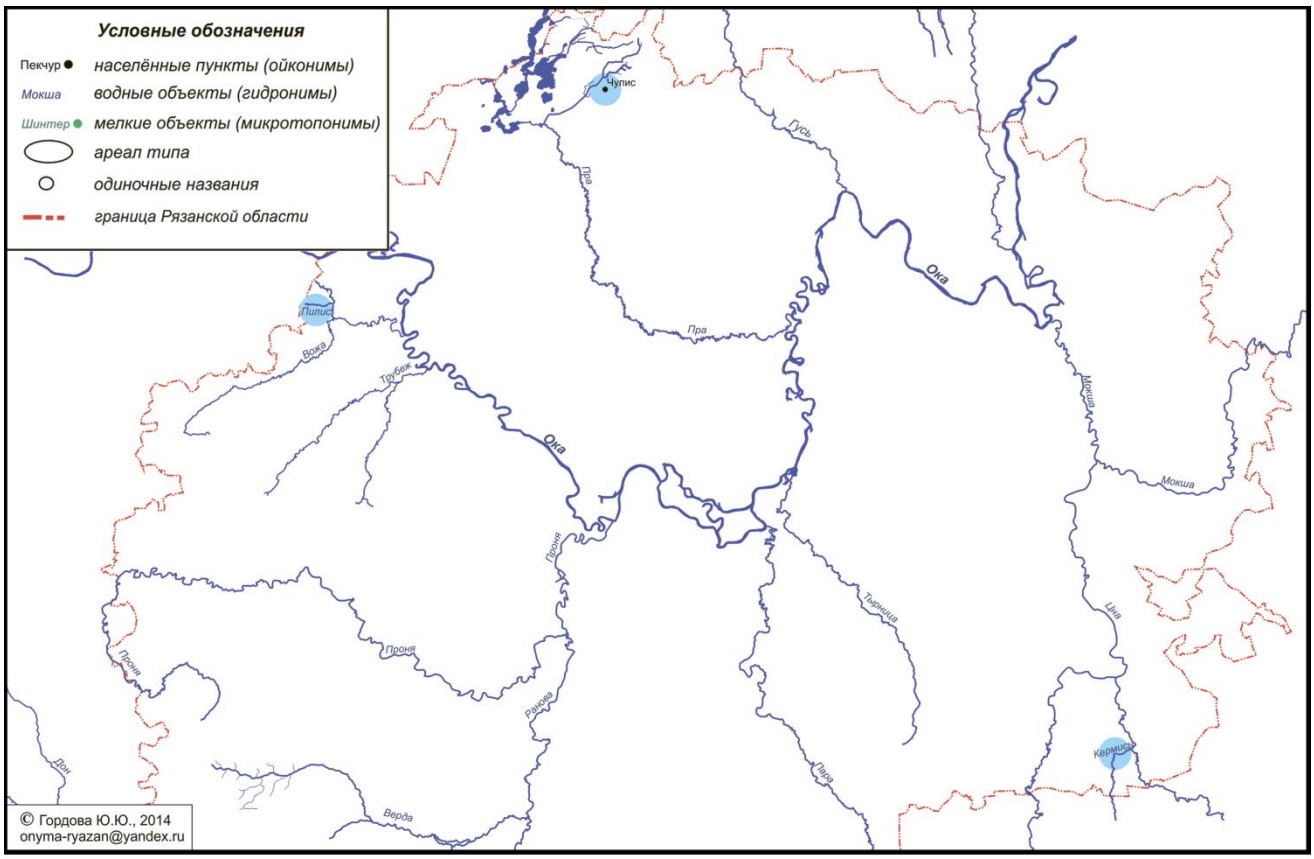
Карта 17 А. Топонимы на -ус и -да (-дь)



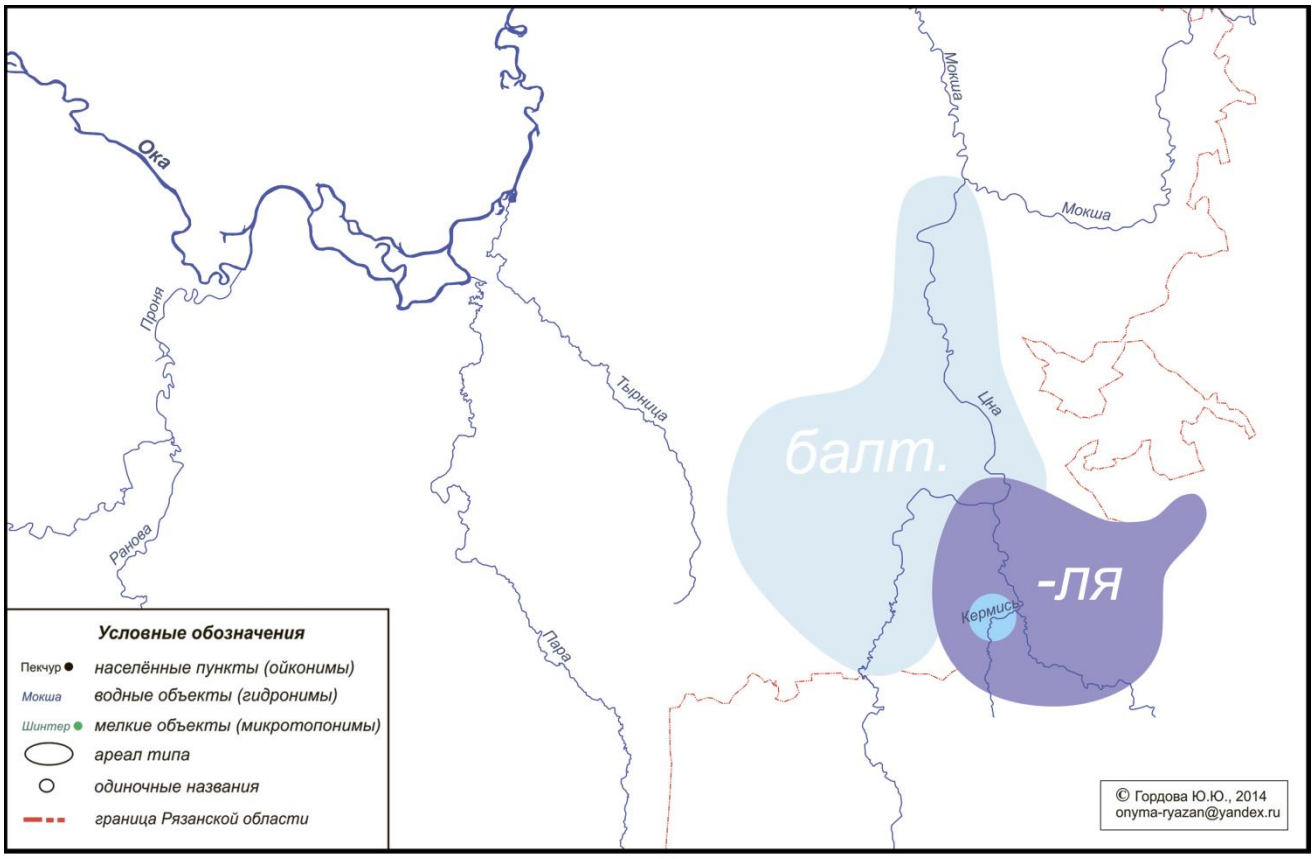
Карта 17 Б. Топонимы на -ус и -ур



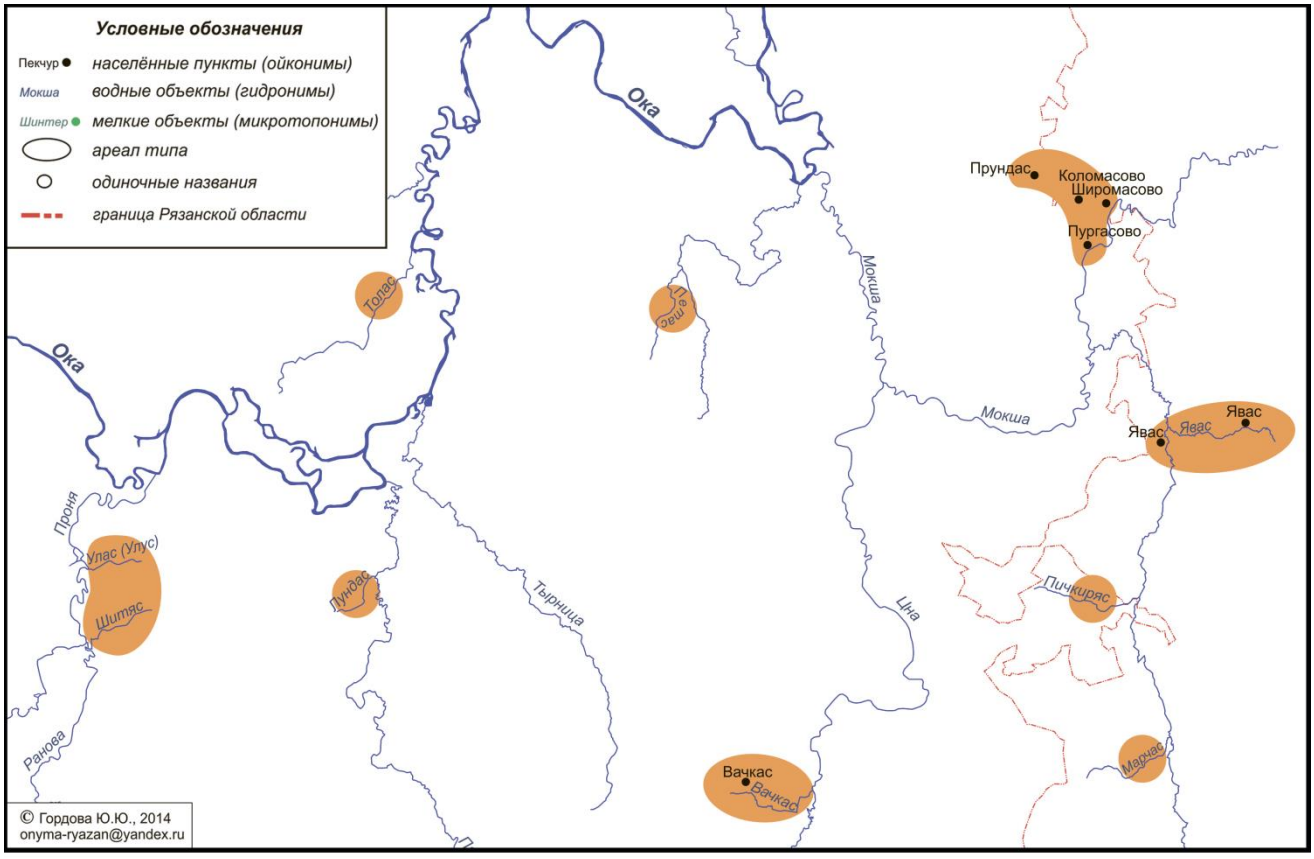
Карта 18. Топонимы на -ос



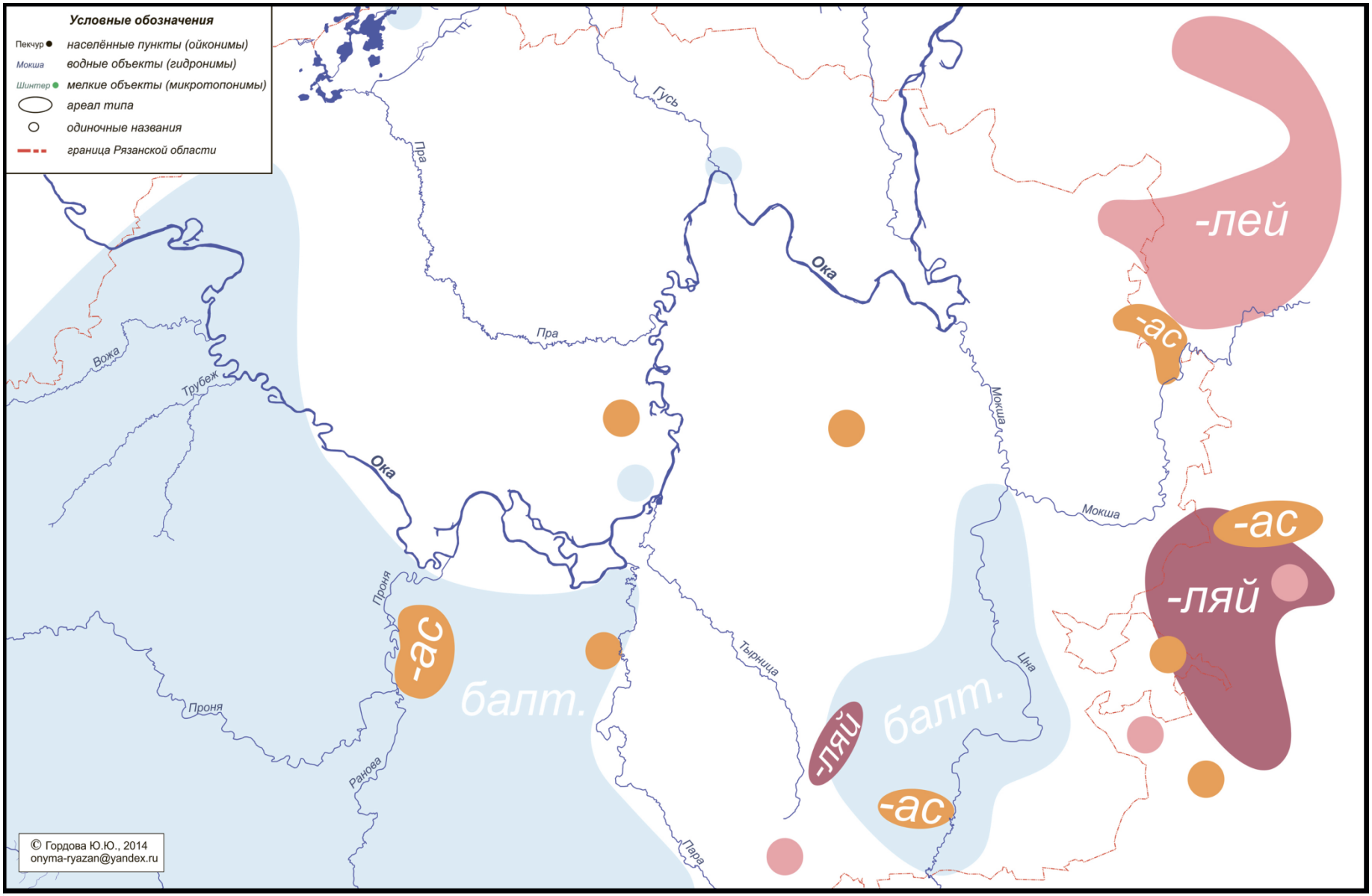
Карта 19. Топонимы на -ис



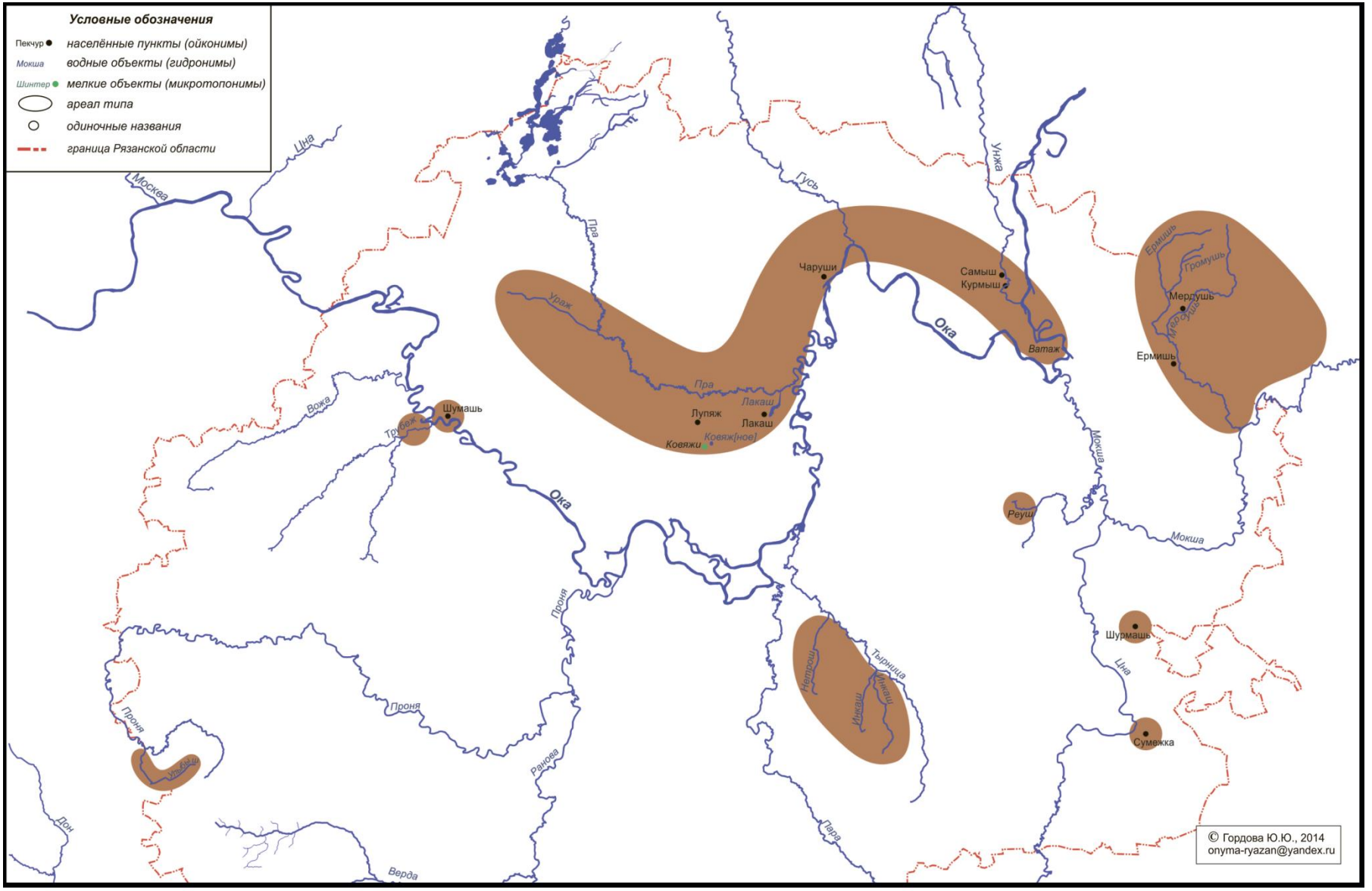
Карта 19 А. Кермись: топонимическое окружение



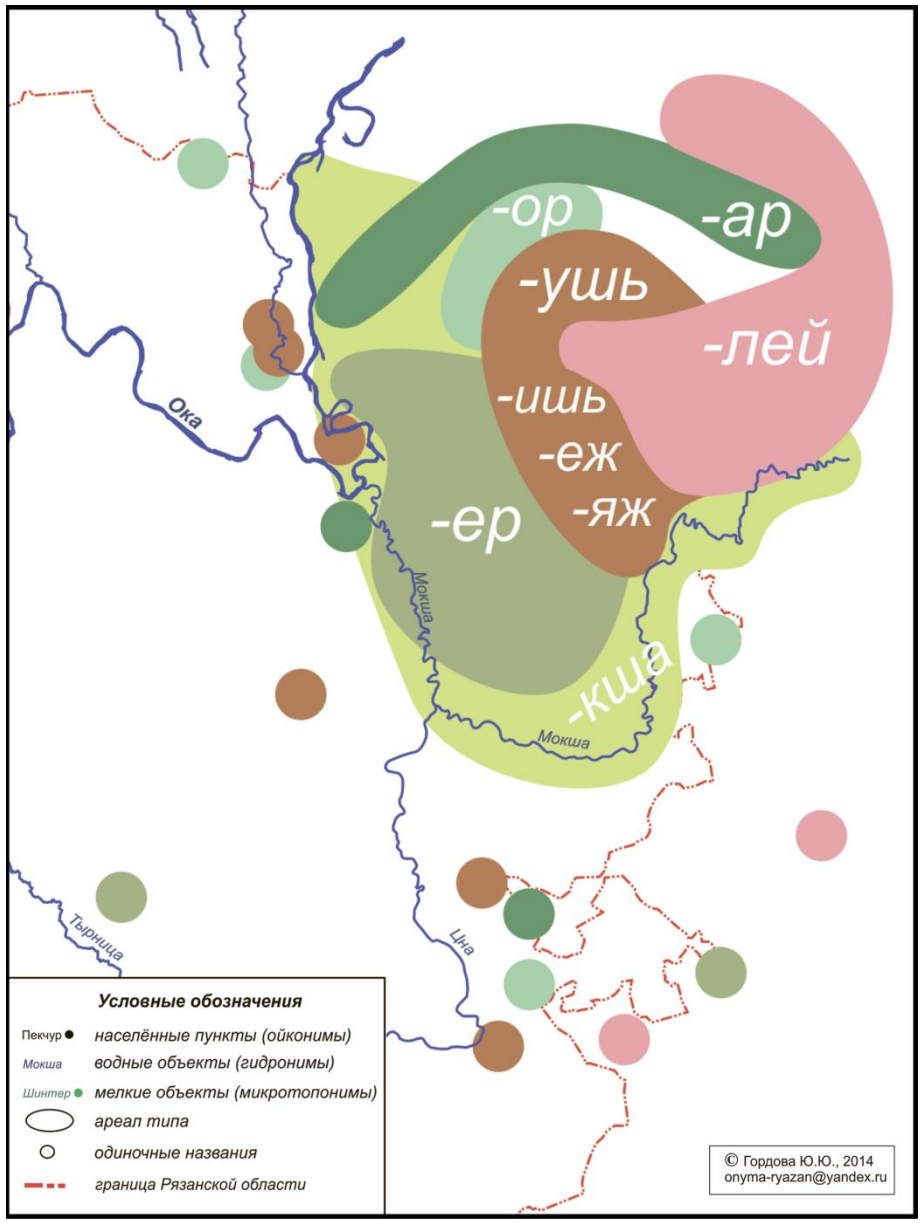
Карта 20. Топонимы на -ас (-яс)



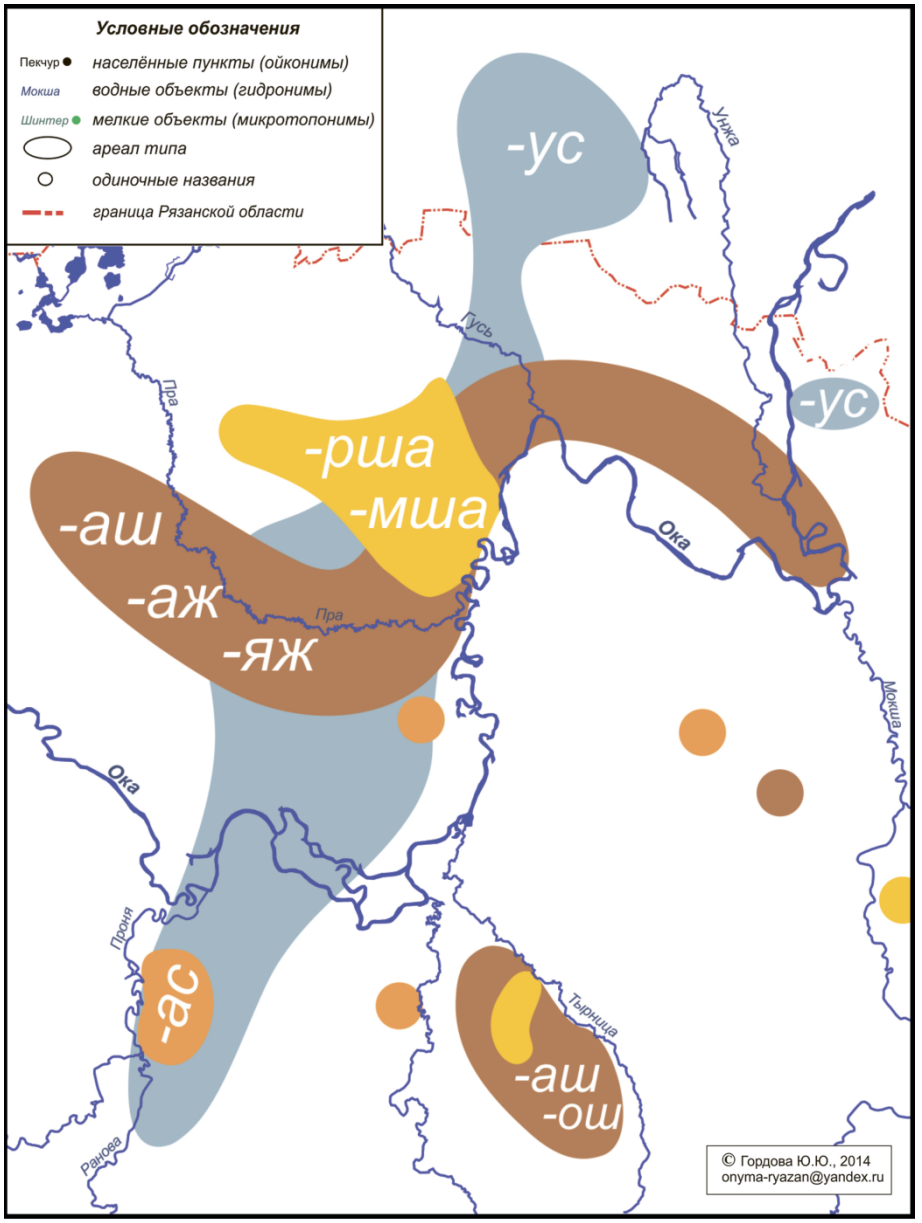
Карта 20 А. Топонимы на -ас (-яс): топонимическое окружение



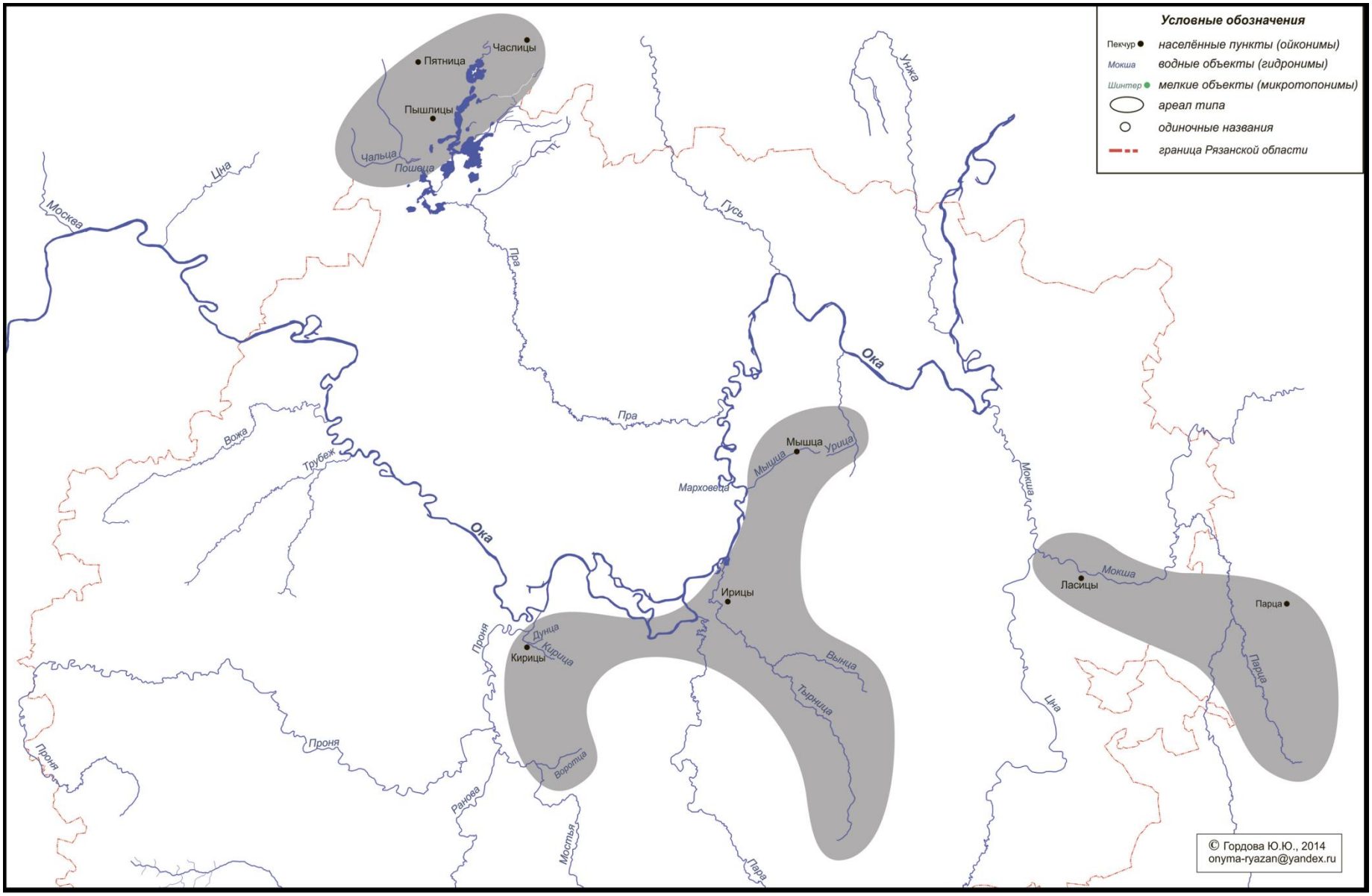
Карта 21. Топонимы на -аш, -яж, -еж и под.



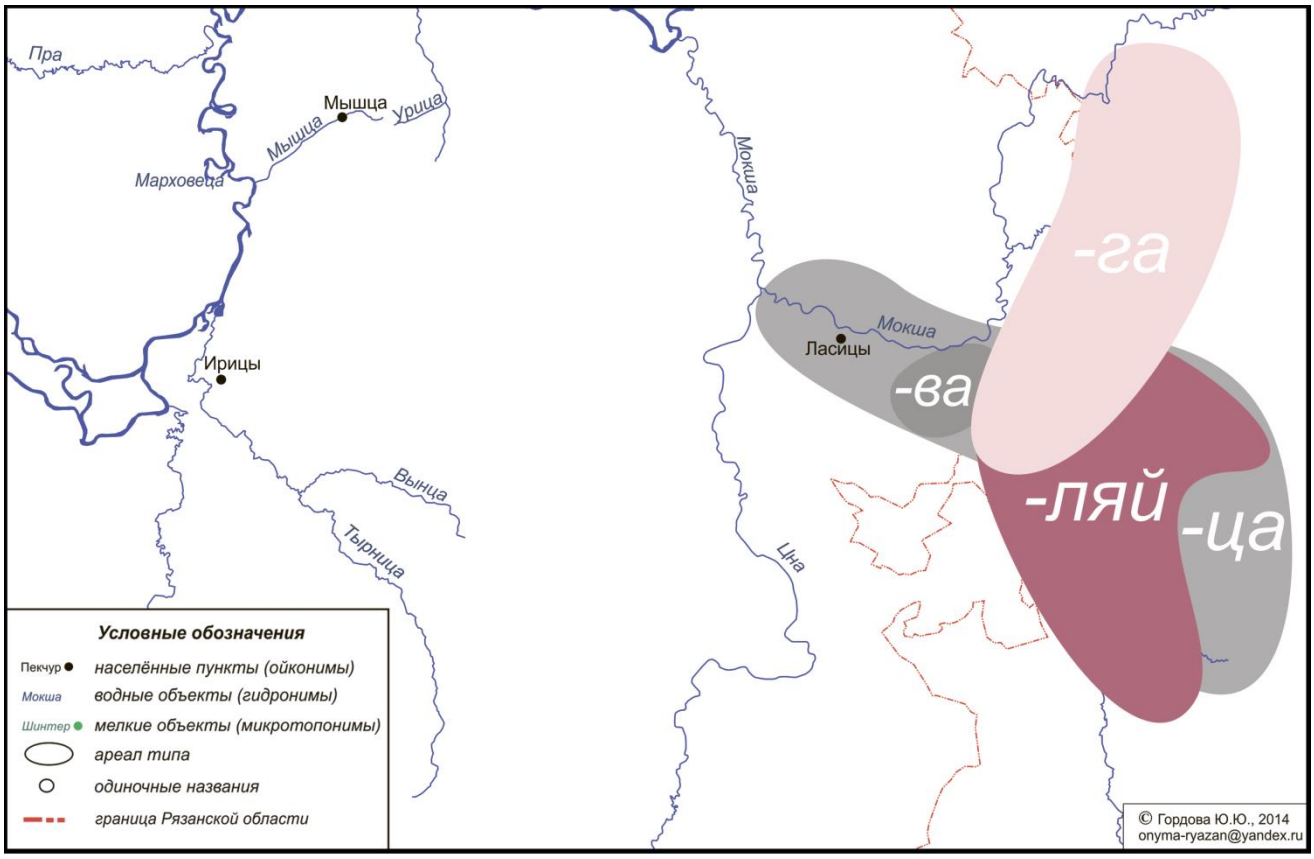
Карта 21 А. Топонимы на -аш, -яж, -еж и под. (ареал I)



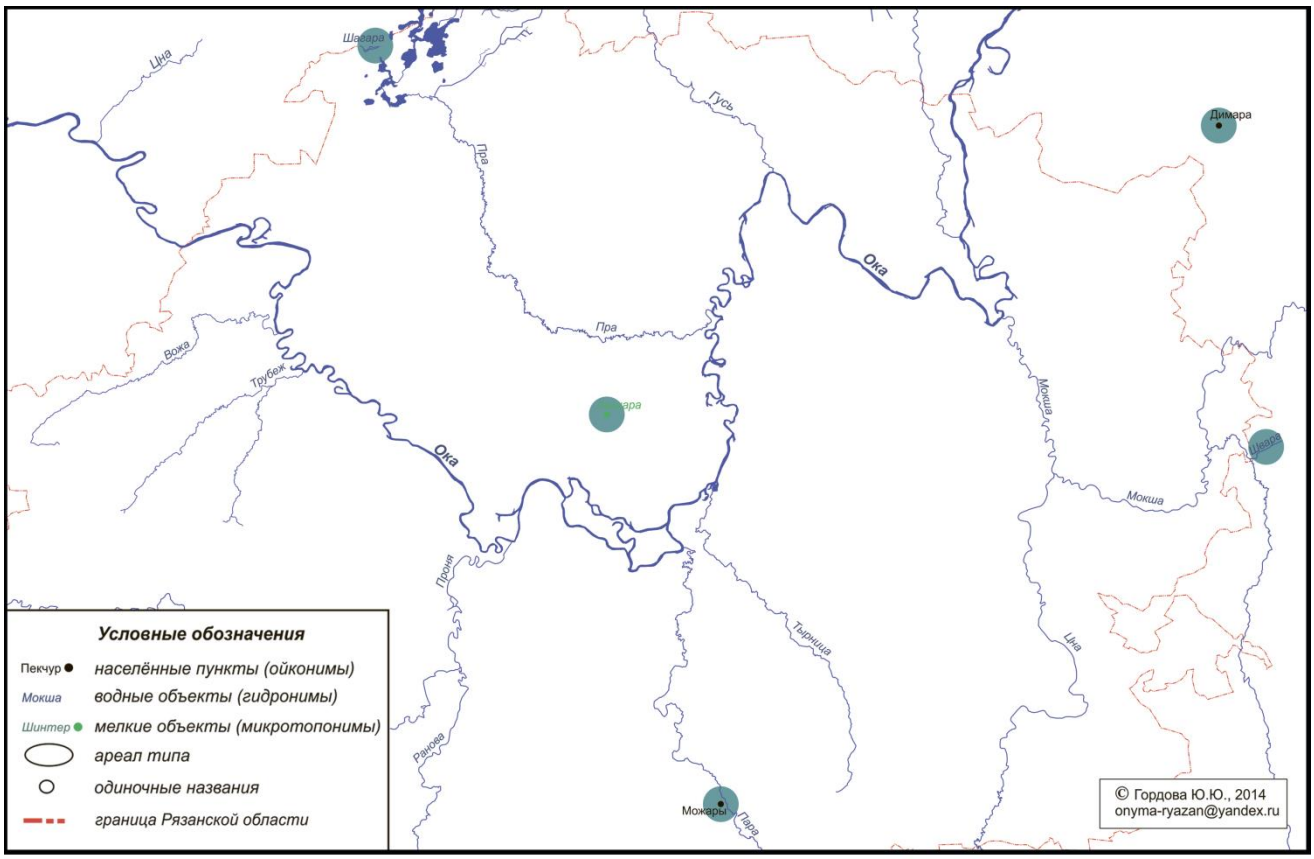
Карта 21 Б. Топонимы на -аш, -яж, -еж и под. (ареал II)



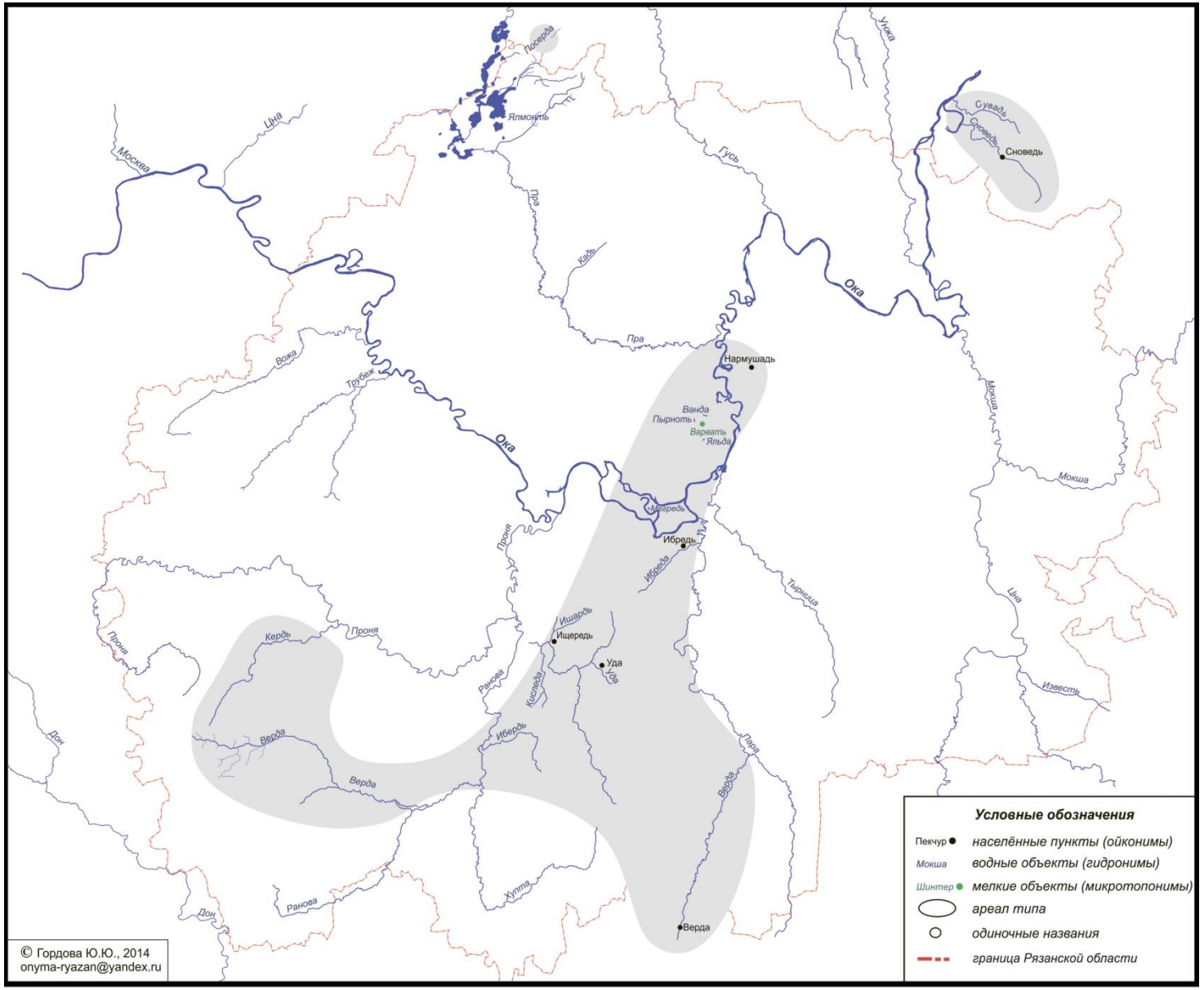
Карта 22. Топонимы на -ца, -цы



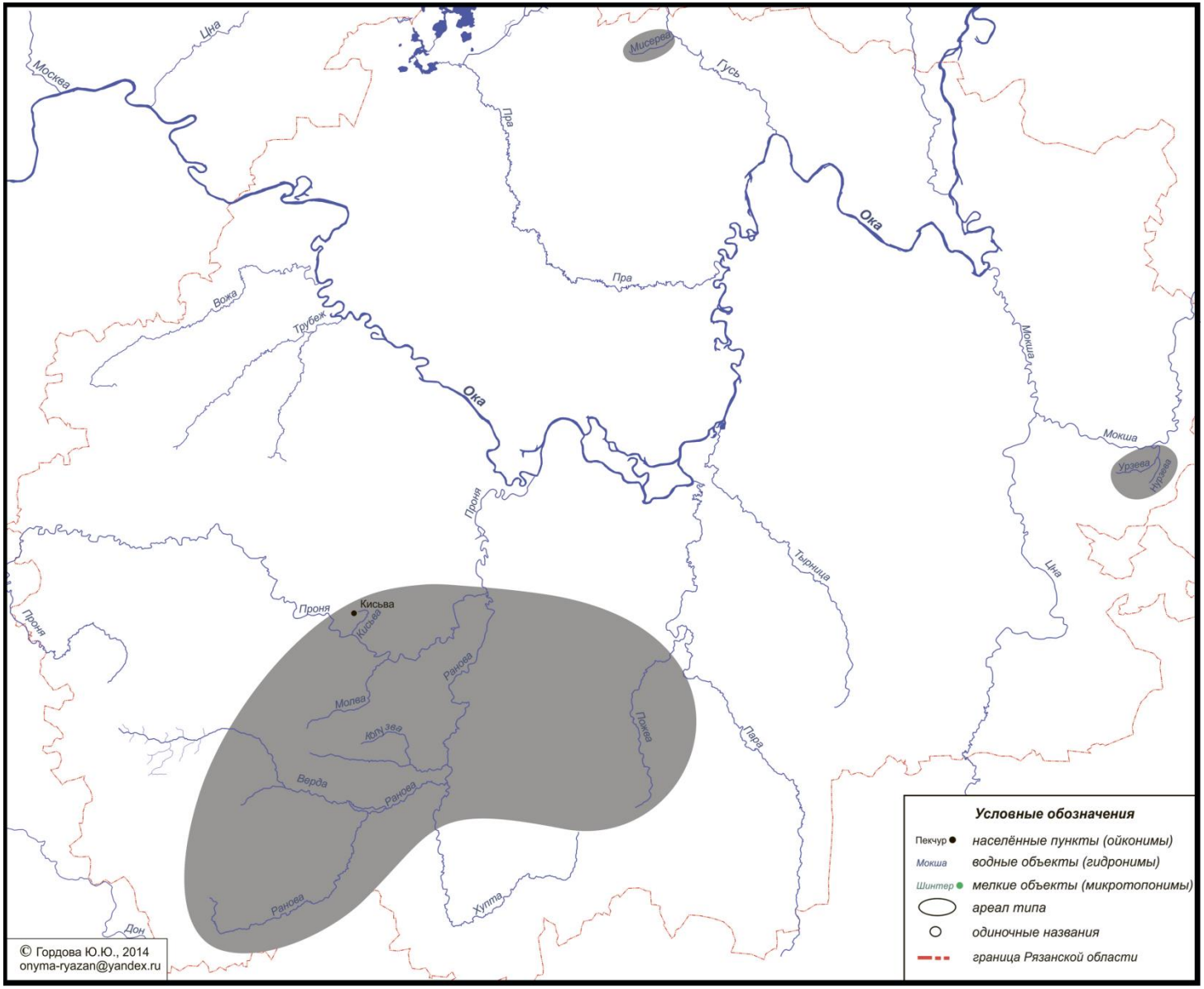
Карта 22 А. Топонимы на -ца, -цы: топонимическое окружение в районе р. Вад



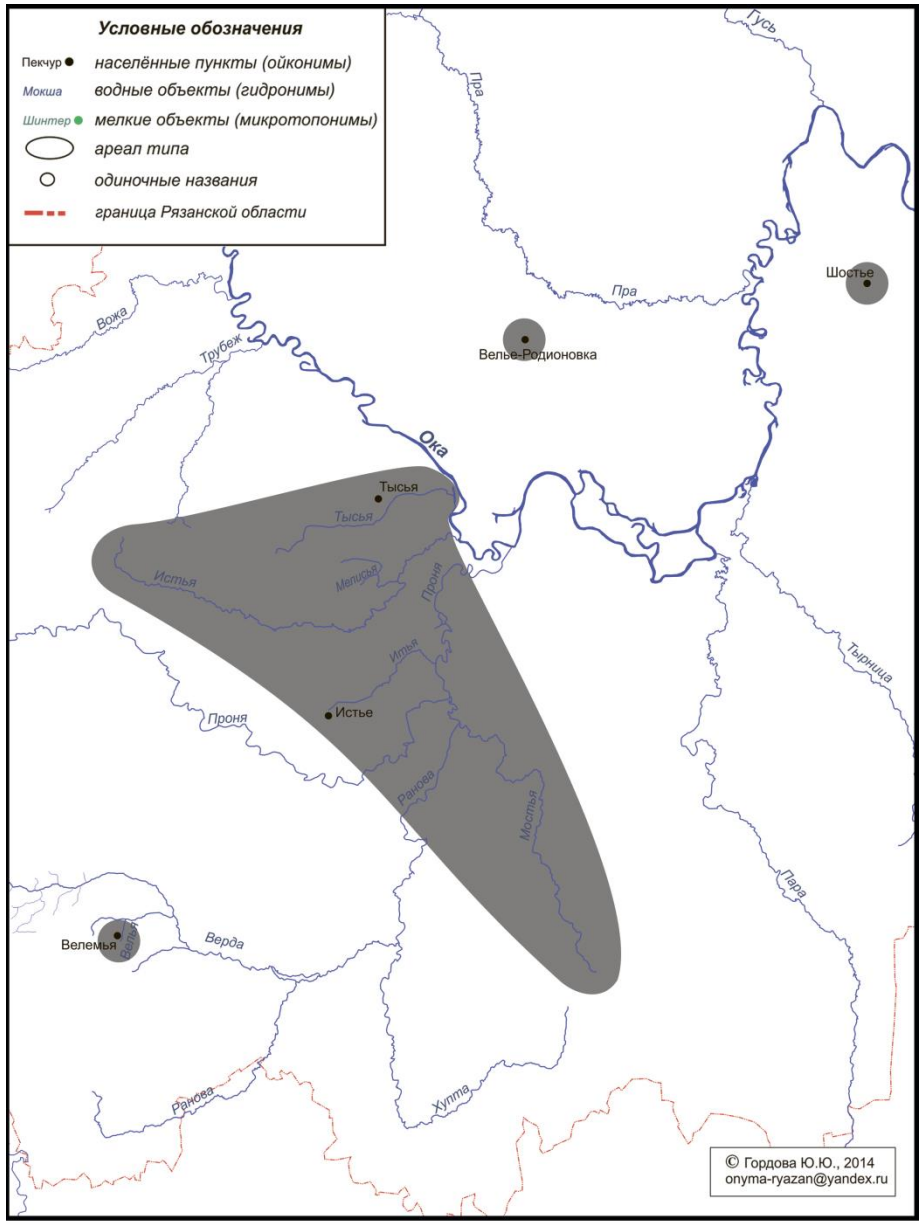
Карта 23. Топонимы на -ра (-ара)



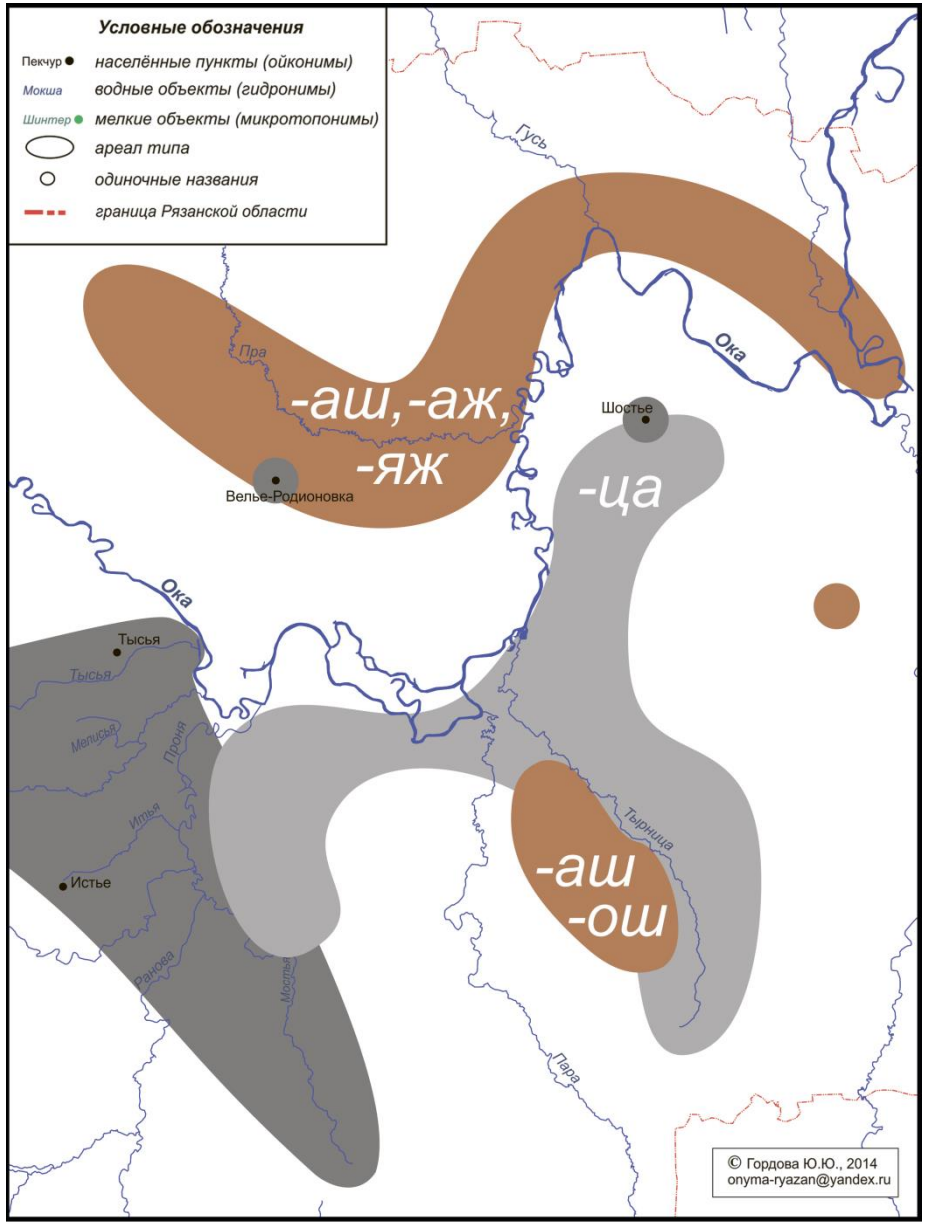
Карта 24. Топонимы на -дь (-ть), -да



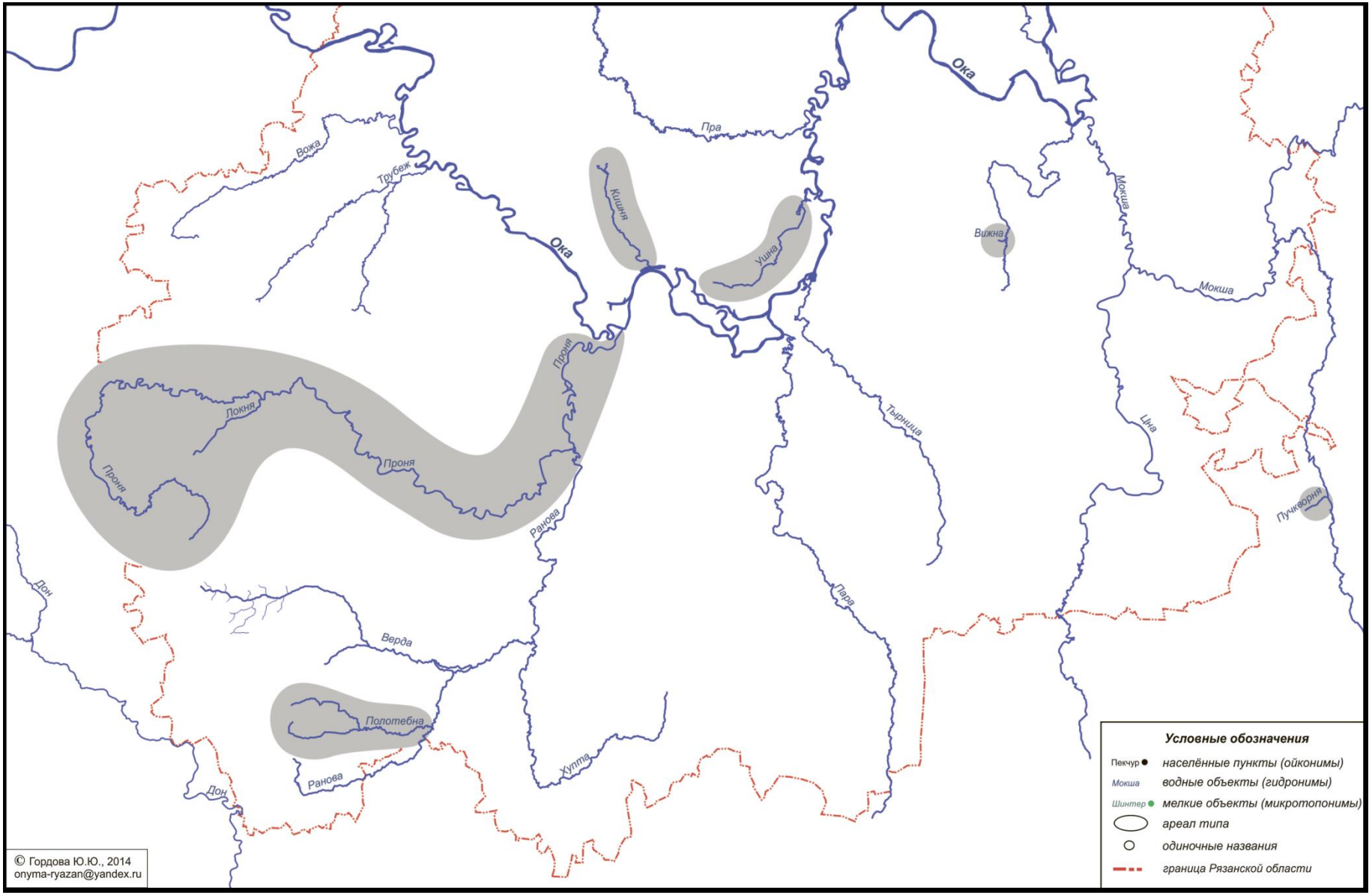
Карта 25. Топонимы на -ва



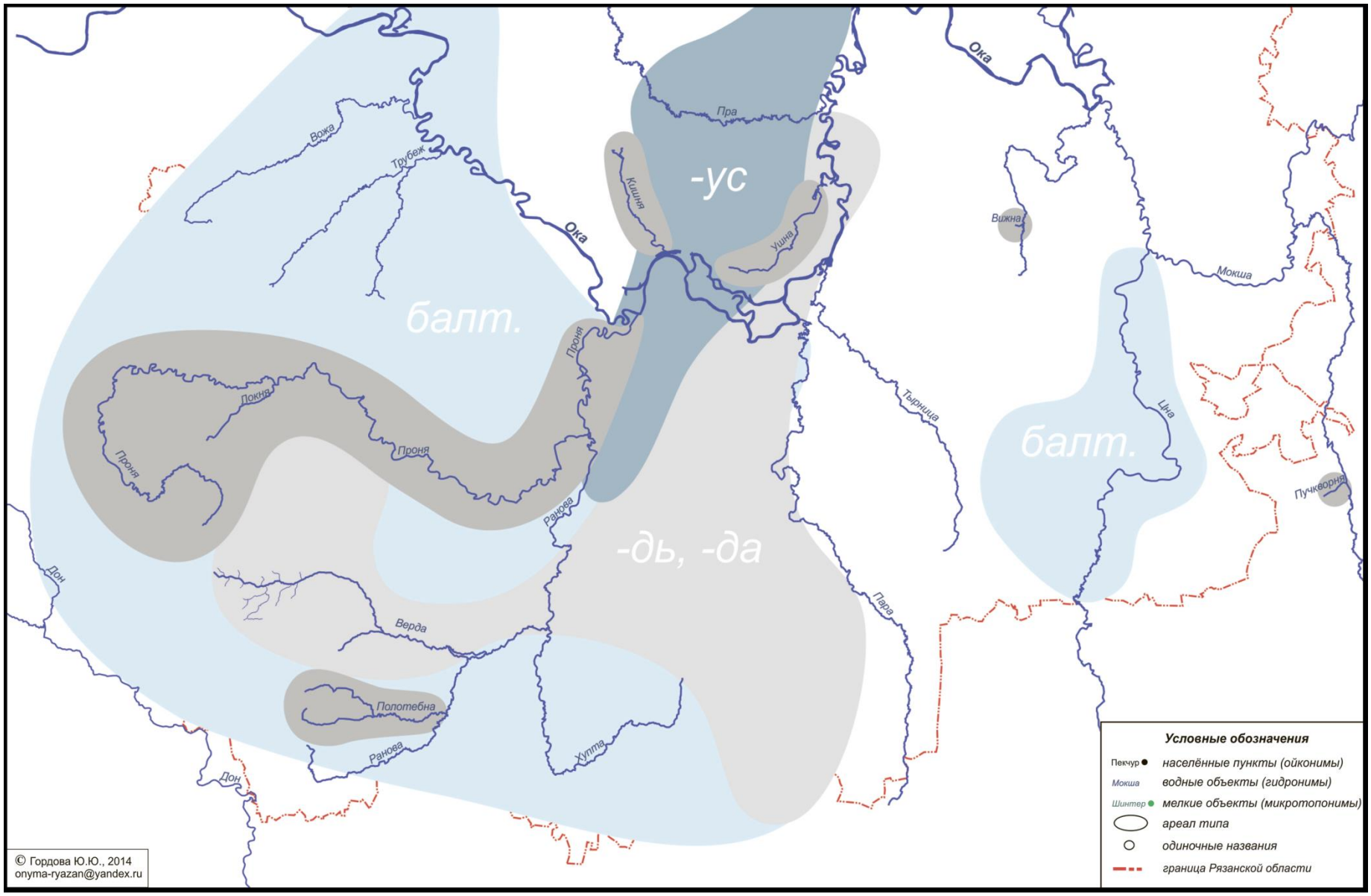
Карта 26. Топонимы на -ье, -ья



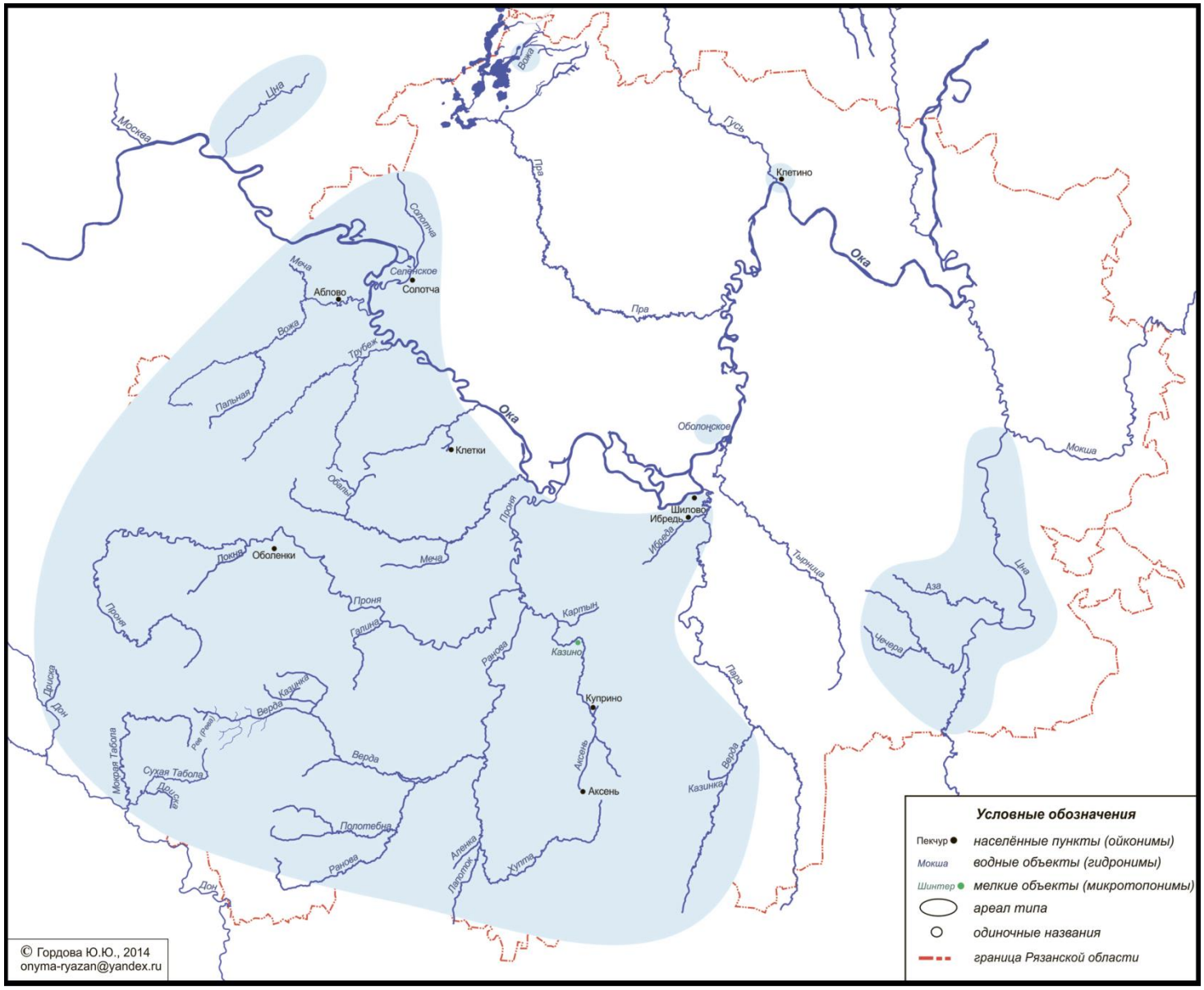
Карта 26А. Топонимы на -ье: топонимическое окружение



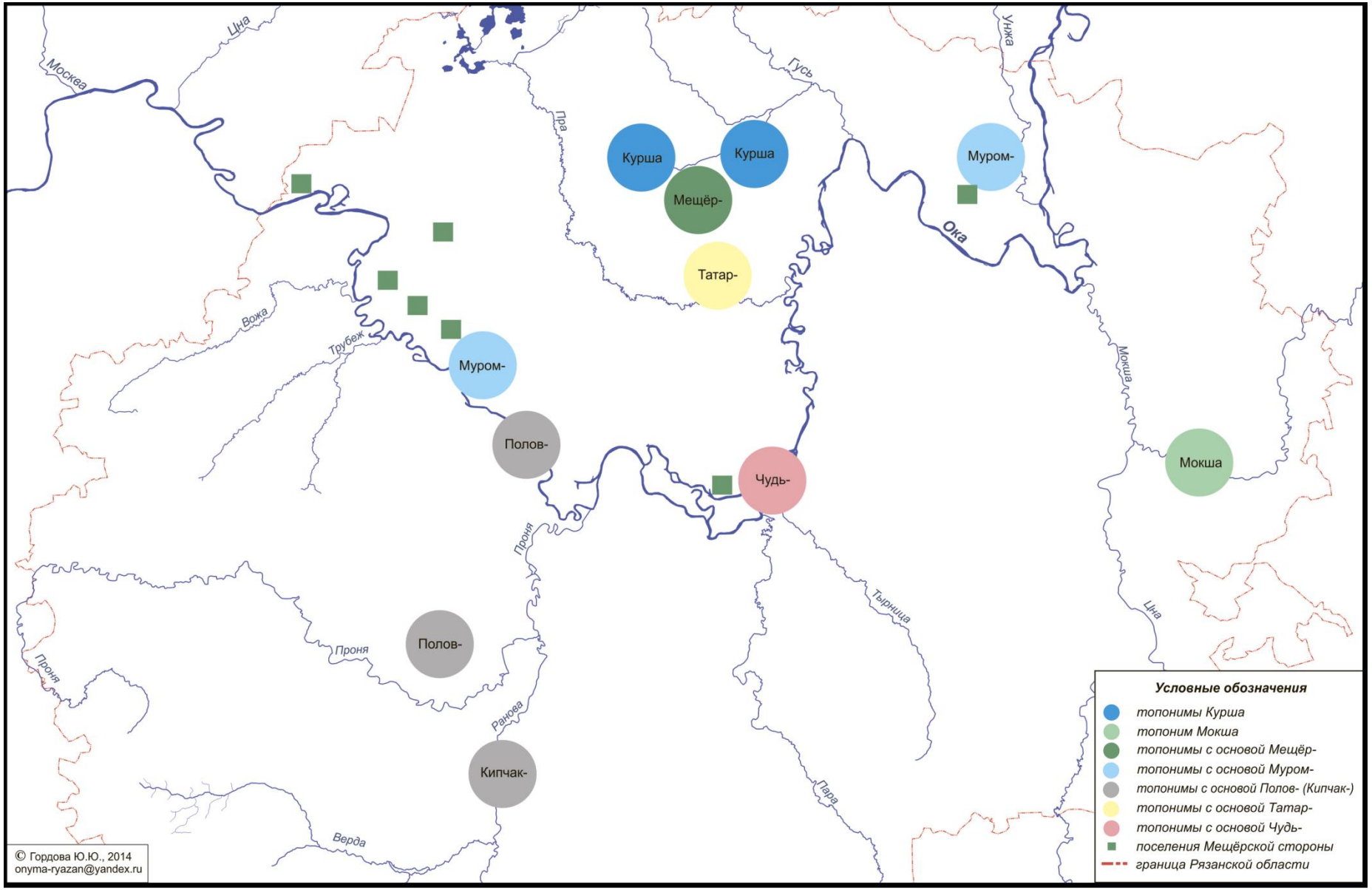
Карта 27. Топонимы на -ня, -на



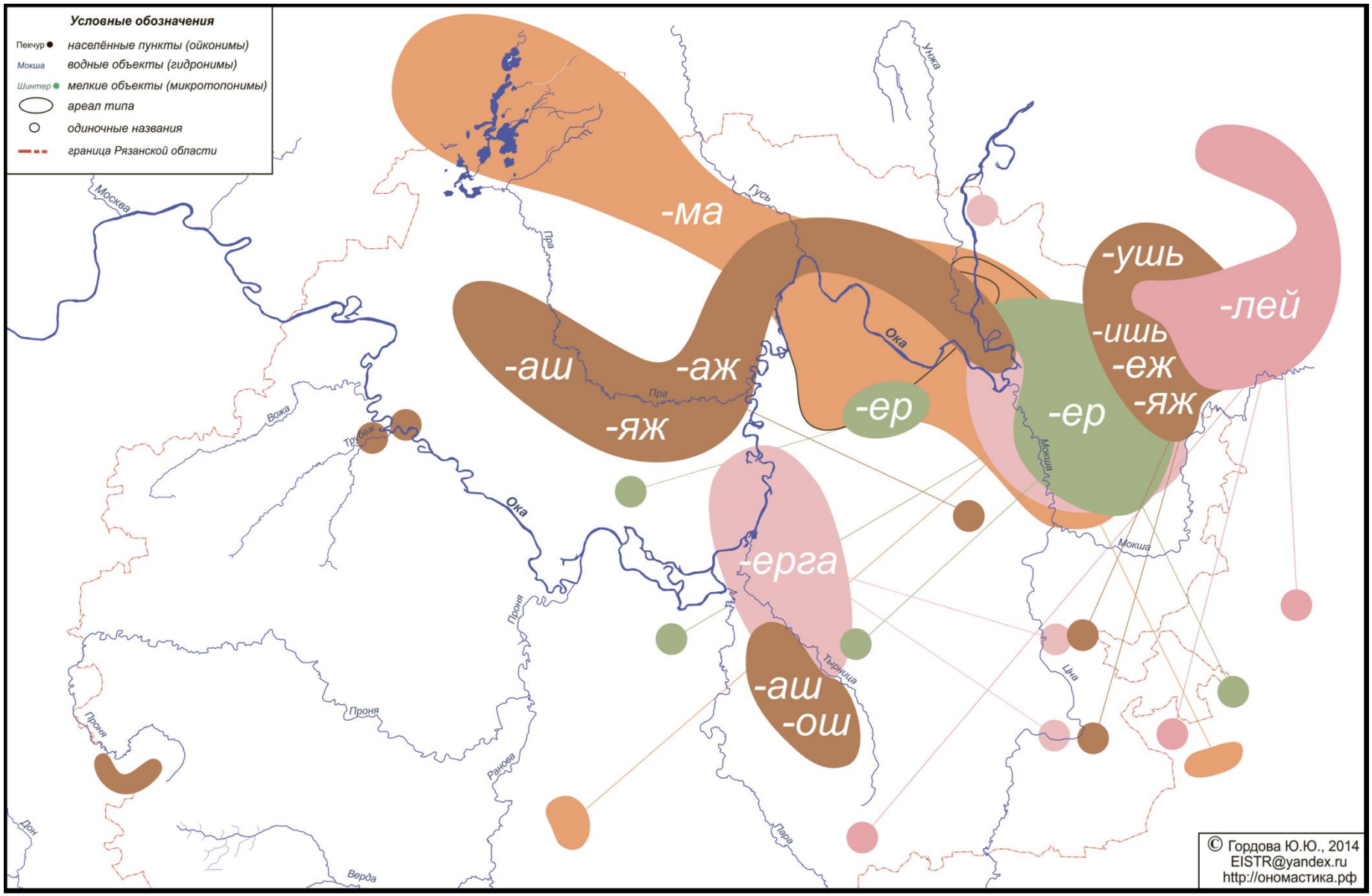
Карта 27 А. Топонимы на -ня, -на: топонимическое окружение



Карта 28. Топонимы с балтийскими основами

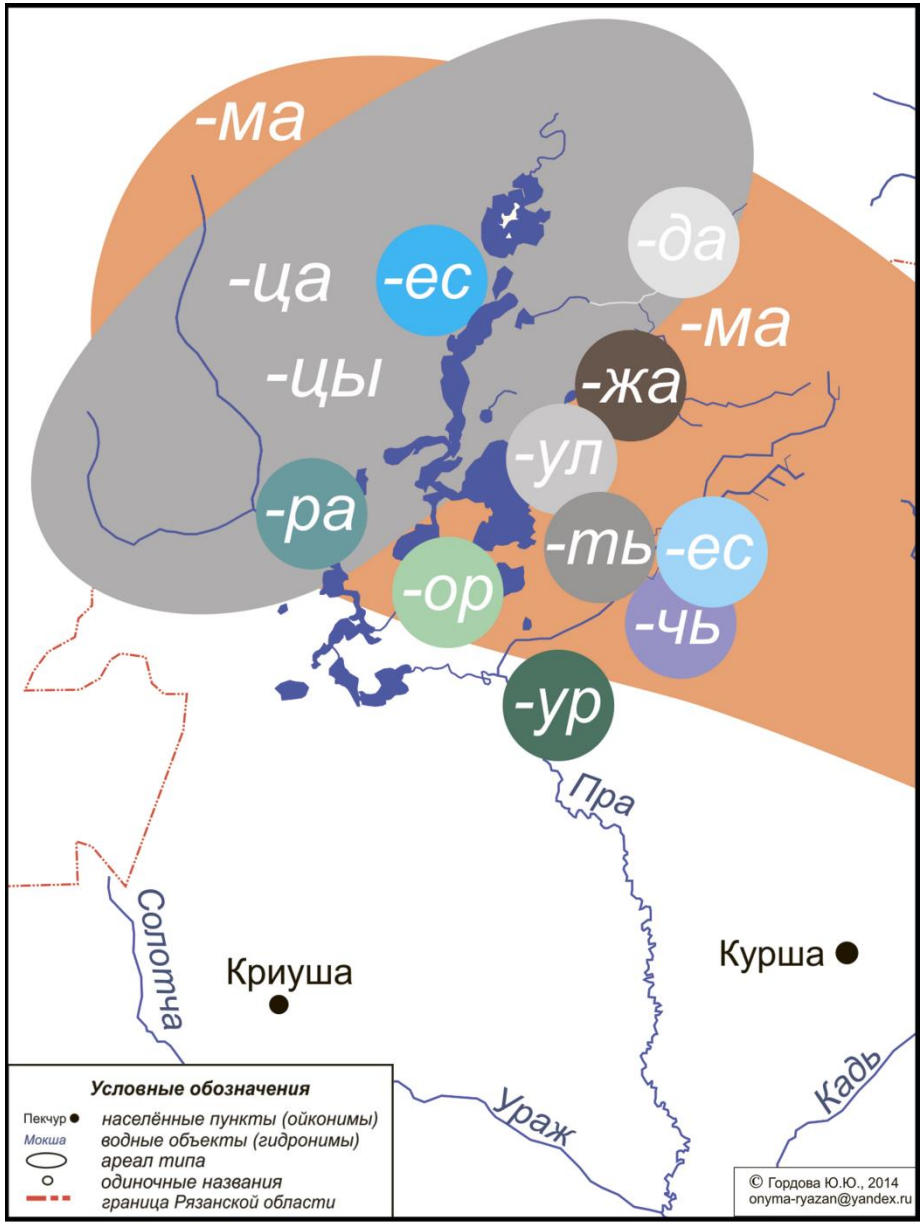


Карта 29. Этнотопонимы



Карта 30. «Брызги» ареалов северо-восточной части области

Карта 31. Топонимия Клепиковского Поозерья

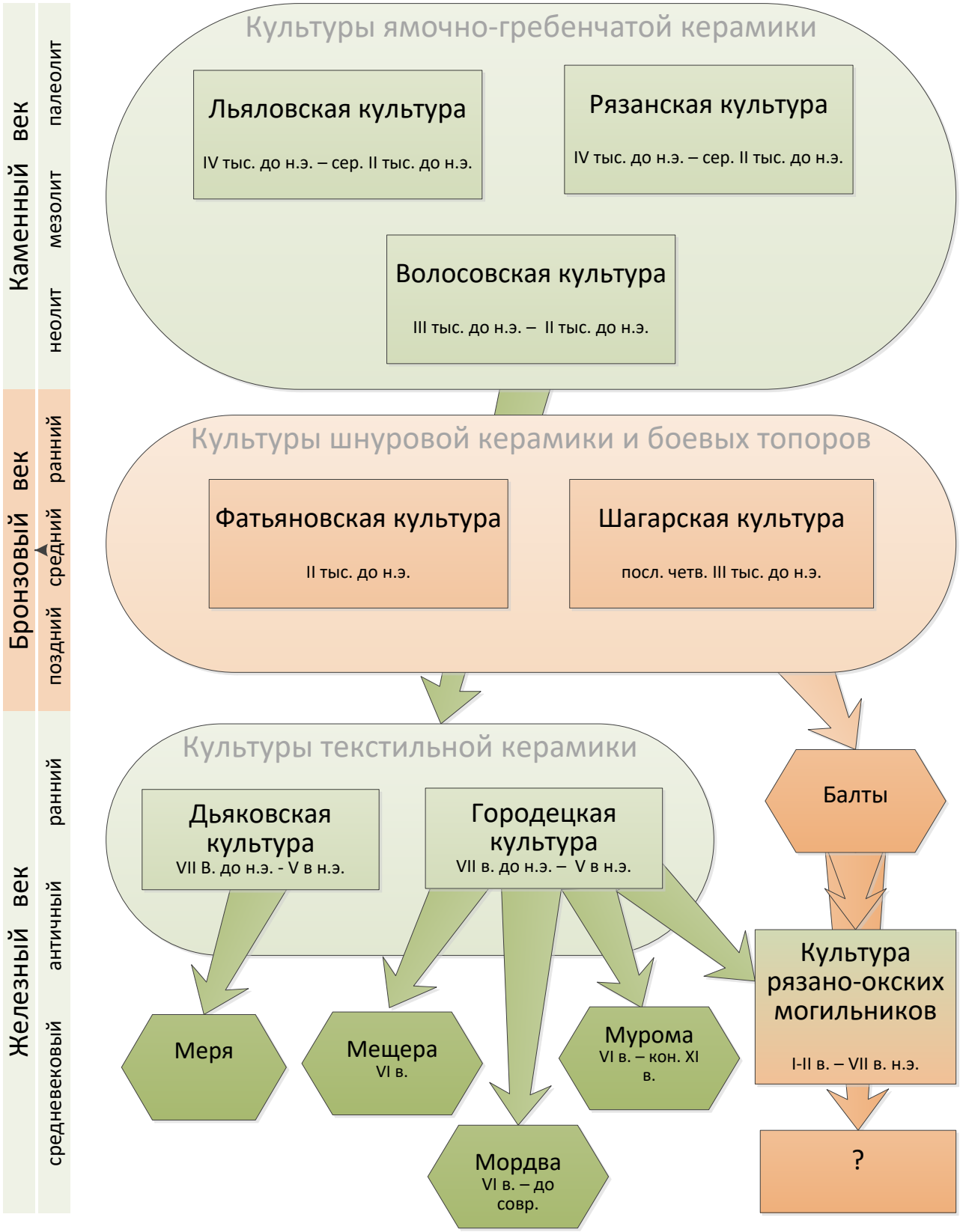


Карта 31А. Структурные типы Клепиковского Поозерья

ПРИЛОЖЕНИЕ В

(справочное)

Хронология основных археологических культур Среднего Поочья



ПРИЛОЖЕНИЕ Г

(обязательное)

ТАБЛИЦЫ (к Главе 6)

Таблица 1. Топонимические элементы финно-угорских народов Среднего (рязанского) Поочья

Топонимический элемент (формант, основа)	Региональные топонимы (Среднее Поочье)	Топонимы других регионов	Возможные языковые источники, значения, ссылки на исследования	Иные версии происхождения
-лей	(гидронимы) Кужлей, *Липлей (совр. ф. Липейка) (2), *Милей (совр. ф. Милейка), *Разлей (совр. ф. Разлейка), *Тумлей (совр. ф. Тумлейка); (ойконимы) Каркалей, Козлей, Козумлей, Леплей, *Липлей (совр. ф. Липейка) (2), *Милей (совр. ф. Милейка), Тумалей, *Тумлей (совр. ф. Тумлейка), *Улей (совр. ф. Улейка), Чуварлей, Чупалей.	(морд., пенз., нижегород.) многочисленная группа топонимов.	морд. «река»: мокш. *лей* «река» [МокшРС, 1998, с. 335], эрз. *ляй* «река, речка» [ЭРС, 1998, с. 350]	заимств. из балт.: ср. лтш. *leja* и *lejs* «долина, низина» (от и.-е. **lei-*) [Откупщиков, 2004, с. 103]
-ляй	(гидронимы) Водоляй, Имляй, Кашеляй, Ошляй, Санкеляй, Северляй, Турхталяй, Шиньжеляй; (ойконимы) Водоляй, *Липляй (совр. ф. Липляйка), Шевырляй, Шуварляй.	(морд., пенз., нижегород.) многочисленная группа топонимов.	морд. «река»: мокш. *лей* «река» [МокшРС, 1998, с. 335], эрз. *ляй* «река, речка» [ЭРС, 1998, с. 350]	заимств. из балт.: ср. лтш. *leja* и *lejs* «долина, низина» (от и.-е. **lei-*) [Откупщиков, 2004, с. 103]
-ма	(гидронимы) Нарма, Палисма (оз.), Шилма (оз.), Ялма; (ойконимы) Нарма, Сарма, Тельма, ? Тума. *-шма*: (гидроним, ойконим, микротопоним) Лашма, Пошма (оз.); *-тьма*: (гидронимы) Лястьма, (ойконимы) Елатьма, Савватьма; *-ома*: (гидроним) Кулома (оз.), (ойконим) Чисома.	(сев. обл. России) *-шма*: Толшма, Кинешма; *-тьма*: Тотьма; *-ома*: Кострома, Вохтома, Кондома; (карел.) Урома, Яндома, Шайдома, Линдома; (моск.) Желема; (арханг.) Коряжма; (карел.) Судма, Падма, Кажма, Вожма.	ф-у. (мерянск., мещерск., муромск.) [Матвеев, 1997, с. 38; Смолицкая, 2002, с. 167.]. Формант известен и в прибалт.-финск. топонимии, образованной от ландшафтных терминов [Муллонен, 2008, с. 39, 109-110].	
-ур *(-тур, -щур, -чур)*	(гидронимы) Байдур, Дандур, Ламур, Лынсур, Мур, *Мур (совр. форма Мурка), Нинур (2), Писур, *Саур (совр. форма Саурки), Чинур, Чаур, ? Амур; (ойконимы) Байкур, *Вышур (совр. форма Вышуры), *Салаур (совр. форма Салауры), *Ункур (совр. форма Ункура) (3), Чаур, Чинур, Екшур. *-тур*: (гидронимы) Ерахтур, *Протур (совр. форма Протуры), Свестур, Сентур, (ойконим) Свестур.		предпол. «вода», «река», «русло реки» [Смолицкая, 2002, с. 105]; ср. прибалт.-финск. (карел.) *ura, uro* «овраг; русло реки; тропа», (вепск.) *uru* «борозда; нора» [Муллонен, 2008, с. 39].	

	-щур: (гидроним) *Вещур (совр. форма Вещурки) (оз.), (ойконим) Вещур. *-чур*: (ойконимы) Ванчур, Вечур, Пекчур, Санчур Большой и Малый.			
-ор	(гидронимы) Кенор, Летор, Мунор, Нектор (ручей), Нинор, Тикор, Умор, Унгор, Унор, Чафор, Шатор (2); (ойконимы) Кусмор, Мунор, Мутор (Б., М.), *Пехор (совр. форма Пехорка), Унгор, Ункор, Унор, Ушмор, *Шафтор (совр. форма Шафторка).		предпол. «река», «русло реки»	
-ар (*-мар*)	(гидронимы) Ункар, Ушар (4), Чёмбар; (ойконимы)Кочгар, Чёмбар; (микротопонимы) Пинхарь (ур.), *Ушгар (совр. форма Ушгарка) (ур.), ? Чебоксар[ы] (ур.); *-мар*: (гидронимы) Вашмар, Ерошмар, Кошмар, Сюкмар, Ушмар (оз.); (ойконим) Кочемар[ы]; (микротопонимы) Чисмар (ур.), *Чумар (совр. форма Чумаровский).		предпол. «река», «русло реки»	
-ра (-ара)	(гидронимы) Димара, Шагара (оз.), Швара, ? Пара, ? Пра; (ойконим) Можары; (микротопоним) Амшара (уроч.).	(волжск.) Мера, (моск.) Отра, *Вохра (совр. Вохринка), (нижегор.) Пара (овр.).	предпол. морд., мещер. [Климкова, 2008, с. 87; ТСРО, с. 187-188]	
-ер	(гидронимы) Винтер (оз.), *Исер (совр. форма Исерская), Котер, Ливер, Мингер[ь], Сивер, Сивцер, Симер, Сочер, Тынэр, *Щучер (оз.) (совр. форма Щучерка); (ойконимы) Ливер, Сивер; микротопонимы *Имер (совр. ф. Имерка) (ур.), *Шинтер (восстан. из Шинтер Бор).		предпол. «вода», «река» или измененное эрз. *эрьке*, мокш. *эрьхке* «озеро» [МокшРС, 1998, с. 904]	
-ерга, *-орга*, *-ерха* (*-ерхи*)	(гидронимы) Ниверга (протока), Пищерга (оз.), Шаморга, Шатерга (оз.), ? Кочерга (оз.); Нерхи (оз.), Перехи (оз.), Тюмерха (оз.), Усерхи (оз.), Ушерхи (оз.), Шиверхи (оз.), ? Васильхи (оз.), Урхо; (ойконимы) Арга, Выдерга, Шаморга; (микротопоним) Сорха (ур.).		эрз. *эрьке*, мокш. *эрьхке* «озеро» [МокшРС, 1998, с. 904]	
-ыга, *-ега*	(гидронимы) Штыга, Толпега (оз.).	(арх.) Кузега	мерянск. топ. [Матвеев, 1997, с. 34, 38]	
-ас (-мас)	(ойконимы) Ширмасово, Коломасово, Прундас, Пургасово.	(пенз.) Колемас	оформляет морд. антропонимы на *-мас, -яс* [Топоров, 2006, с. 18; Полубояров, 2010, с. 106]	татар. *йас* «степь, равнина» [Полубояров, 2009, с. 114]
-ель	(гидронимы) Ешипель (оз.), Комель; (ойконимы) Пексел[ы], Сявель.	(моск.) Гжель, (пенз.) Отвель.	видоизмененный морд. (мокш., эрз.) формант *-ляй, -лей* «река»	балт. [Смолицкая, 2002, с. 73]
-ля	(гидронимы) Карля, Кевля, Кужля, Навля, Пурля, Учезля,		видоизмененный морд. (мокш., эрз.) формант	балт. [Откупщиков, 2004, с. 86, 102]

	Цавля; (ойконимы) Карля, Купля.		*-ляй, -лей* «река» [Полубояров, 2010, с. 114]	
-кша	(гидронимы) Кокша (2: р., оз.), Мокша, Шокша (3: р., 2 оз.), Вокша, Селюкша (оз.); (ойконим) Шокша.	(окск.) Колакша, Лакша, Селекша, Серокша, Шумокша; (яросл.) Пекша, (костр.) Покша, Локша.	ф.-у.: предпол. элемент вымершего языка [Смолицкая, 2002, с. 129; Седов, 1972, с. 3]	балт. (прабалт.) [Откупщиков, 2004, с. 95]
-ша	Ареал 1: (гидроним) Выша; (ойконимы) Ваша, Выша (2), Наша. Ареал 2: (гидронимы) Лоша, Моша (2), Малая Моша, *Моша (совр. ф. Мошка), ? Лаше, ? Питомша, ? Кобельша; (ойконим) Лоша. Типы: *-ньша*: Коньша, Куньша; *-уша*: Кривуша, Криуша (2), Уша; Кобельша, Пяша (оз.), Пятша, Вобша (Вобща).	(окск.) Моша (2); (лит.) Mošià (р. и оз.). (влад.) Тальша.	типичный ф.-у. гидронимический элемент со значением «река» [Серебренников, 1955, с. 27-28]	балт. (лит.) формант *-šė* [Откупщиков, 2004, с. 93]
Кев-	(гидроним) Кевля		морд.: (мокш., эрз.) *кев* камень [МокшРС, 1998, с. 241; ЭРС, 1993, с. 244]: Кевля «река с каменистым дном или берегами»	лит. *kiaũle* «свинья» [Откупщиков, 2004, с. 86, 102; Агеева, 2012, с. 161]
Ине-	(микротопоним) *Имер (совр. форма Имерка),	(эрз.) Инерка (оз.)	эрз. *ине* «великий»	
Куж-	(гидронимы) Кужля, Кужлей.	(карел.) Кужнаволок (мыс)	мокш., эрз. *куз* «ель» [ЭРС, 1993, с. 309; МокшРС, 1998, с. 299]: «речка, протекающая рядом с хвойным лесом»; ср. прибалт.-финск. апеллятивы (карел.) kuuši, kuuži, (люд.) kūž(i), kūź(i), (вепс.) kuź «ель» [Муллонен, 2008, с. 56].	
Лашм-	(гидроним) Лашма		морд.: мокш. *лашма* «лощина, низина; заливное место» [МокшРС, 1998, с. 330], эрз. *лашмо* «низина, болотистая низменность», «долина» [ЭРС, 1993, с. 333; Смолицкая, 2002, с. 183; ТСРО, с. 137]	балт. *lašmuõ* «место на озере, откуда вытекает речка» [Откупщиков, 2004, с. 86]9-
Лип-	(гидронимы) *Липлей (совр. ф. Липейка) (2), *Липляй (совр. ф. Липляйка).		морд. (мокш., эрз.) *лепе* «ольха» [МокшРС, 1998, с. 333; ЭРС, 1993, с. 338], Липлей (Липляй) «ольховая речка»	балт.: лит. *Líepa* «липа», лит. гидроним *Liep-upė* [Откупщиков, 2004, с. 104, 105].
Мок- / Мокш-	(гидроним) Мокша	(влад.) Мокша, окск. Мокша (оз.).	ф.-у.: *мокс* (*мокш*) «исток», «поток, текущая вода», «приток» [Смолицкая, 2002, с. 208-209; ТСРО, 2004, с. 156-157]; этноним *мокша* (мокш. *мокша*, эрз. *мокшо*)	балт. **mak-* / **mok*: лит. *maknùs* «топкий, жидкий», *makõnė* = *makõšė* «грязь», *mõkšė* «болото» [Откупщиков, 2004, с. 95]
Ош-	(гидроним) Ошляй		морд. (мокш., эрз.) *ош* «город» [МокшРС, 1998, с. 452; ЭРС, 1993, с. 449]: Ошляй «городская речка»	балт.: лит. *õšti* «шуметь», лит. гидроним *Oš-upis* [Откупщиков, 2004, с. 104, 105]
Печк-	(гидроним) Пичкиряс	(морд) Пичкиряево	мокш. *печкома* «брод»,	

			«мост» [МокшРС, 1998, с. 481]	
Пяше-	(гидроним) Пяша (оз.).	(окск.) Пекша	мокш. *пяше* «липа» [МокшРС, 1998, с. 559], эрз. *пекше* «липа» [ЭРС, 1993, с. 467]	
Тумо-	(гидроним) Тумлей, (ойконимы) Тумалей, Тумлейка.		эрз. *тумо* «дуб» [ЭРС, 1993, с. 682], «река, протекающая по дубовому лесу»	
Чувар-	(ойконимы) Чуварлей, Шевырляй, Шуварляй.		эрз. *човар* «песок» [ЭРС, 1993, с. 752]: Чуварлей «река с песчаными дном и берегами»	
Шамо-	(гидроним) Шаморга (оз.), (ойконим) Шаморга.		мокш., эрз. *шамомс* «пустеть», «мелеть» («опустевшее место», «обмелевший водоем») [МокшРС, 1998, с. 852]	
Шок-/ Шокш-	(гидронимы) Шокша (2: р., оз.).		ф.-у.: мар. *шокш* «рукав» [Поспелов, 1970, с. 99]	балт.: лит. *šakùs* = *šokùs* «быстрый, прыткий», ср. *šókti* «прыгать» [Откупщиков, 2004, с. 94]
Яв-	(гидроним) Явас, (ойконимы) Явас (2)		древний ф.-у. корень со значением «вода, река» [Цыганкин, 2005, с. 418]. Мокш., эрз. *явомс* «разделить» [МокшРС, 1998, с. 798; ЭРС, 1993, с. 914]	

Таблица 2. Структурные элементы балтийской топонимической системы Среднего (рязанского) Поочья

Топонимы и топоосновы

Топоним / топооснова	Топонимы рязанского Поочья	Топонимы других регионов	Предполагаемый источник, семантика	Ссылки	Другие версии происхождения
Вад-	(гидроним) Вад	(лит.) Vãdas, Vadà	«луговой ручей», «болото».	Откупщиков, 2004, с. 101.	
Вач-	(гидронимы) Вачкас, Вача / Вячка	(лит.) Vẽč-upis	лит. *vẽčas* «старый», лтш. *vęcs* «старый».	Откупщиков, 2004, с. 87.	
Вяж-	(гидроним) Вяжга	(лит.) Vẽžius, (окск.) Вяж	лит. *vėžỹs* «рак».	Откупщиков, 2004, с. 86.	
Деркус	(гидроним) Деркус		предп. «протока, пролив».		
Кевля	(гидроним) Кевля	(ильм.) Цевля, Цевло (оз.); (лит.) Kiaũležeris (оз.)	лит. *kiaũle* «свинья».	Откупщиков, 2004, с. 86, 102. Агеева, 2012, с. 161.	морд. (мокш., эрз.) *кев* камень [МокшРС, 1998, с. 241; ЭРС, 1993, с. 244]
Кермис	*Кермис (совр. Кермись)		лит. диал. *kirmis* «змея, уж».	Откупщиков, 2004, с. 102.	
Кистр-	(ойконим) Киструс		лит. *kaistrùs* «горячий».	Откупщиков, 2004, с. 100.	ф.-у. (? мещера): *ки* «камень» + *ус* «вода, река» (каменная река) [Смолицкая, 2002, с. 152].

Лак- / Лакш-	(гидроним) Лакша	(окск.) Лакша	лит. *laikše* «большое болото, поросшее кустарником или камышом»; лит. *lakùs* «быстрый».	ТСРО, 2004, с. 135. Откупщиков, 2004, с. 94.	
Лашма	Лашма	(лит.) Lašmuõ	лит. *lašmuõ* «место на озере, откуда вытекает речка».	Откупщиков, 2004, с. 86.	морд. (эрз.) *лашмо* «низина, болотистая низменность», «долина» [Смолицкая, 2002, с. 183; ТСРО, с. 137].
Лоша	(гидронимы) Лоша, Лаше	(моск.) Лоша, Лашинска; (припят.) Лоша; (лит.) Lãš-upis	лит. *lašis* «лосось». лит. *lãšas* «капля», *lašėti* «капать, струиться».	Топоров, Трубачев, 1962, с. 5. Откупщиков, 2004, с. 88.	
Лук-	(гидронимы) Луктос, Лукмос (Лукос); (ойконимы) Луктос, Лукмос	(окск.) Лукосна; лтш. Laukesa, Laukese, Lauces-upe, лит. Laukesà, Laukẽsas	балт. **Lauk-as, laucks* «поле».	Топоров, 1989, с. 51.	
Миль-	Мильчус	(лит.) Milãšius, Mylẽ, Milys, Miliuša	антропонимы с *Mil-, Miel-*.	Топоров, 1988, с. 165-166; 1989, с. 59.	
Пет-	(гидронимы) Пет (Пёт), Петас		лит. *pietus* «южный».	Откупщиков, 2004, с. 101.	
Пил-	Пилис, Пилисма		лит. *pỹlė* «утка».	Откупщиков, 2004, с. 97.	
Пурля	(гидроним) Пурля	(лит.) Purlė	лит. *purlė* «калужница».	Откупщиков, 2004, с. 86, 102.	
Свин-	(гидронимы) Свина, Свинчус	(польск.) Swina	**Swin-*		
Тол-	(гидроним) Толас (оз.)		лит. *tólus, toli* «далёкий», лтш. *tāls* «длинный, далёкий».	Хрусталёв, 2009, с. 100.	
Тынус	Тынус		лит. *tūnùs* «медлительный, вялый».	Откупщиков, 2004, с. 101.	
Ул-	(гидроним) Улас		лит. *uolà* «скала», «каменистая земля».	Откупщиков, 2004, с. 86.	
Ворша	(гидроним) Ворша	(влад.) Ворша	лит. *virti* «кипеть».	Откупщиков, 2004, с. 93.	
Ламша	(гидроним) Ламша		лит. *lomùs* «низкий».	Откупщиков, 2004, с. 94.	
Перша	(гидроним) Перша		лит. *perša* «полынья», «место с многочисленными выходами родников».	Откупщиков, 2004, с. 101.	морд. *пере* «огород», *переф* «преграда» [Хрусталёв, 2009, с. 95].
Шомша	(гидроним) Шомша		лит. *šãmas* «сом».	Откупщиков, 2004, с. 94.	мокш. *шушма* «бугор» [Хрусталёв, 2009, с. 94].
Вобша	(гидроним) Вобша (Вобща)		лит. *vapùs* «говорливый».	Откупщиков, 2004, с. 93.	
Лак- (Лакаш)	(гидроним) Лакаш (оз.)	(блр.) Luchesa, (лит.) Laukesa, Lókauša, (лтш.) Laucesa; (окск.) Лакша	лит. *laũkas* «поле»; лит. *lóke* «медведица»(+*-auš-*) лит. *laikše* «большое болото, поросшее кустарником или камышом», *lukštas* «камыш».	Gimbutas, 1963, с. 29. Откупщиков, 2004, с. 94. Хрусталёв, 2009, с. 106.	

Ур- (Ураж)	(гидроним) Ураж	(лит.) Ùr-upis	лит. **uras* «старый» (*ùrupė* «старица»).	Откупщиков, 2004, с. 105.	
Ков-	(гидроним) *Ковяж (совр. ф. Ковяжное); (ойконим) Ково; (микротопоним) *Ковяж (совр. ф. Ковяжи)		предп. «болото»		
Уд-	(гидроним и ойконим) Уда	(моск.) Уда; (днепр.) Уда / Удай	лтш. *ūdeņi* «вода», *ūdens* «водный».	Топоров, 2006, с. 34.	тюркск. элемент [Никонов, 1966, с. 433].
Мол-	(гидронимы) Молва, Молвенка		лит. *mólis* «глина»; латг. *mola* «край», «сторона».	Откупщиков, 2004, с. 91. БЯ, 2006, с. 208.	слав. **molъ / *mola*: слвц. *mol* (*mel*) «речной песок», русск. диал. *мол, вымол* «рытвина, водомоина, промоина, овражек», чеш. диал. *moua* «водомоина, вымоина в потоке, ручье», слвц. диал. *mola* «рачья нора», *podmol, podmola* «вымоина, водомоина» [ЭССЯ, 19, с. 203].
Парца	(гидроним) Парца		лтш. *parc-* (*pārceĺt* «переправляться через реку»).	Откупщиков, 2004, с. 110.	
Вель-	(гидронимы) Велья (Велемья); (ойконимы) Велемья, Велье[-Родионовка]	(окск.) Велья; (лит.) Vėlỹs, Vėlių upẽlis, Velupỹs; названия с *Vel-* известны в басс. Немана, в Верхнем Поднепровье, на Среднем Днепре и Правобережье Припяти	**Vel-ija*; антропонимы **Velēja, *Vilēja*; лит. *vẽlės, vẽlės.*	Топоров, Трубачев, 1962, с. 179. Топоров, 1988, с. 173.	праслав. **vъl / *vel* «мокрый» [Чумакова, 1992, с. 71-72].
					антроп.: (чеш.) *Vela*, (слав.) *Велемиръ* [Чумакова, 1992, с. 123-124].
					русск. *велий* «большой, обширный», «лучший».
Мост-	(гидроним) Мостья		балт. *Mast-* «нечто мокрое, топкое, слякотное, вязское».		слав. топооснова *Мост- / Мощ-*.
Верда	(гидронимы) Верда, Вёрда, Вердица, Верделейка; (ойконимы) Вердерев (совр. Вердерево), Вёрда		апеллятив от балт. «кипеть» (лтш. *vārīt*, лит. *virti* «кипеть»: *verda* «кипит», *verdantis* «кипящая»).		
Вярсма	(гидроним) Вярсма	(лит.) *Versmẽ*	лит. *versmẽ* «источник»	Откупщиков, 2004, с. 86.	
Локня	(гидроним и ойконим) Локня	(окск.) Локна, М. Локна, Локнова, Локатец, Локнава (более 10); много	лит. *lùknas, luknių̀oti* и т.д. с семемой «изгиб, искривление», лит. *alkū̃nė*	Топоров, 1988, с. 170; 1997, с. 279.	

		названий в Поднепровье; (лит.) Lukná, Lùknės, Lùknė; (лтш.) Luknis, Lukni	«локоть», метафорически в топонимии: «поворот реки», «изгиб».		
Полоть-	(гидронимы) Полотебна (Полатебня, Полотебня), Полотебна Сухая и Мокрая	(окск.) Полодь; Полота (→ г. Полоцк); (лит.) Páltis и под.; (лтш.) Palte; (прус.) Palten	балт. **pal-*, **palt-*: ст.-лтш. *paltis* «дождевой ручей», лтш. *palts, palte* «лужа», лит. *palà* «болото», *pãlios* «заболачивающееся озеро».	Топоров, 1988, с. 167. Поспелов, 2002, с. 335. Агеева, 1985, с. 97-98.	
Ушна	(гидроним) Ушна; (ойконим) Юшта	(лит.) Ušnà	«прохладная, холодная»: лит. *aušti* «становиться прохладным».	Откупщиков, 2004, с. 87.	
Абл-, Обл-, Обал, Обол-	(гидронимы) Обалы, Оболонское (оз.); (ойконимы) Аблово, Оболенки	(окск.) Обля, Обельна, Абельна, Обельня и др.	**Abol-*, **Abol-in* «яблоневая».	Топоров, 1989, с. 62.	
Акс-	(гидроним и ойконим) Аксень		лтш. *akas* «заводь», лит. *akis* «незамерзающее место».	ТСРО, с. 12.	мокш. *акша* («белый»), *акшу* («ветла»).
Ален-	(гидроним и ойконим) Аленка	(лит.) Аланга, Аланта, Алюнта, Альме, Альмоне, Альменас; (норв.) Ala; (нем.) Aller; (итал.) Almo	лтш.: *aluots* «источник», *ōla* «галька», из и.-е. **al(a)*, обозначение водного объекта.	Агеева, 1985, с. 90. Топоров, Трубачев, 1962.	
Аза	(гидроним) Аза	(лтш.) Aûzes, Aûzas, Auzene и др.; (моск.) Яуза (Ауза, Аузя)	балт. *àuzãjs, auzaine* «стебель овса, соломы».	Топоров, 1982, с. 36.	
Вожа	(гидронимы) Вожа (2)	(лит.) Važ-upỹs, Vóž-upis	апеллятив от *vèžti* «везти».	Откупщиков, 2004, с. 87.	
Гал-	(гидроним) Галина (Галина Мокрая)	(лит.) Galinė	лит. *gãlas* «конец», *galinis* «задняя».	Откупщиков, 2004, с. 97.	др.-р. *Голынь, от *галина* «голое место», *голынь* «выжженное пожаром место» [Чумакова, 1992, с. 77].
*Гус- (*Гуз-)*	(гидроним) Гусь	(лтш.) Guza, Guzas	**guž-/ *guz-*: лит. *gùžas* «аист»; «гусь» – русская калька.	Топоров, 1997, с. 305-306. Поспелов, 2002, с. 128-129, 209.	Название входит в предп. муром. ареал типа на -ус [Смолицкая, 2002, с. 80].
			др.-прус. *gûzis* «кал».	Прусский словарь, с. 82.	
Дрис-	(гидроним) Бриска (проток)	(окск.) Дрисенка, Дрисела; (донск.) Дриска (2); (зап.-двин.) Дрисса	производные от *drav-*, *dru-*, *druv-* «крепкий, сильный, быстрый», «дерево»	Топоров, Трубачев, 1962, с. 156; Топоров, 1989, с. 51; 1997 (2), с. 317.	
Казин-	(гидронимы) Казинка (2); (ойконим) Казинка; (микротопоним) Казино	(лтш.) Kazene, Kazęni, Kazine	из **Kaz-in-*	Топоров, с. 1988, с. 164.	
Картын	(гидронимы) Картын, Картынка, Карталейка, Картляй		топонимия галиндов	Топоров, 2006, с. 22-23.	

Клет-, Клетин-	(ойконимы) Клетки, Клетино	(окск.) Клетенка, Клетна; (днепр.) Клетка; (лтш.) Klētenes-upe, Klehting, Klētnieki и др.	из **Klēt-en-*	Топоров, 1988, с. 171.	
Купр-	(ойконим) Куприно	(лит.) Kuprėlė, Kùprė, Kùprupis; (лтш.) Kupris, Kupri, Kuprene; (окск.) Купренка	лит. *kuprà* «горб», «подъем», лтш. *kuprs*.	Топоров, 1989, с. 67.	
Меча	(гидронимы) Меча (2)	(донск.) Ситова Меча	из **Met-ja*: лит. *mèsti* «метать», «бросать»; в топонимии «река с быстрым, стремительным течением».	Топоров, 1997 (2), с. 318.	
Мок- / Мокш-	(гидроним) Мокша	(влад.) Мокша, окск. Мокша (оз.)	балт. **mak-* / **mok*: лит. *maknùs* «топкий, жидкий», *makõnė* = *makõšė* «грязь», *mõkšė* «болото».	Откупщиков, 2004, с. 95.	ф.-у.: *мокс* (*мокш*) «исток», «поток, текущая вода», «приток» [Смолицкая, 2002, с. 208-209; ТСРО, 2004, с. 156-157].
Лап-, Лапот-	(гидроним) Лапоток	(лит.) Lapojà, Lapas-ęzęrs, Lapu-pļava, Lapas-ęzęrs	лит. *lãpė* «лиса», *lãpas* «лист».	Топоров, 1997 (2), с. 321. Откупщиков, 2004, с. 96	
Пальн-	(гидроним) Пальная	(окск.) Паленка, Пална, Пальна, Пальница; (донск.) Пальна; (днепр.) Паленка, Пальня, Польня, Пальна и др.; (лит.) Palà, Palónis; (лтш.) Pala, Palejas и др.	лит. *palnė* «болото».	Топоров, 1988, с. 172.	
Ран-	(гидроним) Ранова	(чешск.) Ранова Долина; (возм.) (европ.) *Рейн* (*Rhenus*)	балт. «рука»: лит. *rankų*, прусс. *rānkā*. и.-е. **renos* «река, поток» (? заимств. из кельтск.: *renos, rhenus* «текущая вода, река»); лит. антропонимы *Renỹs, Rãnusas.*	Поспелов, 2002, с. 351. LPŽ II, 1989, с. 597, 573.	от славянского антропонима *Ран / Рано* [Чумакова, 1991].
Рев-	(гидронимы) Рев, Рева, Ревяка		лит. *rẽvas, rėvà* «речной порог, стремнина».	Откупщиков, 2004, с. 101.	
Сел-, Селен-	(гидроним) Селенское (оз.)	(окск.) Селенка, Селин, Селинка, Сельня и др.; (лтш.) Sēllīte, Sēlīte	и.-е. **sel-* «скакать, прыгать».	Топоров, 1989, с. 48; 1997, с. 290.	
			этноним *селы.*		
Солот-	(гидроним и ойконим) Солотча (Солотша)	(окск.) Слатовенка, Слатовищи, Солотина, Слачин и др. (лит.) Salótis, Salótė, Salõčius (к знач. 1); Šaltìnis, Šaltìnė, Šaltìnáitis (к знач. 2)	*salà* «остров» (?).	Топоров, 1989, с. 68.	слав. *солоть, солотина* «вязкое болото» [Смолицкая, 2002, с. 320].
			лит. *šaltìnis* «ключ, источник», лит. *šáltas* «холодный».		
			лит. *saldùs* «сладкий».	Откупщиков, 2004, с. 94.	
Стабен-	(гидроним) Стабенка	(лит.) Štabinas, др.-пр. Stabingen, Stabinotilte, (в-днепр.) Стабница, Стабна	др.-пр. *stabis* «камень».	Никольский и др., 2009, с. 47.	

Табола		(донск.) Табола Сухая и Мокрая; (пск.) Таболенец (оз.); (лит.) Tabãlis, Tabalẽlis, Tabãlė и др.	лит. *tàbaloti, tabalúoti* «метаться в сторону», «колыхаться».	Топоров, 1997 (2), с. 317. Поспелов, 2002, с. 345.	
Уп-	(гидроним) Упта (Хупта)	(окск.) Упа	балт. **up-* «река»: прус. *ape*, лит. *ùpė*, лтш. *upe*.	Топоров, 2006, с. 22.	
Цна	(гидронимы) Цна (2)	(окск.) Цон; (днепр.) Цна (3); (прусск.) Tuseine	**Цъна, *Цънъ* ← балт. **Tъsna;* прусск. *tusnan* «тихий».	Топоров, 1988, с. 163; 1997 (2), с. 312. Смолицкая, 2002, с. 377.	
Чечер-	(гидроимы) Чечера, Чичерлейка	(моск.) Чечера, Чечора (2); (десн.) Чечера; (лит.) Čičirė; (лтш.) Ciẽcere	и.-е. **k'iker-* «горох».	Топоров, 1982, с. 41. ТСРО, с. 276.	
Шат-	Шатор	(окск.) Шат, Шатец, Шатура, (моск.) Шатура, (лит.) Sata, Sãtupis		Топоров, 1972 (2). Смолицкая, 2002, с. 387-388.	*шат* «устье реки», «холм, пригорок» [Мурзаев, 1984].
Шил-	(ойконим) Шилово	(окск.) Шилинка; (лит.) Šilinė	лит. *šilas* «сосновый бор».	Откупщиков, 2004, с. 97.	
Шиндра	(гидроним) Шиндра / Шундра		лит. *šindra,* название болотного растения.	Откупщиков, 2004, с. 102.	

Балтийские форманты

Топоформант	Топонимы Среднего Поочья	Топонимы других регионов	Возможная семантика, ссылки на исследования
-ус	(гидронимы) Деркус (2), Ерус, Истус, Киструс (Кистрос), Пиндрус, Тынус (оз.), Улус (Улос, Улас), Урсус, Чармус; (ойконимы) Ибердус, Кидус[ово], Киструс, Пьянгус, Чарус. *-чус*: Мильчус, Свинчус	(лит.) Milãšius	Показатель адъектива муж. р., множественности или места [Никонов, 1960, с. 89; Смолицкая, 1974, с. 66, 68; 1981 (2), с. 6].
-ос	(гидронимы) Луктос, Лукмос (Лукос); (ойконимы) Луктос, Лукмос, Пузос		
-ас (-яс)	Вачкас, Петас, Толас (оз.), Улас	(лит.) Alkýnas, Vãdas	оформляет названия, отражающие природные особенности называемого объекта, флору или фауну [Откупщиков, 2004, с. 101].
-аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа)	-аш, -аж (-ажа), -яж (-яжа): (гидронимы) Ведяжа, Инкаш, *Ковяж (совр. ф. Ковяжи) (бол.), *Ковяж (совр. ф. Ковяжное) (оз.), Лакаш (оз.), Ураж; (ойконимы) Лакаш, *Лупяж (совр. Новые Лупяжи), Шумашь, Шурмашь; (микротопонимы) *Ватаж (совр. Ватажка), Ковяжи	(белор.) Усяж, Бусяж, (арханг.) г. Коряж[ма]	
-ушь	(гидронимы) *Громушь (совр. Громушка), Мердушь, *Реушь (совр. Реушка); (ойконимы) Мердушь, *Чарушь (совр. Чаруши)		
-ишь	(гидроним и ойконим) Ермишь		
-еж (-ежа)	(гидронимы) Ичежа, ? Трубеж; (ойконим) *Сумеж (совр. Сумежка)	(белор.) Тонеж, (смол.) Велиж	
-ыш	(гидроним) Улыбыш; (ойконимы) Курмыш, *Самыш (совр. Самышка)		
-ош	(гидроним) Нетрош		
-ва	(гидронимы) Кисьва, Колузва, Молва, Пожва, Ранова, Узрева, Нузрева, Мисерва; (ойконим) Кисьва	(моск.) Горедва, Протва, Смедва, Москва, Протва, Смедва, Водва, Надва, Дедва, Болва,	

		Титва, Дрезва	
-ье, -ья (-je, -ja)	(гидронимы) Велья (Велемья), Истья, Исья, Итья, Мелисья, Мостья, Тысья; (ойконимы) Велемья, Велье[-Родионовка], Истье, Истье (совр. Малое Истье), Тысья, Шостье		суффикс сущ. *-ijà*, с собирательным значением
-на, -ня	(гидронимы) Вижна, Кишня, Локня, Проня, Полотебня, Полотебна Сухая, Мокрая, Ушна; (ойконим) Локня		
-та	(гидронимы) Хупта, Юшта	(влад.) Нерехта, Санахта	балтийский суффикс (отглагольных) прилагательных

Таблица 3[44]. Структурные элементы древнерусской топонимии Рязанской земли

Топоосновы

Топооснова	Наиболее общее значение	Древнерусские топонимы региона
Алех- (Олех-*),* *Алёх-**	«ольховый лес» «место под ольховым лесом»	Алешня Алёшня (гидр.)
Бел-	«белый»	Белгород
*Берез-**	«берёза»	Березынь
*Берест-**	«береста»	Берестяна
Бобр-	«бобр»	Бобруеск
*Болонь-**	«низменное поречье»	Болонь Болонье
*Брус-**	«камень»	Брусна Брусена Брусенка (гидр.)
*Брынь-**	«грязь, глина»	Брынец Брынница (гидр.)
Бучал-, Бучил-**	«пучина, водоворот» «омут»	Бучалы (гидр.)
*Висл-**	«разлив, сырость, переувлажненное место»	Подвислое Подвислые Вислый лес
*Вол-** (из **vol- / vel*)	«влага, сырость»	Волынь
*Выкоп-**	«яма, углубление»	Выкопань
Высь-	«высокое место»	Вышгород
Гвоздь-	«хвойный лес» (метафора)	Гвоздна
Город-	«укрепленное поселение; крепость»	Белгород Городок Городец Городище
*Дерб-**	«место, расчищенное от кустарника» «некогда паханая земля, заросшая кустарником» (от *дербить* «скрести, драть»)	Дербень
Дерев-*	*дерева* «леса»	Деревск
Добр-	*добрый* «славный, хороший»	Добрый Сот
Дуб-	«дуб»	Дубок Дубян[ка]
*Жар-**	«выжженное место»	Жары Жаровна
Жернов-	«мельничный круг для перетирания зерен»	Жерновища
Исад-	«место у реки, где высаживаются на берег; пристань»	Исады

[44] В таблице сведены результаты исследований разных авторов, занимавшихся поиском древнерусских элементов в топонимии Рязанской области (Г.П. Смолицкая, Ю.П. Чумакова, А.А. Никольский, И.Н. Хрусталев, Ю.Ю. Гордова). Топоосновы под знаком * – реконструированные: их принадлежность раннему пласту установлена в ходе лингвистического анализа, без знака * – засвидетельствованные древнерусскими памятниками письменности.

*Кал-**	«грязь, тина, слякоть»	Кальная
*Колодезь-**	«источник, родник»	Кородезь
*Корь-**	«высокий кустарник»	Круглый Корь
*Кость-**	*костена* «изобилующая находками древних костей»	Костенка Костеничи Костичи
*Кудес-**	«чудеса»	Кудесна
Луб-	«липовая кора»	Лубен Лубянь
*Люб-**	«любимый, приятный, хороший»	Любешка, Любавка
*Лют-**	«лютая»	Лютая (гидр.)
Мар-, Мариц-**	«влага, сырость»	Марицань (гидр.)
Музг-, Мызг-**	«вязкая жидкость»	Вяленая Музга (гидр., микротоп.)
*Нахаб-**	---	Нахабна (гидр.)
*Паль-**	«выжженное место»	Пальное
Перевит-	«перевитый», «извилистый»	Перевитеск (гидр.)
Перекал-,* *Перекаль-**	«участок между двумя водоемами»	Перекаль
Перекоп-,* *Перекопь-**	«участок с «изрезанным» рельефом»	Перекопь Перекопна Перекопань
*Песок-**	«песок»	Песочня
*Плетён-**	«плетёная, извилистая»	Плетёна (гидр.)
*Поник-**	*поникать* «исчезать, уходить под землю»	Пониква (гидр.)
*Прость-**	«прямой водный путь», «проток»	Прость (гидр.)
*Рак-**	«яма, впадина»	Рака (гидр.)
Ров-	«длинное углубление в земле»	Ровец
*Ряс-**	«топкое, вязкое место»	Ряса (гидр.)
*Серебр-**	«серебряный, цвета серебра»	Серебрянь (гидр.)
Сот-	«ячейка с мёдом»	Добрый Сот
*Струм-**	«ручей, поток»	Струмна (гидр.)
*Студен-**	«родник», «ручей, река с холодными родниковыми водами»	Студенец (гидр.)
*Стуж-**	«сильный холод»	Стужня
*Тереб-**	*теребить* «выкорчевывать»	Теребня Теребуж Теребонский лес Теребуны
*Усторонь-**	«место, удаленное от города, большой дороги»	Усторонь
*Черемух-**	«черемуха»	Черемошня
*Шатёр-**	«большая палатка, крытая тканью, коврами»	Шатрище
Яр-	«овраг, обрыв»	Червленый Яр

Топонимические суффиксы и форманты

Топонимический суффикс, формант	Модель с данным суффиксом, формантом
-jь, -je, -ja: *-гощь, -гоща, -славль, -мерь* и др.; *-ань, -янь, -ень*	1. Модель ойконимов типа Ростиславль (№ 1А) 2. Модель топонимов типа Перекопь (№ 5Б) 3. Модель гидронимов типа Листань (№ 1)
-ов, -ово, -ова, -ев, -ево, -ева, -ёв, -ёво, -ёва, -ин, -ино, -ина	1. Модель ойконимов типа Микитин (№ 1Б) 2. Модель ойконимов типа Борисов Глебов (№ 8)
-ьск (-еск)	1. Модель ойконимов типа Пронеск (№ 2) 2. Модель ойконимов типа Половеск (№ 9А)
-ец, -иц, -еца, -ица	1. Модель ойконимов типа Ижеславец (№ 4Б) 2. Модель гидронимов типа Брынец, Брынница (№ 2А, Б)
-ский, -ская, -ское	1. Модель ойконимов типа Мерьское (№ 9Б) 2. Модель микротопонимов типа Шишевский (№ 1)
-овское, -евское, -инское	Модель ойконимов типа Остромеринское (№ 1В)
-ичи, -овичи	Модель ойконимов типа Дубровичи (№ 12)
-ище, -ища	Модель топонимов типа Жерновища (№ 4)
-ынь	Модель топонимов типа Волынь (№ 2)
-на, -ня	1. Модель гидронимов типа Брусна (№ 3) 2. Модель микротопонима типа Гневна (№ 2)
-ля	Модель гидронимов типа Сыромля (№ 4)
-ен (-ьнъ)	Модель ойконимов типа Дубечен (№ 11)